ГРАНИ ЯЗЫКА:
КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ВИТЕБСК
2020

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ГРАНИ ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сборник научных статей

Под общей редакцией И.П. Зайцевой

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2020

УДК 81:008:316.77:130.2(062)
ББК 81.2я43+81.006я43+88.85я43
Г77

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 30.12.2019.

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор **И.П. Зайцева** (отв. ред.) (Витебск, Республика Беларусь); доктор филологических наук, профессор **Е.М. Маркова** (Москва, Российская Федерация); кандидат педагогических наук, доцент **Л.И. Бобылева** (Витебск, Республика Беларусь); кандидат филологических наук, доцент **О.И. Воробьёва** (Витебск, Республика Беларусь); кандидат филологических наук, доцент **М.Л. Дорофеенко** (Витебск, Республика Беларусь); кандидат педагогических наук, доцент **Е.В. Турковская** (Витебск, Республика Беларусь); старший преподаватель **Ю.В. Дулова** (Витебск, Республика Беларусь)

Под общей редакцией *И.П. Зайцевой*

Р е ц е н з е н т ы :
доктор филологических наук, профессор *И.В. Бугаёва*
(Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация);
доктор филологических наук, профессор *В.М. Брицын*
(Институт языкознания имени А.А. Потебни НАН Украины)

Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. И.П. Зайцевой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 321 с.

ISBN 978-985-517-737-2.

Предлагаемый читательскому вниманию сборник «Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» включает научные статьи широкого тематического спектра, посвящённые разноаспектному осмыслению феномена языка в современной социокультурной ситуации, конкретные проявления которого чрезвычайно разнообразны.

Сборник адресуется широкой аудитории: учёным, вузовским преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам, учителям общеобразовательных учреждений. А также всем интересующимся проблемами рассмотрения ЯЗЫКА во всём многообразии возможных аспектов его изучения.

УДК 81:008:316.77:130.2(062)
ББК 81.2я43+81.006я43+88.85я43

ISBN 978-985-517-737-2

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие …… 6

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Азевич И. П. Особенности освещения в областных СМК выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва …… 8
Алексеевич Е. В. Особенности репрезентации гендерных стереотипов в русскоязычном объявлении о знакомстве ……. 13
Бабаева Л. К истории двуязычной лексикографии в Азербайджане …….. 17
Darafeyenka M. L. Les langues régionales et l'odonymie : cas du provençal ……... 21
Береснева А. Н. Эмотивность как компонент воздействующей функции на материале англоязычных современных заголовков (возможности композиционно-синтаксического уровня) ……. 25
Булыня А. С. Проблемы достижения адекватности перевода на русский язык французской юридической терминологии в сфере медиации …… 30
Воробьёва О. И. Формирование лингвистических компетенций студентов языковых специальностей посредством наружной рекламы ……... 34
Гуль М. У. Роля роднай мовы пры фарміраванні беларускай тэрміналогіі …… 39
Гусейнова Р. Н. Роль эндоэтнонима и национального языка в самоопределении малых этносов ……... 44
Дзюбко Г. Ю. Концепты славянского мира в путевых письмах И. И. Срезневского ……... 48
Дружина Н. Л. Семантическое поле: теоретические концепции и методологические подходы …… 53
Дубровина С. Н. Muttersprache im Fremdsprachenunterricht ……. 57
Зейналова Л. Х. гызы. Лингвокультурологическое значение пословиц и поговорок в русском языке ……. 61
Ковалёва А. В. Фиксация номинации «восхищение» в некоторых толковых словарях (сопоставительный аспект) …….. 66
Королёва И. А. Межкультурная коммуникация и ее стратегическая роль в смоленско-белорусском приграничье …….. 71
Красовская Н. А. Русскоязычное сетевое общение: региональные черты, смыслы, особенности употребления языковых единиц …… 74
Лысенко К. М. Топонимия Смоленско-Витебского приграничья (Лиозненский район) ……. 79
Мамедов Н. Ш. оглу. К проблеме соотношения предложения и текста …… 82
Маршэўская В. В. Фразеолага-сінтаксічны спосаб утварэння дзеяслоўных фразеалагізмаў …….. 87
Никитенко Т. В. Некоторые аспекты функционирования англоязычных терминов, соответствующих русскому «родной язык» …….. 91
Печенькова А. А. Семантические особенности наименований заведений общественного питания и доставки питания с пищевой лексикой в основе ……. 96

Солодовникова Т. В., Остапчук Р. Г. Структурно-семантические особенности дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы в Республике Беларусь …… 101
Титаренко Е. Я. О влиянии родного языка и региона проживания на содержание образов языкового сознания индивидуума (по материалам ассоциативного эксперимента в Республике Крым) …… 104

ОСМЫСЛЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алхасов Я. К. оглу. К вопросу о содержании обучения русскому языку как иностранному …….. 111
Балло Ю. А. Особенности профессиональной языковой подготовки магистрантов неязыковых специальностей (на примере английского языка) ……. 115
Бобылева Л. И. Проблемы формирования социолингвистической компетенции в контексте интерферирующего влияния родного языка …… 120
Васильева К. А. Особенности понимания текста в процессе иноязычного чтения .. 125
Грушова Л. Д. Трудности в обучении чтению иноязычных профессионально-ориентированных текстов студентов неязыковых специальностей …… 129
Имамгулиева Г. Ф. гызы. Использование некоторых форм активного обучения на уроках иностранного языка …… 133
Kazhekina L. V. The importance of the fifth skill for the acquisition of a foreign language …….. 138
Климкович О. А., Кураш И. Я., Яковлев С. М. Диалог на занятиях по русскому языку как иностранному ……. 141
Королькова А. В. Афористика как лингвистический материал при изучении русского языка как иностранного …… 147
Osipova O. P., Osipov A. V. Teaching English Grammar: Effective Ways and Approaches …… 153
Синкевич Т. И., Маркевич Т. А. Тематические группы иноязычной лексики в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и романе «Дым» И. С. Тургенева ……. 156
Смирнова В. Н. Опора на родной язык при работе с видеоматериалами на занятиях по второму иностранному языку (продолжающий этап обучения) …… 163
Степаненко С. М. Принципы обучения заимствованной лексике на занятиях по немецкому языку ……. 167
Степанова Н. С., Громенко М. В. Роль пословиц в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных студентов (на материале паремий, репрезентирующих концепт «труд / работа») …….. 172
Филипович Е. Л., Шакурова А. М. Преподавание иностранных языков в современной образовательной среде британского и белорусского университетов на примере Даремского университета (Великобритания) и Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Беларусь): сравнительно-сопоставительный анализ …… 177
Шкатуло Н. М. Перевод научных текстов в процессе иноязычной подготовки студентов неязыковых специальностей ……. 182
Шульгина Н. П., Рудая К. А. Опора на родной язык при изучении русского языка как иностранного …….. 188

Яковлева-Юрчак Е. Н. Учёт особенностей темперамента студентов в процессе преподавания иностранного языка ……. 192
Черныш Е. А. Изоморфизм в русском и английском языках как одна из основ обучения бесперевodному чтению ……. 197

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ АКТУАЛИЗАЦИИ СВОЙСТВ РОДНОГО ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бароўка В. Ю. Мастацкае асэнсаванне мовы ў паэзіі Рыгора Барадуліна ……. 202
Бут-Гусаім С. Ф. Антрапанімікон рамана Вольгі Іпатавай “Альгердава дзіда” ... 206
Вардомацкий Л. М. Народные названия растений Беларуси в записях Э. Ожешко .. 211
Гилевская А. Ю. Родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной ……. 215
Глазман Л. Я. Выкарыстанне народнай мовы як мастацкі прыём у беларускай літаратуры XIX стагоддзя …… 218
Дзядова А. С. “Беларускае слова ад спеву, бо спявае ў ім даўніна”: лінгвакраіназнаўчы змест лексічнай адзінкі *талака* …… 224
Дудка А. В. Пейзаж как средство психологической характеристики персонажа в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» …… 228
Дулаў А. М., Дулава Ю. У. Люксонімы ў аповесці Уладзіміра Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха” …… 231
Ильин С. А. «Бесстрашная грусть»: А. В. Амфитеатров о А. П. Чехове …… 237
Котомцев Д. О. Литература модернизма: истоки и развитие …….. 242
Малышева К. И. Специфика проявления интертекстуальности в романе Э. Елинек «Пианистка» …….. 248
Молодцов А. Б. Юрий Живаго – трагический герой или жертва трагедии? …….. 253
Муратова Е. Ю. Окказиональная поэтическая лексика как реализация ретроспективных и перспективных потенций языка …… 258
Нестерук В. В. О некоторых особенностях языка современной русской прозы .. 261
Овчинников Ф. В. Народная философия жизни и политическая борьба в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» …… 266
Петрачкова И. М. Информативность прецедентных имён собственных в пьесах Людмилы Николаевны Разумовской …….. 272
Писарук Г. В., Кушникова Ю. А. Анализ роли вариативных знаков препинания в тексте И. Ильина «Подарок» …… 277
Поправко Е. А. Роль собственных имён в создании фантастического мира в романе Нила Геймана «Никогде» …… 283
Сердюкова Е. И. Интертекстуальность в поэзии Андрея Скоринкина …….. 288
Слесарава Т. П. “Мне больш даспадобы Ваш выраз, які стаў крылатым…” (устойлівыя спалучэнні ў паэзіі А. Вярцінскага) …….. 293
Турковская Е. В. Мифологические сюжеты и образы в произведениях немецких писателей второй половины XX века ……. 298
Черниенко Л. В. О некоторых формах взаимосвязи между автором и читателями в русской литературе рубежа тысячелетий …… 302
Шевцова Л. И. Лирика русских женщин XIX века: осознание себя поэтом …….. 307
Яременко Л. Н., Казанджиєва М. С. Мова урбанізованого міста в поезії Андрія Кузьменка (Кузьми Скрябіна) ……. 311

Сведения об авторах …….. 316

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читательскому вниманию сборник «Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» включает научные статьи широкого тематического спектра, посвящённые разноаспектному осмыслению феномена языка в современной социокультурной ситуации, конкретные проявления которого чрезвычайно разнообразны.

Издание сборника инициировано и подготовлено кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, преподаватели которой являются авторами трети помещённых в настоящее издание публикаций. Часть статей подготовлена представителями других структурных поздразделений ВГУ имени П. М. Машерова: всех кафедр филологического факультета (белорусского языкознания, германской филологии, литературы, общего и русского языкознания), кафедры русского языка как иностранного (факультет обучения иностранных граждан), кафедры истории Беларуси (исторический факультет).

Сборник включает статьи представителей вузов из всех регионов Республики Беларусь: Белорусского государственного университета, Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (Минск), Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Гомельского государственного медицинского университета, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова.

Существенную часть сборника составляют публикации представителей вузов из различных регионов Российской Федерации: Смоленского государственного университета университета – вуза-партнёра ВГУ имени П. М. Машерова; КФУ имени В. И. Вернадского, Московского педагогического государственного университета; филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Севастополь); Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военного института) имени генерала армии В. Ф. Маргелова; Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого; Юго-Западного государственного университета (Курск).

Ряд статей подготовлен коллегами из ведущих исследовательского и высших учебных заведений Азербайджана: Института языкознания имени Низами Национальной академии наук Азербайджанской Республики и также Азербайджанского университета языков и Бакинского славянского университета, а также украинскими коллегами из Сумского государственного университета.

Для удобства пользования сборником (что особенно важно для начинающих исследователей), помещённые в него статьи сгруппированы в три раздела: «*Родной язык как фактор личностного становления и формирования национально-культурной самобытности*»; «*Осмысление родного языка с позиций лингводидактики высшей школы и общего среднего*» и «*Художественный текст как поле актуализации свойств родного языка и межкультурного взаимодействия*».

Первый раздел объединяет статьи белорусских, российских и азербайджанских исследователей, посвящённые преимущественно теоретическому анализу феномена родного языка с позиций различных гуманитарных наук, в русле проблематики отдельных разделов языкознания и междисциплинарных направлений: лингвистики, литературоведения, стилистики художественной речи, лингвокультурологии, лингвоэкологии, социолингвистики, геолингвистики и политической лингвистики.

Второй блок объединяет публикации научно-методического и лингводидактического характера, в которых рассмотрены различные проблемы преподавания родного и

других языков, изучаемых в современной высшей и общеобразовательной средней школе, а также проанализирована специфика изучения родного и взаимодействующих с ним языков в условиях близкородственного и иного типа двуязычия. Особое внимание авторы, большинство из которых являются практикующими преподавателями высшей школы либо учителями средних общеобразовательных учреждений, уделяют анализу способов и приёмов опоры на знание родного языка при изучении иностранных языков, интерпретируя широкие и продуктивные возможности такого подхода, который в современный период завоёвывает всё большее признание как у исследователей-теоретиков, так и у преподавателей-практиков.

Помещённые в этом разделе сборника научные публикации обладают выраженной практико-ориентированной значимостью и, как представляется, будут востребованы прежде всего специалистами, которые осуществляют в образовательном пространствеучебно-воспитательную деятельность, которая, как известно, может осуществляться в разнообразных формах и в весьма отличных друг от друга условиях. Представленный в публикациях практический материал станет интересным и полезным добавлением к любым занятиям по совершенствованию языковой, речевой и коммуникативной компетенций при изучении как родного, так и любых контактирующих с ним языков (включая как близкородственные, так и неродственные, в том числе и иноструктурные) в школьной и вузовской аудиториях.

В третьем разделе представлены публикации, также объединённые общей, хотя и чрезвычайно широкой проблематикой: своеобразие отражения в словесно-художественных произведениях различной родо-литературной и жанровой принадлежности явлений и процессов, характерных для современной культурно-речевой ситуации; индивидуально-стилистические особенности авторов, представляющих различные литературные направления; взаимодействе в словесно-художественных структурах раз ноплановых дискурсов и т. д.

Авторы публикаций этой части сборника аргументированно доказывают, что, будучи использованным прежде всего в эстетической функции, язык в словесно-художественных произведениях проявляет ряд потенциально присущих ему качеств и функций, которые куда менее явно выражены при осуществлении практической коммуникации либо вообще отсутствуют в коммуникативно-речевых произведениях нехудожественного тима. Именно поэтому исследование своеобразия художественной речи в русле означенного подхода видится не только целесообразным, но и крайне необходимым для более глубокого и полного осознания специфики коммуникативно-речевого общения в различных деятельностных сферах современного общества.

Авторы и составители предлагаемого читательскому вниманию сборника выражают надежду, что знакомство с помещёнными в нём работами будет интересным и полезным для адресатов – учёных, вузовских преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, учителей и всех интересующихся проблемами рассмотрения ЯЗЫКА во всём многообразии возможных аспектов его изучения.

Редакционная коллегия

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ

И. П. Азевич
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: drozd2929@mail.ru

УДК 366.636:324:070

Особенности освещения в областных СМК выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва

Ключевые слова: публицистический дискурс, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, средства языкового воздействия, средства массовой коммуникации.

В статье рассматриваются особенности современного публицистического дискурса; описаны основные приёмы, тактики и средства языкового воздействия, используемые в областных СМК в освещении выборов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва; в статье сделан вывод о том, что предпочтение тех или иных способов и приёмов речевого воздействия не зависит от места издания в структуре средств массовой коммуникации и его статуса.

Современный публицистический дискурс отличается неоднородным и динамическим характером. Несмотря на то, что сегодня журналистика наиболее активно развивается в Интернете, при этом создавая множество гибридных жанров, некоторые учёные говорят о **масс-медийном** дискурсе (термин в научном сообществе до сих пор не однозначен) [8, 246]. Основными характеристиками вышеуказанного дискурса называют *интертекстуальность, интердискурсивность, наличие большого количества жанров, поликодовость* [8, 248]. Другие учёные (Н. Бизюков, Л. Амири) рассматривают публицистический дискурс в том числе и как систему средств языковой манипуляции – именно потому, что часто целью публицистического дискурса является не только информирование адресата, но и формирование у последнего особого рода мышления, необходимого для решения поставленной задачи [2, 46].

В-третьих, роль средств массовой коммуникации (далее – СМК; под данным терминологическим выражением, вслед за рядом исследователей, мы понимаем разного рода средства донесения информации: книги, периодическая печать, радио, Интернет, ТВ, кинематограф), – с помощью которых достигается взаимодействие широкого круга пользователей с передачи информационных сообщений [6, 51]) как ретранслятора состояния современной общественной и политической жизни государства трудно переоценить. В этой ипостаси современные публицистические тексты, в которых отражаются идеология, «политические дискуссии и правила публичной политики, освящённые традицией и проверенные опытом» [1, 236], могут рассматриваться и как часть политического дискурса, для которого также характерны различные манипулятивные тактики и стратегии. Цель данной статьи – рассмотреть наиболее распространённые приёмы, тактики и стратегии языкового воздействия, которые были использованы журналистами витебских СМК (в данном случае такой их группой, как периодические издания)

при освещении выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва.

На 17 ноября 2019 года ЦИК Республики Беларусь были назначены выборы депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Согласно статье 74 Избирательного кодекса Республики Беларусь кандидаты в депутаты со времени их регистрации в этом качестве имеют равное право выступать на предвыборных и иных собраниях, совещаниях, заседаниях, в государственной печати, по государственному радио [4]. В соответствии с частью 1 статьи 26 Закона о средствах массовой информации Республики Беларусь на государственные средства коммуникации возлагается обязанность публиковать информацию об общественно важных событиях [7]. Выборы в парламент, безусловно, относятся к важным общественным и политическим событиям масштаба всей страны, которые должны быть отражены в государственных СМК. Материалом нашего исследования стали новостные статьи государственных областной, городской и районных общественно-политических газет, имеющих онлайновые версии. Для анализа были взяты статьи из таких газет, как «Витебские вести», «Витьбичи», «Міёрскія навіны», «Патрыёт», «Дзвінская праўда», «Сцяг перамогі» в период с 10 октября по 19 ноября 2019 года, размещённые в рубриках «Актуально», «Новости», «Выборы-2019», «Политика» на официальных сайтах этих изданий. Все анализируемые тексты посвящены актуальному событию – выборам депутатов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва.

Объектом нашего исследования явились авторские (подписанные) журналистские тексты без гиперссылок на республиканские СМК, которые представлены на двух государственных языках – русском и белорусском. В приводимых примерах сохранены авторские орфография и пунктуация.

Изучение отобранных в качестве материала исследования текстов даёт основания утверждать, что в них функционирует достаточно устойчивый набор социально-тематических образов, служащих для конкретно-образного воплощения важного для общества политического и события – выборов в парламент.

К числу таких образов мы относим следующие:

– образ счастливой многодетной семьи или отдельно многодетного отца или матери, которые целенаправленно пришли на выборы, чтобы выполнить гражданский долг: «*Ірына Фёдараўна – маці чацвярых дзяцей, былы бібліятэкар з багатым вопытам, доўгажыхар электаральных кампаній і сакратар участковай камісіі са стажам. Гэта дапамагае вылучыць кантраст паміж мінулым і цяперашнім. Па разважаннях прафесіянала, сучасныя выбаршчыкі сталі разумней, абачлівей*» («Міёрскія навіны»); «*Маладая мнагадзетная сям'я Сакаловых заўсёды прымае ўдзел у выбарчых кампаніях, на гэты раз Вольга і Андрэй прыйшлі на ўчастак з дачушкамі Насцяй, Аленай і гадавалай Марусяй*» («Патрыёт»);

– образ пожилого, уже умудрённого опытом человека, который делает свой выбор именно основываясь на приобретённом им жизненном опыте: «*Елена Шаренда родилась 30 мая 1941 года, за три недели до начала войны. Сегодня Елена Григорьевна живёт с сыном и внучкой и, конечно же, проголосовала за кандидата, который, по её мнению, будет стремиться обеспечить их благополучие, достойное будущее. А для этого нужно, чтобы в стране прежде всего были мир и спокойствие*» («Витьбичи»); «*Следующим свой выбор сделал пенсионер Василий Белей. Он убеждён: нужно занимать активную гражданскую позицию, ведь мы сами определяем будущее своей страны*» («Дзвінская праўда»);

– образ труженика села или рабочего: «…*святочная, у добрым настроі першая прагаласавала Людміла Лукашэвіч, даярка ОАО «Мікалаеўскі*» («Міёрскія навіны»); «*У камбайнёра Алега Гарбача зараз ціхая пара. Выканаць свой грамадзянскі доўг ён прыйшоў з жонкай Верай Васільеўнай з самага ранку*» («Сцяг перамогі»).

Во всех приведённых текстах одним из тактических приёмов речевого воздействия на сознание читателя является упоминание о том, какая помощь оказывается в связи с проведением выборов людям с ограниченными возможностями, а также подчёркивание заботы о пожилых людях и тесной связи поколений: «*Члены маладзёжнай арганізацыі актыўнымі былі і непасрэдна ў дзень выбараў – дапамагалі трапіць на ўчасткі інвалідам і пажылым людзям валанцёры руху «Добрае сэрца*» («Патрыёт»); «*Если раньше люди с ограниченными возможностями предпочитали использовать своё право проголосовать на дому, то сегодня они всё чаще публично демонстрируют свою гражданскую позицию. Благо, для этого созданы все условия*» («Витьбичи»); «*участки оборудованы элементами безбарьерной среды*» («Витебские вести»).

Эффективным способом речевого воздействия на адресата можно, с нашей точки зрения, считать и включение в журналисткие произведения описаний торговли и / или культурных программ, которые в день выборов имеют место на избирательных участках. Для образной конкретизации этих картин праздника журналисты выбирают выбирают преимущественно образы, явно указывающие на праздничный характер событий, часть которых являются, и обязательную взаимосвязь с ним, а также на доступность: «*А в культурно-спортивном центре железнодорожников царил настоящий праздник. Здесь многие раздевались в гардеробе, чтобы посмотреть замечательную концертную программу, посетить музей железнодорожников, зайти в буфет, где вкусности приготовила столовая локомотивного депо. Недорогой обувью торговала «Сивельга*» («Витьбичи»); «*Добрыя стравы па нізкім цэнам прапанавала Ушацкае райпо*» («Патрыёт»); «*В кафе «Витаминка» все столики были заняты. В вестибюле здания некоторые жители выбирали продукцию «Пинского трикотажа» по невысокой цене*» («Витьбичи»).

Как известно, для произведений, относящихся к публицистическому дискурсу, характерен определённый набор идеологических штампов и клише, которыми, как правило, лексически сопровождается создание собирательных образов кандидата в депутаты и избирателя. Так, образ потенциального депутата формируется авторами лексическими средствами с преимущественно положительной коннотацией, а также расстановкой акцентов на положительных личностных качетвах, которыми, с точки зрения автора, априори обладает выбираемый кандидат. При этом, как правило, подчёркиваются дееспособный (чаще – молодой) возраст будущего депутата, его профессиональный опыт и понимание им проблем избирателей: « … *(Нина Терещенко) (прим. авт.) не скрывала – проголосовала за молодого кандидата в депутаты: Нина Кузьминична считает, что именно они – энергичные, задорные и полные сил – смогут решить многие проблемы, в том числе и в здравоохранении, за которое особенно болеет бывший медработник*» («Витьбичи»); «*… среди кандидатов в депутаты люди, уже зарекомендовавшие себя на профессиональном поприще*» («Витебские вести»); «*Кандидат, за которого проголосовала, показался мне более «народным», – поделилась Светлана Ивановна. А для Галины Прохоровны решающим аргументом было то, чего добился тот или иной кандидат в депутаты. – Если есть результат, опыт, то есть потенциал работать и дальше*» («Дзвінская праўда»); «*Среди кандидатов есть и малоизвестные люди, и те, кто известен широким слоям населения, добился больших результатов в своей профессиональной деятельности*» («Витьбичи”), «*избираем лучших из лучших…*» («Витебские вести»); «*кандыдат павінен быць маладым, дзелавым, каб мог адстойваць інтарэсы сваіх выбаршчыкаў, … каб яны (кандидаты – прим. авт.) слухалі і чулі праблемы людзей*» («Міёрскія навіны»).

Не менее интересен в вербально-коммуникативном оформлении образ избирателя, который наделяется мудростью, опытом, рассудительностью, занимает активную гражданскую позицию: «*Избиратели на нашем участке активные, приходят пожилые люди, семьи с детьми*» («Дзвінская праўда»), «*Избиратель вправе сам решить…*»

(«Витьбичи»), «*мясцовыя жыхары таксама з актыўнай грамадзянскй пазіцыяй*» («Міёрскія навіны»).

Особое место в структуре анализируемых речевых произведений занимают образы известных личностей, имена которых на той или иной территории уже отчасти приобрели **прецедентный** характер. Как правило, «трибуна» предоставляется местным политикам, общественным деятелям или гражданам, известным местному населению своей профессиональной деятельностью и пользующимся у него авторитетом: «*Глава региона подчеркнул, что 17 ноября – важное политическое событие, которое определит, кого изберём, как мы будем жить дальше и куда поведут нас будущие депутаты. Мы избираем лучших из лучших, тех, кто уже зарекомендовал себя. Депутаты должны активно заниматься работой в округах. Там, где жизнь бурлит, где необходимо решать проблемы. Это неотъемлемая часть их работы, – подчеркнул Николай Николаевич*» («Витьбичи»); «*Здесь мы встретили и председателя городского Совета депутатов Владимира Белевича с супругой Ольгой Леонидовной. Владимир Иосифович на вопрос, чем руководствовался при голосовании, отметил: «Прежде всего холодным умом. Ориентируясь на профессионализм, на опыт, обращал внимание на деловые качества, как зарекомендовал себя кандидат на своем рабочем месте*» («Витебские вести»), «*Галіна Ганебная, прадавец крамы і зорка сельскага Дома культуры, прыйшла аддаць свой голас з самага ранку і адразу з парога сказала: «Прыйшла выканаць свой грамадзянскі абавязак – і на працу трэба бегчы, пакупнікоў трэба абслуговаць*» («Патрыёт»).

Стратегия информирования об участии известных людей в значимых политических событиях избирается авторами, чтобы сделать акцент на роли политического события в жизни общества и побудить читатателей впоследствии поступить так, как названный политик или общественный деятель, то есть прийти на участок и проголосовать. Обычно журналистами для речевой характеристики известных персон Витебской области используются следующие слова и словосочетания, свидетельствующие об активном участии представляемых ими персон в жизни района, города, области: *подчеркнул*, *рассказал*, *принял участие*, *считает*, *отметил*, *с удовлетворением отмечает*, *признался*, *говорит*, *сообщил* и другие.

Наделяя избирателя лучшими человеческими, в частности – лидерскими, качествами, авторы тем самым имплицитно проводят мысль о том, что читатель публицистического произведения и есть этот лучший избиратель, который по определению должен сделать осознанный правильный выбор.

В некоторых материалах прямо конкретизируется выбор, который, по мнению автора, должны сделать избиратели: «*Аддаў голас за вельмі дастойнага чалавека, які шмат зрабіў для Ушаччыны – Уладзіміра Паўлавіча Андрэйчанку. Другіх варыянтаў нават не разглядаў*» («Патрыёт»), «*…пра кандыдата Андрэя Юніцына магу сказаць толькі добрае – пераможца мінулых парламенцкіх выбараў, даступны, камунікабельны, унікаў ва знятыя пытанні*» («Міёрскія навіны»). Называя фамилии и имена в окружении лексических единиц с положительной коннотацией, авторы публицистических статей тем самым используют приём формирования положительного отношения к названным кандидатам, который О. Паршина и Е. Крижановская квалифицируют как **информационно-интерпретационную** стратегию, относят её к эффективным тактикам речевого воздействия на электорат [5, 90].

В процессе создания публицистического произведения журналисту приходится учитывать специфику коммуникации как в данной области коммуникативного взаимодействия в целом, так и в конкретной его сфере (газетно-публицистической в данном случае), прежде всего в связи с тем, что на страницах периодических изданий не реализуется прямое диалоговое общение с читателем, как в сфере радио- или телеэфирах. Существующая для адресата возможность несколько раз перечитать материал вынуждает корреспондента,

являющегося в том числе и манипулятором, использовать более тонкие, завуалированные ходы и соответственно нестандартные тактики речевого воздействия.

Так, авторы статей часто обращаются к использованию **лексем-ассоциантов**, посредством которых может быть достигнут, по выражению Е. А. Гордиенко, высокий и мощный перлокутивный эффект [3, 170]. Такими лексическими единицами в анализируемых нами текстах являются слова «праздник», «благополучие» и «будущее», который становятся идеальной основой для достижения перлокутивного эффекта, – ср. следующие высказывания: *день выборов как праздник*; *важная палітычная падзея, выбары для нас – вялікае свята*; *поздравляем с торжественным событием*; *выборы – праздник и большая ответственность*; *праздничное настроение*; *святочны настрой; настоящий праздник*; *за наше благополучное завтра мы и проголосовали*; *проголосовала за кандидата, который, по ее мнению, будет стремиться обеспечить их благополучие, достойное будущее*; *есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом* и под.

В заключительной части анализируемых нами публицистических текстов, как правило, используются своеобразные **эхофразы** [5, 92], которые акцентируют внимание читателей на основной мысли материала: «*Напамінаем, што апошні дзень датэрміновага галасавання – 14 лістапада*» («Міёрскія навіны»); «*Напомним, что выборы считаются состоявшимися, если на избирательные участки пришло более 50 процентов избирателей, однако победителем является кандидат, получивший простое арифметическое большинство голосов. Перевеса всего в один голос уже достаточно, чтобы был назван победитель и выборы считались состоявшимися. Такая система фактически даст возможность исключить второй тур голосования и, соответственно, дополнительные затраты*» («Витебские вести»).

Повторы такого рода текстовых фрагментов – ключевых, с точки зрения авторов, в содержательном отношении – также являются одним из весьма действенных приёмов речевого воздействия на читателя, к которым в рассмотренных нами публицистических произведениях журналисты обращаются с высокой степенью активности.

Таким образом, для 90 процентов исследованных нами текстов, тема которых – парламентские выборы в Беларуси 2019 года, характерно использование определённых стратегий, тактик и приёмов речевого воздействия, основными среди которых стратегия информирования об участии известных людей в значимых политических событиях; информационно-интерпретационная стратегия; опора для достижения определённого перлокутивного эффекта на лексемы-ассоцианты; использование эхофраз, акцентирующих внимание читателей на основной мысли журналистского материала.

Проанализированный нами материал также позволяет прийти к выводу, что способы подачи журналистами информации о подготовке и ходе парламентских выборов примерно идентичны и практически не зависят от уровня и статуса печатного издания (районного, городского или областного).

Литература

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

2. Бизюков, Н. В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции (на примере англоязычной прессы) / Н. В. Бизюков // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. Сер. Филология. – 2010. – № 4. – С. 44–53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskiy-diskurs-kak-sistema-sredstv-yazykovoy-manipulyatsii-na-materiale-angloyazychnoy-pressy/viewer. – Дата доступа: 28.12.2019.

3. Гордиенко, Е. А. Манипулятивное воздействие текстов СМИ на примере освещения президентских выборов в США в 2016 году / Е. А. Гордиенко // Профессиональное образование и общество. – 2018. – № 3 (27). – С. 163–173. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/prezidentskie-vybory-v-ssha-2016-goda-po-materialam-rossiyskoy-pressy. – Дата доступа : 28.12.2019.

4. Избирательный кодекс Республики Беларусь : 11 февраля 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобрен Советом Респ. 31 янв. 2000 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 июня 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск,

2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kodeksy.by/izbiratelnyy-kodeks. – Дата доступа : 05.01.2020.

5. Крижановская, Е. М. Выборы губернатора Пермского края в 2017 году как информационный повод в пермских краевых и районных СМИ : стратегии речевого воздействия / Е. М. Крижановская // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 89–93. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-gubernatora-permskogo-kraya-v-2017-godu-kak-informatsionnyy-povod-v-permskih-kraevyh-i-rayonnyh-smi-strategii-rechevogo. – Дата доступа : 27.12.2019.

6. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 440 с.

7. О средствах массовой информации Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г. № 427-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10800427. – Дата доступа : 29.12.2019.

8. Тужилина, Ю. М. Неоднородность как одна из основных характеристик масс-медийного дискурса / Ю. М. Тужилина // Вестник ТГУ. – 2011. – Выпуск 9 (101) . – С. 246–249. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/neodnorodnost-kak-odna-ih-osnovnyh-harakteristik-mass-mediynogo-diskursa. – Дата доступа : 04.01.2020.

I. P. Azevich
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: drozd2929@mail.ru

Features of coverage in the regional media of the election of deputies of the Chamber of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus of the seventh convocation

Keywords: journalistic discourse, communicative strategies, communicative tactics, means of language influence, mass media.

The article discusses the features of modern journalistic discourse; describes the main methods, tactics and means of language influence used in the regional mass media in covering the elections to the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus of the seventh convocation; the article concludes that the preference for certain methods and techniques of speech exposure does not depend on the place of publication in the structure of mass communication media and its status.

Е. В. Алексеевич
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru

УДК 81-139

Особенности репрезентации гендерных стереотипов в русскоязычном объявлении о знакомстве

Ключевые слова: объявления о знакомстве, гендерные стереотипы, гендерная роль.

Статья посвящена анализу различных способов и приёмов выражения лингвистического воплощения гендерных стереотипов в синкретичном жанре объявления о знакомстве, с опорой на материал из Глобальной сети Интернет. Выявлены основные компоненты стереотипных представлений о гендерах, а также способы их лингвистического выражения.

В современной гуманитарной науке появилась новая ветвь, акцентирующая свое внимание на гендерных исследованиях. Данные исследования получают всё большее распространение и в лингвистической науке, однако в языкознании они всё ещё находятся на стадии своего становления.

На сегодняшний день уже существует ряд работ, в которых осуществляется попытка системного анализа языка с опорой на феномен пола, предпринимаются попытки создания цельной теоретической модели гендера и систематизации гендерных маркеров с языковедческой точки зрения.

Данная тема особенно актуальна в связи с юридическим признанием интерсексуалов во многих западных странах, а также с расширением свобод в области гендерной самоидентификации. В постсоветских странах данный вопрос не поставлен столь остро, поскольку наше общество является более консервативным и в большинстве старается своём следовать классическим гендерным ролям.

Материалом для написания данной статьи послужили русскоязычные объявления о знакомстве, размещённые во всемирной сети Интернет, касающиеся лишь двух «классических» гендерных ролей – мужской и женской в их традиционном понимании. Эта тема, на наш взгляд, также является достаточно актуальной, прежде всего потому, что исследование в предлагаемом аспекте может оказаться полезным при дальнейшем анализе влияния гендерных стереотипов на различные общественно-политические события, а также по причине того, что анализ гендерных стереотипов, «оформляемых» с помощью определённых лингвистических средств, позволит установить характерные особенности, которыми такое «оформление» отличается в различных языках.

Гендер – это социальный пол, который определяет поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается. М. С. Шевелева определяет гендерные стереотипы как «сформировавшиеся в культуре обобщённые представления (убеждения) о поведении мужчины и женщины. Гендерные стереотипы помогают определить не только личные качества человека, но также и его характер. Появление гендерных стереотипов объясняется тем, что модель гендерных отношений исторически строилась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины» [2].

В своей основе текст объявления о знакомстве в большинстве случаев является стереотипным, поскольку репрезентирует черты реального адресанта: параметры внешности, возраст, образование, взгляды на мир, отношение к действительности, личностные качества, а также образ воображаемого адресата.

Авторы данного вида объявлений предъявляют конкретный (в принципе – вполне прогнозируемый) набор требований по отношению к адресату, акцентируя при этом внимание на значимых качествах своей персоны, иными словами используют речевую стратегию **самопрезентации**. Эта стратегия может опираться на описание своих психоэмоциональных качеств, семейного положения, социального статуса и т. д. и, как правило, обусловливается мотивационным компонентом – желанием создать семью, хотя прямое указание на это в тексте может и отсутствовать. К такому варианту межличностной коммуникации зачастую пользуются люди зрелые, чаще всего уже имеющие опыт семейных отношений.

Рассмотрим несколько женских объявлений о знакомстве.

1) *Ведущий архитектор в крупной фирме. Дочери 18 лет. Отзывчивая, верная, порядочная. Увлекаюсь классической литературой, игрой на фортепиано, люблю проводить время на природе. Хочу найти: реализовавшегося, образованного, порядочного мужчину, без ж / п* [3].

2) *Менеджер по туризму. Детей нет. Сильная, добрая, справедливая, надёжная. Люблю животных, отдых на море во время отпуска. Хочу найти: мужчину от 35 до 50 лет; высшее образование, обеспеченный, можно с детьми* [3].

3) *Предприниматель. В разводе 10 лет. Взрослые сын и дочь. Стройная, активная, веду здоровый образ жизни, с приятным характером. Хочу найти: доброго, активного, жизнерадостного мужчину до 55 лет* [4].

Несмотря на то, что подробно раскрыть детали своей личности в рамках ограниченного объёма текста объявления может быть затруднительно, в приведённых текстах можно наблюдать переход от стереотипного, архаичного образа женщины-домохозяйки, хранительницы домашнего очага к образу женщины, умеющей обеспечить себя и свою семью. Ясно прослеживается указание на собственный социальный статус и профессиональной успешности; очевидно также, что современные женщины всё чаще акцентируют внимание на личной независимости и самостоятельности. Также женщины-адресанты предпочитают сообщать о своих увлечениях: «*увлекаюсь литературой, игрой на фортепиано, люблю проводить время на природе»; «люблю животных, отдых на море во время отпуска»; «веду здоровый образ жизни*».

Рассмотрим несколько мужских объявлений о знакомстве.

1) *Строитель. В разводе, дочери 5 лет. Бывший спортсмен, без в / п, имею хорошую машину и дачу. Хочу найти: вторую половинку* [5].

2) *Пенсионер МВД. Взрослый сын. Не курю, хорошо танцую и играю на гитаре. Хочу найти: порядочную женщину с серьёзными намерениями и правильными жизненными ориентирами от 35 до 40 лет, с пышными формами* [4].

3) *Директор филиала торговой компании. Спортивная фигура. В свободное время фотографирую. Хочу найти: скромную, стройную блондинку от 30 до 40 лет, не выше 175 см.* [5].

В мужских объявлениях о знакомстве чаще, чем в женских, делается акцент на физических данных: «*бывший спортсмен*», «*спортивная фигура*»; подчёркивается отсутствие вредных привычек, если это возможно; акцентируется внимание на высоком профессиональном статусе – в случае его наличия. В отношении потенциального партнёра акцент часто ставится на желаемых внешних параметрах: «*с пышными формами*», «*стройную блондинку*», «*не выше 175 см*»: иные параметры, как правило, второстепенны. Таким образом, женщина, с точки зрения мужчин-адресантов, в первую очередь, должна обладать привлекательными физическими параметрами. Вторыми по значимости для них являются личностные качества: порядочность, позитивный взгляд на вещи и под. По нашим наблюдениям, мужчины чаще, чем женщины, стараются придерживаться своей традиционной гендерной роли – роли представителя «сильного пола», о чём свидетельствует их акценты на личных физических параметрах и социальном статусе.

Традиционно в когнитивной сфере сформировалось представление о социальной роли женщины в обществе как о представительнице «слабого пола» и о превосходстве мужчин над женщинами; на сегодняшний день данная точка зрения становится в обществе все менее популярной. Эту позицию отстаивает и известный российский лингвист А. В. Кирилина, которая утверждает, что образ слабой женщины и сильного мужчины более не занимает доминирующие позиции в сознании общества, о чём свидетельствует и результаты уже проведённых исследований, в которых частота указания на слабость и несамостоятельность в отношении женщин невысока [1].

Что касается самопрезентации в самодескрипции мужчин, то в принадлежащих им объявлениях о знакомстве, которые проанализированы нами, сложившийся стереотип мужского восприятия чётко прослеживается в описании как собственной внешности, так и хобби и личностных качеств. Мужчины характеризуют собственную внешность с помощью прилагательных с высокой степенью положительной оценки либо с наличием положительных коннотаций (например*, привлекательный, харизматичный и сильный парень).*

Мужчины часто акцентируют внимание на собственных заработках, а таемобильности и физической активности: занятия спортом, вождение автомобиля, любовь к пу-

тешествиям и т. д. Эти сведения в тексте вербализируются с помощью словосочетаний люблю спорт / увлекаюсь спортом; атрибутивов, описывающих хорошее физическое состояние (*я спортивный*; *стараюсь быть физически активным*; *мне нравятся активные люди, как я*) и т. д.

Описание любви к путешествиям имплицитно характеризует мужчину как способного заработать на отдых и ищущего что-то новое, например, новые ощущения или новые для себя страны, культуры и т. д. *(люблю открывать для себя новые места и общаться с новыми людьми*). В этом случае *с*редствами вербальной презентации являются прежде всегг глаголы в настоящем времени или прошедшем времени (*много где побывал; видел много красивых мест, которые хочу показать своей будущей супруге* и т. д.).

В женских объявлениях о знакомстве мужской стереотип репрезентирован прежде всего в компоненте «личные качества». В этом случае наш анализ подтверждает наблюдения А. В. Кирилиной, которая утверждает, что в женских объявлениях наиболее частотный атрибут мужчины – слово «*порядочный»*. В женском сознании мужчины традиционно ассоциируются также со спокойствием, независимостью, самостоятельностью.

Данный компонент вербализуется в основном атрибутивами, описывающими эмотивные качества: *спокойный*; *позитивный*; *лёгкий на подъём*; *амбициозный*; *верный и под*. Коммуникативные качества, в которых отражено позитивное отношение мужчины к окружающим, также воспринимаются женщинами положительно: *добрый, честный, открытый, заботливый, любящий, честный, вежливый* и под.

Стереотипные представления женщин, на которых базируется их самопрезентация в объявлениях о знакомстве, отличаются от мужских как по сути, так и лингвистическим средствам выражения. Женщины избегают указаний на возраст и свой прежний семейный опыт, хотя при этом обязательно указывают наличие или отсутствие у них детей. Такие суб-компоненты компонента «внешность», как «рост» и «возраст», в женских объявлениях зачастую представлены цифрами; суб-компонент «телосложение» обычно реализуется при помощи прилагательных: *изящная, стройная, полная, спортивная* и др. Субъективная оценка компонента «внешность» также осуществляется с помощью прилагательных (*привлекательная, милая, прекрасная, красивая, очаровательная* и под.). Все перечисленные прилагательные имеют высокую степень положительной оценки и являются синонимами с общей семой «привлекательность».

Наряду с объективным описанием наличия или отсутствия семейного опыта в компонент «семейное положение» (*одинокая, разведена, никогда не была замужем, вдова*) женщины нередко включают оценку отношения к детям (например, *хочу семью с детьми*), тем самым подчёркивая, что дети являются для них важным атрибутом состоящего в браке человека.

Сфера деятельности современной женщины не ограничивается семьейи, поэтому авторы-женщины нередко акцентируют в своих объявлениях внимание и на собственных профессиональных качествах; при этом профессиональные характеристики в большинстве случаев преподносятся как исключительно положительные. Подчёркивается прежде всего высокий уровень образования и профессиональной подготовки, отмечается также высокая трудоспособность и выносливость. При этом авторы-женщины не пренебрегают акцентами на своих качествах, которые традиционно считаются сугубо женскими: доброте, нежности, заботливости и под.

По нашим наблюдениям, женщины чаще, чем мужчины упоминают о своём отношении к вредным привычкам; для того, чтобы подчеркнуть отсутствие вредных привычек, адресантами чаще всего употребляются глаголы в отрицательной частицы «не»: *не пью, не курю* и под. Наречия *иногда* или *по праздникам* используются для указания на умеренную склонность к алкоголю (*иногда могу выпить / выпиваю только по праздникам*).

В результате проведённых наблюдений мы пришли к выводу, что женщины – авторы объявлений о знакомстве, хотя и подвержены в определённой степени влиянию

гендерных стереотипов, всё чаще стараются их опровергнуть: с одной стороны, они делают явный акцент на своей внешности, с другой же – всё чаще упоминают о своём социальном статусе, профессии, образовании и интересах, опровергая стереотипное мнение о том, что женщина прежде всего должна заниматься хозяйством и детьми.

Значительная часть адресантов мужского пола фокусирует внимание на внешности желаемого партнера и проявлениях собственной маскулинности, что свидетельствует о том, что они в гораздо большей степени находятся под влиянием гендерных стереотипов, а также реже, чем женщины, пытаются их опровергать.

Литература

1. Кирилина, А. В. Гендер : лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 155 с.

2. Шевелева, М. С. О гендерных исследованиях в лингвистике / М. С. Шевелева // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2018. – № 03. – С. 54–56

3. ДОСКИ.RU : Доски бесплатных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https:// msk.doski.ru / cat-znakomstva, свободный. – Дата доступа : 20.01.2020.

4. Из рук в руки : Газета частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// irr.by / dating / marriage. – Дата доступа : 19.01.2020.

5. ЮЛА : Сайт бесплатных частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https:// youla.pro. – Дата доступа : 20.01.2020.

Y. V. Alekseyevich
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru

Features of the representation of gender stereotypes in a Russian-language dating advertisements

Keywords: dating advertisements, gender stereotypes, gender role.

The article is devoted to the analysis of various ways and methods of expressing the linguistic embodiment of gender stereotypes in the syncreic genre of dating advertisement, based on material from the global Internet. The main components of stereotypical ideas about genders, as well as the ways of their expression in the language, are revealed.

Л. Бабаева
Национальная академия наук Азербайджана, Баку
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

УДК 811.512.162’374

К истории двуязычной лексикографии в Азербайджане

Ключевые слова: двуязычная лексикография, изучение русского языка в Азербайджане, справочная лингвистическая литература.

Развитие двуязычной лексикографии в Азербайджане тесно связано с социально-историческими предпосылками изучения русского языка в стране. Изучение русского языка не возможно без разработки справочной лингвистической литературы, где особое место занимают словари, из года в год меняющиеся как в структурном плане, так и по содержанию.

История двуязычной лексикографии в Азербайджане связано с социально-историческими предпосылками изучения русского языка в нашей стране. Процесс обучения русскому языку предполагал разработку не только учебно-методических пособий, но и справочной лингвистической литературы, призванной облегчить усвоение лексико-грамматического материала. Вполне понятно, что в системе вспомогательных учебно-методических средств по русскому языку особое место занимали словари, в основном региональные малые толковые, или переводные словари. Во многих случаях опыты составления учебного словаря оставались результатом «самодеятельности» преподавателя и составляли его личный учебный арсенал. Но вместе с тем, по мере распространения этих попыток составления словарей, безусловно, вырабатывались какие-то общие приемы оформления, построения не только словаря, но и так называемой словарной статьи, её составных элементов и аппарата всего словаря в целом.

Такие учебные русско-азербайджанские и азербайджанско-русские словари создавались, по всей вероятности, еще в начале XIX века, однако по тем или иным причинам они до нас не дошли – затерялись во всевозможных частных коллекциях. О многих из них нет даже исторических сведений.

В литературе имеются сведения о существовании некоего «Азербайджанско-русского разговорника на 120 уроков», составленного и изданного в 1834 году директором Закавказских училищ Еварестом Грубером [3, 56], одним из образованнейших людей того времени, или же о том, что Н. Дементьев – инспектор Тифлисской гимназии составил и издал книгу для первоначального чтения на азербайджанском языке с приложением азербайджанско-русско-грузинского словаря [3, 57].

Но, к сожалению, мы не имеем никаких данных о принципах составления этих словарей, об их качестве и объеме. Вместе с тем само их существование – факт, конечно, исторически примечательный, поскольку проливает свет на страницы предыстории азербайджанского лексикографического опыта.

Рассмотрим некоторые лексикографические работы конца XIX – середины XX вв.

Безусловно, попытки составления словарей всегда служат развитию, становлению самой лексикографической системы в нашей стране, общей теории лексикографии.

1. Русско-тюркский словарь. Казань, 1839 (составитель – Мирза Казем-бек). Этот словарь подготовлен в качестве иллюстративного материала к известным «Учебным пособиям для временного курса турецкого языка» М. Казем-бека. Словарь составляет третью часть книги, включает около 7000 слов, переведённых на русский язык. Судя по объёму словника, можно предположить, что словарь был составлен как вспомогательный материал не только к данным учебным пособиям (здесь грамматический материал представлен весьма скромно – в I части книги; II часть – хрестоматия), но и к базовой «Грамматике турецко-татарского языка» (1839; 1846; второе издание сразу было переведено на немецкий язык). Словарь, т. е. III часть книги, самим автором назван «Кратким русско-турецким словарем» с дополнением к нему: а) полного списка восточных слов; б) отдельного списка собственных имен, лиц, городов, мест, упомянутых в первых двух частях учебных пособий. Впрочем, практика представления словарей в книгах (учебных пособиях) по грамматике в русской лингводидактике применялась нередко. Об этом свидетельствуют: а) «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие», предполагающее легчайший способ основательного изучения русского языка семью дополнениями (СПб., 1769), включавшими в I книгу «Сбор разных пословиц и поговорок», напечатанный в присовокуплении. Автором этой грамматики является Николай Курганов; б) замечание В. И. Даля о том, что по нему бы грамматика «во многих частях своих» должна быть переверстана по пословицам.

2. Словарь русских слов, сходных со словами восточных языков. Казань, 1842 (составитель – Мирза Казем-бек). Данный небольшой словарь представляет собой

своеобразную попытку этимологического словаря тех русских слов, которые иногда квалифицируются как иноязычные – тюркизмы, фарсизмы и т. п. Автору удаётся чёткая аргументация случаев неправильного отнесения русских слов к тюркизмам или же наоборот [4].

3. Русско-татарский словарь. Баку, 1891 (составитель – С. М. Ганизаде). Составлен словарь на основе «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Первое издание датируется 1891 годом (10 000 слов). Словарь выдержал шесть изданий. Последнее издание было осуществлено в 1922 году (25000 слов). Переводы (азербайджанские слова) одновременно даны в русской транскрипции. Включаются в словарь и производные слова, но слова не сопровождаются никакими стилистическими пометами. Приводятся лишь основные значения русских слов. Предназначен был словарь для учащейся молодежи. Шестое издание (1922 г.) автор назвал «Русско-тюркским словарём». Объём – 500 страниц.

4. Татарско-русский словарь. Баку, 1904 (составитель – С. М. Ганизаде). Словарь представляет обратный вариант предыдущего русско-татарского словаря. Основная цель обоих словарей – полнее представить на обоих языках основную массу слов активного словарного состава и быть подспорьем для переводчиков.

5. Русско-тюркский, тюркско-русский словарь. Баку, 1907 (составитель – Узеир Гаджибеков). В нём отражена лексика времён обострения классовой борьбы (большевик, социализм и т. п.). В комментариях к словарю автор высказывается в пользу употребления интернационализмов из русского языка и рекомендует писать эти слова так, как они пишутся в русском языке.

6. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1912 (составитель – А. К. Карабеков). Словарь составлен с учётом увеличения объёма словника, включающего целый корпус слов, не вошедших в аналогичные словари С. М. Ганизаде и У. Гаджибекова. Словарь рассчитан на широкий круг читателей и представляет опыт сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий (Казань, 1852–1853).

7. Русско-тюркский словарь для учащихся азербайджанских школ. Баку, 1926 (составитель – Юсиф Везир Чеменземинли). О назначении и объёме словаря можно судить по содержанию предисловия, где автор отмечает: «По-моему, словарь – это ключ языка; народ, не обладающий этим ключом, не может вникнуть в тайны современной культуры и прогресса» [1, 21].

8. Русско-тюркский военный словарь. Баку, 1926 (составитель – Али-Ага Шихлинский). Автор словаря Али-Ага Шихлинский (1865 – 1943) – прославленный генерал-лейтенант царской армии (1917). Изданный азербайджанской военно-редакционной Комиссией при РВ СККА словарь имеет полное название «Краткий русско-тюркский военный словарь. Пособие для перевода уставов и военно-научных книг с русского на тюркский язык. Словарь включает более 5 тысяч слов-терминов и иных сочетаний специального военного назначения. Из объяснительной записки к словарю видно, насколько серьёзно осуществлялся замысел подготовки данного лексикографического источника, поскольку 20-е годы прошлого столетия, как известно, были весьма насыщены интенсификацией военной политики государства. Автор пишет: «В настоящем кратком словаре, кроме военных терминов, приведены и такие слова и выражения, которые часто встречаются в военной литературе и перевод которых на тюркский язык вызывает немалые затруднения... На тюркском языке – азербайджанском наречии – до настоящего времени не существовало военной терминологии; её приходится составлять и даже создавать вновь».

В основу словаря положены следующие принципы:

1. Вместо иноязычных слов, насколько было возможно, включены, введены тюркские слова.

2. Употребляемые в народе арабские и персидские слова удержаны, сохранены.

4. Производные от арабских слов, вошедших в тюркский язык, составлены по законам тюркского языка, а не арабского.

5. Некоторые военные термины, принятые во всех европейских армиях, не переведены на тюркский язык, а только согласованы с тюркским произношением.

6. Слова, принятые как термины, написаны курсивом в отличие от приведённых тут же однозначных слов.

7. В словаре помещены новейшие термины, принятые в Красной Армии. Вместе с тем оставлены и старые термины, имеющие историческое значение и встречающиеся в военных книгах: арьергард и т. п**.** [1; 2].

9. Русско-тюркский словарь (в двух томах). Баку, 1928 – 1929. (составители – Ахмед Пепинов, Алекбер Гариб, Алекбер Гейдарли, Ханафи Зейналлы, Рашид Юсуфзаде и др.). Словарь издан под редакцией Рухуллы Ахундова. Данный словарь, включающий 50000 слов и созданный на базе «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля и «Русско-французского словаря» Н. П. Макарова, представляет собой довольно интересное явление в культурной и политической жизни Азербайджана конца 20-годов XX века. Словарь, являясь наиболее полным русско-азербайджанским лексикографическим источником, сыграл исключительную роль в дальнейшем развитии и формировании системной двуязычной лексикографии. Переводы на азербайджанский язык даются латинским и арабским алфавитами.

Известно, язык является сильнейшим орудием культурного производства. Словарь же является комплексом материалов, корректирующих язык, учитывающих его развитие и облегчающих ему путь [1]. Впоследствии словарь служил своеобразной базой для последующих многотомных русско-азербайджанских словарей [2].

10. Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1939 (редактор: академик Гейдар Гусейнов). Второе издание словаря вышло в 1941 г. Словарь отличается от предыдущих, прежде всего, тем, что он составлен на основе кириллицы. Азербайджанские слова представлены в обоих графических вариантах (арабском и латинском).

11. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1939 (под редакцией Г. Гусейнова). Словарь содержит около 8000 наиболее употребительных слов, рассчитан на широкий круг читателей, являясь вспомогательным пособием для самостоятельного чтения и при переводе с азербайджанского на русский. Словарь не включает иллюстративного материала, значения слов не стратифицированы. В том же году выпущен более объёмный (12000 слов) вариант этого словаря. (См. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1939, 428 с.).

12. Азербайджанско-русский словарь (с фразеологией). Баку, 1939 (под редакцией Г. Гусейнова). Словарь отличается от двух предыдущих: 1) включением в словник наиболее употребительных фразеологизмов; 2) использованием системы помет стилистического и лексико-грамматического характера.

13. Русско-азербайджанский словарь в 4-х томах (под редакцией Г. Гусейнова). I том вышел в 1940 г. (920 с.); II том – 1941 г. (782 с.), III том – 1943 г. (1022 с.), IV том – 1946 г. (1085 с.). Словарь включает более 90 000 слов, является первым опытом в области составления капитальных русско-национальных словарей с элементами толкования семантики лексических единиц [1].

Итак, становление и дальнейшее развитие двуязычной лексикографии в Азербайджане обусловлено социально-историческими предпосылками изучения русского языка в нашей стране. Беглое описание двуязычных словарей показало, что словари из года в год менялись как в структурном плане, так и по содержанию, всё больше обеспечивая растущий интерес азербайджанцев и способствуя формированию механизмов усвоения лексико-грамматических элементов русского языка.

Литература

1. Абдуллаев, К. Русский язык в Азербайджане: история, современность, перспективы : научно-публицистические очерки / К. Абдуллаев, И. Гамидов. – Баку : Kitab alami, 2006. – 550 с.

2. Алекперова, З. Р. Азербайджанская интеллигенция о русском языке / З. Р. Алекперова // Русский язык и литература в азербайджанской школе. –1986. – № 4. – С. 18–25.

3. Бакиханов, А. К. Сочинения, записки, письма / А. К. Бакиханов. – Баку : Элм, 1983. – Т. 5. – 258 с.

4. Казым-бек, М. Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных тюркскими наречиями в России / Мирза Казым-бек // Вестник императорского Русского географического общества. – Т. 1. – СПб., 1852. – С. 25–42.

L. Babaeva
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

Bilingual Lexicography in Azerbaijan

Keywords: bilingual lexicography, study of the Russian language in Azerbaijan, reference linguistic literature.

The development of bilingual lexicography in Azerbaijan is closely related to the socio-historical prerequisites for studying Russian in the country. The study of the Russian language is not possible without the development of reference linguistic literature in which dictionaries changing from year to year both in structural terms and in contents occupy a special place.

M. L. Darafeyenka
Université d'État P. M. Machérov de Vitebsk
e-mail: mari008@mail.ru

УДК 811.133.2'373.211.5

Les langues régionales et l'odonymie : cas du provençal

Mots-clés: langues régionales, noms des rues, odonymie, provençal, toponymie urbaine.

Dans cet article deux groupes des odonymes sont analysés : ceux qui sont issus du provençal et ceux qui commémorent des personnalités provençales. Nous avons établi que les noms qui forment le premier groupe réfèrent aux points de repères naturels (végétaux, milieux (terrains)) et architecturaux, caractéristiques du sol, professions ce qui détermine le rapport direct entre le nom et l'espace qu'il désigne. D'après nos recherches, le deuxième groupe unit des odonymes dérivés des noms des pérsonnalités provençales : écrivains, poètes, dramaturges ; peintres ; musiciens.

La France dispose d'un important patrimoine linguistique. La pluralité des langues régionales constitue l'identité culturelle du pays.

Le provençal est un dialecte parlé dans le Sud-Est de la France (essentiellement en Provence et dans l'extrême Est du Languedoc). Il se subdivise en plusieurs dialectes et est présenté à travers ses variantes locales, d'un espace allant d'Ouest en Est : marseillais, varois, niçois, nîmois, etc.

La Provence est une région historique et culturelle et une ancienne province. À l'heure actuelle elle existe en grande partie sous la forme recomposée de la région Provence-Alpes-Côte d'Azur.

Les langues régionales font partie de l'histoire et de la culture française, mais actuellement elles sont de moins et moins parlées. Ainsi, afin de promouvoir le provençal plusieurs activités sont organisées chaque année : festivals, conférences, cours. En plus, on crée des forums, édite les dictionnaires et faits des traductions des livres. En 2000 une association régionale *Le collectif Prouvènço* a été créé [8]. Elle œuvre pour la défense et la promotion de la langue et de la culture provençales.

Les langues régionales et les dialectes ont laissé des traces dans les odonymes (noms des rues, places, chemins, allées, etc.) et le provençal n'y est pas une exception.

L'espace méditerranéen est bien présenté dans les recherches onomastiques françaises. J.-C. Bouvier avec J.-M. Guillon étudient l'histoire des noms des rues d'Aix-en-Provence [5].

L'ouvrage «La toponymie urbaine : significations et enjeux» [4], accompli sous la direction de J.-C. Bouvier et J.-M. Guillon réunit dix-huit études de chercheurs en linguistique, géographie, sociologie et histoire. C'est un énorme travail dans l'étude des dénominations dans un paysage urbain à une époque donnée. Les auteurs cherchent à découvrir les significations et les enjeux qui se cachent derrière les noms des rues en analysant principalement la toponymie urbaine de la France méridionale et de l'Italie, des Pyrénées et de la Méditerranée.

Dans certaines villes du sud de la France surtout dans leur vieux centre de nombreux panneaux indiquent les anciens noms des rues ou les noms actuels en provençal. Selon P. Blanchet, « les années 1990–2004 ont vu se développer de façon marquante une signalétique en provençal, souvent bilingue français-provençal, dans les villes de Provence (panneaux d'entrée de communes, noms de rues et de bâtiments administratifs, plaques touristiques et historiques, etc.)» [3, 255]. On peut aussi considérer ce fait comme une occasion supplémentaire d'affirmer l'attachement à la culture provençale.

Avec l'objectif d'établir les groupes thématiques des odonymes qui sont porteurs de la culture provençale (soit ils sont issus du proveçal, soit ils sont nommés en l'honneur des originaires de la région) nous avons effectué une analyse du répertoire des noms des rues et des voies des villes suivantes se situant dans la région Provence-Alpes-Côte d'Azur :

1) Aix-en-Provence, ville et commune françaises du Sud-Est de la France, dans le département des Bouches-du-Rhône, dont elle est sous-préfecture ;

2) Avignon, ville du Sud de la France, située au confluent du Rhône et de la Durance, chef-lieu de l'arrondissement d'Avignon et du département de Vaucluse ;

3) Draguignan, commune française située dans le département du Var.

Ce sont des villes dont beaucoup de noms des rues ou des quartiers sont issus du provençal. Le matériau est tiré des dictionnaires des rues [1] et des ressources électroniques en accès libre [2 ; 6 ; 7].

Le premier groupe comprend les odonymes qui sont issus du provençal. D'après nos recherches, ces noms propres forment des groupes thématiques différents qui se réfèrent aux

1) points de repères naturels :

végétaux :

chemin du Baguier tire son nom du laurier-sauce (du provençal *baguié*) [7] (Draguignan) ;

place du Fabriguier (du provençal *fabreguié, fabriguié* 'micocoulier') est ombragée par un énorme micocoulier [7] (Draguignan) ;

rue du Fabriguier, qui débouche sur la rue de l'horloge, signifie qu'il y avait en cet endroit un micocoulier (du provençal *fabreguié*) [6] (Draguignan) ;

milieux (terrains) :

rue Courtil (du provençal *courtieu*) bordait les remparts : *lou courtieu* était le terrain qui bordait à l'intérieur les remparts de la ville [7] (Draguignan) ;

2) points de repères architecturaux. Ce sont de différentes constructions qui sont devenues des marqueurs des rues et qui ont des fonctions importantes :

traverse des Houillères s'appelait autrefois *des Houlières ou Oulières* (du provençal *ouliero* 'l'huile'). C'était la rue des huileries et des moulins à huile [7] (Draguignan) ;

montée des Oullières, signe que c'était la rue des huileries et des moulins à huile (du provençal *ouliero* 'huile') [6] (Draguignan) ;

rue de la Peyrollerie, c'était la rue des chaudronniers (du provençal *pairòu* 'chaudron' [2] (Avignon) ;

3) caractéristiques du sol :

chemin des Aréniers a été réputé pour la texture sablonneuse et légère de ses sols (du provençal *arenié* et du grec classique *arènos*, 'sable') [7] (Draguignan) ;

chemin de la Clappe provient du provençal *clapo* 'pierreux, caillouteux' [6] (Draguignan) ;

montée de la Roque rappelle que la dénomination provençale vient du mot *la roco* 'le rocher' [7] (Draguignan) ;

4) professions :

rue de la Carreterie était la rue des charretiers (du provençal *carreta* 'charrette'). Depuis le Moyen-Âge cette rue était le principal accès pour gagner le Palais des Papes [2] (Avignon) ;

rue de la Grande Fusterie. Les fustiers (est un terme dérivé du vieux français désignant plusieurs métiers de la construction, le plus souvent liés au travail du bois), charpentiers et marchands de bois, se sont installés très tôt au pied des arcades romaines et le long du Rhône. Au XIIIe siècle, les fustiers représentaient l'un des métiers les plus importants, et avaient leurs statuts particuliers [2] (Avignon).

Certains odonymes désignent les particularités de la localisation de la rue dans l'espace : *montée de la Calade*, ancienne voie muletière, rappelle que *la calado* est en provençal 'une rue abrupte' [7] (Draguignan).

Les dénominations qui sont déterminées par le rapport direct entre le nom et l'espace qu'il désigne et décrit s'inscrivent par conséquent dans la réalité de l'environnement urbain. Les réalités topographiques, architecturales ou encore sociales qui s'avérent assez significatives pour être à l'origine d'une caractérisation du lieu en constituant de véritables points de repères pour la collectivité.

Le deuxième groupe comprend les noms qui font réfèrence aux personnalités provençales. Elles sont originaires des villes où se trouvent les rues qui portent leurs noms ou d'autre villes de la Provence historique et culturelle.

Ce sont les odonymes basés sur les noms des

écrivains, poètes, dramaturges :

rue Alphonse Daudet (Aix-en-Provence, Avignon), *avenue Alphonse Daudet* **(**Draguignan). Alphonse Daudet, originaire de Nîmes, écrivain et auteur dramatique français ;

chemin Bruno Durand (Aix-en-Provence). Bruno Durand, originaire d'Aix-en-Provence, poète provençal, archiviste, bibliothécaire, historien et linguiste ;

rue Bruyes (Aix-en-Provence). Claude Brueys, poète, auteur dramatique provençal du début du XVIIe siècle ;

rue Charloun Rieu (Aix-en-Provence, Avignon). Charles Henri Rieu, dit Charloun Rieu, poète et conteur de langue provençale ;

avenue / rue / impasse Frédéric Mistral (Aix-en-Provence), *rue Frédéric Mistral* (Avignon), *boulevard Frédéric Mistral* **(**Draguignan). Frédéric Mistral, écrivain et lexicographe français, membre de l'Académie de Marseille, Chevalier de la Légion d'honneur. Prix Nobel de littérature en 1904 pour une oeuvre *«Mirèio» («Mireille»)* écrite en provençal ;

rue Jean Aicard (Avignon, Draguignan). Jean Aicard, poète et écrivain provençal émérite ;

rue Joseph d'Arbaud (Aix-en-Provence), *avenue Joseph d'Arbaud* (Avignon). Joseph d'Arbaud, poète provençal d'expression provençale ;

rue Roumanille (Aix-en-Provence), *rue Joseph Roumanille* (Avignon, Draguignan). Joseph Roumanille, écrivain, libraire et éditeur français d'expression provençale ;

peintres :

rue / impasse Granet (Aix-en-Provence). François Marius Granet, originaire d'Aix-en-Provence, peintre et dessinateur néoclassique français ;

rue Constantin (Aix-en-Provence). Jean-Antoine Constantin, plus connu sous le nom de Constantin d'Aix, originaire de Marseille, peintre français, élève de David de Marseille, directeur de l'école de dessin d'Aix-en-Provence. Il est considéré comme l'un des pères de la peinture provençale ;

avenue Paul Cézanne (Aix-en-Provence), *rue Paul Cézanne* (Avignon, Draguignan). Paul Cézanne, originaire d'Aix-en-Provence, peintre français, représentant du mouvement impressionniste, considéré comme le précurseur du post-impressionnisme et du cubisme ;

musiciens :

avenue Darius Milhaud (Aix-en-Provence). Darius Milhaud, originaire de Marseille, compositeur français de musique classique.

Ainsi, les noms des rues sont porteurs de la langue et de la culture provençales. Le groupe des odonymes qui sont issus du provençal réfèrent aux points de repères naturels (végétaux, milieux (terrains)) et architecturaux, caractéristiques du sol, professions ce qui permet de caractériser l'emplacement des voies par rapport au contexte rural. La nomination des rues en provençal permet d'affirmer l'identité de la ville.

Le répertoire des odonymes comprend les noms qui réfèrent non seulement aux personnalités qui sont connues dans le monde entier, mais aussi à celles qui sont originaires de la ville et sont porteurs de la culture provençale (écrivains, poètes, dramaturges ; peintres ; musiciens). Ainsi les villes honorent leur langue et leur culture.

Bibliographie

1. Achard, P. Guide du voyageur ou dictionnaire historique de la ville d'Avignon / P. Achard. – Avignon : Seguin aîné, imprimeur-libraire, 1857. – 192 p.
2. Avignon : du nom des rues [Ressource électronique]. – Mode d'accès: http://avignon-etats-lieux.blogspot.com/p/avignon-du-nom-des-rues.html. – Date d'accès: 10.01.2020.
3. Blanchet, P. Usages actuels du provençal dans la signalétique urbaine en Provence : motivations, significations et enjeux sociolinguistiques / P. Blanchet // Revue de l'Université de Moncton. – 2005. – 36 (1). – C. 255–287.
4. Bouvier, J.-C. La toponymie urbaine: significations et enjeux : actes du colloque, Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998 / UMR TELEMME ; sous la dir. de J.-C. Bouvier et J.-M. Guillon. – Paris, 2001. – 256 p.
5. Bouvier, J.-C. Le Panthéon provençal. Noms de rues et mise en scène du passé / J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon // Le nom propre a-t-il un sens? Les noms propres dans les espaces méditerranéens : ouvrages de XVième colloque international, Aix-en-Provence, 9–11 juin 2010 ; ed. J.-C. Bouvier. – Aix-en-Provence. – P. 373–391.
6. Dictionnaire des rues de Draguignan [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://fr.wikipedia.org/wiki/Dictionnaire_des_rues_de_Draguignan. – Date d'accès: 10.01.2020.
7. Domenge, J.-L. Noms provençaux de quelques rues et quartiers de Draguignan, dans Bulletin provençal «Lou terraire» [Ressource électronique] / J.-L. Domenge. – Mode d'accès: http://www.passionprovence.org/archives/2016/11/12/34376864.html. – Date d'accès: 10.01.2020.
8. Que sommes-nous ? [Ressource électronique]. – Mode d'accès: http://www.collectifprovence.com/-Que-sommes-nous-. – Date d'accès: 10.01.2020.

M. L. Darafeyenka
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: mari008@mail.ru

Regional languages and odonymy: the case of Provençal

Key words: regional languages, street names, odonymy, Provençal, urban toponymy.

In this article two groups of odonyms are analyzed: those from Provençal and those named in honor of Provençal personalities. We have established that the names of the first group refer to natural (plants, territorial space) and architectural landmarks, soil characteristics, professions, which determines the direct relationship between the name and the space it designates. According to our research, the second group unites odonyms derived from the names of Provencal personalities: writers, poets, playwrights ; painters ; musicians.

А. Н. Береснева
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: vkusnya6ka@mail.ru

УДК 811.111’271:070:159.942

Эмотивность как компонент воздействующей функции на материале англоязычных современных заголовков (возможности композиционно-синтаксического уровня)

Ключевые слова: публицистический текст, эмотивность, композиционно-синтаксический уровень, заголовок, лингвистическая репрезентация эмотивности.

Статья посвящена особенностям репрезентации категории эмотивности как компонента воздействующей функции в англоязычных заголовках современных публицистических произведений (сайт https://www.theguardian.com/international за период времени с конца 2019 до начала 2020 г.). Категория эмотивности рассматривается в её проявлениях преимущественно на композиционно-синтаксическом уровне. Приведены конкретные примеры, иллюстрирующие обращение авторов к таким средствам на вышеупомянутом уровне.

Являясь одним из самых подвижных функциональных стилей, публицистический стиль употребляется преимущественно в сфере политико-идеологических, общественных и культурных отношений и служит для передачи актуальной общественной информации параллельно с реализацией функции воздействия. В первую очередь данный стиль находит отражение в средствах массовой коммуникации (далее – СМК): газетах и журналах, радио и телевидении, разного рода интернет СМК и т. д. Информация, содержащаяся в публицистических речевых произведениях, предназначена не для узкого круга специалистов, а для широких слоёв общества. Следует отметить, что воздействующее влияние публицистических произведений направлено на чувства адресата, его эмоциональную сферу, а не только на разум. Публицистические произведения ставят перед собой задачу не только сообщать информацию, но и воздействовать как на индивидуальное, так и на массовое сознание и стимулировать определённые действия. Воздействие в этом случае выступает в качестве одной из главных функций речевого про-

изведения, достижению которой в той или иной степени подчинены **все** используемые в публицистических произведениях языковые средства.

В связи с выполняемыми основными функциями как отличительную черту публицистического текста следует отметить **эмотивность**. Эмотивность – лингвопсихологическая характеристика речевых средств или всего текста, понимаемого как совокупность языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, то есть вызвать у реципиента соответствующие эмоции [2, 185]. Она свойственна различным по своему характеру языковым средствам (лексическим, синтаксическим, словообразовательным и т. п.), которым в той или иной степени присуща эмоция-отношение.

Предваряя конкретный анализ текстового материала публицистического характера, необходимо остановиться на разграничении двух соположенных и в значительной своей части «пересекающихся» понятий: **эмотивность** и **эмоциональность**. Эмоциональность – качество, присущее человеческой личности; как правило, об эмоциональности говорят, характеризуя состояние психики, чувственный потенциал и т. п. человека, который может восприниматься другими как эмоциональный либо неэмоциональный. Понятие «эмотивность» также может использоваться для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями человеческой личности, однако не сводится лишь к ним. Так, в частности, эмотивность находится в тесном взаимодействии с оценкой: оценка может обойтись без эмотивности в случае её нейтрально-логического выражения; эмотивность же, напротив, заключает в себе и оценку. Эмотивность находит своё отображение во всех языках на всех уровнях его системы, однако степень этой представленности может быть чрезвычайно отличной.

Цель настоящей публикации – выявить и проанализировать наиболее характерные лингвостилистические средства и способы воплощения эмотивности как важной составляющей воздействующей функции на композиционном уровне публицистического произведения (акцент в данном случае сделан на заголовках журналистских публикаций).

Источником фактического материала для данного исследования послужили публицистические произведения с интернет-версии ежедневной британской леволиберальной газеты «The Guardian» (https://www.theguardian.com/international) за период времени с конца 2019 до начала 2020 гг. (в дальнейшем все цитаты приводятся по этому источнику с указанием лишь даты выхода анализируемого текста).

При проведении исследования был использован комплекс **методов**, среди которых: общенаучные – *наблюдение* и *обобщение*, а также филологические – *интерпретативный* и *классификационный* методы.

Заголовок (в случае его наличия), безусловно, является одной из наиболее весомых как в смысловом, так и в структурном отношении частью любого, в том числе и публицистического, произведения, входя в число «сильных» для восприятия любого текстового произведения позиций. При восприятии публицистического текста заголовок является первым из сигналов, побуждающих адресата либо внимательно и вдумчиво прочесть текст либо же просто бегло просмотреть его. Заголовок не только кратко информирует читателя о сути содержания публицистического материала, но часто и передаёт авторское отношение к имеющейся информации, что обусловливает наличие в нём эмоциональной окраски.

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что к числу наиболее активно используемых средств репрезентации категории эмотивности следует отнести средства ***структурно-синтаксического*** характера, в частности – выбор автором для заголовков синтаксических конструкций определённого типа.

Так, к числу преобладающих структурных типов заголовка, по нашим наблюдениям, следует отнести полные двусоставные предложения: «*Iran resumes uranium enrichment in new step away from nuclear deal*» (05.11.2019), «*Spike in Ebola cases alarms*

health officials in DRC» (13.12.2020*), «Twenty athletes set to light up the Tokyo 2020 Olympics»* (01.01.2020), «Police find 41 migrants alive in refrigerated truck in Greece» (04.11.2019), «*Chemical blast in Catalonia kills one and injures six*» (14.01.2020), *«Chelsea Warr quits UK Sport and jolts Britain's Olympic planning»* (15.01.2020), *«UK goods to face extra checks at borders under PM's Brexit plans»* (30.01.2020) – и подобные. Заголовки, являющиеся по своей структуре односоставными предложениями, нами практически не отмечены. С нашей точки зрения, это можно объяснить тем, что заголовки, представленные в виде полных двусоставных предложений, наиболее ёмко передают основную идею (т. е. являются более содержательными, а также в большинстве случаев предполагают и бóльшие возможности для выразительности.

Распространённым структурным типом заголовка в исследуемом материале являются также двухчастные бессоюзные конструкции, где в первой части названия констатируется тема публикации, которая конкретизируется второй частью высказывания. Таким заголовкам свойственно, как правило, чёткое интонационное деление, которое на письме чаще всего передаётся двоеточием: *«Sax, riots and racism: the radical jazz of Soweto Kinch»* (21.11.2019), «*President Macron is right: it's time Nato came to an end*» (04.12.2019), «*Cats premiere: mewls loom following ominous Globes result*» (13.12. 2019), «*'Queen's fury': what the papers say about Harry and Meghan's bombshell*» (09.01.2020), «*Energy bills: switch now to save more than £300*» (10.01.2010), *«Coronavirus: 100,000 may already be infected, experts warn»* (26.01.2020), *«Pets, pensions and Irish passports: readers' questions about post-Brexit rights»* (30.01.2020) и другие. Подобные заголовки отличаются существенно бóльшим объёмом, что соответственно усиливает информативность. В таких заголовках в разных частях синтаксической конструкции по-разному подаётся одно и то же событие: первая часть содержит более общую информацию (часто неразвёрнутую, обычно выражаемую именами существительными), а вторая часть – информацию уточняющего характера; как правило – более конкретную (а часто более полную и развёрнутую).

Ещё одной особенностью, отмеченной нами в процессе анализа, является широкое употребление заголовков – сложноподчинённых предложений с элементами косвенной речи: «*Katie Hill says 'double standard' forced her out in powerful speech to Congress*» (31.10.2019), «*Nicola Sturgeon says Scotland 'cannot be imprisoned in the UK'*» (15.12.2019), *«Iraq says it received warning from Tehran about strikes on airbases – as it happened»* (08.01.2020), *«Pompeo says killing of Suleimani is part of 'bigger strategy' to deter US foes»* (14.01.2020), *«Gary Lineker says BBC should make licence fee voluntary»* (27.01.2020), *«BBC announces 450 jobs will go in newsroom shake-up»* (29.01.2020). С нашей точки зрения, заголовки такого рода позволяют значительно повысить интерес читателей к воспринимаемому произведению, так как в них, как правило, фигурируют имена личностей или организаций со значимым общественным статусом. Особенно хорошо «работают» такие заголовки, если читатели настроены скептически по отношению к предлагаемой информации, а «эксплуатация» в заголовке имён известных людей, которые пользуются доверием в обществе, усиливает интерес к публикации.

Заслуживает внимания и характер используемых синтаксических конструкций по цели их высказывания – так, высокую продуктивность имеют вопросительные заголовочные конструкции: *«Foetus 18 Weeks: the greatest photograph of the 20th century?»* (18.11.2019), «*Selling James Bond: why No Time to Die is a product placement dream?*» (06.12.2019), «*How scientists are coping with 'ecological grief'*» (12.01.2020), «*Is Billie Eilish too cool for the James Bond franchise?*» (15.01.2020), *«Why the BBC is so bad at engaging younger audiences»* (28.01.2020), *«Why the Guardian will no longer accept fossil fuel advertising»* (29.01.2020), *«'It's a war zone': why is a generation of rappers dying young?»* (31.01.2020) и другие.

Безусловно, ничто не привлекает большего внимания, чем интрига, в большинстве случаев содержащаяся в вопросе. В вопросительных заголовочных конструкциях нередко заключается и мотив, побуждающий читателя более глубоко разобраться в затронутом автором материала проблеме, **тем самым вовлечённость читателя в процесс прочтения автоматически увеличивается.**

К вышеупомянутым конструкциям примыкают вопросно-ответные структуры: *«J-Lo for the win? Taking an early look at Oscars 2020 frontrunners»* (16.09.2019), *«Ban eating on public transport? It's a human right»* (10.10.2019), *«Underrated or overrated? Readers decide»* (19.12.2019), *«Chopped and screwed? How studio leaks are creating a new DIY rap music»* (03.01.2020) и другие. Основной особенностью этих конструкций является то, что они формируют в представляемом тексте диалогические отношения, где суть коммуникативного взаимодействия заключается в большинстве случаев именно во втором компоненте. **Такие заголовки** характеризуются более низкой избирательностью, но могут быть не менее эффективными, поскольку **провокация, интрига, двусмысленность**, содержащиеся во втором компоненте, создаются авторами публицистический произведений с целью **привлечь внимание читателя, актуализировать** его любопытство, чтобы во время прочтения публикации либо согласиться с точкой зрения автора, либо найти собственный ответ на сформулированный вопрос.

Достаточно типичным синтаксическим способом оформления заголовка в анализируемом публицистическом издании является, по нашим наблюдениям, и использование авторами синтаксических конструкций (в числе которых простые и сложные предложения, а также микроконтексты, где восклицательное предложение является одним из компонентов), восклицательных по своей эмоциональной окраске: «*Oh what a night! Twitter brings £1,000 worth of orders to empty bookshop*» (14.01.2020), «*Give us real pasties! Why Gregg is leaving Cornwall*» (15.01.2020), *«Toby Jones: 'Actors talking about acting? It makes you scream!'»* (21.01.2020*),* «*Don't panic! Dr Matt Hancock will protect us from the coronavirus»* (23.01.2020) и другие подобного характера заголовки. Такие заголовки характеризуются особенно высокой степенью эмотивности, поскольку восклицательная интонация по определению используется для выражения эмоций, таких как удивление, гнев, радость, восхищение, убеждённость в своей правоте.

Одним из наиболее репрезентативных воплощений синтаксического уровня, безусловно, является его пунктуационное оформление. Разнообразие пунктуационных знаков, которым характеризуется практически каждый из выделенных нами типов конструкций, позволяет предположить, что пунктуация достаточно активно участвует и в выражении эмотивного содержания.

В проанализированных нами заголовках были рассмотрены значения вопросительного и восклицательного знака, которые традиционно ставятся в конце предложений. Поскольку ранее было отмечено, что самым распространённым структурным типом заголовка являются двухчастные бессоюзные конструкции, содержащие двоеточие, стоит обратить внимание, что этот знак препинания, как правило, используется в предложениях с чётким интонационным делением, где первая часть фразы описывает проблему, событие, персону, место действия и тому подобные реалии, а вторая часть конструкции конкретизирует смысл первой. В этом случае двоеточие придаёт заголовку особую «энергичность» и делает его особо впечатляющим.

Вторым после двоеточия по распространённости пунктуационным знаком в заголовке является тире: *«Introducing the new Daily app – a different experience for our digital subscribers»* (17.12.2019), *«Joker leads Oscars 2020 pack – but Academy just trumps Baftas for diversity»* (13.01.2020), *«Slaves, nannies, and maids: Oscars value women of colour – in subservient roles»* (14.01.2020), *«Japan's lack of snow melts Olympic cooling plans – and wrecks ski season»* (23.01.2020), *«Sajid Javid set to back HS2 at crunch meeting – as it hap-*

pened» (30.01.2020), *«We remainers must now aim for Britain to do well – and the EU even better»* (31.01.2020), *«Casting directors are essential to any great film – so where are their Oscars?»* (31.01.2020). Приведённые примеры позволяют утверждать, что тире в заголовках ставится для усиления смысловых акцентов на подаваемом материале; а также придаёт заголовку большую динамичность, и соответственно делает заголовок легче воспринимаемым. Как правило, тире используется тогда, когда во второй части требуется подчеркнуть вывод или результат первой части конструкции, сделать акцент на противопоставлении, актуализировать эффект неожиданности и т. д.

Одним из наиболее активно используемых знаков в анализируемом материале является и запятая, однако с позиции репрезентации эмотивности особого интереса данный пунктуационный знак не представляет.

Заголовки с многоточием нами практически не отмечены. Однако, в ряде отмеченных примеров: *«Queen sad… Charles and Wills furious»* (10.01.2020), *«Edwin Moses: 'We all knew doping was happening ... it was a dark period in athletics'»* (06.02.2020) – мы наблюдаем, что многоточие, как правило, ставится в середине заголовка. С нашей точки зрения, это можно объяснить употреблением многоточия для выражения неожиданного перехода ко второй части заголовка, или же для подчёркивания несоответствия между содержанием обеих частей.

Подытоживая результаты проведённых нами наблюдений, следует констатировать, что синтаксическое оформление такого значимого композиционного компонента публицистического произведения, которым является его заголовок, становится в современной англоязычной публицистике важным (часто – крайне необходимым) способом воплощения эмотивности. Проанализированный материал показал, что в этом случае к выражению эмотивности авторами активно привлекается и один из традиционно считающихся «консервативным» уровней – синтаксический. Это подтверждает положение о том, что именно публицистика и в современный период является своего рода лабораторией для апробации многих речевых явлений и процессов, ранее не свойственных публицистическому стилю английского языка.

Литература

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Герасименко, И. Е. Эмотивность как лингвистическая категория / И. Е. Герасименко, О. М. Тютрина // Молодой учёный [Электронный ресурс]. – 2016. – №13.2. – С. 23–25. − Режим доступа : https://moluch.ru/archive/117/32368 – Дата доступа : 02.01.2020.
3. Маслова, В. А. Параметры экспрессивности текста / В. А. Маслова // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности : монография / В. Н. Телия [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991.− С. 179−205.
4. Пешкова, Ю. В. Взаимосвязь синтаксической структуры и функций заголовков немецких новостных текстов / Ю. В. Пешкова // Вестник ВГУ [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1 – С. 147–150. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-sintaksicheskoy-struktury-i-funktsiy-zagolovkov-nemetskih-novostnyh-tekstov. – Дата доступа : 02.02.2020.
5. Чупракова, Е. В. Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте / Е. В. Чупракова, Е. С. Попович // Общество и право [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 (48) – С. 336–340. − Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reprezentatsii-kategorii-emotivnosti-v-angliyskom-publitsisticheskom-tekste/viewer – Дата доступа : 08.01.2020.
6. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – 2-изд., испр. и доп. – М. : URSS, 2008. – 208 с.

A. N. Beresneva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vkusnya6ka@mail.ru

Emotivity as a component of the appealing function on the material of modern English-speaking headlines (possibilities of a compositional-syntactic level)

Key words: publicistic text, emotivity, compositional-syntactic level, headlines, linguistic representation of emotivity.

The article is devoted to the peculiarities of the category of emotivity representation as a component of the appealing function in terms of the English-speaking headlines of modern publicistic texts (website https://www.theguardian.com/international for the period of late 2019 to early 2020). The category of emotivity is considered in all its forms at the compositional-syntactic level. Actual examples illustrating the authors' appeal to such means are given at the abovementioned level.

А. С. Булыня
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: AnneBouligna@gmail.com

УДК [811.133.1’25:811.161.1’25]:347.91

Проблемы достижения адекватности перевода на русский язык французской юридической терминологии в сфере медиации

Ключевые слова: юрислингвистика, перевод специальных текстов, эквивалент иноязычного термина, безэквивалентный термин, переводческая трансформация.

В статье была предпринята попытка проанализировать особенности перевода французских юридических терминов, а предметом анализа послужили юридические тексты по медиации.

В настоящее время существует определенный пробел на стыке языкознания и правовых наук, поскольку нет должного взаимодействия между специалистами в данных областях. Но, несмотря на недостаточность исследований, тема взаимодействия языка и права в последнее время приобретает все большую актуальность, и в лингвистике выделилось особое направление – правовая лингвистика или юрислингвистика.

Медиация – это процесс, в котором стороны встречаются с совместно избранным, беспристрастным, нейтральным специалистом-медиатором, который помогает им вести переговоры, с целью выработки взаимоприемлемого жизнеспособного решения в условиях существующих между ними различий интересов.

Сегодня медиация распространилась и внедрилась в правовую и общественную практику. Становление медиации как новой области правоведения влечет за собой появление новой терминологии, в связи с чем актуальна проблема поиска адекватных словарных соответствий при переводе.

Если задача перевода – обеспечение эквивалентности как общности содержания текстов оригинала и перевода, то при переводе специальных текстов терминам следует уделять особое внимание, так как именно они определяют информационное содержа-

ние специального текста, являясь своеобразными ключами, организующими, структурирующими и кодирующими специальную информацию.

В. С. Виноградов определяет эквивалентность как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [1, 17]. Также он выделяет шесть основных функционально-стилевых типов текстов для перевода: разговорные, официально-деловые, общественно-информативные, научные, художественные и религиозные. Согласно этой классификации, юридические тексты относятся к официально-деловым текстам, которые полностью ориентированы на передачу содержания. К таким документам нередко применяется прием дословного перевода, поскольку русскому языку присуще меньшее количество устоявшихся риторических штампов, чем в европейских языках.

Лингвист С. В. Гринев выделяет особенности подбора эквивалентов для иноязычных терминов. Он считает, что «с лексической точки зрения, при переводе терминов возможны две основные ситуации – когда в русском языке права существуют эквиваленты иноязычного термина, зафиксированные в переводных словарях, и когда такие эквиваленты отсутствуют. В первом случае может существовать один или несколько вариантов перевода иноязычного термина. Если имеется один эквивалент, то такая ситуация перевода не представляет особых трудностей, так как необходимо только проверить адекватность замены в конкретном тексте». При наличии нескольких эквивалентов перевода необходимо выбирать наиболее адекватный в данном случае вариант перевода, что не всегда является простой задачей из-за несоответствия терминологий» [2, 261].

Проблемам вариантности следует уделять особое внимание при переводе единиц, принадлежащим национальным терминологиям и терминосистемам. К особенностям перевода терминов относят вариантность перевода [6, 13]. Это является вполне нормальным объективным явлением, обусловленным тем, что национальные терминологии развиваются в разных социально-культурных и исторических условиях. В большинстве случаев между терминами разных языков нет полной эквивалентности. Тем не менее, существующая тенденция включения в словарь избыточных вариантов, отражающих окказиональное употребление иноязычных терминов, вызывает значительные трудности в работе переводчика.

По мнению некоторых ученых, в том случае, когда в языке нет эквивалента иноязычному термину, возможны четыре случая:

а) материальное заимствование иноязычного термина с соблюдением определенных правил его транскрибирования или транслитерации и кратким толкованием;

б) семантическое калькирование иноязычного термина, что возможно в том случае, если он появился в результате семантического переноса;

в) пословный перевод;

г) перевод иноязычного термина с помощью описательного оборота.

В момент перевода переводчик сближает две лингвистические системы, одна из которых эксплицитна и устойчива, а другая – потенциальна и адаптируема. Неточность в истолковании, основанном исключительно на собственном культурном опыте, может привести к коммуникативной неудаче [4, 10]. Вот простейшие примеры. Термины «*соучастие*» и «*соучастник*» не представляют никакой, казалось бы, проблемы для перевода (*complicité f* и *complice m, f* соответственно). Но для русскоговорящего юриста соучастие есть отягчающее обстоятельство. Для французского – нет, соучастник подвергается такому наказанию, как если бы он был исполнителем.

Различная системная организация и, как следствие, различная степень дифференциации явлений вызывает свои трудности [3, 133]. Многие явления присутствуют в обеих системах, но представлены они совершенно по-разному: напрмер, категории уголовного пра-

вонарушения. Признаки уголовного правонарушения во французской системе не полностью совпадают с признаками преступления в русскоязычной правовой системе. Более того, содержание одного из признаков, выделяемых во французском уголовном праве (*élément m moral – психологический признак*), рассматривается в русской судебной практике не в рамках признаков, а в рамках субъективной стороны преступления.

Главная проблема юридического языка – это различие правовых систем, ведь юридический перевод всегда является переводом из одной правовой системы в другую. Так, например, во французском уголовном праве зафиксировано три вида уголовных деяний: *crime m, délit m, contravention f* (по нисходящей) и родовое понятие «*infraction f*». В российском же праве их четыре, все они именуются «*преступлением*» и различаются по степени тяжести: особо тяжкие, тяжкие, средней тяжести и небольшой тяжести. В свою очередь, во французской системе отсутствует в чистом виде понятие «состав преступления». Наиболее близкий термин – «*incrimination f*», но в ряде контекстов можно использовать «*infraction f*» (собственно *правонарушение*), «*corps m du délit*».

Нельзя рассматривать терминологию отдельно, речь всегда идет о переводе из одной правовой системы в другую. Правовые системы разных стран неповторимы и несут на себе отпечаток особенностей политической, экономической, социальной и духовной сторон жизни человека, характерных для каждой нации. Выбор того или иного эквивалента на практике будет диктоваться рядом обстоятельств: контекстом, ситуацией, целевой аудиторией, требованиями со стороны заказчика. В случае если вся сумма лингвистических, страноведческих, культурных и правовых знаний не учитывается, возникает множество проблем при переводе термина и во взаимодействии правовых институтов.

По законодательству Франции, медиация (ст. 41–1 УПК Франции) заключается в том, что прокурор, полагая возможным разрешить уголовно-правовой конфликт при непосредственном участии сторон без участия суда, с согласия правонарушителя и пострадавшего от его действий передает материалы о правонарушении в какую-либо специализированную структуру для проведения примирительных процедур либо сам осуществляет для этого необходимые посреднические действия по их примирению. Если в ходе медиационных процедур стороны достигли примирения, заключается соответствующее соглашение, если нет – имеющиеся материалы прокурор вновь рассматривает в качестве повода для возбуждения публичного уголовного преследования.

Некоторые современные словари дают однозначный перевод слова «*médiation f*» как «*посредничество*». Другие в качестве синонима приводят слово «*conciliation f*» – примирение сторон. Зарубежные организации, занимающиеся вопросами медиации, указывают на то, что медиатор только способствует сближению позиций спорящих сторон, но сам не предлагает готовые рецепты примирения. В русскоязычной терминологии, напротив, считается, что медиатор должен вырабатывать собственную позицию и приводить к ней участников процесса.

Так как медиация является новой научной дисциплиной, ее терминология находится в стадии формирования. В связи с этим возникает проблема поиска адекватных словарных соответствий при переводе. Проблема осложняется тем, что многие реалии правового порядка отсутствуют в русскоязычной судебной практике. В данном случае специалист вынужден обращаться к переводческим трансформациям.

В переводческой практике часто используется транслитерация и транскрипция для перевода множества терминологических единиц. Этот прием перевода можно рассматривать как приемлемый при условии следования далее разъяснительного перевода. Пословный перевод не способен в полной мере отразить семантику понятия и может вызвать тем самым трудности в понимании для адресата, поэтому транслитерация применяется в сочетании с описательным переводом, который заключается в раскрытии значения безэквивалентной лексической единицы при помощи развернутых словосочетаний:

При этом следует упомянуть о том, что данный способ, с одной стороны, приводит к интернационализации терминологических систем, с другой стороны, следствием этого приема может явиться необоснованное заимствование [5, 65].

Например, при переводе таких терминов медиации, как *procédure f participative (партиципативное судебное производство)* и *justice f rétributive (ретрибутивная юстиция)*, используется транслитерация. Для того чтобы исключить затруднения в понимании значения данных терминов адресатом, нужно расширить содержание термина словами нейтральной лексики: *партиципативное судопроизводство* – процесс, в ходе которого между спорящими сторонами заключается соглашение с целью мирного разрешения конфликта; *ретрибутивная юстиция* – возмещение правонарушителем ущерба.

Сложность перевода связанатак же с многозначностью большинства французских юридических терминов, употребляющихся в текстах такого характера: *immobilisation f* – «превращение движимого имущества в недвижимое, невозможность отчуждения, штраф за простой».

Такой тип соответствия называется вариантным соответствием. В данном случае переводчик производит выбор из нескольких вариантов, исходя из контекста.

Также обязательной предпосылкой успешного перевода иноязычной юридической терминологии является овладение профессионально ориентированными социокультурными фоновыми знаниями в области права как своего, так и иностранного государства.

Контрастивный анализ французской и русской терминологии в различных областях права и, в частности, в сфере медиации обнаруживает наличие широкого пласта безэквивалентных терминов ввиду весьма значительных различий между двумя правовыми системами – кодифицированной континентальной и прецедентной романо-германской. Это дает возможность обозначить их впервые предложенным ученым, А. Д. Швейцером названием «термин-реалия»: Классическими примерами являются названия юридических должностей и профессий: *juge m de grande instance – член суда большой инстанции, juge m de jugement – судья, рассматривающий дело (в отличие от следственного судьи), juge m de l'application des peines – судья по исполнению наказаний.*

При переводе таких словосочетаний применяют функциональные аналоги, то есть используют приближенный перевод для сохранения коммуникативной ценности фразы:

Cette mesure peut consister dans l'accomplissement par l'auteur des faits, à ses frais, d'un stage ou d'une formation dans un service ou organisme sanitaire, social ou professionnel, et notamment d'un stage citoyenneté, d'un stage de responsabilité parentale ou d'un stage de sensibilisation aux dangers de l'usage de produits stupéfiants; en cas d'infraction commise à l'occasion de la conduite d'un véhicule terrestre à moteur, cette mesure peut consister dans l'accomplissement, par l'auteur des faits, à ses frais, d'un stage de sensibilisation à la sécurité routière. – Такая мера может предполагать участие правонарушителя в исправительных программах за собственный счет в лечебном, социальном или профессиональном учреждении, в программе развития гражданского самосознания, в специальных программах для родителей, в программах реабилитации для наркоманов; в случае совершения правонарушения при управлении дорожным транспортным средством эта мера может заключаться в прохождении правонарушителем за собственный счет исправительных программ для нарушителей дорожного движения.

Понимание и, следовательно, представление адекватного перевода безэквивалентной лексики требуют от переводчика не просто лингвистической компетенции, но и проникновения в сферу правоведения.

Литература

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.

3. Ткачева, Л. Б. Экстралингвистическая обусловленность лингвистических процессов в терминологии / Л. Б. Ткачева // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1986. – 156 с.

4. Уткина, Л. Н. Функциональные аспекты лингвистической терминологии в разных подходах к изучению языка (на материале англоязычной лингвистической литературы) : автореф. дис. … филол. наук: 10. 02. 04 / Л. Н. Уткина. – Тула, 2001. – 24 с.

5. Швейцер, А. Д. Перевод и культурная традиция / А. Д. Швейцер // Перевод и лингвистика текста: сб. статей. – М. : Всероссийский центр переводов, 1994. – С. 64 – 75.

6. Швейцер, А. Д. Эквивалентность и адекватность / А. Д. Швейцер // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров : сб. науч. тр. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1989. – 25 с.

A. S. Bulynya
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: AnneBouligna@gmail.com

Problems of achieving the adequacy of the translation into Russian of the French juridical terminology in the field of mediation

Key words: juridical linguistics, translation of special texts, equivalent of a foreign language term, equivalent term, translation transformation.

The article made an attempt to analyze the features of the translation of French legal terms, and the subject of analysis was legal texts on mediation.

О. И. Воробьёва
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: vorobeva-7@bk.ru

УДК 378.147:81’276:659.121.1

Формирование лингвистической компетенции студентов языковых специальностей посредством наружной рекламы

Ключевые слова: компетенция, аутентичные тексты, наружная реклама.

В статье рассматривается понятие языковой компетенции, определяются её структуру и содержание; обнаруживаются факторы формирования языковой компетенции студентов лингвистических специальностей; определяются характерные черты текстов рекламы как аутентичных материалов; выявляются приемы использования текстов рекламы в процессе формирования лингвистической компетенции студентов.

Образование, которое отвечает современным требованиям социума, должно быть направлено на интеграцию не только социальных и индивидуальных, но и культурологических аспектов личности и её деятельности. Подготовка специалистов в системе образования должна быть наполнена социальными, профессиональными, личностными и межкультурными компонентами, обеспечивая профессиональную компетентность, социальную мобильность, готовность к саморазвитию и самореализации и межкультурному взаимодействию. Организация специальной культуроориентированной языковой подготовки обеспечивает успешное участие специалистов в межкультурной коммуникации. Этому может способствовать применение на занятиях аутентичных материалов, отражающих специфику народа изучаемого языка.

Средства обучения, взятые из оригинальных источников, помогают воспринимать иностранный язык как иную социокультурную реальность и, тем самым, являются особо ценными. Оригинальные материалы на иностранном языке, в частности, тексты рекламы способствуют наиболее эффективному решению коммуникативных задач, в связи с тем, что дают возможность моделировать такие ситуации общения, которые наибольшим образом приближены к естественным условиям. Это позволяет в дальнейшем использовать иностранный язык не только в профессиональной деятельности, но и в условиях взаимодействия разных культур, и, тем самым дополнительно мотивирует обучающихся. Таким образом, вопрос формирования лингвистической компетенции у студентов языковых специальностей является актуальным и представляет значимость для методики преподавания иностранных языков.

Вопросами формирования языковой, или лингвистической, компетенции занимались такие учёные, как С. Савиньон [12], Г.В. Колшанский [4], И.А. Зимняя [3], Е.И. Пассов [9], И.Л. Бим [1], А.Н. Щукин [10] и другие. В области формирования языковой компетенции с использованием аутентичных материалов осуществлены определённые наработки, которые находят отражение, в частности, в работах Г.И. Ворониной [2], Е.М. Медведевой [5], А.А. Миролюбова [6], Е.В. Носоновича [7], В.В. Сафоновой[9], J. Harmer [11]. Однако проведённые в этой области исследования нельзя назвать исчерпывающими, что также послужило мотивом к исследованию этой проблемы. В связи с этим целью нашего исследования является выявление комплекса упражнений с использованием текстов рекламы, направленного на формирование лингвистической компетенции студентов языковых специальностей.

Исходя из цели исследования, мы выдвигаем следующие задачи: изучить проблему формирования языковой компетенции в теоретическом аспекте; рассмотреть понятие языковой компетенции, определить её структуру и содержание; обнаружить факторы формирования языковой компетенции студентов лингвистических специальностей; определить характерные черты текстов рекламы как аутентичных материалов; выявить приемы использования текстов рекламы в процессе формирования лингвистической компетенции студентов.

Термин «языковая, или лингвистическая, компетенция» с момента его введения подвергался неоднократным изменениям, и единого толкования данного понятия нет. Языковая компетенция является одним из основных компонентов коммуникативной компетенции, получая при этом различные названия – лингвистическая, языковая или грамматическая компетенция. В методике обучения иностранным языкам существует большое количество концепций структуры языковой компетенции, которые отличаются разнообразием компонентного состава. Тем не менее, общими и основными компонентами языковой компетенции следует считать фонетическую, лексическую и грамматическую субкомпетенции, которые необходимо целенаправленно формировать на всех этапах изучения иностранного языка.

Можно выделить следующие педагогические условия формирования языковой компетенции у студентов языковых специальностей: 1) создание интерактивной коммуникативной среды; 2) отбор и применение на практике иноязычных аутентичных материалов. Достижение автоматизации осуществляется при постоянном использовании языка в речи в естественных условиях. Поэтому специально создаётся интерактивная среда для осуществления коммуникации. Целью применения приемов взаимодействия на занятиях является межличностная коммуникация, социальное общение, в основе такого обучения лежит процесс моделирования различных ситуаций общения с целью решения коммуникативных задач. Интерактивные технологии обучения предполагают также диалоговое общение. Педагогическая интеракция является основой коммуникации и диалогического взаимодействия, что ведёт к взаимопониманию, решению общих

задач. Диалог, как форма интерактивного взаимодействия на занятиях, наиболее полно и точно воссоздаёт картину реального общения, что, в свою очередь, способствует формированию языковой компетенции. Создание интерактивной коммуникативной среды является не единственным условием для стимула речевого общения учащихся и формирования языковой компетенции. Немаловажную роль здесь играет применение на занятиях аутентичных материалов.

Наружная реклама – один из самых эффективных видов рекламных услуг. Это средство воздействия, позволяющее привлечь внимание реципиента не дома или в офисе, а на улице или в транспорте. Реклама – это социально обусловленный знак семиотики, который зачастую отражает все изменения, происходящие в социуме. Это неотъемлемый феномен массовой коммуникации и незаменимый свидетель речевой культуры нашего времени. Наружная реклама непосредственно включена в социальный опыт, познавательный, языковой процесс и речевой поток социума.

Рекламные тексты призваны оказать непосредственное эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию, часто апеллируют к системе ценностей человека, для чего используются разнообразные средства языка: 1) фонетические; 2) лексические; 3) грамматические. Фонетическим средствам оформления рекламного текста отводится особая роль, так как с их помощью текст обретает особую ритмику и мелодику, выразительность и эмоциональность. Рекламируемый продукт легко запоминается благодаря рифме: *Меньше трачу, покупая на дачу! Пятый элемент.*

Внедрение в дискурс наружной рекламы звукоподражательных слов создает ассоциативные впечатления у потенциальных потребителей и придает рекламе большую эмоциональную нагрузку, например: *ДЕЛИСЬ ДОЛЬШШШЕ! STIX; ВАНИЛЛА-ЛА-ЛА. Открой свою VANILLA.Coca-Cola.*

Лексические средства языка, используемые в рекламном дискурсе, часто отличаются эмоциональной окрашенностью и оценочностью. Слова с высокой «рекламной ценностью» формируют образ рекламируемого предмета. Обыгрывание языковой неоднозначности – довольно частый прием создателей рекламы. Способы достижения такого эффекта весьма разнообразны. Наиболее частотные из лексических средств: 1. Языковая игра, представляющая собой эффективный способ обыгрывания формы и значения слов. Интеллектуальное и эстетическое удовольствие, полученное адресатом от рекламы, его одобрительная оценка изобретательности создателей этой рекламы распространятся и на сам рекламируемый объект: *Exiteq – техника Вашего дома.* 2. Аллюзия, при которой используются фрагменты культуры, известные целевой аудитории рекламы. Это могут быть названия кинофильмов, произведений искусства, строки из популярных песен, стихов, анекдотов, афоризмов, географические названия, даже пословицы и поговорки. Так как аллюзия, как правило, содержит отсылку к известным фактам, то у потребителя формируется некоторая степень доверия к рекламируемому товару: *КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. В законодательстве важна каждя запятая, каждое слово, каждая буква. Официальная правова информация ЭТАЛОН.* 3. Эпитеты, с помощью которых можно подчеркнуть характерные свойства рекламируемых товаров и которые используются в самой разной рекламе, начиная от рекламы косметики и заканчивая рекламой алкогольной продукции. *С Новым вкусным годом! Славянский мясокомбинат.* По сути, здесь весь рекламный слоган является эпитетом, что и делает рекламу такой яркой и запоминающейся. 4. Олицетворение, состоящее в том, что неодушевленный предмет наделяется некоторыми качествами, присущими человеку: *Яго любяць усе. Безлімітны інтэрнэт.*

К средствам языка, используемым для выражения грамматических значений, следует отнести следующие: 1. Повелительное наклонение (императив). Повелительное наклонение, будучи одним из средств реализации воздействующей функции рекламы

в своих прямых формах, используется при обращении чаще всего к молодежной аудитории: *Just do it. Nike; Think different. Apple; Share a coke. Coca-Cola. Have a break, Have a Kit-Kat; Каб усе ішло па плану, шукай Бош Сэрвіс у тваім горадзе; Героем быть легко. Начните сортировать отходы!;Have it your way. Burger King.* Наиболее употребительной формой изъявительного наклонения является настоящее время: *Ювелир карат. Новогодний беспредел. Разбиваем цены пополам!; Ветроэнергетика Беларуси. Чистая окружающая среда. Мы используем ветер уже много столетий!;The Star always shines from above. Mercedes Benz; Quality never goes out of style. Levi's; America runs on Dunkin. Dunkin' Donuts; Спасибо, что собираете раздельно!* Яркой и воздействующей на адресата формой речи в наружной рекламе является инверсия. Например, в рекламе спортивных товаров *Impossible is nothing. Adidas*. можно наблюдать инверсию, поскольку слово nothing, являющееся подлежащим в данном предложении, стоит после сказуемого. Согласно прямому порядку слов в повествовательном английском предложении за подлежащим следует сказуемое. Данная перестановка призвана сделать логическое ударение на подлежащее, именно поэтому при построении рекламного текста использовалась инверсия.

Таким образом, наружная реклама многообразно привлекает возможности употребления разноуровневых средств языка. С их помощью создается образ рекламируемого предмета, который позднее формирует в сознании человека представление о товаре. Лексика рекламы, зачастую положительно окрашенная, не только образует буквальный смысл, но и информирует об экономике, культуре, общественном укладе социума. работа с текстами наружной рекламы, основанная на анализе языка рекламных сообщений, выявлении механизмов его воздействия, определении комплекса языковых средств и приемов создания рекламы, может способствовать формированию языковой компетенции студентов.

Аутентичные материалы рекламы являются хорошим подспорьем для развития всех видов речевой деятельности, представляют собой единство зрительной, образной, слуховой наглядности, создавая ситуацию дистанционного погружения в естественную среду. Материалы на иностранном языке богаты реалиями, лексическими единицами и грамматическими конструкциями, отражающими иностранную культуру, менталитет, жизнь общества разных эпох. Язык в них выступает как средство естественного общения, раскрывая идеи, мысли, наследие культуры. Аутентичные материалы представляют собой хороший речевой образец (фонетический, лексический, грамматический), позволяющий получить наиболее точное представление о стране изучаемого языка. Отобранные материалы послужили основой для создания комплекса упражнений с использованием текстов рекламы. Языковую компетенцию необходимо формировать в совокупности со всеми её составляющими. Поэтому в комплекс мы включили упражнения по развитию всех видов речевой деятельности (говорения, аудирования, чтения и письма) и навыков (лексических, фонетических, грамматических). Для удобства и системности мы разделили все упражнения на четыре блока согласно видам речевой деятельности. В каждом блоке упражнения располагаются согласно трём этапам работы над текстом: предтекстовый, текстовый, послетекстовый. Ниже мы предлагаем рассмотреть упражнения для работы с аутентичным текстом, составленные на основе рекламы на русском, белорусском и английском языках.

Для развития навыков говорения мы предлагаем следующие упражнения: Предтекстовый этап: 1) на предтекстовом этапе обучающимся приводится заголовок произведения рекламы, отсылающий к объекту рекламирования. Студентам предлагается подумать над этими словами, высказать своё мнение, выразить согласие или несогласие, обосновать свою точку зрения; 2) на этом же этапе мы предлагаем поработать с заголовком и слоганом рекламы и составить ассоциограмму. Кроме того, студенты должны

обосновать свою ассоциацию. В центре может располагаться основная рекламная идея, ключевое слово, символ, предмет, играющий важную роль в архитектонике сообщения и т.д. Данную работу с ассоциациями можно также оформить в виде ментальной карты. Одним из распространённых и достаточно продуктивных упражнений при работе с заголовком, является следующее: обучающимся предлагается, основываясь на названии, догадаться о содержании текста, высказать мысли по поводу объекта рекламирования. Упражнения такого типа с высказыванием собственного мнения способствует развитию логического мышления и хорошо применимы на всех этапах работы с текстом. Кроме того, данное упражнение также можно применять при работе над говорением. **Текстовый этап**. Эффективными на текстовом этапе являются упражнения, направленные на работу с лексикой и грамматикой. Например: *Дайте дефиницию слова, не называя его; остальным необходимо догадаться, о каком понятии идёт речь*; *Замените выделенные в тексте слова синонимами, подберите антонимы; Переделайте предложение грамматически, используя сослагательное наклонение; Выполните адекватный перевод рекламы с русского, белорусского на английский язык.* Интересным при обсуждении содержания текста является следующее упражнение: первый обучающийся задаёт вопрос касательно того, что и каким образом представлено в рекламном обращении, и называет того, кто будет отвечать на данный вопрос. Второй студент, ответив на предыдущий вопрос, задаёт свой и т.д. по цепочке. Послетекстовый этап. *Сформулируйте цель, которая, по вашему мнению, стояла перед автором текста. Какими языковыми средствами она бы была реализована в иной культуре?* Можно предложить обучающимся выполнить упражнения на развитие навыков письма: на предтекстовом этапе: *1) выпишите из текста глаголы в повелительном наклонении, определите их роль в создании рекламного эффекта*. На текстовом этапе: *Допишите заключительную часть рекламного обращения*. На послетекстовом этапе: *измените логическое содержание текста и запишите его, представьте свои варианты*. 5) *напишите автору рецензию по организации рекламного послания, укажите положительные и отрицательные моменты. Напишите к тексту новый заголовок или слоган.* Целесообразно использовать ряд упражнений на аудирование. На предтекстовом этапе: 1) *послушайте и повторите за диктором слова и словосочетания; 2) послушайте опорные слова и словосочетания и определите тематику текста.* На текстовом этапе. Данное упражнение позволяет развить навыки восприятия речи на слух. Преподаватель вслух читает текст, не делая при этом пауз. Текст читается в нормальном разговорном темпе, студенты слово в слово повторяют текст вполголоса. Далее можно предложить пересказать текст. Послетекстовый этап. Обучающимся предлагается оформить выразительное чтение текста в аудиозаписи. Затем можно произвести оценку полученных результатов и выбрать из предложенных вариантов наиболее качественное прочтение.

Таким образом, аутентичные материалы рекламы обладают высокой ценностью и оригинальностью, богатством лексических и грамматических единиц. Методически грамотное использование их в учебном процессе может способствовать совершенствованию навыков владения иностранным языком студентами, а также их знакомству с культурой и реалиями страны.

Литература

1. Бим, И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 11–15.

2. Воронина, Г. И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением немецкого языка / Г. И. Воронина // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 26–29.

3. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 221 с.

4. Колшанский, Г. В. Лингво-коммуникативные аспекты речевого общения [Текст] / Г.В. Колшанский // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 1. – С.10–14.

5. Медведева, Е. М. Роль аутентичных материалов в процессе обучения иноязычному общению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/150564/1/medvedeva_Lang_2015.pdf. – Дата доступа: 10.01.2020.

6. Миролюбов, А. А. Коммуникативная компетенция как основа формирования общеобразовательного стандарта по иностранным языкам / А. А. Миролюбов / Стандарты и мониторинг в образовании. – 2004. – № 2. – С. 17–18.

7. Носонович, Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам / Е. В. Носонович // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 1. – С. 11–16.

8. Пассов, Е. И. О концепции т.н. языковых навыков [Текст] / Е. И. Пассов // Иностранные языки в высшей школе. – Вып.10. – М.: Высш. школа, 1975. – С. 54–63.

9. Сафонова, В. В. Культуроведение в системе современного языкового материала / В. В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 17–24.

10. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2007. – 480 с.

11. Harmer, J. How to teach English / J. Harmer. – London, Longman, 2001. – 300 p.

12. Savignon, S.J. Communicative competence: Theory and Classroom Practice / S. J. Savignon. – USA: MgGraw-Hill, 1997. – 215 p.

O. I. Vorobyova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vorobeva-7@bk.ru

Formation of the linguistic competence of students of language specialties through outdoor advertising

Key words: competence, authentic texts, outdoor advertising.

The article considers the concept of language competence, determines its structure and content. Factors of the formation of the linguistic competence of students of linguistic specialties are discovered; characteristic features of advertising texts as authentic materials are revealed; techniques for the use of advertising texts in the process of forming the linguistic competence of students are found out.

М. У. Гуль
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна
e-mail: boxformail35@mail.ru

УДК 811.161.3

Роля роднай мовы пры фарміраванні беларускай тэрміналогіі

Ключавыя словы: беларуская тэрміналогія, дэархаізацыя, пераасэнсаванне значэння, словаўтварэнне, этапы фарміравання тэрміналогіі.

У артыкуле разглядаюцца этапы фарміравання беларускай тэрміналогіі (пачатак XX ст., 1920-я гг., 1930-я гг., 1950–1980-я гг., 1990-я гг., сучасны этап). Лексічная і словаўтваральная сістэмы беларускай мовы з'яўляюцца асноўнымі крыніцамі фарміравання нацыянальнай тэрміналогіі. У якасці сродкаў папаўнення тэрміналагічнай лексікі разглядаюцца словаўтварэнне, перасэнсаванне значэння, дэархаізацыя.

Фарміраванне беларускай тэрміналогіі – доўгі і працяглы працэс, непасрэдна звязаны з развіццём лексічнага складу мовы. Тэрміналогія маладой беларускай мовы пачала фарміравацца на пачатку XX ст.; папаўненне тэрміналагічнай лексікі адбывалася за кошт самых розных крыніц, уздзеянне і функцыянаванне якіх залежала ад многіх прычын, сярод якіх важнае месца займаюць пазамоўныя фактары.

На пачатковым этапе фарміравання нацыянальнай тэрміналогіі інтэнсіўна выкарыстоўвалася найперш лексіка народных гаворак. Аўтары навукова-папулярных публікацый пачатку XX ст. ужывалі словы як уласна беларускага паходжання (*гук, зык, пазыка, працаўнік*), так і лексемы ўсходнеславянскага паходжання (*продажа, пошліна*); агульнаславянскія словы: *абарот, вага, гаспадар, дзяржава, суд, торг, урад* [1, 24–25]. У той жа час адсутнасць на пачатку XX ст. выразна акрэсленых моўных норм прыводзіла да пранікнення ў кніжную лексіку размоўных слоў. В.П. Красней дае такія прыклады рэгіяналізмаў з публікацый газеты *Наша Ніва*, як *растопы* (вясеннія паводкі), *гігелі* (калівы, што даюць насенне вясной) [2, 49].

У 1920-я гг. тэрмінатворчасць набывае больш упарадкаваны характар. Па рашэнні ЦВК БССР была створана Навукова-тэрміналагічная камісія (НТК) пры Наркамасветы БССР для распрацоўкі беларускай навуковай тэрміналогіі. З 1922 па 1929 г. камісія працавала ў складзе Інстытута беларускай культуры, а ў 1929–1930 гг. – Акадэміі навук БССР. Праца Навукова-тэрміналагічнай камісіі была плённай. У 1921–1922 гг. у *Вестнике Народного комиссариата просвещения ССРБ* друкаваліся праекты тэрміналагічных слоўнікаў па розных навуковых дысцыплінах. У 1922–1930 гг. былі выдадзены 23 тэрміналагічныя зборнікі (№№1–24, не выйшаў № 22) у форме рускабеларускіх слоўнікаў пад агульнай назвай *Беларуская навуковая тэрмінолёгія (БНТ),* якія былі задуманы як праекты і мелі дыскусійны характар. Выпускі БНТ утрымліваюць каля 40000 тэрмінаў розных галін навукі.

У аснове тэрмінатворчай дзейнасці ляжыць палажэнне аб тым, што навуковая тэрміналогія павінна складацца найперш са слоў жывой народнай мовы. Старшыня Навукова-тэрміналагічнай камісіі С.М. Некрашэвіч у сваім дакладзе *Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы* разважае пра кансерватыўны характар народнай мовы: “Народная мова – гэта народная творчасць; яна таксама свежая і вобразная, як і мова штучнай паэзіі, каторая творыцца пісьменнікамі ў перайманне народнай мовы; яна лёгка і свабодна, падобна штучнай паэзіі, карыстаецца фігуральнымі зваротамі; яна, урэшце, называе рэчы не тым, чым яны ёсць у рачавістасці, а па тым уражанні, якое яны робяць на народ. Першапачатковыя словы народнай мовы – гэта жывыя вобразы. Толькі з цягам доўгага часу з канкрэтных слоў, шляхам абстракцыі, атрымліваюцца абстрактныя, адцягненыя словы. Гэты, між іншым, працэс відазмены значэння слова можа быць выкарыстаны і ў літаратурнай мове. Заместа таго, каб запазычаць слова або ствараць які няўдалы неалагізм, лепш узяць слова ў канкрэтным яго значэнні і надаць яму адцягненае” [4, 62].

Для 1920-х гг. характэрна тэндэнцыя выкарыстання ў якасці тэрмінаў дыялектных і бытавых слоў. Часам у слоўніках БНТ для перакладу рускіх слоў выкарыстоўваліся як агульнаўжывальныя, так і дыялектныя словы. Беларуская бытавая лексіка выкарыстоўвалася ў рознай ступені. Частка гэтых бытавізмаў і дыялектызмаў не набыла тэрміналагічнага значэння, але некоторыя лексічныя адзінкі такога ўзроўню былі тэрміналагізаваны. У такіх выпадках новае значэнне слова з’яўлялася блізкім або сумежным са звыклым для гэтых слоў значэннем у народных гаворках. Так, у хімічную літаратуру 1920-х гг. трапляюць тэрміны *квас, кісля, кісліна* (у значэнні ‘кіслата’), у грамадазнаўчую – *сябар* (‘член якой-н. арганізацыі’). Характэрнай асаблівасцю БНТ была высокая ступень варыятыўнасці, выкліканая фіксацыяй часткі запазычаных тэрмінаў разам з беларускімі эквівалентамі.

Праца па стварэнні беларускай тэрміналогіі працягвалася і ў 1930-х гг., аднак тэрміналагічныя набыткі папярэдняга дзесяцігоддзя не ўлічваліся; 23 выпускі БНТ былі раскрытыкаваны. АН БССР пачала падрыхтоўку Беларускай савецкай энцыклапедыі, былі выпушчаны 15 праектаў слоўнікаў. У раздзеле *Філасофія* Выпуску 1 зафіксавана каля 540 тэрмінаў і ўласных імёнаў, сярод якіх сустракаюцца тэрміны, якія не прыжыліся ў навуковай практыцы: *успрыяцце* (успрыманне), *богашуканне* (богашукальніцтва), *відзімасць* (бачнасць), *гвалтоўніцтва* (насілле), *даўжэнстваванне* (неабходнасць), *двойственая ісціна* (дваістая ісціна), *нраўственасць* (мараль), *сазнанне* (свядомасць) і інш.

У 1955 г. у Інстытуце мовазнаўства Акадэміі навук быў створаны сектар тэрміналогіі, які працаваў да 1965 г. У гэтым сектары падрыхтаваны і выдадзены *Латино-русско-белорусский ботанический словарь* пад рэд. А.І. Кісялеўскага (Мінск, 1967), *Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии* пад рэд. М.В. Бірылы і М.Р. Судніка (Мінск, 1970). Апошні слоўнік, а таксама *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* А.Л. Юрэвіча (Мінск, 1962) і *Кароткі літаратуразнаўчы слоўнік* А.А. Макарэвіча (Мінск, 1963) ствараліся на аснове прынцыпу збліжэння беларускай тэрміналогіі з рускай. Як відаць, беларускія тэрмінолагі арыентаваліся на тэзіс акадэміка В.У. Вінаградава аб мінімальных разыходжаннях у тэрміналогіі на нацыянальных мовах у параўнанні з рускай, які быў ім агучаны ва ўступным слове да Усесаюзнай тэрміналагічнай нарады 1959 г. З 1965 г. па 1979 г. у Беларусі не было спецыяльнай тэрміналагічнай установы. У 1979 г. створана Тэрміналагічная камісія Акадэміі навук БССР. У 1980-я гг. выйшлі з друку *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов* (Мінск, 1988), *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі* пад рэд. І.П. Шамякіна (Мінск, 1984–1987), *Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў* М.А. Лазарука, А.Я. Ленсу (Мінск, 1983). У савецкі час уплыў рускай мовы на беларускую ў сферы запазычвання як лексічных адзінак, так і словаўтваральных мадэляў ацэньваўся станоўча, вядучым заставаўся прынцып мінімальных разыходжанняў тэрмінаў блізкароднасных моў.

У 1990-х гг. склаліся даволі спрыяльныя сацыяльна-палітычныя ўмовы. Гэта звязана ў першую чаргу з атрыманнем незалежнасці, а таксама прыняццем 26 студзеня 1990 г. *Закона аб мовах*, паводле якога беларуская мова прызнавалася адзінай дзяржаўнай у БССР. Тэрміналагічная праца ў гэты час абапіралася на розныя метадалагічныя палажэнні. У некаторых слоўніках пачалі зноў выкарыстоўвацца здабыткі НТК 1920-х гг. У 1994 г. у Мінску адбылася Першая нацыянальная канферэнцыя *Праблемы беларускай навуковай тэрміналогіі*, матэрыялы якой былі апублікаваны. У гэты час надрукаваны шэраг перакладных тэрміналагічных слоўнікаў (*Русско-белорусский словарь библиотечных и библиографических терминов* (Мінск, 1992); *Русско-белорусский словарь спортивной терминологии* (Гомель, 1993); *Русско-белорусский словарь по морфологии и анатомии растений* (Мінск, 1993); *Русско-белорусский словарь графических терминов* (Віцебск, 1994); *Русско-белорусский словарь по биохимии* (Брэст, 1994); *Русско-белорусский словарь спортивных терминов* (Мінск, 1995) і інш.).

Плённа працавалі тэрмінолагі-матэматыкі. У 1993 г. былі надрукаваны два даведнікі: *Тэрміналагічны слоўнік па вышэйшай матэматыцы* (аўтары Т. Сухая, Р. Еўдакіменка, В. Траццякевіч, Н. Гудзень; Мінск) і *Руска-беларускі матэматычны слоўнік* пад рэд. Я.В. Радыны (Мінск). У 1995 г. друкуецца *Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов* (аўтары – М.М. Касцюковіч, У.В. Люшцік, В.К. Шчэрбін). Складальнікі *Кароткага расейска-беларускага фізіялагічнага слоўніка* А. Стасевіч і С. Варыёцкі (Мінск, 1993) імкнуліся аднавіць традыцыі тэрміналагічнай працы 1920-х гг., карысталіся дарэформенным правапісам. Таксама ў гэты час быў выдадзены даведнік *Биологическая терминология и номенкла-*

тура: словарь русско-белорусско-латинский, белорусско-русский (аўтары В.А. Радкевіч, Л.М. Вардамацкі, А.А. Ляшко; Мінск, 1993). Вялася інтэнсіўная праца па ўпарадкаванні фізічнай тэрміналогіі: з друку выйшлі тры розныя руска-беларускія фізічныя слоўнікі: *Руска-беларускі фізічны слоўнік* пад рэд. А.А. Богуша (Мінск, 1993); *Руска-беларускі фізічны слоўнік* У. Самайлюковіча, У. Пазняка, А. Сабалеўскага (Мінск, 1994); *Руска-беларускі фізічны слоўнік* А.М. Каладзінскага, Д.М. Карацінскай, П.У. Сцяцко (Гродна, 1999).

Тэрміналагічныя набыткі 1990-х гг. па-рознаму ацэньваюцца ў навуковай літаратуры. Прафесар П.У. Сцяцко ўхваляе арыентацыю на прыярытэтнае выкарыстанне сродкаў беларускай мовы, адмаўленне ад калькавання і празмернага запазычвання; вучоны крытыкуе *Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов* М. Касцюковіча, У. Люшціка і В. Шчэрбіна за парушэнні норм беларускай мовы на ўсіх яе ярусах [6, 32–33]. З другога боку, А.І. Падлужны не падтрымлівае аўтараў слоўнікаў, якія адступаюць ад агульнапрынятых норм правапісу: “Складваецца ўражанне, што тыя прадстаўнікі прыродазнаўчых і тэхнічных навук, якія вырашылі ствараць навукова-тэхнічную тэрміналогію на беларускай мове, больш заклапочаны праблемай літаратурных норм гэтай мовы, чым уласна тэрміналагічнымі праблемамі. Іх моўны густ, на жаль, не заўсёды супадае з агульнанароднымі тэндэнцыямі...” [5, 431].

На пачатку XXI ст. працягваецца праца па ўпарадкаванні і ўдасканаленні беларускай тэрміналогіі. Асабліва плённымі з’яўляюцца даследаванні ў галіне філалагічнай тэрміналогіі: *Слоўнік-мінімум па літаратуразнаўству* В.П. Рагойшы (Мінск, 2000), *Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект* В.І. Рагаўцова (Магілёў, 2010), *Слоўнік лінгвастылістычных і тэксталагічных тэрмінаў* (склад. М.В. Абабурка і інш., Магілёў, 2012), *Слоўнік рытарычных тэрмінаў* Т.А. Казімірскай (Магілёў, 2012). Працягваецца праца над беларускай грамадазнаўчай тэрміналогіяй: выдадзены *Беларускі палітычны слоўнік* В.В. Шынкарова, С.П. Раманавай (Мінск, 2011). Упершыню была сістэматызавана беларуская рэлігійная тэрміналогія: выйшаў з друку *Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы* У.М. Завальнюка, М.Р. Прыгодзіча, В.К. Раманцэвіч (Мінск, 2013). Актывізавалася праца па ўпарадкаванні тэрміналогіі ў вузкаспецыяльных галінах – *Слоўнік лесапаляўнічых тэрмінаў* (склад. А.І. Роўкач і інш., Мінск, 2000), *Тлумачальны слоўнік бібліятэчных і бібліяграфічных тэрмінаў* В.Е. Лявончыкава, Л.А. Дзямешка, Р.І. Саматыі (Мінск, 2003), *Слоўнік тэрмінаў і азначэнняў паштовай сувязі на чатырох мовах (беларускай, рускай, французскай, англійскай)* (Мінск, 2013). З аднаго боку, лексічны фонд беларускай мовы працягвае папаўняцца, вядзецца даволі плённая праца па ўпарадкаванні беларускай тэрміналогіі як у асноўных, так і вузкаспецыяльных галінах навукі. Але, з другога боку, працягваецца працэс выцяснення беларускай мовы са сферы зносін і змяншэння яе ролі ў жыцці грамадства. Значны ўплыў працягвае аказваць руская мова.

Нельга не пагадзіцца з думкай Л.А. Антанюк, што “пры ўсёй разнастайнасці крыніц фарміравання беларускай тэрміналогіі ў розныя гістарычныя перыяды развіцця беларускай мовы галоўнай крыніцай стварэння новых тэрмінаў і папаўнення канкрэтных галіновых тэрміналагічных сістэм з’яўляецца лексічная і словаўтваральная сістэма літаратурнай беларускай мовы” [1, 51]. Адзін з найбольш прадуктыўных спосабаў выкарыстання ўласнамоўных беларускіх рэсурсаў – гэта словаўтварэнне. Так, у тэматычнай групе “Лексіка-граматычныя разрады слоў” уласна беларускімі з’яўляецца цэлы рад тэрмінаў: *назоўнік, прыметнік, лічэбнік, прыназоўнік, злучнік, выклічнік*, утвораных ад беларускіх каранёў пры дапамозе суфікса *-нік*. Астатняя частка тэрмінаў гэтай групы – калькі або запазычанні з іншых моў [3, 122].

Выкарыстанне лексічных сродкаў нацыянальнай мовы пры стварэнні тэрмінаў адбываецца перш за ўсё шляхам ужывання агульнанародных слоў у тэрміналагічным значэнні. Так, у грамадазнаўчай тэрміналогіі функцыянуюць такія тэрміны, як *абарона, абрад, апека, ахвяра, ахова, беспарадак* і інш., у філалагічнай тэрміналагізаваліся словы *агляд, адрывак, гартань, гук, казка, легенда, летапісы, натхненне, сказ* і інш. Уласнабеларускія тэрміналагічныя адзінкі (*верагоднасць, вынік, забабоны* і інш.) займаюць значнае месца ў беларускай філасофскай тэрміналогіі.

Існуе і другі спосаб выкарыстання лексічных адзінак народнай мовы ў якасці тэрмінаў – гэта пераасэнсаванне іх першаснага значэння. “Сутнасць перасэнсавання заключаецца ў тым, што адна з інтэгральных або дыферэнцыяльных прымет, якія ўваходзяць у лексічнае значэнне слова, пачынае выкарыстоўвацца ў якасці канцэптуальнага ядра для слова-тэрміна. У новым тэрміне гэта прымета ўдакладняецца, канкрэтызуецца, звужаецца або расшыраецца ў залежнасці ад зместу і аб’ёму навуковага паняцця” [3, 106]. У выніку ўтварыліся шматлікія лінгвістычныя тэрміны шляхам пераасэнсавання значэння. Так, напрыклад, лінгвістычны тэрмін *лад* быў упершыню ўведзены Б.А. Тарашкевічам. Гэты тэрмін не мог быць запазычаны з суседніх моў (адпаведнае паняцце абазначаецца тэрмінам *наклонение* ў рускай мове, *спосіб* – ва ўкраінскай, *tryb* – у польскай). Новы тэрмін утварыўся менавіта шляхам тэрміналагізацыі агульнаўжывальнага слова *лад*. Пры стварэнні беларускіх тэрмінаў у першую чаргу выкарыстоўваліся словы, якія ўжо існавалі ў жывой народнай мове: *лік, коска, дзейнік, кропка*.

Дэархаізацыя, або ажыўленне старабеларускіх слоў у якасці сродку намінацыі, – важны спосаб папаўнення нацыянальнай тэрміналагічнай лексікі на пачатковых этапах яе фарміравання. Пытанне аб лексічнай пераемнасці паміж старабеларускай мовай і сучаснай літаратурнай беларускай мовай дастаткова спрэчнае. Агульнапрынятым з’яўляўся тэзіс аб адсутнасці сувязі паміж старой і новай формамі беларускай мовы (Л.А. Антанюк, А.І. Жураўскі, І.І. Крамко, Л.М. Шакун). У сучасным мовазнаўстве існуе і адрознае меркаванне. Большасць украінскіх даследчыкаў падтрымліваюць меркаванне пра пераемнасць паміж старым і новым этапам ва ўкраінскай мове і распаўсюджваюць яго на беларускую мову. У.В. Анічэнка выказваўся на карысць тэзіса пераемнасці, а ўслед за ім і сучасная даследчыца С.М. Струкава. Спачатку (на старонках газет *Наша доля* і *Наша ніва*) шырока ўжываўся тэрмін *правіцельства*, а тэрмін *урад* узнік пазней у якасці дублета. З цягам часу тэрмін *урад* выцясніў свайго папярэдніка і Навукова-тэрміналагічная камісія замацавала яго ў якасці нормы, а ў канцы 20-х гг. тэрмін *правіцельства* канчаткова выйшаў з ужытку. Тэрміны запазычваліся са старабеларускай пісьменнасці непасрэдна або пры пасярэдніцтве рускай, польскай, украінскай моў. Сярод такіх тэрмінаў можна назваць *акруга, акт, валока, вязень, дзяржава, мытня, найміт, павет, скарб, стан, тубылец, управа, чынш* і інш. [3, 148–149]. У філалагічную тэрміналогію ўвайшлі толькі асобныя лексічныя адзінкі з сярэдневяковых беларускіх граматык (*скланенне, род, спражэнне*).

Такім чынам, сярод беларускіх уласнамоўных сродкаў можна адзначыць ужыванне слоў літаратурнай мовы ў тэрміналагічным значэнні; пераасэнсаванне значэння агульнаўжывальных слоў; тэрміналагізацыю бытавізмаў і дыялектызмаў; выкарыстанне рэсурсаў беларускага словаўтварэння. Беларуская тэрміналогія пачала фарміравацца на пачатку XX ст. Мэтанакіраваная праца па фарміраванні і папаўненні тэрміналагічнай лексікі беларускай мовы пачынаецца ў 1920-я гг. У 1930-я – 1980-я гг. дамінуе ўстаноўка на збліжэнне беларускай мовы з рускай. 1990-я гг. характарызуюцца існаваннем двух падыходаў да развіцця тэрміналогіі; з’яўленнем вялікай колькасці тэрміналагічных слоўнікаў. На пачатку XXI ст. працягваецца праца па ўпарадкаванні і ўдасканаленні беларускай тэрміналогіі.

Літаратура

1. Антанюк, Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыяніраванне / Л. А. Антанюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987. – 240 с.
2. Красней, В. П. Тэрміналагічныя рэгіяналізмы ў беларускай літаратурнай мове пачатку XX ст. / В. П. Красней // Беларуская тэрміналогія : зб. арт. ; Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Э. А. Ялоўская (адк. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. М. Р. Прыгодзіч. – Мінск, 2011.– С. 48–49.
3. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
4. Некрашэвіч, С. М. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы / С. М. Некрашэвіч // Выбраныя навуковыя працы акадэміка С. М. Некрашэвіча: да 120-годдзя з дня нараджэння / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; навук. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск, 2004. – С. 48–78.
5. Падлужны, А. І. Мовазнаўчая праблематыка ў беларускай навукова-тэхнічнай тэрміналогіі / А. І. Падлужны // Выбраныя працы / А. І. Падлужны ; уклад.: В. П. Русак [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 430–448.
6. Сцяцко, П. Беларуская навуковая тэрміналогія ў другой палове 90-х гг. XX ст. / П. Сцяцко // Роднае слова. – 2001. – № 2. – С. 32–35.

M. U. Hul
Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: boxformail35@mail.ru

УДК 811.161.3

The Role of the Native Language in Belarusian Terminology Formation

Keywords: Belarusian terminology, dearchaisation, semantic change, word formation, stages of formation of terminology

The article examines the stages of formation of Belarusian terminology (the beginning of the 20th century, 1920s, 1930s, 1950s–1980s, 1990s, the current stage). Lexical and word-formation systems of the Belarusian language are the main sources of formation of national terminology. Derivation, semantic change and dearchaisation are regarded as sources of terminology increase.

Р. Н. Гусейнова
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
e-mail: analsur@yandex.ru

УДК 811.161.1:81’272

Роль эндоэтнонима и национального языка в самоопределении малых этносов[1]

Ключевые слова: аллоэтноним, эндоэтноним, материнский язык, самоопределение, крымскотатарский этнос.

Автором статьи предпринята попытка проанализировать влияние самоназвания народа и знания его представителями материнского языка на формирование этноса (на примере крымскотатарского народа). Изучение истории этнонима «крымские татары», анализ современной языковой ситуации данного сообщества позволяет полагать, что утрата эндоэтнонима, как и незнание либо частичное знание национального языка не являются критическими факторами для этнической самоидентификации личности.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Формирование этноса (этнической общности) – сложный исторический процесс, предполагающий смену типов этнических объединений (*род, племя, народность, нация*) при переходе общества от одной общественно-экономической формации к другой.

Под *этносом* нами понимается исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием [7, 137]. Отметим, что данным терминологическим характеристикам соответствуют определения двух этнических общностей – *нации* и *национальности* [7, 145, 149]. В данной статье мы подробнее остановимся на одной из них – *национальности*.

Как известно, в филологических и социолингвистических словарях термин «национальность» имеет два значения: 1) этническая принадлежность (*русские, украинцы, крымские татары* и др.); 2) синоним определения *нация*.

Формирование этнического сообщества обусловлено рядом объединяющих признаков, в числе которых «материнский язык» и национальное самосознание. По нашему мнению, в условиях мировой глобализации именно эти характеристики являются фундаментальными составляющими этнического самоопределения.

Цель статьи – проанализировать роль национального языка и самоназвания этноса в формировании этноидентификации представителей этнических меньшинств (на примере крымскотатарского народа).

Как известно, крымские татары – тюркоязычная этническая группа, исторически сформированная в Крыму и Северном Причерноморье. Предположительно с *XIV века* народ, именовавший себя *кьырымлы* (с рус. – *крымцы*), получил ещё одно название – *крым-татары*, использованное тогда в отношении *данной этнической группы* другими этносами. *В середине XVI века* аллоэтноним[1] трансформировался в этноним *крымские татары*, закрепившись за мусульманским населением *Крымского Ханства,* впоследствии став официальным именованием одного из крымских этнических сообществ [2, 258].

Впервые словоформа «*татар»* встречается в древнетюркских надписях. Так, на памятнике в честь военного деятеля Кюль-Тегина (VIII век) была обнаружена следующая запись: *«Скорбь от кыргыз, уч-курыкан, отуз-татар, кытай и татабый…»*. В приведённом контексте *отуз-татар* понимается как именование одного из объединений древнемонгольских племен [9]. Именно в этом значении данное слово употреблялось в ряде стран. Даже после введения Чингисханом этнонима *«монгол»* (XIII в.) на территориях Китая, Средней Азии, Ближнего Востока и Восточной Европы в отношении ряда монгольских племен продолжал использоваться аллоэтноним *«татар»*.

Со временем данное слово приобрело социальный статус, характеризуя оппозицию «мы – они». В древнетюркском языке *«татар» – иноплеменник, чужеземец* в значении *«чужой»* стало противопоставлением этнониму *«тюрк» – сильный, могучий* в значении «*избранный*» [4, с. 541, 599].

Рассмотрим некоторые примеры толкования этнонима *«татар»*. Однокомпонентный вариант названия может быть представлен словом *«тептер»* (перс. *тетрадь*), т. е. занесённые в списки [1, 34–35]. Двухкомпонентный предлагается нами в двух вариантах обоснования, причём в обоих совпадает пояснение первой части, образованной от древнетюркского *«тат» – иноплеменник, чужеземец* [4, 541]. Разночтение обнаруживается в обосновании второго элемента – *«-ар»*. Согласно одной из версий, это часть аффикса *-лар,* используемого в тюркских языках для образования имён существительных в форме множественного числа. По другой же версии второй компонент образован от древнетюркского слова *«эр» – «муж», «мужчина»* [4, 175], который, согласно закону гармонии гласных, приобрёл вид *«ар»,* преобразив *«татер»* в *«татар»*.

[1] Название этноса, данное другими народами.

Как видим, этимологическое истолкование исследования этнонима основывается на частичном звуковом сходстве со словами из других языков, не связанных между собой семантически.

По мнению ряда учёных, эндоэтноним[1] связан с этническим самосознанием и является его внешним выражением, потому как возникает в процессе этногенеза внутри этнической группы – в отличие от аллоэтнонима, представленного образами о народе, которые отражены в психике другого этнического сообщества [6, 305–310]. Однако в ряде случаев «чужое имя», вытеснив самоназвание этноса (*ингуши – галгаи, абхазы – апсуа, чеченцы – нохчи, кьырымлы – крымские татары)* и тем самым лишив его представителей внешнего выражения этнического самосознания (эндоэтнонима), не мешает им осознавать себя единой общностью, обладающей характеристиками, присущими конкретной этнической группе. Косвенным подтверждением этому могут служить промежуточные результаты, которые получены в рамках ассоциативного эксперимента, направленного на изучение языкового сознания крымчан (социальная группа – студент, возраст 17–25 лет) [3, 57 – 66]. Из 205-ти опрошенных специализантов кафедры крымскотатарской филологии (КФУ имени В. И. Вернадского) 203 студента определили свою национальность как «крымские татары». Оставшиеся двое зафиксировали её через запятую либо с помощью математических знаков: *украинка, крымская татарка, русская*; *50 % крымская татарка + 50 % турчанка.*

Язык, рассматриваемый нами как второй признак этнического самоопределения, по мнению коллектива исследователей, возглавляемого профессором Н. В. Уфимцевой, является важнейшим определителем этнической принадлежности индивидуума, однако не единственным [8, 16].

Общеизвестно, что крымскотатарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков алтайской языковой семьи. И если вопрос включения тюркских языков в алтайскую группу вызывает споры среди специалистов (Т. О. Клоусон), то общность различных языков тюркской группы, отличающихся схожестью грамматических характеристик, сомнению не подвергается (см. табл.).

Крымскотатарский	**Татарский**	**Турецкий**	**Русский**
baba	ата (әти)	baba	отец
ona	ана (әни)	anne	мать
oğul (-ğlu)	ул	oğul (-*ğlu*), erkekevlat	сын
qız	кыз	kız (çocuk)	дочь

Согласно данным последней переписи населения, в 2014 году крымские татары составили 10,57 % от общего количества жителей крымского полуострова, при этом 9,63 % опрошенных назвали родным крымскотатарский язык [10]. Иными словами при самоидентификации для части крымских татар (почти 1 %) национальный язык не имел значения.

В ходе ассоциативного эксперимента, проводимого в крымских вузах, мы получили косвенное подтверждение вышеописанному факту: из 468-ми опрошенных студентов, идентифицировавших себя крымскотатарским этносом, 83 (17,7 %) назвали родным русский язык. Для уточнения ситуации был проведён дополнительный опрос, в котором приняли участие 58 студентов, назвавших своим родным языком крымскотатарский. Оказалось, что 23 человека (почти 40 %) из них владеют национальным языком на бытовом уровне, а четверо (7 %) – со словарем. Как видим, незнание или частичное знание материнского языка (у почти половины опрошенных) не является основанием для отказа от этноидентичности.

[1] Самоназвание

Исходя из того, что формирование этнического самосознания обусловлено этнокультурными факторами, одним из которых является язык, для полноты исследования представляется оправданным рассмотрение слова *национальность* с учётом взаимосвязи сознания, деятельности и культуры (по методу Ю. Н. Караулова). Данный метод основан на построении для слова-стимула (в нашем случае – *национальность)* гештальта, включающего в себя несколько семантических зон и субзон. Слова-реакции, входящие в ассоциативные поля (АП) гештальта, опосредованно укажут на знания и представления анкетируемых, связанные со словом-стимулом [5, 191–206].

Анализ АП показал, что по степени частотности реакций наибольшее количество ассоциатов включают три зоны: «Объект» (48,2 %), «Субъект» (24,1 %), Локус (17,2 %), на оставшиеся – «Действие/Состояние», «Характеристика», «Эго» приходится всего лишь 10,5 %.

Рассмотрение первой по количественному наполнению зоны позволяет утверждать, что в языковом сознании опрошенных национальность связана с культурой (*танцы, традиции*), вероисповеданием (*религия, вера*), языком как знаковой системой (*слово, язык*). Использованные реакции в данной зоне показывают как негативное отношение к национальности (*конфликт, эгоизм*), так и позитивное (*единство, мир*). Также респондентами подчёркивается важность «племенной» принадлежности (*кровь, менталитет, самосознание*).

Вторая по частотности зона представлена категорией собирательности, а именно: коллектив (*люди, народ*), родовая принадлежность (*предки*), именование национальности (*крымские татары).*

Третья зона, представленная ассоциатами *Крым, семья, родина,* определяется эмоциональной связью с локальными образованиями. В первых двух реакциях, по нашему мнению, наблюдается сплочённость малого этноса в условиях адаптации к этносу большому.

В целом же положительных и нейтральных реакций значительно больше (93,2 %): *своя* – «Эго»; *распределение, все разные, зависит от государства* – «Состояние»; *родное, человека – «Характеристика».*

Выводы. Все вышеописанное позволяет предположить, что выражение самосознания через самоназвание и материнский язык перестало быть актуальным в условиях мировой глобализации.

На примере крымскотатарской этнической группы, функционирующей в полиэтничном сообществе, можно видеть, что замена самоназвания *«къырымлы»* аллоэтнонимом *«крымтатары» («крымские татары»)* не привела к утрате народом национального самосознания. И несмотря на то, что язык, отражая образ мышления народа, выступает в качестве одного из основных маркеров самоидентификации личности, его полная либо частичная утрата не влечёт за собой потерю национальной идентичности.

Безусловно, проживающие в одном ареале этнические группы, претерпевают трансформацию языкового сознания, дополняя образ мышления друг друга. Однако боязнь представителей малых этносов раствориться в общей массе народонаселения страны будет всегда подталкивать их к сохранению собственной этнической картины мира.

Литература

1. Белозерская, О. Ж. Волжские татары / О. Ж. Белозерская // Знание – Сила. – 1970. – № 7. – С. 51.

2. Герцен, А. Г. Крымские татары / А. Г. Герцен // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). – Симферополь : Издательство «Доля», 2004. – 291 с.

3. Гусейнова, Р. Н. Национальность и родной язык: проблемы самоидентификации молодёжи (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) / Р. Н. Гусейнова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Симферополь. – 2017. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 57–66.

4. Древнетюркский словарь / редакторы : В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А М. Щербак. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 677 с.
5. Журнальный мир. Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://журнальныймир.рф/content/drevnetyurkskiy-pamyatnik-v-chest-kyul-tegina-ritmicheskiy-perevod-viii-v-ne. – Дата доступа : 07.01.2020.
6. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.
7. Налчаджян, А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – Спб. : Питер, 2004. – 381 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / отв. редактор В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
9. Уфимцева, Н. В. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. В. Разумкова, А. А. Степанова / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Ярославль : Канцлер, 2017. – 240 с.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.htm l. – Дата доступа : 07.01.2020.

R. N. Guseynova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: analsur@yandex.ru

The role of the endoethnonym and the national language in the self-determination of small ethnic groups

Key words: allatonin, endoetnonim, mother language, self-determination, the Crimean Tatar ethnic group.

The author of the article attempts to analyze the influence of the self-name of the people and their knowledge of the mother language on the formation of the ethnic group (on the example of the Crimean Tatar people). The study of the history of the ethnonym "Crimean Tatars", the analysis of the current language situation of this community allows us to believe that the loss of the endo-ethnonym, as well as ignorance or partial knowledge of the national language, are not critical factors for the ethnic identity of the individual.

Г. Ю. Дзюбко
Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище
e-mail: dg108@mail.ru

УДК 82. 091

Концепты славянского мира в путевых письмах И. И. Срезневского

Ключевые слова: концепт, славянский мир, жанр путешествия, славянский менталитет, коннотации

В статье рассматриваются Путевые письма И. И. Срезневского как источник информации о славянском мире, позволяющий понять наиболее важные его концепты. Жанр путешествия, сочетающий в себе и документальные, и художественно-публицистические формы, объединенные образом рассказчика, способствует созданию более точной и одновременно яркой картины славянского мира, дают возможность осмысления классического наследия с позиций современного представления о феномене родного языка.

Рассмотрение языка не только как стройной упорядоченной знаковой системы, но и как явления культуры и менталитета народа – одно из перспективных направлений современной лингвистики. Язык – это вербальная сокровищница нации, это основа знаний того или иного народа о мире, об обществе в целом и отдельном человеке в частности, это опыт познания традиций народа и стереотипов о нем. Тесную взаимосвязь языка с историей и культурой народа, с одной стороны, с другой – важность понимания закономерностей исторического развития языка, необходимости обращения к изучению его истории подчеркивает Измаил Иванович Срезневский. Так, в книге «Мысли об истории русского языка» он пишет: «Народ и язык, один без другого, представлен быть не может. Оба вместе обусловливают иногда нераздельность свою в мысли одним названием: так и мы, русские, вместе с другими славянами искони соединили в одном слове «язык» понятие о говоре народном с понятием о самом народе» [5, 1]. Не вводя понятие «концепт», Срезневский по сути говорит именно о нём. В «Путевых заметках из славянских земель» учёный рисует концептуальную картину славянского мира. Жанр путешествия, органично сочетающий в себе и документальные, и художественно-публицистические формы, которые объединены образом рассказчика, способствует созданию более точной и одновременно яркой картины. Свободное повествование, свойственное данному жанру, включает подробный рассказ о маршруте, транспортных средствах, пейзажах, архитектуре и достопримечательностях городов и селений, интерьерах домов; этнографические наблюдения, диалоги, лица, рассказы, исповеди, сценки и многое, многое другое. Многообразие композиционных элементов объединяется основной задачей повествования: от внешних впечатлений – через оценку увиденного – к общечеловеческому выводу. Главную жанровую особенность путешествия отмечает И. А. Гончаров в предисловии к произведению «Фрегат «Паллада»: «Я ведь уже сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах». Жанр путешествия может быть реализован в самых различных формах: письма (К. Паустовский, «Письма с пути»), дневниковые записи (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»), очерки (Т. Хейердал, «Путешествие на Кон-Тики»), заметки (М. Поло, «Книга о разнообразии мира»), паломничество («Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное»), хожение (А. Никитин, «Хожение за три моря»).

Путевые письма И. И. Срезневского из трёхлетнего путешествия по славянским странам представляют собой классический образец писем путешественника и имеют самостоятельное историко-культурное и научное значение. Об этом можно судить по многообразию подходов к их анализу: «письма как научные записки, письма как отчёты обо всём, что увидел и узнал их автор, письма как общение с близким и любимым человеком» (О. С. Черепанова); история русско-словацких контактов (Л. П. Голикова); вклад И. И. Срезневского в развитие отечественного славяноведения (М. Ю. Досталь); познавательный аспект писем (А. А. Кожин) [3; 4] и др. В той или иной мере все исследователи характеризуют особенности изображения славянского мира И. И. Срезневским.

Характеристика славянского менталитета даётся двумя основными способами. Первый – традиционный для жанра путешествия – яркий, эмоциональный рассказ о людях, с которыми встречался, о местах, в которых побывал, сравнение «своего» с «чужим». При этом понятия, которые отмечает путешественник, о которых он размышляет, повторяются в русской культуре не единожды, что позволяет говорить об их концептуальности, ценностной значимости [1; 2].

Живые, яркие заметки о быте и обычаях автор часто прерывает короткими замечаниями о русских традициях и менталитете. Эти замечания настолько точны, что без труда находишь параллели, которые обязательны для концепта. Например, как любой

путешественник, Измаил Иванович прежде всего замечает гостеприимство хозяев и соотносит его с русскими обычаями. Вот строки из письма X, № 9 от 10 ноября 1839 г.: «И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую велъ я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей, рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика…»[1] [6, 32] и далее – «… мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо» [6, 49]. В письме от 10 мая 1840 г. он подчёркивает: «Въ сѣмействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную, – и тутъ я не могъ не видѣть Славянской гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что» [6, 89]. А вот перекликающиеся с ними строки из повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»: «Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. <…> Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ <…> вечер в низенькой тёплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски изготовленного, бывает … наградою».

Повторим, характеристика героев, изложение событий в жанре путешествия производится в сопоставлении и противопоставлении понятий «свой» и «чужой». Это понятно и легко объяснимо. Сам Измаил Иванович признаётся: «Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими» (письмо XXI, № 9 от 16 марта 1840 из Праги) [6, 75]. Поэтому такими родными кажутся мельчайшие приметы родного в дальних краях. Вот замечание, сделанное им 23 августа 1840 г. в Легнице: «… ещё я между Нѣмцами, ещё Лужичане-Венды далеко, – а уже всё напоминаетъ Славянщину – и физіогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду» [6, 134]. Те же чувства испытывает и М. Ю. Лермонтов: «Просёлочным путём люблю скакать в телеге / И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень. / Люблю дымок спалённой жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь жёлтой нивы / Чету белеющих берез. / С отрадой, многим незнакомой, / Я вижу полное гумно, / Избу, покрытую соломой, / С резными ставнями окно» («Родина»). В поэзии С. А. Есенина находим признание: «А сейчас, как глаза закрою, / Вижу только родительский дом. / <…> Держат липы в зелёных лапах / Птичий гомон и щебетню. / Я любил этот дом деревянный, / В брёвнах теплилась грозная морщь» («Эта улица мне знакома…»); концептуальные образы: «низкий дом с голубыми ставнями», «березь и цветь / да ракитник, кривой и безлистый» («Низкий дом с голубыми ставнями…»), «липким запахом веет полынь», «деревянные крылья окна» («Синий май. Заревая теплынь…»). В лирике Н. Рубцова – «низкий дом с крапивой под оконцем» («Привет, Россия»).

Свойственный любому русскому конкретный образ родного дома чаще всего включён в образ прямо противоположный – бескрайней России. Часто он создаётся через концепт дороги, пространства (или бездорожья). Напомним хрестоматийные строки из «Мёртвых душ»: «... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи»; и лермонтовское признание: «Но я люблю – за что, не знаю сам – / Её степей холодное молчанье, / Её лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек её, подобные морям» («Родина»).

[1] Орфография и пунктуация автора во всех цитатах сохранены. Цитирование по Срезневский, И. И. Путевые письма из славянских земель. – СПб. : типография С.Н. Хедекова, 1895.

В письме XIV, № 2 из Берлина И. И. Срезневский так описывает начало своего заграничного путешествия: «И такъ, маменька, я за границей – за 750 вёрстъ отъ границы Русской, за 8000 вёрстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогой, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ѣхавши такъ долго – и по времени – и по пространству – все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея; безпредѣльной, есть предѣлы» [6, 49]. Такой же образ безграничной, бескрайней отчизны узнаётся в есенинских «полях бессиянных» («Сорокоуст»). Размышляя о русском характере, интересную и похожую параллель проводит Д. С. Лихачев: «Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. <…> Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» («Заметки о русском»).

И. И. Срезневский трепетно отмечает каждую деталь, свидетельствующую об уважении к русским. Вот некоторые его замечания. «О Русскихъ тутъ имѣютъ понятіе, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ расказываютъ чудеса» (письмо от 25 июля 1840 года) [6, 123]. «Я не много подпилъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Руссъ, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ» (письмо от 29 июня из Брно) [6, 120]. «До сихъ поръ Сербы слыхали о Русскихъ и видали ихъ, какъ воиновъ» (письмо от 11 октября 1840 г.) [6, 154]. «Офицеры учились въ Россіи … Одежда совершенно Русская; ухватки тоже» (из Луковицы 17-го) [6, 258]. Итак, русские – воины, патриоты, богатыри со щедрою душой – этот образ можно легко найти в литературе разных веков и направлений. Вот утверждение Ксении Некрасовой «Из тетради 1944 – 1946 годов»: «Богато прекрасны мы, – в глазах у нас горизонты лежат, полуприкрытые тучами век…» («Русские»). «Но оставались всё же в армии Тушины, Коновницыны и Платоны Каратаевы – пишет в заключение «Заметок о русском» Д. С. Лихачев, – это когда войны были оборонительные или освобождать приходилось «братушек» – болгар и сербов. «Братушки» – слово это придумал народ, и придумал хорошо. Следовательно, меньше было в русском народе национального эгоизма, чем национальной широты и открытости». Его слова, как и утверждения Срезневского, перекликаются с лермонтовскими: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри – не вы. <…> / Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам... » – и отрывком из стихотворения Ю. Друниной: «Это было в Руси былинной, / В домотканый сермяжный век: / Новоро́жденного Дружиной / Светлоглазый отец наре́к. / В этом имени – звон кольчуги, / В этом имени – храп коня, / В этом имени слышно: / «Други! / Я вас вынесу из огня!»» («Друня»).

Иногда Измаил Иванович мягко шутит, создаёт совсем гоголевские юмористические зарисовки. Вот в одном из писем он в буквальном смысле «воспроизводит» «Невский проспект»: «… я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. <…> Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и гризетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. » (письмо от 14 ноября). [6, 39]. Вот ассоциация с грибоедовским «смесь французского с нижегородским»: «2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмецки. Имя его Фрейндъ» [6, 87]. А вот упоминание о стереотипном восприятии: «Русскихъ тутъ знаютъ, и даже слова «водка» и «капуста» очень извѣстны» [6, 155].

Второй способ характеристики славянского менталитета – достаточно чёткое разграничение славян как европейцев и славян, бережно хранящих чисто славянские традиции, национальный язык. При этом Срезневский не только выделяет лучшие черты русских на фоне «славянства», но с радостью отмечает общие черты всего «славянско-

го племени» (интересно, что такой же приём использован и у других авторов. См, например, фрагмент о «братушках» из «Заметок о русском»). Невольно сопоставляются, например, фразы Измаила Ивановича в письме из Санкт-Петербурга: «Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... » [6, 29] и из Берлина: «здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться» [6, 54].

В Письмах употребляются сочетания «славянское племя» (т. е. все славяне, славяне вообще) и «русские», «русский характер», «урождённый русский» и т. п., если автор говорит о русских как о конкретном народе. Например, он пишет: «видишь, какъ могущественно разширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ / врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Мадъяры, врѣзались, и разбросались клочками (IX. № 8 С. Пбургъ. 1-е Ноября 1839)» [6, 27 – 28].

В «Путевых письмах…» очевидно вырисовывается становление идеи объединения славянских народов. Срезневский употребляет как равнозначные следующие термины: «славянщина», «славянство»; «славяноцерковный язык» и язык «церковнославянских писателей». Глубокое уважение культуры чужого народа, стремление понять его особенности чувствуется в каждом письме. Но «славяне – всюду славяне» [6, 234] – приходит к выводу Срезневский. С глубокой убеждённостью он пишет: «Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ – Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки, – и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... <…> Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ» (письмо XVIII, № 6. Прага, 1840. 11/23 Февраля) [6, 67].

Отметим, что концептам свойственны узнаваемость, повторяемость, приблизительно одинаковая коннотативность. Поэтому образ славянского мира, созданный Измаилом Ивановичем, так легко сопоставляется с картинами, даже отдельными деталями в творчестве поэтов и писателей разных эпох. Поэтому Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель имеют не только значение первоисточника, они создают глубокую концептуальную картину славянского мира, дают возможность осмысления классического наследия с позиций современного представления о феномене родного языка.

Литература

1. Архипова, Е. В. Концептосфера научных текстов академика И. И. Срезневского (к 200-летию со дня рождения ученого) / Е. В. Архипова // Текст : проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного : Матер. V Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: Москва, филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 24 – 26 ноября 2011 г. – М. : МАКС Пресс, 2011. – С. 34–53.

2. Гуминский, В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе [Текст]: дис. … канд. филолог. Наук / В. М. Гуминский. – М., 1979. – 184 с.

3. И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии : тенденции в науке, образовании и культуре : материалы Межд. науч.-практ. конф., посв. 195-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, 25 – 27 мая 2007 года / отв. ред. Г. А. Богатова, Н. И. Демидова; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2007. – 416 с.

4. И. И. Срезневский и современная славистика : наука и образование : сб. науч. тр. (по материалам Межд. науч.-практ. конф. «Славянские языки, письменность и культура», 27 – 29 мая 2002 г.) / Отв. ред. Г. А. Богатова, Е. В. Архипова; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2002. – 304 с.

5. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка : репринтное издание / И. И. Срезневский. – СПб. : типография В. С. Балашева, 1887. – 170 с.

6. Срезневский, И. И. Путевые письма из славянских земель / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография С. Н. Хедекова, 1895. – 385 с. (репринтное издание).

G. Yu. Dzyubko
Ryazan Higher Airborne Command School named after General of the Army
V. F. Margelov, Federal State Educatiobal Institution of Higher Professional Education
e-mail: dg108@mail.ru

Concepts of the Slavic World in Travelling Letters of I. I. Sreznevsky

Keywords: concept, Slavic world, travel genre, Slavic mentality, connotations

In article Travelling letters of I. I. Sreznevsky as the source of information on the Slavic world allowing to understand his most important concepts are considered. The travel genre combining both the documentary, and art and publicistic forms united by image of the story-teller promotes creation of more exact and at the same time bright picture of the Slavic world, they provide an opportunity to understand the classical heritage from the perspective of the modern view of the phenomenon of the native language.

Н. Л. Дружина
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: natalia.druzhina@mail.ru

УДК 81’37

Семантическое поле: теоретические концепции и методологические подходы

Ключевые слова: лингвистика, семантическое поле, системный подход, теоретическая концепция, методологический подход.

В статье рассматривается проблема исследования семантического поля в лингвистике; обоснована необходимость обращения к обширному лингвистическому наследию ученых, которые стояли у истоков теории поля в языкознании. Внимание к данной теории вызвано тем, что и сейчас, по происшествии многих десятилетий после ее возникновения, она является предметом для наблюдения, рефлексии, научной полемики.

Теория поля в лингвистике, появившаяся в 20–30-е годы прошлого века, с начала своего функционирования имела дискуссионный и неоднозначный характер, который сохранился до настоящего времени. Несмотря на разные подходы к трактовке понятия, большинство ученых придерживаются мнения, что семантическое поле – совокупность лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и единой коммуникативной функцией. Многие постулаты полевой методики полемичны, однако современные исследования подтверждают тот факт, что данная теория находится еще в стадии формирования, и окончательное ее место в развитии лингвистики еще предстоит понять.

Значительное расширение тематики и рамок полевых исследований, установление новых связей со многими науками о человеке – позитивный и прогрессивный процесс. Известный лингвист Е. С. Кубрякова полагает: «В разные эпохи, в разные исторические периоды существования человека язык изучался по-разному, и в поле зрения ученых оказывались разные функции языка, разные его ипостаси и особенности. В разных направлениях и школах язык как бы поворачивался к нам разными гранями. Все зависело

от точки зрения на язык, а значит, в зависимости от этого фактора, мы могли увидеть в языке не только разное, но больше или меньше» [3, 3].

Цель нашего исследования – рассмотреть основные полевые теоретические концепции и методологические подходы; обосновать расширение границ лингвистического исследования семантического поля в современном языкознании.

Современные исследования в области семантики, безусловно, предполагают обращение к классическому лингвистическому наследию ученых, которые стояли у истоков теории поля в науке о языке. Основы полевых исследований были заложены такими зарубежными учеными, как Г. Ипсен, Й. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг.

Однако предпосылки для возникновения данной теории появились уже в 18–19 веках в трудах В. фон Гумбольдта, Й. Гердера, Ф. де Соссюра. Интересна в этом плане работа М.М. Покровского «Семасиологические исследования в области древних языков» (1896), в которой он на материале классических и современных европейских языков установил закономерные диахронно-системные связи единиц внутри различных языковых подсистем. Согласно М.М. Покровскому, «слова и их значения не живут отдельной друг от друга жизнью, но соединяются …независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [5, 82].

Дихотомия «семасиология – ономасиология» сопровождает полевые исследования на протяжении всего их существования. Семасиология, изучающая значения слов и их изменения, исследует значения языковых единиц; ономасиология решает вопросы, какие способы языкового обозначения имеют предметы и понятия. Возникновение ономасиологии послужило базой для появления идеографических словарей (например, словари Верле-Эггерса и Дорнзайфа) [14; 7].

Основной постулат теории поля базируется на предположении о том, что в системе языка значения слов не изолированы друг от друга, их значение неразрывно связано со значениями других слов.

В контексте лингвистических исследований Г. Ипсен (1899–1984) – один из первых ученых, обратившихся к понятию «поле» в 1924 году в своей работе «Der alte Orient und die Indogermanen» [10]. Ключевыми понятиями его теории выступают термины «Bedeutungsfeld» (семантическое поле), «Welt» (мир) и «die innere Sprachform» (внутренняя языковая форма). По мнению исследователя, слова, входящие в одно семантическое поле, полностью покрывают определенную концептуальную сферу. По Ипсену, отдельные слова словаря сгруппированы в смысловые группы, значение которых связано с содержанием других групп.

Данная связь понимается как многомерное смысловое поле, в котором слова как носители смысла соединены подобно мозаике в едином значении более высокого порядка.

Предметом исследования Ипсен избирает индоевропейское поле обозначений металлов. По мнению ученого, члены одного поля объединяются на основе сходства формальных и семантических признаков. К недостаткам данной концепции относятся ограниченность в практическом применении, поскольку немногие лексические группировки имеют семантическое и формальное сходство.

Выступая с критикой фокусировки исследовательского интереса Ипсена в сфере формальных признаков, Геккелер пишет следующее: «Ipsens Feldauffassung kann nur als ein Sonderfall innerhalb der inhaltsbezogenen Feldlehre angesehen werden» [8, 92]. – Трактовка поля у Ипсена может рассматриваться только как особый случай в рамках ориентированной на содержание полевой теории.

В сферу научных интересов А. Йоллеса (1874–1946) также входили вопросы, связанные с исследованием языковых единиц в рамках определенных структурно-семантических объединений. «Bedeutungsfelder», или семантические поля – группа

слов, имеющих семантические связи и выражающих определенное понятие в языке. По А. Йоллесу, поле состоит из двух языковых единиц, например, *отец – сын, день – ночь* и т. п. Ограниченное количество единиц, формирующих поле, и, соответственно, невозможность дальнейшей структуризации лексического состава – все это не могло служить базой для полноценного функционирования концепции Йоллеса [11, с. 40].

Автором теории семантического поля заслуженно считается Й. Трир (1894–1970), лингвист, который занимался вопросами этнолингвистики и этимологии. Трир сформулировал основные положения теории семантического поля в своей работе «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts» (1931). – Немецкий словарь в смысловой области разума. История языкового поля. От истоков до начала 13-го века.

Трир полагал, что в языке есть определенные структурные группы лексики, которые он определил как поля. Опираясь на взгляды Ф. де Соссюра, Трир использовал системно-структурный подход к изучению языка и в своей работе сосредоточился на парадигматических отношениях внутри поля слов.

Благодаря Й. Триру были разработаны новые принципы системного анализа лексики, которые он применил для исследования понятийных и словесных полей, предполагая полный параллелизм между ними. Взгляды ученого базируются на понимании языка как системы и слова как части этой системы: «В системе все получает смысл только из целого. Значит, слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [13, 417]. По Триру, «außerhalb eines Feldganzen kann es ein Bedeuten überhaupt nicht geben» [13, 6] – вне поля вообще нет значений.

С именем немецкого лингвиста связывают понятие парадигматического семантического поля, или поля Трира. Имеющая ряд спорных моментов, теория Й. Трира явилась важным этапом в развитии структурной семантики и структурной лексикологии. Теория парадигматического поля Й. Трира послужила базой для глубокого осмысления системных связей в лексике, а также явилась крупным и теоретически значимым идеографическим описанием словаря на материале немецкого языка.

Разработка теории полевого описания лексики была продолжена немецким лингвистом Л. Вайсгербером (1899–1985), концепция словесных полей которого близка теории Й. Трира. По мнению Л. Вайсгербера, «словесное поле живет как целое, поэтому, чтобы понять значение отдельного его компонента, надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [15, 185]. Л. Вайсгербер предложил несколько иную интерпретацию понятия поля, а также разграничение философского, психологического и социологического аспектов в исследовании языка.

Большой вклад в развитие теории поля внес В. Порциг (1895–1961), который в своих работах положил начало изучению синтагматического СП, или поля Порцига. Немецкий ученый исследовал семантическую зависимость в таких парах слов, как *идти* и *ноги*, *лаять* и *собака*, *белокурый* и *волосы*, называя их «элементарными семантическими полями». Принципиальным отличием поля у В. Порцига является то, что он «направляет исследование на языковые факты, как исходный пункт, и преодолевает абстрактно-концептуальный подход Трира» [1, с. 81].

Исследования по проблематике поля, проведенные немецкими лингвистами, неоднократно подвергались критике зарубежными и отечественными лингвистами: «Denn es gibt nicht, wie oft leichthin unterstellt, so etwas wie den linguistischen Feldbegriff oder den Wortfeldbegriff und entsprechend eigentlich auch nicht die Wortfeldtheorie, sondern nur eine Vielzahl von z. T. sehr unterschiedlichen Konzepten und Konzeptionen, die alle denselben Ausdruck ‚Feld‘ okkupieren» [9, с. 286]. – Потому что не существует, как это часто поверхностно предполагается, что-то вроде лингвистического термина поля или языково-

го поля и, соответственно, собственно, теории поля, а лишь множество отчасти очень разных понятий и концепций, которые оккупируют одно и то же выражение «поле».

Критики теории полевого описания лексики к недостаткам теории поля часто относят интуитивизм в построении поля и недостаток объективности в установлении границ конкретного поля.

Сам Трир в предисловии к своей работе 1931 года пишет следующее: «Мне известны определенная неподвижность и узость моего метода. В первом томе они были неизбежны, так как нужно было достигнуть границы, разделяющей то, что хотел дать я, от того, что хотели дать другие» [12]. Ю.Н. Караулов, давая оценку данной теории, пишет, что «с одной стороны, она полна противоречий, а с другой стороны, …обладает известной привлекательностью» [2, 15].

Следует отметить тот неоспоримый факт, что теоретические концепции и методологические подходы ученых прошлого века в сфере разработки полевой теории стимулировали научную мысль, стали основой для дальнейшего развития теории семантических полей. Научный интерес к теории поля, имеющий более чем вековую историю существования в лингвистике, подтверждается постоянно растущим количеством исследований семантических полей в разных языках. Теория семантического поля не теряет актуальности как инструмент исследования лексики, в нее вносятся изменения и дополнения.

Сам термин «поле» не является устоявшимся в современной лингвистике и имеет различные интерпретации. Так, семантическое поле определяется как «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающая в языке определенную понятийную сферу» [4, 458–459].

В результате теоретических и практических разработок теории были сформированы два основных направления анализа поля: изучение парадигматики и изучение синтагматики. По Д.Н. Шмелеву, в исследование семантического поля необходимо включать анализ эпидигматики, т. е. отношений словопроизводства [6]. Многие ученые комбинируют данные подходы в исследованиях, т. е. исследуют семантическое поле по трем осям: парадигматика, синтагматика, эпидигматика. Полагаем, при построении и анализе семантического поля важен также учет экстралингвистических и психолингвистических критериев.

Семантическое поле – факт языка и культуры и инструмент их исследования, компонент аксиологической картины мира. Согласно О.С. Ахмановой, семантическое поле – «уникальная монолитная структура, управляемая собственными законами. В ней реализуется, раскрывается «картина мира» и «иерархия ценностей», специфическая как для разных языков, так и для одного и того же языка в разные периоды его развития» [1, 79].

В заключение отметим, что в данной работе мы рассмотрели только некоторые из концепций ученых, имеющих отношение к исследованиям семантического поля. Заслуга в создании теоретической базы системного описания структурно-семантических группировок лексики и разработке проблем полевых исследований, бесспорно, принадлежит немецким ученым.

Думается, что теория поля может найти применение в современных направлениях языкознания, в которых акцент исследований фокусируется на возможности синтеза собственно лингвистических исследований с культурологическими, психологическими и социологическими.

Литература

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.

2. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

3. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. Лит-ры и языка. – 1999. – Т. 58. - № 5–6.

4. Новиков, Л. А. Семантическое поле / Л. А. Новиков // Русский язык : энциклопедия. – М. : Большая Российская энцикл., 2003. – С. 458–459.

5. Покровский, М. М. Избранные труды по языкознанию / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 385 с.
6. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
7. Dornseiff, Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / Fr. Dornseiff. – Berlin, New York : De Cruyter, 1970. – 922 S.
8. Geckeler, H. Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie / H. Geckeler. – München. – Fink, 1971. – 255 S.
9. Herbermann, C.-P. Felder und Wörter / C.-P. Herbermann // Panorama der Lexikalischen Semantik, hg. von U. Hoinkes. – Tübingen, 1995. – S. 263–291.
10. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg. – Heidelberg, 1924. – S. 200–237.
11. Kühlwein, W. Die Verwendung der Feinseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache / W. Kühlwein. – Neumünster : Wachholtz, 1967.
12. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts / J. Trier. – Heidelberg : Karl Winter Universitätsverlag, 1973.
13. Trier, J. Sprachliche Felder / J. Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung. – 1932. – № 8. – S. 417–427.
14. Wehrle, H. Deutscher Wortschatz. Ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck / H. Wehrle, H. Eggers. – Dresden : Klett Verl. für Wissen und Bildung, 1993. – 821 S.
15. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – Düsseldorf : Schwann, 1962. – 360 S.

N. L. Druzhina
Vitebsk State P. M. Masherov University
e-mail: natalia.druzhina@mail.ru

Semantic field: theoretical concepts and methodological approaches

Key words: linguistics, semantic field, system approach, theoretical conception, methodological approach.

The article deals with the problem of the study of semantic field in linguistics; the need to address the extensive linguistic experience of scientists who were field theory pioneers in linguistics is justified. The importance of this theory is determined by the fact that after many decades it is the subject for observation, reflection, scientific debate.

С. Н. Дубровина
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: rsn.09@mail.ru

УДК 81=112.2

Muttersprache im Fremdsprachenunterricht

Schlüsselwörter: Muttersprache, Erwerb einer Fremdsprache, kommunikative Didaktik, direkte Methode, Grammatik, Übersetzung.

Im Artikel handelt es sich um die Rolle der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht. Im Mittelpunkt steht die Geschichte des Fremdsprachenunterrichts sowie die Fragen, welche Möglichkeiten der bewusste Einsatz der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht eröffnet und auf welche Weise er zum Erreichen von Lernzielen beitragen kann.

In der Geschichte des Fremdsprachenunterrichts gab – und es gibt immer noch – sehr unterschiedliche Ansichten über die Rolle der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht. Es wird sowohl darüber diskutiert, ob und mit welcher Wirkung die Muttersprache den Erwerb einer Fremdsprache beeinflusst, als auch über die Möglichkeiten und Grenzen, die dieser Einfluss mit sich bringt. „Niemand wird eine fremde Sprache lernen, wenn er sie nicht viel gebraucht. Schon gar nicht wird er sie in der immer knapp bemessenen Unterrichtszeit lernen, wenn er dort ständig seine Muttersprache spricht. Diese Einsicht hatte vor gut hundert Jahren zu einer Revolution des Unterrichts in den modernen Fremdsprachen geführt“ [2].

Zu einer entscheidenden Wende im Fremdsprachenunterricht kam es mit Viëtors *Der Sprachunterricht muß umkehren!* von 1882. Er forderte, dass statt Grammatik- und Übersetzungsübungen sprachpraktische Übungen im Zentrum des Unterrichts stehen.

Aus diesem Grund wurde die Muttersprache und damit das Übersetzen rigoros aus dem Fremdsprachenunterricht verbannt, denn die Übersetzung wurde als das wichtigste der traditionellen (d.h. rückständigen) Methodik kategorisch ausgeschlossen.

„Damals wurde die direkte Methode erfunden. Im Französischunterricht sollte endlich Französisch, im Englischunterricht Englisch gesprochen werden. Möglichst ohne Übersetzen, am besten unter völliger Umgehung der Muttersprache galt es, den direkten Weg zur Fremdsprache zu suchen. Diese Methode – von ihren Gegnern gern als Parliermethode, Bonnerfranzösisch usw. abgewertet – sei zugleich die Naturmethode. Ein kleines Kind wachse auch in seine Sprache hinein, ohne eine andere zu Hilfe zu nehmen, und auch ohne grammatische Belehrung. Mit diesem Ansatz machte der Deutsch-Amerikaner Charles Berlitz Karriere, bezeichnete sich als Erfinder der direkten Methode (was nicht stimmte) und gründete seine erste Sprachenschule“ [2].

Die Direkte Methode, das heißt die konsequent einsprachige Vermittlung der Sprache, fand Einzug in die Didaktik und wurde bald von den Lehrplänen gefördert. Man nahm an, eine Fremdsprache ließe sich auf gleichem Wege wie die Muttersprache erwerben. Daher lag der Schwerpunkt dieser Methode auf der mündlichen Kommunikation in nahezu realen Situationen sowie auf der Schulung der Aussprache, demzufolge auf der praktischen Sprachbeherrschung. Dabei wurde die Ausbildung der anderen Sprachtätigkeiten (Schreiben und Lesen) aber nicht vernachlässigt. Statt auf die Muttersprache zurückzugreifen, wurden Realien, Bilder etc. verwendet, um neuen Wortschatz zu vermitteln. Als Ziele dieser Methode galten die Kommunikation und das Denken in der Fremdsprache.

In Deutschland wurde vor allem in den 60er und 70er Jahren die Audiolinguale Methode praktiziert. Bei dieser Methode werden Satzmuster durch Imitation und Wiederholen kontinuierlich eingeübt, wobei der *pattern drill,* eine Form des sprachlichen Konditionierens, die wichtigste Übungsform darstellt. Im Unterricht ist hier – wie auch bei der Direkten Methode – das Prinzip der Einsprachigkeit zu befolgen, was die verschiedenen Formen des Sprachmittelns ausschließt. Auch bei dieser Methode hat die gesprochene Sprache eine Vorrangstellung im Unterricht. Grammatische Regularitäten werden nicht deduktiv gelehrt, sondern sollen induktiv erschlossen werden. Im Unterschied zur Direkten Methode, die davon ausgeht, dass das Lernen einer Fremdsprache mit dem Muttersprachenerwerb nahezu identisch ist, basiert die Audiolinguale Methode auf der Erkenntnis, dass das Erlernen einer Fremdsprache von bereits erworbenen Sprachen (z.B. der Muttersprache) beeinflusst wird.

Die Audiovisuelle Methode stellt seit der Mitte der 1960er Jahre eine Weiterentwicklung der Audiolingualen Methode dar. Hier galt besonders das Prinzip der Anschaulichkeit, was durch die Weiterentwicklung technischer Medien unterstützt wurde. Die Muttersprache und explizite Grammatikerläuterungen sollten bei dieser Methode ausgeschlossen werden. Später wurde an dieser Methode besonders kritisiert, dass das kognitive Potenzial der Lernenden ausgeschlossen wird.

In den 70er Jahren des 20. Jahrhunderts zeigten empirische Untersuchungen, dass in den Lehrplänen seit der Abwendung von der Grammatik-Übersetzungsmethode zwar die

konsequente Einsprachigkeit gefordert, diese aber von vielen Lehrkräften nicht umgesetzt wurde. Die wichtigsten Ergebnisse lassen sich folgendermaßen zusammenfassen: Obwohl sich die Mehrheit der Lehrer für die Einsprachigkeit ausspricht, wird die Übersetzung im Unterricht eingesetzt. Später fasst Butzkamm zusammen:

Die dogmatische, absolute Einsprachigkeit war einfach nicht praktikabel [...] Der erfolgreiche Lehrer hatte schon immer praktische Vernunft walten lassen und den Grundsatz der Einsprachigkeit undogmatisch-unverkrampft angewendet [2].

Einen bedeutenden Beitrag leistete Butzkamm bereits mit seiner Schrift *Aufgeklärte Einsprachigkeit. Zur Entdogmatisierung der Methode im Fremdsprachenunterricht* . Durch die Propagierung dieser sogenannten ‚aufgeklärten Einsprachigkeit' – später von ihm selbst durch die Bezeichnung ‚funktionale Fremdsprachigkeit' ersetzt – wurde der Stellenwert der Muttersprache im Unterricht neu bestimmt. In der Folge kam es wieder zu Diskussionen um die Einsatzmöglichkeiten des Sprachmittelns im Unterricht. Der erste Teil des Bandes *Übersetzen und Fremdsprachenunterricht* zeigt die Diskussion um dieses Thema in den 1970er Jahren deutlich.

Über die möglichen Funktionen der Muttersprache, insbesondere der Übersetzung, im Unterricht finden sich in den wissenschaftlichen Texten seit der Mitte des 20. Jahrhunderts die unterschiedlichsten Ansichten. Einige Wissenschaftler räumen zweisprachigen Unterrichtsmethoden einen großen Stellenwert im Unterricht ein: So lässt Palmer die Übersetzung als Mittel der Semantisierung uneingeschränkt zu. Andere hingegen lehnen die Übersetzung rigoros ab.

Um die Rolle der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht weitgehend bestimmen zu können, muss zunächst geklärt werden, in welchem Umfang sich der Muttersprach- und der Zweitspracherwerb gegenseitig beeinflussen. Daher ist es wichtig, zwischen dem Muttersprach- und dem instruierten Fremdspracherwerb im Unterricht zu differenzieren, da beide in vielen Aspekten gravierende Unterschiede aufweisen und daher nicht eins-zu-eins verglichen werden können. Diese Gegenüberstellung der Unterschiede ermöglicht es, didaktische Rückschlüsse zu ziehen.

Beim instruierten Fremdsprachenerwerb innerhalb des Fremdsprachenunterrichts ist der fremdsprachliche Einfluss stets auf eine bestimmte Zeit (z.B. eine Unterrichtsstunde) begrenzt. Beim Muttersprachерwerb gibt es keine zeitliche Begrenzung der Sprachverwendung, da sie fester Bestandteil des Alltags und der kulturellen und sozialen Identität ist. Um diese Situation im Unterricht nachbilden zu können, verfolgen Lehrwerke und Lehrpläne die Idee, „Einsprachigkeit" im Fremdsprachenunterricht simulieren zu können, indem sie dem Einsatz der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht keinen Platz einräumen. Es ist allgemein bekannt, dass eine Fremdsprache lediglich erlernt werden kann, wenn der Lerner mit dieser konfrontiert wird und sie aktiv gebraucht. Daher wird in den Lehrplänen die Muttersprache im Fremdsprachenunterricht verbannt, um einen Übergebrauch der Muttersprache zu vermeiden. Weiterhin wird im fremdsprachlichen Unterricht eine Gruppe von Schülern von lediglich einer Lehrperson unterrichtet. Die Muttersprache findet jedoch in der direkten Interaktion statt und gewinnt dadurch automatisch an Intensität. Ferner ist der Erwerb der Muttersprache etwas Besonderes, da sie unbewusst mit vielen Erinnerungen verknüpft ist. Diese Authentizität ist im Fremdsprachenunterricht leider nicht direkt vorhanden, da Schüler mehr oder weniger im Unterricht dazu „gezwungen" werden, eine Fremdsprache zu erlernen, welche in ihrem alltäglichen Leben keine bzw. eine geringe Rolle spielt. Die Muttersprache wird nämlich gelebt und die Fremdsprache lediglich von einer Lehrperson gelehrt. Der Erwerb der Muttersprache basiert demnach auch auf unserem Kommunikationsbedürfnis und auf der Befriedigung unserer persönlichen Bedürfnisse, da sie die erste Sprache zum Austausch mit unseren Mitmenschen ist. Dementsprechend erscheint es sinnvoll, den Fremdsprachenunterricht so authentisch wie möglich zu gestalten, damit das Fremdsprachenlernen mit Interesse und Motivation verknüpft wird. Dennoch kann derselbe Grad an Natürlichkeit, wie er beim Muttersprachерwerb vorhanden ist, im

Fremdsprachenunterricht nicht in demselben Maße hergestellt werden, auch wenn teilweise Mischformen an Natürlichkeit und Unnatürlichkeit existieren. Ein gewisses Maß an Authentizität könnte jedoch im fremdsprachlichen Unterricht durch den Einsatz der Muttersprache erreicht werden, da diese Sprache zur Realität der Schuler gehört und sie fester Bestandteil ihres Lebens und ihrer sozialen Identität ist. Schließlich unterscheiden sich beide Prozesse im Weiteren darin, dass beim Erwerb der Muttersprache keine vorherigen sprachlichen Kompetenzen vorhanden sind, da es die erste erworbene Sprache ist. Beim Fremdspracherwerb bildet jedoch die Muttersprache automatisch die Referenz (die Basis) für das Erlernen weiterer Sprachen.

Eine gewisse Ähnlichkeit zwischen beiden Erwerbsprozessen existiert dennoch: Die Komplexität der Lern- und Unterrichtsinhalte des Fremdsprachenunterrichts erweitern sich nämlich von Zeit zu Zeit genauso wie es beim Muttersprachenerwerb der Fall ist. Zunächst werden im Unterricht die Grundlagen und das Basisvokabular unterrichtet, und mit der Zeit erhöht sich der Lernumfang. Die sprachlichen Fähigkeiten eines Kindes sind zu Beginn seiner Entwicklung ebenfalls stark eingeschränkt, erweitern und vergrößern sich jedoch mit der Zeit zunehmend. Trotz alledem verlaufen beide Spracherwerbsprozesse sehr unterschiedlich und können demnach nicht gleichgesetzt bzw. als ähnlich angesehen werden. Die Gründe für das Vermeiden der Muttersprache im Fremdsprachenunterricht im Rahmen der schulischen Lehrpläne liegen somit teilweise in den Annahmen über Spracherwerbsprozesse und sind in ihren Einflüssen begründet, da beispielsweise der Fremdsprachengebrauch zeitlich limitiert ist.

Die wichtigste Methode, bei der die Muttersprache im Zentrum steht, ist die Grammatik-Übersetzungsmethode. Schon wie der Name dieser Methode andeutet, spielt Grammatik hier die zentrale Rolle. Das Lernziel der Grammatik-Übersetzungsmethode lautet: Wer die Grammatik beherrscht, beherrscht die fremde Sprache! Die Grammatik-Übersetzungsmethode entwickelte sich in Europa im 19. Jahrhundert. Diese Methode übernahm den Unterricht der „alten Sprachen“ (Griechisch und Latein) in den Gymnasien.

Das klassische Konzept der Grammatik-Übersetzungsmethode geht davon aus, dass die Lerngruppe eine einheitliche Ausgangssprache (Muttersprache) hat, dass das Alter und der Kenntnis- und Bildungsstand der Gruppe homogen ist und dass sie „leistungsstark“ ist. Die Unterrichtsphasen nach der Grammatik-Übersetzungsmethode werden folgend beschrieben: zuerst kommt die Einführungsphase – Grammatikpräsentation, dann die sogenannte Übungsphase – Satzbildung zum Grammatiklehrstoff und die letzte ist die Anwendungsphase – Lesen, Schreiben und Übersetzen als Anwendung des Lehrstoffes.

Das Prinzip der Grammatik-Übersetzungsmethode ist die praktische Anwendung der grammatischen Regeln in den Übersetzungstexten. Zu den typischen Übungen der Grammatik-Übersetzungsmethode gehören die Übersetzung von Einzelsätzen von der Muttersprache in die Fremdsprache, die Übersetzung längerer Textpassagen, die Übersetzung deutscher literarischer Texte in die Muttersprache, das Lesen deutscher literarischer Texte, die schriftliche Zusammenfassung bzw. Nacherzählung von Textvorlagen, der Aufsatz und das Diktat.

Die Grammatik-Übersetzungsmethode wird häufig im heutigen Lateinunterricht angewendet, da hier der Unterricht von progressivem Regellernen und Textübersetzungen determiniert ist. Sie war in der Vergangenheit eine der wichtigsten und bekanntesten Unterrichtsmethoden und dominierte daher im 19. Jahrhundert im fremdsprachlichen Unterricht nicht nur in den klassischen Sprachen, sondern auch im Französischen und im Englischen das Unterrichtsgeschehen. Die hauptsächlichen Ziele dieser Methode bestanden in der Vermittlung des Verständnisses von grammatikalischen Regeln und in ihrer Anwendung vor allem bei Übersetzungen. Bei der Erklärung der grammatikalischen Regeln spielte jedoch die Muttersprache eine wichtige Rolle, da eine verständliche Erklärung grammatikalischer Strukturen nur durch die Muttersprache als möglich angesehen wurde. Beispielsweise wurden für die Erläuterung von Grammatikregeln muttersprachliche Beispielsätze verwendet. Nachdem die grammatikalischen Regeln mithilfe der Muttersprache verstanden wurden,

folgten Übersetzungsaufgaben in die Fremdsprache und Rückübersetzungen in die Muttersprache. Indem die Schüler in der Lage waren, Texte in die Fremdsprache zu übersetzen, demonstrierten sie ihre allgemeine Sprachkompetenz.

Es gibt eine große Vielfalt effektiver Arbeitsformen, in denen die Muttersprache gezielt und so punktuell eingesetzt wird, dass sie immer in reine fremdsprachige Phasen einmünden. Leider werden sie in unseren Seminaren bis auf wenige Ausnahmen nicht gelehrt und in unseren Schulen nicht praktiziert. Das rächt sich, weil viele frustrierte Lehrer die Muttersprache eben doch gebrauchen – aber in der gezeigten, unproduktiven Weise, zum Nachteil ganzer Schülergenerationen. Wer aber gelernt hat, die Muttersprache richtig einzusetzen, weiß auch, wie sie in Schach zu halten ist. Er wird unsere Vorschläge nicht als Lizenz ansehen, bei der erstbesten Gelegenheit ins Deutsche zu fallen [2].

Литература

1. Bonfiglio, M. Die Rolle der Muttersprache „Deutsch“ im Fremdsprachenunterricht. Ein Störfaktor oder eine Lernhilfe? / M. Bonfiglio. – München: GRIN, 2018. – 68 S.

2. Butzkamm, W. Der Fremdsprachenunterricht muss umkehren! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fremdsprachendidaktik.rwth-aachen.de/Ww/umkehr.html. – Дата доступа: 08.01.2020.

3. Neuner, G. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts : Eine Einführung / G. Neuner, H. Hufeld. – Kassel: Universität Kassel, 1993. S. 19 –21.

S. N. Dubrovina
Belarusian State Agricultural Academy
e-mail: rsn.09@mail.ru

Mother tongue in foreign language teaching

Key words: mother tongue, acquisition of a foreign language, communicative didactics, direct method, grammar, translation.

The article deals with the role of the mother tongue in foreign language teaching. The focus is on the history of foreign language teaching as well as the questions of which possibilities the conscious use of the mother tongue in foreign language teaching opens up and in which way it can contribute to the achievement of learning goals.

Л. Х. гызы Зейналова
Бакинский славянский университет (Азербайджан)
e-mail: lz001@yandex.com

УДК 811.161.1:398.91

Лингвокультурологическое значение пословиц и поговорок в русском языке

Ключевые слова: пословицы, поговорки, лингвокультурология, паремии, семантика.

В пословицах и народных афоризмах отражается система национальных ценностей, основанная на различных культурах. Лингвокультурологический анализ изменяемых выражений способствует выявлению уровня изменения в жизни народа. Проведенный анализ даёт нам основание к следующему: склонность к паремическим деформациям связана с изменением общественных ценностей. Вся сфера норм поведения делится на практическую и моральную. Практическая сфера выражена в отдельных формах наставлений, в пословицах.

Человек изучает окружающий его мир и самого себя при помощи практического языка. Современный человек, владея языками, интересуется своим прошлым и обращается к своим культурным корням. Красота народного языка, которая прошла сквозь долгие годы истории, скрыта и часто невидима. Это своеобразный микромир, который объединяет в себе нормы поведения, образ жизни, высказывания наших предков. Именно поэтому пословицы и поговорки занимают очень важное место в нашей речи, а их изучение становится весьма актуальным.

«Пословицы и поговорки считаются единицей паремиологии (это греческое слово, которое обозначает «поведенческое выражение»). Невзирая на достаточное применение единиц паремиологии в лингвистике, изучение их сегодня на современном этапе развития науки, остается актуальным. Изучение паремии таким способом даёт возможность с точностью раскрыть значение и содержание, исследование источников и мотивов. Пословицы и поговорки, их лингвокультурологический анализ направлен на выявление национально-культурных особенностей. Изначально эти языковые формулы ориентированы на передачу содержания в совокупности с культурными смыслами.

В лингвокультурологии должны исследоваться только пословицы и поговорки, связанные с возникновением и использованием конкретного народного этноса, истории, культуры, быта и поведения и т. д.» [1]. Пословицы и поговорки также изучаются с точки зрения когнитивной лингвистики, в которой отражается менталитет народа. Пословицы, в принципе, не выражают менталитет всего народа, они являются выражением менталитета определенной социальной группы. Другими словами, пословицы – это одна из форм выражения народного менталитета в широком понимании этого слова. При помощи народных выражений уточнение языковой карты мира намного облегчается.

В лингвистике языковая картина мира в значительной степени определяется с помощью пословиц и поговорок. Анализируя языковую картину мира, можно определить ряд национально-специфических антропологических особенностей, среди которых характер человека, семейные, коллективные и общественные отношения и т. д. Народные выражения, обладая многовековой историей, являются итогом прошлого и открывают большие перспективы на будущее.

Пословицы и поговорки создают условия для определения культурно-ментальных отношений между языками и для сравнительного анализа между фольклорными образцами, присущими народам, исходя из того, что пословицы и поговорки имеются у каждого народа и обладают когнитивной структурой.

Известно, что до сих пор значение терминов «пословицы» и «поговорки» не уточнены.

Статус паремий продолжает оставаться в культурологическом плане основным вопросом дискуссий. Попытки уточнения статуса пословиц и поговорок по принципу распределения осуществляются с учётом мнений учёных по данному вопросу.

Учёные, исследующие пословицы и поговорки, знают, что в данном вопросе, где нет чёткого разграничения, возникают определенные проблемы. А там, где есть разграничения, их значения носят условный характер. Некоторые исследователи составили словари, в которых пословицы и поговорки расположены в алфавитном порядке, другие отдали предпочтение распределению пословиц и поговорок по значениям. Во всех случаях возникает путаница, даже в тех разделах, в которых пословицы и поговорки собраны по значению. К примеру, одно и то же народное высказывание встречается в разделах, которые относятся к различным темам. В том же словаре в разных разделах даются пословицы и поговорки, похожие на эти высказывания или в точности совпадающие с ними по значению.

Учитывая вышеизложенное, обратим внимание на несколько вариантов распределения пословиц и поговорок:

1) Деление по алфавиту.

За основу деления берется первая буква, с которой начинается пословица и поговорка. Такое деление, можно сказать, характерно для всех языков и отличается простой структурой. Но при таком делении в словарях одно и то же народное высказывание может оказаться в разных местах из-за начальных букв.

2) Деление по основному значению.

Это деление называется лексическим или энциклопедическим. Здесь большое значение придается главному слову, подчеркивающему суть пословиц и поговорок, например, выражение «Куй железо, пока оно горячо» входит в раздел, в который вошли народные выражения, связанные с кузнечеством или с железом. Этот метод может стать причиной тому, что близкие по составу слова, но разные по значению выражения могут попасть в одну и ту же группу, и так же близкие по значению известные пословицы и поговорки, но разные по лексическому составу, могут оказаться в разных группах.

3) Монографическое деление.

В этот раздел собирают пословицы и поговорки по месту, времени и чему-то еще, что может их объединять.

Книга «Пословицы, поговорки и загадки в рукописях 18–20 вв.», изданная АН СССР в 1961 году, составлена именно по такому принципу. Этот метод очень удобен для изучения истории появления пословиц и поговорок, однако здесь не исключены многократные повторы и внутренняя бессистемность, в отличие от первых двух методов.

4) Генетическое деление.

Это деление основано на материале и языке народа, который вобрал в себя всю информацию. В этой системе также имеются недостатки и особенности, как и в монографическом делении, в том числе многократные повторы одного и того же текста.

5) Тематическое деление.

Этот метод основан на тематике пословиц и поговорок. Пословица дается в группе, к которой относится тема «Умелец», и в более широкой по значению теме «Труженики».

Таким образом, вышеперечисленные разделы имеют специфические особенности, преимущества и недостатки и могут использоваться в различных жизненных ситуациях.

Однако все эти системы имеют общие недостатки: все они основаны на случайных признаках, не связанных с самой природой народных выражений. И именно поэтому ни одно из вышеперечисленных делений не может браться за основу как объективный подход в данном вопросе.

В идиоматике языка, если рассматривать этот специфический аспект с точки зрения национального подхода, отражается отношение к системе ценностей, общественного поведения, к окружающему миру, людям и к другим народам. Языковой мир очень разнообразен, красочен, интересен и привлекателен и до конца не изучен. А если говорить образно, этот мир напоминает Вселенную.

В исследуемых языках пословицы и поговорки имеют следующее семантико-тематическое деление: активность, инициатива, несчастье, катастрофа, горе, грусть, нищета, нужда, пассивность, обеспечение, доверие, обман, боль, взаимопомощь, товарищество, видимость и значение, вина, наказание, польза, глупость, гостеприимство, долг, ответственность, дом, страна, западня, дружба, скупость, опыт, мечта, трудности, осторожность, излишества, расточительность, творчество, индивидуализм, коллектив, общество, компромисс, красота, лень, любовь, любопытство, молодежь, неопытность, надежда, начало, конец, неблагодарность, недосягаемость, остаток, невежество, ненависть, непонимание, нелогичность, неторопливость, медлительность, обнадеживание, глубокие знания, умение, схожесть, подобие, единство, прочность, ошибка, опоздание, опытность, сокращение, умелость, мастерство, запасливость, повтор, преподношение подарков, утрата, истинность, приветствие, похожесть, причина, поиск, недоверие, безответственность, попытка, риск, свобода, родной и чужой, семья-родство, своевременность, беседы, молитва, клятва, смелость, решительность, социальные отношения, тру-

долюбие, трудности, безысходность, удача, ум, миролюбие, упрямство, спокойствие, учение, ценности, непохожесть, совесть, вера, поведение, хитросплетения, гордость, творчество, двуличие, трудные усилия, мощь, субъективность и т. д. Также следует отметить, что в основном пословицы и поговорки в исследуемых языках могут совпасть тематически, но среди них могут быть пословицы, которые конкретно придуманы каким-то народом, и они могут иметь специфические особенности.

«С точки зрения лингвистики пословицы и поговорки входят в систему «общих мест» и в процессе развития культуры претерпевают определенные изменения. Для нас важны и причины этих изменений. Очевидно, что это происходит не само по себе, а под воздействием культурных процессов. Надо иметь в виду неизменяемость моральных ценностей» [2, 108].

Пословицы могут отражать множество процессов, происходящих в обществе, и не охватывают, пожалуй, лишь вопросы, требующие судебного решения. Каждому событию в той или иной мере дается оценка со стороны общества, которое наблюдает за ним и отсеивает негатив от позитива. В результате человек, который не находит поддержки в обществе, попадает в изоляцию от сферы общественных связей и общество его уже не защищает. Именно по этой причине каждому члену общества необходимо знать и изучать основы моральных ценностей, а также соблюдать их. Моральная сфера в целом имеет различные направления и отдельные воспитательные цели и делится на 2 части: фольклорная нравственность и нравственное поведение.

Фольклорная нравственность относится к практической сфере. Основная ее цель – защита семьи, рода и племени и обеспечение их материальным благополучием. Здесь не существуют запреты, касающиеся религии, воровства и убийств, все регулируются семейными отношениями, обычаями и материальными возможностями.

Нравственное поведение, принимая принципы практического поведения, завершает запреты, возложенные на воровство, убийства и т. п., укрепляет их определенными принципами речевых норм. Пословицы регулируют нормы поведения и образ мышления человека в своеобразной манере. Естественно, все эти отношения со временем претерпевают определенные изменения под воздействием политических, экономических, социальных и многих других мировых общественных процессов.

Пословицы и поговорки интересны тем, что они идут вровень со временем. С точки зрения изменяемости и неизменяемости, пословицы делятся на 3 группы: 1) наиболее устойчивые или традиционные, 2) подверженные частичным изменениям, 3) полностью изменяемые.

Пословицы выступают в роли своеобразного регулятора поведения человека и его образа мысли и являются выражением моральных качеств человека. Со временем эти отношения изменяются и вместе с ними меняются пословицы. К примеру, в обществе стали выше ценить капитал, в европейском обществе деньги перевернули мир и стали управлять им; экономические отношения перекрыли другие отношения – стали чаще употребляться пословицы и поговорки, связанные с развитием капитализма. Все это стало подталкивать разные слои общества к стремлению заработать больше, что, в свою очередь, выявило и несправедливость, господствующую в капиталистическом обществе. В таком обществе на второй план отошли высоконравственные человеческие ценности, объединились семейные и родственные отношения, что привело к частичной моральной деградации и стремительному падению общественной морали.

Однако важным фактором явилось то, что народы, которые долгое время отдавали предпочтение атеистическому мышлению, стали все чаще уделять внимание религиозным ценностям, национально-культурным отношениям, нормам поведения. Судя по вышеуказанным причинам, были сделаны выводы, что все это было заложено в фольклорной сокровищнице этих народов, и такие понятия, как религия, вера, помыс-

лы, Аллах, сотворение и т. д. – все это находилось в спящем режиме. Такие процессы в языке должны оцениваться как культурные изменения.

Следует отметить, что наряду с фольклорными образцами, в которых отражены динамика развития общественных процессов и осознание степени их пользы, привлекает внимание появление новых пословиц и поговорок. Появление новых пословиц и поговорок считается естественным для отражения новых понятий, отношений к ним, а также изучения деталей в мировых процессах.

Также важное значение следует уделить тому, что некоторые примеры, взятые из фольклора, подвергаются определенной деформации и осовремениванию, в которых отражаются очень актуальные в наши дни такие общественные понятия, как армия, мобилизация, терроризм, мультикультурализм, межнациональные отношения и т. д. К примеру, «Горбатого медкомиссия исправит», «Если нельзя, но очень хочется, то отставить!», «Не боевая техника красит воина, а воин – боевую технику», «Семь раз отмерь, время пошло!», «Танк везде грязь найдет!»

В России появляются пословицы, связанные с развитием личного бизнеса, или офисные пословицы, например: «Красна секретарша не тем, что красавица, а тем, что с факсом управится», «Не вернул кредита – считай, рожа бита» и т. д. Также в России появляются фольклорные образцы, в которых отражается нестабильное экономическое положение: «Заключил договор – выполняй обязательства».

Суммируя проводимые исследования, можно прийти к выводу, что в пословицах и народных афоризмах отражается система национальных ценностей, основанная на различных культурах.

Лингвокультурологический анализ изменяемых выражений способствует выявлению уровня изменения в жизни народа.

Проведенный анализ дает нам основание к следующему: склонность к паремическим деформациям связана с изменением общественных ценностей. Вся сфера норм поведения делится на практическую и моральную. Практическая сфера выражена в отдельных формах наставлений, в пословицах. Другими словами, это можно выразить как сборник «жизненных правил». Цель «жизненных правил» фольклора – улучшение материального благополучия своей семьи и окружения. Тот, кто владеет практическими нормами и может их эффективно применять с точки зрения этих же моральных норм, считается мудрым человеком. Старости всегда отдается большее предпочтение, чем молодости, с точки зрения того, что человек с возрастом становится более мудрым и приобретает аналитические навыки. К примеру: «За молодым жить весело, а за старым – хорошо». Также следует отметить, что мы в ряде случаев являемся «свидетелями» как событий, отраженных в пословицах и поговорках, так и заложенных в паремиях характеристик человека.

Если принять во внимание то, что поведение является фактом культуры, то мы должны принять несомненную склонность пословиц и поговорок, входящих в паремию, к изменяемости, потому что социально-культурные изменения, происходящие в обществе, приобретают новое содержание и, приспосабливаясь к этим изменениям, выявляют несостоятельность прежнего практического поведения и моральных ценностей.

Изменения, о которых идет речь, происходят не хаотически, а на основе правил и законов культуры. Поэтому возникают пословицы и поговорки, которые, появляясь на каждом отрезке общественной жизни, обладают как временным, так и долгосрочным и постоянным характером.

Одной из серьезных проблем, связанной с пословицами и поговорками, является перевод народных выражений и фразеологизмов с одного языка на другой. Эта проблема до сих пор не нашла своего решения в переводоведении, которое широко развито в наши дни. Здесь наряду с лексико-грамматическими моментами важным фактором является стремление к изучению народных выражений, историко-культурных и нравственно-моральных качеств. Известно, что дословный перевод фольклорных примеров не

дает нужного эффекта. Богатый словарный состав русского языка, устойчивость грамматических категорий даёт возможность сохранить порядок слов при переводе с английского языка. К примеру, «He was not ready» на английский язык переводится как «Он был не готов». Однако, в связи с тем, что такой перевод не ложится на слух, отдается предпочтение переводу «Он не был готов». Такой же подход нужно применять и в вопросе перевода пословиц и поговорок. Например, «The pot calls the kettle black» на английском в дословном переводе звучит «Горшок обзывает этот чайник черным». Любой англичанин поймет эту пословицу, однако русскоязычный человек будет в затруднении понять, о чём говорится в пословице. В таких случаях преимущество надо отдавать применению похожих пословиц в том языке, на который делается перевод, или же поиск эквивалентных вариантов. Поэтому в таких случаях необходимо найти эквивалент для более точного понимания смысла пословицы. И это должно звучать так: «Чья бы корова мычала, а твоя бы промолчала».

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 310 с.
2. Рождественский, Ю. В. Причины современной риторики / Ю. В. Рождественский. – М., 1999. – 270 с.

L. H. gyzy Zeynalova
Baku Slavic University
e-mail: lz001@yandex.com

Linguoculturological value of proverbs and excuses in Russian

Key words: proverbs, sayings, cultural linguistics, paremias, semantics.

Proverbs and popular aphorisms reflect a system of national values based on different cultures. Linguoculturological analysis of variable expressions helps to identify the level of change in the life of the people. The analysis gives us the basis for the following: the tendency to paremic deformations is connected with the change of social values. The whole sphere of norms of behavior is divided into practical and moral ones. The practical sphere is expressed in separate forms of instructions, in proverbs.

А. В. Ковалёва
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: kovalyova.anna2010@yandex.by

УДК [811.161.1’374.3:811.111’774.3]:159.942

Фиксация номинации «восхищение» в некоторых толковых словарях (сопоставительный аспект)

Ключевые слова: лексика, лексикография, лингвистика эмоции, номинация «восхищение», толковый словарь.

В статье, на материале ряда толковых словарей русского и английского языков, проводится сравнительный анализ толкований лексем «восхищение», «admiration» и «delight», а также анализируются наиболее частотные словосочетания с исследуемыми лексическими единицами. На основе проведённого анализа делаются выводы о сходствах и различиях в лингвистическом оформлении исследуемой номинации в сопоставляемых языках.

В настоящее время изучение эмоций приобретает особую актуальность. Интерес к данному явлению вызван целым рядом факторов: эмоциональным раскрепощением человека, глобальными событиями в мире, контактами между народами, катаклизмами и катастрофами. Кроме того, до полного понимания эмоций, сопровождающих нас в течение всей жизни, ещё весьма далеко: в их истолковании с позиций различных наук всё ещё имеется много «белых пятен». Примечательно, что, будучи одним из основных объектов изучения психологии, эмоции даже этой наукой изучены явно недостаточно. В связи со сказанным представляется закономерным, что в настоящее время на решение возникших в этой области проблем и вопросов направили свои усилия философия, литература, а также лингвистика: как справедливо заметил В. И. Шаховский, что «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует… » [7]. Таким образом, возросший интерес языкознания к изучению эмоций является вполне обоснованным.

В лингвистике эмоции рассматривались учёными (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, В. И. Шаховский и др.) в различных аспектах. Одним из таковых является изучение корпуса лексических единиц, использующихся для номинации эмоций: проблема, находящаяся в центре внимания как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Так, Ю. Д. Апресян в одной из своих работ [1], исследуя структурные отношения в лексике, в том числе и в лексике эмоций, относит последнюю к одной из двух основных лексических групп, объединяющую понятия об эмоциях. Вполне естественно предположить, что лексика, использующаяся для номинации эмоций, обладая меньшей степенью эмоциональной нагрузки (в отличие от слов, использующихся для непосредственного их выражения), должна вызывать меньше всего проблем и вопросов; именно в результате такого подхода эта группы лексики оставалась вне поля зрения лингвистов. Однако в настоящее время ситуация изменилась: исследователями стали предприниматься попытки описать эмоциональные состояния, снабдив их при этом лексикографической интерпретацией.

В сфере лингвистического изучения эмоций одной из актуальных проблем является и затрагиваемая в данной публикации проблема корреляция лексиконов эмоций различных языков мира, а также национально-культурная специфика их выражения. Так, Л. Г. Бабенко, анализируя различные проблемы и аспекты изучения эмоций в языке, а также их связь с культурой того или иного народа, подчёркивает, что «язык не есть зеркальное отражение мира, поэтому … мир эмоций и набор языковых средств, их отображающих не может полностью совпадать» [2, 8], и даже допуская существование универсальных для всех народов эмоций, нельзя отрицать того, что структура эмоциональной лексики имеет национальную специфику, «так как отражение эмоций в каждом языке самобытно» [2, 9].

Мы сосредоточиваем внимание на вербальном оформлении номинации эмоции *восхищение* в русском и английском языках, для чего необходимо сопоставить семантику лексических единиц двух языков, использующихся для номинации данного эмоционального состояния, а также проанализировав наиболее характерные для каждой из этих номинаций микро- и / или более развёрнутые контексты, которыми в словаре сопровождается лексикографическое описание лексем в качестве иллюстративного корпуса. Материалом исследования в данном случае служат словарные статьи толковых словарей, которые были выбраны с учётом их популярности и / или новизны, широты охвата лексических единиц, а также степени представленности лексикографическом источнике иллюстративного материала.

Обратимся к одному из наиболее современных и авторитетных отечественных толковых словарей – «Большому академическому словарю» (далее – БАС), являющимся «самым значительным по объёму нормативной лексики словарём русского языка» [3,

3], в котором собрано и объяснено более 150 000 слов классического и нового периодов, включая начало XXI века.

В словарную статью с заголовочным словом «восхищение» данная номинация помещена как однозначная: «высшая степень проявления радости, удовлетворения кем-, чем-л.; восторг» [4, 184]. Представленный в БАС иллюстративный материал довольно обширный – после толкования лексемы приводится словосочетание «*смотреть с восхищением*» и две фразы-цитаты: из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» («*Войдя по ступенькам входа на курган, Пьер взглянул впереди себя и замер от восхищенья перед красотою зрелища*») и из повести Э. Г. Казакевича «Звезда» («*[Мамочкин] слушал разговор со смешанным чувством восхищения и зависти*») [4, 184]. Следует обратить внимание, что во фразе из второго литературного источника в контекстуальном оформлении номинация *восхищение* несколько трансформирует исходное значение: автор, Э. Г. Казакевич, квалифицирует восхищение как чувство. В качестве типичных словосочетаний приводятся также «быть в восхищении» («Алексей был в восхищении, целый день думал он о своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение» А. С. Пушкин) «приходить в восхищение от» («Она приходила в восхищение от каждой хорошенькой блондинки» Н. Г. Чернышевский), «выражать восхищение» («Все находили, что она красавица, и открыто выражали восхищение» М. Е. Салтыков-Щедрин), «приводить в восхищение» («Стихотворения г. А. Коптева привели меня в чрезвычайное восхищение» В. Г. Белинский) [4, 184].

Таким образом, номинация «восхищение» фиксируется в русскоязычном толковом словаре как понятие с одним значением, основными компонентами значения которого являются «радость», «удовлетворение», «восторг», которые связаны с положительными эмоциональными состояниями человека. Приведённый иллюстративный конкретизирует значение данной номинации, а также даёт довольно полное представление о сочетаемостных возможностях данной лексемы. В иллюстративном материале основное содержание, в том числе и явный её позитивный смысл, в целом сохраняются.

В то же время следует отметить, в Национальном корпусе русского языка, как показали проведённые нами наблюдения [5], сочетаемостные свойства номинации *восхищение* отражены в более широком диапазоне – ср., в частности, один из приводимых в этом источнике текстовых примеров – иллюстраций: «*8 из 11 точных трёхочковых попаданий лучшего российского снайпера, серия из четырёх кряду во второй четверти, надломили сопротивлявшийся в первой четверти «Проком» и вызвали* ***неподдельное восхищение неполных трибун***» [6].

Что касается английского эквивалента *восхищения*, то переводные русско-английские словари предлагают следующие соответствия: *admiration, delight, rapture, adoration, applause, ravishment*. Согласно Британскому национальному корпусу [8], показатель частотности для первых двух эквивалентов довольно высок: *admiration* — 919, а *delight* – 1892; с учётом данного факта проведём анализ словарной представленности именно этих лексем.

Обратимся к «Словарю современного английского языка Лонгмана» (“Longman Dictionary of Contemporary English”; далее – LDOCE) [9], который на данный момент есть в свободном доступе в интернете. Словарь содержит наиболее частотные слова современного английского языка, значение которых автор объясняет при помощи 2000 наиболее употребительных лексических единиц. Кроме того, LDOCE содержит ценную для нашего исследования информацию: в словарной статье присутствует обширный иллюстративный материал, в состав которого входят устойчивые словосочетания, а также примеры фраз из повседневного живого общения.

Согласно данному словарю номинация *admiration* имеет значение *“a feeling of great respect and liking for something or someone”* (‘чувство большого уважения и симпатии к кому-либо или чему-либо’). В качестве иллюстративного материала находим предложе-

ние *“Daniel gazed at her in admiration”* (‘Даниель взглянул на неё в восхищении’). Помимо этого, в словарной даются отдельно блоки иллюстративного материала для грамматических форм данной номинации (с предлогом): 1) *admiration for* (‘восхищение кем-либо / чем-либо’): *“I wanted to express my admiration for the way the crew handled the crisis”* (‘Я хотел выразить своё восхищение тем, как команда справилась с кризисом’); 2) *admiration of* (‘восхищение кого-либо’): *“Her riding soon drew the admiration of the older girls”* (‘Её вождение вскоре привлекло восхищение других девушек’).

Таким образом, в LDOCE у номинации *admiration* отмечено одно значение: ‘чувство, основу которого составляют уважение и симпатия’; иллюстративный материал структурирован в зависимости от того, в какой грамматической форме употребляется данная номинация. Поскольку для английского языка определённая «устойчивость» грамматической формы оказывает определённое влияние и на семантику лексемы.

Сопоставляя толкование номинации *admiration* в LDOCE с приводимым ранее толкованием русского аналога данной номинации в БАС, можно констатировать некоторые различия в их семантике: в русском языке акцент сделан на высокой степени проявления радости, сопутствующими семами являются «удовлетворение» и «восторг»; в английском языке ведущим семантическим компонентом у номинации *admiration* является сема «уважение».

Перейдём к анализу номинации *delight*. В LDOCE данная лексема сопровождается довольно обширной словарной статьёй, в которой зафиксированы три значения: 1) *“a feeling of great pleasure and satisfaction”* (‘чувство большого удовольствия и удовлетворения’); снабжено иллюстративным материалом в виде как словосочетаний с предлогами, так предложений: *“with / in delight”* (‘с удовольствием, от удовольствия / от восторга’);*“The kids were screaming with delight”* (‘Дети кричали от удовольствия /восторга’); *“to somebody’s delight / to the delight of somebody”* (‘к чьему-либо удовольствию, радости / к удовольствию кого-либо’); *“To the delight of his proud parents, he has made a full recovery”* (‘К удовольствию / удовлетворению его гордых родителей он полностью выздоровел’); *“squeal / gasp / cry etc of delight”* (‘пищать / задыхаться / кричать от удовольствия, восторга’); *“She gave a little gasp of delight”* (‘Она охнула / онемела от восторга’). Как видим из приведённого иллюстративного материала, данное чувство, в большинстве случаев воспринимается как более интенсивное нежели *admiration*: об этом свидетельствуют такие словосочетания, как «кричать от …», «пищать / задыхаться от…»; в связи с чем думается, что наиболее близким для русских эквивалентом данной номинации будет «восторг».

Второе значение определено как *“something that makes you feel very happy or satisfied”* (‘что-то, что делает тебя счастливым и удовлетворённым’). В данном значении *delight,* согласно LDOCE, чаше всего используется в таких контекстах, как *“the delights of something”* (‘прелести чего-либо, источник наслаждения’); *“a chance to sample the delights of nearby Vienna”* (‘шанс испытать прелести соседней Вены’); *“it is a delight to do something”* (‘это наслаждение, радость сделать что-либо’) *“It was a delight to see him so fit and healthy”* (‘Было радостью увидеть его таким здоровым’).

В третьем значении номинация *delight* используется в составе устойчивого словосочетания *“take delight in (doing) something”* (‘получать удовольствие, испытывать наслаждение от чего-либо’), которое отмечается и в отдельной словарной статье.

Материал словарной статьи номинации *delight* позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, очевидно, что *delight* и русское *восхищение* имеют наиболее сходные толкования: ‘высшая степень проявления радости, удовлетворения’ в русском языке и *‘feeling of great pleasure and satisfaction’* в английском. При толковании номинации *восхищение* в русском языке используется семантический компонент «восторг», который, как мы убедились, является и наиболее частым эквивалентом *delight* в русском языке. Однако при этом следует отметить, что английское *delight* обладает более широким се-

мантическим диапазоном и при введении в конкретные контексты может демонстрировать и бóльший диапазон оттенков значения (начиная чувствами удовольствия, радости, наслаждения и заканчивая восторгом по отношению к чему-либо (это, с нашей точки зрения, объясняет высокую частотность употребления данной номинации). Примечательно, что рассматриваемая лексема может употребляться для обозначения **источника** удовольствия либо восторга. Следует также подчеркнуть, что, в отличие от номинаций *восхищение* и *admiration,* в контекстах с номинацией *delight* чаще всего отсутствуют какие-либо указания на причину данного эмоционального состояния.

Подытоживая всё изложенное выше, можно сделать следующие выводы. Номинация *восхищение* фиксируется русскоязычным толковым словарём в качестве слова с одним значением, компоненты которого «перекликаются» с компонентами номинации *delight,* одного из её синонимичных англоязычных соответствий. Что касается сопоставления словарных статей номинации *восхищение* и *admiration*, то здесь, даже при наличии некоторых общих черт (в частности, однозначность), обнаруживается больше различий: несовпадающими в данном случае являются компоненты значений («радость», «удовлетворение», «восторг» – с одной стороны, и «уважение», «симпатия» – с другой).

Обнаруживает отличия и приводимый в толковых словарях иллюстративный материал: в англоязычных контекстах, чаще всего, наиболее адекватным эквивалентом для передачи данной эмоции на русский язык представляется «восторг». Иллюстративный материал в словаре русского языка в качестве причин *восхищения* указывает красоту, талант, умение; словарь английского языка отмечает, что *admiration* вызывается, в основном, мастерством или умением, а при толковании *delight* указание на причину отсутствует.

Таким образом, номинация «восхищение», имея признаки обоих англоязычных эквивалентов, является более объёмным понятием, используемым в русском языке для номинации определённого эмоционального состояния; в английском языке это понятие находит выражение в довольно разветвлённой системе обозначение, среди которых наиболее частотны номинации *admiration* и *delight*, что нашло отражение и в характере фиксации данных слов в толковых словарях.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1995. – № 1. – С. 37–67.

2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

3. Большой академический словарь русского языка. – Т. 1 : А – Бишь / [ред.: К. С. Горбачевич (гл. ред.) [и др.] ; ред. тома Л. И. Балахонова]. – Ин-т лингвист. исследований РАН. – М. ; Спб. : Наука, 2004. – 661 с.

4. Большой академический словарь русского языка. – Т. 3 : Во – Вящий / [ред.: К. С. Горбачевич (гл. ред.) [и др.] ; ред. тома : Л. И. Балахонова, Н. В. Соловьев] ; Ин-т лингвист. исследований РАН. – М. ; Спб. : Наука, 2005. – 664 с.

5. Ковалева, А. В. Номинация «восхищение» в русской языковой картине мира (на материале толковых словарей и Национального корпуса русского языка) / А. В. Ковалева // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой Междунар. дню родного языка, Витебск, 20–22 февраля 2019 г. – Витебск : ВГУ имени, П. М. Машерова, 2019. – С. 40–45.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: // www. ruscorpora. ru / index. html. – Дата доступа : 16. 01. 2018.

7. Шаховский, В. И**.** Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

8. British National Corpus (BNC) [электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www. english-corpora. org / bnc /. – Дата доступа : 24. 01. 2020.

9. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: // www. ldoceonline. com / dictionary / – Дата доступа: 24. 01. 2020.

A. V. Kovalyova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: kovalyova.anna2012@yandex.by

Fixation of nomination "Admiration" in some dictionaries (comparative aspect)

Key words: dictionary, lexics, lexicographics, linguistics of emotions, nomination "admiration".

In the article on the basis of Russian and English dictionaries, the comparative analysis of lexical interpretations of the words "восхищение", "admiration" and "delight" is held and the most common expressions with lexical units are analysed. On the basis of the analysis conclusions about similarities and differences in linguistic images of the nomination are made.

И. А. Королёва
Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81'373'21

Межкультурная коммуникация и ее стратегическая роль в смоленско-белорусском приграничье

Ключевые слова: приграничные территории; межкультурная коммуникация, Стратегия государственной национальной политики; Россия; Республика Беларусь; культурное взаимодействие; Смоленская область.

В статье на материале смоленско-белорусского приграничья рассматривается стратегическая роль межкультурной коммуникации в организации взаимодействий контактных сообществ приграничных районов. Проблема анализируется в свете положений Стратегии государственной национальной политики, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года. Описываются направления работы для организации бесконфликтного общения в приграничной зоне, для углубления сотрудничества России и Республики Беларусь.

В настоящее время общение с представителями разных народов, разных языков, разных культур стало повседневной реальностью для многих стран, в том числе и для России, которая является многонациональным государством. Процессы глобализации и интеграции охватили сегодня все сферы человеческой жизни, обусловили интерес к межкультурной коммуникации, необходимость ее изучения [5, 3].

Несомненно, положительным моментом процесса глобализации, который охватил сегодня все сферы жизни человека, стала возможность общения с представителями разных культур. Именно открытое общение с другими народами породило в России повышенный интерес к проблемам межкультурной коммуникации, необходимость её изучения.

Межкультурная коммуникация – смежная область знания: в её исследовании совмещаются лингвистика, коммуникативистика, культурология, лингвокультурология, социология, психология, психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихология и др. Такое тесное взаимодействие гуманитарных наук позволяет широко и глубоко рассматривать сущность межкультурной коммуникации, причём не только со стороны язык / речь, но и с учётом культурно-антропологической составляющей коммуникативного процесса.

Смоленская область относится к числу приграничных областей Российской Федерации. Протяжённость государственной границы с Республикой Беларусь на территории Смоленщины составляет 463 км; приграничной зоной являются семь смоленских районов: Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Ершичский и Шумячский. Со стороны Беларуси приграничьем являются три района Витебской области – Лиозненский, Витебский и Дубровенский – и пять районов Могилевской области – Горецкий, Кричевский, Климовичский, Мстиславльский и Хотимский [6]. Таким образом, особо подчеркнём, что практически треть государственной границы РФ и Республики Беларусь, традиционно одного из важнейших партнёров России, приходится на Смоленскую область.

Важной составляющей в сотрудничестве России и Республики Беларусь является культурная сфера. Именно развитие культурных связей на духовном уровне стимулирует различные интеграционные процессы, способствует дальнейшему сближению двух братских народов – русского и белорусского, имеющих многовековую общность [4, 261]. Проблемы сотрудничества в сфере культуры приобрели особое значение именно в последние годы, когда мощное развитие получила межкультурная коммуникация в рамках диалога культур как средство достижения взаимопонимания людей [7, 37].

Безусловно, выявление механизма взаимодействия и взаимовлияния языков и культур на приграничных русско-белорусских территориях имеет важное прикладное значение как для русских, так и для белорусов. Сегодня же, когда приграничье находится в зоне повышенного внимания, когда усилились миграционные процессы, приток беженцев и вынужденных переселенцев из Украины, межкультурная коммуникация, которая происходит в рамках приграничной зоны, становится одним из приоритетных направлений как теоретических, так и прикладных исследований.

Как нам представляется, результатом любой межкультурной коммуникации является достижение взаимопонимания между коммуникантами путём диалога и сотрудничества, в ходе которых формируется толерантное отношение к представителям иной культуры, носителям иного языка. Толерантность предполагает признание прав другого человека, восприятие этого другого как равного себе, имеющего право на понимание и сочувствие, взаимодействие с представителями иной культуры как с равным себе на основе согласия и уважения. Толерантность следует рассматривать как чувство терпимости и уважительного отношения к культуре и мнениям других людей, не совпадающих с собственными.

На территории смоленско-белорусского приграничья межкультурная коммуникация среди его жителей, имеющих пёстрый этнический состав, помогает решать важные государственные задачи, определённые принятой и утверждённой Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, рассчитанной до 2025 года и направленной на активизацию сотрудничества народов РФ, развития их национальных языков и культур. В соответствии со Стратегией ещё большее внимание следует уделить правовому и иному регулированию межнациональных (межэтнических) отношений в государстве, которые нуждаются сегодня в новых концептуальных подходах с учетом вновь возникших реальных международных конфликтных ситуаций, связанных с этническими проблемами. Для приграничных территорий, где изначально многоэтнический состав населения, проблемы таких отношений встают наиболее остро. Несомненно, правильные подходы к ведению бесконфликтной межкультурной коммуникации (общения) между жителями разных национальностей, ограниченных локальной территорией приграничья, помогут разрешить целый комплекс социальных и иных задач.

Преодоление негативных факторов связано с реализацией основных положений, определяемых Стратегией, которые в приграничье также имеют свою специфику. В частности, наряду с сохранением и развитием этнокультурных сообществ, необходимо осуществлять гармонизацию межнациональных отношений, проводить успешную соци-

альную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов. Для предотвращения межэтнических конфликтных ситуаций необходимо провести этнологический мониторинг, выявить степень толерантности жителей приграничных регионов, специфику межкультурной коммуникации, особенности сотрудничества государственных органов и общественных инициатив на местном уровне, направленные на организацию межэтнического диалога [3, 87]. Всё это в соответствии с рекомендательным характером Стратегии государственной национальной политики, формулировкой её целей и задач позволит создать конкретные практические разработки для деятельности органов исполнительной власти приграничных субъектов Российской Федерации (на примере Смоленской области), органов местного самоуправления, общественных инициатив, в том числе и молодежных [1], по регламентации межнациональных отношений, обеспечению межнационального согласия, диалога между представителями различных этнических общностей.

Система мониторинга состояния межэтнических отношений в приграничных регионах будет способствовать раннему предотвращению конфликтных ситуаций. Комплексное исследование должно проводиться в рамках социального, языкового, психологического, культурологического, исторического направлений. Его результаты помогут в реализации задач национально-культурного развития приграничных территорий, формирования культуры межнационального общения, корректировки роли русского языка в системе образования приграничных учебных заведений, поддержки молодёжных общественных инициатив, направленных на патриотическое воспитание молодых людей и одновременно на воспитание уважения у мигрантов к культуре и обычаям принимающего сообщества. Смоленская земля как территория приграничья, территория, на которой осуществляется согласие и примирение людей разных национальностей, исторически имеет богатый опыт в этой области, что может послужить базой для реализации основных положений современной Стратегии государственной национальной политики [2, 45].

Нам представляется, что в приграничье необходимо обратить внимание и на проблемы языка и культуры как в свете государственной политики, так и в свете особой языковой личности жителя приграничья. Исследование языка и культуры смоленско-белорусской приграничной зоны, исторически представляющей собой единый этно-языковой конгломерат, единый этно-языковой ареал, позволит определить устойчивость языковых и культурных традиций и одновременно выявить языковые и культурные особенности различных народов (в первую очередь – русского и белорусского). Специфика жителей приграничных регионов представляется нам той основой, которая послужит базой для формирования многих личностных качеств, необходимых для реализации Стратегии государственной национальной политики.

Литература

1. Королёв, С. В. Русско-белорусское сотрудничество молодёжных организаций С. В. Королёв // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях (к 1150-летию со дня основания города Смоленска). Сборник статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 4–5 октября 2012 года) / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 358–361.

2. Королёва, И. А. К постановке проблемы изучения особенностей региональных межнациональных отношений и межкультурной коммуникации в приграничье / И. А. Королёва // Экология языка и речи. Материалы четвёртой Международной научной конференции (11–12 ноября 2014 года, Тамбов) / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Я. Державина, 2015. – С. 44–47.

3. Королёва, И. А. Русско-белорусское приграничье: межкультурная коммуникация и ее роль в организации межнациональных отношений / И. А. Королёва // Теория и практика интеграционных процессов в региональном развитии. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х тт. Т. 1. – Смоленск : РУК, Смоленский филиал; Белорусский торгово-экономический университет, 2016. – С. 85–89.

4. Королёва, И. А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции (27 мая 2011 года, Витебск) / Редкол: А. П. Солодков и др. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – С. 261–264.

5. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – 310 с.
6. Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 624 с.
7. Шардина, О. А. Диалог культур как основа развития международного сотрудничества России и Беларуси / О. А. Шардина // Шестые Романовские чтения. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – С. 37–38.

I. A. Koroleva
Smolensk State University
e-mail: innakor@mail.ru

Cross-cultural communication and its strategic role in Smolensk-Bekarus' borderline regions

Key words: borderline territories; cross-cultural communication; Strategy of state national policy; Russia; Republic of Belarus; cultural interaction; Smolensk region.

The present article, based on the materials of Smolensk-Belarus' borderline regions, considers the part played by cross-cultural communication in providing for interaction of borderline contacting communities. The issue is analyzed in the light of provisions contained in the Strategy of State National Policy approved by the RF President's Ukaz of December 19, 2012. The paper also describes directions of work at arranging of contactless communication in the borderline zone enhancing free development of various ethnoses and cultures by means of their representatives' free development, thus providing for Russia-Belarus' cooperation.

Н. А. Красовская
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
e-mail: nelli. krasovskaya@yandex.ru

УДК 811.161.1

Русскоязычное сетевое общение: региональные черты, смыслы, особенности употребления языковых единиц[1]

Ключевые слова: интернет, общение, русскоязычные социальные сети, региональные черты языка, семантика

В статье анализируется общение в русскоязычных социальных сетях. Автор определяет особенности, которые можно отнести к региональным проявлениям. Отмечено, что в оценке региональных свойств речи проявляется наивная лингвистика. Чаще всего региональные признаки, которые отмечаются при общении в социальных сетях, оцениваются негативно. Некоторые региональные слова имеют особый смысл.

Общение является естественной средой обитания человека. Это всем понятная и не требующая доказательств истина в наши дни постепенно наполняется новым смыслом. Люди не представляют себе существования без постоянного обмена мнениями в социальных сетях, комментирования постов и сообщений, без получения новой информации и реагирования на нее. Значительно включенной в новую реальность общения оказалась молодежь. Это, безусловно, объяснимо, потому что именно молодое поколение быстрее всего

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

осваивает новинки технического прогресса, разного рода гаджеты и др. Развивающиеся цифровые технологии проникают во все сферы жизни: профессиональную, личную, культурную и т. д. – и становятся, с одной стороны, средством общения, а с другой стороны, очень сильно меняют его форму. Новая коммуникативная реальность существенным образом способна изменять смыслы языковых единиц, способна формировать новое языковое содержание и отражать взаимодействие языка и культуры, которое наблюдается в наши дни. Именно из социальных сетей мы теперь все чаще узнаем новую лексику, именно в них мы часто сталкиваемся с новыми значениями, которые приобретает слово, или с формирующимися особенностями его употребления.

На протяжении нескольких последних лет мы наблюдаем за некоторыми особенностями коммуникативного поведения участников различных сообществ социальной сети «ВКонтакте». В ходе проведения исследования был выявлен ряд особенностей организации общения пользователей данной социальной сети.

Оговоримся, что мы рассматриваем русскоязычный вариант общения в социальных сетях, именно для того, чтобы определить некоторое его своеобразие. Безусловно, для многих пользователей социальных сетей, речь которых мы подвергаем рассмотрению, русский язык является родным, для кого-то – втором родным или неродным. Но люди общаются именно на русском языке, хотя в случаях, когда русский язык является вторым родным или неродным, могут проявляться некоторые черты иных языковых систем. Эти случаи необходимо анализировать отдельно.

В настоящее время лингвистам, психологам, философам понятно, что общение в социальных сетях и в целом интернет-общение имеет особую письменно-устную форму. По данному поводу исследователями написано довольно много, мы лишь подчеркнем, что эта промежуточная форма, которая оформлена графически (чаще всего с помощью букв, хотя могут использоваться и разнообразные иные символы), имеет многочисленные особенности устной формы речи. К таким признакам устной формы относятся скорость реакции на реплику собеседника, непосредственное выражение эмоций, простота синтаксических конструкций, обилие частиц и разговорных слов, в целом – преобладание сниженной и эмоциональной лексики, изменение смысла ряда языковых единиц и др.

Исследователи-лингвисты неоднократно устанавливали в новой форме коммуникации ряд особенностей. Так, например, В. А. Ефремов пишет: «Интернет оказывает все более серьезное влияние на язык и речь, отражающееся во множестве аспектов лингвистического бытования, начиная от появления новых речевых жанров, сфер и способов коммуникации и заканчивая снижением уровня речевой культуры» [1]. Свои размышления о формах речи в интернет-сообществах пишут такие лингвисты, как А. А. Матусевич, Л. Н. Мешкова и др. [2; 3].

Мы в рамках данной статьи хотели указать на проявление в сетевом общении носителей русского языка некоторых региональных показателей. Дело в том, что в устной форме речи наличие территориальных маркеров является вполне ощутимым и регулярно проявляющимся. Если предположить, что общение в социальных сетях также имеет многочисленные признаки устной формы речи, то оно также характеризуется наличием элементов, которые можно отнести к территориально маркированным.

Однако отметим, что в устной форме речи, в устном общении региональные особенности проявляются в значительной степени как фонетические и интонационные. В письменно-устной форме такого своеобразия мы можем и не заметить, либо оно будет иметь иные способы выражения. Можно говорить и о том, что сетевое русскоязычное общение позволяет выявить и ряд признаков, которые можно идентифицировать как проявление наивной лингвистики в отношении к региональным языковым маркерам. Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что наблюдение за общением в русскоязычных социальных се-

тях позволяет до некоторой степени определить отношение самих участников коммуникации к региональным фактам в их речи или речи других коммуникантов.

В рамках данной статьи термины *общение* и *коммуникация* мы будем использовать как синонимы, хотя понимаем, что некоторая разница в их содержании наблюдается.

Несколько слов скажем и о том, почему наш выбор при проведении исследования пал именно на общение в социальной сети «ВКонтакте». По данным социологических исследований, в мировом сообществе в целом лидирует социальная сеть «Facebook». Однако мы выбрали все-таки анализ коммуникации «ВКонтакте» [4], так как, на наш взгляд, русскоязычный ее контент довольно силен и ею пользуется значительная часть молодых людей, проживающих в нашей стране. А речь молодежи, как известно, в большей степени характеризуется непринужденностью, открытостью, эмоциональностью, чем речь среднего и старшего поколений.

Проявление региональных языковых фактов мы довольно условно разделили на рефлексированное и нерефлексированное. На наш взгляд, в случаях языковой рефлесии проявляется реакция участников коммуникации к региональнам чертам в речи собеседников. По реакции можно понять, насколько сами участники общения владеют / не владеют литературной нормой языка или являются / не являются носителями региональных языковых особенностей.

Итак, к случаям отсутствия языковой рефлексии можно отнести следующие примеры (оговоримся, что мы фиксировали примеры из разных пабликов, чаще всего из паблика «Подслушано в (название города, поселка, региона)…» или аналогичных, потому что они довольно четко дают возможность установить круг лиц, проживающих в определенном регионе или имеющих отношение к нему).

К нерефлексированному проявлению региональных языковых фактов можно отнести, например, пост в паблике Лайфхакерша: *Девочка больше всего скучала за школой! Вот это я понимаю ученица* 😂👌 (2 сентября 2019 в 13:03) (Оговоримся, что в примерах мы сохраняем все особенности орфографии и пунктуации. – Н. К.). К этому посту прилагалась фотография, на которой была изображена девочка, не желающая идти в школу. Девушка, дающая такую подпись к фотографии, является, скорее всего, носителем южнорусского варианта языка, на что указывает неразличение предлогов *по* и *за*. Безусловно, она не осознает эту особенность речи как ненормативную.

Нерефлексированным фактом включения региональных особенностей в речь может служить и пример употребления лексических единиц, относящихся к регионализмам. Так, например, в Туле активно используется слово *лайн* в значении «маршрутное такси» (дадим небольшое пояснение: первая транспортная компания, которая обслуживала подобный вид транспорта, называлась «Автолайн», это наименование в разных вариантах сохранилось в городе: автолайн, лайн, лайка, лайнер. Тут можно также говорить о том, что в нашем регионе (в Туле и Тульской области) данная лексическая единица приобрела более широкое значение, чем просто заимствование из английского языка). К фотографии, на которой изображен человек, устанавливающий интерактивную связь, была сделана следующая подпись: *Когда стоя на остановке налаживаешь связь с водителем своего лайна, что бы узнать где он едет* (Подслушано в Туле. 17 марта 2019 в 21:43). Пишущий не дает далее никаких комментариев по поводу использования лексической единицы, поэтому вполне можно допустить, что он не считает, что читающие его пост не понимают, о чем идет речь.

К нерефлексированному использованию в сетевой коммуникации региональных маркеров можно отнести и употребление топонимов (как официальных, так и неофициальных). Например, в паблике «Тула сейчас» читаем: *Пересечение Льва Толстого и Буденово... Жесть* (подпись к фотографии с автоаварией) (Тула сейчас. 29 сентября в 17:35). Здесь мы встречаемся с названием улицы Буденово, хотя правильное название –

улица Буденного. Естественно, что пишущий не осознает, в честь кого названа данная улица и каково ее правильное наименование (кстати, заметим, что ошибочных наименований на *-ино, -ово* в спонтанной коммуникации в социальных сетях очень много: ул. Калинина – Калинино, ул. Болдина – Болдино… Это интересная тенденция современного общения, которая требует дальнейшего изучения).

Перейдем к рефлексированному проявлению региональных речевых фактов. Рефлексия проявляется в нескольких формах.

Во-первых, участник сетевой коммуникации может реагировать на различное проявление региональных языковых фактов в речи другого человека. И таких примеров довольно много. Реакция может быть различной. Например, если возвращаться к примеру о девочке, которая скучала за школой, то можно сказать, что огромное количество подписчиков этого паблика с большой долей иронии отнеслись к приведенной выше ошибке, и среди комментариев есть такие: *А че она за школой-то скучала? Вышла бы скучать перед ней* (Лилия Лазуренко, 2 сентября 2019 в 13:13), среди прочих встречаются следующие реплики: *По школе наверное, дурацкое выражение "скучала за... "* (Галина Матюшина, 2 сентября в 13:25), *Галина, может это Украина* (Снежана Кокоянина, 2 сентября в 13:33), *Снежана, да нее... и в России еще в деревнях так говорят. Дико бесит* (Оксана Мезенцева, 2 сентября в 13:36). Рассуждения о том, что неразличение предлогов встречается в определенном регионе, не единичные в комментариях к данному посту. Приведем еще некоторые высказывания: *Так говорят из молдавии* (Алла Педаева, 2 сентября в 16:32), *Алла, и из хохляндии* (Галина Галкина, 3 сентября в 10:08).

Во-вторых, участники сетевой коммуникации могут реагировать на употребление топонимов. Городские и иные названия часто изменяют в речи участников коммуникации свою форму, семантику и т. д. Могут быть допущены довольно серьезные ошибки, связанные с написанием того или иного топонима. Например: *Важнее то, почему Мясново называют "Мясного*" (Подслушано в Туле. 9 февраля 2019 в 22:10). *Михаил, не позорь магадан, пишется Мясново!* (Подслушано в Туле. 8 февраля 2019 в 21:19). Здесь обращает на себя внимание написание традиционного топонима на *-ово*, который получил графическую форму с окончанием *-ого*, напоминающую прилагательное, то есть пишущий в данном случае не понимает морфемную структуру русских названий, путает ее с окончанием прилагательных. Добавим, что *магадан*, о котором идет речь в данном диалоге, – это тоже городской микротопоним, так называется часть отдаленной улицы одного из окраинных районов города Тулы. Подобных примеров, связанных с нарушением норм использования топонимов, довольно много: ул. Лейтейзена чаще всего в написании принимает вид ул. Литезина или ул. Литейзина; ул. Н. Гастелло на письме принимает изменяемую форму: по Гастелле и т. д. Естественно, что такое употребление форм топонимов вызывает вопросы и нарекания других участников коммуникации.

В-третьих, рефлексия может наблюдаться и в довольно значительном интересе, который проявляют участники сетевой коммуникации вообще к региональным языковым фактам. В этой связи мы отмечаем специальные вопросы, которые могут задаваться в пабликах, опросы, которые проводятся администраторами групп и сообществ. Например, нами было отмечено следующее: в опросе, организованном пабликом «Тула», были приведены следующие примеры, которые в большинстве своем осознаются участниками коммуникации как «тульские словечки»: *Колдобины, дед бумбум, лайн, жамки* (Тула. 8 февраля 2019 в 23:19 – необходимо было назвать «тульские словечки»). Рефлексия может проявляться не только в анализе каких-либо слов и их использования, но и в своеобразной языковой игре: *Продам Тулу. Торжок уместен* (Подслушано в Туле. 22 марта 2019 в 22:00). Здесь предлагались разные варианты того, что может называться Тулой и что может быть продано. Помимо этого, участники различных форумов и пабликов часто высказываются относительно речевой ситуации в той или ином ре-

гионе: *Че на Тулу наезжать, в каждом городе есть свои убогие словечки. Я от жителей Башкортостана, причем от молодых, постоянно слышала: «я полОжила деньги на телефон» или «мне ёшняя мать звонила» – это вообще жесть)))*» (Подслушано в Туле. 14 августа 2018 в 19:09).

В-четвертых, рефлексия может проявляться и в сообщении различного рода сведений, которые, по мнению участников бесед, могут оказывать просветительское воздействие или расширять кругозор других людей в плане региональных языковых и культурных особенностей. Например, мы зафиксировали такое сообщение: *Далее гончарное дело росло и процветало и мастеров переселили за Упу, создав им там что – то вроде трудового – гетто или "прерии". Это место и есть Большие и Малые Гончары…* (Подслушано в Туле. 12 февраля 2019 в 5:36). Подобная информация очень походит на топонимическую легенду, что само по себе не может не вызывать интерес.

В-пятых, рефлексия может проявляться в обсуждении названий жителей той или иной территории, самой территории или этносов. Общеизвестно, что данный вопрос далеко не всегда решается однозначно и просто. В сети можно встретить следующие рассуждения: *Тулячки, кстати, если что* (Катя Гречихина, 12 августа 2019 в 22:23), *Катя, туляночки тоже ничего* (Антон Бухтояров, 12 августа 2019 в 22:49). Выше мы уже приводили примеры комментариев, в которых использовались слова *молдавия* и *хохляндия* (написаны были со строчной буквы!). Слово Молдавия является общеупотребительным, а вот второе название не относится к официальным и приобретает в употреблении негативный оттенок.

Таким образом, современная сетевая коммуникация дает довольно интересные примеры для наблюдения региональных речевых особенностей, изменения смыслов, выражения эмоций. Можно говорить о том, что в особой устно-письменной форме речи, которая характеризует сетевую коммуникацию, региональные маркеры проявляются довольно значительно. С одной стороны, их реализация – в большей степени свидетельство «устности» сетевого общения, а с другой стороны – рефлексия по поводу появления в речи региональных фактов – больше говорит о «письменности» сетевого общения. Хотелось также подчеркнуть, что рефлексия является свойством наивной лингвистики, когда носители языка, не имеющие специальной подготовки, рассуждают о лингвистических фактах и теоретических вопросах, с ними связанных. Наконец, можно отметить несколько негативную оценку участниками бесед проявления региональных языковых фактов.

Безусловно, можно говорить и о других особенностях организации общения в социальных сетях: о проявлении эмоциональности и ее графическом отражении, об особенностях пунктуации и о появлении новых функциональных возможностей у знаков препинания, о сниженном и разговорном характере лексических единиц, об изменениях и приращениях смыслов у различных лексем и т. д. Сетевая коммуникация становится частью нашей жизни и приобретает все большее распространение, именно поэтому, говоря о разнообразных языковых процесса, ее сейчас уже нельзя сбрасывать со счетов.

Литература

1. Ефремов, В. А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https: //cyberleninka. ru/article/n/o-novyh-formah-naivnoy-lingvistiki-v-epohu-interneta. – Дата доступа : 10. 12. 2019.

2. Матусевич, А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Матусевич. – Нижний Новгород: Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2017. – 23 с.

3. Мешкова, Л. Н. Текстинг как явление современной культуры / Л. Н. Мешкова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 49 – 53.

4. Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https: //www. web-canape. ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/ – Дата доступа : 16.03.2019.

N. A. Krasovskaya
Tula state pedagogical University named after L. N. Tolstoy
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Russian-speaking network communication: regional features, meanings, features of the use of language units

Key words: Internet, communication, Russian-speaking social networks, regional features of the language, semantics

The article analyzes communication in Russian-speaking social networks. The author determines the features that can be attributed to regional manifestations. It is noted that naive linguistics is manifested in assessment of regional properties of speech. Most often regional signs that are noted in the process of communication on social networks are evaluated negatively. Some regional words have a special meaning.

К. М. Лысенко
Смоленский государственный университет
e-mail: lysenko.kseniya2017@yandex.ru

УДК 81’373’21

Топонимия смоленско-витебского приграничья (Лиозненский район)

Ключевые слова: смоленско-витебское приграничье, топонимическая лексика, анализ топонимических единиц, топонимическое пространство, Лиозненский район.

В статье рассматривается топонимическое пространство Лиозенского района. Приводится перечень топонимических единиц района. Делается попытка классификации топонимов. Даны этимологические справки для топонимов по лексикографическим источникам.

Географическое место само по себе никак не называется – имя ему даёт человек. А народ никогда не называл своё поселение или водоём случайным словом. Эти названия – топонимы – возникли в конкретном месте и конкретных исторических условиях. Они отражают жизнь и деятельность наших предков, преимущественно сельскохозяйственную; быт, ремёсла и промыслы, которыми занимались; особенности окружающей природы, такими, какими её видели наши прадеды; черты внешности и имена первопоселенцев, хозяев и жителей населённых пунктов. Топонимы – это памятники устного народного творчества. Относиться к ним нужно очень бережно. Их изучение позволяет многое узнать про жизнь в прошлом; про то, какие народы здесь жили, на каких языках и диалектах разговаривали; с кем общались и чем занимались, где и как располагались в то время леса, реки, болота, пахотные земли и многое другое [6].

Лиозненщина находится на пересечении дорог и торговых путей, всегда привлекала к себе внимание людей, была густонаселённой. Здесь проходил древний торговый путь «из варяг в греки», здесь сходились дороги из западной Европы в восточную, нередко решалась судьба государств. Здесь были Полоцкое княжество и Великое княжество Литовское. Территории современного Лиозненского района входили в Смоленскую, Могилёвскую и Витебскую губернии [4, 14].

В начале XX века на территории нынешнего Лиозненского района существовало 411 населенных пунктов: местечек, деревень, хуторов, а до революции – имений, фольварков, выселков и сельцов, и у каждого было название. В годы коллективизации с карты района исчезло более ста поселений, в годы войны стали огненными и были сожжены 196 деревень, в 50 – 60-е годы XX века было укрупнение, потом, начиная с 70-х годов, начали отмирать неперспективные деревни [4, 16].

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Лиозненского района, представленные в нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [3]. В настоящее время на территории Лиозненского района Витебской области находятся около 161 населенного пункта, каждый из которых интересен для исследователей своей историей происхождения. При анализе топонимов важное место занимает классификация по различным признакам. Существует большое количество классификаций разных авторов, которые различаются тремя принципами, которые положены в основу и по которым различаются классификации трех видов. На основании этого классификации бывают трех видов: лексико-семантическая, словообразовательная и морфологическая. Так, например, большой интерес для исследователей представляет классификация, созданная российским топонимистом А. М. Селищевым [5], за основу которой взят лексико-семантический принцип распределения и описания топонимов. В классификации обязательно учитывается смысловое значение исследуемых географических единиц. Также стоит обратить внимание на еще одну важную для топонимического исследования классификацию белорусского топонимиста В. А. Жучкевича [2], который также распределяет топонимы относительно их семантического сходства и различия.

Для анализа топонимов приграничья мы, опираясь на труды вышеперечисленных ученых, составили свою семантическую классификацию, на основании которой будет проводиться исследование. Всего мы обозначили 8 семантических групп топонимической лексики:

1) Топонимы, образованные от антропонимов.
2) Названия, отражающие особенности ландшафта.
3) Топонимы, образованные от названий животных и растений.
4) Топонимы, отражающие административно – объектные особенности.
5) Топонимы, образованные от названий занятий поселенцев и ремесел.
6) Названия, данные по названиям рек, озер или городов.
7) Названия, образованные от диалектных основ.
8) Топонимы, не попавшие ни в одну группу классификации.

Подведем некоторый итог нашей классификации. Анализ топонимов Лиозненского района позволил выделить несколько лексико-семантических групп. В качестве лингвокраеведческого источника мы использовали «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича [1], который дает исторические, географические и частично лингвистические сведения о топонимах. Проанализировав весь топонимический материал (161 название), мы выяснили, что самой распространенной является **антропонимическая группа** топонимов (71 топоним; в процентном соотношении эта группа составляет 44% от общего количества). В основе группы лежит личное имя, фамилия, родовое или индивидуальное прозвище и даже отчество. В основе номинации топонимов лежит, как правило, имя, фамилия, прозвище и даже отчество мужчины – первого владельца земли или первого поселенца. И нет таких топонимов, в основе которых лежали бы женские имена. Это можно объяснить тем, что главенствующее положение в семье занимал мужчина – хозяин.

Семантическая классификация топонимов
смоленско-витебского приграничья (Лиозненский район)

Признак деления	Примеры	Количество (%)
1. Топонимы, образованные от антропонимов	**Личные имена, фамилии, прозвища.** Адаменки, Артёмово, Асташево, Барсеево, Барсуки, Бесково, Бычково, Вагоровщина, Велешковичи, Первое Горбово, Второе Горбово, Горшево, Гущино, Добрино, Добромысли, Емельяново, Желудово, Зубаки, Зубки, Зуи, Иваньково, Большие Калиновичи, Малые Калиновичи, Конашково, Костеёво, Красыни, Кулятино, Куртенки, Лапино, Лындино, Макаренки, Мальково, Марьяново, Матушево, Мерзляково, Михайлово, Михалиново, Надежино, Никоновщина, Новоротье, Осипово, Осиповщина, Осипенки, Пацево, Перемонт, Пронское, Пушки, Пыжи, Реуты, Розумово, Рудаки, Свирбы, Симоново, Симашково, Соловьево, Станиславово, Стасево, Степаненки, Строганы, Тараненки, Титово, Тупики, Черкасы, Чиковщина, Шведы, Шнитки, Шугаёво, Шумщино, Шустево, Якубовщина, Яськовщина	71 (44%)
2. Топонимы, отражающие особенности ландшафта	Белый Бор, Бор, Боровая, Буи, Высочаны, Горелики, Горы, Горяне, Загоряне, Дубровка, Заболотье, Заборы, Заверино, Загородно, Залесье, Замшено, Замошье, Запоженки, Колышки, Луги, Мерзляково, Низы, Новая Дуброва, Новь, Остров, Пнево, Поддубье, Рыжики, Ситно, Сосновая Наспа, Старина, Старины, Сутоки, Тупики, Черноручье, Шевели	36 (22%)
3. Топонимы, образованные от названий животных и растений	**Животные:** Дрозды, Большая Выдрея, Малая Выдрея **Растения:** Альховик, Бржезово, Бураки, Вишни, Смородино, Черницы	9 (5,6%)
4. Топонимы, отражающие административно- объектные особенности	Асетки, Великое Село, Городище, Городок, Новое Село, Погостище, Пунище, Селище, Слабода	9 (5,6%)
5. Топонимы, образованные от рода деятельности поселенцев, названий занятий поселенцев и ремесел	Большие Мисники, Бондоры, Бояры, Ковали, Кожуровщина, Крынки, Малые Мисники, Мятли	8 (5%)
6. Названия, данные по названиям рек, озер или городов	Ацковая, Зачерня, Заольша, Засигово, Гребеники, Клевцы, Крынки, Ордеж, Парихи, Рубежница	10 (6,2%)
7. Названия, образованные от диалектных основ	Бель, Толпа	2 (1,2%)
8. Топонимы, не попавшие ни в одну группу классификации	Бабиновичи, Братково, Вордевье, Выходцы, Глоданки, Кучинщина, Полёновка, Речки, Рублево, Сетище, Уно, Хотемля, Шарики, Шеркино, Шахи, Шлехово	16 (10%)

Для иллюстрации мы приведем анализ двух лиозненских топонимов.

Добромысли. Древнерусское название с типичным формантом -мысл (сравн. Родомысл, Осмомысл и др.). В основе – слово добрый; формант -мысл развился из основы мысль: добромысль – доброжелатель, честный человек. В прошлом слово служило личным именем. В Минске сохранился Добромысленский переулок, имевший когда-то направление на имение Добромысль [1, 102].

Пнёво. Название-термин со смысловым значением «вырубка, пнистое место» [1, 293].

Таким образом, проведенная классификация топонимов смоленско-витебского пограничья показала, что данная работа достаточно актуальна и нуждается в продолжении исследования, так как имеет большое значение для изучения региона. Намечены дальнейшие пути исследовательской деятельности, которые будут заключаться в детальном лексико-семантическом анализе всех топонимических групп.

Литература

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск: БГУ, 1974. – 448 с.

2. Жучкевич, В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич – Минск : Высшая школа, 1980. – 432 с.

3. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць : нармат. давед. / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова ; пад рэд. В. П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

4. Кузьменков, Г. В. Лиозно. Историко-географический очерк. Рукопись / Г. В. Кузьменков. – Лиозно, 1993. – 24 с.

5. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимики / А. М. Селищев // Избр. труды. – М., 1968. – 640 с.

6. Печёнова, О. В. Предками названо [Электронный ресурс] / О. В. Печёнова. – Режим доступа : http: //www. liozno-art. narod. ru/pages/proza_pechenova_o_v. htm#Топонимика_Лиозненского_района. – Дата доступа : 26.12.19.

K. M. Lysenko
Smolensk State University
e-mail: lysenko.kseniya2017@yandex.ru

Toponymy of the Smolensk-Vitebsk border region (Liozno district)

Key words: Smolensk-Vitebsk borderland, toponymic vocabulary, linguistic community, analysis of toponymic units, toponymic space, Liozno district.

The article considers the toponymic space of the Liozno district. A list of toponymic units of the area is given. An attempt is made to classify toponyms. The etymological references for toponyms according to lexicographic sources are given.

Н. Ш. оглу Мамедов
Бакинский славянский университет (Азербайджан)
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

УДК 81’367.2:801.73

К проблеме соотношения предложения и текста

Ключевые слова: предложение, сверхфразовое единство, текст, логическое продолжение мысли, средства связи, внешняя связь, внутренняя связь, роль предложения в структуре текста, последовательность предложений, закономерности текстообразования.

В статье рассматривается функционирование предложения в тексте. Освещаются вопросы влияния текстового окружения на специфику предложения. Изучаются проблема взаимосвязи предложения и текста, роль предложения в структурной организации текста и выявляются закономерности текстообразования. Текстообразующие потенции предложения обусловливаются структурно-семантической соотнесенностью предложения с последующим смысловым звеном текста. При этом контекст рассматривается как определяющий фактор семантического комплекса.

Проблема знаковой единицы, лежащей в основе образования развернутого текста, затрагивает прежде всего определение текстового статуса предложения. Ведь именно предложение признается грамматически оформленной по законам данного языка целостной единицей речи – главным средством формирования, выражения и сообщения мысли [1, 65]. Уже в этом почти общепринятом подходе к предложению недвусмысленно указана его речевая или текстовая связанность [1; 6]. Оценивая коммуникативный статус предложения, лингвотекстологи руководствуются суждением, что общаются люди друг с другом при помощи создаваемых ими текстов, и исходя из этого считается, что основной единицей, выражающей законченное высказывание «является не предложение, а текст» [9, 9]. Соответственно предложение трактуется уже как минимальная речевая единица, как важнейший структурный элемент текста. На этой точке зрения базируется весьма распространённое определение текста как когерентной, т. е. семантически и структурно организованной последовательности предложений. Это определение, правда, не универсально, поскольку, строго говоря, оно справедливо лишь для текстов незначительного объема, ибо только их удается расчленять прямо на предложения как непосредственные их конституенты, тогда как в текстах значительного объема всегда существуют промежуточные образования типа сверхфразовых единств и их блоков.

В данной статье рассматривается функционирование предложения в тексте на материале современного русского языка. Целью статьи является изучение роли предложения в структуре текста и выявление на этой основе закономерностей текстообразования. Данная цель достигается решением следующих основных задач: 1) освещение взаимодействия семантики слова и предложения в структуре текста; 2) описание характера отношений между компонентами смысловой структуры текста.

Предложение является важным элементом выражения определённого содержания в структуре текста. Это обусловливается тем, что предложение является выразителем предикации, то есть отнесения номинативного содержания речи к действительности. Другие какие-нибудь единицы текста не обладают собственными средствами предикации. Следовательно, вне предложения текст не может выражать ни суждений, ни вопросов, ни побуждений, ни пожеланий, ни иных более дробных компонентов интенционного («прагматического») содержания, то есть лишается способности служить полноценным средством общения.

Следует иметь в виду, что разные непредикативные сегменты функционируют лишь в составе предикативных единиц, т. е. предложений. Композиционно-смысловая организация сверхфразового единства (микротекста) свидетельствует о текстообразующей роли предложений. Логическое движение мысли в тексте отражают две разновидности связи самостоятельных предложений: внешнюю связь и внутреннюю связь [10, 48].

Внешняя связь реализуется с помощью слов, не являющихся членами предложений, – союзов, вводных слов, десемантизированных элементов. Эти средства связи выражают собственно семантические отношения между предложениями, отражают семантическую динамику текста: Фазы Венеры доказывают, что эта планета светит отраженным светом подобно Луне. *Отсюда вытекало, что* планеты физически сходны с Луной. Луна *же,* благодаря открытиям Галилея, рассматривалась как тело, принципи-

ально не отличающееся от Земли. *Таким образом,* в последнем счете фазы Венеры доказывали единство небесных тел, что и было важнейшей стороной гелиоцентризма (г. «Ком правда», 21. 05. 2014). Выделенные средства выражают отношения следствия *(отсюда вытекало, что),* сопоставления *(же),* обобщенного вывода *(таким образом).*

Внутренняя связь осуществляется с помощью членов предложений, фрагментов предложений или же в ее реализации принимают участие целые самостоятельные предложения. Простейшим выражением внутренней связи является такая, при которой компоненты двух самостоятельных фраз относятся к одному денотату. При этой связи чаще выступают повторы или местоименные замены. Например:

(1) *Скворцы* для нас всегда желанные гости.

(2) Прилетают *они* немного позже грачей, когда уже в поле много проталин и солнышко как следует пригревает.

(3) Вот *они* целой стайкой хлопотливо бегают по оттаявшей земле. (4) *Их* яркочерные, блестящие *перышки* так и переливаются на солнце. (5) Скачут *скворцы* по полю, ищут в земле червей, слизняков, жучков разных. (6) Это *их* любимая *пища* (К. Федин. Необыкновенное лето).

Здесь благодаря личному местоимению *они* 2-е и 3-е предложения соединяются с 1-м *(скворцы – они).* Связь «подлежащее-подлежащее». 3-е предложение связано со 2-м повторением *(они – они).* Связь также «подлежащее-подлежащее». 4-е предложение связано с 3-м, а 6-е с 5-м притяжательным местоимением *их (они – их перышки, скворцы – их пища).*

Во всех проанализированных предложениях местоимения указывают на существительное *скворцы,* замещают его, и благодаря этому образуется смысловое и структурное единство.

Соотноситься могут целое предложение и компонент другой фразы. Коррелирующиеся знаки разных уровней обозначают один денотат: … *Энтропия определена с точностью до постоянного интегрирования. Этого* достаточно, чтобы решать задачи, в которые входит измерение энтропии (г. «Ком правда», 03. 08. 2014). В позиции местоимения *это* может быть и сочетание местоимений *это, такой, подобный, указанный* и другие с существительными, а также наречия.

Следует отметить, что «… употребление анафорических местоимений *он, она, оно, они* (а также местоимений типа *такой, так* и местоименных наречий *тогда, туда, там*) подлежит определенным правилам, вытекающим из синтаксической природы предшествующего контекста…» [7, с. 160].

Внутреннюю связь могут реализовать слова, относящиеся к разным, но смежным денотатам. Этот вид внутренней связи называется диффузной [10, 49]. Анализ диффузного вида связи, как, впрочем, и вообще изучение текста, следует проводить с учетом пресуппозиции. При диффузной связи компоненты самостоятельных предложений могут иметь общие семантические показатели, относиться к одному понятийному полю или семантически отождествляться.

В тексте могут встречаться сверхфразовые единства со свободной связью предложений – ни один компонент соседних предложений не коррелируется по смыслу с компонентом другого предложения. Фразы могут объединяться только с помощью внешней связи. Например: Нам в большой мере недостает разнообразия архитектурной мысли. *И поэтому сейчас в особенности необходимы конкурсы открытые и закрытые* (г. «Ком правда», 06.10.2014).

Диффузный вид связи представляет собой переходный момент между собственно лексической организацией текста и синтаксической. Внешние и внутренние средства связи, гармонируя друг с другом, играют важную текстообразующую роль.

Предложение в тексте может быть реализовано в двух направлениях:

1) в направлении изучения текстообразующих потенций предложения;

2) в направлении контекстуального прочтения предложения.

Текстообразущие потенции предложения обусловливаются рядом факторов, важнейшими из которых являются: 1) структурно-семантическая организация предложения; 2) инициальность / неинициальность позиции предложения; 3) семантическая соотнесенность предложения с последующим композиционно-смысловым звеном текста. Комбинация этих факторов создает определенную иерархию соответствующих типов предложений, участвующих в организации текста. Важнейшим показателем ранга предложения в этой иерархии является его воздействие на структуирование частей текста, квалифицируемых с лингвистической точки зрения также иерархически, начиная с сверхфразового единства (собственно синтаксической конструкции), кончая секвенцией, понимаемой как следование предложений, связанных друг с другом содержательно. Уточняя, можно представить названную иерархию предложений в виде соотнесения каждого типа с тем или иным участком текста (имеется в виду инициальная позиция предложения):

Прошло недели две или три.

Необыкновенное чувство, испытанное мною при первом знакомстве» с немой хозяйкой, не проходило. Наоборот, между мною и ею создалась какая-то таинственная, ненормальная связь. Стоило ей хотя мельком посмотреть на меня сзади, я в ту же секунду чувствовал на себе ее взгляд и оборачивался не инстинктивно, как это бывает обыкновенно, – но с полной уверенностью, что именно она на меня смотрит. Мы с ней никогда ни о чем не говорили (мало ли сколько способов можно найти для обмена мыслями), но если я читал что-нибудь вслух или рассказывал о чем-нибудь, я всегда знал, что она сидит тут же, рядом, и не отводит от меня своих удивительных глаз. Когда же она в сумерках садилась за фортепиано, я забивался подальше, в темный угол, и слушал ее, готов был без конца слушать… Эта странная духовная связь не подходила на начинающийся флирт: в ней было что-то неестественное, жуткое… (А. Куприн “Нарцисс”).

Что касается предложений, занимающих неинициальные позиции, то движение текста нередко базируется в основном на предложениях, отражающих концентрацию диалектических связей реальной действительности. Так, неслучайно, например, что такие сложноподчиненные предложения, как причинные, условные, уступительные и т. д. нередко включают в себя предикативные части, содержание которых развивается в последующем тексте [8, 173]. Например:

Оно (чувство Агафьи!) было в самом деле бескорыстно, потому что она ставила свечку в церкви, поминала Обломова за здравие затем только, чтоб он выздоровел, и он никогда не узнал об этом. Сидела она у изголовья его ночью и уходила с зарей, и потом не было разговора о том (И. Гончаров “Обломов”).

Текстообразущие потенции предложения обусловливаются, как было отмечено, и его содержательной соотнесенностью с сопутствующей частью текста. Таким образом, изучение функционирования синтаксических категорий в тексте (в данном случае – простых и сложных предложений) должно преследовать цель установления определенной иерархии как самих текстовых образований (сверхфразовое единство, абзац), так и определенных типов предложений, структурно-семантические свойства которых определяют разную степень проявления их текстообразующих возможностей.

В самом общем виде можно наметить, по крайней мере, главный ориентир в поисках синтаксических основ, предопределяющих контекстуальное прочтение. Таким ориентиром является собственно синтаксическая структура рассматриваемого предложения и ее соотношение со структурной организацией текста и прежде всего с характером синтаксической структуры постпозитивных и препозитивных предикативных единиц.

Говоря о контекстуальном прочтении, следует также подчеркнуть, что помимо собственно синтаксического взаимодействия входящих в текст предложений, необхо-

димо учитывать их семантико-структурное взаимодействие. Именно это последнее приводит к явлению, названному «семантическим радиусом действия» [5]. Текстообразующие возможности предложения и его контекстуальное прочтение являются двумя сторонами проблемы функционирования предложания в тексте. Однако при конкретном анализе следует учитывать не только взаимообусловленность названных сторон, но и специфичность каждой из них.

Речевая репрезентация языковых единиц (словосочетания, предложения, сложного предложения и конструкции с прямой речью), связанная с их ориентацией или на интеграцию, или на делимитацию, опирается также на следствие лексико-грамматического взаимодействия и актуального членения [3]. Попадая же в текст, синтаксические единицы получают дополнительные средства их приспособляемости к функционированию во взаимосвязи с другими синтаксическими единицами. Имея в виду определенную сторону названной приспособляемости, Н. Зарубина выявила текстовую категорию последовательности [4]. Под категорией последовательности понимается обобщенное значение линейности, выражаемое в современном русском языке анафорическими местоимениями, союзами и соотносительными словами, порядком слов, эллипсисом предложения. Обратим внимание на следующий отрывок:

Эту легенду мне когда-то рассказал путешественник-англичанин.

Однажды пароход заночевал из-за туманов близ острова Самоа, Толпа веселых, подвыпивших моряков съехала на берег. Вошли в лес, стали разводить костер. Нарезали сучьев, срубили и свалили кокосовое дерево, чтобы сорвать орехи. Вдруг они услышали в темноте кругом тихие стоны и оханья. Путь их взяла. Всю ночь моряки не спали и жались к костру. И всю ночь вокруг них раздавался судорожный какой-то шорох, вздохи и стоны.

А когда рассвело, они увидели вот что. Из ствола и из пня срубленной пальмы сочилась кровь, стояли красные лужи. Оборванные лианы корчились на земле, как перерезанные змеи. Из обрубленных сучьев капали алые капли. Это был священный лес. В Самоа есть священные леса, деревья в них живые, у них есть душа, в волокнах бежит кровь. В таком лесу туземцы не позволяют себе сорвать ни листочки.

Веселые моряки не погибли. Они воротились на пароход. Но всю остальную жизнь они никогда уже больше не улыбались (В. Вересаев «Легенда»).

В этом отрывке можно обнаружить все названные проявления категории последовательности: 1) *Вдруг они услышали в темноте кругом тихие стоны и оханья;* 2) *Но всю остальную жизнь они никогда уже больше не улыбались;* 3) *Толпа веселых, подвыпивших моряков съехала на берег. Вошли в лес, стали разводить костер;* 4) *Нарезали сучьев, срубили и свалили кокосовое дерево, чтобы сорвать орехи.*

Категория последовательности, естественно, не охватывает всех случаев приноравливания соположенных предложений друг к другу, но уже этот набор дает представление о тех сигналах, которые обнаруживают вхождение предложения (а точнее – высказывания) в более сложную синтаксическую организацию. Таким образом, один из аспектов анализа функционирования предложения в тексте связано с выявлением текстообразующих потенций предложения как сегмента более сложной синтаксической организации. При исследовании данного аспекта предложения необходимо учитывать структурно-семантическую сопряженность предложения не только с непосредственно контактирующими с ним предложениями, но и возможность гораздо более обширного радиуса его действия в содержательной основе того или иного текста.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического использования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Грамматика русского языка. Т. II, Ч. I. – М. : АН СССР, 1960. – 440 с.
3. Гуревич, В. В. Актуальное членение в его разных проявлениях // Вопросы языкознания, 2004, № 3. – С. 68 – 87.

4. Зарубина, Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1981. – 112.
5. Ильенко, С. Г. О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л. : Наука, 1981. – С. 129 – 135.
6. Инфантова, Г. Г. Современные тенденции реализации текстовых категорий цельности, связности и расчлененности // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 74 – 78.
7. Исаченко, А. В. О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. – М.: Наука, 1965. – С. 159 – 166.
8. Мамедов, Н. Ш. Коммуникативная структура сложного предложения (на материале русского языка). – Баку: Мутарджим, 2008. – 284 с.
9. Москальская, О. И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
10. Чернухина, И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования). – Воронеж: ВГУ, 1977. – 288 с.

N. Sh. oglu Mammadov
Baku Slavic university
(Azerbaijan, Baku)
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

To the Problem of Correlation of Sentence and Text

Key words: sentence, super-phrasal unity, text, logical continuation of thought, communication tools, external communication, internal communication, the role of the sentence in the structure of the text, the sequence of sentences, patterns of text-forming.

The article discusses the functioning of the sentence in the text on the material of the Russian language. The purpose of the article is to study the role of the sentence in the structure of the text and to identify the patterns of text-forming on this basis. The sentence is illuminated as a minimal speech unit, as the most important structural element of the text. Text as a coherent unit is based on a semantically and structurally organized sequence of sentences. The sentence in the text can be realized in the direction of studying the text-forming potencies of the sentence and in the direction of the contextual reading of the sentence. Text-forming potencies of sentence are determined by the structural-semantic correlation of the sentence with the subsequent compositional-semantic link of the text. The compositional-semantic organization of super-phrasal unity indicates the text-forming role of sentences.

В. В. Маршэўская
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы
e-mail: tina-2010@bk.ru

УДК 808.26-318

Фразеолага-сінтаксічны спосаб утварэння дзеяслоўных фразеалагізмаў

Ключавыя словы: дзеяслоўныя фразеалагізмы, фразеолага-сінтаксічны спосаб, метафара, метанімія, сінекдаха.

У артыкуле апісваюцца асаблівасці метафарычных і метанімічных пераасэнсаванняў дзеяслоўных фразеалагізмаў на базе свабодных словалучэнняў і састаўных тэрмінаў. Пераасэнсаванні адбываюцца ў розных кірунках, і асноўныя з іх – гэта пераасэнсаванні па вонкавай форме, знешнім выглядзе, па размяшчэнні, функцыі або прызначэнні.

Беларускія фразеолагі (І. Я. Лепешаў, А. С. Аксамітаў, М. А. Даніловіч, В. А. Ляшчынская, У. І. Коваль і інш.) вылучаюць некалькі спосабаў фразеалагічнай дэрывацыі і асноўным з іх называюць фразеолага-сінтаксічны. У аснове фразеолага-сінтаксічнага спосабу ляжаць метафарычныя і метанімічныя пераасэнсаванні. Метафары прысвечана вялізная колькасць даследаванняў, і большасць даследчыкаў згаджаецца з той думкай, што "асноўным механізмам утварэння метафары з'яўляецца параўнанне, у якім выражаюцца адносіны дадзенага калектыву (ці індывідуума) да аб'ектыўнай рэальнасці" [6, 30–31].

Дэфініцыйна-ілюстрацыйныя матэрыялы са слоўнікаў [2; 3] паказваюць, што метафарычныя пераасэнсаванні свабодных словазлучэнняў адбываліся ў розных кірунках, і асноўныя з іх – гэта пераасэнсаванні па вонкавай форме, знешнім выглядзе, па размяшчэнні, функцыі або прызначэнні. Свае адцягненыя, абстрактныя значэнні фразеалагізмы перадаюць праз канкрэтныя вобразы, якія выклікаюць асацыяцыі з кім-небудзь ці чым-небудзь. Гэта, напрыклад, "птушыныя" выразы – *браць пад крыло* (каго, што), *вылятаць з гнязда* (якога, чыйго), *завысока ляцець*, *апускаць крылы*, *складваць крылы*, *убірацца ў пер'е*; "рыбныя" – *біцца як рыба аб лёд*, *падчапіць (злавіць) на кручок (вудачку)* (каго), *закінуць вудачку*; "звярыныя" (заонімныя) – *адкідваць капыты*, *адкідваць хвост*, *стрыгчы вушамі*, *станавіцца на заднія лапкі* (перад кім), *мыш не пераскочыць*, *ваўком выць*, *апускаць вушы*, *задзіраць капыты*, *задзіраць хвост*, *вастрыць вушы*, *паднімаць хвост*, *натапырваць вушы*, *рыць носам* (што), *смактаць лапу*, *на хвост станавіцца*; "раслінныя" – *абрастаць мохам*, *акалочваць грушы з вербаў*, *за дрэвамі не бачыць лесу*, *бярозаю ліцца*, *блудзіць у трох соснах*, *вырываць з коранем* (што), *секчы (рэзаць) пад корань* (каго, што); "прыродныя" (геаграфічныя) – *біць крыніцай*, *з ветру вяроўкі віць*, *горы вярнуць* (на каго), *дождж за карак (за шыю) не лье (не капае)*, *з неба (з месяца) звалiўся*, *ліцца ракой*, *з вадой сплыў* і разнастайныя іншыя групы выразаў.

Крыніцамі для ўтварэння фразеалагічных адзінак паслужылі: а) састаўныя тэрміны – *выходзіць у тыраж* 'становячыся непрыгодным да чаго-н., канчаць ранейшую дзейнасць; старэць, станавіцца непрыгодным для выкарыстання', *зводзіць канцы з канцамі* 'задавальняць жыццёвыя патрэбы,знаходзячы выйсце з цяжкага становішча; пераадольваючы якія-н. перашкоды, спраўляцца з цяжкасцямі', *браць на абардаж* (каго, што) 'рашуча дзейнічаць у адносінах да каго-, чаго-н.', *браць на буксір* (каго) 'дапамагаць таму, хто адстае', *кідаць якар* (дзе) 'спыняцца, уладкоўвацца дзе-н. на пастаяннае жыхарства', *легчы на дно* 'прытаіўшыся, не рабіць ніякіх дзеянняў', *іграць ролю* (каго) 'быць кім-н., выступаць у якасці каго-н.', *надзяваць на сябе маску* (каго) 'прытварацца, прыкідвацца кім-н.', *знімацца з якара* 'адпраўляцца, ад'язджаць', *прыўзнімаць заслону* (над чым) 'пачынаць рабіць вядомым што-н. тайнае, скрытнае', *разыгрываць камедыю* 'прыкідвацца перад кім-н., крывадушнічаць', *біць у званы* 'настойліва звяртаць усеагульную ўвагу на тое, што выклікае трывогу, заклікаць да барацьбы з якой-н. небяспекай', *браць на мушку* (каго, што) 'засяроджваць увагу на кім-н., чым-н., сачыць за кім-н., чым-н.' і інш.; б) былыя павер'і – *дарогу перабягаць* 'перашкаджаць каму-н., апярэджваючы ў чым-н. і перахопліваючы тое, на што разлічваў іншы', *ліць кракадзілавы слёзы* 'двудушна, прытворна або няшчыра скардзіцца', *у сарочцы нарадзіцца* 'быць шчаслівым, удачлівым, вязучым, быць шчасліўчыкам', *рукой пайсці* 'пачаць добра весціся, гадавацца, пладзіцца'; в) звычаі – *біць паклоны* 'пачціва кланяцца, вітаючы каго-н.', *забіць асінавы кол у магілу* 'канчаткова пазбаўляцца ад каго-, чаго-н., знішчаць каго-, што-н.', *падымаць* (*узнімаць) на шчыт* (каго, што) 'адзывацца з пахвалой, расхвальваць', *напускаць туману* 'уносіць няяснасць, няпэўнасць у якую-н. справу, заблытваць каго-н.', *вадзіць казу* 'хадзіць гуртам у стане ап'янення', *вадзіць дзяды* 'драмаць седзячы', *валяць ваньку* 'весці сябе несур'ёзна, паступаць не так, як трэба'; г) ранейшы быт, жыццёвыя ўмовы – *плесці кашалі з лапцямі* 'гаварыць абы-што, выдумваць', *садзіцца не ў сваі сані* 'брацца не за сваю справу', *везці на валах*

(што) ‘вельмі марудна дастаўляць што-н.’, *даваць (задаваць) жару* ‘моцна сварыцца на каго-н., распякаць каго-н.; сурова распраўляцца з кім-н., караць каго-н.’, *з кірмашу ехаць* ‘блізіцца да канца свайго жыцця’, *заварочваць аглоблі* ‘адыходзіць ці ад’язджаць назад; адмаўляцца ад ранеёшага рашэння, абяцання’, *наламаць дроў* ‘нарабіць памылак пры выкананні чаго-н.’, *выкідаць на сметнік* (што) ‘дарэмна траціць, марнаваць што-н.’, *гарадзіць плот* (каму) ‘выкручваючыся ў размове, гаварыць глупства, выдумляць што-н.’, *зайсці ў тупік* ‘аказвацца ў цяжкім, бязвыхадным становішчы’, *табаку важыць* ‘драмаць седзячы ці стоячы, то апускаючы, то падымаючы галаву’, *маслёнку везці* ‘вельмі марудна рухацца (на запрэжаным кані)’, *абіваць парогі* (чые, каму, каго, чаго) ‘настойліва хадзіць куды-н., просячы, дамагаючыся чаго-н.’, *абуваць у лапці* (каго) ‘паступаць нядобрасумленна, ашукваць, хітраваць, падманваць’, *адпускаць лейцы* ‘змяншаць кантроль, паслабляць увагу, пільнасць, патрабаванні да каго-н.’, *араць дарогі* ‘гаварыць ці рабіць якое-н. глупства’, *адрабляць шарварку* ‘марудліва, абыякава, без старання рабіць якую-н. справу’, *бразгаць дзвярыма* ‘выяўляць рэзкі пратэст, не дабіўшыся свайго, жаданага’, *даваць лейцы ў рукі* (каму) ‘ставіць каго-н. на кіраўнічую пасаду’ і інш.

Метанімія, у адрозненне ад метафары, характарызуецца рэалістычнасцю, рэгулярнасцю, здольнасцю да ахопу сумежных сувязей паміж прадметамі і з’явамі. Даследчыкі выдзяляюць чатыры асноўныя напрамкі вывучэння семантыкі метанімічных пераносаў: семіятычны (Ч. Пірс, Р. Якабсон, В.В. Іваноў, В.К. Тарасава), лагічны (А.А. Патабня, У.Г. Гак, Ц. Тодараў), псіхалагічны (М.М. Пакроўскі, М.В. Нікіцін) і ўласна лінгвістычны (Я.Л. Гінзбург, Л.М. Мурзін, В.А. Сіроціна). “Пры семіятычным падыходзе метанімію разглядаюць як адзін з відаў індэксальных знакаў, дзеянне якіх заснавана на фактычнай сумежнасці плана зместу і плана выражэння. Прадстаўнікі лагічнага напрамку бачаць прычыны метанімічнага пераносу ў фармальна-лагічных адносінах паміж паняццямі (метанімія з’яўляецца вынікам перасячэння паняццяў). Псіхалагічны бок даследавання звязвае метанімію з рознымі відамі асацыяцый па сумежнасці (прасторавымі, часавымі, прычынна-выніковымі і г.д.). У рамках уласна лінгвістычнага падыходу метанімія вывучаецца як з’ява, асновай якой з’яўляецца: а) кампрэсія (сцяжэнне словазлучэнняў) (В.А. Сіроціна, Л.А. Капанадзе); б) замена тэматычнай схемы выказвання некаторым іншым яе кампанентам, замена, у адносінах да якой інварыянтам з’яўляецца сама гэта схема” [4, 111–112].

Сярод вялікай і разнастайнай колькасці метанімічных пераносаў (з псіхалагічнага боку даследавання) лінгвісты выдзяляюць 5 асноўных тыпаў – прасторавы, тэмпаральны (часавы), каузальны, атрыбутыўны і апелятыўны – кожны з якіх адлюстроўвае самыя розныя сувязі і асацыяцыі паміж прадметамі і з’явамі аб’ектыўнай рэчаіснасці [6, 107]. Сярод дзеяслоўных фразеалагімаў сустракаюцца выразы, у аснове якіх ляжаць асацыятыўныя сувязі па сумежнасці ў часе. Многія выразы гэтай групы звязаны са старажытнымі звычаямі (*на ладан дыхаць* ‘быць блізкім да смерці; даходзіць да непрыгоднасці, занепадаць’, *вынесці ўперад нагамі* (каго) ‘пахаваць (нябожчыка)’, *на пасад садзіць* ‘аддаваць замуж’, *атрымліваць гарбуз* ‘абнеслаўляцца пры сватаўстве’ і пад.). Напрыклад, выток фразеалагізма *закрываць вочы* (каму) ‘быць побач з тым, хто памірае, у апошнія хвіліны жыцця’, як адзначае І.Я. Лепешаў у этымалагічным даведніку, – старажытны звычай закрываць вочы нябожчыку. Калі гэта не зрабіць своечасова, то, паводле павер’я, нябожчык “выглядзіць” сабе ахвяру [3, 141]. Іншыя выразы – жэставага паходжання: *брацца (хапацца) за жываты* ‘моцна смяяцца’, *зацягваць (падцягваць) паясы* ‘адчуваць вострую нястачу, жыць у крайняй беднасці’, *глытаць сліну* ‘з зайздрасцю глядзець на што-н. спакуслівае, але недаступнае’, *затаіць дыханне* ‘прыціхнуць у вялікім напружанні, здзіўленні і пад.’, *паціскаць плячамі* ‘выказваць здзіўленне, неразуменне, няведанне і пад.’, *паціраць рукі* ‘адчуваць, перажываць вялікае задавальненне ад поспеху ў якой-н. справе’, *разводзіць рукамі* ‘даходзіць да

крайняга здзіўлення, недаўмення; не ведаць, як выйсці з цяжкага становішча’, *цалаваць рукі і ногі* (каму) ‘вельмі прасіць, маліць каго-н. аб чым-н.’, *пачухаць патыліцу* ‘паклапаціцца, падумаць, як выйсці з пэўнай сітуацыі’, *круціць носам* ‘адмаўляцца, упірацца, натурыцца; важнічаць, выказваючы незадавальненне’, *ламаць сабе рукі* ‘даходзіць да адчаю, узрушэння (ад вялікага гора)’, *рабіць вялікія вочы* ‘выражаць крайняе здзіўленне, недаўменне’, *рваць на сабе валасы* ‘адчайвацца, вельмі моцна перажываць, гараваць’, *крывіць губы* ‘крывіцца, выражаючы незадаволенасць, злосць і пад.’, *біць кулакамі ў грудзі* ‘вельмі горача, настойліва даводзіць што-н., запэўніваць у чым-н.’ і пад. На думку І.Я. Лепешава, фразеалагізм *зацягваць пояс* ‘адчуваць вострую нястачу, жыць у крайняй беднасці’ ўзнік на аснове сумежнасці дзвюх з’яў: калі чалавек недаядае, галадае, ён мусіць тужэй зацягваць пояс (у прамым значэнні гэтых слоў [3, 148].

Пры атрыбутыўнай метаніміі адцягненыя паняцці апрадмечваюцца, назвы ўласцівасцей становяцца назвамі прадметаў, якія валодаюць гэтымі ўласцівасцямі. Атрыбутыўная метанімія сярод фразеалагізмаў, якія ўзніклі на базе свабодных словазлучэнняў і састаўных тэрмінаў, намі не выяўлена, але, думаецца, яна прысутнічае сярод выразаў, якія склаліся на аснове ўжо існуючых фразеалагічных адзінак. Напрыклад, фразеалагізм *з’яўленне на свет* ‘нараджэнне каго-н.’ утварыўся на аснове суадноснага дзеяслоўнага фразеалагізма *з’яўляцца (з’явіцца) на свет* ‘нараджацца’. Яму сінанімічны выраз *прыход на свет* (каго, чый); фразеалагізмы *валоданне пяром* ‘уменне свабодна і выразна выказваць свае думкі на паперы’, *валоданне словам* ‘здольнасць выразна, красамоўна гаварыць, пісаць’ паходзяць з суадносных дзеяслоўных фразеалагізмаў *валодаць пяром* ‘умець свабодна і выразна выказваць свае думкі на паперы’, *валодаць словам* ‘мець здольнасць выразна, красамоўна гаварыць, пісаць’ і маюць прадметнае значэнне.

Разнавіднасцю метаніміі з’яўляецца сінекдаха. “Метанімічная сувязь мае факультатыўны, верагоднасны характар, сумежныя рэаліі тут толькі дакранаюцца, іх можна даволі лёгка раз’яднаць, аддзяліць адну ад другой. Пры сінекдасе дэнатат-крыніца пераносу і дэнатат-рэцыпіент цесна ўзаемна дэтэрмінаваны, цэлае падразумявае частку і наадварот. Сінекдахічны спосаб перайменавання патрабуе адпаведных пазалінгвістычных абставін: частка цэлага пры пераносе, як правіла, павінна быць вызначальнай, функцыянальна значымай, істотнай для дадзенага цэлага” [5, 130]. Напрыклад, у аснове вобраза фразеалагізма *да твару* (каму) у 1 знач. ‘ідзе, падыходзіць каму-н.’ ляжыць метафара (адбываецца прыпадабненне твару чалавека яго знешняму выгляду: *Сіняя крамная сукенка і русыя, ледзь кучаравыя валасы ёй [дзяўчыне] вельмі да твару* (Крапіва) [2]), а ў 2-м значэнні ‘падыходзіць каму-н., адпавядае чыйму-н. становішчу’ – сінекдаха (атаясамліванне праз частку (твар чалавека) цэлага (самога чалавека): *– Ну, як так, то нам да твару праца ў лазні, – кажа дзед* (Астрэйка) [2]). На думку В.А. Ляшчынскай, выбар “кампанента *твар*, які выступае аб’ектам асаблівай увагі да чалавека з боку іншых, атаясамліваецца з асобай (параўн., напрыклад, фразеалагічныя адзінкі *падаць <тварам> у гразь*; *плюхнуцца/ляснуцца <тварам> у лужыну/гразь*; *не ўдарыць тварам у гразь*, створаныя для канцэптуалізацыі сораму, яшчэ раз паказвае, якой важнай часткай цела чалавека з’яўляецца яго твар” [4, 58].

Літаратура

1. Кліменка, В. У. Метанімія ў беларускай літаратурнай мове / В. У. Кліменка // Известия ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – № 1 (70). – С. 128–132.

2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.

3. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.

4. Ляшчынская, В. А. Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні : вуч. дапам. / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2019. – 250 с.

5. Мінакова, Л. М. Монасемія, полісемія і аманімія ў навукова-тэхнічнай тэрміналогіі / Л. М. Мінакова // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2003. – № 1. – С. 108–116.

6. Старычонак, В. Д. Полісемія ў беларускай мове (на матэрыяле субстантываў) / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1997. – 232 с.

V. V. Marsheuskaya
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: tina-2010@bk.ru

Phraseological and syntactic method of forming verbal phraseological units

Key words: verb phraseology, phraseology-syntactic method, metaphor, metonymy, synecdoche.

The article discusses the features of metaphorical and metonymic reinterpretations of verbal phraseological units that were formed from free phrases and compound terms. Reinterpretation took place in different directions, the main ones being reinterpretations based on external similarity, location in space, and function.

Т. В. Никитенко
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: tatnikita@gmail.com

УДК 81’2

Некоторые аспекты функционирования англоязычных терминов, соответствующих русскому «родной язык»

Ключевые слова: родной язык, термин, английский язык, социолингвистика, корпус текстов.

В статье рассматриваются основные англоязычные термины, соответствующие в русском языке понятию «родной язык». Предлагается краткий экскурс в историю появления этих терминов, анализируется частотность их употребления по данным корпусов текстов в разных вариантах английского языка, отмечаются особенности их функционирования и использования в некоторых лингвистических исследованиях.

Введение. Как ранее неоднократно отмечалось, понятие «родной язык» ассоциируется с понятием «родина» и идеально подходит для одноязычной среды, в которой иные языки чаще всего соотносятся с «иностранными языками» и приобретаются с помощью формальных инструкций в процессе обучения [1, 88]. Распространение современного английского языка вышло далеко за пределы Британских островов: на английском говорят в Ирландии, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии, а также в ряде стран Африки и Азии. Английский язык является негомогенным языком, т. е. характеризуется наличием региональных вариантов, среди которых выделяются американский, канадский, австралийский, новозеландский, карибский, южноафриканский, азиатский и др. При этом во многих странах английский язык имеет статус официального языка наряду с другим языком / другими языками (Ирландия, Канада, Республика Гана, ЮАР и др.). В ряде случаев английский язык функционирует в многонациональных и этнически неоднородных государствах, таких, например, как США, где в силу социально-исторических причин население страны является разнообразным по этническому признаку. Все вышесказанное свидетельствует о том, что понятие «родной язык» в англоговорящих странах будет определяться неоднозначно в зависимости от этниче-

ских, социальных, психологических и др. факторов. Если говорить о понятии «родной язык» в лингвистическом аспекте, то следует констатировать, что в специальной англоязычной литературе существует ряд слов, которые отражают это терминопонятие. Для одних лингвистов, например, «mother tongue" и «first language" – синонимы, другие, напротив, разграничивают эти термины. Таким образом, ***цель*** настоящей статьи заключается в анализе функционирования англоязычных терминов, соответствующих в русском языке понятию «родной язык». ***Материал*** для анализа извлекался из 1) научных публикаций, посвященных данной теме; 2) из корпусов текстов английского языка ("Corpus of Contemporary American English" («Корпус современного американского английского языка»), "British National Corpus" («Британский национальный корпус»), "Strathy Corpus of Canadian English" «Корпус канадского английского языка (Страти)»).

Определение термина «родной язык» в отечественном языкознании. Прежде чем начать анализ функционирования англоязычных терминов, соответствующих в русском языке понятию «родной язык», необходимо выяснить, как это понятие трактуется в отечественном языкознании. В «Словаре лингвистических терминов» родной язык (через отсылку к статье «язык») толкуется так: «Язык, усваиваемый человеком в раннем детстве путём подражания окружающим его взрослым»; здесь же приводятся два англоязычных эквивалента данного термина – "mother tongue" и "native language" [3, 392, 532]. «Словарь социолингвистических терминов» содержит достаточно объёмную статью под заголовочным словом «родной язык»: 1. 'То же, что и материнский язык. Первый язык, который усвоен человеком с детства <…>. Обычно он совпадает с языком родителей или одного из них. Бывают случаи, когда человек впоследствии усваивает другой язык, который становится для него основным средством общения' <…>. 2. 'То же, что этнический язык. <…> понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности <…>'. 3. 'То же, что и функционально первый язык'. 4. 'То же, что национальный язык (2) <…>. В этом значении термин используется ограниченно – в тех случаях, когда родной язык обучения противопоставляется «русскому языку» обучения при описании различных типов учебных заведений (ср. *школы с родным языком обучения* и *школы с русским языком обучения*) <…>'. [4, 187]. Как свидетельствуют вышеперечисленные определения, в отечественной социолингвистике родной язык может пониматься неоднозначно: 1) язык родителей; 2) язык этнической принадлежности говорящего; 3) первый усвоенный человеком язык; 4) язык обучения в учреждении образования, отличный от языка повсеместно принятого на данной территории. Передача этого термина на английский язык отличается альтернативностью. В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» родному языку соответствуют следующие варианты – 'first language', 'mother tongue', 'native language', 'vernacular' [2, 491]. Однако этими единицами список не ограничивается: в действительности, в общей и специальной англоязычной литературе предлагается больше терминов, среди которых: "dominant language", "native tongue", "home language", "indigenous language" и др. И всё же наиболее частотны сочетания "mother tongue", "native language" и "first language", о которых пойдёт речь ниже.

Экскурс в историю основных англоязычных терминов, соответствующих русскому «родной язык». В английском языке, согласно данным «Большого оксфордского словаря», впервые "mother tongue" фиксируется в письменных источниках во второй половине XIV в. (1380) в значении 'one's native language' [9, т. 9, 1127]. Первый элемент сочетания – *mother* – являлся формой генитива с нулевым выражением. Этот факт, например, подтверждают тексты XVI–XVII вв., в которых широко распространено написание *mother* с добавлением флексии ***-s*** – *mother**s** tongue* [9, т. 9, 1127]. Примерно со второй половины XVII в. у лексемы "mother tongue" также отмечено значение 'an

original language from which others spring'. В XVII в. засвидетельствовано атрибутивное функционирование "mother tongue" – ср. *The learning which lyes in* ***mother-tongue*** *translations* [9, т. 9, 1127].

Семантический эквивалент формы "mother tongue" известен другим европейским языкам. Например, в германских языках – нем. *Muttersprache,* дат. *Modersmål*; в романских языках – итал. *madrelingua,* фр. *langue maternelle*, порт. *língua materna*; в славянских языках – чеш. *mateřský jazyk,* словац. *materinský jazyk.* В этом ряду выделяется польский язык с формой *język ojczysty,* что в переводе соответствует выражению 'отцовский язык'. Также любопытна ситуация в восточнославянских языках. Например, в белорусском языке наряду *с родная мова* имеется форма *матчына мова* – ср. [Каліноўскі:] *Наколькі мне вядома, паручнік Гогель, <…>, тутэйшы і ведае ня толькі* ***матчыну мову,*** *але і валодае, як бачу, стэнаграфіяй* (Алесь Петрашкевіч, «Рыцар свабоды», 2003); в русском же языке функционирует только номинация *родной язык.*

«Большой оксфордский словарь» отказывает в фиксации единицы "native language" в качестве отдельного заголовочного слова [9, т. 10, 236–237]. В английской лексической системе прилагательное *native* является либо французским заимствованием (< *natif*), либо непосредственно восходит к латинской форме (< *nātīvus* 'produced by birth, innate, natural'). Письменная фиксация прилагательного засвидетельствована в XIV в. в значении 'belonging to, or connected with, a person or thing by nature or natural constitution, <…>; es of qualities which are inherent or innate in the person or thing' (= 'врождённый, природный'). Также в семантической структуре слова отмечено значение 'born in a particular place or country; belonging to a particular race, district by birth' (= 'коренной'), которое в настоящее время обладает дополнительным оттенком 'неевропейский' [9, т. 10, 236–237]. Кроме того, в XVII в. (1636) у существительного *native* отмечено значение, которое ныне распространено в США и Канаде, – 'a North American Indian' [9, т. 10, 236–237].

Выражение "first language" не лексикографируется как отдельное заголовочное слово в «Большом оксфордском словаре», однако указывается в словарной статье лексемы "language" и определяется как 'one's native language' [9, т. 8, 634]. Характерен один из первых контекстов с данным словом, датируемым 1875 г., в котором "first language" и **"**native language" употребляются как синонимы, а само произведение представляет собой лингвистический труд известного американского филолога, У. Д. Уитни. Ср. *We realize better in the case of a second or 'foreign' language, than in that of a* ***first*** *or* ***'native' language,*** *that the process of acquisition is a never-ending one* (W. D. Whitney, "Life and Growth of Language") [9, т. 8, 634].

Особенности функционирования англоязычных терминов, соотносящихся с русским понятием «родной язык». В среднеанглийский период выражение "mother tongue" имело узкое функционирование и употреблялось в судебной практике (после Нормандского завоевания Англии в 1066 г. английские законы были переведены на латынь, а затем на французский язык): оно соотносилось с возможностью использовать английский язык в судебных разбирательствах теми, кто не владел латынью [8, 4]. Впоследствии сфера использования слова расширилась – оно стало входить в широкое употребление, например, применялось в ситуациях, когда шла речь о трудностях восприятия религиозных текстов (латынь была языком церкви) простыми людьми. В настоящее время функционирование "mother tongue" не ограничено какими-либо жанрово-стилистическими особенностями, оно может употребляться во всех сферах современного английского языка, в том числе в юридическом и политическом дискурсах. Ср. (1) *<…> in most of the day schools in Wales, wherever a child was overheard talking Welsh <…> he rendered himself liable to punishment <…> the Welsh people were yet strongly attached to their* ***mother tongue*** *<…>* (House of Commons, 08. 03. 1872); (2) *The answer or defense of the defendant shall be signed by him or his attorney, and filed with the clerk in the*

*English and French languages (if the **mother tongue** of the plaintiff be French)* <…> (US Supreme Court, 1835); (3) *Persons of Spanish language include both those whose **mother tongue** is Spanish and all other persons in families in which the head of the household or spouse reported Spanish as the **mother tongue*** <…> (US Supreme Court, 1977).

В британском корпусе текстов, который охватывает период 1980-х гг. и начала 1990-х гг. и в котором представлены тексты разных жанров и стилей объёмом около 100 млн. словоупотреблений, на соответствующие запросы появляется следующее количество вхождений: “mother tongue” – 140, “native language” –73; “first language” – 140. Как показывает статистика, в британском английском “native language” используется почти в два раза реже в сравнении с “mother tongue” и “first language”. Анализ материала свидетельствует, что единицы “mother tongue” и “first language” могут функционировать в одном и том же контексте синонимично или использоваться для уточнения, разъяснения одного слова через другое. Ср. *But the truth about the Welsh language is different.* <…>. *For more and more children, English, not Welsh, becomes the **mother tongue,** the **first language** that they really learn* (House of Lords, 24.07.1980). Также интересны сочетания типа “mother tongue language”, где “mother tongue” функционирует атрибутивно в значении ‘родной’ к существительному “language” (в то время как оба слова “language” и “tongue” обозначают ‘язык’). Ср. *A total of 106 different **mother tongue languages** are spoken in our schools and 61 per cent of our children speak English only as a second language* (House of Commons, 03.02.2002).

В современном канадском корпусе текстов объёмом 50 млн. словоупотреблений подобные запросы по вхождениям дают такой результат: “mother tongue” – 251, “native language” – 108; “first language” – 125. Статистические данные показывают, что “mother tongue” используется почти в два раза чаще, чем “native language” и “first language”.

Иная ситуация складывается в американском английском. Так, согласно корпусу текстов объёмом около 600 млн. словоупотреблений, который охватывает период 1990–2019 гг., эти же запросы дают следующее количество вхождений: “mother tongue” – 369, “native language” – 764; “first language” – 480. Очевидно, что из этих трёх единиц, сравниваемых по критерию частотности использования, “native language” доминирует. На протяжении XIX – XXI вв. “native language” функционирует синонимично выражению “mother tongue”, о чём свидетельствуют многочисленные контексты. Ср. (1) <…> *to be able to read the scriptures and other good and profitable printed books in the English tongue, being their **native language*** (COCA, 1823).

Вместе с тем регулярно встречаются такие контексты (в особенности в научных изданиях), в которых под “native language” подразумевается язык автохтонных народов Америки – ср.: *The Southern Paiute Indians still live within their aboriginal homelands, use their **native language,** and sustain a separate community life. In anthropological terms, they have a persistent culture* (Anthropological Praxis, 1987). Вероятно, на термин “native language” оказала влияние семантика лексемы *native* ‘коренной’, ‘североамериканский индеец’, о чём говорилось выше. В настоящее время опубликовано значительное количество исследований, посвящённых описанию языков автохтонных народов Америки, в которых такие языки называются “native languages” (например, [7]). В подобных контекстах термину “native language” скорее соответствует русский эквивалент ‘язык коренного населения’. Очевидно, многозначность слова “native language” – (1) ‘родной язык’ и (2) ‘язык коренного населения’, причём второе является преимущественно специализированным значением, может быть одной из причин более широкого употребления “native language” в американском английском в сравнении с “mother tongue” и “first language”.

Что касается термина “first language”, то здесь необходимо указать на его изначальную «научную ориентацию»: оно активно использовалось в научном дискурсе (в первую очередь, при обсуждении таких тем, как обучение языку, билингвизм и т. д.).

Ср.: *He conceived that the deaf and dumb might acquire a* ***first language,*** *by the same process which enables us to acquire a second and a third* (Education of the Deaf and Dumb, 1834). В социолингвистике и в исследованиях по методике преподавания языков “first language” часто используется атрибутивно в таких терминологических выражениях, как “first language acquisition”, “first language learning”, “first language comprehension” и т. д.

Проблема дифференциации и специализации терминов, обозначающих «родной язык», их определения в научной литературе напрямую связана с концепциями, воззрениями авторов, использующих эти термины. В частности, от того, как понимается сущность родного языка, как рассматривается вопрос формирования речевых навыков у ребёнка в разных социолингвистических условиях и т. д., зависит их функционирование. Например, американский структуралист Л. Блумфилд даёт определение родному языку, из которого становится очевидным, что “native language” и “first language” он воспринимает как синонимы: “The first language a human being learns to speak is his native language <…>” (‘Первый язык, на котором человек научился говорить, является его родным языком’) [5, 43]. В то же время предпринимаются попытки разграничить эти понятия. Например, в «Краткую энциклопедию по социолингвистике» включена статья “Native Speaker”, в которой бегло разъясняются такие термины, как “mother tongue”, “first language”, “dominant language”, “home language”. В частности, утверждается, что “one’s first language is the language (‘tongue’) learned from one’s mother, biological or not. However, many people live in multilingual societies, and everyone lives in multidialectal society. In such cases, the mother tongue and the first language may be different: it may be that the mother tongue is influenced by peers as well as by parents, or it is more than one language and then it is not easy to decide which one is first; it may be that what is the first language changes over time” (‘первый язык – это язык, выученный от матери, необязательно биологической. Вместе с тем большое количество людей живёт в мультикультурной среде, все люди находятся в мультидиалектном окружении. В таких случаях материнский язык и первый усвоенный язык могут различаться: возможно, наравне с родителями на материнский язык оказывают влияние сверстники; возможно, говорящий знает больше чем один язык, и тогда сложно определить, какой из них первый; возможна такая ситуация, когда первый язык с течением времени заменится другим’) [6, 515].

Выводы. В английском языке имеется несколько соответствий русскому термину «родной язык», самыми употребительными из которых являются ‘first language’, ‘mother tongue’, ‘native language’. В многочисленных лингвистических трудах, посвящённых процессам освоения родного и иностранного языков, билингвизму, вопросам о языковой ситуации и языковой политике, встречаются и другие варианты, которые полностью или частично соответствуют определению родного языка в отечественной социолингвистике (например, *dominant language, home language, vernacular*). Всё это свидетельствует о том, что, во-первых, родной язык – очень сложное явление, особенно в многонациональных и этнически разнообразных государствах с активными миграционными процессами, какими являются многие из тех, где английский язык используется в качестве основного или одного из официальных языков. Во-вторых, активное становление социолингвистики, методики преподавания родного и иностранного языков будет и дальше способствовать дифференциации англоязычных терминов, служащих дл обозначения столь сложного и разноаспектного феномена, каким является родной язык.

Литература

1. Александрова, Н. Ш. Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия / Н. Ш. Александрова // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 88–100.

2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов / А. Н. Баранов [и др.]; под ред. А. Н. Баранова и, Д. О. Добровольского. – 2-е изд-е, испр. и доп. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.

3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 571 с.

4. Словарь социолингвистических терминов / А. В. Кожемякина [и др.] ; под ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
5. Bloomfield, L. Language L. Bloomfield. – Reprint. – London : George Allen & Unwin Ltd.,1984. – 566 p.
6. Davies, A. Native Speaker / A. Davies // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics / ed. by R. Mesthrie; consulting ed. R. E. Asher. – Oxford, 2001. – P. 512–519.
7. Mithun, M. The languages of Native North America / M. Mithun. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 773 p.
8. Teaching the mother tongue in a multilingual Europe; W. Tulasiewicz [et al.]; ed. : W. Tulasiewicz, A. Adams. – London; New York : Continuum, 2005. – 230 p.
9. The Oxford English dictionary : in 20 vol. / prepared by, J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. –2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – Vol. 20.

T. V. Nikitsenka
Vitebsk State P. M. Masherov University
e-mail: tatnikita@gmail.com

Some peculiarities of using the English terms corresponding to the Russian “rodnoj jazyk” (‘native language’)

Key words: native language, term, English language, sociolinguistics, text corpora.

The article focuses on the common English terms denoting the notion of a native language. The emergence of the terms is traced in brief. In accordance with the corpora data the frequency of their usage in different variants of English is revealed. Some peculiarities of using the terms in linguistic studies are discussed.

А. А. Печенькова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: anastasia4366@rambler.ru

УДК 811.161.1’373.21:641/642

Семантические особенности наименований заведений общественного питания и доставки питания с пищевой лексикой в основе

Ключевые слова: ономастика, семантический анализ, пищевая лексика, эргонимы, названия заведений общественного питания, Белорусское Поозерье.

В статье раскрываются семантические особенности наименований заведений общественного питания и доставки еды, выделяются основные группы по значению с учетом мотивирующего слова, связанного с пищевой лексикой; обоснована необходимость изучения заведений общественного питания и доставки еды; материалы могут быть использованы в ономастических исследованиях и на занятиях по русскому языку.

Названия городских предприятий и организаций стали вызывать интерес в ономастической науке. Рассмотрение относительно недавно мотивационного аспекта поможет углубить знания о названиях заведений общественного питания и доставки еды с пищевой лексикой на территории Белорусского Поозерья; расширить понятие пищевой лексики, включив в него названия, связанные с ингредиентами, местами и людьми. Материал может быть использован в исследованиях по ономастике и в преподавании дисциплин лингвистического цикла.

Материал был собран на сайтах carte.by [9], relax.by [10] и при полевом сборе. Основные методы исследования – описательно-аналитический, элементы ареального и статистического.

Названия наименований заведений общественного питания и доставки еды (всего 57) по семантике мотивирующего слова были разделены на семантические группы с учетом мотивирующего слова, связанного с пищевой лексикой:

1. Мотивированного названиями блюд: **а) конкретные названия блюд** (25): **суши** – доставка «*Top Sushi*» (Топ-суши), ресторан японской кухни «*Арена Суши*», доставка «*Империя суши*», доставка «*Часть Суши*», доставка «*Суши Wok*», доставка «*Суши Ешка*», доставка «*Суши Шоп*», доставка «*Центр Суши*». В «Кулинарном словаре от А до Я» В. В. Похлёбкина [5] дается следующее определение: «японское национальное блюдо: рисовые котлетки, покрытые сверху кусочком японской рыбы или сырой креветкой и пропитанные (приправленные) своеобразным соусом. Вместо рыбы может выступать моллюск, икра, соевый творог-тофу и много чего ещё…» [5], в англо-русском словаре под редакцией Стеллы О'Ши [8] дается следующее определение «суши» : «sushi – japanese food made of cold rice and fish which has not been cooked» (пер. японское блюдо, приготовленное из холодного риса и сырой рыбы) [8]. Название «*Top Sushi*» образовано от двух английских слов «top» и «sushi». В одном из значений «top» – это «the most important position in a company, ream, etc» (высокое, видное положение) [8]. Такое сочетание может быть создано в целях рекламы – таким образом владельцы говорят клиенту, что их продукт является качественным или, как говорят в современном мире, «топовым». Оним «*Империя суши*» включает в себя слова «империя» и «суши». Возможно, первое слово употребили в переносном значении. «*Арена Суши*» состоит из двух слов: «арена» и «суши». В переносном значении *арена* – «поприще, область деятельности» [2, 37], такое слово используется в названии всей сети ресторанов одного владельца. «*Суши Шоп*» состоит из «суши» и «шоп». «Шоп» – транслитерация английского слова «shop» – «a building or part of building where you can buy things» (здание или часть здания, где можно купить вещи), магазин [8]. Такое именование мотивировано тем, что доставка еды предлагает клиентам блюда исключительно японской кухни. Доставка «*Суши Wok*» – из двух слов «суши» и «wok». «*Wok*» – «a large, bowl-shaped pan that is used for frying Chinese food» (большая, выпуклой формы сковорода, которая используется для приготовления китайской еды); котелок с выпуклым днищем [8]. Сочетание данных слов, возможно, свидетельствует о том, что в меню входят блюда азиатской кухни, в числе которых суши и рецепты, для приготовления которых нужна специальная сковорода. «Суши Ешка» включает форму глагола повелительного наклонения с частицей -ка, выражающей смягчение или неформальность просьбы, или требование ускоренного выполнения. Название «*Центр Суши*» состоит из «центр» и «суши». Слово *центр* в четвертом значении – «место сосредоточения чего-нибудь, важный пункт чего-нибудь» [4, 874]. Скорее всего, указывает на местоположение заведения или особенности ассортимента. «*Часть Суши*» мотивирован словами «часть» («доля, отдельная единиц, на которую подразделяется целое» [4, 878]) и «суши». Скорее всего, данное словосочетание указывает на то, что в меню доставки значительную часть занимают суши; **пицца**: кафе-пиццерия «*Isola Pizza*», кафе «Like Pizza cut», кафе «Pizza Smile», доставка «*Presto Pizza*», ресторан итальянской кухни «*Арена Пицца*», *«Планета Pizza»* и т.п. Pizza – «a food made from a flat round piece of bread covered with cheese, vegetables, etc and cooked in an oven» (блюдо, приготовленное на круглом хлебом куске и покрытом сыром, овощами и т.п., и запечённом в духовке), пицца [8]. Пицца – вид итальянского быстровыпекаемого открытого пирога [5]. Название кафе-пиццерии «*Isola Pizza*» мотивировано двумя итальянскими словами: isola (остров [3, 435]) и pizza. Дословно: «Остров пиццы». Выбор такой номинации связан с тем, что заведение спе-

циализируется на итальянской кухне. «*Like pizza cut*» – дословно можно перевести как «кусочки пиццы, которые нравятся» или «похожие на кусочки пиццы», что обращено к форме подачи основного блюда. Кафе «*Pizza Smile*» мотивировано двумя английскими словами: smile (англ. улыбаться, улыбка [8]) и pizza. Дословно: «Пицца улыбается», возможно, выбор такого названия словесного каламбура необходим для привлечения клиентов. Доставка еды «*Presto Pizza*» включает в себя слова «presto» (ит. скоро, быстро [3, 680]) «pizza», дослов: «Скорая пицца». Указывает на то, что данное заведение заявляет, что доставка будет своевременной. «*Арена Пицца*» состоит из двух слов: «*арена*» и «*пицца*». Значение слова «арена» уже было рассмотрено (оба заведениями относятся к одной организации). Значение имеет связь тем, что ресторан специализируется на приготовлении блюд итальянской кухни; **пончики**: мини-кафе «*Витебские пончики*». Состоит из апеллятива «пончики» и имени прилагательного со значением принадлежности – «витебские». Пончики – «быстроваркие тестяные изделия из рыхлого, некрутого дрожжевого теста, имеющие форму баранок и обжариваемые во фритюре» [5]. Данное сочетание свидетельствует о специфике расположения заведения; **каравай**: кафе «*Каравай Прыдзвіння*». Каравай и *Прыдзвіння* (в переводе на русский «Придвинье» может означать территорию возле реки Западная Двина); **кексы**: кафе «*Кекс*». Кекс – «сдобное кондитерское изделие, имеющее рассеянную начинку в виде краплений в тесто изюма, цукатов или орехов» [5]. Такое название заведения мотивировано выбором блюд – тут подают различного рода десерты; **мороженое**: кафе «*Мороженое*» – «замороженное сладкое кушанье из сливок, сахара, сока ягод, ароматических веществ» [4, 366]. Мотивировано спецификой меню; **кебаб**: кафе «*Туркиш kebab*». *Туркиш* – транслитерация средствами русского языка имени прилагательного *турецкий* (указывает на специфику заведения), kebab – кебаб – «кусочки мяса, обжаренные на углях» [5]; **шоколад**: кафе «*Шоколад*». Шоколад – «готовое кондитерское изделие, приготовленное на базе какао-порошка, с добавлением других ингредиентов, улучшающих вкус и аромат шоколада, а также придающих ему более приятную, нежную консистенции» [5];

б) названия группы блюд (2): **десерты**: кондитерская «*Арена Десерто*». Компонент «арена» был рассмотрен ранее, «десерто» восходит к слову *десерт* – завершающее блюдо стояла [5]. Сочетание слов позволяет предположить, что название указывает на специализию заведения; **бисквиты**: кафе «*Бисквит*» – кондитерское тесто и «хлеб», приготовленный из муки, сахара и яиц [5]. Именование мотивировано типом блюд, которые здесь подают.

2. Мотивированного названиями компонентов, из которых готовятся блюда (9): а) **мясная гастрономия**: **курица:** ресторан быстрого обслуживания «*Funny Chicken*» состоит из двух слов: «funny» и «chicken». Funny – making you smile or laugh (англ. вызывающий у вас улыбку или смех), смешной [8]. Данный сетевой бренд имеет значение «весёлая курица», а в меню – множество блюд из куриного мяса. Компоненты названия изображены на вывеске;

б) **овощи, фрукты и ягоды (4)**: **перец пири-пири** – подвид острого перца чили: кафе-кофейня «*Piri Piri*». Сами владельцы заведения отмечают, что напрямую не хотели бы связывать название с перцем пири-пири, но указывают: данный ингредиент «становится отличным дополнением для принципиально разных блюд» [6]; **апельсин**: кафе «*Апельсиновый рай*»; **манго:** кафе «*Манго*»*;* **клюква**: кафе-кондитерская «*Клюква*». В меню есть ягодные десерты, на рекламных визитках клюква выступает символом;

в) **добавки к пище** (2): **сироп «Гренадин»**: бар «*Гренадин*». Данный сироп происходит от английского grenadine – a sweet liquid made from the juice of pomegranate and used of colour drinks and make them sweeter (сладкий ликёр, изготавливаемый из гранатового сока и используемый для окрашивания напитков, а также для того, чтобы сделать их слаще) [8]. Такое название указывает на богатое меню коктейлей и напитков в

баре, о чем свидетельствует и тип заведения; **чабор** (тимьян, чабрец): кафе «*Чабор*»; г) морепродукты: **осьминог** – молочный бар «*Осьминожка*». Название имеет уменьшительный суффикс. Скорее всего, связано с тем, что предлагают детское меню. В числе блюд есть название «Осьминожка» для обозначения сваренной сосиски с разрезанными по краям на четыре части концами [9].

3. Мотивированного названиями напитков (8) – **кофе** – напиток из кофейных зерен [30]: кофейня «*Coffee Like*», «*Coffee-Bar*», кофейня «*Quick Coffee*», «*Горячий кофе*», кофейня «*Кофе-Брейк*», кафе быстрого обслуживания «*Terrиtория Кофе*». В кофейне «*Coffee Like*» именование состоит из двух слов – like (похожий; нравится [8]) и coffee (кофе). Скорее всего, в переводе будет звучать, как «похожий на кофе» или «нравящийся кофе». «*Coffee-Bar*» состоит из слов coffee (кофе) и bar. *Bar* – place where alcoholic drinks are sold and drunk, or are behind the person serving the drinks (место, где продаются и распиваются алкогольные напитки, или место «позади обслуживающего напитками») [8]. Кофейня «*Quick Coffee*» мотивирована двумя составляющими: quick и coffee. Quick – doing something fast or taking only short time (сделать что-то быстро или за короткое время), быстрый [8]. Дословно сочетание переводится: «Быстрый кофе», что указывает на обслуживание. Кофейня «*Горячий кофе*» состоит из имени прилагательного «горячий» и существительного «кофе», что в словосочетании указывает на то, что кофейня предоставляет клиентам свежеприготовленные напитки. Используемое для названия кофейни выражение «*Кофе-Брейк*» означает в английском – coffee break – a short rest from work in the morning or afternoon (небольшой перерыв на работе между утром и обедом) [8]. Может указывать на то, что в данном кафе можно отдохнуть за чашкой кофе. «*Terrиtория Кофе*» – *территория* (как некоторое пространство) + *кофе*. В слове территория для привлечения внимания буквы «р» передаются при помощи средств английского языка – r. Данное название можно мотивировать тем, что в кафе подают различные виды кофе; кофейного напитка – **капучино**: кофейня «*Kapuchino.by*». Именование данного заведения было представлено в виде веб-страницы для привлечения внимания и указания на доступность меню в режим «on-line».

4. Предназначением заведения (6): а) **заведение, где лепят пельмени**: закусочная «*Пельменная*». Пельмени – «род маленьких пирожков из пресного теста с мясной начинкой, употребляется в варёном виде» [4, 498]; б) **варят кофе** – «*Кавярня*», «*Кофейня*». «*Кавярня*» является белорусским вариантом названия *кофейни* – маленького ресторана с продажей кофе [4, 301]; в) **готовят сосиски**: закусочная «*Сосисочная*». Сосиски – «небольшая тонкая колбаска, употребляемая обычно в варёном виде» [4, 750]; г) **подают пиво:** кафе-бар «*Бирхаус*». Эргоним состоит из двух слов, переданных посредством калькирования: бир – beer – an alcoholic drink made from grain, or glass or container of this drink (алкогольный напиток, изготовленный из солода, или бокал, или бутылка этого напитка), пиво; хаус – house – a building where people live <…> (здание, где живут люди <…>), дом [8]; the place where a particular business or activity happens (место, где проводят бизнес- или развлекательные мероприятия), заведение, фирма [8]. Дословно: «Пивной дом» / «Дом пива»; д) **подают чай** – кафе «*Чайхана*»; е) **«небольшой трактир, кабачок**» [4, с. 786] – **таверна**: бар «*Таверна*»; ж) **готовят блюда из картофеля**: закусочная «*Бульбяная*».

5. Вкусовые ощущения (3): кафе «*Со вкусом*» состоит из предлога «со» и имени существительного «вкус» – «ощущение на языке, во рту или свойство пищи, являющееся источником этого ощущения» [4, 86]. Кафе «*Vero gusto*» (итал. «Очень вкусно»). Закусочная «*Смак*» («приятное вкусовое ощущение» [4, 734]).

6. О людях, чья деятельность связана с пищей, и характеристиках человека (3): **гурман**: кафе «Гурман». Гурманом называют «любителя и ценителя изысканной пищи» [4, 149]. Название может значить, что блюда данного заведения предназначены для искушенных клиентов и что оно может обслужить всех; **кулинар**: закусочная «*Кулинар*».

Кулинар – человек, искусный в приготовлении кушаний [4, 313]; **хмельной**: бар «*Хмельной кучер*». *Хмельным* называли пьяного человека [7, 249]. *Кучер* – слуга, рабочий, который правит лошадьми в экипаже [4, 315]. Указывается на специфику заведения.

7. Способы приготовления: **гриль**: «*Арена Гриль*». Значение первого компонента было представлено ранее, второго – *гриль* – «способ приготовления на разного рода жарящих и запекающих устройствах <…> мяса, рыбы <…>, нанизанных на вертел», «прибор для изготовления кушанья таким образом», «кушанье, приготовленное таким способом» [1, 35]. Сочетание можно интерпретировать основным способом приготовления пищи; мотивированные **общим** названием, связанным с приготовлением пищи, – кафе «*Кулинария*».

9. Связанное с общим названием – *пачастунак* (угощение) – «*Пачастунак*».

Из анализа материала следует, что большая часть названий заведений общественного питания и доставки еды мотивирована названиями блюд и напитков. Было проанализировано 25 названий, мотивированных конкретными и общими названиями блюд, 10 – компонентами блюд, 8 – названиями горячих напитков.

Названия заведений общественного питания и доставки еды мотивированы наименованиями блюд и напитков, получивших распространение в современном мире. Из первой группы больше всего названий с основами **суши-**: «*Top Suchi*», «*Арена Суши*». «*Часть Суши*», и **пицц-** : «*Isola Pizza*», «*Presto Pizza*» (2), *«Планета Pizza»* и т.п. Из компонентов блюд чаще всего встречается с мотивирующей основой **куриц-**: *«Funny Chicken»*, среди напитков – со словом **кофе**: «*Coffee Like*», «*Coffee – Bar*», «*Quick Coffee*», «*Горячий кофе*», «*Terrитория Кофе*» и т.п.

Таким образом, изучение данных ономастических единиц позволило решить поставленные задачи, углубить и расширить знания о группе слов, составляющих термин «пищевая лексика», изучить семантику именований.

Дальнейшие исследования помогут детально изучить особенности и пищевые традиции населения Витебщины, расширить социокультурный портрет региона и выявить новые темы и объекты для изучения.

Литература

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под. ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : Русский язык, 2000. – 1209 с.
2. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : БГУ, 1974.
3. Зорько, Г. Ф. Большой итальяно-русский словарь / Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзел, Н. А. Скворцова. – М. : Русский язык, 2002. – 1018 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е. – М. : Российская академия наук. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Похлёбкин, В. В. Кулинарный словарь от А до Я / В. В. Похлебкин // Кулинарная книга рецептов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rus-food-recipes.ru. – Дата доступа : 01.03.2017.
6. Почему Piri Piri / Coffee Station Piri Piri [Электронный ресурс]. – 2015–2017. – Режим доступа : http://piri-piri.by/about.html. – Дата доступа : 14.04.2017.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 4 / М. Фасмер // Некоммерческая электронная библиотеке «ImWerden» [Электронный ресурс]. – 1987. Режим доступа : http://imwerden.de/publ-1098.html. – Дата доступа : 08.01.2017.
8. O'Shea, S. Cambridge Learner's Dictionary: English-Russian / S. O'Shea // Cambridge university press [Electronic resource]. – Camridge university press, 1992–2017. – Mode of access : http://dictionary.cambridge.org/ru. – Date of access : 19.04.2017.
9. Carte.by: Ресторанный портал [Электронный ресурс] / Vitebsk.biz. – Витебск, 2014-2017. – Режим доступа : http://carte.by. – Дата доступа : 11.02.2017.
10. Relax.by [Электронный ресурс] / ARTOX. – Минск, 2006–2017. – Режим доступа : http://relax.by. – Дата доступа : 10.02.2017.

A. A. Pechankova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: anastasia4366@rambler.ru

Semantic features of the names of catering establishments and food delivery based on food vocabulary

Key words: onomastics, semantic analysis, food vocabulary, ergonyms, names of public catering establishments, Belarussian Lake District.

The article reveals the semantic features of the names of catering and food delivery establishments, identifies the main groups by semantics based on food vocabulary; the necessity of studying the names of catering and food delivery establishments; materials can be used in onomastic studies and in classes in the Russian language.

Т. В. Солодовникова, Р. Г. Остапчук
Белорусский государственный университет
e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com

УДК 81-13+32.019.05+316.77

Структурно-семантические особенности дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы в Республике Беларусь[1]

Ключевые слова: дискурс, реклама, инструмент, воздействие, структура, семантика.

В статье выявляются структурно-семантические особенности дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы. Устанавливается специфика композиционного строения рекламных текстов, тяготеющих к аналитизму, поликодовости и семиотической осложненности.

Роль рекламы и, следовательно, рекламного дискурса сложно недооценить. Рекламный дискурс сегодня – это мощный инструмент воздействия как на индивидуальное, так и на общественное сознание. Современные исследователи отмечают, что общество осмысляет реальность посредством рекламных текстов, продуцирует информацию, основанную на её прецедентах, само трансформируется под воздействием рекламного дискурса, формируя тем самым новую экономическую, политическую и социальную реальность (С. А. Дзикевич, Е. Ю. Кармалова, А. В. Ульяновский, М. В. Терских и др.).

Ряд российских исследователей полагают, что «современный рекламный дискурс – это институциональный дискурс, ориентированный на продвижение товаров и услуг на рынке и в соответствии с этим в явной или неявной форме пропагандирующий ценности и установки общества потребления, а также определённый стиль жизни» [1]. Согласно Ж. Бодрийяру, это общество, в котором потребление стало главным содержанием общественной жизни, отодвинув на второй план накопление и производство. «У потребления нет пределов. Если бы оно было тем, чем его наивно считают, – поглощением-пожиранием благ, – то рано или поздно наступило бы пресыщение. <…>

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ № № Г18МС-003 от «30» мая 2018 г. «Прагматические и структурно-семантические характеристики дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы (на материале франко-, русско- и белорусскоязычных текстов)».

Потребление именно поэтому столь неистребимо, что это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет более ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности» [3, 112]. И в утверждении подобных моделей поведения рекламный дискурс сыграл далеко не последнюю роль. Основная его задача видится в создании альтернативной реальности, в которой, по Ж. Бодрийяру, нет предела насыщения, поскольку потребление уже соотносится не с конкретными вещами, а с культурными знаками, обмен которыми происходит непрерывно.

Рассматривая рекламный дискурс как одну из форм коммуникации, находим любопытное определение, данное группой авторитетных американских экспертов: реклама – это «оплаченная, неличная коммуникация, которая осуществляется идентифицированным спонсором и использует средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [8, 33].

По мнению А. В. Овчаренко, рекламный дискурс – «одна из социальных сфер, где естественный язык и невербальные средства коммуникации используются в целях коммуникативного воздействия» [5, 141].

Будучи манипулятивным по существу, рекламный дискурс активно использует системы институциональных и общечеловеческих потребностей, наиболее релевантных для среднестатистического адресата, формируя при этом альтернативную, идеалистическую реальность.

Как следует из названия, в данном исследовании объединены и рассматриваются в рамках одной функционирующей системы три вида рекламного дискурса – политический, коммерческий и социальный. Предложенный подход, на наш взгляд, является правомерным по следующим причинам:

во-первых, все эти три вида дискурса представляют собой ядро современной коммуникации и, тем самым, покрывают все основные потребностные сферы деятельности общества (потребность в воспроизводстве, в безопасности и социальном порядке, в средствах существования, в образовании и социализации, в решении духовных проблем);

во-вторых, все эти три вида дискурса могут взаимопереплетаться и мимикрировать один под другой. Причём не только гипотетически, но и практически;

в-третьих, все эти три вида дискурса являются наиболее мощными инструментами манипулятивного, а где-то и очевидно спекулятивного, воздействия на человеческое сознание;

в-четвёртых, все эти три вида дискурса являются мощным инструментом современного информационного оружия.

Специфичность тематики рекламы определяется основными отраслевыми направлениями, многообразием семантического наполнения референциальных значений рекламного текста, а также чёткой сегментацией и таргетированием потенциального потребителя.

Что касается композиционного строения, классическая структура рекламного текста может включать в себя: заголовок (или слоган – особенность коротких рекламных сообщений); подзаголовок; зачин; непосредственно текст рекламного предложения; заключение, или прескриптор (заключение подводит покупателя к мысли о необходимости совершить покупку, а прескриптор – совет, инструкция, рекомендация, пожелание); слоган – рекламный девиз; адресные данные, номер лицензии; автор публикации [4].

Обращаясь к конкретным рекламным текстам, обнаруживаем, что структурные компоненты могут в значительной степени варьироваться в зависимости от цели сообщения и, следовательно, вида рекламного дискурса. Так, например, тексты коммерческой рекламы структурно-композиционно являются наиболее короткими по сравнению с текстами политической или социальной рекламы. Зачастую достаточно лишь названия товара и реквизитов в сочетании с изображением.

В свою очередь, именно тексты социальной рекламы в Беларуси характеризуются композиционным разнообразием: *Я сортирую отходы, потому что забочусь о будущем*

своих детей! Иван. Бизнесмен. Узнай больше! TARGET99.by (на красном фоне фото мужчины в костюме); Чемпион в рывке через дорогу. Беспечность на дороге вредит здоровью. Госавтоинспекция МВД Республики Беларусь (на фоне фото девушки с костылём и травмированной шеей); наркотики – это не путь, ЭТО ТУПИК! КОНЕЦ и т. д.

Что же касается текстов политической рекламы, то, как нами уже было отмечено [6; 7], дискурс политической рекламы подразумевает развитую политическую систему с формированием партий, основанных на определённой электоральной базе. В Республике Беларусь в результате переходного характера общества, национальное государство сформировалось в начале 90-ых гг. на фоне деградации экономической и социально-политической системы распавшегося СССР, избрание первого Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко было основано на формировании социально-классовой группировки, в которую вошли все, кто не был согласен с грабительской формой капитализма, сложившейся в тот момент в стране. В результате этих обстоятельств получается, что социальная реклама, проводимая в Республике Беларусь, выражает интересы большинства населения и начинает выполнять функции политической рекламы. Таким образом, реклама *«Вместе за светлое будущее»* или *«Берегите лес»* отражает направления политики государства. И пока у нас не сложилась политическая система общества – а для этого потребуется ещё несколько десятилетий (в этой связи уместно вспомнить опыт Великой французской революции в истории формирования партий в современной Франции), – в условиях современной модернизации экономики нужна сильная власть, способная концентрировать ресурсы, не допустив при этом обнищания населения. В этих условиях говорить о развитом дискурсе политической рекламы в нашей стране – причём как на русском, так и на белорусском языке – не представляется возможным,. Как уже указывалось выше, он либо является имитационным (социальная реклама приобретает политический характер), либо носит фэйковый характер (как результат распространения ложной информации политического свойства посредством разнообразных каналов связи).

Говоря о семиотической осложнённости рекламного дискурса, имеем в виду паралингвистические компоненты: иконические (товарные знаки, рисунки, фотографии), шрифтовые, цветовые, пространственно-композиционные.

По мнению исследователя зарубежной рекламы Е. Е. Анисимовой, «семиотически осложнённые тексты предъявляют к коммуникативной компетенции участников общения следующие требования: синтетическое восприятие текста; умение кодировать декодировать информацию, передаваемую знаками разных семиотических систем; наличие эстетического вкуса; часто наличие специальной подготовки» [2].

Экономия языковых средств проявляется в рекламных текстах в стремлении к аналитизму, лаконичности, проявляющихся в субстантивности текста, использовании телеграфного стиля, употреблении словосочетаний вместо предложений; как следствие экономии языковых средств наблюдаем использование языка в паралингвистическом окружении. В большей степени экономии языковых средств подвержен дискурс коммерческой рекламы.

Принимая во внимание поликодовую природу рекламных текстов, а также креолизованный их характер, к наиболее явным структурно-семантическим особенностям этих коммуникативно-речевых произведений следует отнести специфичность тематики, особенности композиции, семиотическая осложнённость, экономия языковых средств.

Литература

1. Амири, Л. П. Рекламный дискурс и рекламный текст / Л. П. Амири и др. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 294 с.

2. Анисимова, Е. Е. Коммуникативно-прагматические нормы семиотически осложненных текстов / Е. Е. Анисимова // Нормы человеческого общения. Тезисы докладов межд. научн. конф. (16 – 18 сентября 1997 года). – Н. Новгород : НГЛУ, 1997. – С. 4–5.

3. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 2001. – 224 с.

4. Костромина, Е. А. Структурно-семантические особенности рекламных текстов : На примере материалов нижегородской прессы : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Е. А. Костромина // DisserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа : https : //www. dissercat. com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-reklamnykh-tekstov-na-primere-materialov-nizhegorodsko. – Дата доступа : 22.01.2020.
5. Овчаренко, А. Н. Основы рекламы : учебник для студентов вузов / А. Н. Овчаренко. – М., 2006. – 495 с.
6. Солодовникова, Т. В. Дискурсивные инструменты социальной, коммерческой и политической рекламы / Т. В. Солодовникова // Учёные записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. науч. трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 239–243.
7. Солодовникова, Т. В. Дискурс коммерческой, политической и социальной рекламы в фокусе современных стратегических исследований / Т. В. Солодовникова // Аудиовизуальные медиа в условиях трансформации социо-культурной среды : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 апр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. В. Г. Булацкого. – Минск : БГУ, 2019. – С. 143–146.
8. Уэллс, У. Реклама: принципы и практика : пер. с англ. / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб. : Издательство «Питер», 1999. – 736 с.

T. V. Saladounikava, R. G. Astapchuk
Belarusian State University
e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com

Keywords: discourse, advertising, instrument, impact, structure, semantics.

The article reveals the structural and semantic features of the discourse of social, political and commercial advertising. The specificity of the compositional structure of advertising texts is established, gravitating to analytics, polycodicity and semiotic complexity.

Е. Я. Титаренко
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
e-mail: elenatit@mail.ru

УДК 811.161.1

О влиянии родного языка и региона проживания на содержание образов языкового сознания индивидуума (по материалам ассоциативного эксперимента в Республике Крым)[1]

Ключевые слова: родной язык, ассоциативный эксперимент, языковое сознание.

В статье рассмотрены особенности образов языкового сознания индивидуума в зависимости от родного языка и региона проживания на материале семантических гештальтов слов-стимулов «вор» и «коррупция».

Субъективный образ объективного мира каждого конкретного индивидуума формируется на основе многих факторов, в числе которых важное место занимает родной язык и родная культура, а также место (и, конечно, историческое время) постоянного проживания носителя языка, взаимодействие с другими языками и культурами в конкретном регионе.

Теоретической основой нашего исследования является концепция языкового сознания, разработанная Московской психолингвистической школой (Ю. Н. Караулов, Н. В. Уфимцева и др.), опирающейся на психологическую теорию деятельности

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

А. Н. Леонтьева и культурно-историческую теорию формирования психики Л. С. Выготского. Подход к исследованию языкового сознания с этих позиций методологически является наиболее корректным, языковое сознание в рамках данного подхода определяется как «отражение деятельности в её обусловленности психическими (когнитивными) процессами и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака» [1, 233].

Материалом исследования являются слова-реакции (ассоциаты) на определённые слова-стимулы, полученные в результате массового свободного ассоциативного эксперимента, проведённого в Республике Крым среди молодых людей (социальная группа «студент»), постоянно проживающих на территории Крыма и осознающих себя этническими русскими. Методика проведения эксперимента разработана и успешно апробирована коллективом учёных сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН под руководством профессора Н. В. Уфимцевой. Результатом исследований являются электронные базы данных, статьи и коллективные монографии (см. [4] и др.), региональные ассоциативные словари [3; 5].

Целью статьи является сравнение образов языкового сознания крымчан и жителей других регионов России (европейской части, Сибири и Дальнего Востока) на примере семантических гештальтов двух слов-стимулов: ***вор*** и ***коррупция***.

В ходе проведения массового эксперимента в Крыму было собрано более 3000 анкет, которые составили электронную базу данных будущего русского регионального ассоциативного словаря крымчан. Назовём его условно КРАС – по аналогии с сокращёнными названиями ранее опубликованных словарей СИБАС [5] и ЕВРАС [3]. Для каждого слова-стимула по методу Ю. Н. Караулова строятся семантические гештальты. Обработке подвергаются ответы (слова-реакции) с частотностью два и более; единичные реакции (1 ответ из 3000 анкет) в семантический гештальт не входят. В словарях ЕВРАС и СИБАС количество опрошенных было более 5000, поэтому в нашем анализе семантических гештальтов по всем трём базам данных мы оперируем не абсолютными числами (количеством реакций), а их процентным соотношением.

В структуре семантического гештальта выделяются зоны и субзоны. При распределении слов-реакций на зоны мы ориентировались прежде всего на грамматику (в частности, частеречную принадлежность), при формировании субзон – на семантику. В каждом гештальте были выделены общие зоны: СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, ХАРАКТЕРИСТИКА, ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ, ЛОКУС, ЭГО, ФЕ (устойчивые сочетания: клише, паремии, фразеологизмы), ПРОЧИЕ (см. [1, 235]): субзоны в гештальтах различаются.

Рассмотрим распределение слов-реакций по семантическим зонам в ассоциативном гештальте слова-стимула ***вор*** по данным опроса крымчан (см. таблицу 1).

Таблица 1

Семантическая зона	Семантическая субзона	Реакции	% в семантическом гешальте
СУБЪЕКТ	человек коллектив	преступник, грабитель, мошенник, жулик, злодей, карманник, человек, депутат, негодяй, политик, убийца, форточник полиция	26,3 %
ОБЪЕКТ	причина атрибуты синонимы	закон, злость, деньги маска, кошелёк, мешок кража, преступление, грабеж, ограбление	25,3 %

ХАРАКТЕРИ-СТИКА	положит. отрицат. нейтральн.	– плохой, плохо, хитрый, зло, злой, наглый опасный, чёрный, нечестный	14,5 %
ДЕЙСТВИЕ		пойман, наказан	2,4 %
ЛОКУС		тюрьма, дом	9,6 %
ВРЕМЯ		–	
ЭГО		–	
ФЕ		в законе, не пойман	22,4 %
ПРОЧИЕ		–	

В таблице 2 приводятся данные распределения ассоциатов по семантическим зонам в трёх словарях – трёх регионах России: ЕВРАС – Европейская часть, СИБАС – Сибирь и Дальний Восток и Крым.

Таблица 2

семантическая зона	СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
СУБЪЕКТ	36,5 %	37,6 %	26,3 %
ОБЪЕКТ	23 %	19 %	25,3 %
ХАРАКТЕРИСТИКА	10,7 % положительная 1,4 % отрицательная 7,6 % нейтральная 1,7 %	10,2 % положительная 1 % отрицательная 7,7 % нейтральная 1,5 %	14,5 % положительная – отрицательная 12,5% нейтральная 2 %
ДЕЙСТВИЕ	1,4 %	3,4 %	2,4 %
ЛОКУС	11,2 %	11,4 %	9,6 %
ВРЕМЯ	1,1 %	–	–
ФЕ	15,6 %	17,8 %	22,4 %
ПРОЧИЕ	0,8 %	–	–

Как видим, семантическая зона СУБЪЕКТ в ассоциативном гештальте слова-стимула **вор** у крымчан составляет 26,3 % и немного превышает зону ОБЪЕКТ (25,3 %), в отличие от других регионов, где зона СУБЪЕКТ значительно превышает зону ОБЪЕКТ (СИБАС – в 1,6 раза; ЕВРАС – почти в 2 раза).

Наибольшее разнообразие реакций в зоне СУБЪЕКТ наблюдается в словаре ЕВРАС – 24 слова-реакции (не считая единичных), среди которых есть «специализация» из воровского сленга (*медвежатник, форточник, домушник)*, слова с негативной коннотацией (*идиот, дурак, сволочь, бандит, зек*), однако нет политических ассоциатов.

В словаре СИБАС слов-реакций меньше (20), но только в этом списке появляются реакции *крыса, гад**,** козел, урод* и даже *Путин*.

В Крыму меньше всего слов-реакций в зоне СУБЪЕКТ – 13, но в их числе есть «*политик*», «*депутат*», «*полиция*» и «*злодей*», что свидетельствует о б***о***льшей политизированности крымчан и их негативной оценке политиков и полиции.

В зоне ХАРАКТЕРИСТИКА крымчане дали стимулу **вор** намного больше реакций с отрицательной оценкой (12,5 % против 7,7 % в других регионах), положительной характеристики этот ст имул в Крыму вообще не получил, в отличие от других регионов, где от 1 % до 1,4 % составили реакции ***честный, молодец*** (СИБАС) и ***искусный, ловкий*** (ЕВРАС).

Зона «ФЕ» в семантическом гештальте **вор** у всех молодых людей представлена самой частотной реакцией ***в законе,*** в Сибири к этому добавляется реакция ***редиска,*** а в ЕВРАС ***редиска, нехороший человек*** (из к/ф «Джентльмены удачи»)**.**

В таблице 3 представлены наиболее частотные реакции на стимул **вор** по трем словарям (по мере убывания частотности):

Таблица 3

СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
в законе 14,8 %	в законе 16,1 %	в законе 21,4 %
преступник 10,1 %	тюрьма 9,5 %	преступник 9 %
тюрьма 9,5 %	преступник 8,8 %	тюрьма 8, 6%
кража 5,6%	кража 7,6 %	закон, кража 5,7 %
грабитель 4,5 %	карманник 3,9 %	деньги, плохой 3,8 %
закон 3,9 %	грабитель, мошенник 3,4 %	плохо, мошенник, преступление 3,3 %
карманник, мошенник 3,1 %		

Здесь мы видим общие ассоциаты во всех регионах: первые четыре реакции – ***в законе, преступник, тюрьма, кража***.

В ЕВРАС и СИБАС в число частотных реакций попадают также ***грабитель мошенник***, ***карманник***. В Крыму только реакция ***мошенник*** превышает 3 %, две другие в число частотных реакций не попадают (***грабитель*** – 2,4 %; ***карманник*** 1,4 %). Кроме этого, в Крыму являются частотными реакции ***деньги, плохой, плохо*** (все эти реакции есть и в других регионах, но с меньшей частотностью).

Таким образом, в языковом сознании крымчан **вор** – это не только ***преступник, грабитель***, ***мошенник, жулик, злодей***, ***карманник, негодяй, убийца***, но и ***депутат, политик, человек***.

Характеризуется **вор** только отрицательно (***плохой, плохо, хитрый, зло, злой, наглый, опасный***), он должен быть ***пойман***, ***наказан***, его место – ***тюрьма.***

Реакции ***опасный, наказан, кошелёк***, ***злость, полиция***, а также, как уже было сказано, ***злодей, депутат, политик*** в других региональных словарях являются единичными и поэтому не входят в семантические гештальты стимула **вор.**

Рассмотрим семантический гештальт слова-стимула **коррупция** (таблица 4)**.**

Таблица 4

Семантическая зона	Семантическая субзона	Реакции	% в семантическом гешальте
СУБЪЕКТ	человек коллектив	депутат / депутаты, чиновник / чиновника / чиновники; л люди, полиция, правительство	12,2 %
ОБЪЕКТ	причина, следствие цель, атрибуты сфера оценка	власть, закон, наказание, жадность, преступление, статья, тюрьма деньги; взятка / взятки жизнь, политика зло, несправедливость, обман, подлость, ужас	57,5 %
ХАРАКТЕРИСТИКА	положит. отрицат. нейтральн.	– плохо, много –	6,8 %
ДЕЙСТВИЕ СОСТОЯНИЕ	действие состояние	процветает нет, не нужна	3,4 %
ЛОКУС		Россия / в России, везде, в стране / страна, государство	20,3 %

В данном гештальте основную семантическую зону составляет ОБЪЕКТ (57,5 %), зоны ВРЕМЯ, ЭГО, ФЕ, ПРОЧИЕ не представлены. В других регионах также отсутствуют зоны ВРЕМЯ, ЭГО (см. таблицу 5).

Таблица 5

семантическая зона	СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
СУБЪЕКТ	16,7 %	15,1 %	12,2 %
ОБЪЕКТ	66,1 %	57,2 %	57,5 %
ХАРАКТЕРИСТИКА	5 % положительная – отрицательная + нейтральная +	4 % положительная + отрицательная + нейтральная +	6,8 % положительная – отрицательная + нейтральная –
ДЕЙСТВИЕ	2,7 %	4,7 %	3,4 %
ЛОКУС	9,3 %	17 %	20,3 %
ФЕ	–	1,2 %	–
ПРОЧИЕ	0,6%	–	–

В семантической зоне СУБЪЕКТ **коррупция** ассоциируется у жителей всех трёх регионов с ***чиновником / чиновниками*** и ***правительством***. У крымчан в этой зоне упоминаются также ***депутат / депутаты*** и ***полиция***. В целом зона СУБЪЕКТ в гештальте КРАС занимает меньшую долю (12,2 %), чем та же зона в словарях ЕВРАС и СИБАС (15,1 % и 16,7 %).

Семантическая зона ОБЪЕКТ занимает основное место в ассоциативном гештальте стимула **коррупция**, особенно у жителей Сибири и ДВ (66,1 %). Общими для всех регионов в этой зоне являются ассоциаты ***деньги*** (цель коррупции), ***взятки*** (основной атрибут коррупции), ***политика*** (сфера коррупции), ***преступление, обман, зло*** (оценка). Общей является также реакция ***власть / власти***, весьма частотная. Эта реакция может быть истолкована двояко: и как субъект коррупции (особенно в форме Р. п. ***власти*** – *коррупция власти*) и как объект, так как власть является и причиной, и следствием, и источником коррупции.

Зона ХАРАКТЕРИСТИКА составляет относительно небольшой процент в данном семантическом гештальте (от 4 до 6,8 %), основной ассоциат здесь – ***плохо***. Положительную характеристику (***хорошо***) стимул **коррупция** получает в ЕВРАС. В Крыму характеристика коррупции только отрицательная.

В зоне ДЕЙСТВИЕ общей реакцией для всех регионов является ассоциат ***процветает***. Зона ЛОКУС составляет 20,3 % в КРАС, чуть меньше в ЕВРАС (17 %) и гораздо меньше в СИБАС (9,3 %). Общими реакциями являются ***Россия / в России***, ***везде, в стране.***

Самой частотной реакцией в каждом из регионов является ассоциат ***деньги***, причём в Крыму эта реакция более чем в два раза превышает все другие, которые следуют за ней (20,3 % против 8,7 %), почти в два раза превышает ту же реакцию в ЕВРАС (20,3 % против 12,2 %) и является, таким образом, доминирующей ассоциацией на слово-стимул **коррупция** (см. таблицу 6).

Таблица 6

СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
деньги 14,6 %	деньги 12,2 %	деньги 20,3 %
власть 9,1 %	власть 10,2 %	взятка 8,7 %
взятка 7 %	взятка 7,2 %	Россия 6,8 %
взятки 5 %	Россия 5 %	везде, власть 6,3 %
плохо 4,4 %	везде 4,7 %	плохо 5,8 %
обман, чиновники 3,8 %	взятки 4,5 %	зло 4,8 %
Россия 3,5 %	чиновники 3,5 %	
везде, зло, преступление 3,2 %	чиновник 3,2 %	
чиновник 2,9 %	зло 3 %	

Первые три реакции на стимул «коррупция» в СИБАС и ЕВРАС совпадают: ***деньги, власть, взятка.*** В Крыму первые три места занимают реакции: ***деньги, взятка, Россия***. Однако в данном семантическом гештальте есть весьма частотные реакции, представляющие одно и то же слово в разных грамматических формах, например: ***взятка / взятки; Россия / в России, страна / в стране*** и др.

С учётом этого мы составили более верный, на наш взгляд, список частотности реакций по всем трем регионам (см. таблицу 7).

Таблица 7

СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
деньги 14,6 %	деньги 12,2 %	деньги 20,3 %
взятка / взятки 12 %	взятка/ взятки 11,7 %	взятка / взятки 9,7 %
власть/ власти 9,7 %	власть / власти 12,7%	Россия / в России 8,2 %
чиновники/ чиновник 6, 7 %	чиновники / чиновник 6,7 %	чиновники / чиновник / чиновника, везде, власть 6,3 %
плохо 4,4 %	Россия / в России 6 %	
Россия / в России 4,1 %	везде 4,7 %	плохо 5,8 %
обман 3,8 %	зло 3 %	зло, страна / в стране 4,8 %
везде, зло, преступление 3,2 %		

Оказалось, что первые два места в семантическом гештальте **коррупция** во всех регионах занимают реакции ***деньги*** и ***взятка / взятки***. Далее следуют слова-реакции ***власть/ власти***, ***чиновник / чиновники / чиновника*** и ***Россия / в России***. Все респонденты оценивают коррупцию как ***зло***, распространённое ***везде,*** у крымчан в зоне ЛОКУС также частотной является реакция ***страна / в стране***. В словаре СИБАС и КРАС частотной является характеристика ***плохо***.

Таким образом, **коррупция** в языковом сознании молодых россиян – это прежде всего ***деньги, взятки, власть***, занимаются коррупцией ***чиновники (власти***), всё это происходит ***в России*** (***в стране, государстве***), ***везде*** и вызывает негативную оценку – ***плохо, зло***. Ассоциат ***деньги*** в Крыму является доминирующим (в других регионах реакции *деньги* и *взятки* распределены почти поровну).

Выводы. Образы языкового сознания крымчан в определённой степени отличаются от образов языкового сознания носителей русского языка, проживающих в других регионах. На примере ассоциативных гештальтов двух слов-стимулов можно видеть, что крымчане более политизированы и критически настроены: в семантической зоне СУБЪЕКТ стимулы вор и коррупция вызывают ассоциации с *политиками, чиновниками, властью, депутатами* и *полицией.* Так, реакция *депутат/депутаты* на стимул коррупция в Крыму набрала 2,9 %, в СИБАС – 0,6 %, в ЕВРАС – 0 %. Та же реакция на стимул вор в Крыму составила 1 %, в ЕВРАС и СИБАС отсутствует.

При этом зона СУБЪЕКТ у крымчан выражена значительно менее разнообразно, чем в СИБАС и особенно ЕВРАС (количество неединичных реакций: 5 на стимул **коррупция**, 13 на стимул **вор**) и занимает меньший % в ассоциативном гештальте.

Отличительной особенностью крымчан является также исключительно негативная реакция-характеристика на слова-стимулы **вор** и **коррупция** (в других регионах стимул **вор** получает и положительную характеристику).

Анализ наиболее частотных реакций показывает большее сходство всех респондентов на анализируемые в статье стимулы. Так, на стимул **вор** во всех трёх регионах первые четыре реакции – ***в законе, преступник, тюрьма, кража***. На стимул **коррупция** в первой четвёрке реакций во всех регионах ***деньги, взятки, власть, чиновники*** (в разных словоформах). Однако и здесь есть региональные особенности: реакция ***деньги*** у крымчан в процентном отношении значительно превышает ту же реакцию в ЕВРАС и СИБАС (см. таблицы 3, 7). Реакция ***Россия / в России*** на стимул **коррупция** в Крыму

занимает третье место по частотности, а в других регионах – только 5 и 6. Наконец, крымчане более единодушны в своих реакциях: частота первой реакции более чем в два раза превышает частотность второй. В других регионах разница между этими реакциями составляет 0,5 – 6 % (см. таблицы 3 и 7).

Таким образом, у нас есть основания утверждать, что регион проживания оказывает влияние на содержание образов языкового сознания как индивидуума, так и языкового коллектива – носителя общего (родного) языка. При этом есть и общая когнитивная база у представителей одного народа и единого родного языка, вне зависимости от региона проживания, что сказывается в общих реакциях, устойчивых ассоциациях, таких как: **вор** – ***в законе***; **коррупция** – ***деньги, взятки***.

Литература

1. Балясникова, О. В. Язык, культура и региональное языковое сознание / О. В. Балясникова [и др.] // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 232–250.
2. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.
3. Уфимцева, Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. – М. : Московская международная академия, 2018. – Т. 1 : От стимула к реакции / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – 544 с.
4. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния : коллективная монография / Н. В. Уфимцева [и др.] ; под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Ярославль : Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.
5. Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток): в 2. т. – М. : Московский институт лингвистики, 2014. / Т. 1 : От стимула к реакции / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко ; отв. ред. Уфимцева Н. В. – 537 с.

E. Ya. Titarenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: elenatit@mail.ru

About the influence of the native language and region of residence at the content of images of the individual's language consciousness (based on the materials of the Associative experiment in the Republic of Crimea)

Keywords: native language, associative experiment, language consciousness.

The article considers the features of images of the language consciousness of an individual dependin on the native language and region of residence on the material of semantic gestalts of the words-stimuli “thief” and “corruption”.

ОСМЫСЛЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Я. К. оглу Алхасов
Бакинский славянский университет (Азербайджан)
e-mail: a-yashar@rambler.ru

УДК 811.161.1’243

К вопросу о содержании обучения русскому языку как иностранному

Ключевые слова: куррикулум, русский язык как иностранный, содержание обучения, языковое образование.

Современное образование охватывает такие ценности, как язык, менталитет, национальные традиции и обычаи и т. д. Ныне школьное образование в Азербайджане осуществляется в рамках куррикулума, при котором основное внимание направлено на определение и описание системы ожидаемых результатов обучения Содержание обучения РКИ при куррикулярной модели обучения представлено в виде лаконично и ёмко сформулированных общих результатов обучения (ключевых компетенций).

Ныне школьное образование в Азербайджане перешло на наиболее эффективную модель – куррикулум, при которой основное внимание направлено на определение и описание системы ожидаемых результатов. При таком образовании учебный процесс основан на попытках достижения определённых конкретных результатов, характеризующих результаты обучения конкретного ученика. Другими словами, за объект обучения принимается не содержание образования, что являлось характерным для советской образовательной системы, а результаты обучения в виде приобретённых базовых компетенций выпускника школы как цели образования [1; 5].

Современное образование охватывает такие ценности, как язык, менталитет, национальные традиции и обычаи и т. д. Формирование этих ценностей как конечная цель и обучения иностранным языкам предусматривает реализацию определённых подходов, таких, как личностно ориентированный, деятельностный, коммуникативно-когнитивный, социокультурный/межкультурный, а также компетентностный подходы. Содержание языкового образования в Азербайджане, конкретно обучения русскому языку как иностранному (РКИ) ориентировано на образование, воспитание и развитие личности школьника средствами изучаемого изучаемого языка. Личностная ориентация содержания языкового образования, его практическая направленность предусматривают:

– учёт возрастных особенностей учащихся на каждой ступени обучения, их интересов, возможностей и потребностей, что проявляется в отборе предметного содержания речи, которое соотносится с реальными проблемами и реальными сферами общения (семейно-бытовой, учебно-трудовой и социокультурной);

– опору на принципы дифференциации и индивидуализации обучения;

– постановку ученика в ситуацию выбора при использовании учебного материала, форм работы, а также при разноуровневом обучении на старшей ступени;

– формулировку требований к уровню подготовки учащихся, к развитию интегративной коммуникативной цели обучения, при которой деятельностная составляющая

доминирует над знаниевой и крайне актуально личностное развитие учащихся, в том числе в результате овладения выделяемыми в настоящее время основными компетенциями [2; 5].

На современном этапе развития азербайджанского общества русский язык выступает немаловажным фактором в политической, экономической и культурной жизни страны, в приобщении граждан Азербайджанской Республики к богатствам русской и мировой науки, литературы и культуры. В связи с этим в Азербайджане придаётся большое значение дальнейшему совершенствованию процесса обучения РКИ.

Таким образом, изучение русского языка в Азербайджанской Республике – это социальный заказ общества.

Куррикулум по русскому языку – концептуальный документ, определяющий статус, специфику учебного предмета «русский язык как язык обучения», содержательные линии, основные принципы организации учебного процесса, оценивания и мониторинга достижений конкретных учащихся по русскому языку.

Термин «куррикулум» (curriculum) латинского происхождения. Это существительное, происходящее от глагола currere, что обозначает «бег», «круг», «путь». В английском языке «curriculum» – курс обучения. Куррикулум (curriculum) – это многоаспектный и концептуальный по своему содержанию документ, который охватывает весь курс обучения, определяет содержание и объем знаний, умений, навыков, подлежащих обязательному усвоению, а также содержание разделов и тем с распределением их по годам обучения, выполнение которого направлено на достижение определенных результатов.

Предлагаемая в настоящем куррикулуме концепция преподавания русского языка строится на идеях и методах коммуникативного обучения, приводящего к речевой и языковой компетенциям учащихся. В нём определены цели обучения и условия, обеспечивающие их достижение.

Речь учащихся является важнейшим показателем практического овладения языком. Одно из качеств связной речи составляет её нормативность (правильность) на всех уровнях языка (лексическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом). Обучение нормативной русской речи осуществляется с учетом соотношения грамматических закономерностей русского языка.

Известно, что к числу особенностей русского языка относятся:

– флективный характер;

– сложная видовременная система глагола;

– многообразие предлогов;

– особенности связи слов в словосочетаниях и предложениях (согласование, управление);

– особенности произношения гласных и согласных звуков в слабых позициях;

– графическая система и ее соотношение со звуками [3; 6].

Учет специфики обучения РКИ обычно осуществляется прямым или скрытым способами. При прямом способе используются пояснения типа: в русском языке имена существительные различаются по родам. Или: в русском языке глаголы в прошедшем времени изменяются по родам и числам (в единственном числе), а не по лицам и числам.

При скрытом способе учёта специфики предмета проводится целенаправленный (с учётом особенностей явления) отбор языкового (дидактического) материала и его проработка по компонентам. Например, при обучении употреблению существительных в творительном падеже отбираются словосочетания орудийного значения – *пилим пилой, рубим топором, подметаем веником* и др. Учащиеся упражняются в постановке вопроса от опорного глагола (чем?), подбору возможных по смыслу зависимых существительных, нахождению нужных окончаний.

Эффективность обучения нормативной речи повышается также, если в системе грамматических упражнений преобладают конструктивные задания типа: *вставить, изменить, образовать* и др. [3].

Коммуникативная направленность учебного процесса и учёт специфики русского языка требуют особой организации уроков, в основу которой положены принципы комплексного обучения РКИ [4].

Способность общаться – слушать и понимать, говорить, читать и писать – составляет цель обучения РКИ. Языковые навыки являются существенными инструментами человеческого бытия не только потому, что они служат необходимым основанием для дальнейшего развития обучения и карьеры, но также и потому, что они позволяют человеческому духу быть обогащённым, способствовать гражданской ответственности и сохранять коллективную память нации.

Учащиеся, которые хорошо пишут и читают, раньше постигают ритм и структуру языка, его потенции. Они быстро овладевают словарным запасом, языковыми нормами и тонкостями в выражении экспрессии.

Обучение РКИ в школе должно обеспечить коммуникативную способность как комплексные навыки общаться в различных жизненных ситуациях.

Процесс обучения РКИ в общеобразовательных школах Азербайджанской Республики состоит из следующих этапов:

В начальной школе (I–IV классы) обеспечивается усвоение алфавита, техники чтения и письма, повышение орфографической грамотности, выработка первоначальных навыков правильного, осознанного и выразительного чтения, обогащение лексического запаса учащихся, соблюдение самых необходимых грамматических правил и норм литературного произношения, формирование умений экспрессивной речи, элементарных представлений о языке, истории, духовно-нравственных ценностях, культуре, традициях и обычаях азербайджанского и русского народов.

В основной школе (V–IX классы) обеспечивается развитие учащихся навыков плавного, правильного, точного, выразительного и осознанного чтения, устной и письменной речи, повышение выразительности речи за счет лексических, грамматических и стилистических средств языка, усвоение коммуникативно значимых правил и понятий языка, формирование коммуникативных умений, привитие чувство уважения к языку обучения.

В средней школе (X–XI классы), наряду с развитием основных направлений указанных в предыдущих классах, обеспечивается расширение возможностей использования функциональных стилей литературного языка, соблюдение требований культуры речи в процессе устного и письменного общения на русском языке, формирование элементов ораторского искусства [5].

Содержание обучения РКИ при куррикулярной модели обучения представлено в виде лаконично и ёмко сформулированных общих результатов обучения (ключевых компетенций):

К концу начальной школы (I–IV классы) ученик:

- свободно, правильно, сознательно, выразительно читает и грамотно пишет;
- вступает в диалог, свободно и последовательно выражает свои мысли;
- выражает своё отношение к прочитанному и прослушанному;
- выбирает из текста основные факты и группирует их, составляет по картинкам и вопросам учителя небольшой рассказ
- в элементарной форме излагает сведения о языке, истории, духовно-нравственных ценностях, культуре, искусстве, традициях и обычаях русского и азербайджанского народов;
- пользуется учебными словарями и справочниками.

К концу основной школы (V–IX классы) ученик:

- определяет и обосновывает основные фонетические, лексические, грамматические категории;
- строит устную и письменную речь в соответствии с усвоенными языковыми правилами;

• правильно и выразительно читает предложенный текст, разбивает его на смысловые части и озаглавливает их;

• создает тексты разных типов и стилей, совершенствует их, целенаправленно используя единицы языка;

• самостоятельно выполняет творческие работы в организации мероприятий по родному языку.

К концу средней школы (X–XI классы) ученик:

• сравнивает, оценивает тексты в зависимости от их стилистических особенностей, выражает отношение к ним;

• в соответствии с темой подбирает стиль, устно и письменно комментирует свою позицию;

• применяет в устной и письменной речи нормы, необходимые для правильности, точности и выразительности;

• готовить рецензию, выступление, доклад и презентации;

• эффективно сотрудничать с товарищами в подготовке, организации и проведении обсуждений, встреч, дискуссий и других мероприятий.

Таким образом, основными содержательными линиями обучения РКИ выступают виды речевой деятельности и лингвистический материал: (аудирование и говорение, чтение, письмо, языковые правила). Степень сформированности речевых, учебно-познавательных и общекультурных умений у учащихся создаёт реальные предпосылки для учета конкретных потребностей школьников в использовании РКИ при изучении различных школьных учебных предметов, а также в самообразовательных целях в интересующих их областях знания и в сферах человеческой деятельности в соответствии с их профессиональными ориентациями и планами на будущее. Все это позволяет, как отмечалось, рассматривать языковое образование в целом как базу для формирования достойного гражданина.

Литература

1. Бабаев И. А., Алхасов Я. К., Особенности куррикулума по родному языку для школ с русским языком обучения // Куррикулум, 2008, № 2. – С. 35 – 42.

2. Бим И. Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 2007. – С. 47 – 48.

3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку для школ с русским языком обучения // Русский язык и литература в Азербайджане, 2003, № 3. – С. 3 – 9.

4. Материалы по разработке национального стандарта среднего общего образования Республики Казахстан. Алматы, 2004. – 47 с.

5. Предметные куррикулумы для 1 – 4 классов общеобразовательных школ. – Баку: Təhsil 2008. – 485 с.

6. Программа по русскому языку для V-XI классов школ с азербайджанским языком обучения (проект) // Русский язык и литература в Азербайджане, 2004, № 1. – С. 4 – 18.

J. K. oglu Alkhasov
Baku Slavic University (Azerbaijan)
e-mail: a-yashar@rambler.ru

To The Issue of the Content of Teahing Russian as a Foreign Language

Key words: curriculum, Russian as a foreign language, learning content, language education.

Modern education embraces such values as language, mentality, national traditions and customs, etc. Nowadays, school education in Azerbaijan is carried out in the curriculum, which focuses on defining and describing the system of expected learning outcomes. The content of Russian as a foreign language instruction in the curriculum teaching model is presented in the form of concisely and capaciously formulated general learning outcomes (core competencies).

Ю. А. Балло
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: yuliya.ballo@mail.ru

УДК 811.111’243:378.046.4

Особенности профессиональной языковой подготовки магистрантов неязыковых специальностей (на примере английского языка)

Ключевые слова: иностранный язык, магистратура, образовательные стандарты, компетенции, научный стиль.

В статье рассматриваются некоторые проблемы преподавания иностранного языка в магистратуре, анализируются образовательные стандарты и типовые учебные планы неязыковых специальностей, выделяются компетенции, которыми должен обладать современный специалист, даются рекомендации по работе с иностранной научной литературой.

Современные реформы системы высшего образования Республики Беларусь направлены на повышение качества профессиональной подготовки студентов как первой, так и второй ступени высшего образования. Данные изменения касаются и дисциплины «Иностранный язык». Не секрет, что не только профессиональные навыки и профессиональная подготовка, но и владение иностранным языком дает возможность выпускникам наших вузов быть конкурентоспособными на международном рынке труда. Вхождение высших учебных заведений в единое международное пространство и расширение академической мобильности заставляет искать способы совершенствования профессионального общения на иностранном языке и на уровне магистратуры.

В настоящий момент государство выдвигает довольно высокие требования к подготовке кадров второй ступени: данные специалисты по окончанию магистратуры должны принимать участие в инновационном развитии экономики, влиять на научную сферу и педагогическую деятельность. По словам, И. Карпенко, министра образования Республики Беларусь, «будет создан один вид научно-ориентированной магистратуры, нацеленный на подготовку специалистов под инновационные, конструкторские разработки, а также под педагогическую деятельность» [2].

Поставленные задачи привели к пересмотру компетенций, которые необходимо сформировать в процессе обучения. В образовательных стандартах под компетенциями понимают «приобретаемые в процессе обучения и воспитания способности осуществлять деятельность в соответствии с полученным образованием» [3, 4].

Так для специальностей бакалавриата выделяются универсальные (УК), базовые профессиональные (БПК) и специализированные компетенции (СК). Для специальностей магистратуры перечисляются следующие: универсальные (УК), углубленные профессиональные (УПК) и специализированные компетенции (СК).

При изучении общеобразовательной дисциплины кандидатского минимума «Иностранный язык» формируется универсальная компетенция, которая предполагает владение иностранным языком для коммуникации в междисциплинарной и научной среде, в различных формах международного сотрудничества, научно-исследовательской и инновационной деятельности [3, 4].

Учебные планы некоторых специальностей предлагают дисциплины из блока компонента образования: «Деловой иностранный язык», «Иностранный язык (профессиональная лексика)», «Иностранный язык в профессиональной деятельности». Со-

гласно новому подходу данные предметы должны способствовать формированию специальных компетенций.

В ходе работы на республиканском портале проектов образовательных стандартов высшего образования были рассмотрены документы следующих специальностей магистратуры: 1-31 80 01 «Биология», 1-31 80 02 «География», 1-31 80 03 «Математика и компьютерные науки», 1-23 80 03 «Психология», 1-08 80 02 «Теория и методика обучения и воспитания по областям и уровням образования» [5].

Проанализировав данные планы, были выделены некоторые общие специализированные компетенции в области иностранного языка, которые требуют от современных специалистов:

- обладать навыками использования специальной лексики и терминологии на иностранном языке в профессиональной деятельности;
- быть способным понимать и анализировать профессиональные тексты на иностранном языке; владеть им для устной и письменной коммуникации в учебной, научной и профессиональных сферах общения;
- уметь вести исследовательскую деятельность с использованием международного опыта и зарубежных информационных ресурсов;
- владеть иностранным языком для коммуникации в устной и письменной формах с целью решения профессиональных задач в педагогической деятельности.

Если обратиться к шкале CEFR (общеевропейская компетенция владения иностранным языком), то к магистрантам мы предъявляем требования уровня С 1 – уровень профессионального владения (effective operational proficiency).

На теоретическом уровне данные требования выглядят правильно и логично, но в реальности преподаватель сталкивается с рядом проблем:

- уровень владения иностранным языком магистрантами на уровне выживания А 1–А 2;
- длительный перерыв в обучении;
- отсутствие сотрудничества с профилирующими кафедрами;
- нерациональное формирование студенческих групп;
- недостаточная обеспеченность методическими пособиями и аутентичными материалами;
- отсутствие условий для эффективного обучения, нет разнообразия в видах и формах деятельности на занятиях;
- отсутствие мотивации к обучению, обучение носит формальный характер;
- не сформированы навыки самостоятельной работы.

По нашему мнению, одной из серьезных проблем, препятствующей процессу обучения в магистратуре, является отсутствие внутренней мотивации к постижению знаний, занятию научным исследованием. Невозможно эффективно обучать иностранному языку того, кто не желает учиться и прикладывать свои усилия. Объяснение довольно простое – при поступлении в магистратуру студентами движут некие внешние (социальные мотивы). Зачастую, более продвинутую ступень образования выбирают люди, которые не смогли трудоустроиться после бакалавриата, либо это является требованием работодателя, а иностранные граждане не хотят возвращаться в свою страну. В действительности процент студентов, осознанно идущих заниматься научным исследование, очень мал.

Молодым ученым необходимо работать с большими объемами информации, они должны обладать аналитическими умениями, чтобы обрабатывать, анализировать, обобщать и систематизировать полученные данные. Это невозможно качественно выполнять без определенных навыков самостоятельной работы. Данные навыки требуются и при изучении иностранного языка. Таким образом, задача преподавателя состоит в

том, чтобы создать условия для перехода внешних мотивов во внутренние, снять барьеры препятствующие изучению иностранного языка и научить учиться самостоятельно.

Так как в настоящее время планируется оставить только научно-ориентированный вид магистратуры, то остается актуальным вопрос освоения научного дискурса магистрантами не только на родном языке, но и на иностранном.

Тот факт, что английский язык является де-факто глобальным языком науки, вряд ли изменится в ближайшее время. Важно, чтобы наши ученые признавали, что их способность являться полноправным членом мирового научного сообщества напрямую связана со способностью писать научные статьи на английском языке. Продвижение научного прогресса, интеграция в международное научное пространство зависит от устранения препятствий, с которыми сталкиваются неносители иностранного языка.

В данной статье мы не будем рассматривать возможности обучения академическому письму, так как ведем речь о неязыковых специальностях магистратуры. Наши студенты прежде, чем писать на иностранном языке научные статьи, должны научиться читать научную литературу, подбирать необходимые валидные иноязычные источники по теме своего научного исследования. Для этого им необходимы знания о видах функциональных стилей речи, их особенностях и языковых средствах.

Под функциональным стилем принято понимать разновидность литературного языка, совокупность языковых средств, употребляющихся в определенных сферах общения и выполняющих определенные коммуникативные функции. Студенты должны понимать, что у каждой сферы человеческой деятельности есть свой языковой стиль, а в рамках стиля выделяются жанры и типы текстов.

По мнению В. Л. Наер, стили функционируют в трех базовых сферах коммуникации: профессионально-деловой, массовой и художественной. Так, в сфере профессионально-деловой коммуникации он выделяет научный, технический и официально-деловой стили [4, 12].

В данной статье мы рассмотрим особенности научного стиля, так как именно он является превалирующим при обучении в магистратуре и при проведении научного исследования. После окончания первой ступени образования магистранты неязыковых специальностей часто имеют несистематизированные знания о данном стиле в родном языке, а мы хотим, чтобы они знали характеристики данного стиля в английском языке. Основная функция научного стиля – денотативная, т. е. передача когнитивной информации. Такая информация – объективна, абстрактна и компрессивна, поэтому необходимы определенные языковые средства для ее оформления. Учитывая данные языковые средства, магистранты смогут правильно выбрать иноязычный источник по теме исследования для написания реферата, а, возможно, и применить в своей работе.

Многие авторы считают логичным и целесообразным выделение следующих подстилей письменной разновидности научного стиля:

- собственно-научный (диссертация, монография, научно-журнальная статья);
- научно-учебный (учебник, словарь, пособие, лекция);
- научно-популярный (очерк, книга, лекция, статья) [6, 86].

Данные подстили выделяются с учетом отношений адресанта и адресата и коммуникативной функции. Так, собственно-научный текст создан специалистом для специалиста с целью поиска и обмена информацией. Научно-учебный текст создается тоже специалистом, но предназначен не специалисту (либо будущему специалисту) для передачи информации. Научно-популярный текст создан специалистом, но предназначен широкому кругу читателей для передачи информации в занимательной форме. Даже исходя из данных характеристик, можно понять, что для подбора источников нужно использовать литературу собственно-научного и научно-учебного подстилей.

Принимая во внимание то, что целью научного стиля является предоставление точной, достоверной информации, требуется использование специальной терминологии, которая не допускает многозначности или образного значения, эмоциональных коннотаций. Автор научных работ звучит безлично, что объясняет использование личного местоимения «мы» вместо «я», безличных конструкций, пассивного залога. К синтаксическим особенностям можно отнести использование полных предложений, многоступенчатых сложноподчиненных предложений, оборотов с неличными формами глаголов, расширенных атрибутивных фраз, средств семантической и формальной когезии (связности текста). Также магистранты должны учитывать, что уровень сложности научно-учебного текста будет ниже в сравнении с собственно-научным: меньше терминов, больше общенаучной лексики, предложения короче и проще, активно используются вспомогательные знаковые системы.

Часто молодые ученые сталкиваются с проблемой составления глоссария терминов после перевода иноязычных источников. При переводе 120000 печатных знаков словарь должен содержать не менее 300 единиц терминов – это требования к реферату по дисциплине кандидатского минимума «Иностранный язык». Причин может быть несколько: не знают характеристик терминов; низкий уровень владения иностранным языком (в глоссарий попадает общебытовая лексика); выбирают источники научно-популярного, газетного стиля.

В научно-популярном тексте количество терминов и общенаучной лексики значительно меньше, плотность информации ниже, но он привлекает внимание другими языковыми средствами (такова коммуникативная задача). Следует обратить внимание на наличие разговорной лексики, эмоционально-оценочных слов, риторических вопросов, фразеологизмов и образных клише, т. к. именно эти средства не присущи собственно-научному тексту.

Для эффективного обучения иностранному языку в магистратуре на неязыковых специальностях будет целесообразно использовать задания не только на понимание текста, но и на обучение переводу с учетом жанрово-стилистических характеристик текста. Так, на начальном этапе можно подбирать несколько текстов из разных источников, разных стилей, объединенных одной тематикой, чтобы студенты сами определили стиль, подобрали заголовки к текстам, нашли термины и другие языковые средства. Приведем пример: «*Cambridge university may end handwritten exams»* – статья из новостного сайта [7], *«Facebook fans do worse in exams»* – газетная статья [8, 10], «*General aims and higher level abilities»* – отрывок из книги [10, 18], *«How do 15–16 year old students use scientific knowledge to justify their reasoning about human sexuality and relationships?»* – научная статья из специализированного журнала [9, 121]. Не лишними будут задания на общенаучную лексику и изучение средств связи в тексте, что поможет избежать утомительного использования словаря.

Большое внимание нужно уделить специальным терминам, т. к. способ перевода таких слов – это однозначный эквивалент или вариантное соответствие. Чтобы успешно справляться с таким заданием, нужно владеть терминологией по своей теме исследования на родном языке, обладать достаточными фоновыми знаниями. Сложность в том, что в разных отраслях одно и то же слово может означать разное. Студенты должны уметь выбирать адекватное значение слова из словаря с учетом своей специальности, они в этом должны быть более компетентны, чем преподаватель-лингвист.

Так, например, слово *«identity»* в математике означает ‘тождественное равенство’, в медицине – ‘абсолютное иммунологическое родство’, в музыке – ‘индивидуальная манера исполнения’, в психологии – ‘самосознание индивидуума’, в СМИ – ‘право на самоопределение’. К тому же появился англицизм в русском языке, образованный от этого слова – «айдентика» (‘фирменный или корпоративный стиль’).

Некоторые слова магистранты знают как общеупотребительные, но не догадываются, что они могут иметь другое значение в узкой сфере. Слово «*performance»* знают как *‘представление’*, но затрудняются с переводом *school or academic performance* (‘академическая успеваемость’), *structural performance* (‘конструктивные характеристики сооружений’), *investment performance* (‘показатели инвестиционной деятельности’), *breeding performance* (‘плодовитость’), *browser performance* (‘характеристика браузера’), *tournament performance* (‘турнирный рейтинг’).

Пассивное владение русскоязычной терминологией препятствует пониманию иноязычного текста. Так слово *«empathy»* переводят как «эмпат*ия»*, а не могут объяснить, что оно означает ни на одном языке. Или *«prosocial behavior»* – с легкостью дают эквивалент «просоциальное поведение», но не могут привести примеры такого поведения.

Владение спецтерминологией на родном языке должно способствовать формированию языковой догадки в процессе чтения иноязычной научной литературы. К тому же молодые исследователи не опираются на уже приобретенный опыт, не доверяют своим знаниям. При чтении статьи о взаимоотношениях в детском коллективе при виде следующей классификации групп детей (*popular, rejected, controversial, neglected*) не смогли провести аналогию с уже известной им классификацией в методике проведения социометрии (звезды, предпочитаемые, принятые, отверженные).

В ходе исследования мы пришли к выводу, что освоение иноязычного стиля в магистратуре способствует формированию профессиональной языковой подготовки специалиста любой сферы деятельности.

Литература

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб: Изд-во «Союз», 2003. – 288 с.
2. В Беларуси будет единая магистратура для подготовки научно-ориентированных специалистов – Карпенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www. belta. by / society / view / v-belarusi-budet-edinaja-magistratura-dlja-podgotovki-nauchno-orientirovannyh-spetsialistov-karpenko-335005–2019 / – Дата доступа: 10. 02. 2019.
3. Методические рекомендации по применению профессиональных стандартов при разработке образовательных программ высшего образования / Республиканский портал проектов образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // edustandart. by / baza-dannykh / obrazovatelnye-standarty. – Дата доступа: 10. 12. 2019.
4. Наер, В. Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы интеграции и дифференциации / В. Л. Наер // Лингвостилистические особенности научного текста: Сб. науч. трудов. / редкол. : М. Я. Цвиллинг (отв.ред.) [и др.]. – М., 1981. – С. 3–13.
5. Республиканский портал проектов образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // edustandart. by / baza-dannykh / obrazovatelnye-standarty. – Дата доступа: 10. 12. 2019.
6. Цатурова, И. А. Переводческий анализ текста. Английский язык: Учебное пособие с методическими рекомендациями / И. А. Цатурова, Н. А. Каширина. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Перспектива, Изд-во "Союз", 2008. – 296 с.
7. Breaking News English [Electronic resource]. – Mode of access: https: // breakingnewsenglish. com. – Date of access: 19. 09. 2019
8. Leake, J. Facebook fans do worse in exams / J. Leake, G. Warren. // The Sunday Times. – 2009. – 12 April. – C. 10.
9. Lindahla, M. G. How do 15–16 year old students use scientific knowledge to justify their reasoning about human sexuality and relationships? / M. G. Lindahla, M. Lundin. // Teaching and Teacher Education. – 2016. – № 60. – P. 121–130.
10. Ramsden, P. Learning to Teach in Higher Education / P. Ramsden. – New York: Taylor & Francis, 2005. – 288 p.

Y. A. Ballo
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: yuliya.ballo@mail.ru

Peculiarities of professional language training of master course students of non-linguistic specialties (using English examples)

Key words: foreign language, master's drgree course, educational standards, competencies, scientific style.

The article deals with some problems of teaching a foreign language to master course students. It also analyzes educational standards and typical curricula of non-linguistic specialties. The competencies that a modern specialist should possess are highlighted. Some recommendations for working with foreign scientific literature are given.

Л. И. Бобылева
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: lianabobyleva@gmail.com

УДК 811.1/9:37.02

Проблемы формирования социолингвистической компетенции в контексте интерферирующего влияния родного языка

Ключевые слова: социолингвистическая компетенция, интерференция, сознательность, активность, методические рекомендации.

В статье обсуждаются потенциальные источники интерференции родного языка, влияющие на процесс формирования социолингвистической компетенции, даются методические рекомендации.

Генеральной целью современного языкового образования является формирование у учащихся умений межкультурной коммуникации, которая определяется взаимодействием трёх аспектов: 1) языкового – языка как «коллективной памяти» этноса, «модели мира» и отражения менталитета народа и его ценностей; 2) социального – норм, традиций и моделей вербального и невербального поведения, обусловленного культурными особенностями; 3) культурного (предметно-содержательного). Межкультурными считаются все отношения, в которых основа поведения, установок, чувств и понимания субъектов общения определяются осознанием своих собственных характерных черт и черт «чужеродности», наличия сходств и различий, привычного и нового.

Знание только иноязычной лексики, грамматических правил и интонационных моделей не может сегодня быть гарантом адекватной коммуникации, если не приняты во внимание социолингвистические и социокультурные нормы общения. Как писал, Л. В. Щерба, «изучая иностранный язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которые он воспринимает действительность..., а языковые различия связаны отчасти с вполне актуальными различиями в культуре носителей этих языков» [2, 33]. В этой связи значение слова может быть выбрано только при знании культурно-исторического контекста его употребления в стране изучаемого языка.

Формирование социолингвистической компетенции неразрывно связано с вопросами интерферирующего влияния родного языка. В методической литературе интерференцию подразделяют на межъязыковую и внутриязыковую, положительную и отрицательную, явную и скрытую. В данной статье под понятием «интерференция» подразумевается явная, отрицательная, межъязыковая интерференция, нарушающая социолингвистические нормы изучаемого иностранного языка.

Анализ случаев расхождения в сопоставляемых языках на семантическом уровне и, следовательно, потенциальных источников интерференции, позволил выделить следующие причины, осложняющие коммуникацию на иностранном языке.

1. Коллокационные, или лексико-графические, ограничения, регулирующие пользование языком и диктующие присущие данному языку правила и резервы сочетаемости. Например, английский глагол *pay*, означающий «платить», согласно законам совместимости и контексту, употребляется с такими не сочетаемыми в русском языке словами, как *attention* (внимание), *visit / call* (визит), *compliments* (комплименты), *tribute* (благодарность), *respect* (уважение), *size* (размер, величина).

Лексико-фразеологическая сочетаемость носит национальный характер, специфика которого становится очевидной при сопоставлении языков, подобно тому, как особенности родной культуры осознаются при сравнении ее с иной.

2. Другим источником потенциальной интерференции является конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые выражены «эквивалентными» словами их родных языков. Так, обозначение такого общечеловеческого понятия, как «зеленый цвет» в силу наличия определенных метафорических и стилистических коннотаций имеет свою специфику в разных языках. «Зеленые глаза» на русском языке звучат романтично и ассоциируются с глазами лесной нимфы. Английское словосочетание *green eyes* имеет дополнительное метафорическое обозначение зависти, ревности и содержит явные негативные коннотации.

Таким образом, культурологический аспект эквивалентности слов в разных языках заслуживает сегодня самого пристального внимания в процессе иноязычного образования. Слово как единица языка соотносится с определенным предметом или явлением реального мира, однако эти предметы или явления могут отличаться в разных культурах (например, дом эскимоса, киргиза или англичанина), т. е. языковая эквивалентность всегда соотносится с понятийной эквивалентностью, эквивалентностью культурных представлений.

Проблемы прогнозирования социолингвистических ошибок, определение логики их появления у учащихся могут решаться только при учете объективных данных сопоставительного изучения. Выявление всех случаев интерференции, как и всех случаев положительного переноса достигается в результате тщательного сравнительного анализа, который не только не снижает интенсивности упражнений в использовании собственно иностранного языка, но и является одним из самых важных условий рациональной организации учебного процесса. Современное преподавание иностранных языков должно использовать результаты лингвистических исследований и сочетать их с методикой обучения.

Преодоление социолингвистической интерференции требует целенаправленной специальной тренировки и организации практики в общении, обеспечивающей достижение уровня автоматизированности аутентичного коммуникативного поведения.

Чтобы уметь применять лексическую единицу в речи, нужно не только знать ее значение, но и правила ее сочетания с другими словами в соответствии с языковыми и межкультурными нормами, адекватными данной ситуации. При этом важно работать не над изолированными словами, а в межкультурном контексте; подключать все анализаторы (зрительный, слуховой, речедвигательный, кинетический); строго соблюдать последова-

тельность упражнений в соответствии со стадиями формирования межкультурного лексического навыка, а именно: 1) восприятие слова в контексте его функционирования в ситуации; 2) осознание значения (семантизация); 3) сопоставление основных случаев расхождения в объеме и системе значений данного слова в двух языках; 4) выработка автоматизмов на основе упражнений на дифференциацию, имитацию, подстановку, трансформацию; 5) перевод с одного языка на другой; 6) собственное конструирование речевой модели по образцу; 7) самостоятельное высказывание в контексте заданной ситуации.

При ознакомлении с лексикой важно учитывать различия между монокультурной и межкультурной ситуациями [1, 154]. В монокультурной ситуации в контакт вступают представители одной культуры, что предполагает одинаковую интерпретацию ситуации участниками общения. В межкультурной ситуации в коммуникации участвуют представители разных культур, поэтому во избежание сбоев в коммуникации важно убедиться в том, что собственное понимание ситуации соответствует такой же интерпретации данной ситуации партнером по общению. В этой связи следует акцентировать внимание учащихся на различия социолингвистических и социокультурных значений слов в процессе их семантизации.

Концепция межкультурного образования требует введения культурно-маркированного слова в аутентичных ситуациях или текстах, представляющих собой образцы культуры (фильмы, радио- и телепередачи, песни, пословицы, произведения художественной литературы и т. п.). Это позволяет показать особенности функционирования слова в реальном межкультурном общении, создать условия для самостоятельного выделения культурно-маркированной лексической единицы из потока речи и раскрытия ее значения на основе сопоставления с аналогом в родном языке. Таким образом, основным звеном на этапе ознакомления является актуализация представлений и знаний обучающихся о тех сведениях, которые составляют основу культурного компонента семантики усваиваемых слов в изучаемом и родном языках.

Тренировка лексики предусматривает выполнение упражнений в условно-коммуникативных ситуациях, что обеспечивает ее постепенный управляемый переход в личный опыт учащихся и формирование лексических межкультурных речевых навыков. Учитывая психологические закономерности процесса усвоения, можно выделить следующие виды работы: 1) действия по употреблению новой лексики на уровне предложения (упражнения на имитацию и подстановку); 2) действия по употреблению новой лексики на уровне свехфразового единства (упражнения на трансформацию); 3) действия по адекватному использованию активизируемой лексики в межкультурных ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения, в результате чего формируются межкультурные умения (например, «Подготовьте выступление, учитывая особенности межкультурного общения, для участия в телеконференции по проблемам совершенствования системы образования»).

Кроме того, эффективными коммуникативными технологиями, направленными на формирование социолингвистической компетенции, могут быть:

1. Культурный ассимилятор, целью которого является разъяснение учителем и усвоение учащимися традиций, обычаев, менталитета народа страны изучаемого языка, а также правил и социолингвистических норм языкового поведения на основе использования аутентичного материала, включая аудио- и видеоресурсы. Ведущей формой работы здесь должно быть так называемое «эвристическое обучение», которое позволяет управлять деятельностью учащихся посредством наводящих вопросов и сконцентрировать таким образом внимание учеников на «зоне» возможной ошибки, направляя их на поиск правильного решения. Так, например, на основе изучения нескольких контекстов учащиеся приходят к выводу, что в английском языке номинативные группы с прилагательным *white* имеют положительные оттенки значения даже в том случае,

когда сочетаются с существительным, обозначающим нечто негативное: *white lie* – ложь во спасение, морально оправданная ложь.

Задания, позволяющие сделать правильный вывод, включают анализ, синтез, сравнение, обобщение, ассоциации:

– определите лексические единицы, отражающие национально-культурную специфику / правила речевого поведения / реалии и т. д. страны изучаемого языка;

– зачеркните слова и выражения, нарушающие речевой этикет в данных диалогах;

– определите, какие из вопросов являются уместными / неуместными, официальными / фамильярными в данной культурно-языковой ситуации;

– подберите определения к следующим словам, выражающим коммуникативные стратегии общения;

– определите, какие вербальные и невербальные средства используются для выражения коммуникативной приветливости, эмоциональности в следующих ситуациях;

– назовите различия в речевом и неречевом поведении участников общения;

– восстановите пропущенные в данном диалоге реплики, выражающие удивление / протест / контраргумент и др.

Определенную методическую помощь при использовании технологии «Культурный ассимилятор» могут оказать совместное составление таблиц, схем, денотатных карт, отражающих социолингвистическую специфику учебного материала.

2. Паттенирование, понимаемое как воспроизведение стереотипов речевого поведения в соответствии с социокультурным образцом. Целью паттенирования является формирование навыков и умений социолингвистической компетенции на основе ролевых игр, составления диалогов с управляемой коммуникативно-прагматической схемой общения, комментирование или озвучивание просмотренного видеоматериала. Например, «Просмотрите видеоклип, подготовьте ролевую игру, используя следующие ключевые слова и схему общения: в переговорах с американской компанией проявите демократизм и заинтересованность, аргументируйте преимущества своего проекта».

3. Коммуникативные игры, обладающие высокой степенью наглядности и позволяющие активизировать изучаемый языковой материал в речевых ситуациях, моделирующих реальный процесс общения. В методическом плане коммуникативная игра представляет собой учебное задание, включающее языковую, коммуникативную и деятельностную задачи. Игры и упражнения, которые основываются на приемах коммуникативного обучения, помогают учащимся овладеть конкретными речевыми функциями и предусматривают различные типы совместной деятельности в ходе их выполнения (работа в парах, группах, коллективное взаимодействие, в котором занят весь класс). Например, в игре «Ранжирование» учащимся предлагается расположить перечисленные предметы, качества, явления в порядке их значимости или предпочтения, то есть ранжировать их. За этим этапом обычно следует обсуждение, во время которого ученики объясняют или защищают свой выбор, работая в парах или группах. Ситуации, проблемы и вопросы, которые являются содержательной основой для этих упражнений, могут быть заимствованы из различных контекстов, передающих социокультурные особенности страны изучаемого языка.

В коммуникативной игре *Pun* (игра слов) учащимся предлагается прочитать диалог, выяснить недоразумение и исправить ошибки, основанные на социокультурных различиях:

– *When did he come?*

– *Oh, he was late. He came at 2 at night!*

В данном случае следует учесть несовпадение социокультурных представлений о распределении времени в сутках у разных народов. Так, английский ‘вечер’ (*evening*)

начинается приблизительно в шесть часов и уже в восемь часов сменяется на английское слово *night* (‘ночь’), а в полночь наступает ‘утро’(*morning*).

Еще одним примером коммуникативной игры является «Выяснение ценностных ориентаций». После изучения аутентичного материала (текста, видеоклипа, звукозаписи), отражающего специфику менталитета носителей изучаемого языка, учащиеся принимают участие в дискуссии. В ходе выполнения задания усваиваются такие речевые функции, как выражение мнения, обоснование положительного / отрицательного отношения к чему-либо и др. Чтобы поддержать мотивацию и создать непринужденную атмосферу, учитель также может принять участие в обсуждении, сообщить о собственном отношении к данной проблеме.

Итак, современное иноязычное образование рассматривает язык как органичную часть культуры. В этой связи учитель иностранного языка должен быть специалистом не только по языку, но и по общению в его социокультурном понимании: быть репрезентантом, ретранслятором и консультантом по иноязычной и своей собственной культуре, чтобы помочь учащимся сформировать социолингвистические и социокультурные навыки и умения для осуществления диалога различных культур.

Становление социолингвистической компетенции неразрывно связано с проблемами интерференции родного языка. Чтобы успешно преодолеть трудности его отрицательного влияния, следует учитывать поэтапный характер иноязычного образования: 1) усвоение фоновой информации на контрастной основе, сравнение и выделение социолингвистических и социокультурных различий; 2) интерпретация усвоенных фактов; 3) проигрывание межкультурных ситуаций, в ходе которых обучающиеся выполняют роли представителей базовых культур.

Литература

1. Бердичевский, А. Л. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учеб. пособие / А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, Е. Г. Тарева; под общ. ред. А. Л. Бердичевского. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 368 с.

2. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1974. – 112 с.

L. I. Bobyleva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: lianabobyleva@gmail.com

Sociolinguistic Competence Development Problems in the Context of Mother Tongue Interfering Influence

Key words: sociolinguistic competence, interference, cognitive-code learning, activity, methodological recommendations.

The article dwells upon potential mother tongue interference sources influencing the process of sociolinguistic competence development, and methodological recommendations for teaching activity.

К. А. Васильева
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: Krstia_vitebsk@mail.ru

УДК 81’243

Особенности понимания текста в процессе иноязычного чтения

Ключевые слова: иноязычное чтение, понимание, восприятие, психологические механизмы, методический анализ.

В статье раскрываются психологические механизмы восприятия и понимания иноязычных текстов; определяются факторы, обеспечивающие осмысления информации.

Чтение входит в сферу коммуникативно-общественной деятельности людей и обеспечивает письменную форму вербального общения. В чтении, как и во всякой деятельности, различают два плана: содержательный (компоненты предметного содержания деятельности) и процессуальный (элементы процесса деятельности), причем ведущая роль всегда принадлежит первому. К содержанию деятельности относят прежде всего ее цель – результат, на достижении которого она направлена. В чтении такой целью является раскрытие смысловых связей, т. е. понимание речевого произведения, представленного в письменной форме.

Начальным моментом чтения и его сенсорной основой является зрительное восприятие текста. При этом взор читающего перемещается вдоль строки скачкообразными движениями, которые чередуются с остановками. Читающий не может произвольно изменять ни величину скачка, ни длительность остановки глаз, поэтому изучение распределения остановок и их длительности дает возможность судить не только о характере восприятия, но и протекающих при этом мыслительных процессах, которые прямому наблюдению не поддаются. В упомянутых условиях чтения опытный чтец делает 4–8 остановок на строке, при этом чередование скачков и пауз носит ритмический характер: фиксации приблизительно одинаковой длительности распределяются на строке через примерно равные интервалы. Во время остановки глаза получают всю необходимую информацию, которая и подвергается смысловой переработке, так что длительность паузы рассматривается и как время, необходимое для соответствующих процессов [1, 11].

Единицей восприятия принято считать графическое слово, поскольку оно является минимальной единицей, наделенной значением. При этом важно отметить, что у зрелого человека оно никогда не бывает побуквенным, в качестве элементов выступают морфемы, реже – слоги. Восприятие завершается узнаванием слова, которое наступает в результате его сличения с образцом – эталоном, хранящимся в долговременной памяти читающего. Опытному чтецу для этого достаточно очертания слова и трех-четырех отчетливо видимых букв. Зрительное восприятие слова сопровождается актуализацией его слухо-моторного образа, без чего невозможно его узнавание, т. е. оно проговаривается во внутренней речи.

Следующим звеном узнавания является соотнесение полученного зрительно-слухомоторного комплекса с определенным значением путем сличения сенсорной информации с соответствующим эталоном (следовым образцом). Все перечисленные процессы происходят во время остановки глаза одновременно, и у зрелого чтеца они предельно автоматизированы. Столь высокая степень автоматизации перцептивных операций приводит к тому, что воспринимаемый языковой материал не фиксируется сознанием читающего, а особенностью зрелого чтеца является его направленность на содержание читаемого [2, 265].

Зрительно воспринятый материал сразу же подвергается смысловой переработке, причем параллельно на нескольких уровнях: значение воспринимаемой единицы соотносится со значением окружающих ее единиц, устанавливается ее связь с ними и ее контекстуальное значение, слова объединяют в синтагмы, которые так же соединяются друг с другом и объединяются в предложения (суждения), а они, в свою очередь, в единицы более крупного порядка – смысловые куски, последние объединяются в текст как целостное речевое произведение. Смысловая переработка основывается не только на уже воспринятом материале. Читающий все время как бы забегает вперед, предвосхищает еще не воспринятое им сенсорно, строит гипотезы о том, что последует дальше. Предвосхищение проявляется так же на разных уровнях – на вербальном (языковом) и смысловом.

Вербальные гипотезы распространяются как на отдельные слова, так и на их сочетания (синтагмы) и на общую структуру предложения: по нескольким буквам прогнозируется все слово, по началу синтагмы – все синтагмы. Это возможно благодаря наличию у читающего лингвистического опыта. Смысловые гипотезы строятся в отношении факторов, событий, которые последуют в тексте дальше. Этот прогноз основывается, с одной стороны, на уже понятых фактах текста, а с другой – на имеющимся у читающего жизненном опыте, его осведомленности в данной теме и т. д.

В процессе смысловой переработки читающий не просто устанавливает факты, изложенные в тексте: он выделяет среди них наиболее существенные, обобщает их, соотносит друг с другом, оценивает, приходит на их основе к определенным выводам. Все это требует, как работы памяти, так и самых разнообразных мыслительных операций – сравнения и обобщения, анализа и синтеза. Другими словами, процесс понимания – сложная мыслительная деятельность, включающая в себя и мнемическую.

Различают два уровня понимания текста – уровень значения и уровень смысла, что отражает и те два направления, по которым осуществляется смысловая переработка воспринимаемой информации. На первом уровне устанавливаются значения языковых единиц в их непосредственной взаимосвязи. На втором – происходит смысловое восприятие текста как целостного речевого произведения. Если первое направление можно определить, как процесс извлечения фактической информации текста – понимание фактов, передаваемых языковыми средствами, то второе предполагает дальнейшую переработку уже полученной информации, т. е. факты, реконструированные в процессе чтения, включая и мыслительную деятельность читающего, направленную на их оценку, принятие на их основе решений. Поэтому понимание, особенно на уровне смысла, носит субъективно-личностный характер [3, 53].

Ведущим процессом в смысловом восприятии текста является выделение всех смысловых опорных пунктов, установление связи между ними и их иерархии, что необходимо для превращения развернутого речевого изложения в сокращенную и обобщенную схему личностного смыслового кода, поскольку и в долговременной памяти кодируется, прежде всего, смысл речевого произведения, а не его сенсорная форма.

Как восприятие, так и понимание являются основными процессами субъективного отражения объективного мира. Именно поэтому не только в повседневной жизни, но и в научной психологической литературе один термин часто употребляется вместо другого, словно они являются синонимами. Приняв же во внимание качественное своеобразие этих психических процессов и обратившись к тем физиологическим механизмам, которые лежат в их основе, можно отчетливо разграничить эти процессы.

Лица, плохо или совсем не владеющие иностранным языком, при чтении иностранного текста не в состоянии тут же осознать его содержание и вынуждены поэтому подвергать прочитанный текст сперва лексико-грамматическому анализу, а затем и переводу на родной язык. Но в таком случае не смысловое содержание, а языковая оболочка делается объектом осмысленно-дискурсивного понимания. Что же касается смыслового содержа-

ния, то оно в таком случае, конечно, не понимается; понимается не иноязычный текст, а его перевод. Лица, хорошо владеющие иностранным языком, т. е. пользующиеся им без опоры на родной язык, при чтении иностранного текста сразу же понимают его смысловое содержание, и в это время они не осознают особенностей языковой оболочки.

Восприятие и понимание речи есть единый и в то же время весьма сложный психический процесс, в структуре которого путем теоретического анализа следует различать интуитивно-непосредственное восприятие языковой оболочки, основывающиеся на чувстве языка и имеющихся автоматизированных речевых навыках, и сознательно-дискурсивное понимание смыслового содержания, т. е. того, что является предметом или объектом мысли. Понимание смыслового содержания речи не может быть интуитивным.

Основными характеристиками понимания являются полнота, точность и глубина. Степень полноты понимания отражает количественную меру информации, извлеченной читающим из текста. На практике чаще всего используют такие условные единицы, как факт и предикат/предикация. При этом все факты/предикаты текста принимают за 100%, а степень полноты измеряется отношением числа фактов/предикатов, которые читающий понял, ко всем содержащимся в тексте. В обоих случаях избранным единицам придается и определенный «смысловой» вес: если имеются в виду факты, то различают главные, главные второстепенные (главные детали), второстепенные (детали). Если речь идет о предикатах, то учитывается их ранг/уровень [3, 64].

Точность понимания определяется степенью адекватного осмысления главной информации текста, его основного содержания.

Глубина понимания проявляется в интерпретации извлеченной информации, она целиком зависит от фоновых знаний читающего и его интеллектуальных особенностей. Поэтому о ней судят глобально или довольствуются проверкой понимания подтекста, замысла автора, если они выражены более или менее явно. Именно эта характеристика придает пониманию субъективно-личностный характер.

Говоря об уровнях понимания иноязычного текста, необходимо так же рассмотреть факторы, определяющие его понимание читающим:

1. Информационная насыщенность текста. Тексты, с которыми работают учащиеся различаются прежде всего по своей информационной насыщенности. На начальном этапе обучения часто используются тексты только логического плана, передающие категориально-познавательную или ситуативно-познавательную информацию. Первый вид информации является наиболее легким для понимания и требует от учащихся лишь знания отдельных слов. Для понимания ситуативно-познавательного плана, который представляет собой понимание тех отношений, в которых находятся между собой объекты и явления, реализованные грамматическими средствами согласования, управления, примыкания, учащимся необходимо хорошо владеть правилами грамматики.

Следующей по трудности понимания является оценочно-эмоциональная и побудительно-волевая информация. Информация данного типа легче воспринимается в том случае, если она прямо высказана в тексте. В ограниченном количестве фразы эмоционального плана включаются и в тексты на начальном этапе.

2. Композиционно-смысловая структура текста. Различают внутреннюю сторону композиции, т. е. ее смысловое логическое начало, и внешнюю сторону, касающуюся ее формы, т. е. построение произведения. Основными компонентами смыслового начала текста являются тема, идея и проблема произведения. В результате исследований было выявлено, что словесное выражение темы и идеи обеспечивает более быстрое и адекватное понимание текста. Кроме того, тема, выраженная в заголовке, также значительно облегчает восприятие текстового материала.

3. Языковая реализация смысловых отношений текста. Смысловые отношения, выражаемые в тексте, включают смысловые отношения между отдельными словами

текста, между частями сложных предложений и межфразовые связи текста. Чем явственнее выражена связь между словами, тем легче понять конкретное содержание фразы; чем больше набор языковых средств выражения смысловой зависимости частей сложного предложения или чем однозначнее они передают эту зависимость, тем лучше протекает процесс понимания.

Следующая группа факторов тесно связана с уровнем языковой подготовки читающего. К ним относятся:

1. Знание языка, а именно: уровень знания лексики, грамматики, владение приемами языковой догадки, прогнозирования по контексту. Следует отметить, что учащиеся, привыкшие читать с общим охватом содержания, не заглядывая по поводу каждого непонятного слова в словарь, лучше владеют языковой догадкой, догадкой по контексту. Что касается грамматики, как показывает практика, наибольшее препятствие правильному пониманию текста оказывают такие грамматические явления, которые не могут быть поняты на основании сопоставления с родным или с изучаемым иностранным языком. Обычно это явления, которые отсутствуют в родном языке учащихся или представляют собой изолированно стоящие явления иностранного языка. В этом случае определяющую роль выполняет контекст, в котором они встречаются.

2. К числу психологических факторов, влияющих на понимание, относятся:

А. Влияние прошлого опыта: чем шире общий кругозор учащегося, чем богаче его индивидуальный опыт, тем лучше он поймет текст на иностранном языке.

Б. Особенности внимания чтеца, т. е. внимание обеспечивает точность и глубину восприятия и понимания объекта. При чтении важно не только направить внимание, но и сохранить его в течение длительного времени. В связи с этим очень помогают предварительные задания к тексту, которые ставятся перед учащимися с целью управления их вниманием и контроля понимания.

Таким образом, чтение представляет собой сложную перцептивно-мыслительную мнемическую деятельность, процессуальная сторона которой носит аналитико-синтетический характер, варьирующийся в соответствии с ее целью. В зависимости от целевой установки различают просмотровое, ознакомительное, изучающее и поисковое чтение. Зрелое умение читать предполагает как владение всеми видами чтения, так и легкость перехода от одного его вида к другому в зависимости от изменения цели получения информации из данного текста.

Литература

1. Берштейн, Н. А. Биомеханика и физиология движений / Н. А. Бернштейн. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 174 с.

2. Гез, Н. И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Н. И. Гез. – М.: Высшая школа, 1991. – 373 с.

3. Егоров, Г. Г. Психология овладения навыком чтения / Г. Г. Егоров. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1953. – 263 с.

K. A. Vasileva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: kristia_vitebsk@mail.ru

Features of the Text Ccomprehension in the Process of Foreign Language Reading

Keywords: foreign language reading, comprehension, acquisition, psychological mechanisms, methodological analysis.

The article reveals the psychological mechanisms of foreign-language texts perception and understanding, determines the factors that ensure information understanding.

Л. Д. Грушова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: luciena1950@mail.ru

УДК 811.112.2’276:378.147

Трудности в обучении чтению иноязычных профессионально-ориентированных текстов студентов неязыковых специальностей

Ключевые слова: иностранный язык, трудности, техника чтения, иноязычная профессионально-ориентированная лексическая компетенции.

В статье раскрываются трудности в обучении студентов неязыковых специальностей чтению иноязычных профессионально-ориентировано-ориентированных текстов, предполагающему владение умениями и навыками, связанными с технической стороной чтения, с формированием иноязычной лексической компетенции; обоснована необходимость подготовки для студентов неязыкового профиля рекомендаций, упражнений, памяток, снимающих фонетические и лексические трудности чтения, и понимания иноязычных профессионально-ориентированных текстов.

С расширением международного сотрудничества Республики Беларусь со странами мирового сообщества, взаимодействием в области науки, образования, экономики и культуры нашей стране необходимы высококвалифицированные, конкурентоспособные специалисты, обладающие широким кругозором, умениями воспринимать, перерабатывать, извлекать профессионально-значимую информацию из иностранных источников и использовать ее в практической деятельности.

Знание иностранного языка приобретает сегодня качественно новое значение. В новой Конституции обучения иностранному языку подчеркивается, что иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. Обучение иностранному языку носит профессионально-направленный и коммуникативно-ориентированный характер и ориентировано на требования, предъявляемые к сегодняшнему выпускнику вуза, в частности формирование мобильного специалиста, владеющего иностранным языком в сфере профессиональной коммуникации [7].

Важным направлением совершенствования иноязычного профессионального образования выступает развитие не только собственно профессиональной (В. И. Байденко, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, В. А. Хуторской), но и иноязычной коммуникативной компетентности студентов [6] неязыковых факультетов вуза (А. Вербицкий, Е. И. Пассов и др.).

Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей – будущих специалистов любого профиля – предполагает выполнение следующих задач: овладение умениями и навыками, обеспечивающими процесс чтения [8]: а) связанными с технической стороной чтения и обеспечивающими перцептивную переработку текста (восприятие графических знаков и соотнесение их с определенными значениями, перекодирование зрительных сигналов в смысловые единицы); б) овладение умениями и навыками, обеспечивающими смысловую переработку воспринятого, установление смысловых связей между языковыми единицами разных уровней и тем самым содержанием текста. При этом важно формировать умения и навыки, обеспечивающие профессионально-ориентированную лексическую компетенцию.

Чтение как вид интеллектуальной деятельности и один из языковых навыков, которые студенты должны освоить в процессе изучения иностранного языка. В процессе преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах мы постоянно сталкиваемся с такими фактами, как отсутствие навыков быстрого восприятия и безошибочного произношения вслух печатных слов, отсутствие навыков их соотнесения с определенным значением; ошибочная постановка ударения на нужной гласной в слове и в сложном существительном; неумение интонационно выделять фразы, вводные предложения, что, несомненно, свидетельствует об отсутствии навыков владения техникой чтения и соответственно понимания содержания читаемого предложения или текста. Здесь, конечно, налицо недоработки школьной системы обучения, где не заложены основы правильного чтения.

Вопросами обучения технике чтения занимались Е. В. Борзова, З. И. Клычникова, Е. И. Онищенко, Г. В. Рогова, М. В. Чернявская, М. Ф. Стронин, определившие, что обучение студентов иноязычному чтению позволяет управлять через внешнюю форму формированием механизмов чтения, способствует упрочению произносительной базы, лежащей в основе всех видов речевой деятельности.

Так, по мнению Е. В. Борзовой, понимание прочитанного достигается, благодаря сформированному механизму чтения, который включает навыки зрительного восприятия, узнавания и идентификации графических знаков с эталонами, хранящимися в памяти чтеца, а также навыки синтагматического членения текста, правильного фонетического оформления каждой синтагмы, адекватной скорости восприятия и переработки воспринимаемой информации [3].

И. А. Зимняя подчеркивает, что важным показателем сформированности механизма чтения является скорость восприятия и осмысления графических комплексов. Она зависит от <…> цели чтения, индивидуального темпа чтения на родном языке [5].

И. Л. Бим концентрирует внимание на том, что слово является единицей восприятия при чтении, поскольку именно слово является минимальной автономной двусторонней графической единицей. Результатом восприятия слова является его узнавание, под которым подразумевается соотнесение графической единицы с определенным значением [2].

Н. Д. Гальскова понимает чтение «как процесс восприятия и активной переработки информации, графически закодированной по системе того или иного языка» [4, с. 224], представляет собой сложную аналитическую деятельность, складывающуюся из восприятия и понимания текста, причем самое совершенное чтение характеризуется слиянием этих двух процессов и концентрацией внимания на смысловой стороне содержания.

В результате несформированности технических навыков иноязычного чтения возникают трудности вербального характера. Они подразделяются на: фонетико-фонологические, графические, лексические, морфологические, синтаксические и текстовые трудности. Помехи, возникающие на фонетико-фонологическом уровне, включают: неразличение или неправильное произнесение звуков; неверное членение речевой цепи; неумение правильно воспроизводить и интерпретировать просодические характеристики речи.

Так, фонетические ошибки возникают, прежде всего, из-за различия между фонетическими системами родного и немецкого языков. Иноязычные буквы/буквосочетания и звуки, не имеющие аналогов в родном языке (например, буква – ‘ö’– звук [Ø:], буква – ‘ü’– звук [y:], буквосочетание – ‘ng’ – звук [ŋ], буквосочетание – ‘ch’ – звук [ç]), оказываются сложными для воспроизведения. В случае их неверного произношения меняется не только значение, но и единственное или множественное число слова, например: *schön* – ‘красивый’, *schon* – ‘уже’, *stößt* – ‘толкаешь, толкает’, *stoßt* – ‘толкаете’.

Часто студенты осуществляют перенос из белорусского языка произношение буквы ‘г’ (например, в белорусском слове ‘гэта’) на немецкую букву ‘g’, что приводит

к искажению значения, например, вместо *gut* – ‘хорошо’ студенты читают [hu:t], тогда как в немецком языке *der Hut* обозначает ‘шляпа’.

Довольно часто студенты неязыковых специальностей допускают две ошибки одновременно: в графическом восприятии слова и в произношении долгого звука [a:] и краткого [a], например: *der Staat* [ʃta:t] – государство, *die Stadt* [ʃtat] – город.

Особенное затруднение вызывает у студентов графическое восприятие буквосочетания ‘qu’ и его воспроизведение на немецком языке (как правило, студенты произносят русское ‘куа’ вместо звуков [kv]). Преподавателю иностранного языка необходимо перед работой над текстом по специальности потренировать чтение и произношение, например, следующих слов: *die Qualität* – ‘качество’, *die Quantität* – ‘количество’, *die Quelle* – ‘источник’, *der Quick* – ‘ртуть’, *die Frequenz – физ.* ‘частота (колебаний)’ и пр.

Затруднения у студентов неязыковых специальностей вызывает произношение буквосочетания ‘ch’, которое зависит от расположения определенных гласных в слове. Так, вместо звука [ç], который произносится после гласных ‘e, i, ö, ü, ä’ (*echt, das Licht, möchte, die Nächte, nüchtern)* и в суффиксе ‘-chen’ (*das Mädchen, das Stühlchen, das Söhnchen),* а также в других позициях (*durch, die Furcht, die Mechanik, der Kolchos, Psychologie),* они произносят звук [x], который необходимо произносить после гласных ‘a, o, u, au’ (*acht, hoch, das Buch, auch).*

Поэтому для студентов неязыкового профиля нами подготовлена памятка «Фонетические особенности произношения некоторых немецких букв и буквосочетаний», где в одной колонке даны немецкие буквы или буквосочетания и дана краткая справка, после каких гласных данная буква произносится соответствующим звуком, который представлен в последующих колонках в русском, затем в немецком варианте. В последней колонке к каждому звуку подобраны примеры. Памятка содержит также краткое описание артикуляции некоторых звуков, например: [t], [d], [n], [l], [ŋ], [ç], [ʁ]).

Затруднения вызывает у студентов чтение названий государств и городов не немецкого происхождения с буквосочетанием ‘ch’, например: *Chile* [ˊtʃi:le] – ‘Чили’, *Manchester* [ˊmɛntʃɛstɐ] – ‘г. Манчестер’, *China* – ‘Китай’, вместо [ˊçi:na] студенты читают [ˊtʃi:na], [ˊtʃaina ʃ], [ˊʃi:na] и пр.

Чтение профессионально-ориентированного текста значительно замедляется, когда в нем встречаются английские и французские слова с буквосочетанием ‘ch’, которое воспроизводится разными звуками, например: *das Chor* [ko:ʁ] – хор, *die Chronik* [ˊkro:nik] – ‘хроника’, *der Christ* – ‘христианин’, *die Couch* [kautʃ] – ‘кушетка’; *der Chef* [ʃɛf] – ‘начальник, шеф’, *die Planche* [ˊplã:ʃə] – ‘фехтовальная дорожка’, *die Chance* [ˊʃãŋsə] [ˊʃãsə] – ‘шанс’; *das Chalet* [ʃaˊle:] – ‘шале, сельский дом в швейцарском стиле’, *der Chauffeur* [ʃɔˊfØ:ʁ] – ‘шофёр’, *der Bachelor* [ˊbɛ:tʃɛlʁ] – ‘бакалавр’, *der Champion* [ˊtʃɛmpjən] – ‘чемпион’, *Chaplin* [ˊtʃɛplin] – ‘Чаплин’.

Значительные трудности представляет для студентов чтение английских слов, написание и произношение которых совершенно не совпадает, при этом может использоваться не только немецкая, но и английская и французская транскрипция. Так, например, в туристической тематике: *das Management* [ˊmænidʒmənt] – ‘менеджмент’, *das Engagement* [ãgaʒ(ə)mã] – ‘1. приглашение на работу; 2. служба, место, должность’, *der Boom* [bum] – ‘1. бум, искусственное повышение курсов; шумиха, сенсация’, *die Branche* [ˊbrãʃə] – ‘отрасль’, *das Niveau* [niˊvo:] – ‘уровень’, das Image [ˊimidʒ] – ‘имидж’, *das Milieu* [miˊljØ:] – ‘(окружающая) среда’, *der Event* [iˊvɛnt] – ‘событие’, *das Gouvernement* [guvɛrnəˊmã:] – ‘губерния’, *das Appartement* [apɑrtəˊmã:] – ‘небольшая комфортабельная квартира’, *Leicester* [ˊlɛstɐ] – ‘г. Лестер’, *die Jury* [ʒuˊri:] – ‘жюри’, *die Renaissance* [rənɛˊsã:s] – ‘Эпоха Возрождения, Ренессанс’, *der Incomingtourismus* [inˊkamiŋtu, rismʊs] –‘въездной туризм’, *das Mountainbiking* [ˊmaʊntin,baikiŋ] – ‘езда на горных велосипедах’, *der Loughborough* [ˊlʌfbərə] – ‘Лафборо (город в Великобрита-

нии)', *der Outgoingtourismus* [ˊautgouiŋtu,rismʊs] – 'выездной туризм'; в спортивной тематике: *das Training* [ˊtrɛ:niŋ] – 'тренировка', *das Team* [ti:m] – 'команда, коллектив', *die Tour de France* [tur də ˊfrãs] – 'велогонка «Тур де Франс»', *das Hockey* [ˊhɔki] – 'хоккей', *die League* [li:g] – 'хоккейная лига' *die Fairness* [ˊfɛʁnɛs] – 'корректное поведение', die Fair Play [ˊfɛ:ʁ ple:] – 'честная игра, корректная игра', *der Puck* – 'шайба (хоккейная)', das Freestyle [ˊfri :stail] – 'лыжный спорт' и пр.

Поэтому преподавателям иностранного языка при составлении методических разработок к текстам, учебных пособий, рекомендаций, памяток по чтению иноязычных профессионально-ориентированных текстов необходимо учитывать возможные трудности чтения английских, французских слов. Для закрепления техники чтения и ускорения процесса узнавания/восприятия новых, необычных для немецкого графического изображения слов целесообразно предлагать студентам разного рода упражнения для автоматизации произношения и чтения английских, французских лексических единиц. В предтекстовых упражнениях или в разделе «Пояснения к тексту» необходимо предоставлять немецкую транскрипцию (в наиболее сложных случаях давать русский вариант) чтения слов. При этом целесообразно обращаться к немецкому словарю произношения.

Студенты делают ошибки в чтении сложных существительных, несмотря на замечания. Так, например, вместо *die Staats-oper* они читают *die Staat-soper*, вместо *die Universitäts-tätigkeit* читают *die Universität-stätigkeit*.

В связи с этим, для студентов неязыковых специальностей нами был составлен словарь-справочник на примерах профессионально-риентированных лексических единиц туристической, спортивной и педагогической тематики. В справочнике даны правила образования сложных существительных, включающих: постановку основного ударения (на первом слове) и второстепенного ударения (на втором или третьем слове); объединение двух и более существительных соединительной согласной '**s**' (с обязательным чтением буквы '**s**' с первым словом). Например, в туристической сфере: *das Jugendherbergswerk* – 'молодежные хостели', *die Aufwandsentschädigung* – 'компенсация затрат, возмещение', *die Unterbringungsform* – 'форма размещения', *die Beförderungsleistungen* – 'оказание услуг по перевозкам (туристов)', *die Informationsaufgaben* – 'задачи по предоставлению информации'; в спортивной сфере: *das Bewegungsarmutausgleichen* – 'восполнение нехватки движения', *der Berufssportler* – 'профессиональный спортсмен', *das Verfolgungsfahren* – ''Гонка преследования, das Ausscheidungsspiel – 'отборочная игра', *der Austragungsort* – 'место розыгрыша', *der Begriffsapparat* – 'понятийный аппарат', *die Unternehmungsleitung* – 'руководство предприятия', *die Leibesübung* – 'физическое упражнение'; в педагогической тематике: *die Bildungsstätte* – 'место получения образования', *der Altersunterschied* – 'возрастное отличие', *die Gefühlserfahrung* – 'чувственный опыт, *die Lebenseinstellung* – 'отношение к жизни', *die Erziehungsanstalt* – 'воспитательное учреждение', *die Tagesstätte* – 'центр проведения дня с трудотерапией и другими возможностями занятия и работы' и пр.

Таким образом, использование такого словаря-справочника будет способствовать формированию у студентов правильного чтения сложных существительных и формированию у них иноязычной профессиональной лексической компетенции, так как «без запаса слов, хотя бы незначительного, владеть языком невозможно» [1, с. 118].

В результате проведенного исследования нами было установлено, что преодоление трудностей в обучении студентов неязыковых специальностей чтению профессионально-ориентированных текстов и формирование иноязычной профессиональной лексической компетенции возможно при условии предварительно организованной преподавателями иностранного языка работы по подготовке методических разработок, рекомендаций, лексических упражнений, памяток, снимающих фонетические и лексические барьеры.

Литература

1. Беляев. Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1965. – 229 с.

2. Бим, И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 2009. – 278 с.

3. Борзова, Е. В. Тексты для чтения на начальном этапе обучения / Е. В. Борзова // Иностранные языки в школе. – 1990. – № 4. – С. 54–56.

4. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2008. – 334 с.

5. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 254 с.

6 Майорова, В. Ю. Сущность иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности будущих инженеров / В. Ю. Майорова // Вышэйшая школа. – 2011. – № 3. – С. 16–20.

7. Пассов, Е. И. Компетенция коммуникативного обучения иноязычной культуре в средней школе / Е И. Пассов, В. Б. Царькова. – М. : Просвещение, 1993. – 347 с.

8. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе : учеб.-метод. пособие для вузов / С. К. Фоломкина. – М. : Высшая школа, 1987. – 207 с.

L. D. Grushova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: luciena1950@mail.ru

Difficulties in teaching professionally-oriented texts reading in non-linguistic students

Key words: foreign language, difficulties, reading technique, professionally-oriented lexical foreign speaking competence.

Difficulties in teaching non-linguistic students foreign-language professionally-oriented texts implying learning skills acquisition related to technical side of reading.

Necessity to prepare guidelines, manuals and exercises for non-linguistic students, which are aimed at diminishing phonetics and lexical difficulties in reading and encouraging a foreign-language professionally-oriented texts understanding is justified.

Г. Ф. Имамгулиева гызы
Азербайджанский университет языков
e-mail: a-yashar@rambler.ru

УДК 81’243’24373,5

Использование некоторых форм активного обучения на уроках иностранного языка

Ключевые слова: куррикулум, стратегии образования, форма обучения, иностранные языки.

Реализация образовательных стандартов, предусмотренных куррикулумом обучения, требует пересмотра традиционных стратегий обучения предметам школьного курса, в том числе иностранным языкам. Стратегии обучения охватывают формы, методы и техники, используемые учителем в процессе обучения иностранным языкам. Более эффективное использование термина «стратегия обучения» при организации изучения иностранных языков предполагает, прежде всего, описание учебного процесса, основанного на куррикулярной концепции обучения.

Ныне в Азербайджанской Республике осуществляется куррикулум как новая модель образования. Реализация образовательных стандартов, предусмотренных куррикулумом, требует пересмотра традиционных стратегий обучения предметам школьного курса, в том числе иностранным языкам. Стратегии обучения охватывают формы, методы и техники, используемые учителем в процессе обучения. До сих пор в азербайджанской педагогической литературе не оперировали этим понятием.

Более эффективное использование термина «стратегия обучения» при организации педагогического процесса предполагает, прежде всего, описание учебного процесса, основанного на куррикулярной концепции обучения. Другими словами, образование следует рассматривать не только как результат, или просто как процесс, а как понятие с более широким семантическим полем, обладающее тонкими смысловыми оттенками. Так, например, только лично ориентированный, результативный и культуросообразный характер образования уже позволяет охарактеризовать его (образование) с разной позиции:

Образование – это ценность, образование – это система, образование – это процесс, образование – это результат.

Действительно, образование охватывает такие ценности, как язык, менталитет, национальные традиции и обычаи и т. д. Формирование этих ценностей как конечная цель образования предусматривает реализацию таких принципов, как культуросообразность, коллективизм, системность, целостность и ориентация на личность.

Образование как своеобразная и динамическая система состоит из различных ступеней и этапов, каждый их которых является относительно замкнутой подсистемой. Ожидаемые результаты обучения и достижения учащихся, проникая во все поры учебного процесса и вытекая из задач каждого этапа, в совокупности составляют единую систему образования. При этом главными принципами, реализация которых делает образование единой системой, выступают демократизация, гуманизация, дифференциация, индивидуализация, вариативность и инклюзивность.

Образование следует рассматривать и как процесс, поскольку образование есть сложный многогранный процесс формирования у обучаемых общечеловеческих и национальных ценностей. Именно благодаря образованию формируется активная умственная (речевая, познавательная, психомоторная) деятельность человека. В этом процессе задействованы такие принципы, как соответствие природе, практичность, поэтапность, непрерывность, ориентированность.

Образование как симбиоз, органическое сочетание учебной деятельности учащихся и педагогической деятельности учителя выступает логическим итогом целенаправленных действий учащихся, учителя, государства и общества [1; 2].

Образование в этом смысле есть результат поэтапного и целостного процесса.

Стратегии обучения в рамках новых предметных куррикулярной модели языкового образования охватывают следующие вопросы:

1) принципы организации педагогического процесса;

2) учебное планирование по отельным предметам;

3) формы и способы, используемые в организации обучения.

Соответствие потребностям и интересам учащегося, школы и общества, а также вероятность реализации стандартов содержания, отражающих ожидаемые результаты, которые учащийся предположительно продемонстрирует в конце учебной деятельности, являются важными условиями. При составлении стандартов содержания иностранного языка, в первую очередь, уделяется внимание обеспечению целостности педагогического процесса. Для достижения этой цели соблюдается единство соответствующих знаний, навыков и ценностей по данному предмету.

Активное обучение – это новый подход к организации современного педагогического процесса. При таком подходе обучение направлено не на механическое пополнение памяти ребенка новой информацией, а на обогащение интеллектуального запаса

учащихся новыми знаниями, развитие мышления и выработку у них самых необходимых навыков и умений.

Именно при таком обучении учащиеся получают возможность задавать вопросы, изучать проблемы, исследовать, обсуждать их. В процессе активного усвоения учебных материалов учащиеся учатся определять причинно-следственные отношения явлений и фактов, делать выводы и обобщать. Таким образом, учащиеся вовлекаются в коллективное и индивидуальное решение дидактических и социальных проблем, пользуются различными источниками информации, занимаются самостоятельно обогащением своих знаний.

Активные методы обучения иностранным языкам имеют следующие характерные особенности:

1. Главное внимание в первую очередь направлено на формирование личности учащегося.
2. Учитель выступает координатором учебной деятельности, советником и помощником учащихся.
3. В ходе решения проблемы учащиеся выступают активным исследователем.
4. Знания, умения и навыки приобретаются учащимися самостоятельно.
5. Отношения «учитель – учащийся», «учащийся-учащийся» создают условия для сотрудничества.
6. Уроки строятся на интегративной основе.
7. Широко применяются нестандартные уроки.

Формы работы. В активном обучении иностранным языкам основными формами работы учащихся могут быть:

1. Индивидуальная работа
2. Работа в парах (развиваются чувства коллективизма, умение согласовывать свои действия, прислушиваться к чужому мнению)
3. Групповая работа (совместная деятельность определяет ответственность за положительный исход общего дела, совершенствуются чувство коллективизма и т. д.) [2].

Мозговая атака. В результате применения этого метода учащиеся знакомятся со способами решения проблемы и анализируют эти способы, а также демонстрируют свою способность самостоятельно мыслить. Это оказывает положительное влияние на развитие их критического мышления. Например, учащиеся озвучивают и записывают свои первые идеи, касающиеся конкретной темы или проблемы. При этом главная цель заключается в том, чтобы учащиеся высказали как можно больше идей. После того, как идеи записаны, они анализируются и классифицируются в ходе групповой работы, а затем обсуждаются выбранные идеи. Мозговая атака в основном применяется на этапе мотивации. Этот метод используется при проблемных ситуациях и при расхождении мнений на уроках родного языка. При таких условиях учащемуся приходится задумываться на миг и излагать свою позицию, расходящуюся с мнениями его товарищей. Эта позиция формируется как образ мышления на основании ранее приобретенных знаний, а при необходимости, проявляется мгновенно и скачкообразно. Иногда эта позиция бывает неточной, но имеет важное дидактическое значение с точки зрения активности учащихся.

ЗХЗВ (знаю/хочу знать/выучил) (KWL). Этот метод используется в основном на уроках, посвященных приобретению новых знаний, обобщению и подытоживанию ранее приобретенных знаний с целью привить учащимся необходимые навыки восприятия и передачи информации, понимания, а также составления вопросов. При этом главная цель заключается в установлении связей между ранее приобретенными знаниями и опытом и новыми знаниями.

Метод аукциона используется для развития навыков прослушивания и понимания путем изучения особенностей различных предметов и явлений. Этот метод применяется, в основном, на этапе обучения. Например, учитель дает ознакомительную информацию о предмете или явлении, а учащиеся по очереди высказывают свое мнение об осо-

бенностях этого предмета или явления. На высказывание одного мнения выделяются 2 секунды. Если по истечении 2 секунд ни один из учащихся не называет одну из особенностей предмета или явления, то этот предмет или явление считается «проданным». Этот метод может быть использован с большей эффективностью на мотивационном и заключительном этапах. Ролевые игры отражает различные подходы к решению новой проблемы. Участники игры, выступающие в роли представителей различных слоев общества, оценивают конкретную проблему со своей позиции. Главная цель применения этого метода заключается в развитии таких навыков учащихся, как высказывание и обоснование собственного мнения, критическое мышление, сотрудничество и уважительное отношение к мнению других людей. Эмоциональные ощущения являются главной наградой от участия в подобных играх. Эмоциональные ощущения играют главную роль в эффективном восприятии информации или проблемы в ходе урока. Например, по мере возможности на уроке родного языка материалы для чтения (сказка, басня, стихотворение с интересным сюжетом) инсценируются. Иногда становится возможной инсценировка события из обыденной жизни, связанного с темой занятия. В ходе ролевых игр учащиеся входят в роль и оценивают ситуацию с позиции другого человека. Привнесение таких игровых элементов в содержание учебного занятия делает эти занятия более интересными и расширяет возможности для творческой деятельности учащихся.

Метод круглого стола используется для развития способности учащихся мыслить творчески. Класс подразделяется на группы и каждой группе дается одно предложение и задание написать маленький рассказ на тему, затрагиваемую в данном предложении; в результате появляются маленькие тексты в количестве, равном числу групп. Затем эти тексты прослушиваются, обсуждаются и оцениваются.

Метод Инсерт (система интерактивного учета) – это технология, предусмотренная для развития навыков учащихся мыслить критически и читать. Чтение текстов информационного характера и выделение необходимой информации из этих текстов на уроках иностранного языка имеют важное значение. В ходе чтения учащиеся обозначают каждый абзац нижеуказанными знаками:

Непонятная информация – (?)

Знакомая информация – (√)

Новая информация – (+)

Информация, опровергающая знакомую информацию – (–)

Этим способом проводятся обобщения при участии всего класса, выявляется информация, непонятная для учащихся, и степень непонятности этой информации, а также информация, незнакомая для учащихся, проводятся объяснительные работы.

Рабочий шум или деловая суета. Демократизация образования и рассмотрение учащегося в качестве равноправного субъекта учебного процесса способствует возникновению деловой суеты на уроках. Возникают различные суждения и предложения, касающиеся интересных задач и вопросов, поднятых учителем или учащимися, а также возникают споры во время изучения какого-либо текста, анализа лингвистических материалов и в других случаях. Учащиеся излагают свое отношение к поднятой проблеме. В ходе групповой работы создается более благоприятная среда для выражения индивидуальных позиций. Рабочий шум, возникший вследствие изложения какой-либо мысли, сначала происходит в пределах одной группы, а потом распространяется на весь класс. Подобная ситуация заинтересовывает и активизирует весь класс. Ведь дети обычно знают кое-что о каком-либо предмете, явлении или языковом факте. При необходимости, они с помощью или без помощи учителя отмечают в соответствующей таблице знания, которые они желают приобрести. Наконец, они записывают в эту же таблицу сведения о каком-либо предмете или явлении, которые они изучили.

Диаграмма Венна. Этот метод основан на двух пересекающихся кругах. Использование этого метода позволяет выявить сходные и отличные черты двух грамматиче-

ских понятий, двух литературных героев, двух деревьев, двух птиц, двух стран и т. п. При этом применяется сравнительный прием, проводится анализ, и таким образом, обеспечивается мыслительная активность учащихся.

Кластер (разветвление). Использование этого метода способствует выяснению представлений учащихся о понятиях вида и рода, систематизации и укреплению знаний учащихся, и обогащению их словарного запаса за счет изученных новых слов. Метод разветвления может быть использован в различных формах работы и на различных этапах занятия, так как он содержит элементы, заставляющие учащихся задуматься.

Дискуссия. Применение дискуссий в ходе преподавания родного языка имеет дидактическую значимость; играет важную роль в формировании навыков общения учащихся; учащиеся участвуют в дискуссии со своими вопросами и репликами, демонстрируют убедительную речь, используя сведения о соответствующих фактах и явлениях; получают возможность применять на практике свои теоретические знания по родному языку.

Дебаты. Дебаты являются многосторонними дискуссиями. В ходе подобных дискуссий оппоненты пытаются убедить не друг друга, а третью сторону. На занятиях по родному языку, посвященных установлению способов решения каких-либо проблем, использование таких дискуссий повышает эффективность занятия. В итоге становится возможным составление образцов активных занятий, посвященных как чтению текстов, так и изучению грамматических материалов.

Словесная ассоциация. Словесная ассоциация является словесной игрой, а также учебным методом, используемым для повышения активности учащихся в ходе учебного процесса. Для того чтобы использовать метод словесной ассоциации нужно установить необходимые требования (эти требования могут быть установлены в виде правил заранее) [3]. Эти требования должны соблюдаться в ходе учебного процесса. Например, в период изучения алфавита могут быть предъявлены следующие требования: составить новое слово путем добавления слога к последнему слогу слова, данного в учебнике, и прочитать новое слово вслух, затем составить независимую цепь слов; или установить и последовательно записывать слова, начинающиеся с последнего слога данного слова, и составить цепь слов.

Литература

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку для школ с русским языком обучения // Русский язык и литература в Азербайджане.– 2003.– № 3. – С. 3–9.

2. Материалы по разработке национального стандарта среднего общего образования Республики Казахстан. Алматы, 2004. – 47 с.

3. Предметные куррикулумы для 1–4 классов общеобразовательных школ. – Баку : Təhsil 2008. – 485 с.

G. F. Imamguliyeva gyzy
Azerbaijan University of Languages
e-mail: a-yashar@rambler.ru

The use of some forms of active learning in foreign language lessons

Key words: curriculum, education strategies, form of education, foreign languages.

The implementation of educational standards stipulated by the curriculum of instruction requires a revision of the traditional strategies of teaching subjects of the school course, including foreign languages. Learning strategies cover the forms, methods and techniques used by the teacher in the process of learning foreign languages. A more effective use of the term "education strategies" in organizing the study of foreign languages involves, above all, a description of the educational process based on the curricular concept of learning.

L. V. Kazhekina
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: kazhelu@mail.ru

УДК 811.111’243:378.147

The importance of the fifth skill for the acquisition of a foreign language

Key words: mother tongue, cross-linguistic similarities, language transfer, bilingualism, linguistic situation.

The fifth skill is understood as an ability to function fluently in two languages alternately. This implies an ability to switch from one language to another at the moments notice, without any preparation or thinking time. For a monolingual speaker, this means an application of translation from (into) the first or native (L1) language into (from) the second or foreign language (L2).

This paper aims at examining students’ perceptions of the use of mother tongue and translation in various linguistic situations.

The findings demonstrate that adult learners need a support of mother tongue in English classes, but the amount of the native language needed depends on students’ proficiency in English.

Translation is sometimes referred to as the fifth language skill alongside the other four basic skills of listening, speaking, reading, and writing. «Translation holds a special importance at an intermediate and advanced level: in the advanced or final stage of language teaching, translation from L1 to L2 and L2 to L1 is recognized as the fifth skill and the most important social skill since it promotes communication and understanding between strangers» [5, 61].

The issue of translation has been rather controversial and seems to be a step backwards from the communicative approach to learning/teaching English *through* English. Non-native learners realize that they need as much exposure to the L2 as possible during precious classroom time. For a long time any usage of the L1 in class or translation has been considered as a waste of time, and native and non-native teachers of English have been in favor of this attitude and supported it overwhelmingly. It should be emphasized that translation here is used in the meaning of the language learning tool, but not in its another meaning, i.e. as a vocational skill that professional interpreters need to acquire .

The investigation of students and teachers attitudes toward using L1 in the L2 classroom was carried our by Schweers [6, 6], who overviewed a number of possible applications of the mother tongue in the L2 classroom:

- eliciting language
- checking comprehension
- giving complex instructions
- testing
- developing circumlocution strategies
- negotiating of the syllabus
- classroom management
- language analysis
- presentation of grammar rules
- explanation of errors
- assessment, etc.

According to this source, there were 19 teachers-respondents, however, the number of students-respondents was not mentioned. The major result of this reseach was a very interesting fact: the majority of respondents supported the use of the mother tongue in teaching and learning English.

New ways of treating a need for translation in language teaching are advocated by Guy Cook indicating that communicative language teaching has prevailed for 30 years and outlawed the translation and explanation in the students first language, which was declared illegal. According to G. Cook, bilingualism and translation in the classroom are really quite authentic, together with the conscious focus on differences between languages... The notion that a bilingual environment with a lot of translation and a lot of code-switching and focus on form is something alien to what people are learning a language for is really quite peculiar. G. Cook concludes that learners need a bilingual environment with a lot of translation and a lot of code-switching and focus on form and a bit of focus on meaning and use.

Nigel J. Ross argues for translation as a useful language learning tool in the ordinary classroom: the real usefulness of translation in the EFLclassroom lies in exploiting it in order to compare grammar, vocabulary, word order and other language points in English and the students mother tongue. The areas where differences occur range from relatively small points such as false friends, through sizeable areas such as tense systems, to more complex fields such as contrastive rhetoric. If students are aware of the differences, interference is likely to be reduced. N.J.Ross describes some practical examples how to employ translation in teaching writing, grammar, vocabulary, and idioms.

The use of translation as a discredited tool for language learning has been re-examined lately by Daniel Linder , who claims that EL teachers often reject translation in classroom because they associate translation with the use of grammar-translation as a non-communicative method. Another aspect of translation is its being a professional activity which requires special training. Thus, for students, translation into English as well as literal translation into students native tongue is professionally unrealistic task, and it should not be the focus of an English class. D.Linder advocates translation activities on a regular basis as natural language learning methods for promoting contextualised language use, discourse and textual-level language competence, and cultural transfer skills. Several practical translation activities, e.g. gist, jigsaw, cultural, sight translations, for the English classroom have been described and compared with translation in a professional context. According to D. Linder, translation activities should be used, and they should be supported by communicative, natural language learning methods.

Nobody would argue that human way of thinking is shaped by a mother tongue, which always interferes with a foreign language. The interference may be positive or negative, and the latter causes errors in a foreign language.

The term *transfer* is widely used to describe the issue of cross-linguistic influence. Cross-linguistic similarities and differences can produce varied effects: positive transfer, negative transfer, including underproduction, overproduction, production errors, misinterpretation.

The linguistic awareness of the L1 transfer to L2 helps learners to deal with the hazards of using two languages alternately. In our settings, learners are rather multilingual than bilingual, which involves multilingual transfer and importance of language distance. A phenomenon of code-switching ,which is very common in multilinguals, is not a falling-back on the native language but rather a variety of switching skills that they possess. However, in the unknown territory of a foreign language for specific purposes, a demand for the mother tongue seems to be welcome. One cause for such a priority is probably a storage pool in memory linked to different languages. Another cause might be psychological. All people have a strong interest in preserving face, which has two aspects: (1) positive face, the self-image and self-respect that a person has; and (2) negative face, the claim to privacy, freedom of action,

and other elements of personal autonomy. The ability to switch to a native language even for a short time allows learners to preserve face, get rid of anxiety, build confidence and feel independent in their choice of expression. It is noteworthy that in teaching / learning English there has been a long-felt dissatisfaction, mainly on the students' part, about excluding or minimal use of translation in mastering complex issues. Learners constantly wanted to check the exact meanings of the occurring terms in their native language by consulting bilingual dictionaries or asking for teacher's explanations.

There is an opinion that rigidly eliminating or limiting the native language does not appear to guarantee better acquisition, nor does it foster the humanistic approach that recognizes learners' «identities».

In the coming years of greater mobility of population, successful multilingualism, on the one hand, and on-going maintenance of minority language within a single dominant language in the community, on the other hand, will increase. Undoubtedly, the necessity for people to be able to function fluently in a few languages will rise. The issue of the fifth skill a proficient use of several languages – in teaching/learning a foreign language will become even more important in the future than it is now.

Based on this paper considering implications of an understanding of the importance of the fifth skill for the acquisition of a foreign language the following conclusions have been drawn.

The teachers attitudes to the use of learners native language in the classroom on the tertiary-level have undergone significant changes from a complete denial to a reluctant acceptance. The majority of teachers support the limited use of translation in the ESP classroom and agree that L1 assists students in learning a foreign language. The prohibition or avoidance of the mother tongue minimizes the effectiveness of its learning. Use of translation helps develop bilingualism due to learners ability to recall appropriate word networks spontaneously.

The fifth skill of being able to function fluently in two or more languages alternately is becoming an important part of learning a foreign language and needs promoting within the framework of communicative language approach.

References

1. Benson, C. Transfer / Cross-Linguistic Influence / C. Benson // ELT Journal. – 2002. – Vol. 56, № 1. – P. 68–70.

2. Carless, D. Student Use of the Mother Tongue in the Task-Based Classroom / D. Carless // ELT Journal. – 2008. – Vol. 62, № 4. – P. 331–338.

3. Cook, G. Unmarked Improvement: Values, Facts, and First Languages / G. Cook // IATEFL Conference, Aberdeen, 18–20 April, 2007.

4. Odlin, T. Language Transfer / T. Odlin – USA: Cambridge University Press, 1996.

5. Ross, N. J. Interference and Intervention: Using Translation in the EFL Classroom / N. J. Ross // Modern English Teacher. – 2000. – Vol. 9, № 3. – P. 61–66.

6. Schweers, C.W. Using L1 in the L2 Classroom / G. W. Schweers // English Teaching Forum. – 1999. – Vol. 37, № 2. – P. 6–9.

7. Promoting the fifth skill in teaching ESP // ESP World, Issue 2 Volume 1, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esp-world.info/Articles_2/ Promoting%20the%20Fifth%20Skill%20in%20Teaching %20ESP.html – Дата доступа 10.01.2020.

Л. В. Кажекина
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: kazhelu@mail.ru

Важность пятого навыка для овладения иностранным языком

Ключевые слова: родной язык, межъязыковое сходство, языковой перенос, билингвизм, языковая ситуация.

Под пятым навыком понимается способность свободно работать с двумя языками одновременно в зависимости от ситуации общения. Это подразумевает способность переключаться с одного языка на другой в нужный момент без предварительной подготовки и времени на обдумывание.

Для говорящего на одном языке это означает применение перевода с(на) первого или родного (L1) языка на(с) второй или иностранный язык (L2).

Целью данной статьи является изучение восприятия студентами использования родного языка и перевода в различных языковых ситуациях.

Полученные данные показывают, что взрослые учащиеся нуждаются в поддержке родного языка на занятиях по иностранному (английскому) языку, но необходимый объем родного языка зависит от уровня владения последним.

О. А. Климкович, И. Я. Кураш, С. М. Яковлев
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: olga-klimkovich@mail.ru

УДК 811.161.1’243:378.147:371.33

Диалог на занятиях по русскому языку как иностранному

Ключевые слова: диалог, методика преподавания, русский язык как иностранный, последовательность, этапы.

В статье рассматриваются общие закономерности формирования коммуникативных навыков, специфика диалогической речи, анализируются учебные пособия, предназначенные для развития навыков говорения, приводятся примеры возможных заданий.

Возможность обучения иностранного студента на первом курсе белорусского вуза предполагает, что им усвоен русский язык как иностранный на уровне пороговой коммуникативной достаточности. Требования указанного уровня определяют, какими навыками в области чтения, письма, аудирования и говорения должны обладать обучающиеся. Говорение является одним из наиболее сложных аспектов обучения РКИ. Предполагается, что при поступлении в университет студент владеет навыками монологической и диалогической речи, которые позволяют ему достаточно свободно вести коммуникацию как на профессиональные, так и на бытовые темы. Частично это объясняется тем, что традиционно на занятиях по РКИ изучается грамматический материал, происходит знакомство с новой лексикой, формируются навыки работы с текстом, в то время как для участия в речевых ситуациях необходимо формирование навыков аудирования и автоматизация речевых навыков. Поэтому сложности вызывает не только монологическая речь на заданную тему, но и участие в различного рода диалогах, которые связаны с учебными и бытовыми ситуациями. Хотя «обучение речевой деятельности на иностранном языке в большинстве случаев предполагает овладение умениями и навыками в наиболее естественной форме – диалогической» [2], у многих обучающихся участие в диалогах вызывает определенные трудности. Нередко уровень владения диалогической речью является важнейшим показателем для определения того, знает ли иностранец русский язык, так как именно диалог является основной формой коммуникации.

Больше всего иностранному обучающемуся хочется говорить на русском языке, и больше всего его пугает именно этот аспект. Кроме того, следует отметить, что многие студенты сейчас не приемлют абстрактного изучения грамматического материала, за-

поминания лексики, если не понимают, где и когда конкретно указанный грамматический и лексический материал может быть использован в речи.

Соответственно, очень важным является использование на занятиях диалогов, работая с которыми обучающийся усвоит нужную ему лексику и научится правильно употреблять определенные фразы в реальной жизни.

Цель представленной статьи – рассмотреть особенности работы с диалогами на подготовительном отделении, на котором обучающиеся должны достичь уровня минимальной коммуникативной достаточности и уровня пороговой коммуникативной достаточности.

Для организации обучения диалогической речи большое значение имеют общие закономерности формирования коммуникативных умений, к которым относятся умения аудирования, говорения, письма и чтения [4, с. 147].

Важнейшим является правило: научиться участвовать в диалогах и реагировать на реплики собеседника можно только в процессе диалогической речи. В соответствии с этим правилом в основе обучения говорению лежит практика в соответствующем виде речевой деятельности.

Из этого принципа вытекает следующий: практика диалогической речи должна осуществляться регулярно, изученные речевые образцы должны закрепляться и повторяться, а объем и сложность материала нарастать.

Поскольку обучающимся в практике речи необходимо использовать все большее количество лексических единиц, грамматических конструкций и языковых клише, при формировании умений диалогической речи, как и других коммуникативных умений, необходимо опираться на механизм памяти учащихся. На начальном этапе обучения у учащихся сформирован «механизм вербальной памяти на родном языке», поэтому его необходимо адаптировать к русскоязычному материалу с помощью таких упражнений, как слушание и повторение, устное объединение простых элементов в сложные, заучивание, составление рассказов.

Согласно работе Т. И. Капитоновой, Л. В. Московкина, в основе формирования коммуникативных умений также должно лежать развитие механизмов антиципации и осмысления [4, с. 150].

Диалогическая речь значительно отличается от монологической речи. Среди основных признаков диалога можно выделить то, что он контекстуален и формируется спонтанно, соответственно, это не заученный монолог. Диалогический текст не всегда является связным и целостным, так как в процессе его создания могут изменяться целевые установки участников диалога, его тема и эмоциональный фон. Для диалогов характерно наличие эллипсисов, инверсий. Нередко это затрудняет понимание и общение. Для преодоления подобных сложностей наряду с обучением вербальной стороне диалогической речи необходимо обращать внимание на невербальные элементы общения, характерные для носителей русскоязычной культуры, и на эмоциональную наполненность сообщения, одним словом, на экстралингвистический контекст.

Несмотря на то что диалог между преподавателем и студентом или между студентами происходит на протяжении почти всего учебного занятия, времени на непосредственную работу с ситуативным диалогом отводится немного, в пределах 20–30% от общего количества.

Такой диалог предполагает конкретную коммуникативную ситуацию, включающую личности говорящих, их социальные роли, взаимоотношения, обстоятельства, в которых происходит общение, речевые намерения собеседников.

В основе любого ситуативного диалога лежит речевая ситуация, обстоятельства и условия которой заключают в себе проблему, требующую решения [3, с. 44]. Наличие проблемы является внутренним мотивом к началу речевого поведения. Необходимость реше-

ния проблемной ситуации, устранения дефицита информации стимулирует речевое действие, в котором могут содержаться вопрос, побуждение или информация. Тип речевого действия обусловлен тем противоречием, которое содержится в проблемной ситуации.

Учитывая ограниченность временного ресурса для изучения ситуативных диалогов, важными становятся тематический отбор и последовательность предъявления диалогов при изучении русского языка как иностранного на начальном этапе. Важной и необходимой чертой ситуативных диалогов является актуальность содержания и соответствие реалиям современной действительности.

В методических пособиях по РКИ, применяемых для обучения диалогической речи (например, Г. В. Беляева «Слушайте. Спрашивайте. Отвечайте» [1], Н. А. Лашкевич «Разговор на русском языке: диалоги для общения в различных ситуациях : практикум» [5], О. Надеждиной «Новая Россия: 127 живых диалогов и самые важные глаголы для общения» [6]) не существует стандартного набора ситуативных диалогов, которые обязательны для изучения на начальном уровне обучения. Темы диалогов отличаются и характеризуются различием в языковом наполнении. Если изучение грамматического материала стандартизировано, то при обучении диалогической речи мы встречаемся:

1) с ситуативными диалогами, которые представлены во всех пособиях – «Знакомство», «В магазине», «В кафе, в ресторане», «Приглашение», «Ориентация в городе», «Разговор по телефону», «На почте»;

2) с ситуативными диалогами, которые представлены только в отдельных изданиях – «В аэропорту, на вокзале», «В поликлинике, у врача», «В университете, в деканате», «В гостях», «В консульстве и посольстве», «В салоне красоты»;

3) существует ряд тем, которые не находят отражения даже в наиболее современных учебных изданиях: «Подключение Интернета», «В мастерской по ремонту одежды и обуви», «В миграционной службе», в то время как эти темы являются важными для организации быта обучающихся.

Во многих случаях диалоги, которые встречаются во всех учебных пособиях, требуют актуализации. Так, широко распространенный диалог «В магазине» не учитывает такой лексики, как *дисконтная карта, акция, он-лайн заказ, интернет-доставка;* в единичных пособиях представлена лексика *скидка, пин-код, наличные, карта*; рассмотренные нами диалоги «У врача» не содержат лексемы *аллергия,* хотя при любом обращении в медицинское учреждение и назначении лекарства задается вопрос о наличии или об отсутствии аллергической реакции.

Кроме того, на первом этапе изучения РКИ очень важной является последовательность предъявления ситуативных диалогов. В зависимости от аудитории, эта последовательность должна быть видоизменена. Для обучающихся на подготовительном отделении и планирующих продолжать обучение в университете важными являются речевые ситуации, связанные с выяснением расписания, оформления документов, проживания в общежитии и общей организации учебного процесса. Для тех, кто приехал на краткосрочные курсы, эта информации не обладает значимостью и может быть сокращена.

Один из вариантов последовательности предъявления и изучения ситуативных диалогов на занятиях по РКИ для слушателей подготовительного отделения может быть следующий:

1. Знакомство. Представление. Краткая анкетная информация (имя, фамилия, отчество, возраст, страна проживания).

2. В магазине, на рынке (стоимость, количество, выбор необходимых продуктов и вещей).

3. В деканате (информация о своём факультете, курсе, группе, получение и предоставление документов, выяснение расписания, сроков экзаменационной сессии и каникул, написание заявления).

4. На занятии (расписание занятий, сообщение о присутствии и об отсутствии на занятии, вопросы и просьбы к преподавателю, объяснение причин опоздания и отсутствия), в библиотеке (получение учебников).

5. В общежитии (сообщение адреса, предъявление пропуска, просьбы к соседям по комнате, информация о проблемах в комнате).

6. Подключение телефона и интернета (сообщение о желании подключить телефон или интернет, предъявление документа, выбор тарифного плана, сообщение о наличии или отсутствии сим-карты, выяснение условий оплаты).

7. В городе (сообщение о местоположении объекта, заказ такси, в транспорте).

8. В поликлинике, у врача, в аптеке (сообщение о своем самочувствии, разговор в регистратуре, разговор с врачом, покупка лекарства).

9. В обменном пункте, в банке (оплата учебы, обмен валюты, получение перевода, открытие счета, получение карты).

10. В столовой, в кафе, в ресторане (выбор столика, выбор или заказ блюда, оплата).

11. На вокзале (покупка билета, выбор вагона и места, использование камеры хранения).

12. Аренда квартиры (описание квартиры и местонахождение, период аренды, стоимость, заключение договора и оформление документов на регистрацию).

13. В международном отделе университета (оформление визы, регистрация, смена места жительства, получение приглашения).

14. В гостинице (заказ номера, оплата номера, выяснение условий проживания).

15. В гостях (приглашение в гости, согласие, поздравление).

16. В консульстве и в посольстве (оформление визы).

17. В милиции, в миграции, в ГАИ (предъявление документов, штрафы за нарушение правил дорожного движения или миграционного законодательства, пропажа документов или личных вещей).

18. В мастерской (ремонт телефона и компьютера, ремонт одежды и обуви).

19. В парикмахерской (стоимость стрижки, запись на определенное время).

20. На почте (отправка писем, оплата услуг, получение почтовых отправлений).

Такая последовательность, во-первых, даёт возможность решить проблемы в быту и в учебе, во-вторых, позволяет повторять изученный ранее материал, что особенно важно для автоматизации речевых навыков, в-третьих, соответствует принципу нарастания объема и сложности предъявляемого материала.

В пределах каждой темы возможны разные способы подачи материала для изучения. В методике преподавания РКИ [7, с. 167–169] обозначены такие способы обучения диалогу, как дедуктивный (прослушивание, чтение и проговаривание, заучивание, замена лексики), который характеризуется большей механичностью, и индуктивный (образец, овладение репликами, обучение развертыванию, комбинирование реплик), который отличается самостоятельным ведением диалога. При этом для начального этапа изучения разумно применять синтетический подход [4, с. 184], опирающийся на переход от элементов к целому, заучивание минимальных элементов, усложнение диалогов и увеличение объема.

Для формирования речевых навыков как составной части речевых умений предлагаются различные виды упражнений, которые можно объединить в группу «условно-речевые упражнения» [7, с. 171]. Название «условные» предполагает работу в искусственно созданных или учебных условиях. Главные признаки подобных упражнений – работа по образцу, аналогия, повторяемость. Все это позволяет автоматизировать речевой навык.

Обзор пособий, предназначенных для развития навыков диалогической речи, позволяет говорить о том, что наиболее распространенными являются пособия, в которых сначала даются для изучения отдельные фразы из диалогов или формы речевого этикета, потом предлагаются либо упражнения, либо сам диалог. Далее в системе послетек-

стовых упражнений ведется работа над грамматическим конструкциями и над правильным употреблением отдельных реплик диалога. Особая подача материала предложена в пособии «127 живых диалогов». Сначала предлагается начальная реплика диалога, приводятся примеры ее употребления. После этого дается реплика-реакция и примеры употребления такой реплики. Далее следуют трансформационные упражнения, предлагающие модификацию начальной реплики с использованием различного лексического материала. В конце темы происходит обсуждение первого диалога и предлагаются различные речевые упражнения. С нашей точки зрения, неплохим вариантом может быть комбинация предложенных способов. В качестве примера приведем отдельные материалы для работы над ситуативным диалогом «Подключение интернета».

1. а) Прослушайте диалог 1. Скажите, как вы понимаете значение слов и сочетаний *снять квартиру, подключить Интернет, домашний телефон, Wi-Fi.*

1. – Привет, Касым.

– Привет, Азиз.

– Касым, мы сняли квартиру, но там нет интернета. Где можно подключить интернет?

– Интернет можно подключить в офисе «Белтелекома».

– А где он находится? Далеко?

– Не очень. Ты можешь доехать на троллейбусе № 6.

– Какие нужны документы?

– Паспорт. У вас есть домашний телефон в квартире?

– Нет.

– Значит, вам нужно подключить Wi-Fi.

б) Прочитайте диалог 2. Объясните значения слов *инфокиоск, талон, очередь, табло*.

2. – Касым, скажи, пожалуйста, что надо говорить в «Белтелекоме»?

– На первом этаже есть инфокиоск. Возьми там талон и жди свою очередь. Когда на табло будет твой номер, иди к окну или столу. Скажи, что хочешь подключить интернет.

– Это дорого?

– Не очень, 10-15 рублей в месяц.

– Они работают всю неделю?

– Нет. «Белтелеком» не работает в воскресенье.

2. Выясните у друга:

а) Ты уже подключил интернет?

б) Где ты подключил интернет?

в) Какие документы нужны?

г) Ты подключил Wi-Fi?

д) Сколько стоит Интернет в месяц?

3. Расскажите, что вы делали в офисе от 1-го лица, опираясь на диалог 2.

Образец: Я был в офисе «Белтелекома» на первом этаже. Там был инфокиоск. Я взял … .

4. Передайте содержание диалога 1 и диалога 2, используя предложения с косвенной речью.

Касым сказал, что … .

Азиз спросил, где … .

Азиз попросил, чтобы … .

5. Продолжите предложения.

1. У меня дома есть _____. 2. Интернет стоит _____. 3. Я каждый месяц плачу _____.

1.– Добрый день, Ахмед!
– _____, Али!
– Как у тебя _____?
– У меня всё хорошо. Ну как, ты _____ интернет?
– Да, вчера _____.

6. Подумайте, что вы скажете, если

а) у вас не работает интернет;
б) вы забыли заплатить за телефон;
в) незнакомый человек на улице попросил у Вас телефон, чтобы позвонить;
г) Вам срочно нужно проверить электронную почту.

Диалог, безусловно, является одним из ключевых элементов при обучении русскому языку как иностранному. Методика работы над диалогической речью требует внимательного отношения со стороны преподавателя, вдумчивого отбора материала, разработки грамотной последовательности применения различных упражнений. При условии успешной работы над диалогической речью достигается возможность свободного общения на русском языке в пределах занятия как между обучающимися, так и между преподавателем и студентами.

Литература

1. Беляева, Г. В. Слушайте, спрашивайте, отвечайте / Г. В. Беляева, Е. И. Горская, Л. И. Еремина, И. Э. Луцкая. – М. : Русский язык. Курсы, 2012. – 160 с.

2. Воднева, С. В. Проблемы обучения диалогическому дискурсу на уроках РКИ / С. В. Воднева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dspace.nbuv.gov.ua/ bitstream/handle/123456789/74341/49-Vodneva.pdf?sequence=1. – Дата доступа : 17.01.2020.

3. Григорьева, Н. К. Диалогическая речь на занятиях по русскому языку как иностранному / Н. К. Григорьева // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному : сб. науч. ст. / редкол. : С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 3. – С. 43–48.

4. Капитонова, Т. И., Московкин, Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин. – СПб. : Златоуст, 2006. – 272 с.

5. Лашкевич, Н. А. Разговор на русском языке: диалоги для общения в различных ситуациях : практикум / Н. А. Лашкевич. – Минск : БГМУ, 2018. – 64 с.

6. Надеждина, О. Новая Россия: 127 живых диалогов и самые важные глаголы для общения / О. Надеждина. – МЦ РКИ, 2014. – 144 с.

7. Шибко, Н. Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для иностранных студентов филологических специальностей / Н. Л. Шибко. – СПб. : Златоуст, 2014. – 336 с.

O. A. Klimkovich, I. Y. Kurash, S. M. Yakovlev
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: olga-klimkovich@mail.ru

The dialogue at the lessons of Russian as a foreign language

Key words: dialogue, teaching methods, Russian as a foreign language, sequence, stages.

The article discusses the General patterns of formation of communication skills, the specifics of Dialogic speech, analyzes textbooks intended for the development of speaking skills, and provides examples of possible tasks.

А. В. Королькова
Смоленский государственный университет
e-mail: lika.korolkova@bk.ru

УДК 811.33

Афористика как лингвистический материал при изучении русского языка как иностранного

Ключевые слова: афоризмы, русская афористика, изучение русского языка как иностранного.

В статье рассматриваются варианты использования афоризмов как лингвистического материала при изучении русского языка как иностранного. Афоризмы как текстовый материал могут иллюстрировать разделы: лексикология, грамматика, синтаксис, фразеология, лексикография, стилистика. Использование афоризмов позволит повысить интерес не только к изучению языка, но и к русской литературе и русской культуре в целом.

Афористика представляет собой разностороннее и не в полной мере изученное явление, хотя афористические высказывания (изречения) известны в русской лингвокультуре с появления письменности. К настоящему времени остались нерешенными теоретические проблемы, хотя афористика исследовалась в различных аспектах. Все существующие в русской филологии точки зрения на природу афоризмов можно суммировать и условно разделить на четыре группы:

афоризм – это литературный жанр (Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская [16], С. А. Шаталова [18]; Т. И. Дамм [5] и пр.);

афоризм – это особая форма изложения философских воззрений (И. В. Лукьянец [11] и Н. О. Гучинская [4]; Л. С. Чуманов [17]; В. Н. Назаров [12] и др.);

афоризм – лингвистическое явление языка (Д. А. Крячков [10]; В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин [9] С. Г. Шулежкова [19] и др.);

афоризм – лингвистическая единица фразеологического порядка (С. Г. Гаврин [3], Иванов Е. Е. [7], Королькова А. В. [8] и др.)

Основой для понимания сущности афоризма и афористики, на наш взгляд, должно стать осознание двойственной природы данного явления: и как жанра литературы, и как части фразеологии в широком значении. Заметим, что впервые подобная точка зрения была высказана Ю. Е. Прохоровым в кандидатской диссертации «Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях» (1977) [14].

Так как афоризм – это высказывание вполне устойчивой формы, то он имеет прямое отношение к фразеологии в широком понимании. В широком понимании фразеология включает в себя не только собственно фразеологизмы по классификации академика В. В. Виноградова (с точки зрения устойчивости/неустойчивости формы – это сращения, сочетания и единства), но и паремии, сравнительные обороты, устойчивые выражения номинативного характера.

Как сложное лингвистическое явление фразеологического порядка афористика несет на себе отпечаток национально-культурной специфичности. В корпусе русской афористики разных веков отражаются взгляды писателей, поэтов, деятелей науки и культуры, политиков.

Так, в XVIII веке в русской афористике преобладали темы (отраженные во фразеосемантических полях) *разум, человек/люди, народ, качества человека, язык (слово), учение, любовь, дружба, Россия (отечество), эмоциональные состояния человека, муд-*

рость, слава, смерть, жизнь, душа, судьба, мир и пр. Весьма интересным семантическим полем афористики XVIII века стало поле, объединяющее понятия государственности, *государственных категорий*, таких как *закон, рабство, порядок, польза, опыт* и пр.

В XIX веке корпус русской афористики активно пополнялся изречениями фразеосемантических полей: *человек/люди, любовь и дружба, Россия (родина), свобода, смерть/бессмертие, жизнь, слава, русский язык (слово), поэт, труд, знание, воспитание, эмоциональные состояния и характеристики человека (радость, печаль, горе и пр.), качества человека (глупость, ум и пр.), истина, правда, ложь, война, мир* и т. д.

XX век со всеми противоречиями отразился в русской афористике и оказался невероятно продуктивным. Практически все писатели и поэты XX создавали афоризмы (как вводные, в рамках художественных текстов, так и обособленные, отдельные книги афоризмов, мудрых изречений). Наиболее частотными для авторов XX века являются элементы фразеосемантических полей: *трагическое восприятие действительности, человек/люди, любовь, дружба, Россия, родина, слава, вера, знание, воспитание, честь, радость, печаль, горе, время, книги, ум (умный), истина, правда, ложь, война, мир, стихи, поэт, поэзия, художник, юность, язык, земля, душа, дети, народ, природа, разум, жизнь, смерть, борьба, труд, талант, сердце, слово, наука, деньги, мысль, красота, молодость, мир, мужчина, женщина, революция* и др.

Отметим, что афористический материал разных лингвокультур имеет много общего в тематическом плане, поскольку афористика отражает так называемые «вечные» темы, волнующие человечество с древнейших времен. Этот факт важен для сравнительно-сопоставительного аспекта при изучении РКИ.

При изучении лексической системы современного русского языка в рамках РКИ изречения могут стать текстовыми примерами при анализе прямого и переносного значения слова (разумеется, в качестве иллюстрации приводятся афоризмы или антиафоризмы конца XX века). Это возможно при изучении русского языка, начиная с Базового уровня и заканчивая ТРКИ-4.

Например:

Искренность во все времена – роскошь, и ее могут позволить себе немногие. (Ю. М. Поляков)

* * *

Увы, жизнь всегда ухудшается, как только начинаешь ее целенаправленно улучшать! (Ю. М. Поляков)

* * *

Человек человеку – друг, товарищ и брат! Ты понял, сволочь?! (Словарь антипословиц русского народа)

Вся русская афористика (начиная со второй половины XX века) вполне может использоваться как иллюстративный материал при изучении грамматики современного русского языка для любого сертификационного уровня РКИ, поскольку изречения в полной мере отражают всю грамматическую структуру языка.

При изучении раздела «Синтаксис» современного русского языка также уместно использовать афоризмы XX века в качестве примеров, так как афоризмы могут быть представлены любым видом простого или сложного предложения, а иногда даже и сложного синтаксического целого (как, например, изречения Б. Л. Васильева).

Афоризмы, как и фразеологические единицы, отражают универсалии и уникалии языка и культуры народа в диахронии и синхронии.

Принимая во внимание эти особенности афористики можно использовать любые изречения, зафиксированные в научных афористических словарях, а также представленные на различных научных сайтах в сети Интернет при изучении русского языка как

иностранного. Для разных уровней освоения русского языка можно предусмотреть более простой или сложный афористический материал.

Афоризмами можно иллюстрировать изучение тем, связанных с русской историей, культурой, литературой. В корпусе русских афоризмов различных времен есть множество изречений, например, о Родине, о Москве, о русской природе, о русском языке (для уровней от Базового (БТЭУ) до Третьего сертификационного уровня (ТРКИ-3)).

Например:

Москва… как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! (А. С. Пушкин)

* * *

И званье матушки носила
В пути своем не век, не два –
На то особые права –
Она,
Да матушка-Россия,
Да с ними матушка-Москва. (А. Т. Твардовский)

* * *

Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива! (Н. М. Языков)

Фоновые знания изучающих русский язык как иностранный можно пополнить рассказами о русских писателях – авторах афоризмов.

Требования к аудированию для Четвертого сертификационного уровня (ТРКИ-4) прямо включают в себя умения понимать фразеологические единицы и афоризмы, интерпретировать их, объяснять значение. Впрочем, лексический минимум для этого уровня составляет двадцать тысяч слов, что соответствует лексическому минимуму носителя языка. С изучающими русский язык как иностранный на этом уровне можно рассматривать сложный афористический материал философского содержания или, напротив, актуального политического плана.

Так, вполне уместно рассмотреть фразеосемантическое поле русской афористики XX века *«трагическое восприятие действительности»*, в которое входят афоризмы о войне, о трагедии фашизма.

Например:

Всякая война – преступление, признание для нее каких-то правил равносильно признанию правил убийства. (В. Н. Войнович)

* * *

О, как были бы спокойны,
Как прекрасна была бы жизнь,
Если б все на планете войны
На футбольных полях велись! (Ю. В. Друнина)

* * *

Великая роль в борьбе с войной принадлежит мировой культуре, ибо по своей природе она – строительница взаимопонимания между народами. Культура и война – это непримиримые враги, потому что война – это антикультура. (Е. А. Евтушенко)

Для Третьего и Четвертого уровней изучения русского языка как иностранного особенно актуальными являются темы не только по лексике и грамматике, но и фразеологии. Фразеологическая система русского языка (как и любого другого) отражает на-

циональную специфику ментальности народа. Афористика, являясь частью фразеологии в широком понимании, является прекрасным иллюстративным материалом.

В момент становления фразеологии как отдельной научной лингвистической дисциплины много говорилось об источниках возникновения фразеологизмов. Основным источником фразеологии до недавнего времени считались художественные тексты. Так, А. М. Бабкин в монографии «Русская фразеология, ее развитие и источники» прямо утверждает: «Одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя» [1, 106]. Отметим, мы не утверждаем, что язык писателя – единственный источник обогащения фразеологии. Стихия народной речи также обогащает фразеологию, как художественная литература и публицистика.

То же самое мы можем сказать и об афоризмах. Афоризмы чаще всего вычленяются из художественных текстов, так что основой их возникновения также является язык писателя.

На современном этапе развития языковой структуры язык писателя перестал быть универсальной основой для возникновения афоризмов и фразеологизмов. Источником их стал телетекст, а также стихия разговорной речи.

Л. П. Дядечко в статье «Телетексты как источник крылатых выражений» указывает, что «тексты новых форм массовой коммуникации, успешно конкурирующие с печатью в информационном пространстве <…> могут стать источником обогащения русской фразеологии» [6, 123–124].

Именно поэтому русскую афористику XIX – начала XX века следует использовать в качестве иллюстративного материала к темам об источниках пополнения современной фразеологии (в широком толковании), истории фразеологии, истории возникновения крылатых выражений.

Например, в современной фразеологии фиксируется такая единица как *дым отечества,* которая восходит к крылатому выражению и одновременно афоризму *«И дым отечества нам сладок и приятен».* Афоризм превратился в крылатое выражение, распространившись благодаря комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (хотя впервые сочетание дым отечества было употреблено Г. Р. Державиным).

В рамках курса по фразеологии для ТРКИ-3 и ТРКИ-4 можно не только разобрать эту фразеологическую единицу с точки зрения семантической слитности, грамматической структуры, но и поговорить о глубоком смысле афоризма, о пути развития и трансформации этой единицы

При этом возникает необходимость обратиться к материалу по теории афористики и крылатологии, затронуть проблемы их лексикографирования, рассмотреть систему современных словарей, в том числе словари (справочники) афоризмов, словари крылатых выражений (например, «Не смешите мои подковы» С. Г. Шулежковой [20]), авторские словари обособленной афористики (например, «Бахрома жизни» Юрия Полякова [13]), словари антипословиц/антиафоризмов (например, «Прикольный словарь» В. М. Мокиенко и Х. Вальтера [2]).

В словарях зафиксирован довольно большой список афоризмов, которые являются одновременно и крылатыми выражениями. Они актуализируют знания из области истории литературы и отдельных аспектов лингвистики.

Вот некоторые из них, восходящие к художественной литературе: *свежо предание, а верится с трудом; служить бы рад, прислуживаться тошно; счастливые часов не наблюдают (А. С. Грибоедов); вот приедет барин – барин нас рассудит (Н. А. Некрасов); капитал приобрести и невинность соблюсти; либо в рыло, либо ручку пожалуйте (М. Е. Салтыков-Щедрин); как бы чего не вышло; не Шекспир главное, а примечание к нему (А. П. Чехов); рожденный ползать летать не может; человек – это звучит гордо (М. Горький)* и пр.

Афористика русских писателей, поэтов, деятелей науки, отражающая национально-культурную специфику, может быть использована в курсе РКИ в разделе по стилистике русского языка и культуре речи как иллюстрация к рассмотрению стиля художественной литературы, публицистики и даже научного стиля.

Необходимо подчеркнуть, что большая часть афористики, зафиксированная в современных словарях, иллюстрирует книжные стили, однако в современных языковых условиях (ерничество, опрощение языка) появляется антиафористика, ироническая афористика, саркастическая афористика, которая вполне может иллюстрировать разговорный стиль.

Например:

Справедливо некоторые врачи считают, что, если ребенок нервный, надо прежде всего лечить его родителей. (А. Барто)

* * *

Самое страшное в жизни – это когда на тебя орет женщина в бигуди. (Ю. М. Поляков)

Вводная и обособленная афористика (в виде отдельных книг) писателей и поэтов смыкается с крылатыми словами и выражениями, становясь частью стиля художественной литературы. Афоризмы такого рода широко известны. Афористика публицистической и научной сферы малоизвестна. Такая афористика глубока по содержанию и изящна по форме выражения.

Например:

Если в конце исследования не видно начала следующего – значит,
исследование не доведено до конца. (Д. С. Лихачев)

* * *

Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла. (В. О. Ключевский)

* * *

Насилие питается покорностью, как огонь соломой. (В. Г. Короленко)

* * *

Слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины и вдохновения, которым он обладает, – другим людям. (В. Г. Короленко)

Афоризмы научной и публицистической сферы могут сопровождать теоретические положения стилистики русского языка о публицистической стиле, научном стиле в гуманитарной сфере. Использование афористики при рассмотрении данных тем возможно при изучении русского языка как иностранного на уровне ТРКИ-2, ТРКИ-3 и ТРКИ-4.

Вопрос о соотношении общего и индивидуального в стиле (что особенно актуально при изучении научно-популярного подстиля русского языка) может быть увязан с афористикой отдельных известных ученых, например, В. О. Ключевского, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана. Несомненна научная ценность их произведений, однако язык их глубоко индивидуален, благодаря их оригинальной афористике в том числе.

Практически во всех русских афоризмах присутствуют тропы и фигуры речи, поэтому яркие изречения могут стать текстовой основой объяснения теории тропеической системы русского языка.

Например, изречения М. И. Цветаевой

Поэт – издалека заводит речь.
Поэта далеко заводит речь.

* * *

Процветай, народ, –
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Таким образом, можно констатировать, что афористика представляет богатейшие возможности для использования ее материалов в курсах по лексикологии, грамматике, фразеологии, фразеографии, лексикографии, современной стилистике, синтаксису в курсе обучения русскому языку как иностранному.

Актуализация афористических знаний при изучении русского языка как иностранного помогает усвоению материала, вызывает интерес не только к отдельному предмету, но и к русской культуре, русской литературе, русскому языку в целом.

Литература

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология. Ее развитие и источники / А. М. Бабкин; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Ленинград: Наука, Ленинградское отд-е, 1970 – 261 с.
2. Вальтер, Х, Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа. / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб., М. : Издательский дом Нева, 2005. – 576 с.
3. Гаврин, С. Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория / С. Г. Гаврин // Ученые записки Пермского пединститута. – Пермь: ПГПИ, 1971. – Т. 87. – С. 58–75.
4. Гучинская, Н. О. Афоризм как интертекстуальный вариант лирико-стихотворного текста / Н. О. Гучинская // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 38–46.
5. Дамм, Т. И. Малоформатные речевые жанры современной российской газеты (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. И. Дамм. – Кемерово, 2003. – 31 с.
6. Дядечко, Л. П. Телетексты как источник крылатых выражений / Л. П. Дядечко // Фразеология и миропонимание народа : материалы Междунар. науч. конф., : в 2-х ч. – Тула : ТГПУ, 2002. – Ч. 2 : Фразеология и межкультурная коммуникация. – С. 123–128.
7. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 154 с.
8. Королькова, А. В. Русская афористика. Монография / А. В. Королькова. – М.: Флинта. Наука, 2005 – 344 с.
9. Костомаров, В. Г., Верещагин, Е. М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре. / В. Г. Костомаров, Е М. Верещагин // Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е Прохоров. – М. : Русский язык, 1979 – С. 3–17.
10. Крячков, Д. А. Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе: на материале избирательной компании: дис. … канд. филол. Наук : 10.02.04 / Д. А. Крячков. – М, 2002. – 24 л.
11. Лукьянец, И. В. Стилистическая эволюция жанра афоризма (Шамфор. Максимы и мысли, характеры и анекдоты) / И. В. Дукьянец // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. – Л.: ЛГУ, 1996. – Вып. 7. – С. 44–53.
12. Назаров, В. Н. Этика: словарь афоризмов и изречений / В. Н. Назаров. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 335 с.
13. Поляков, Ю. М. Бахрома жизни. / Ю. М. Поляков – М. : АСТ, 2013 – 412 с.
14. Прохоров, Ю. Е. Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях: диссертация... кандидата филологических наук: 10. 02. 01 / Ю. Е. Прохоров. – М, 1977. – 204 с.
15. Прохоров, Ю. Е. Русские крылатые выражения как объект учебной лексикографии / Ю. Е. Прохоров // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М. : Русский язык, 1977. – С. 137 – 143.
16. Федоренко, Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика. / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 189 с.
17. Чуманов, Л. С. Интерактивное изучение философии: от афористики к истории идей / Л. С. Чуманов // XII международная конференция-выставка «Информационные технологии в образовании» («ИТО-2002») 4–8 ноября 2002 г., г. Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ito.edu.ru/2002/II/4/II-4-84.html. – Дата доступа : 09.01 2020)..
18. Шаталова, С. А. Лингвистические основы афоризмов и афористики в художественных текстах Достоевского на материале романов «Бесы» и «Подросток» : дис. … канд. филол. наук / С. А. Шаталова. – М., 2000. – 256 с.
19. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.
20. Шулежкова, С. Г. Не смешите мои подковы. Словарь крылатых выражений из мультфильмов / С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018 – 180 с.

A. V. Korolkova
Smolensk state University
e-mail: lika.korolkova@bk.ru

Aphoristics as a linguistic material in the study Russian as a foreign language

Key words: aphorisms, Russian aphorism, learning Russian as a foreign language.

The article discusses the options for using aphorisms as a linguistic material in the study of Russian as a foreign language. Aphorisms as text material can be illustrated by sections: lexicology, grammar, syntax, phraseology, lexicography, stylistics. The use of aphorisms will increase interest not only in the study of the language, but also in Russian literature and Russian culture in general.

O. P. Osipova, A. V. Osipov
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: olgatabakova@rambler.ru

УДК 811.111’36:378.147

Teaching English Grammar: Effective Ways and Approaches

Keywords: grammar, method, approach, foreign language, teaching.

The article overviews major recent shifts in grammar teaching methodology of a foreign language; analyzes basic principles and approaches that are necessary to develop students’ grammatical competence.

There have been numerous debates over the role of grammar instruction in the classroom. Grammar instruction has always played a central role in the second language learning. To learn a language has generally meant to learn the vocabulary and grammar of that language. Second language learners have experienced various grammar-focused approaches while studying a foreign language in school, college, or university. Let us go through a brief historical overview.

Up to the first half of the XXth century grammar teaching basically followed structural syllabus, with many language classes adopting a *Grammar Translation approach*, which emphasized the use of vocabulary lists, grammar rule explanations, and the translation of foreign language texts into and out of the native language. The grammar of a language was often described according to existing structures that had already been identified in other languages.

The Direct method prioritized oral skills and rejected explicit grammar teaching. The learners were supposed to pick up the grammar in the same way as children pick up the grammar of their mother tongue, just by being immersed in language.

Following World War II linguists began to place more importance on describing a language based on how it was actually spoken in the real world, to place a greater emphasis on foreign language education covering functional oral professional skills and to stress the importance of developing teaching materials and methods. A push was made to describe a number of languages and to identify useful phrases and structures that native speakers used in conversations with one another. Linguists turned to current theories of language learning to explore how these useful phrases and structures might be taught to language students. One of the most famous teaching methods to emerge during this time was the *Audiolingual method*

with the aim to prepare military personnel for communication [2]. Audiolingualism derived its theoretical base from behaviourist psychology, which considered language a form of behaviour, to be learned through the formation of correct habits. Using the Stimulus-Response-Reinforcement model, it attempted, through a continuous process of such positive reinforcement, to engender good habits in language learners. Drawing on linguistic research, sample dialogues were constructed to include idioms and other colloquial expressions. The Audiolingual method also specifically prescribed against the teaching of grammar rules in the classroom while fluency and native-like pronunciation were important goals. Repeated oral practice was seen as more important and more effective than detailed grammar charts and explanations. Though the underlying principles of the Audiolingual method would soon be challenged, its development helped to set in motion a new area of research devoted to the study of the teaching and learning of second languages. The method's emphasis on oral communication and authentic language use also helped to set the stage for the new developments in language teaching that were to follow.

In more recent history, grammar-focused instruction has often been carried out through a variation on Audiolingualism – *three Ps model* (Presentation, Practice, and Production), in which the teacher presents a grammar rule to the class, asks students to practice using the rule in focused grammar exercises, and then gives students a chance to produce the grammar structure in activities such as a written essay or a role play. The students can practise the language using accurate reproduction techniques such as choral repetition (where the students repeat a word, phrase, or sentence all together with the teacher 'conducting'), individual repetition (where individual students repeat a word, phrase, or sentence at the teacher's urging), and cue-response drills (where the teacher gives a cue, nominates a student by name or by looking or pointing, and the student makes the desired response [1]. Though this approach is still practiced in many countries, the methods came under intense scrutiny at present, a time of much innovation and trial-and-error.

The development of *Communicative Language Teaching* in the 1970s was motivated by achievements in the new science of sociolinguistics, and the belief that communicative competence consists of more than simply the knowledge of grammar rules [5]. Communicative Language Teaching - is a communicative approach emphasizing the aspects of 'what to teach' and 'how to teach' and stressing the significance of language functions rather than focusing on just grammar and vocabulary. A guiding principle was to train learners to use language forms appropriately in a variety of contexts and for a variety of purposes [1]. Activities in a communicative approach typically involve students in real or realistic communication, where the accuracy of the language is less important than successful achievement of the communicative task they are performing. Thus role-play, simulation, puzzle solving, constructing a story or writing a poem together have become very popular in Communicative Language Teaching. What matters in these activities is that students should have a desire to communicate something, have a purpose for communicating and focus on the content of what they are saying or writing rather than on a particular language form. Such activities should attempt to replicate real communication. Communicative Language Teaching has sometimes been seen as having eroded the explicit teaching of grammar with a consequent loss among students in accuracy in the pursuit of fluency. In its shallow-end version grammar was still the main component of the syllabus while deep-end, on the other hand, rejected both syllabuses and grammar instruction [4]. Despite certain reservations, however, the communicative approach has left an indelible mark on teaching and learning, resulting in the use of communicative activities in classrooms all over the world.

Four methods (Community Language Learning, The Silent Way, Suggestopaedia, Total Physical Response), which are frequently described as *humanistic approaches*, developed in the 1970s and 1980s, and have had a considerable impact upon language teaching.

Community Language Learning: students sit in a circle and decide themselves what they are going to talk about and a counsellor provides or corrects target language. In some lessons the students' utterance are recorded onto tape to be analyzed later. There is often a reflection period when students comment frankly on how they felt about the activity. In all of these cases teachers help students achieve what they want, offering help and counsel to the 'community' of the class. The job is to 'facilitate' rather than to 'teach' [1].

The Silent Way: the teacher says as little as possible rather than entering into conversation with the students. Learners interact with physical objects; there is a problem-solving element involved since students have to resolve language construction problems for themselves. In a classic procedure, a teacher models sounds while pointing to a phonemic chart (or to an arrangement of Cuisenaire rods). A student imitates the teacher and the teacher indicates if he or she is correct. If not, another student is prompted to help the first student. Through all this procedure the teacher indicates by gesture or expression what the students should do and whether or not they are correct. Examples and corrections are only given verbally. If no student can do it first time round so it is up to the students to solve problems and learn the language.

Suggestopaedia sees the physical surroundings and atmosphere of the classroom of utmost importance. The teacher and students exist in a parent-children comfortable, confident and relaxed relationship. All the barriers to learning are removed, students are given unreal names, and traumatic themes are avoided. A Suggestopaedic lesson has three main parts: an oral review action in which previously learnt material is used for discussion; presentation and discussion of new dialogue material and its native language equivalent; listening to relaxing music while the teacher reads the new dialogue material followed by 'several minutes of solemn silence'.

Total Physical Response asks students to respond physically to the language they hear. Thus language processing is matched with physical action. When the students can all respond to commands correctly, one of them can then start giving instructions to other classmates. Students do not have to give instructions themselves until they are ready. In responding to commands learners get a lot of comprehensible input and in performing physical actions they echo the claims of neuro-linguistic programming. Still it is admitted that this method should be included together with others.

The Lexical approach is based on the idea that language consists not of traditional grammar and vocabulary but often of multi-word prefabricated chunks: lexical phrases, the collocations, idioms, fixed phrases, etc. It is believed that fluency is the result of the acquisition of a large store of fixed and semi-fixed prefabricated items as linguistic creativity. However, it is not clear enough how the learning of fixed phrases can be incorporated into the understanding of a language system, what is the way in which to order such phrases for teaching and learning purposes, etc.

All in all, over the last years a series of major shifts in theory occurred within the fields of linguistics and language teaching. Current pioneering works have shaped our understanding of grammar use, grammar acquisition, and grammar instruction. The three areas of grammar description, grammar acquisition, and grammar instruction should interact with and inform one another; they play an important role in the professional decision-making process of second language teachers.

The goal of second language teaching is to develop communicative competence. Students need to know which forms are appropriate and typical in a given situation. Thus, there is a three-dimension framework introduced by D. Larsen-Freeman that should be used by the second language teachers in order to develop their students' grammatical competence. It includes three major components: form, meaning, and use. Language form is defined as phonology, graphology, semiology, morphology, and syntax. Meaning, or semantics, refers to the meaning attached to a particular form when it is presented in isolation. Use, or pragmatics, refers to a speaker's or writer's intentions in a particular communicative context. According

to D. Larsen-Freeman, grammar instruction must provide information about all these three dimensions and students need to learn the wide range of meanings a form can express, within a given function and context [3].

Though ‘grammar teaching’ can still mean different things to different people, there are certain basic principles to be observed in grammar presentation and practice activities:

- efficiency (economy, ease, efficacy: grammar teaching should be done as efficiently as possible; economy in terms of planning and resources is a key factor in training technical skills; the easier an activity is to set up, the better it is; attention, understanding, memory, motivation matter in classroom);
- appropriacy (any classroom activity must be evaluated for each group of learners according to the age, level and size, interests, attitudes and expectations, etc.) [4].

References

1. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. – London : Longman, 2002. – 371 p.
2. Keck, C. M. Pedagogical Grammar / C. M. Keck, Y. Kim. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. – 245 p.
3. Larsen-Freeman, D. The Grammar Book: Form, Meaning and Use for English Language Teachers / D. Larsen-Freeman, M. Celce-Murcia. – Boston : National Geographic Learning / Cengage Publishing Company, 2015. – 864 p.
4. Thornbury, S. How to Teach Grammar / S. Thornbury. – Harlow : Pearson Education Limited, 2002. – 182 p.
5. Widdowson, H. G. Teaching Language as Communication / H. G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 246 p.

О. П. Осипова, А. В. Осипов
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: olgatabakova@rambler.ru

Обучение английской грамматике: эффективные пути и подходы

Ключевые слова: грамматика, метод, подход, иностранный язык, обучение.

В работе дается обзор основных направлений развития методики преподавания грамматики иностранного языка; анализируются основополагающие принципы и подходы, необходимые для развития грамматической компетенции студентов.

Т. И. Синкевич, Т. А. Маркевич
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru

УДК 811’11.43(082)

Тематические группы иноязычной лексики в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и романе «Дым» И. С. Тургенева

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствования, Тургенев, Карамзин, литературный язык, тематическая группа, классификация.

Существует множество классификаций иноязычной лексики, направленных на различные грамматические особенности заимствованных слов, а также с точки зрения их происхождения. Но очень мало исследований иноязычной лексики в художест-

венных произведениях с точки зрения лексического значения. Именно поэтому проблема классификации иноязычной лексики с точки зрения лексического значения остро строит перед лингвистами.

Цель статьи – разделить всю иноязычную лексику на тематические группы и выявить соотношение употребления этих тематических групп иноязычной лексики в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и романе «Дым» И. С. Тургенева.

***Материалы и методы.** Исследование проводилось на базе литературных произведений: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и роман «Дым» И. С. Тургенева. Теоретической и методологической основой работы явились труды отечественных лингвистов, которые занимаются вопросом исследования иноязычной лексики с точки зрения ее классификации, а также происхождения иноязычных слов и их употребления. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод, статистический метод, метод классификации.*

***Результаты и их обсуждение.** В ходе исследования нами была создана классификация заимствованных слов по тематическим группам. Каждое произведение было проанализировано и из него были выписаны все заимствованные слова, которые были разделены на тематические группы. Также были соотнесены все тематические группы в каждом произведении.*

***Заключение.** Было выявлено, что преимущественно заимствованная лексика в обоих произведениях относится к следующим тематическим группам: бытовая лексика, культура и искусство, общественно-политическая лексика. Также все заимствованные слова из обоих произведениям были поделены на группы по языковому происхождению. В текстах обоих произведений преимущественно заимствовались слова из следующих языков: латинский язык, греческий язык, французский язык и немецкий язык.*

Человеческое общество развивается на протяжении всего его существования. Вместе с ним развивается культура этого общества, а также язык, на котором происходит взаимодействие данного общества. В период контакта одной общности с другой происходит взаимодействие в различных сферах жизни. К таким сферам можно отнести культуру, экономику, политику, а также повседневное взаимодействие. Таким способом из одной культуры в другую проникают различные лексические единицы, для обозначения соответствующих понятий или новых явлений.

По своему составу лексика русского языка неоднородна. С точки зрения происхождения лексика делится на исконно русскую лексику и заимствованную лексику.

Заимствование представляет собой элемент чужого языка. Это может быть слово, отдельная морфема или синтаксическая конструкция, которую перенесли из одного языка в другой в результате языковых контактов.

Вопрос заимствованной лексики изучается на протяжении многих лет. Этой теме посвящены труды многих лингвистов и языковедов. Большинство языковедов занимаются вопросом классификации заимствованной лексики с точки зрения происхождения заимствованных слов, а также с точки зрения грамматики. К таким исследователям можно отнести Л. П. Крысина, А. А. Леонтьева, И. Б. Голуб, А. М. Шанского, Л. Ю. Гранаткину, Р. А.Будагова и многих других. По заимствованной лексике написано много научных статей и диссертаций. Это свидетельствует о том, что данный вопрос до сих пор еще досконально не изучен и требует дополнительного изучения.

Существует традиционная классификация заимствованной лексики, которая принадлежит немецким лингвистам Ф. Верде, Г. Хирту и О. Бехагелю. «В основе данной классификации была идея деления всей иноязычной лексики по степени ее освоения в языке на заимствования (Lehnwörter) и иностранные слова (Fremdwörter). Авторы классификации руководствовались критерием времени вхождения единицы в язык, не при-

нимая во внимание особенности функционирования заимствованных слов в языке» [1, 43] к заимствованиям они относили слова, которые пришли в их язык до XV века, а также древнекельтские и латинские заимствования первых веков нашей эры. К иностранным словам они относили всю заимствованную лексику после XV века. Их классификация много раз подвергалась критике, так как большинство лингвистов считает, что и заимствования, и иностранные слова являются иноязычной лексикой, тогда весь смысл такой классификации теряется.

У языковеда и исследователя отечественной терминологии Д. С. Лотте была своя классификация, в которой он делил слова на «свои» (исконно русские) и «чужие» (заимствованные). Он предложил следующие критерии этого деления: «насколько звуковое сочетание данное слово соответствует принятым звукосочетаниям данного языка; насколько морфологическая норма и отдельные принадлежности слова соответствуют принятым в языке, гармонируют со строением языка; имеются ли производные от данного слова» [2, 12]. Д. С. Лотте считал, что по этим критериям можно определить ассимилировалось ли слово или так и осталось в качестве иноязычного элемента в языке-реципиенте.

Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков и В. П. Садохин рассматривали процесс заимствования как наиболее распространенный источник культурных изменений. По их мнению, заимствования могут делиться на прямые (через международные контакты людей) и косвенные (через средства массовой информации, потребляемые товары, образование и много другое). Авторы данной классификации отмечают, что носители языка-реципиента заимствуют не все подряд, а именно то, что наиболее близко к их культуре и то, что на данный момент отвечает внутренним потребностям их этноса.

Нетрудно заметить, что имеющиеся в настоящее время в лингвистике классификации различаются терминологическими обозначениями, а также определением статуса того или иного заимствования. Все исследователи и лингвисты рассматривают феномен заимствования с разных точек зрения, «принимая во внимание форму заимствования, его семантическую самостоятельность в языке-реципиенте, путь заимствования, источник пополнения словарного состава, оправданность и степень распространения заимствования, уровень освоенности иноязычного слова в языке-реципиенте» [1, 47].

Каждая классификация имеет свою плюсы и минусы, и принимать за истинную одну единственную классификацию будет неверным, все они имеют место быть. Рассмотрев все перечисленные выше классификации, мы пришли к выводу, что необходимо создать классификацию, которая будет отображать заимствованную лексику по лексическому значению слов. Для того чтобы создать такую классификацию, все заимствованные слова из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина и романа «Дым» И. С. Тургенева были разделены на следующие тематические группы слов:

1. Абстрактная лексика;
2. Лексика, характеризующая межличностные отношения людей и характер человека;
3. Бытовая лексика:
   - Домашний быт,
   - Описание жилища и мебели,
   - Одежда и обувь,
   - Украшения,
   - Предметы повседневного быта,
   - Посуда и утварь,
   - Продукты питания;
4. Общественно-политическая лексика:
   - Военная лексика,
   - Наименования административного порядка,

- Должность, звание, титул человека и род деятельности,
- Юриспруденция,
- Территориальное деление местности;

5. Экономическая лексика;
6. Религиозная лексика;
7. Медицинская лексика;
8. Научная лексика;
9. Лексика из сферы культуры и искусства (литература, театр, музыка, танец, архитектура, живопись);
10. Спортивная лексика;
11. Мореходная лексика;
12. Транспортная лексика;
13. Лексика из сферы образования;
14. Наименования предприятий, строений, помещений;
15. Наименования растений, животных, явлений природы, драгоценных камней;
16. Наименования игр и развлечений.

Исследование проводилось в следующем ключе. Из произведения выписывались все заимствованные слова, которые проверялись по этимологическому словарю. Составлялись карточки, в которых указывался язык, из которого было заимствовано слово, а также язык, через который это было слово заимствовано. Также в карточке указывалась страница, на которой это слово было найдено. Далее эти карточки делились на группы по языкам, из которых иноязычное слово было заимствованно и анализировались. Также был произведен общий подсчет слов, из какого языка сколько слов было заимствованно. Следующим этапом шло деление слов на тематические группы. Слова делились на тематические группы по следующим принципам: общность или схожесть лексического значения, а также соотнесенность к определенному явлению из жизни человека. К примеру: иноязычные слова *юрист* и *адвокат,* были заимствованы из латинского языка и имеют идентичное лексическое значение. Эти заимствованные слова мы отнесли к подгруппе юриспруденция и тематической группе общественно-политическая лексика. Слова *кафтан, кушак, халат* были заимствованы из тюркских языков и их можно отнести к бытовой тематической группе и подгруппе одежда и обувь, так как все эти заимствованные слова можно отнести к предметам одежды. Такое разделение на тематические группы и подгруппы было проведено для всех слов, найденными нами в тексте произведений.

В настоящее время существует множество классификаций разной направленности, но классификации по лексическому значению заимствований нами найдено не было. Данная классификация нужна для того, чтобы можно было определить каких заимствований, из какой тематической группы, в русском языке больше и какая область человеческой жизни нуждалась больше всего в заимствованной лексике. Ведь процесс заимствования будет актуален в любое время, пока существует человечество. С каждым годом появляются новые тематические группы заимствованных слов. Это связано в первую очередь с тем, что человечество не стоит на месте и постоянно развивается, изобретает что-то новое и, чтобы обозначить какое-либо новое явление люди придумывают новые слова. А потом эти слова вместе с этими новыми явлениями заимствуются в другие языки. Именно поэтому и нужна единая классификация тематических групп заимствованной лексики.

В связи с вышесказанным актуальность данного исследования заключается в том, что на данный момент очень мало работ, которые связаны именно с анализом текстов литературных произведений, с точки зрения заимствованной лексики. Во время выполнения исследовательской работы нами не было обнаружено ни одной исследовательской работы

по сопоставлению заимствованной лексики разных авторов. А также до сих пор лингвистами не составлена единая классификация тематических групп заимствованной лексики.

При выполнении исследования были проанализированы произведения И. С. Тургенева и Н. М. Карамзины, а также были выписаны заимствованные слова, которые были разделены по языкам, из которых эти слова были заимствованы. Все заимствованные слова были разделены по тематическим группам. Также были сопоставлены тематические группы обоих произведений.

Результатом данного исследования является то, что мы можем с уверенностью сказать, что заимствование иноязычной лексики происходит на протяжении всего существования человечества. Этот процесс может быть как прямым, то есть напрямую от человека к человеку заимствуется какая-либо лексическая единица, так и опосредованным, когда эта единица приходит в язык-реципиент через бумажный носитель. Также иноязычная лексика может заимствоваться не только непосредственно из какого-либо языка, но и через язык-посредник. Через польский язык в русский язык пришло очень много заимствованной лексики из латинского языка, греческого языка и даже французского языка. Еще одним языком посредником является немецкий язык. К языкам-посредникам можно также отнести французский язык. Через него пришло в наш язык очень много терминов и понятий из латинского и греческого языка.

Причин заимствовать иноязычную лексику у другого языка очень много. Эти причины могут быть как внутренними, так и внешними. К внешним причинам можно отнести тесное политическое, экономическое и общественное влияния одной страны на другую. К внутренним причинам мы можем отнести следующие: стремление избавиться от полисемии исконного слова; вхождение в обиход нового понятия и наименования этого понятия; стремление к упрощению, когда исконное словосочетание заменяется заимствованным словом; а также стремление к более новым и «модным» словам.

У многих заимствованных слов сохраняются определенные морфологические особенности языка, из которого они пришли в русский язык. И их довольно просто отличить от исконно русских слов. Но в то же время в русском языке есть много заимствованных слов, которые уже полностью ассимилировались и понять, что перед нами заимствованное слово мы можем, только посмотрев в этимологический словарь.

Проанализировав произведение «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, мы пришли к следующему выводу:

Всего в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина было выявлено 778 заимствованных слов на 472 страницы текста.

Больше всего заимствованной лексики пришлось на латинский язык – 198 заимствованных слов, греческий язык – 178 заимствованных слов и французский язык – 118 заимствованных слов. Что свидетельствует о том, что преимущественно заимствования проникали в русский язык именно из этих языков.

Были выделены несколько тематических групп, в которые вошло наибольшее количество иноязычной лексики. К этим тематическим группам мы можем отнести следующие: бытовая тематическая группа – 110 иноязычных слов, общественно-политическая тематическая группа – 146 иноязычных слов, а также тематическая группа «Культура и искусство» – 146 иноязычных слов.

Проанализировав роман «Дым» И. С. Тургенева, мы пришли к следующим выводам:

Всего в романе «Дым» И. С. Тургенева было найдено 544 заимствованных слов на 158 страниц текста.

Больше всего заимствованной лексики пришлось на латинский язык – 125 заимствованных слов, на французский язык – 147 заимствованных слов и немецкий язык – 69 заимствованных слов.

Нами были выделены три тематические группы, в которые вошло наибольшее количество заимствованной лексики: общественно-политическая тематическая группа – 123 иноязычных слова, бытовая тематическая группа – 105 иноязычных слов и тематическая группа «Культура и искусство» – 84 иноязычных слова.

Сопоставив иноязычную лексику из произведения «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и романа «Дым» И. С. Тургенева мы пришли к следующим выводам:

Если рассматривать заимствованную лексику в соотношении к страницам текста, то у И. С. Тургенева получается, что произведение занимает меньше страниц, поэтому в его произведении больше заимствованной лексики на объем текста. Что касается текста произведения Н. М. Карамзина, то у него объем текста больше, следовательно, получается, что заимствованной лексики на объем текста у него меньше.

В текстах произведений обоих авторов преобладают следующие тематические группы заимствованных слов: бытовая и общественно-политическая тематические группы, а также тематическая группа «Культура и искусство».

Практически одинаковые по количеству заимствованных слов в обоих произведениях следующие тематические группы: тематическая группа «Абстрактная лексика»; тематическая группа, характеризующая межличностные отношения людей и характер человека; медицинская тематическая группа; научная тематическая группа; транспортная тематическая группа; тематическая группа «Наименования предприятий, строений, помещений».

Также в текстах произведений есть тематические группы заимствованной лексики, которые по количеству заимствованных слов преобладают в одном произведении. Так, в произведении Н. М. Карамзина преобладают следующие тематические группы: религиозная тематическая группа; мореходная тематическая группа; тематическая группа «Образование»; тематическая группа «Наименования растений, животных, природных явлений, драгоценных камней». А в произведении

И. С. Тургенева – экономическая тематическая группа, спортивная тематическая группа и тематическая группа «Игры и развлечения».

Чтобы наглядно продемонстрировать, сколько заимствованных слов было найдено нами в обоих произведениях, была составлена следующая таблица.

Таблица 1 – соотношение тематических групп заимствованной лексики в романе «Дым» И. С. Тургенева и «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина

№ п/п	Тематические группы	И. С. Тургенев «Дым»	Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника»
1.	Абстрактная лексика	21	26
2.	Наименования растений, животных, природных явлений, драгоценных камней	13	32
3.	Лексика, характеризующая межличностные отношения людей и их характер	30	36
4.	Бытовая лексика	105	110
5.	Общественно-политическая лексика	123	164
6.	Экономическая лексика	14	27
7.	Религиозная лексика	24	49
8.	Медицинская лексика	11	12
9.	Научная лексика	44	44
10.	Культура и искусство	84	164
11.	Спортивная лексика	1	0
12.	Мореходная лексика	1	14
13.	Транспортная лексика	12	13
14.	Образование	24	48

15.	Наименование строений, помещений и предприятий	25	31
16.	Игры и развлечения	12	8
17.	Общее количество заимствованных слов	544	778
18.	Количество страниц	158	472

Подводя итоги, можно сказать, что Н. М. Карамзин и И. С. Тургенев использовали в своих произведениях больше количество заимствованной лексики. Если в эпоху Карамзина использование в художественном произведении такого количества заимствованной лексики было в новинку, то в эпоху Тургенева заимствование представляло собой повсеместный процесс.

Составив, рассмотрев и проанализировав все тематические группы заимствованных слов из обоих произведений, можно сделать следующие выводы:

1. Преимущественно заимствовались слова, которые описывали быт и жизнь людей, общественно-политическое устройство народа, а также то, что относится к культуре, науке и образованию.
2. Заимствования производились из многих европейских (и не только) языков. Самыми древними заимствованиями являются слова из латинского языка, греческого языка, старославянского языка и тюркских языков. Самыми «молодыми» – из английского языка, французского языка и немецкого языка.

Перед нами стояла цель – разделить все заимствованные слова на тематические группы по лексическому значению. Поставленная цель была достигнута. Нами была создана классификация заимствованных слов по лексическому значению. Нельзя утверждать, что эта классификация применима ко всем художественным произведениям, но к большинству мы можем ее применить. Новизна данного исследования заключается в том, что на данный момент мало работ, в которых рассматривается сопоставительный анализ заимствованной лексики двух разных произведений, которые относятся к разным векам создания и написаны разными авторами. Данное исследование можно применить при изучении творчества Н. М. Карамзина и И. С. Тургенева, а также в курсе «Русский литературный язык». Созданную классификацию заимствованных слов можно использовать при разборе иноязычной лексики разных художественных произведений.

Литература

1. Груенко, С. Е. К вопросу классификации заимствованной лексики / С. Е. Груенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Филологические науки. – 2016. – №1. – С. 43–49.
2. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
3. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / авт. сост. Н. М. Шанский – М.: Изд-во МГУ, 1963–2007.

T. I. Sinkevich, T. A. Markevich
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: sintat@inbox.ru

Thematic groups of foreign vocabulary in «Letters of a Russian traveler» by N. M. Karamzin and novel «Smoke» by I. S. Turgenev

Keywords: foreign vocabulary, borrowings, Turgenev, Karamzin, literary language, thematic group, classification.

There are a lot of classifications of foreign vocabulary aimed at various grammatical features of foreign words, as well as from the point of view of their origin. But very few essays

of foreign vocabulary in literary books from the point of view of lexical meaning. That is why the problem of classifying foreign vocabulary from the point of view of lexical meaning is acute for linguists.

Purpose of the article – to share all foreign vocabulary into thematic groups and to identify the ratio of the use of these thematic groups of foreign vocabulary in "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin and the novel "Smoke" by I. S. Turgenev.

***Materials and methods**. The research was conducted on the basis of literary books: "Letters of a Russian traveler" by N. M. Karamzin and the novel "Smoke" by I. S. Turgenev. The theoretical and methodological basis of the work was the work of domestic linguists who are engaged in the study of foreign vocabulary in terms of its classification, as well as the origin of foreign words and their use. To achieve this goal, the following methods were used: comparative method, statistical method, classification method.*

***Findings and its discussion**. In the course of the research, we created a classification of foreign words into thematic groups. Each literary book was analyzed and all foreign words were written out of it, which were divided into thematic groups. All thematic groups in each literary book were also correlated.*

***Conclusion.** It was revealed that the predominantly foreign vocabulary in both literary books belongs to the following thematic groups: household vocabulary, culture and art, social and political vocabulary. Also, all foreign words from both literary books were divided into groups of linguistic origin. The texts of both books mainly borrowed from the following languages: Latin, Greek, French and German.*

В. Н. Смирнова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: vikakropochka@mail.ru

УДК 811.111’243:378.147.333

Опора на родной язык при работе с видеоматериалами на занятиях по второму иностранному языку (продолжающий этап обучения)

Ключевые слова: язык-посредник, аутентичные материалы, видеоматериалы, преддемонстрационный, демонстрационный и последемонстрационный этапы работы над видео.

Данная статья посвящена роли родного языка на видеозанятиях по второму иностранному языку (английскому). Рассматривается целесообразность применения родного языка на разных этапах работы с видеозаписями. Проводится анализ работы с видеоматериалами, сопровождающимся заданиями и разбором для каждого этапа.

Современное обучение второму иностранному языку (ВИЯ) в высшей школе характеризуется использованием современных технологий. Одним из типов занятий, предполагающих применение современных технологий, является видеозанятие. На таком занятии студентам, изучающим ВИЯ третий год, предлагаются к просмотру видеозаписи уровня *Pre-Intermediate* или *Intermediate*, взятые из интернета или из учебных пособий. Подчеркнем, что при работе с видеоматериалом наиболее важным представляется понимание и осознание студентами иностранной речи и, соответственно, сюжета. Берем смелость утверждать, что немногие студенты практикуют аудирование за пределами университета, поэтому, по нашему мнению, обращение к родному языку как языку-посреднику становится неотъемлемой составляющей видеозанятия. Кроме того, ряд исследователей и ученых, таких как Д. Аткинсон [5], Р. К. Миньяр-Белоручев [3],

Л. Продромоу [6], В. С. Швейс [7], считают разумным использование родного языка на среднем (или продолжающем) этапе обучения. В понимании В. С. Швейса, необходимо «использовать родной язык на уроке, чтобы сделать занятие «живым», обеспечить студентам чувство безопасности и проверить знания учащихся».

Актуальность данного исследования обосновывается теоретической неразработанностью необходимости использования языка-посредника на среднем этапе обучения второму иностранному языку. Цель работы состоит в том, чтобы проследить, на каких этапах занятия язык-посредник вводится в процессе обучения ВИЯ.

Материалом исследования является видеозапись с выступлением Майкла Тилсона Томаса «Музыка и эмоции сквозь призму веков» на конференции TED [9]. Основой данной статьи послужили положения, изложенные в публикации Г. А. Гуняшовой [2]. Методы исследования обусловлены целью данного исследования: описательный и обобщающий.

Как известно, при обучении иностранному языку затрагиваются четыре основных вида деятельности: чтение, письмо, аудирование и говорение. Так, на третьем году обучения ВИЯ следует отметить у студентов высокий уровень владения чтением и письмом. В свою очередь аудирование и говорение требуют пристального внимания. В связи с этим мы разделяем точку зрения Г. А. Гуняшовой о том, что «научить обучающихся понимать звучащую речь – одна из важнейших целей обучения иностранным языкам в коммуникативной методике. Этому специфическому виду речевой деятельности необходимо целенаправленно обучать» [2, с. 34]. На практике обнаруживается, что аудирование и говорение неделимы и взаимозависимы, на том основании, что успех в освоении одного вида деятельности положительно влияет на другой и наоборот: студенты, которым не удается свободно выражать свои мысли на ВИЯ, в равной степени испытывают трудности с распознаваем иноязычной речи на слух. Ввиду вышесказанного для тренировки аудирования и говорения, как правило, обращаются к аудиовизуальным источникам информации (фильмы, мультфильмы, музыкальные произведения). Необходимо подчеркнуть, что видеоматериалы занимают выигрышную позицию по сравнению с аудио вследствие того, что «использование различных каналов поступления информации (слуховое, зрительное, моторное восприятие) положительно влияет на прочность запечатления страноведческого и языкового материала» [2, с. 34]. В соответствии с заданиями различают глобальный, селективный (выборочный) и интенсивный (детальный) просмотр фильма. При глобальном просмотре нужно понять только центральную информацию видео, его тему. При селективном – только определенную информацию, при детальном – все информации важны для понимания фильма (например, в детективе) [2, с. 35].

В большинстве случаев на продолжающем этапе обучения ВИЯ перед, во время и после просмотра видеозаписи студенты нуждаются в помощи языка-посредника. Можно выделить несколько типичных ситуаций, в которых они едва ли обходятся без обращения к родному языку:

- при переводе отдельных слов или выражений, когда студенты не понимают дефиницию, приводимую преподавателем;
- при пересказе (многие студенты допускают русские слова, если не знают их перевод на английский язык).

Каждый этап работы с видеоматериалом (преддемонстрационный, демонстрационный, последемонстрационный) предполагает ряд заданий для проработки разных фрагментов видеозаписи.

Итак, преддемонстрационный этап преследует несколько целей: заинтересовать и мотивировать студентов к просмотру, а также ввести новую лексику (при введении новых лексических единиц, часто не воспринимаемых студентами на слух, преподаватели прибегают к использованию родного языка). На этом этапе студентам предлагается прочесть и перевести на русский язык название видеоролика, а также поделиться гипоте-

зами касательно его содержания. В более слабых группах присутствие родного языка снимает лишнее напряжение и позволяет учащимся выразить гипотезы свободно, а впоследствии приложить все усилия, чтобы перевести сказанное на английский. В более сильных группах обсуждение гипотез осуществляется преимущественно на изучаемом языке.

T.: Can you guess what this video is about?

S.1: I think it's about terrific music genres have ever existed in the world.

S.2: It can provide us with an exciting history of various musical instruments.

T.: And now it's time to check your ideas.

На следующих двух этапах (демонстрационный и последемонстрационный) нам видится обоснованным разделение работы над видеоматериалом на две фазы: аудиторная и внеаудиторная. Глобальный просмотр и обсуждение видеоролика в группе на занятии в аудитории позволят студентам уловить основную информацию, обозначить тему видео и основные сюжетные линии. Добавим, что при грамотном распределении времени студенты также успеют составить план видеозаписи и определить ключевые слова. Этому нередко способствует родной язык. Как обнаруживается на практике, многие студенты, изучающие ВИЯ, изначально фиксируют свои мысли на родном языке, а затем переводят на ВИЯ. Такой подход занимает больше времени и приводит к допущению ошибок в связи с интерференцией, однако имеет право на существование. Вторая фаза работы – самостоятельная внеаудиторная подготовка даст учащимся возможность детально ознакомиться с содержанием видеоматериала, проанализировать увиденное, осуществить написание эссе, подготовить развернутый пересказ или проект и многое другое.

Во время первичного просмотра рекомендуется слушать и смотреть, не делая пометок. Такой просмотр помогает выявить вопросы, возникающие у студентов из-за неполного восприятия речи на слух. Это побуждает некоторых студентов обратиться к записям, сделанным на преддемонстрационном этапе. В доказательство этому приведем слова Н. Д. Гальсковой, «при восприятии речи на родном языке избирательность связей осуществляется достаточно легко. Что касается иноязычной речи, то слушающий должен оперировать не только продуктивным словарем, но и рецептивным, приобретенным в основном в процессе чтения. Запечатленный в памяти зрительный образ слова не всегда легко, как показывает опыт преподавания, ассоциируется со слуховым [1, с. 163]. Так, из-за неверно распознанного слова теряет смысл предложение или весь фрагмент: *'A piece (not peace) like Beethoven's Fifth basically witnessing how it was possible for him to go from sorrow and anger'* [9].

Исходя из вышеизложенного, одним из важных элементов в процессе просмотра является использование субтитров. По результатам исследования Л. Г. Шнаревича, «так как субтитрам не всегда удается полностью передать идею фильма (ввиду прохождения субтитрами различных стадий сегментации, опущения и изменения структуры), это может негативно сказаться на целостности восприятия. Также стоит учитывать и язык их подачи, субтитры на родном языке помогут тем, кто начинает изучать иностранный язык, и облегчат им восприятие видеосюжета. Учащимся с высоким уровнем владения иностранным языком субтитры на родном языке будут затруднять целостное восприятие и отвлекать внимание от видеоряда и устной речи» [4, с. 67]. Принимая во внимание выводы Л. Г. Шнаревич и наши наблюдения, мы пришли к мнению, что при просмотре видеозаписей субтитры следует отключать, приучая студентов таким образом концентрироваться на видеоряде и звуке.

Ниже приведены задания, предлагаемые студентам на последемонстрационном этапе.

Задание 1. Дайте развернутые ответы на следующие вопросы:

1. *What is Michael's association with TED?*
2. *Which two questions did the author mention talking about music?*
3. *What kind of music is described in the video? Why is this style?*

4. *Which words are presented in pairs? What for?*
5. *What names of famous composers have you heard in the video?*
6. *What type of person is Michael? What musical instruments does he play?*

Задание 2. Соотнесите английские прилагательные в левой колонке с их русскими эквивалентами в правой. Составьте с ними предложения или связный текст по теме ‘Music’.

1.	*powerful*	a) чудесный
2.	*gripping*	b) особый
3.	*tremendous*	c) огромный
4.	*profound*	d) неисчерпаемый
5.	*unique*	e) запоминающийся
6.	*evocative*	f) захватывающий
7.	*inexhaustible*	g) сложный
8.	*complex*	h) сильный
9.	*miraculous*	i) увлекательный
10.	*exciting*	j) глубокий

Задание 3. Прочтите идиомы, приведенные ниже, и, используя идиоматический словарь [8], переведите данные идиомы на русский язык. Пересмотрите видео и определите, в каком контексте они используются. Выпишите из видео предложения с ними.

Pass on, take off, come over to, to be on the same footing.

Задание 4. Напишите эссе по теме *‘Music makes people’s life better’*. Используйте лексику из заданий 2 и 3.

Задание 5. Посмотрите видео более детально еще раз. Затем подготовьте пересказ фрагмента видеозаписи (первые две минуты). В качестве опоры используйте план и ключевые слова. При необходимости используйте транскрипцию или перевод слов на русский язык.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что при обучении аудированию и говорению по ВИЯ (английскому) на продолжающем этапе предпочтительной формой работы является видеозанятие. Работа с видеозаписью осуществляется в двух формах – аудиторной и в качестве домашнего задания. На протяжении просмотрового периода студенты обращаются к родному языку. Видеоматериал преподносится без субтитров; работа происходит в три этапа (преддемонстрационный, демонстрационный и последемонстрационный). На преддемонстрационном и демонстрационном этапах язык-посредник может быть использован в упражнениях, оказывая при этом положительное влияние на обучение – как на психологический комфорт учащихся, так и на более полное понимание ими видеоматериала. Следует отметить, что дозированное и незначительное присутствие родного языка помогает студентам обрести необходимые аудитивные навыки и навыки говорения.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам : Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2006. – 333 с.
2. Гуняшова, Г. А. Использование видеоматериалов в обучении аудированию на уроке иностранного языка / Г. А. Гуняшова // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2014. – № 2 (62). – С. 34–37.
3. Миньяр-Белоручев, Р. К. Механизм билингвизма и проблема родного языка при обучении иностранному языку / Р. К. Миньяр-Белоручев // Иностранные языки в школе. – 1991. – № 5. – С. 14–17.
4. Шнаревич, Л. Г. Роль субтитров в восприятии фильмов на иностранном языке / Л. Г. Шнаревич // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 2 (34). – С. 61–67.
5. Atkinson, D. The mother-tongue in the classroom: a neglected resource? / D. Atkinson // ELT Journal. – 1987. – № 4. – P. 241–247.
6. Prodromou, L. Dealing with Difficulties / L. Prodromou. – Surrey : Delta Publishing, 2007. – 128 p.
7. Schweers, W. C. Jr. Using L1 in the L2 / W. C. Jr. Schweers // Classroom English Teaching Forum. – 1999. – № 37 (2). – С. 6–11.

8. Spears, R. A. NTC'S American idioms dictionary : The Most Practical Reference for the Everyday Expressions of Contemporary American English / R. A. Spears. – Chicago : NTC Publishing Group, 2000. – 641 p.
9. Thomas, M. T. Music and emotion through time [Электронный ресурс] / M. T. Thomas. – 2012. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue= 386&v=FD5ZKimoMU&feature=emb_logo. – Дата доступа: 01.10.2019.

V. N. Smirnova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vikakropochka@mail.ru

Native Language Based Working with Video Materials in the Second Foreign Language Classes (the Middle Stage of Learning)

Key words: intermediate language, authentic materials, video materials, pre-viewing, while-viewing and post-viewing stages of work on the video.

This article is devoted to the role of the native language in the video lessons in the second foreign language (English). It considers that the usage of the native language at different stages of working with video is useful. The analysis of working with video material is carried out, accompanied by tasks and analysis for each stage.

С. М. Степаненко
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: stepanenkosnezhana@mail.ru

УДК 811.112.2'373.45:37.013

Принципы обучения заимствованной лексике на занятиях по немецкому языку

Ключевые слова: принципы обучения, типы упражнений, виды упражнений, принцип учёта родного языка, заимствованная лексика.

В статье рассматриваются основные принципы обучения иноязычной лексике, определяются типы и виды упражнений при обучении лексических единиц иностранного языка, подробно рассматривается принцип учёта родного языка на примере определенных типов и видов упражнений.

Процесс обучения, как известно, является очень объёмным и многоплановым. Одной из основополагающих категорий, на которых базируется процесс обучения иностранному языку (как, собственно, и любому другому предмету), являются *принципы обучения*. Лишь чётко сформулированные *принципы обучения* помогают в решении вопроса о том, как и какое содержание обучения отбирать, какие материалы и приёмы использовать и т. д. Следует отметить, что *принципы обучения* исторически конкретны, отражают общественные потребности людей, изменяются и совершенствуются под влиянием общественного прогресса и развития базовых для методики дисциплин. Система принципов, будучи открытой, допускает включение новых принципов и переосмысление уже существующих.

Под *принципами* обучения чаще всего разумеют основополагающие методологические положения, которые определяют процесс обучения и воспитания. Исследователи, рассматривающие данную методическую категорию применительно к области обучения иностранным языкам, интерпретируют её неоднозначно. Так, А. Н. Щукин под *принципами обучения* понимает «исходные положения, которые в своей совокупности

устанавливают требования к процессу обучения в целом и его составляющим, к которым относятся цели, задачи, методы, средства, организационные формы, процесс обучения» [9]. По мнению Е. И. Пассова, *принцип обучения*, представляет собой «одну из базисных категорий методики, с позиции которой устанавливаются требования как к системе обучения в целом, так и к её отдельным компонентам; это «фундамент здания, имя которому «процесс обучения»» [3, 103]. А. В. Щепилова рассматривает *принципы обучения* как систему требований, которая обусловлена принятыми в обществе образовательными ценностями и сущностными характеристиками субъекта и предмета обучения. Чтобы спланировать и осуществить учебный процесс, а именно: определить цели и задачи, а также при отборе содержания и приёмов обучения необходимо руководствоваться принципами обучения [2].

В связи с задачами нашего исследования наиболее оптимальным предоставляется определение данное А. В. Щепиловой, поскольку оно позволяет сделать акцент именно на изучении лексического материала.

Не существует – как в зарубежной, так и в отечественной методике преподавания – единого мнения и относительно *классификации принципов обучения*; при этом проблема типологии *принципов обучения* иностранным языкам является в методической науке одной из наиболее сложных.

В отечественной методике традиционно выделяют *дидактические и собственно методические* принципы обучения иностранным языкам. При этом в первой половине XX столетия и в последующие периоды отечественные методисты: Л. В. Щерба, А. А. Миролюбов, Н. И. Гез, Е. И. Пассов, С. К. Фоломкина, М. В. Ляховицкий и др., – предлагая классифицировать данные принципы на сходных основаниях (с учётом их значимости в процессе обучения), тем не менее иерархически выстраивают перечни принципов поразному. На наш взгляд, подобное положение объясняется прежде всего тем, что в период 60-х – начала 70-х годов по поводу методов обучения иностранным языкам велись острые дискуссии, в то время, когда авторы, прибегая к опыту зарубежных методик и прошлых лет, демонстрировали многообразный набор таких принципов. Безусловно, отголоски этих дискуссий сохранились и по сей день, поэтому необходимо рассмотреть те *общеметодические* принципы, которые, с нашей точки зрения, в большей степени отражают особенности преподавания иностранного языка как учебной дисциплины [6, 134].

Рассмотрим некоторые классификации *принципов обучения*, предлагаемые ведущими специалистами в области преподавания иностранных языков.

Впервые *дидактические принципы* сформулировал Я. А. Коменский; в настоящее время к общим *дидактическим принципам* относят:

1. *Принцип сознательности*, согласно которому при обучении иностранному языку происходит осознанное усвоение языковой системы.
2. *Принцип активности* обучаемых во время урока путём вовлечения каждого обучающегося в деятельность посредством разных заданий, ролевых игр, средств наглядности.
3. *Принцип наглядности*, предполагающий обильное использование на занятиях таких средств обучения, как: аудиозаписи, таблицы, схемы, картинки, видеоролики, компьютерные программы.
4. *Принцип посильности*: учёт возраста обучаемых; трудности при изучении нового материала не должны превышать возможности обучающихся
5. *Принцип межпредметных связей*: взаимосвязанное преподавание разных дисциплин на языковом и предметном уровне.

В области *обучения* иностранному языку выделяют следующие *принципы*:

1. *Принцип коммуникативности* – основополагающий дидактический принцип обучения иностранным языкам, который предполагает практическую речевую направленность занятий.

2. *Принцип учёта родного языка* при овладении иностранным языком: один из основных принципов обучения иностранному языку, предполагающий обращение к родному языку обучаемых, сопоставление языков, опора на родной язык при объяснении новой лексики или грамматики.

3. *Принцип устного опережения*: введение и закрепление учебного материала, предшествующее чтению и письму, путём устного общения по схеме: слушание – говорение – чтение – письмо.

4. *Принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности*: во время обучения происходит формирование четырёх видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), что обеспечивает формирование умений и навыков иноязычной речевой деятельности.

5. *Принцип аппроксимации учебной деятельности*: преподаватель имеет право снисходительно относиться к допускаемым ошибкам обучаемых в процессе речевой деятельности, если они не мешают правильному пониманию речи собеседника.

6. *Принцип учета уровня владения языком* предполагает отбор содержания и средств обучения.

7. *Принцип функциональности*: способ подачи языкового материала, который организуется на материале тем и реальных речевых ситуациях [4, 167–168].

Все перечисленные *принципы* тесно между собой связаны и образуют единую систему, призванную обеспечить достижение поставленных целей обучения. В то же время можно выделить принципы (или группы принципов), которые играют ведущую роль в конкретных условиях обучения. При обучении конкретному предмету роль разных принципов обучения, безусловно, различна, в связи с чем необходимо выявить наиболее значимые, т. е. наиболее эффективные *принципы* при обучении заимствованной лексике (минимум – один, а скорее всего – несколько). Определенный *принцип обучения* предполагает использование соответствующих типов и видов упражнений.

В соответствии с основными функциями языка при обучении иностранному языку выделяют следующие типы упражнений: *языковые (некоммуникативные), условно-речевые (условно-коммуникативные) и речевые (коммуникативные) упражнения.*

Языковые, или некоммуникативные, упражнения – это все виды тренировочных (некоммуникативных) упражнений, предназначенные для автоматизации языковых явлений (фонетических, грамматических, лексических) *вне* речевой деятельности. В этих упражнениях процесс коммуникации подчинён усвоению грамматических структур, лексических единиц, звуковых явлений.

Условно-речевые упражнения – это ситуативные, условно-коммуникативные упражнения, которые позволяют осуществлять речевую тренировку языкового материала в учебной, т. е. условной, коммуникации, имитирующей естественную. Характерным является наличие условной речевой задачи.

Речевые, или коммуникативные, упражнения – это упражнения во всех видах иноязычной речевой деятельности, побуждающие обучающихся наиболее полно использовать изученный языковой материал как средство коммуникации.

Помимо этого при квалификации упражнений учитываются стадии усвоения языкового материала и формирования речевых навыков и умений (ознакомление – осмысление, запоминание и употребление), в соответствии с чем разграничиваются *виды упражнений* [7, 67]. Основными видами упражнений являются *дифференцировочные (ДФ), имитационные (ИМ), подстановочные (СБ) и трансформационные (ТР).*

Формирование автоматизмов начинается с развития навыков относительно точного воспроизведения изучаемого материала, то есть с формирования устойчивости и стабильности языкового стереотипа. Для этой цели используются *дифференцировочные и имитационные* упражнения. Упражнения на *дифференциацию* и *имитацию* направ-

лены на запоминание слова, его значения в единстве с произносительной и грамматической формой.

Группа ДФ упражнений формирует механизм выбора и предназначена для обучения различению языковых явлений, смешиваемых в процессе обучения [1]. *Имитационные упражнения* формируют механизм точного воспроизведения языкового материала. Упражнения данного вида могут проводиться как в устной, так и в письменной форме, с опорой на ситуативную или контекстную речь. *Дифференцировочные* и *имитационные* упражнения необходимы лишь в тех случаях, когда изучаются языковые явления, представляющие значительные трудности для обучающихся.

При усвоении лёгкого материала, обучающиеся могут сразу переходить к выполнению *подстановочных* и *трансформационных* упражнений [8]. *Подстановочные* упражнения тренируют операции сочетаемости языковых единиц по правилам иностранного языка. Механизмы преобразования языковых структур формируются с помощью *трансформационных упражнений*. Как и *подстановочные упражнения*, они предназначены для усвоения грамматических структур закрепления и повторения лексического материала. Но в отличие от *подстановочных*, которые строятся по одной и той же схеме, *трансформационные* упражнения предполагают изменение структуры предложения – его расширение либо сокращение [5].

При обучении любому иностранному языку особое внимание уделяют *принципу учёта родного языка*, так как процесс изучения непрерывно связан с сопоставлением и противопоставлением норм изучаемого и родного языка.

Рассмотрим более подробно данный *принцип обучения*, применяя соответствующие *типы* и *виды* упражнений с целью обучения заимствованной лексике немецкого языка.

С целью реализации данного принципа в процессе обучения иноязычной заимствованной лексике целесообразным является использование *языковых (некоммуникативных)* типов упражнений, т. е. не предполагающий наличие реальной речевой ситуации. К основным видам упражнений, при выполнении которых наиболее явственно реализуется *принцип опоры на родной язык обучающихся*, принадлежат *дифференцировочные* упражнения, так как овладение графической стороной при изучении заимствованной лексики является основным. Так, при обучении заимствованной лексике на начальных занятиях по иностранному языку можно использовать следующие упражнения на *дифференциацию*:

1. Определите значения слов, сходных по семантике с русскими, и проверьте точность своих догадок по словарю (если это необходимо):

der Monitor, die CD, die E-Mail, das Internet, die SMS, der Scanner.

2. Найдите в тексте слова с общим корнем в иностранном и родном языках:

Ich benutze den Computer aktiv. Am Computer schreibe ich meine Hausaufgaben und bereite Referate vor. Ich suche Infos im Internet oder mache auch verschiedene multimediale Projekte. Ich kann mit meinen Freunden mailen oder mit ihnen chatten. Ich höre auch Musik, sehe mir Videos an, spiele. Ich finde, dass der Computer sehr nützlich ist.

На следующем этапом при овладении заимствованной лексики могут применяться *имитационные упражнения:*

1. Произнесите слова на иностранном языке, опираясь на приведённый перечень русских слов:

монитор, компьютер, СМС, телефон, интернет, радио, дискета, курс, факс, информация, документ, текст.

2. Найдите и произнесите только те слова, которые имеют русские соответствия:

der Bildschirm, die Tastatur, die CD, die E-Mail, das Handy, das Internet, die Tastatur, das Netz, der Scanner, die SMS, das Medium, die Datei, der Drucker, das Mobiltelefon, das Passwort, das Mittel, die Daten, die Kurzmitteilung, der Speicherstick, der Monitor.

С целью освоения лексических единиц на более продвинутом этапе можно использовать и *подстановочные задания* – к примеру, следующего вида:

Замените русские слова в предложениях иноязычными.

Früher dachte ich, mein компьютер ist so was wie eine bessere пишущая машинка. Heute weiß ich, er ist das Fenster zur Welt. Ob электронная Post (E-Mail), актуальные Nachrichten aus der политики oder nur eine Auskunft, wann der nächste Zug von München nach Hamburg fährt, – das интернет bringt mir die информацию direkt auf den Tisch.

Таким образом, *принцип опоры на родной язык обучающихся* следует, с нашей точки зрения, правомерно квалифицировать как один из наиболее способствующих усвоению заимствований в процессе освоения лексики иностранного языка. Представляется, что этот принцип может быть эффективно применён при изучении лексического состава иностранного языка как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, при условии, что преподавателем будут продуманы и подобраны адекватные изучаемому материалу типы и виды упражнений (некоторые из такого рода упражнений предложены автором в настоящей статье).

Система упражнений при освоении заимствованной лексики иностранного языка, вне всякого сомнения, должна строиться обучающей стороной с учётом как определённого *принципа* (принципов) *обучения,* так и данных таких наук, как педагогика, лингвистика, психология и психолингвистика, с которыми методика обучения иностранным языкам тесно, а часто и неразрывно, связана.

Литература

1. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку / И. Л. Бим. – М., 1988. – 434 с.
2. Миролюбов, А. А. Методика обучения иностранным языкам : традиции и современность / Под ред. А. А. Миролюбова. – Обнинск : Титул, 2010. – 464 с.
3. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М. : Русский язык, 1989. – 276 с.
4. Петрикова, А. Основы межкультурной дидактики / А. Петрикова, Т. Куприна, Я. Галло. – М. : Русский язык. Курсы, 2015. – 376 с.
5. Рогова, Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
6. Сакаева, Л. Р. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие для студентов Института математики и механики им. Н. И. Лобачевского по направлению «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» / Л. Р. Сакаева, А. Р. Баранова. – Казань : КФУ, 2016. – 189 с.
7. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 2006. – 239 с.
8. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / С. Ф. Шатилов. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.
9. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А. Н. Щукин. – М. : Высш. шк., 2003. – 333 с.

S. M. Stepanenko
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: stepanenkosnezhana@mail.ru

Principles of Learning German Borrowed Vocabulary

Key words: teaching principles, types of exercises, principle of the native language, borrowings.

The basic principles of teaching foreign vocabulary are examined in the article; the main types of exercises of teaching lexical units of a foreign language are identified; the principle of the native language using the example of certain types of exercises is examined in detail.

Н. С. Степанова, М. В. Громенко
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Российская Федерация)
e-mail: ns-kursk@yandex.ru; grommv@mail.ru

УДК 378.016:811.161.1-057.875-054.6

Роль пословиц в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных студентов (на материале паремий, репрезентирующих концепт «труд / работа»)

Ключевые слова: русский язык как иностранный, пословицы, лингвокультурологическая компетенция, межкультурная коммуникация, социокультурная адаптация.

Статья посвящена использованию русских, белорусских, английских пословиц, систематическая работа с которыми на занятиях по русскому языку как иностранному способствует вхождению иностранных обучающихся в новую языковую среду, интеграции их в поликультурное образовательное пространство российского вуза, формированию лингвокультурологической компетенции, развитию навыков межкультурной коммуникации.

Во все времена человек живет в условиях социально-психологического многомирия. Русский язык для иностранцев – «это своеобразный языковой мир, который является только частью общей картины мира»; как любой естественный язык, он «отражает определенный способ восприятия и организации мира. Закрепленные в языке знания о мире непременно вплетаются в национально-культурный опыт конкретной языковой общности» [1, 58, 57].

В целях введения иностранных обучающихся в новую языковую среду, понимания и осознания ими самобытности каждой нации на занятиях по русскому языку как иностранному преподаватели успешно обращаются к паремиологическому фонду языка. Пословицы и поговорки, являясь частью национальной культуры, позволяют углубить представления о свойствах национального характера и менталитета народа; «паремии являются особыми знаками языка, в значение которых “вплетена” национально-культурная семантика, запечатлен этноментальный код определенного лингвосоциума» [3, 295]. Пословицы и поговорки как «образец народного поэтического творчества, краткое ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, и сказание с дидактическим уклоном» [2, 102] «отражают устойчивые, глубинные черты народного менталитета, особенности быта этноса, отношение людей к той или иной ситуации, событиям и затрагивают все виды жизнедеятельности конкретного народа» [6, 265]. Являясь вербальными формами, которые «лаконично и метафорично» выражают «глубокое, исходное знание, накопленное нацией или человечеством в процессе познания мира и реальности» [4, 242], паремиологические единицы обладают такими общими признаками, как образность – способность создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности; прецедентность – известность широкому кругу людей и неоднократное обращение к этим единицам в дискурсе языковой личности; вероятностная устойчивость – неизменность стандарта лексико-грамматического состава пословиц и поговорок при вариативном воспроизведении в речи.

В центре нашего исследования – возможности использования паремиологического фонда в работе с иностранными обучающимися, которые

являются представителями разных континентов и стран, разных языковых семей и групп, различных наций, отличающихся национально-культурным своеобразием, мировосприятием, менталитетом. Опыт показывает, что знакомство с русской языковой картиной мира на занятиях по русскому языку как иностранному целесообразно осуществлять через изучение культурно значимых концептов [5, 353]. Рассмотрим этот процесс на материале паремий, репрезентирующих концепт «труд / работа» («труд, работа / праца / labour, work», представленных в русских [7, 11], белорусских [8, 9, 10], и английских [7, 11] пословицах.

В жизни любого человека работа играет одну из важнейших ролей, поэтому вполне естественно, что пословицы о работе и труде занимают значительное место в паремиологическом фонде любого языка; русский, белорусский и английский языки в данном случае не исключение. Корпус проанализированного материала (345 русских, 232 белорусских и 310 английских пословиц) состоит из пословиц, которые содержат ключевые компоненты *труд, работа, праца, labour, work;* пословицы с соответствующими глагольными компонентами *работать, трудиться, працаваць, work (v.), labour (v.),* и пословицы, которые содержат иные компоненты, входящие в семантическое поле «труд, работа / праца / labour, work»: *дело, работник, лениться, лень, праздность, лентяй, ленивый; справа, работнік, ленавацца, лянота, бяздзейнасць, гультай, лянівы; job, worker, workman, diligence, labourer, business, sluggard, diligent, industry, idle, idleness, sloth, lazy, laziness, slothful* и др.

Пословицы, которые содержат общие суждения о значимости труда, работы, несут в себе важную информацию о роли и необходимости труда как такового и выступают в виде смыслового ядра, которое затем конкретизируется и уточняется в других, больших или меньших по объему когнитивных структурах пословиц; например, английских: *Work is the spice of life; Work conquers all; Labour conquers everything; Labour is a treasure to man; Labour overcomes all things; Life is nothing without work* и др.

В русском материале наиболее близка по значению к рассматриваемым пословица *Терпение и труд все перетрут*, в которой концепт «труд» представлен в паре с концептом «терпение»; а в белорусском – *Праца і рукі – моцныя зарукі; Праца з балота робіць залота.*

Важность труда утверждается в русском и белорусском языках через языковые структуры с отрицанием и противопоставлением:

Без труда ничего не делается; Труд – не мученье, а удовольствие; Жизнь без труда – потухший костер; Человека греет не шуба, а работа;

Гульня, ды не штодня; Гурт невялічкі – гуляць няма звычкі.

Встречаются подобные пословицы и в английском языке:

No labour is a thing of shame.

В рассматриваемых языках мы обнаруживаем большое количество структур, связанных с пословицами, объединяющей когнитемой для которых является: «надо затратить усилия, чтобы чего-то добиться»; «надо потрудиться, чтобы что-то получить».

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда;

Каб рыбу есці, трэба ў ваду лезці; Трэба нахіліцца, каб з ручая напіцца; Каб вады напіцца, трэба ёй пакланіцца; Вады не засіліш не паварушыўшыся, рыбы не зловіш не памачыўшыся; Па дарозе ідучы, грыбоў не набярэш;

No sweet without sweat; If you sit idle, you will achieve nothing; No convenience without its inconvenience; He that would have eggs must endure the cackling of the hens; He who would search for pearls must dive below.

В русском и белорусском языках встречаются пословицы, в которых отражены разные виды крестьянского труда, при этом труд предстает как что-то очень тяжелое, изнуряющее:

Пашню пахать – не руками махать; Просо полоть – руки колоть; Не от росы урожай, а от поту; Не отрубить дубка, не надсадзя пупка;

Араць – не ў дуду іграць; Гаспадарку весці – не штанамі трэсці (не торбаю трэсці).

Аналог непосильного труда, описанного во внутренней форме русских и белорусских пословиц, с трудовыми усилиями, прилагаемыми для достижения цели, можно встретить среди английских пословиц. Самая высокая интенсивность труда в английских пословицах передана существительными *sweat* и *pains – No pains, no gains*. Но о том, чтобы «гнуть спину», «колоть руки», «надсаживатъ пупок», «добывать своим горбом», в них речи нет.

Еще одной чертой русских и белорусских пословиц является то, что целью трудовых усилий в них очень часто выступает пища, еда. В такой ситуации формируется когнитема «работа дает еду»:

Что потрудимся, то и поедим; На полатях лежать – ломтя не видать; Покуда цеп в руках, дотуда и хлеб в зубах;

Працы да поту – і ежы ўдосталь.

В ходе анализа пословиц была выделена ещё одна большая группа, имеющая эквиваленты в разных языках; её образуют пословицы с общей когнитемой «какая работа – таков и результат», «по труду и результат»:

Что посеешь, то и пожнешь; Что помолотишь, то и в закром положишь; Как скроишь, так и тачать станешь; Что припасешь, то и пожуешь; Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится;

Што пасееш, то і пажнеш; Што напрядешь, то і протрясешь; Што помолоть, то і ў засек пакладзеш; Як зьнікну, так і шыць станеш; Што припасешь, то і пажуеш; Хто араць не лянуецца, у таго і хлеб народзіцца;

A man reaps what he saws; What a man sows that he shall also reap; As they sow, so let them reap; He that soweth good seed, shall reap good com; What you have sown you must reap.

Среди анализируемого материала можно выделить когнитему, передающую особенности национальной картины мира: «работник оценивается по работе»:

По труду и честь; Недаром говорится, что дело мастера боится; У работящего в руках дело огнем горит; Работа да руки – надежные в людях поруки;

Якая справа, такая і слава; Не памоўка, а паробка славіць; Таго на кут, у каго мазалі цвярдзейшыя; Як дбаеш, то й павагу маеш;

Like author, like book; The best carpenters make the fewest chips; Like carpenter, like chips; As is the gardener, so is the garden.

Обратимся теперь к осуждению лени в культурах рассматриваемых народов и её репрезентации в пословицах. В Библии и в латинских изречениях нежелание работать всегда осуждалось: *Slothfuhiess casteth into a deep sleep, and an idle soul shall suffer hunger; Nihie agendo homines male agere discunt; Mendicitas ignaviae praemium.*

На сегодняшний день среди английских пословиц прослеживается устойчивая ассоциация *«лень–нищета»*, которая образует устойчивую когнитему «лень ведет к нищете»:

Idleness must thank itself if it goes barefoot; Laziness goes so slowly that poverty overtakes it; Idleness is the key of beggary.

Для русских и белорусских пословиц характерны те же ассоциации:

Праздность – мать пороков; Лень до добра не доведет; Ленью пищи не добудешь; Лень мужика не кормит; Лень без соли хлебает;

Праца гадуе, а лянота марнуе (а гультайства марнуе); Калі – на лянок, а калі – у танок; Дзе шчырая праца, там густа, а дзе лянота – пуста; Ад ляноты чакай бядоты.

В русских, белорусских и английских пословицах можно наблюдать открытое осуждение лентяев. В русской и белорусской пословичных картинах мира лентяй приравнивается к плохому, дурному человеку, причём стоит отметить частое употребление глаголов *«лежать / спать»* в подобных пословицах:

Трутни горазды на плутни; Лентяй да шалопай – два родных брата; Ленивый сидя спит, лежа работает; Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал; Лежит лежень до вечера, а поесть нечего; Кто много лежит, у того и бок болит; Сонливый да ленивый – два родные братца; Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень; Сонливого не добудишься, а ленивого не дошлешься; Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глазки продирает;

Як прывык да ляносці, то ад працы баляць косці; Як з мілым пастаяць, то ручанькі не баляць; Людзі жыта жаць, а ў нас мазалі баляць; Гультай за работу – мазоль за руку; У няўмекі рукі калекі; Ранні зайчык зубкі цярэбіць, а позні вочкі ўціpае; Ранняя птушачка дзюбку калупае, а позняя вочкі прадзірае; Хто да сонца ўстае, таму Бог дае; Хто рана ўстае, таму хлеба стае; Хто любіць працаваць, той не будзе доўга спаць; Рана ўстанеш – болей зробіш.

В английской пословичной картине мира наблюдаются ассоциации «лентяй – нищий»:

The sluggard must be clad in rags; A slothful man is a beggar's friend;

«лентяй – дьявол»:

The devil tempts all, but the idle man tempts the devil; The devil finds work for idle hands to do; An idle person is the devil's cushion.

Ещё одними яркими маркерами славянского менталитета являются пословицы, противопоставляющие работу и веселье и рекомендующие выбрать что-то одно:

Пашню пашут – руками не машут; Коли орать, так в дуду не играть; Либо ткать, либо прясть, либо песни петь; Не пиры пировать, коли хлеб засевать; Делу – время, потехе – час; Пить да гулять – добра не видать;

Перш папрацуй, а тады і патанцуй; Была нядзеля – і мы дудзелі, цяпер серада – працуй, грамада; Калі на лянок, а калі ў танок; Гульня, ды не штодня; Годзе цалавацца, пара і на хлеб старацца; Балі ды гулі ў лапці абулі; Балявалі, гулялі, пакуль голыя не сталі; За баляваннем бывае галадаванне; Хмель не вада – чалавеку бяда; Гарэлка да добрага не давядзе; Гулі да дабра не давядуць; Гулі і пана разулі.

Параллельно с указанными группами пословиц выделяются и другие когнитивные структуры, в значительной степени схожие в русском, белорусском, английском языках. Они содержат знание о том, что нельзя откладывать работу, надо чередовать работу с отдыхом, уделять работе основную часть времени и только потом отдыхать:

Сегодняшней работы на завтра не оставляй; Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; Сделал дело – гуляй смело;

Адклад не йдзе ў лад; З адкладу няма ладу; Лепей цяпер, чым у чацвер; Сон на заўтра адкладзі, а справу сёння давядзі; Скончыў работу – гуляй у ахвоту; Перш папрацуй, а тады й патанцуй; Службу справіў – і гуляй;

Mix work with leisure and you will never go mad; Never put off till tomorrow what may be done today.

В отдельную группу следует выделить пословицы, в которых говорится о том, что «как человек трудится в молодости, так он обеспечивает свою старость»:

Гулять смолоду – помирать под старость с голоду;

Хто замоладу не працуе, той на старасць жабруе; Хто гуляе змоладу, той памрэ з голаду; Гульня ў маладосці дае хваробу на старыя косці; Змоладу банкетавалі, а пад

старасць жабравалі; Змоладу балі спраўлялі, пад старасць галышамі сталі; Не хочаш у маладосці працаваць, будзеш на старасці з торбачкай танцаваць;

A lazy youth, a lousy age.

Таким образом, значительное сходство в когнитивных структурах, представленных пословицами трех языков, обусловлено социально-историческим опытом, накопленным народами – носителями этих языков, выражающимся в тех ставших общепризнанными истинах, что тот, кто трудится, достоин уважения, что без труда не будет достатка, что лентяй ничего не имеет и пр.

В рассматриваемых пословичных картинах мира находят отражение когнитивные структуры, которые содержат общие суждения о значимости и важности труда, работы. Языковые факты говорят о том, что преобладающее количество пословиц и поговорок отражает любовь к труду и уважение к тем, кто умеет трудиться, выражает негативное отношение к лени и бездельникам.

Являясь отражением языковой картины мира, паремиологический фонд языка выступает методически целесообразным дидактическим средством в процессе лингвообразования иностранных обучающихся, способствуя лучшему пониманию мировоззрения народа – носителя конкретного языка, его менталитета, а также благоприятной социокультурной адаптации в новой языковой среде. Работа с паремиями играет важную роль в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных студентов, она способствует вхождению иностранных обучающихся в новую языковую среду и их интеграции в поликультурное образовательное пространство российского вуза.

Литература

1. Громенко, М.В. Личностно ориентированный подход в контексте обучения русскому языку как иностранному / М.В. Громенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2014. – № 2. – С. 56–62.

2. Громенко, М.В., Петрухин, В.И. Исследование педагогических и лингвистических аспектов моделей воспитания как проблемного поля в образовательном пространстве / М.В. Громенко, В.И. Петрухин // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 1 (18). – С. 94–107.

3. Романова, Н. Н., Амелина, И. О., Гаранжа, А. А. Роль знаний о национально-культурной специфике пословиц в русском и английском языках для формирования социо- и межкультурной компетенций у российских студентов высших учебных заведений / Н. Н. Романова, И. О. Амелина, А. А. Гаранжа // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VI Международной конференции школьников, студентов и аспирантов (Курск, 21–22 мая 2015 года) / Н.А. Боженкова (отв. ред.) [и др.]. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2015. – С. 294–303.

4. Степанова, Н. С., Драгун, Е. И. Отражение языковой картины мира в паремиологическом фонде (на материале русского и китайского языков) / Н. С. Степанова, Е. И. Драгун // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VI Международной конференции школьников, студентов и аспирантов (Курск, 21–22 мая 2015 года) / Н.А. Боженкова (отв. ред.) [и др.]. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2015. – С. 341–348.

5. Степанова, Н. С., Ковалева, Т. В., Амелина, И. О. Концепт «усадьба» в русской литературе о детстве на занятиях с иностранцами / Н. С. Степанова, Т. В. Ковалева, И. О. Амелина // Русская литература в иностранной аудитории: сборник научных статей. Вып. 7. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 352–358.

6. Степанова, Н. С., Легкая, М. С. Отражение представлений о национальном характере в паремиологическом фонде языка (на примере английских фразеологизмов с зоонимами) / Н. С. Степанова, М. С. Легкая // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: материалы VII Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов (Курск, 29 февраля–2 марта 2016 года) / Р.К. Боженкова (отв. ред.) [и др.]. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2016. – С. 265–272.

Источники

7. Poslovic.ru – Все пословицы в одном месте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://poslovic.ru. – Дата доступа : 12.01.2020.

8. Русско-белорусский словарь пословиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ingvarr.net.ru/forum/56-9369-6. – Дата доступа : 12.01.2020.
9. Белорусские пословицы и поговорки // World Sayings GOODS: «Пословицы и поговорки народов мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sayings.ru/world/belarus/belarus_1.html–39.html. – Дата доступа : 12.01.2020.
10. Малый русско-белорусский словарь пословиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/arcady/post49094063. – Дата доступа : 12.01.2020.
11. Пословицы и поговорки всех стран и народов мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://poslovica-pogovorka.ru. – Дата доступа : 12.01.2020.

N. S. Stepanova, M. V. Gromenko
Southwest State University (Russian Federation)
e-mail: ns-kursk@yandex.ru; grommv@mail.ru

The role of proverbs in the formation of linguoculturological competence of foreign students (based on the material of the paremias representing the concept of “labour / work”)

Keywords: Russian as a foreign language, proverbs, linguoculturological competence, intercultural communication, sociocultural adaptation

The article is devoted to the use of Russian, Belarusian, and English proverbs, the systematic work with which at classes on Russian as a foreign language facilitates the entry of foreign students into the new language environment, their integration into the multicultural educational space of a Russian university, the formation of linguoculturological competence, and the development of intercultural communication skills.

Е. Л. Филипович, А. М. Шакурова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: kate160395@mail.ru; Lesya1994@yandex.ru

УДК [378.4(476.5)+378.4(410)]:378.147:81’243

Преподавание иностранных языков в современной образовательной среде британского и белорусского университетов на примере Даремского университета (Великобритания) и Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Беларусь): сравнительно-сопоставительный анализ

Ключевые слова: преподавание иностранных языков, образовательная среда, методы, коммуникативная компетенция, грамматико-переводный метод, языковая среда.

В статье сопоставляются подходы и методы в преподавании иностранных языков, представленные в двух высших учебных заведениях, выявляются их сходства и различия; сделаны выводы относительно эффективности образовательного процесса.

На современном этапе развития высшего образования обучение иноязычному общению становится все более актуальным, так как интеграция в сфере науки и техники и расширение международного сотрудничества выдвигают новые требования к владению иностранным языком специалистов различных областей знания, в соответствии с которыми обучение иностранному языку имеет все более профессиональную направленность и ставит своей задачей овладение всеми методами коммуникации, используемыми в научной и профессиональной области.

Более полное понимание того, как люди овладевают языком, привело к расширению спектра подходов в преподавании. На сегодняшний день университеты лучше подготовлены к иноязычному образованию, чем в предыдущие десятилетия. Преподавание иностранных языков охватывает идеи, которые варьируются от использования традиционных, хорошо зарекомендовавших себя методов, до интеграции инновационных методов и средств организации учебного процесса, которые появились благодаря развитию новых технологий и ресурсов. Новые методы ориентированы на общение по всему миру, легкий доступ к информации, большую роль самих учащихся в процессе освоения языка.

В данной статье мы сравниваем процесс преподавания иностранного языка на примере двух университетов: Даремского университета в Великобритании и Витебского государственного университета. Цель нашего исследования – проанализировать инновационную среду обучения, которая имеет как общие, так и отличительные черты в этих различных социокультурных и образовательных контекстах и определить ее основные компоненты и качества, ведущие к более эффективному процессу преподавания и изучения иностранного языка в соответствии с современными общественными стандартами мультикультурного мира.

В качестве методов исследования выступили сравнительно-сопоставительный и описательно-аналитический методы, критический анализ подходов и методов, которые нашли применение в рассматриваемых образовательных средах.

Говоря об образовательной среде, мы подразумеваем весь спектр компонентов и видов деятельности, в рамках которых происходит обучение. Согласно С. В. Тарасову, образовательная среда – это подсистема социокультурной среды, совокупность исторически сложившихся факторов, обстоятельств, ситуаций, т.е. целостность специально организованных педагогических условий развития личности [1, 14]. Таким образом, в рамках образовательной среды поддерживаются оптимальные условия для эффективного обучения иностранным языкам в высшем учебном заведении с учётом особенностей физического, культурного и языкового контекстов. В нашем понимании, эффективная образовательная среда включает в себя ряд методов и подходов к обучению, различные учебные и самостоятельные работы, учебные материалы, внедрение и использование педагогических и технологических инноваций. Эффективная комбинация вышеперечисленных образовательных элементов обеспечивает максимальное приобретение знаний, развитие навыков и формирование коммуникативной компетенции.

В рамках нашего исследования мы не нацелены на подробное описание всех методов и подходов, используемых в процессе обучения иностранным языкам, а сконцентрируемся на более детальном рассмотрении некоторых методологических тенденций, нашедших своё применение в высших школах Британии и Беларуси и оказывающих наибольшее влияние на результативность процесса преподавания иностранных языков.

Ввиду ускоряющихся темпов развития глобализации и информатизации в обществе, а также возрастающей значимости владения иностранными языками для осуществления эффективной коммуникации на мировой арене, высшие школы ставят перед собой цель подготовить специалистов, способных к мобильности в условиях нового времени. Как следствие, трудно переоценить значение коммуникативной компетенции, которая является результатом качественного профессионального образования. Согласно

определению Д. И. Царенкова, коммуникативная компетенция – это способность человека к общению в одном или всех видах речевой деятельности, которая представляет собой приобретённое в процессе естественной коммуникации или специально организованного обучения особое качество реальной личности [2, 56]. Таким образом, коммуникативный подход является одной из ведущих педагогических методик, применяемых в высших школах, т.к. его цель – обеспечить учащихся достаточными знаниями для реализации иноязычного общения за пределами учебной аудитории. На сегодняшний день личностно-ориентированный подход, проблемное обучение, проектная деятельность широко распространены и ориентированы в первую очередь на личность студента, исследовательскую деятельность, коммуникацию и практическое использование языка. Все эти стратегии необходимо учитывать при сопоставлении методик преподавания иностранных языков в рассматриваемых университетах.

Многие университеты, включая Даремский университет и ВГУ имени П. М. Машерова, предоставляют возможность изучения иностранного языка с начального уровня. Большинство методов обучения иностранным языкам на начальном этапе предполагают активное вовлечение учащихся в процесс говорения и слушания с целью постепенного формирования навыков, которые таким же образом приобретаются детьми при изучении своего родного языка.

Факультет современных языков и культур Даремского университета состоит из шести кафедр и предлагает студентам изучение следующих языков: арабский, французский, немецкий, итальянский и русский. Несмотря на то, что обучение различным языкам предполагает применение различных подходов, тем не менее, можно выделить определённые элементы в методике преподавания, которые представлены на всех кафедрах. То же можно наблюдать и в других университетах.

Каждый учебный год на факультете современных языков и культур состоит из шести модулей, которые студенты выбирают сами. Из них студент выбирает два иностранных языка, которые являются основными. Остальные четыре модуля состоят из различных дисциплин лингвистической и культурной направленности. На каждый модуль выделяется приблизительно два часа в неделю, что в совокупности составляет двенадцать часов. Оставшееся время выделено студенту на самостоятельное изучение выбранных дисциплин. С целью повышения эффективности самостоятельной работы студентам предоставляется *The Study Skills Booklet* (руководство по самообучению), которое доступно в онлайн режиме. В нём содержатся рекомендации по каждому из модулей относительно количества часов, выделенных на самостоятельно изучение данного модуля. Так, согласно этому руководству, студент обязан уделять семь часов в неделю на каждый модуль. В целом, это время распределено следующим образом: два часа занятий в университете и пять часов отведено на самостоятельное чтение и выполнение заданий.

Преподавательский состав в Даремском университете представлен преимущественно носителями языков, которые предлагаются к изучению в университете. Это способствует созданию естественной коммуникативной среды и постановке фонетически правильного произношения. Изучению грамматики уделяется больше внимания на первом курсе обучения, поскольку это обеспечивает примерно одинаковый уровень языковой подготовки студентов к последующим годам учёбы. Это пример элементов грамматико-переводного метода при изучении иностранных языков, который наблюдается на протяжении четырёх лет обучения и требует от студентов умений переводить отрывки текстов с изучаемого языка на свой родной язык с понимаем смысла прочитанного.

Мы можем также наблюдать реализацию отдельных принципов коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков в Даремском университете. На занятиях иностранного языка большую часть времени студенты уделяют такому виду речевой деятельности, как говорение. В течение года учащиеся также должны подготовить про-

ект на изучаемом языке по различным темам. Этот вид деятельности в сочетании с обучением грамматике помогает в решении проблем коммуникативного подхода. Наравне с проектами студенты выполняют и другие виды работ: домашние задания, представляющие собой эссе, переводы, грамматические упражнения и другие письменные задания. Стиль преподавания в Даремском университете, в частности на занятиях по иностранным языкам, интерактивный, т.е. студенты активно используют изучаемый язык в процессе общения. Другие модули (по литературе и истории) представляют собой еженедельную смену лекционных и семинарских занятий, которая предполагает ведение лекционных конспектов и подготовку материалов для обсуждения на семинарских занятиях. Эти лекции и семинары также проводятся на изучаемом языке.

В Витебском государственном университете имени П. М. Машерова филологический факультет состоит из пяти кафедр: кафедра русского языкознания, кафедра белорусского языкознания, кафедра литературоведения, кафедра мировых языков и кафедра германской филологии. Обучение иностранным языкам осуществляется преподавателями кафедр мировых языков и германской филологии. Выбор иностранных языков для изучения зависит от их востребованности в мировом лингвистическом сообществе. В настоящее время в ВГУ имени П. М. Машерова для изучения представлены следующие языки: английский, немецкий, французский, китайский, испанский, польский, шведский. Студенты языковых специальностей изучают два иностранных языка в обязательном порядке и получают диплом лингвистической направленности. Студенты неязыковых специальностей изучают один иностранный язык на первом курсе обучения, который является частью учебной программы. При желании студенты неязыковых специальностей могут продолжить изучение иностранного языка в качестве факультативных занятий. Также возможно поступление на факультет повышения квалификации и переподготовки кадров на специальность, предполагающую углубленное изучение иностранного языка.

Обучение в ВГУ имени П. М. Машерова характеризуется применением принципов интерактивного обучения иностранным языкам. Новые подходы и методы внедряются в образовательный процесс с целью создания наиболее благоприятной среды для взаимодействия учащихся и преподавателей и вовлечения учащихся в творческую речемыслительную деятельность. Методы обучения, нашедшие своё применение в образовательном процессе ВГУ имени П. М. Машерова, опираются на концептуальные положения личностно-ориентированного, системно-деятельностного, коммуникативно-когнитивного и межкультурного подходов к изучению иностранных языков. Языковая практика настолько приближена к реальной коммуникации, насколько это практически возможно [3]. Студенты также изучают структуру языка и особенности его функционирования с целью приобретения углубленных знаний об изучаемом языке. В рамках одного занятия возможно осуществление различных видов деятельности, таких как выполнение презентаций, проведение дискуссий, ролевых игр, кейсов, проектов, дебатов и т.д. Занятие проводится на изучаемом языке, что позволяет искусственно создать языковую среду, приближенную к естественной.

Информационные технологии и ресурсы также интегрируются в процесс обучения. Наряду с традиционными способами обучения коммуникативные и информационные средства создают среду, которая позволяет индивидуализировать учебный процесс, а также использовать актуальные, аутентичные учебные материалы для изучения иностранных языков.

В этом отношении Даремский университет предоставляет студентам различные средства для успешной учёбы: языковые лаборатории, компьютерные аудитории, которые доступны не только во время проведения занятия, но и во внеклассные часы. В свою очередь ВГУ имени П. М. Машерова также предлагает компьютерные аудито-

рии, проведение оффлайн-занятий в системе *MOODLE* и использование собственных учебных виртуальных сайтов.

Преподавательский состав в ВГУ имени П. М. Машерова является преимущественно носителями русского языка. Благоприятная языковая среда невозможна без участия носителей изучаемого языка в качестве преподавателей. Языковая среда, созданная для изучения иностранных языков в ВГУ имени П. М. Машерова, в этом отношении отличается от среды Даремского или любого другого европейского университета, поскольку немногие носители языка готовы приехать в Витебск. Однако с недавнего времени ВГУ активно привлекает иностранных специалистов, которые вносят большой вклад в создание аутентичной среды, как для учащихся, так и для самих преподавателей. Это также обеспечивает диалог культур, в результате которого формируется социокультурная и социолингвистическая компетенции.

В ходе сравнения средств обучения в двух университетах можно выявить очевидные сходства. Таким образом, оба университета являются современными и обладают спектром возможностей, предоставляемых студентам, желающим выучить иностранные языки не только как учебную дисциплину, но и как способ успешной коммуникации в современном обществе. Организационная структура университетских подразделений, отвечающая за преподавание иностранных языков, очень схожа и основана на работе высококвалифицированных специалистов. Более того, оба университета признают важность сотрудничества с носителями языков и приглашают их для работы в своих подразделениях. В обоих университетах студенты изучают не только иностранные языки, но и культуру и историю стран изучаемых языков. Схожи также методы преподавания иностранных языков. Об этом свидетельствуют занятия в Даремском университете и интерактивное обучение в ВГУ.

Небольшие различия наблюдаются в организации часов, отведённых на проведение занятий, т.к. в Даремском университете ведущая роль отводится самостоятельной работе.

Таким образом, языковая среда, сформированная каждым из рассматриваемых университетов, включает в себя традиционные и инновационные педагогические и технологические основы, мотивируя как студентов, так и преподавателей к усердной работе в рамках взаимного образовательного процесса.

Тем не менее, необходимо большее количество исследований для разработки современных технологий обучения, нацеленных на преподавание иностранных языков и развитие личностных и профессиональных качеств у студентов и представляющих собой комбинацию из приобретённых знаний и опыта преподавателей и применения медиа-технологических ресурсов.

Литература

1. Тарасов С. В. Образовательная среда и развитие школьника / С. В. Тарасов. – СПб: ЛОИРО, 2003. – 139 с.

2. Царенков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутм этапе обучении студентов-нефилологов / Д. И. Царенков // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. – С. 55–57.

3. Rivers, Wilga M. Principles of Interactive Language Teaching / Agora Education Services edevaluator.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edevaluator.org/rivers/10principles_0.html. – Дата доступа: 07.02.2020.

4. Durham University. School of Modern Languages and Cultures / Durham University Official Site dur.ak.uk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dur.ak.uk/mlac. – Дата доступа: 07.02.2020.

E. L. Filipovich, A. M. Shakurova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: kate160395@mail.ru; Lesya1994@yandex.ru

Foreign language teaching in modern educational environment at British and Belarussian universities through the example of Durham University, UK, and Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Belarus: a comparative analysis

Key words: foreign language teaching, educational environment, methods, communicative competence, grammar-translation method, language environment.

The article deals with the comparison of approaches and methods in foreign language teaching used in two higher educational establishments. Similarities and differences are revealed. Conclusions are made on the effectiveness of the approaches used in the modern educational process.

Н. М. Шкатуло
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: konev.nata@mail.ru

УДК 811.111’25:811.161.1’25

Перевод научных текстов в процессе иноязычной подготовки студентов неязыковых специальностей

Ключевые слова: перевод, научные тексты, лексические особенности, грамматические особенности, стилистические особенности.

В статье описываются характерные черты научного стиля, определяются требования к переводу научного стиля, а также указываются общие и специфические знания, умения и навыки, необходимые при переводе научных текстов. Выявляются лексические, грамматические и стилистические особенности научного стиля речи.

В настоящее время в мире межкультурной коммуникации расширение международных отношений способствует стремительному развитию науки и техники, и соответственно, постоянному обмену научно-технической информацией. В данных условиях иностранный язык выступает в качестве фактора научного, технического и культурного прогресса, средством устной и письменной коммуникации между представителями различных народов и культур. Потребность в специалистах, способных извлекать необходимую информацию из иностранной литературы, качественно переводить и воспроизводить ее, становится все более актуальной.

Научные переводы представляют важную составляющую в процессе изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей. Материалы, относящиеся к разным областям знаний и практики, науки и техники, являются объектом специального перевода. К видам специального перевода можно отнести научный, технический, юридический, экономический перевод и др. Перевод такого рода литературы широко распространен и востребован. Проблемами перевода занимались многие исследователи (Н. Б. Аристов, Л. С. Бархударов, Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман, В. Н. Комиссаров, В. М. Лейчик, И. С. Алексеева, К. В. Миньяр-Белоручев, Е. А. Мисуно и др.).

В настоящее время важным аспектом изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей является знакомство с основами перевода литературы по специальности, поэтому одной из задач становится формирование навыков работы со специальными текстами. При переводе научных текстов основной целью является выявление идеи или ситуации, описанной на языке оригинала. Студент должен понимать контекст, чтобы правильно передать смысл. Особенностью этих текстов является точное выражение мысли, которое достигается широким использованием терминов. Поэтому он должен хорошо владеть научными и техническими терминами и достаточным пониманием предмета, чтобы иметь возможность дать адекватное описание ситуации. И здесь мы сталкиваемся с проблемой недостаточного владения знаний по специальности, так как обучение иностранному языку рассчитано в основном на первом курсе, а введение в специальность начинается со второго курса.

Перевод специальной литературы должен соответствовать стандартам на родном языке. В этом жанре перевода не может быть никакого изменения факта исходного текста. В процессе перевода фразы важно передать мысли четко и точно. Следовательно, смысл целого может не измениться, если поделить предложение на части, заменить его части или объединить части. Особенность письменной научной речи состоит в том, что тексты могут содержать не только устную информацию, но и различные формулы, символы, таблицы, диаграммы. Это в основном типично для текстов таких наук, как математика, физика, химия и т. д. Любой научный текст может содержать графическую информацию. Переводя заголовки на чертежах, последние должны быть перерисованы, а заголовки должны быть написаны на русском языке.

Л. А. Ордян приводит «следующие требования к переводу научно-технических текстов: эквивалентность, адекватность, информативность, логичность, четкость изложения. Чтобы перевод научно-технического текста был адекватным и эквивалентным, т.е. качественным, переводчику необходимы общие и специфические навыки, умения и следующие знания:

- теоретические – о фонетическом, лексическом и грамматическом строе иностранного языка (лексические единицы, грамматические правила, словообразование);
- практические – об особенностях перевода научно-технических текстов (виды переводческих трансформаций и соответствий);
- лингвистические практические знания (способы перевода: транслитерация, калькирование, замены, перестановки, добавления, опущения, способы описательного и антонимического перевода);
- экстралингвистические знания (владение достаточной информацией для перевода специализированного текста), необходимые в процессе переложения текста и построения осмысленных и адекватных предложений на языке перевода» [10, с. 423].

Общепринятый научный стиль реализуется в письменной форме речи. Он характеризуется ограничениями и точным выбором слов и конструкций. Цель научной литературы заключается в предоставлении информации о научных идеях, изобретениях, исследованиях, в обосновании гипотезы, создании новых концепций, раскрытии внутренних законов существования, развития, отношения между различными явлениями и т. д. Следовательно, языковые средства, используемые в текстах этого стиля, должны быть точными, объективными, лишенными индивидуальности.

Научная речь характеризуется логичностью мысли, ее последовательным и объективным повествованием. Тексты научного стиля содержат точные определения рассматриваемых понятий и явлений, каждое предложение или утверждение логически связано с предшествующей или последующей информацией. Таким образом, одной из наиболее заметных особенностей этого стиля является логическая последовательность высказываний с четким указанием их взаимосвязей и взаимозависимостей.

Следующей характерной чертой научного стиля является научность. Научная теория или гипотеза должны основываться на фактах, которые уже исследованы, систематизированы и определены. Поэтому каждая часть научного текста начинается с постулирующих высказываний, которые являются очевидными и не нуждаются в доказательствах или дополнительных объяснениях. Научный стиль не подразумевает сленга и разговорных выражений. Более того, оценка не типична для научной литературы. Она используется только для того, чтобы выразить точку зрения автора, сделать ее ясной и понятной, и она имеет скорее рациональный, чем выразительный характер. У научного стиля отсутствует эмоциональность, так как он не служит достижению точности, логичности, объективности и абстрактного характера изложения.

При переводе научных текстов необходимо учитывать лексические, грамматические, а также стилистические особенности научного стиля в целом.

Лексической особенностью научных текстов является использование специальных терминов. Эти языковые единицы не используются или даже не понимаются людьми вне определенной специальности. У каждой области науки или деятельности есть свой специализированный словарь. Существует специальная медицинская лексика и аналогичные специальные термины для химии, физики, юриспруденции, экономики, строительства, и многих других. Термин в традиционном понимании представляет собой слово или словосочетание, которое специально используется в определенной отрасли науки, техники, торговли, права, спорта или искусства для передачи понятия, свойственного данной конкретной области. Например, термин *warrantless arrest – арест без ордера* относится к юридической сфере, а термином *metaphase chromosome – метафазная хромосома* занимается сфера биологии.

Важными проблемами в области терминологии являются полисемия и синонимия терминологических единиц. Моносемантические термины не вызывают особых проблем при переводе. А вот многозначные термины могут вызвать недопонимание, что является серьезной проблемой в профессиональном общении, а также в переводе специального дискурса. Различные терминологические системы изобилуют многозначными терминами. Например, в юридической терминологии понятие *“law”*может переводиться как *“закон”, “законопроект”, “законодательство”, “право”,* и адекватность перевода термина полностью зависит от контекста. В терминологии информационных технологий термин *«technology»* может обозначать оборудование и методы, разработанные для применения научных знаний – *«технология»* и, в то же время, отрасль науки, занимающуюся инженерией и прикладными науками – *«техника, технические и прикладные науки».*

Другая спорная проблема терминологии касается синонимов. По мнению некоторых лингвистов, термины не должны иметь синонимы, потому что ученые и другие специалисты будут называть одни и те же объекты и явления в своей области различными терминами, и невозможно будет прийти к какому-либо соглашению. Тем не менее, есть термины в разных сферах, которые обладают синонимами. Например, *engine (двигатель) – motor (мотор), plaster (штукатурка) – stucco (штукатурка), offender (правонарушитель) – criminal (преступник).*

Многие термины являются интернациональными словами, например: *element – элемент, atom – атом, chemistry – химия, physics – физика* и т.д. Интернационализмы – это лексические единицы, имеющие структурно-семантическую общность во многих языках вследствие заимствования из одного источника (как правило, латинского или греческого). Наличие интернациональных слов определенным образом упрощает чтение научной литературы. Однако целый ряд заимствованных терминов относятся к псевдоинтернациональной лексике. Английские и русские термины могут быть более или менее похожими по форме, но различаться по смыслу. Такие слова часто называют «ложными друзьями» переводчика. Эти лингвистические единицы представляют боль-

шой интерес, поскольку существует тенденция принимать это формальное сходство за семантическую близость и рассматривать слова, которые похожи друг на друга, как постоянные эквиваленты. Однако их формальное сходство, предполагающее, что они взаимозаменяемы, может привести к ошибкам перевода. Как правило, формальное сходство является результатом двух слов, имеющих общее происхождение, в основном происходящих из греческого или латинского языков. Ложных друзей переводчика можно разделить на две основные группы.

Первая группа включает в себя слова, которые похожи по форме, но совершенно разные по смыслу. Например: *angle – угол* (а не *ангел*), *clay – глина* (а не *клей*), *data – данные, факты* (а не *дата*), *fabric – ткань, текстура* (а не *фабрика*).

Вторая группа содержит слова, которые не являются полностью взаимозаменяемыми, хотя в их семантике есть общие элементы. Например, *armature* – зоол., бот. *панцирь* (а не только *арматура*), *control – управление, регулирование* (а не только *контроль), design – проект, план* (а не только *дизайн*), *figure – цифра, число* (а не только *фигура*), *instrument – орудие, прибор* (а не только *инструмент*), *metal – расплавленное стекло, стекломасса* (а не только *метал*), *mixture – смешивание, смесь* (а не только мед. *микстура*), *structure – здание, сооружение* (а не только *структура*).

Для англоязычной научной литературы характерно использование парных синонимов. Например: *accuracy and precision, constraints and limitations, difficulties and complications, drawbacks and disadvantages, insight and understanding, neatly and carefully, readily and easily* и т.д. Синонимические пары прилагательных в специальных текстах указывают не на оттенки качеств, а лишь на их высокую степень и переводятся на русский язык одним понятием с добавлением наречий *очень, весьма, вполне, довольно, достаточно* и др.

Специфической чертой лексического оформления научных текстов являются аббревиатуры, особенно в справочном аппарате статей и книг. Например: *PDC (Primary Domain Controller) – главный (первичный) контроллер домена, PIM (Print Image Matching) – калибровка (согласование) печатаемых изображений, IAMB (International Association of Microbiologists) – Международная ассоциация микробиологических обществ, FSS (fermentation stimulating substances) – вещества, способствующие ферментации или брожению.*

В специальных текстах широко используются нейтральные устойчивые словосочетания, т.е. фразеологические единицы. Например: *to be in progress* – ‘осуществляться, идти полным ходом’, *to be in contact with* – ‘контактировать, соприкасаться с’, *to be subject to* – ‘подвергаться, подчиняться (чему-л.)’, *to come into being* – ‘возникать, появляться на свет’, *up-to-date* – ‘современный, новейший’ и т.д.

Язык научного общения характеризуется следующими грамматическими особенностями:

- наличие предикативных конструкций. Составное именное сказуемое включает глагол-связку и предикатив, т.е. именную часть в виде существительного, прилагательного, предложного оборота и т.д. Например: *The solution to the problem* ***is to add*** *some sugar to the water. – Решение проблемы – добавить сахар в воду.*

A compound ***is a substance*** *made of atoms of different elements bonded together in a certain ratio. – Соединение - это вещество, состоящее из атомов разных элементов, связанных друг с другом в определенном соотношении.*

Red blood cells ***are very different****. – Эритроциты (красные кровяные тельца) отличаются.*

Для выражения отрицания в таких структурах часто используется частица *non*, которая входит в состав предикатива. Например:

Our materials are non-toxic. – Наши материалы нетоксичны.

- использование многокомпонентных атрибутивных словосочетаний, которые обеспечивают краткость и компактность изложения. Например: *preliminary key distribution scheme – схема предварительного распределения ключей, longitudinal video recording system – система продольной видеозаписи, ovarian ascorbic acid depletion assay – определение лютеинизирующего гормона, основанное на снижении уровня аскорбиновой кислоты в яичниках.*
- номинализация. Описание действий и процессов передается имени, а глагол-сказуемое становится лишь общим обозначением процесса, характер которого уточняется семантикой имени существительного. При номинализации также происходит замена наречий сочетаниями существительного с предлогом. Например: *precisely – with precision (точно), very easily – with the greatest ease (легко).*
- использование глаголов, обозначающих процесс: *ascribe (приписывать), assure (уверять), effect (воздействовать), get (получать), give (давать), entail (включать в себя), imply (подразумевать), involve (вовлекать), lead to (приводить к чему-л.), perform (выполнять), provide (предоставлять), occupy (занимать), obtain (получать)* и другие. Их значение и перевод зависят от существительных, которые несут основной смысл в предложении.
- наличие усилительных наречий: *clearly (ясно, четко), completely (полностью), considerably (значительно), enormously (крайне, очень), essentially (по существу, в основном), fairly (справедливо), greatly (весьма, значительно), reasonably (разумно), markedly (заметно), materially (существенно), perfectly (совершенно), positively (несомненно), significantly (значительно)* и другие.
- употребление страдательного залога и форм настоящего простого времени. Частое использование пассивных конструкций выявляет безличность научной речи, которая также считается типичной чертой этого стиля. Например, научные эксперименты обычно описываются страдательным залогом. Например*:*

*Red blood cells **are** much smaller and **are specialized** to carry oxygen. – Эритроциты намного меньше и специализируются на переносе кислорода.*

*Animals **get** their source of energy by eating other organisms. – Животные получают энергию, поедая другие организмы.*

- использование местоимения *we (мы)* вместо *I (я)*, так как авторы научных работ имеют тенденцию звучать безлично. Практически не используются местоимения *you (ты, вы),* так как они являются наиболее конкретными. Например:
- безличные пассивные конструкции часто используются с глаголами *suppose (предполагать), assume (допускать), conclude (заключать), infer (сделать вывод), point out (указать).* Например: *It should be pointed out (следует указать) …, It can be inferred (можно сделать вывод) …* и т.д. Большую часть составляют формы несовершенного вида, являясь более отвлеченно-обобщенными. Например: *These materials cut easily. – Материалы легко режутся.* Для научной речи характерно использование безличных и неопределенно-личных форм глагола *можно вывести заключение – заключение выводится.*
- замена придаточных определительных предложений прилагательными в постпозиции и причастием. Например: *the equipment available – имеющееся в наличии оборудование, the results achieved – полученные результаты*.
- отсутствие некоторых служебных слов (артиклей, вспомогательных глаголов) особенно в графиках, таблицах, перед названиями деталей в технических описаниях, инструкциях.
- использование вещественных существительных в форме множественного числа. Например: *fats (жиры), oils (масла), noises (шумы), depths (глубины).*
- использование предлога *of* для родительного падежа. Например: *a part of biological system – часть биологической системы, all types of organisms – все виды орга-*

низмов, units of information – единицы измерения информации, the study of information processes– изучение информационных процессов.

- фиксированный порядок в предложениях.

Для синтаксиса научного стиля речи характерно обилие сложноподчиненных предложений с громоздкой структурой и большим количеством второстепенных и однородных членов предложений. Это обусловлено последовательностью и доказательностью научного изложения и предполагает наличие развернутой системы причинно-следственных союзов и логических связок. Например: *since (поскольку), therefore (следовательно), it follows that (из этого следует), so (таким образом, поэтому), thus (таким образом), in addition to (кроме того), for example (например), for instance (например), although (хотя), nevertheless (тем не менее), to result in (привести к), to lead to (приводить к*) и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что для успешного перевода научной литературы необходимо иметь хорошо развитое чувство родного языка, обладать глубокими знаниями иностранного языка (грамматики, лексики, фразеологии), владеть терминологической системой данной области, а также знать лексические, грамматические и стилистические особенности данного функционального стиля.

Литература

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – 288 с.
2. Аристов, Н. Б. Основы перевода / Н. Б. Аристов.– М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 263 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Боришанская, М. М., Курбакова, М. А. Об особенностях перевода научного текста / М. М. Боришанская, М. А. Курбакова // Известия МГТУ «МАМИ» – 2014. – № 4(22). – Т. 5. – С. 165 – 168.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк, 1990. – 253 с.
6. Левицкая, Т. Р., Фитерман, А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский: учебное пособие / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Высш. шк, 1973. – 135 с.
7. Лейчик, В. М. Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии / В. М. Лейчик. – Горький, 1981. – 128 с.
8. Миньяр-Белоручева, А. П., Миньяр-Белоручев, К. В. Английский язык. Учебник устного перевода / А. П. Миньяр-Белоручева, К. В. Миньяр-Белоручев. – М. : Экзамен, 2003. – 352 с.
9. Мисуно, Е. А. Письменный перевод специальных текстов [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Е. А. Мисуно, И. Е. Баценко, А. В. Вдовичев, С. А. Игнатова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 256 с.
10. Ордян, Л. А. Типичные проблемы и особенности перевода научного текста / Л. А. Ордян // Молодой ученый – 2018. – № 48. – С. 423 – 426.

N. M. Shkatulo
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: konev.nata@mail.ru

Scientific texts translation while training non-linguistic students

Key words: translation, scientific texts, vocabulary peculiarities, grammar peculiarities, stylistic peculiarities.

The article describes characteristic features of scientific style and determines the requirements to scientific translation. It points out general and specific skills necessary while translating scientific texts. Lexical, grammar and stylistic peculiarities of scientific style are revealed.

Н. П. Шульгина
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
e-mail: nad.schulgina@mail.ru
К. А. Рудая
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
e-mail: ksu1403@mail.ru

УДК 81+801.73

Опора на родной язык при изучении русского языка как иностранного

Ключевые слова: принцип опоры на родной язык, межкультурная коммуникация, диалог культур, межкультурная компетенция.

В данной статье исследуется роль и место родного языка обучающихся при изучении русского как иностранного (РКИ). Особое внимание уделяется вопросу о роли родного языка и родной культуры в процессе ознакомления со страноведческой и лингвострановедческой информацией, при подготовке к реальной межкультурной коммуникации. Презентуется система формирования межкультурной компетенции иностранных обучающихся с опорой на межкультурную коммуникацию и диалог культур.

Принцип опоры на родной язык (или принцип учета родного языка) в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) является сегодня общепризнанным. Классическим аргументом в защиту данного вывода можно считать позицию Л.В. Щербы, который считал, что можно изгнать родной язык обучающихся из учебников, но его нельзя изгнать из голов самих обучающихся. Он писал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. И поэтому мы должны из врага превратить его в друга» [9, 313–318].

Принцип_опоры_на_родной_язык (принцип учета родного языка) – это методический принцип обучения, который предусматривает организацию учебного процесса с учетом опыта обучающихся в родном языке, что определяет построение программы обучения. При сходных явлениях родного и иностранного языков обучающийся переносит по аналогии навыки и умения словообразования, конструирования и трансформации предложений родного языка в новые условия общения [1, 215].

Опора на принцип учета родного языка при обучении русскому языку как иностранному, по мнению В.Г. Костомарова и О.Д. Митрофановой, возможна при решении следующих актуальных проблем: 1) сопоставление изучаемого и родного языка; 2) применение родного языка или языка-посредника на занятиях РКИ для оптимизации его ведения, решения организационных задач, объяснения грамматического материала, семантизации лексики; 3) учёт родного языка обучающихся в процессе создания национально ориентированных учебных материалов и пособий; 4) использование иностранного языка для сообщения обучающимся лингвострановедческой информации [4].

Для данного исследования актуальным становится вопрос о роли родного языка и родной культуры иностранных обучающихся в процессе их ознакомления с лингвострановедческой и лингвокультурологической информацией, а также при подготовке к реальной межкультурной коммуникации [2; 3; 7]. И здесь важно отметить, что уже в самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения изучаемой и собственной культур [6].

Такой подход в методике преподавания РКИ нашел отражение в понятиях «язык и культура», «язык в диалоге культур», «иноязычное образование», «диалог культур», «межкультурная коммуникация». В методическом плане нужно учитывать, что «при формировании межкультурной компетенции одновременно реализуются четыре аспекта обучения: учебный, воспитательный, образовательный, развивающий» [5, 47].

В процессе формирования межкультурной компетенции нами выделены три этапа, наглядно демонстрирующие динамику в обучении и развитии иностранных обучающихся: 1) первый (начальный) этап: оценивание культуры страны изучаемого языка с позиции норм и ценностей собственной; 2) второй этап: понимание, что оценка каждой конкретной культуры должна осуществляться только с позиции ее собственных норм и ценностей; 3) третий этап: переход от осмысления, понимания и толерантного отношения к активной деятельности [8].

Используя межкультурную коммуникацию и диалог культур как методическое средство формирования межкультурной компетенции иностранных обучающихся, мы предлагаем соотнести этапы формирования межкультурной компетентности иностранных обучающихся и сертификационные уровни владения русским как иностранным.

Начальный уровень формирования межкультурной компетенции можно соотнести с элементарным уровнем владения русским языком как иностранным (уровнем выживаемости). Этот уровень предполагает знание простого набора лексики, умение представлять себя собеседнику, вести разговор на простые темы. На этом уровне проявляются интерференция и преодоление языкового барьера, который не соответствует понятным иностранному обучающемуся нормам и принципам родного языка.

Затем возникает тенденция неосознанно рассматривать людей, пользуясь в качестве средств оценивания своей общностью, своим мировоззрением, своими моральными принципами как единственно возможными. Этот уровень также можно назвать уровнем атрибуции (от лат. attributio – «приписывание»), т.е. приложения представлений родной культуры к носителям и объектам иноязычной культуры, а также к мотивам их поведения вполне сопоставимы с предпороговым базовым уровнем, при котором происходит обмен информацией на знакомые или бытовые темы. В процессе межкультурной коммуникации носитель одной культуры может совершить поступок или действие как речевое, так и неречевое, которое он совершает формально или даже бессознательно, а носитель другой культуры, в системе которой данное действие обладает определенным значением, приписывает это значение совершенному действию и реконструирует его мотив в системе координат родной культуры [4].

Таким образом, отличительной чертой начальной стадии формирования межкультурной компетенции становится оценка иностранными обучающимися культуры страны изучаемого языка с позиции норм и ценностей собственной. Отсюда, задача начального этапа обучения РКИ – помочь обучающимся осознать, что такое культура, что входит в ее рамки, как осуществляются взаимоотношения между культурами в современном мире. В этой связи здесь целесообразно «погружение» иностранцев в реальную действительность, представленную предметно (документальные фильмы, фотоснимки), предметно-вербально (символика, программы ТВ, объявления, реклама). В качестве дидактического наполнения используются материалы, представляющие массовую культуру (паттерны одежды, питания, общения, транспорта), элитарную культуру (изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство, музыку, театр, литературу, историю). Важно, чтобы отбор учебных материалов осуществлялся в соответствии с принципом дидактической культуросообразности.

Второй этап формирования межкультурной компетенции – этап понимания, что оценка каждой конкретной культуры должна осуществляться только с позиции ее собственных норм и ценностей – можно соотнести с первым сертификационным уровнем,

когда иностранный обучающийся может выразить свои впечатления, вербализировать собственное мнение и, естественно, имеет больший словарный запас, соответствует уровень толерантности межкультурной коммуникации. Данный этап означает психологическое состояние обучающихся, при котором участники процесса межкультурной коммуникации еще не могут понять ни моделей поведения собеседников, ни их мотивов, но уже не отрицают их как враждебные или абсолютно неприемлемые; могут смириться с их существованием в культуре, с представителями которой им приходится общаться. Сравнивая образ жизни и культуру родной страны и российский образ жизни и русскую культуру, иностранные обучающиеся приходят к пониманию того, что каждый народ имеет свои национальные духовные (нравственные) ценности, что оценка их должна осуществляться только с позиции норм и ценностей данной нации.

Третий этап формирования межкультурной компетенции в опыте нашей работы соотносится с обучением в рамках второго уровня общего владения языком и третьего сертификационного уровня профессионального владения языком. Пороговому второму сертификационному уровню, характеризующемуся умениями анализа языковой и текстовой информации, соответствует уровень принятия, т.е. состояние личности, при котором индивид способен признать наличие культурных различий и исследовать все стороны, аспекты, проявления другой культуры. Состояние принятия еще не означает, что обучающийся способен действительно испытывать культурную перспективу, отличную от его собственной. Это состояние, в котором ставится под сомнение универсальность собственных культурных представлений, приходит понимание относительной, релятивной природы культурных явлений, пробуждается интерес к познанию того, что отлично от собственного мировосприятия, происходит отказ от стереотипных представлений, но еще не выработаны поведенческие реакции на описанное состояние [4]. Третьему сертификационному уровню профессионального владения языком, для которого характерно детальное владение моделями организации текста, использование языка для общения в научной и профессиональной деятельности, соответствует уровень социокультурной компетенции, адаптации и ассимиляции. Данный уровень предполагает расширение индивидуальной картины мира настолько, чтобы позволить включить в себя в качестве допустимых, естественных модели поведения иноязычной культуры и лежащие в их основе культурные ценности [4]. «Люди на стадии адаптации используют знания о своей собственной и других культурах для того, чтобы целенаправленно переместиться в систему координат другой культуры» [13, 197]. Человек в состоянии принять точку зрения собеседника с тем, чтобы понять его поведение в эмических терминах, т.е. в системе ценностей его, а не собственной культуры. В результате адаптации индивид не только обладает знаниями о различиях в культурах, но и ведет себя в соответствии с ними при общении с представителями различных культур. Индивиды, достигшие уровня адаптации и ассимиляции, считаются бикультурными (в отличие от билингвов, способных свободно говорить на двух языках) или мультикультурными. Они способны усваивать все новые и новые системы культурных ценностей и строить свое поведение в соответствии с ними в зависимости от того, в какой культуре они находятся в каждый конкретный момент [4]. Однако данный уровень развития социокультурной компетенции имеет некоторые ограничения. Так, уровень адаптации предполагает адекватное восприятие и адекватное поведение в соотносимых, но не пересекающихся мирах. Участники коммуникации не способны выступать в качестве медиаторов между этими мирами – культурами. Адаптация касается только национальных культур, понимаемых в терминах уникальных культурных ценностей и базирующихся на них институтах жизнеустройства и моделях поведения [12]. Уровень адаптации характеризуется умением хорошо воспринимать и быстро переключаться с одной образовательной системы на другую, с модели поведения, диктуемой родной культурой,

на инокультурную модель поведения [5, 141]. Из этого следует вывод, что характерной чертой третьего этапа работы по формированию у иностранных обучающихся межкультурной компетентности в процессе обучения РКИ является переход от осмысления, понимания и толерантного отношения к активной деятельности. На данной стадии иностранцы уже готовы ставить себя на место других; проявлять инициативу при установлении межкультурного контакта; выступать в качестве представителя собственной культуры; объяснять реалии родной культуры; прогнозировать и распознавать факторы, ведущие к недопониманию, созданию ложных стереотипов, неверной интерпретации фактов культуры; расспрашивать собеседника о значении определенных фактов и реалий его культуры; проявлять дипломатичность с целью поддержания диалога культур.

Таким образом, опора на родной язык и родную культуру становится неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранному языку и иностранной культуре. При этом обучать культуре страны изучаемого языка означает учить узнавать, понимать, оценивать коммуникантов, постигать другие народы посредством изучения их языка и культуры, в результате чего иностранные обучающиеся лучше познают себя и свою собственную культуру. Особенно важна опора на родной язык и родную культуру на начальном этапе обучения РКИ, когда уровень владения обучающимися русским языком ещё не достаточен для восприятия социо-культурологической информации.

Литература

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 247 с.
3. Гак, В.Г., О сопоставительной стилистике. Методы сопоставительного изучения языков: сборник науч. трудов / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1988. – С. 48–53.
4. Емельянова, Е.В. Анализ соотношения уровня развития социокультурной компетенции и уровня обученности иностранным языкам / Е.В. Емельянова // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 4. – С. 102–108.
5. Емельянова, Е.В. Методика формирования социокультурной компетенции у студентов переводчиков: Учебно-методическое пособие для преподавателей и студентов. /Е.В. Емельянова. – М.: Изд-во: Актобе, ИПЦ-Кокжиек, 2010. – 370 с.
6. Костомаров, В.Г. Методическая проблематика двуязычия / В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 6. – С. 67–73.
7. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. / Е.И. Пассов. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
8. Текеева, М.Б. Принцип опоры на родной язык при обучении иностранному языку (на материале английского и карачаевского языков) / М.Б. Текеева // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 2–2. – С. 311–315.
9. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 235 с.
10. Шульгина, Н.П. Формирование личности в процессе обучения русскому языку: теория и опыт практической работы: монография / Н.П. Шульгина; Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2007. – 244 с.
11. Шульгина, Н.П. Социальная адаптация иностранных граждан на начальном этапе обучения в вузе / Н.П. Шульгина, К.А. Рудая // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.,Лингвистика и педагогика. – 2019. – № 2. – С. 109–117.
12. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
13. Bennet, M.J. Overcoming the Golden Rule: sympathy and empathy // Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings. Boston: London: Intercultural Press, Inc., 1998. – 272 с.

N. P. Shulgina
Southwest State University
e-mail: nad.schulgina@mail.ru
K. A. Rudaia
Moscow Redagogical State University
e-mail: ksu1403@mail.ru

Reliance on the Mother Tongue while Studying Russian as a Foreign Language

Keywords: the principle of reliance on the mother tongue, intercultural communication, dialogue of cultures, intercultural competence.

This article examines the role and place of students' mother tongue in the process of studying Russian as a foreign language. Special attention is paid to the role of the mother tongue and native culture during familiarization with country and linguistic information, preparation for real intercultural communication. The system of foreign students' intercultural competence development based on intercultural communication and dialogue of cultures is presented.

Е. Н. Яковлева-Юрчак
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: helene.by@mail.ru

УДК 159.923.4

Учёт особенностей темперамента студентов в процессе преподавания иностранного языка

Ключевые слова: иностранный язык, типы темперамента, свойства темперамента, познавательные процессы, индивидуальный подход.

В статье рассматривается понятие «темперамент» как врождённый тип нервной системы, анализируются различные типы темперамента студентов относительно изучения иностранных языков, обозначаются способы определения темперамента студента, говорится о важности учёта особенностей типа нервной системы учащихся при их обучении иностранному языку.

Успешное, результативное изучение любого иностранного языка подразумевает мотивацию, систематичность, дисциплинированность, упорство и способности к данному виду деятельности. Тогда как родной язык мы усваиваем неосознанно, изучение иностранного требует осознанности и определённых усилий. Практически в каждой студенческой группе есть учащиеся, которым язык «даётся легко», и те, кто испытывает большие трудности, несмотря на желание и стремление учить язык. Всегда есть такие, кто быстрее других запоминает лексические единицы, кто легче имитирует иностранную речь или кто лучше воспринимает речь на слух.

По мнению психологов, большое значение здесь играет темперамент учащегося, который влияет на то, как человек учит иностранные языки. Знание типов темперамента учащихся может позволить преподавателю улучшить качество преподавания иностранного языка путём адаптации разрабатываемых им учебных материалов и вариации способов их воплощения в образовательном процессе. Цель данной статьи – анализ по-

нятия «темперамент», характеристика каждого типа темперамента относительно обучения иностранному языку.

В процессе обучения, особенно преподавая иностранный язык, необходимо обращать внимание на данные психологии. Прежде всего это нужно потому, что преподаватель иностранного языка воздействует на психику учащихся, свойствами и особенностями которой должны определяться используемые приемы и способы обучения [2, 12].

Темперамент – это сочетание врожденных психических свойств личности, которое находит выражение в поведении человека. В его основе – тип высшей нервной системы. Люди с рождения отличаются между собой по силе, уравновешенности, сменяемости процессов возбуждения и торможения. Известный физиолог Иван Петрович Павлов открыл следующие закономерности. Если процессы возбуждения превалируют над процессами торможения, то условные рефлексы вырабатываются быстро и медленно угасают. Если же преобладают процессы торможения, то, соответственно, условные рефлексы образуются медленно. В процессе обучения и, в частности, преподавая иностранный язык, нельзя этого не учитывать.

Темперамент служит основой для формирования характера. Темперамент является врождённым, характер же формируется в процессе социализации и может изменяться. Темперамент создаёт персональный стиль деятельности человека, то есть способы работы, характерные для каждого конкретного человека.

К свойствам темперамента относят:

- Активность (пассивность);
- Темп реакций;
- Реактивность;
- Пластичность (ригидность);
- Экстраверсия (интроверсия);
- Возбудимость эмоций;
- Сензитивность [7].

Так, например, отвлекаемость человека и возможность сосредоточить внимание зависят от такого свойства психики, как реактивность. Быстрота реакции, темп речи, быстрота ума – от темпа реакций.

Люди с разным темпераментом могут вести себя совершенно по-разному в идентичных ситуациях, в зависимости от ситуации могут проявляться те или иные свойства темперамента.

В процессе изучения иностранного языка темперамент играет важную роль. Такие его свойства, как скорость восприятия, длительность сосредоточения внимания, темп реакций могут повлиять на процесс усвоения знаний. Внимание, сосредоточенность, способность правильно выделять слова и грамматические структуры, переключать внимание с одного вида деятельности на другой также крайне важны.

И. П. Павлов определил четыре типа нервной системы, легшие впоследствии в основу четырёх типов темперамента: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик. Обычно люди сочетают в себе черты двух или трех видов темперамента с преобладанием какого-то одного. Соответственно и отличия в изучении иностранных языков могут иметь место.

В зависимости от темперамента человека, такие процессы, как восприятие, запоминание, память, внимание, проходят по-разному. Рассмотрим четыре типа темперамента, выделив в них те свойства, которые будут интересны нам как преподавателям иностранного языка.

Сангвиник жизнелюбив, общителен, находчив, активен, подвижен, говорит быстро, стремится к лидерству, легко переключается с одного вида деятельности на другой, может управлять эмоциями, требует постоянного внимания к своей персоне, без внешних раздражителей начинает скучать. Процесс возбуждения у сангвиника протекает быстро и быстро сменяется процессом торможения.

На основе перечисленных свойств можно заключить, что студенту-сангвинику учить иностранный язык не трудно, если он действительно заинтересован. Такие свойства, как общительность, открытость, находчивость способствуют этому. Преподавателю важно поддерживать интерес учащегося, вовлекая его в разнообразную деятельность, используя активные упражнения, так как однообразные действия вызывают у сангвиников затруднения. Перед сангвиником нужно постоянно ставить новые интересные задачи, для решения которых необходимы сосредоточенность и напряжение. Такой студент должен быть постоянно включён в активную деятельность, а преподавателю следует поощрять его усилия.

У *холерика* процессы возбуждения преобладают над процессами торможения, вербальная и непроизвольная виды памяти у них высоко продуктивны. Холерик легко возбудим, активен, общителен, изменчив, непостоянен, нетерпелив, импульсивен, оптимистичен, может быть агрессивным, крикливым и иметь низкий уровень самообладания. Речь холерика быстрая, мимика выразительная, движения резкие. На занятиях с холериком не соскучишься. Как и сангвиник, холерик экстраверт, то есть ищет общения с людьми. Преподавателю иностранного языка следует максимально использовать эту черту, предлагая студентам-экстравертам различные виды деятельности, направленные на коммуникацию. Энергичность и оптимизм холерика позволяют преодолеть языковой барьер. Участие в разговорном клубе на иностранном языке может быть очень плодотворным для него. Работая с холериком, важно часто переключать его внимание, давать важную для запоминания информацию «под разными соусами», избегать долгих однообразных видов деятельности, стараться, чтобы он двигался в учебной аудитории, выполняя различные языковые упражнения.

Такие познавательные процессы, как внимание, восприятие, память, проходят эффективно у рассмотренных выше типов темперамента. Холерики и сангвиники – это те студенты, которые при благоприятных условиях могут показать быстрые хорошие результаты.

С *флегматиком* преподавателю работать комфортно: он доброжелателен, трудолюбив, рассудителен, им легко управлять. Однако, в отличие от уже рассмотренных типов темперамента, флегматика не так легко «расшевелить», он пассивен, инертен, медлителен. В силу того, что условные рефлексы у него вырабатываются медленнее, чем у рассмотренных ранее типов темперамента, флегматику следует предлагать виды деятельности, направленные на неоднократное повторение изучаемого материала, ему это не будет скучно, он спокойно относится к однообразной работе, способен долго и напряженно трудиться и показывает хорошие результаты, ведь выработанные таким путём условные рефлексы затем становятся очень устойчивыми. Итак, флегматики усидчивы, методичны, дисциплинированны, могут часами непрерывно выполнять монотонную работу, при этом не уставать, любят сортировать, раскладывать все по полочкам, они хорошие аналитики. Этот тип темперамента способен основательно и вдумчиво изучать и анализировать большой объём информации. Флегматик – интроверт, может испытывать сложности с вербальной речью. Преподавателю следует иметь в виду, что студенту-флегматику может понадобиться какое-то время, чтобы установить контакт с собеседниками.

Согласно исследованиям психологов, у флегматиков низкий уровень продуктивности вербальной памяти, средний и низкий объем кратковременной памяти, хорошая долговременная память. Вербальная память – это память, которая отвечает за способность человека запоминать различную информацию, предоставляемую в словесной форме. Это значит запоминание текстов, новостей, стихотворений, докладов и так далее [3]. Следует учитывать, что для запоминания подобного рода информации флегматику понадобится больше времени и для лучшего запоминания нужно использовать средства наглядности, в том числе, например, ментальные карты. Студента-флегматика

не следует часто переключать с одной задачи на другую. Его нужно заинтересовать и вовлечь в активную деятельность. Он требует к себе систематического внимания.

Преподавателю следует быть осторожным со студентом-*меланхоликом*. Этот тип темперамента легко раним, очень чувствителен, эмоционален, робок, не уверен в себе, обидчив. Речь такого студента, как правило, тихая, внимание слабое, и он быстро утомляется. Такого студента следует чаще хвалить, поощрять его инициативу, часто менять виды деятельности для удержания внимания, предлагать ему творческие задания. Меланхолик обладает красочным воображением, развитой интуицией, находчивостью, любит создавать что-то новое. Не следует допускать резкости, повышенного тона, иронии в отношении меланхолика. Такого студента следует вовремя хвалить за успехи, проявленную решительность. Он требует особого внимания. Так как меланхолик – самый чувствительный и ранимый тип, отрицательную оценку нужно использовать как можно осторожнее, всячески смягчая ее негативное действие. С человеком такого типа темперамента преподаватель должен быть предельно мягким и доброжелательным. Необходимо создать благоприятную атмосферу общения на занятии, ведь будучи интровертом меланхолик не склонен много разговаривать с людьми, однако, находясь в приятной компании, где он чувствует себя комфортно, он может быть интересным собеседником. У данного типа людей очень развит внутренний мир и ассоциативное мышление. Зная это и научив студентов использовать, например, ассоциации при запоминании лексических единиц, можно значительно облегчить изучение языка. Существенным плюсом этого темперамента можно назвать способность учить язык самостоятельно, так как у меланхолика нет нужды находиться среди других студентов [4].

Чтобы узнать преобладающий тип темперамента студента, можно использовать одну из двух популярных методик – тест Айзенка или формулу Белова.

Тест Айзенка является самой популярной методикой. Он определяет темперамент человека по двум шкалам: стабильный и нестабильный, интроверсия и экстраверсия. Благодаря этой методике можно определить выраженность каждого типа темперамента, а также характер смешанного темперамента.

Формула Белова представляет собой опросник, содержащий меньшее количество вопросов, чем тест Айзенка. Данная методика характеризует темпераменты, а также выдает значение и процент каждого типа в человеке [7].

Однако, как показывает практика, на занятиях иностранного языка уже после первых уроков преподаватель в силах определить преобладающий тип темперамента студентов по их поведению. В качестве одного из интересных заданий можно предложить студентам пройти тест на темперамент на изучаемом иностранном языке.

Была проведена масса исследований, рассматривающих взаимосвязь темперамента человека и результативность его обучения. О трудностях, возникающих при изучении иностранного языка носителями разных темпераментов, писали известные психологи и методисты, например, И. А. Зимняя, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассов, М. В. Ляховицкий и др. Результаты исследований подавляющего большинства авторов, не зависимо от особенностей исследуемых групп, показывают, что тип нервных процессов, свойственных тому или иному виду темперамента, оказывает влияет прежде всего на способ выполнения действий, то есть формирует определенный стиль поведения. Испытуемые со всеми видами темперамента могут иметь в учёбе как высокие показатели, так и средние, и низкие. В зависимости от особенностей темперамента люди различаются не конечным результатом действий, а способом достижения результатов [5]. Задача преподавателя иностранного языка – определить преобладающий тип темперамента студентов и строить занятия и в целом образовательный процесс, учитывая психологические особенности каждого из них.

Нет «плохих» и «хороших» темпераментов. Успешно изучать язык, пусть разными путями, могут представители всех четырёх типов нервной деятельности, и важным,

определяющим фактором здесь является интерес к языку, мотивация студента. Преподавателю важно стимулировать учащихся учить язык. С этой целью И. В. Солдатенко рекомендует использовать на занятии ролевую игру следующим образом в зависимости от типа темперамента учащихся. Студентам предлагаются различные социальные роли с диалогами и монологами. Конечно, потребуется время, чтобы раскрепостить флегматиков и меланхоликов, от них не стоит ждать длинных, развернутых ответов. Флегматиков и меланхоликов желательно заранее ознакомить с тематикой будущего занятия, дать им указания подумать над тем, что им придется обсуждать на уроке, предложить несколько примерных фраз. Подготовившихся к диалогу или монологу студентов можно условно разделить на группы по признакам темперамента: дать возможность холерикам и сангвиникам выступить первыми, и тем самым использовать их в качестве примера успешной коммуникации. Преподавателю необходимо убедить студента, что все делают ошибки, даже носители иностранного языка, следовательно, овладение им занимает много времени и сил [6].

Задача преподавателя иностранного языка – находясь в постоянном поиске, стараться предлагать студентам интересные задания, учитывая при этом индивидуальные особенности учащихся, связанные с их темпераментом, и грамотно используя достоинства и преимущества темперамента каждого студента.

Литература

1. Балан, Д. В. Психологический анализ трудностей изучения иностранного языка / Д. В. Балан // Nsportal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2013/10/12/temperament-i-trudnosti-vizu chenii-inostrannogo-yazyka. – Дата доступа: 07.01.2020.
2. Беляев, Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – Изд. 2-е. – М. : Просвещение, 1965. – 229 с.
3. Вербальная память: определение, тесты, развитие // FB.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fb.ru/article/277475/ verbalnaya-pamyat-opredelenie-testyi-razvitie. – Дата доступа: 06.01.2020.
4. Кто такой меланхолик: гений печального образа или непревзойденный аналитик // Temperamenttest [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://temperamenttest.org/ru-ru/melanholik/ – Дата доступа: 4.01.2020.
5. Максименкова, А. С. Влияние темперамента на упешность учебной деятельности студентов / А. С. Максименкова // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 13 (25). – С.107 – 110.
6. Солдатенко, И. В. Темперамент как психологический фактор при изучении иностранного языка / И. В. Солдатенко // Социальная компетентность. – 2018. – Т. 3. – № 2. – С. 86 – 90.
7. Трошина, С. Темперамент человека: суть, виды и их характеристика / С. Трошина // Советы психолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psychologist.tips/802-temperament-cheloveka-sut-vidy-i-ih-harakteristika.html. – Дата доступа: 03.01.2020.

E. N. Yakovleva-Yurchak
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: helene.by@mail.ru

Taking into account the characteristics of the temperament of students in the process of teaching a foreign language

Key words: foreign language, types of temperament, temperament properties, cognitive processes, individual approach.

The article considers the concept of "temperament" as an innate type of the nervous system, analyzes various types of temperament of students regarding the study of foreign languages, identifies ways to determine the student's temperament, and discusses the importance of taking into account the peculiarities of the type of nervous system of students in teaching a foreign language.

Е. А. Черныш
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: chiernysh.96@mail.ru

УДК 81-13

Изоморфизм в русском и английском языках как одна из основ обучения бесперевoдному чтению

Ключевые слова: интернациональные слова, лексема, мотивированность, потенциальный словарь, семантизация.

В статье рассматривается семантическое сходство русского и английского языков; изучаемые лексические единицы выделены в группы; дана методика работы над неизученными интернационализмами.

Как известно, одним из условий чтения на иностранном языке без использования словаря является наличие интернациональных слов. Этот способ семантизации является самым простым, поскольку слова мотивированы через родной язык. Интернациональные слова представляют собой лексемы, которые имеют структурно-семантическое тождество в нескольких языках [1, с. 74-76]. Зачастую такими лексическими единицами являются научные термины (act, atom, revolution, virus) или наименование изобретений (Internet, lift, radio, telescope).

К интернациональным словам не относят лексические единицы, структура которых схожа в обоих языках, а семантика частично совпадает или полностью расходится (actual, occupation, sympathize, velvet). Вышеуказанные лексемы в теории перевода получили название «ложные друзья» переводчика. Такие слова изучаются отдельно от интернациональных лексем и требуют многократности повторений в специальных упражнениях во избежание явлений межъязыковой интерференции.

Если речь идет о преподавании интернациональных слов, то необходимо группировать их по трем уровням сложности, а именно первому (с простой выводимостью), второму (с осложненной выводимостью) и третьему (со сложной выводимостью) уровням понимания [2, с. 4-15]. Учитель начинает обучение бесперевoдному чтению с интернациональных слов с простой выводимостью. Как правило, такие лексемы легко распознаются учащимися, однако требуется ввести алгоритм для их быстрого узнавания. Так, учителю следует ознакомить учеников с правилами транслитерации, ведь в словах русского и английского языков наблюдается лишь частичное графическое, или буквенное совпадение, ввиду различий между кириллицей и латинским алфавитом (bar,depot, insulin, rose).

Далее следует обучение иноязычным лексемам второго уровня понимания. В данном случае требуется изучение звуко-буквенных комплексов и их соответствий в русском языке. К примеру, английское сочетание букв ph передается как «ф»: bibliophile, dolphin,phonetics, telephone, а сочетание букв ch коррелирует с «к» или «ш»: chameleon, scheme, chic, machine.

Затем учитель приступает к отработке навыков распознавания интернационализмов со сложной выводимостью. К ним относятся слова, различающиеся только гласными: hierarchy, milk, monogamy, son, tomato. Для закрепления данной группы интернациональных слов необходимо дать параллельные двуязычные пары слов: cat – кот, column – колонка, sausage – сосиска, wine – вино. Кроме того, стоит обратить внимание и на лексемы, которые содержат словообразовательные элементы. Например, англий-

ский суффикс –tion в русском языке меняется на –ция: infection, declaration, proclamation, provocation.

Методику работы над интернациональными словами первого уровня выводимости начинают с введения коррелятивных пар:

week-end – уикэнд;
thriller – триллер;
deadline – дедлайн;
kaleidoscope – калейдоскоп;
fast-food – фастфуд;
sputnik – спутник;
organ – орган.

Далее предлагается перевод ряда лексем: album, arena, asphalt, business, tsar, ocean, picnic, post, concert, guitarist, formula, sect, safe, case, cafe, vector, jeans, jacket, platform, server, opera, interface, client, format, printer, timer, segment, manager, file, programme, office, planet, present, mixer, dilemma, dogma, diva, bonus, campus, millennium, corpus, diploma, forum, planetarium, vacuum, ultimatum, codex, crisis, oasis, electron, proton, critic, blank, record, limit, siren, service, enthusiast, component, disk, company, zodiac, professor, journalist, meteorite, public, romantic, product, defect, attack, modem, horizon, tequila, analogy, opponent, secretary, horoscope, rheumatism, cult, nose, prose, poet, poker, lemon, banana, sabotage, barricade, barrier, goal, debate, dispute, dinosaur, revolver, bank, diabetes.

Отработка интернациональных слов с осложненной выводимостью ведется на базе контекстуального окружения. Желательно, чтобы данные лексемы находились не в отдельных словосочетаниях или фразах, а в предложениях, поскольку это ускоряет процесс поиска подходящего значения:

Historical encyclopedias represent events in chronological order.

People resort to the mass media (radio, television, Internet), music and theatre in their free time.

H. Balzac made fascinating caricatures of the French bourgeoisie.

Builders need cement as a binder.

Microsoft Windows is a family of operating systems designed by Microsoft.

A monitor is very much like a TV screen.

A central processor has three main sections.

Mouse buttons control the cursor.

A control generator deals with control signals.

A terminal is a combination of a display and a keyboard.

Scientists are in charge of laboratory experiments.

Далее учащимся предлагается небольшой по объему текст для ознакомительного чтения (примерно 1000 печатных знаков), содержащий интернационализмы:

Most people now have a home computer, so they can shop online or download music or send and receive e-mails. Many others, who find commuting (ежедневные поездки на работу из пригорода в город и обратно) to work so stressful that they can’t stand it, use a computer to work from home. A computer is also useful for playing music, or storing (хранение) photos, and a hundred and one other things. Because of its usefulness, the computer has changed our lives. In fact, it’s so useful that many of us wonder how on earth we managed before it was invented. It is such an essential (неотъемлемый) part of everyday life, that we run the risk (рисковать) of forgetting the disadvantages of the electronic lifestyle. It’s so easy for us to send an e-mail instead of a letter. Shopping online is so convenient that we can forget the thousands of delivery (доставка) vans which have to bring the things we buy to our homes. Soon the roads will be so crowded with delivery vans, that we won’t able to travel an-

ywhere! And aren't shops good places for buying things? Perhaps we need time to get away from the computer and realize that it might be better to read a book or go for a walk.

Следующим этапом в преподавании является научить распознавать псевдоинтернационализмы, или межъязыковые омонимы:

clay, cousin, zone, scanner, complexion, logarithm, novel, procedure, congress, Caucasian, congress, consultation, brilliant, mayor, dictation, clown, cottage, parallel, tulip, sister, territory, literal, cream, pair, philosophy, hockey, police, sum, pseudonym, interview, western.

Далее предлагается текст для поискового чтения, в котором необходимо найти и выписать интернационализмы:

The Sun will continue much as it is today until it enters its red giant phase in 4 to 5 billion years. Then, the core will grow smaller and hotter until it finally finishes burning the fuel in its nuclear core. When this occurs, the core will become so dense that helium fusion will begin. After a few billion years, when it is completely cool, it will turn into a small white dwarf. It will be just a cold dark spot.

Следующее задание предполагает чтение и пересказ текста:

Almost all the energy that we take from sources such as electricity, gas, coal and petrol ends up as heat in our surroundings – in the buildings that we live in, the air and the outdoors. We cannot get this energy back very easily; it is much easier to obtain more energy from a fuel or electricity than to extract the energy from the air and the ground outside.

Слова с осложненной выводимостью требуют введения параллельных пар для лучшего усвоения:

th = т (thesis – тезис):

Thailand, theorem, theory, throne, athlete, mammoth, mathematics, thermometer, thermostat, synthesis;

ph = ф (photograph(y) – фото):

apostrophe, atmosphere, physics, philatelist, catastrophe, philanthropy, pharmacy, pharaoh, phantom;

h = г (hero – герой):

humanitarian, heroine, hospitalize, hectare, hippopotamus, hypnosis, hermetic, horizon, hypermarket, harem;

y = и (rhythm – ритм):

Olympic, system, symbol, analysis, cycle, tyranny, dynasty, syndrome, allergy, cylinder;

au = ав (author – автор):

authority, autonomy, Austria, autograph, August, automatic, trauma, automat, Australia, autocar;

qu = кв (equator – экватор):

qualification, quadratic, quadrille, quasi, quorum, quartz, quartet, squash, quest;

g = г (gadget – гаджет):

galaxy, galosh, gambit, gallery, gallon, gallop, paradigm, degenerate, monologue, guarantee, goose, gravel;

ch = х:

chrysanthemum, chronology, choir, choreographer, cholera, charisma, architect.

Затем учащиеся знакомятся с текстом, о значении незнакомых слов которого им следует догадаться:

Nowadays children scientific courses are gaining popularity. Children may conduct safe experiments at laboratories, create robots and even construct small computers. They are taught to handle and control the actions such machines. Systematic studies make kids more and more competent. They know for sure what measures to take in difficult situations. Teachers present the whole range of intergration among different subjects. Montessori's method

of teaching and innovative approaches are used, that is mind games and theoretical basis are combined.

В нижеприведенном задании следует перевести лексемы, обращая внимание на их графическую форму:

document, republic, line, practice, project, code, realize, tube, adaptation, balcony.

Следующим блоком идет ряд коррелятивных пар, в которых представлены иноязычные слова со сложной выводимостью:

y = ия (anatomy – анатомия):

asphyxy, zoology vacancy anarchy monarchy fantasy economy copy category mimicry biology anorexy empathy;

ity = ность (solidarity – солидарность):

popularity, effectivity, reality, personality, individuality, activity, productivity;

(i)ty = тет (faculty – факультет):

university, neutrality, immunity, sovereignty, authority, priority, municipality;

or, er = ор (ер) (actor – актер):

doctor, instructor, lecturer, trainer, leader, indicator, refrigerator, protector, reflector;

tion = ция (revolution – революция):

station, proclamation, position, constitution, mutation, collection, production, administration, demonstration, organization, procrastination, situation, isolation, radiation, formation, mystification, personification, plantation, generalisation, exploitation, irrigation, delegation, selection, illumination, aviation, circulation, reputation, tradition, fiction, portion, immigration, evolution, realization, communication, evacuation, combination, petition, inhalation;

al = альный (professional – профессиональный):

provincial, constitutional, local, pyramidal, polar, official, formal, communal, mental, traditional, central, colossal, amoral, actual, loyal, natural, universal, ideal, circular, colonial, criminal, theatrical, paradoxical;

ic = ический (algebraic – алгебраический)

futuristic, prosaic, aromatic, neurotic, optimistic, dynamic, comic, sporadic, prosaic, poetic, economic, traumatic, diplomatic, automatic, scenic, electric, symmetric, chaotic, polemic, patriotic, pessimistic;

ive = (ив) ный (collective – коллективный):

progressive, innovative, negative, communicative, regulative, administrative, effective, detective, directive, expressive, manipulative, authoritative, constructive, consultative, portative.

Следующим шагом является перевод медицинской терминологии:

micro-organism, enzyme, bacterium, antibiotic, infection, immunization, injection, muscle, vitamin, protein, tablet, plaster, penicillin, epidemic.

Далее следует чтение текста с целью нахождения интернациональных слов и их дальнейшей семантизации:

Louis Pasteur

As a young man, Pasteur studied at the Ecole Normale in Paris. Then at the age of just 32, he became a professor at the University of Lille. In 1856, Pasteur received a visit from a man called Bigo who owned a factory that made alcohol from sugar beet. He had a question for Pasteur: why did the alcohol turn to acid? When this happened, they could not use it and threw it away. Bigo asked Pasteur to find out the reason for this. At first, Pasteur didn't know, but when he examined the alcohol under a microscope, he found thousands of tiny micro-organisms. He believed that they caused the problem. Did milk, wine and vinegar behave in the same way? Other scientists disagreed with him, and newspapers made fun of him. However, Pasteur continued with his work, he invented methods of testing his theory and proved that he was right. Later he worked together with two doctors and developed vaccines for diseases such as anthrax (сибирская язва) and rabies (бешенство).

Для закрепления полученных навыков требуется задание на семантическую догадку:

a) cartesianism, darwinism, humanism, individualism, patriotism, fascism, colonialism, collectivism, feudalism, comparativism, heroism, atheism, criticism, professionalism;

b) activist, dramatist, socialist, marxist, atheist, idealist, realist, pessimist, optimist, publicist, physicist, propagandist, moralist, motorist, terrorist, humorist, machinist, zoologist, modernist, classicist;

c) astronaut, cosmonaut, pantheon, chameleon, mania, cigarette, tour, guitar, blouse, farmer, packet, result, soup, tomato, salt, hall, speaker, meeting, parachute, dollar, cent, season, gentleman, portrait, port, mile, pony, shorts, mask;

d) tragic, stoic, static, electric, statistic, popular, modern, festival, Belarusian, Brazilian, Mexican, Hispanic.

В нижеследующем задании представлены пары слов, в которых следует обратить внимание на изменения в орфографии:

Cocoa – какао, plasma – плазма, manuscript – манускрипт, card – карта, marathon – марафон, giraffe – жираф, illusion – иллюзия, binoculars –бинокль, mirage – мираж, viscose – вискоза, argument – аргумент, patient – пациент, textile – текстиль, perfumery – парфюмерия, souvenir – сувенир, florist – флорист, aromatherapy – ароматерапия, fleet – флот.

Впоследствии дается задание на самостоятельный перевод лексем:

export, transport, arrest, press, reserve, finance, socialize, confiscate, compensate, palpate, generate, synthesize.

Таким образом, обучение интернациональным словам позволяет расширить потенциальный словарь учащихся, что тем самым способствует развитию языковой догадки.

Литература

1. Берман, И. М. Методика обучения английскому языку / И. М. Берман. – М. : Просвещение, 1970. – 139 с.

2. Шапкина, А. Н. Развитие навыков беспереводного понимания текстов: пособие для учителей / А. Н. Шапкина [и др.]; под ред. А. Н. Шапкиной. – Киев : Радянська школа, 1987. – 105 с.

E. A. Charnysh
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: chiernysh.96@mail.ru

Isomorphism in the Russian and English languages as one of the teaching basis of direct reading

Key words: international words, lexeme, potential vocabulary, semantic guess, validity.

The article is aimed at the manifestation of Russian and English semantic similarities; the lexical units in question are divided into the groups; the methods of teaching international lexemes are given.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ АКТУАЛИЗАЦИИ СВОЙСТВ РОДНОГО ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В. Ю. Бароўка
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: klit@vsu.by

УДК 821.161.3-1:811.161.3’42

Мастацкае асэнсаванне мовы ў паэзіі Рыгора Барадуліна

Ключавыя словы: паэзія, мова, родная мова, мастацкае асэнсаванне, тэматыка.

Творы Р. Барадуліна – яркі ўзор як латэнтнага, так і прамога асэнсавання мовы. Аналіз метамоўных рэфлексій у паэзіі Барадуліна дазваляе сцвярджаць, што літаратура – гэта не толькі мастацтва слова, але і важны сродак мастацкага асэнсавання мовы ў жыцці чалавека, гісторыі роднай мовы і яе ўзаемадзеяння з мовамі народаў-суседзяў, сувязі пісьменніка з роднай зямлёй, уплыву мовы на ўспрыманне чалавекам свету. Адмысловай рысай асэнсавання мовы Р. Барадуліным з’яўляецца шырокае выкарыстанне асацыятыўнага плана, гумару, перыфраз, арыгінальных параўнанняў і метафар.

Літаратура – мастацтва слова, без моўнай асновы праблематычна ўявіць яе існаванне. Пісьменнік нават незалежна ад сваёй волі вымушаны рэфлексаваць над матэрыялам, з якім працуе, бо перад ім стаіць задача для паспяховай рэалізацыі мастацкай задумы абраць максімальна прыдатныя моўныя сродкі. Многія аўтары спецыяльна прысвячалі творы асвятленню ролі мовы ў жыцці звычайнага чалавека і творцы, звярталіся да разважанняў пра ролю роднай мовы. Адзін з такіх аўтараў у беларускай літаратуры – Рыгор Барадулін. Яго з поўным правам можна назваць мастацкім даследчыкам беларускай мовы і ролі мовы ў жыцці чалавека. Яго мысленне было прасякнута арыгінальнымі моўнымі асацыяцыямі. У вершы “Кнігары” ён шматзначна заўважыў: “Усе мы літары / Зямлі – Зялёнай кнігі”[1, 38]. Прыродныя з’явы ў свядомасці паэта нярэдка нараджалі паралелі з моўнымі з’явамі. Так, у вершы “Папрасіліся ліўні ў верш” выкарыстана надзвычай паказальная для паэта асацыяцыя: “Працуе таропка / тэлеграф навальнічны: / працяжнік – кропка. / Маланка! / Клічнік!” [1, 360]. Гукі першага снегу паэтам па прынцыпе асацыяцыі параўноўваюцца са збегам шыпячых. Дарэчы, аўтар пры гэтым ўмела выкарыстоўвае ў вершаваных радках алітарацыю свісцячых і шыпячых гукаў з мэтай гукаперайманння: “Нібы шыпячых зычных збег, / Спакойны, сыпкі / З самай раніцы / Спадаў на сцежкі / Ціхі снег” [1, 328]. Ва ўступе да паэмы “Трыпціх” з дасціпным пераасэнсаваннем формы сінтаксічных знакаў тлумачылася значэнне паняцця “бацькоўская зямля”: “Ад кропкі маленькай гнязда чмяля / Да маладзіковай коскі – / Падорана ўсё мне бацькамі, / Зямля / Таму і завецца бацькоўскай”[1, 137]. Праз гумарыстычнае абыгрыванне значэнняў слоў, што называюць часціны мовы, паэт, напрыклад, гаварыў пра свой шаноўны ўзрост: “А я, пасівелы дзядоўнік, / Стаю пры апошняй вярсце. / Яшчэ на зямлі я назоўнік, / А мне ўжо займеннік расце” [2, 359]. Каламбур, дзе замест літаратурнага “заменнік” ужываецца дыялектнае “займеннік” узмацняе гумарыстычны план верша. Віртуознае валоданне словам пастаянна нараджала ў Барадуліна

вершы, дзе жартаўліва пераасэнсоўвалася гучанне і значэнне слоў, як у “Дарожнай граматыцы”: “Запамінае восень слова / Kalt / Далёка йшчэ да белых падзяжоў. / Надледзянелы з раніцы асфальт / Прабіты пасашкамі капяжоў. / Абцас дакладны / Тут ступаў няраз, / Брук, як свайго, дапытваў: / – Was ist das ? / Калі са шпорай бот / Ляцеў на фэст, / Пыталіся прысады: / Co to jest ? / І каблучок, / Пацокваючы смела, / Вяз у асфальце спёкаю: / – В чём дело? / Гамаш з падэшваю / Працёрта-мяккаю / Ашчэраны / Адно спрагае: / – Дзякую!” [2, 259–260]. Паасобныя словы нярэдка служылі аўтару сродкам стварэння пэўнай сюжэтнай сітуацыі. Так, у вершы “Урок англійскай мовы” слова “yes” у вуснах студэнтачкі, што хоча падабацца маладым людзям, параўноўваецца са свістам сінічкі. Лірычны герой верша папярэджвае, што неўзабаве ласкавыя адносіны дзяўчыны могуць кардынальна змяніцца на сваю процілегласць: “Потым расшалопаеш, / Воз сямейны цягнучы, / Іншы выгук: / “No” [1, 385].

Паводле Р. Барадуліна, чалавек жыве, пакуль гаворыць. Гэта ідэя ляжыць у аснове надзвычай арыгінальнага па форме верша “На схіле алфавіта”, які пачынаўся словам “Адчай” і заканчваўся парадаксальным падсумаваннем: “І кожнае слова / Твой век пялегвае, / Пакуль у слоў цябе / Не выйграе пры дзяльбе / Ці- / шы- / ня” [2, 83]. Паэзія Рыгора Барадуліна – тонкае мастацкае даследаванне мовы, яе ролі для грамадства, для культуры, для творчасці, для асобы. З поўным правам Барадуліна можна назваць натхнёным песняром роднай мовы. Паэзія трымаецца на бездакорным валоданні творцам мовай і яго шчырасці і шчодрасці, як сцвярджае Р. Барадулін у вершы “Закон паэзіі”: “Ні зычным горлам, ні плачом, / Ні пафасам цвёрдагаловым, / Ні трубным рыкам, ні плачом, / Ні капытамі, ні лычом – / Нічым не возьмеш. / З чытачом / Патрэбна быць гатовым / Дзяліцца нашча словам” [1, 47]. Мова, як даводзіць паэт у вершы-прысвячэнні “Андрэю Вазнясенскаму”, падначальвае сабе нават таленавітага аўтара. Дарэчы, знакамітага рускага паэта другой паловы XX стагоддзя ён атэстуе наступным чынам: “Антыскептык Андрэй, / Рускай мовы вялікі прыгонны!” [1, 310].

Мова ёсць, бясспрэчна, важны сродак зносін паміж асобнымі людзьмі і народамі. Адмысловая роля ў чалавечым грамадстве перакладчыкаў прыцягвала ўвагу Р. Барадуліна. Вядомаму перакладчыку твораў беларускіх аўтараў на рускую мову Якаву Хелемскаму ён прысвяціў верш “Перакладчыкі”, дзе выказаў свае меркаванне пра працу тых, хто збліжае літаратуры і народы: “Перакладчыкі – / Шпалаўкладчыкі / На адказнай чыгунцы дружбы. / Не падрадчыкі, / А дарадчыкі, / Звонкамоўных зямель упарадчыкі, / Не пыхліўцы, / Што прагнуць: / «Руж бы!»” [10, 307]. Праца перакладчыка, у разуменні Р. Барадуліна, – складаная і адказная: “Парадкоўнікі – / Не паратоўнікі. / Не даруе абразы слова. / Слоўнікі – / Як-ніяк / Чыноўнікі. / Называюць сябе назоўнікі / Дзейсная ў дзеяслова / Выснова” [1, 307]. Сапраўдныя перакладчыкі, як метафарычна шляхам ужывання сэнсава змястоўных перыфраз заўважае паэт, – сапраўдныя майстры сваёй справы: “Зорнамоўнага неба / Капернікі, / Недаверлівай музы / Сапернікі / Шанавальнікі арыгінала” [1, 307].

У вершы “Неруш” Р. Барадулін артыкуляваў ролю мовы як асновы творчасці, як аснову арыгінальнасці нацыянальнай літаратуры і канкрэтнага аўтара: “Неруш ранішні – роднае слова, / Мне шукаць цябе, покуль гляджу, / Пад зялёным крылом верасовак, / Пад крысом спякоты й дажджу. / Слова, што як нарог для ратая, / Як для ластаўкі – стромы вільчак, / Ад якога на небе світае, / Ад якога яснее ў вачах. / А пашчасціць – натрапіцца неруш, – / Зазвіняць недзе промні наўзбоч. / Неруш свой панясу я абераў, / Як слязіну з матуліных воч. / Ад абразы, ад позірку злога, / Шлях заблытаўшы для наслання” [3, 101]. Радкам верша “Неруш ранішні – матчына слова, / Мне, як бору, цябе засланяць” [3, 101], як сведчыць яго мастацкая спадчына, паэт захоўваў вернасць ўсё жыццё.

Метафарычна функцыі роднай мовы асвятляліся ў вершы-прысвячэнні “Роднаму слову”: “Было спрадвеку, слова, ты / Крыніцай цудадзейнай сілы, / Што вызваляла з нематы, / Айчыны ніву каласіла. / Ты наталяла смяглы рот / І васкрашала ўдар грамовы, / Каб сам сабою стаў народ, / Пачуўшы гукі крэўнай мовы!” [3, 277].

Р. Барадулін пастаянна артыкуляваў нацыятворны пачатак мовы, якая развіваецца пад уплывам абставін і часу, якая мае самае прамое дачыненне да жыцця канкрэтнага народа. Велічальнай песняй роднай мове з’яўляецца яго верш “Беларускае слова”: “Беларускае слова ад спеву / Бо спявае ў ім даўніна. / Беларускае слова ад гневу, / Ад Ярылы, ад Перуна. / Беларускае слова ад ласкі – / Сведчаць вусны ды салаўі, – / Не наймалася ні ў падпаскі, / Ні ў падбрэхічы, ні ў халуі. / Беларускае слова ад злосці / Да няпрошаных прыбышоў, / Асалоду п’е з чараў мілосці, / Медавуху духу з каўшоў. / Беларускае слова ад славы, / Ад ракі дае светлае дно. / Госці ўстануць з застольнай лавы, / Як у хату зойдзе яно. / Беларускае слова ад Бога, / Слову нашаму Бог дапамог. / Хто не любіць яго, ад тога / Назаўсёды адвернецца Бог!” [2, 248]. Для паэта родная мова – важны этнаідэнтыфікацыйны код: “Ты ад маці, ты матчына, / Беларуская мова. / Зорамі растлумачана / Сэрцу кожнае слова. / Ты, як раніца шчырая, / Маеш цёплыя рукі. / І вяртаюцца выраі – / Толькі б чуць твае гукі. / Там, дзе ёсць ты, – пагодліва, / Дзе няма – там зімова. / Будзь ты ўдзячных паходняю, / Беларуская мова” [2, 286].

Шэраг вершаў Барадулін прысвяціў асэнсаванню ролі мовы ў жыцці асобнага чалавека і гістарычнаму лёсу беларускай мовы. Родная мова, у трактоўцы паэта, – натуральнае атачэнне ад нараджэння да смерці. Лірычны герой паэта зазначае: “Долі інакшай не трэба зямной, / Сэрца лагоднее ад суцяшэння: / Родная мова ступала за мной / Ад калыханкі / Да галашэння” [1, 351]. Твор “Мая мова” – разважанне пра родную мову з акцэнтаванай дэманстрацыяй уласнай пазіцыі: “Сцвярджаюць гісторыкі і мовазнаўцы, / Што паступова сціраюцца грані нацый / І, нібыта як перажытак, аджыць павінна абавязкова / Мова маці маёй – беларуская мова, / Што мне, як імя ўласнае, блізкая і знаёмая, / Што па жылах маіх цячэ і сонным Сажом і Нёманам” [3, 103]. Лірычны герой верша разумее, што народы па меры развіцця цывілізацыі збліжаюцца, што гэты працэс няўхільны: “Я чакаю часіну сябрыны людской, / Але не згаджуся, што родныя мовы луской / Былі на рыбіне чалавецтва, / Якая ў вечнасць плыве акіянам вечнасці. / І калі нават мова мая замаўчыць, / То не зробіцца мёртвай латынню. / Словы, дзе кожны гук / Азяблай сініцай цінькае, / Не стануць тэрмінамі медыцынскімі. / Калі мова мая / Уліецца ў агульны акіян – / Пацячэ ў ім, стрыманая, / Цёплым Гальфстрымам / І будзе мне сэрца грэць / Кожным ашчаджаным словам, / Бо, як жыта, спрадвечная, Беларуская мова!” [3, 103].

Сувязь мовы і жыцця, далейшы лёс лексічнага складу роднай мовы таксама прыцягвалі увагу паэта. Творча, метафарычна, экспрэсіўна гэтыя пытанні знайшлі ўвасабленне ў вершы “Забытыя хутары”: “Забытыя хутары – / Этымалагічныя слоўнікі, / Паз’ехалі гаспадары, / А словы дасюль не злоўленыя, / Выжыўшы ў ліхалеццях, / Гнездзяцца ў пунях, у клецях / Ластаўкамі легкакрылымі / Ў кожным праломе, выламе. / Стрынуць цішыню стрыжамі / Над стрэхамі, над крыжамі. / Сняжэюць словы і росяцца, / І ў сэрцы пагрэцца просяцца” [2, 23]. У гумарыстычным па танальнасці вершы “Прызнанне” паэт зазначаў: “Як уплывовы дзядзька / Сваякоў, / Я словы перацягваю / Ушацкія / У стольны Мінск / Па лініі радкоў. / Няхай жа мне / Сімпатыі сваяцкія / Даруюць чытачы. / Сваю радню, / Як дабрыню, / Я ўпарта перацягваю, / Падперазаўшыся / Зямляцкай дзягаю, / Былы давер / Ад сцюжы бараню. / І, каўняры наставіўшы, / Са мной / Ідуць упоплеч / Словы наравістыя. / І ўшацкі край, / Што ў непагадзі выстаяў, / Як шчыт надзейна-родны за спіной” [2, 31–32]. З маленства чутае роднае слова пісьменніку хацелася захаваць для нашчадкаў.

Месца беларускай мовы ў коле моў свету па-мастацкутонка, метафарычна, экспрэсіўна, сэнсава ёміста выказана ў “Нашай мове”: “Думку нашчыш золкімі ўспамінамі, / Сэрца песняй жніўнаю надзеіш, / У вякоў пад цёмнымі ялінамі / Белаю бярэзінкай ніцеіш” [2, 70]. Параўнанне “белаю бярэзінай ніцеіш” эстэтычна і аксіялагічна важкае ў пісьменніцкай трактоўцы роднай мовы: беларуская мова не належыць да вялікіх моў, па колькасці яе носьбітаў яна нешматлікая, але яна захоўваецца на працягу стагоддзяў.

Таленавіты паэт з Ушаччыны з добрым веданнем справы пісаў і пра ўзаемадзеянне моў і культур на беларускай зямлі. “Мове роднай маёй карані вымывалі / Славяншчыны рэкі” [1, 309], – канстатаваў Р. Барадулін у вершы “Андрэю Вазнясенскаму” і зазначаў, што кожная мова мае здольнасць да аднаўлення: “Праступаюць вякі / Праз хлуд: / Чысціня нашых моў, / Як фрэскі” [1, 309]. У вершы “Беларускія татары” ён выказаў словы глыбокай ўдзячнасці татарам, што карысталіся мовай суседзяў у сваіх кнігах: “Вы мову збераглі крывіцкую / І ў сэрцах вашых, / І ў кітабах” [2, 367] і адзначыў: “Хапіла ж нашым мовам / Смеласці, / Сышоўшыся, не разгубіцца, / А ў маладой паразумеласці, / Як дзвюм крыніцам, / Светла біцца” [2, 368]. У трактоўцы паэта, мовы народаў-суседзяў узаемадзейнічаюць, збліжаюць людзей, а паэты жывуць, пакуль жыве іх мова, паводле радкоў верша “Апошнія паэты яўрэйскія”: “Каму чытаць ім / вершы свае на ідыш? / Старыя пайшлі да продкаў, / аглухлі, / адвыклі. / Моладзь не разумее. / Сабакі ў гарадках перадохлі. / Местачковыя вераб’і / ў апошнім калене / звяліся хіміяй. / Ні школ, ні вучняў, / Толькі словы / такія-сякія ўпалі / па дарозе / ў беларускую мову. / Мне цьмяна прыгадваецца, / наплыўна бачыцца, / як на перадваенны брук / ляцелі з вокан / кніжкі з незразумелымі літарамі, / нібыта па снезе / прайшлося шмат лапак птушыных. / Зачынялася школа / у мэтах адзінамоўя / альбо ўзаемаразумення. / Хоць дагэтуль / столькі вякоў / Янка і Янкель, Зося і Залда / добра адно аднаго разумелі” [2, 139–141]. Паэта непакоіла знікненне з карты свету народаў і моў як наступства неразумнай дзейнасці людзей: “У кнізе скону / Удоды і совы, / У кнізе Чырвонай / Народы і мовы. / Яна разбухае, / Яна чырванее / За нашу нахабнасць, / За нашыя дзеі” [1, 136].

Істотныя лініі метамоўных рэфлексій у Рыгора Барадуліна – мова і пісьменнік, пісьменнік як захавальнік і абаронца мовы. У прысвечаным ураджэнцу Віцебшчыны грамадскаму дзеячу і паэту XIX стагоддзя, за ўдзел у паўстанні 1863 года сасланаму ў Сібір, Арцёму Вярыгу-Дарэўскаму вершы “У выгнанні” трагедыя сасланага аўтара бачылася Барадуліну найперш у адарванасці таго ад роднай глебы, што пазбавіла яго творчасць крылаў натхнення: “І для каго пісаць, / Калі не чуеш мовы, / Калі прыціхла ўсё ў спуджаным бары? / І совы мудрых слоў / Вартуюць сховы, / Маўчаць табе ў спіну / У сквапным гушчары” [2, 20]. Трапна характарызаваў Р. Барадулін стыль і ўнёсак выдатных пісьменнікаў-землякоў у развіццё мовы. Так, у вершы “За словам Быкава іду!” ён надзвычай дакладна заўважаў пра манеру пісьма знакамітага пісьменніка: “Ашчадны быкаўскі радок, / Як непрытомлены хадок, / Вядзе на топішча, / На ляды, / На Посніцу, Дзяды, Каляды. / І рада, ўчуўшы халадок, / Душа сабе не даўшы рады” [2, 152–153], а ў вершы “Успамін пра Уладзіміра Караткевіча” падкрэсліваў патрыятызм і адданасць роднай культуры: “Ты верны рыцар / Слоў крывіцкіх, гойных / Якія не загубяцца нідзе” [2, 208].

Аналіз метамоўных рэфлексій у паэзіі Р. Барадуліна дазваляе сцвярджаць, што літаратура – гэта не толькі мастацтва слова, але і важны сродак мастацкага асэнсавання мовы ў жыцці чалавека, гісторыі роднай мовы і яе ўзаемадзеяння з мовамі народаў-суседзяў, сувязі пісьменніка з роднай зямлёй, уплыву мовы на ўспрыманне чалавекам свету. Адметнай рысай барадулінскага асэнсавання мовы з’яўляецца шырокае выкарыстанне асацыятыўнага плана, гумару, перыфраз, яркіх параўнанняў і метафар.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск : Маст. літ., 1984. – Т. 1: вершы / Р. Барадулін. – 415 с.
2. Барадулін, Р. Збор твораў: у 4 т. / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1996–2002. – Т. 2. – 1998. – 382 с.
3. Барадулін, Р. Збор твораў: у 4 т. / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1996–2002. – Т. 1. – 1996. – 382 с.

V. Yu. Barouka
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: klit@vsu.by

Artistic comprehension of language in the poetry of Ryhor Baradulin

Key words: poetry, language, native language, artistic comprehension, themes.

The creativity of R. Baradulin is a vivid example of both latent and direct understanding of the language. Analysis metalanguage reflections in poetry of Baradulin suggests that the literature – it is not only the art of the word, but also an important means of artistic interpretation of language in human life, the native language of history and its interaction with the languages of neighboring nations, due to the writer's native land, influence language on the human perception of the world. A characteristic feature of comprehension of the language by R. Baradulin is the widespread use of the associative plan, humor, periphrases, vivid comparisons and metaphors.

С. Ф. Бут-Гусаім
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

УДК 808.26-541.2

Антрапанімікон рамана Вольгі Іпатавай “Альгердава дзіда”

Ключавыя словы: літаратурная анамастыка, онім, антрапонім, паэтонім, ускоснагаваркі паэтонім.

У артыкуле разглядаюцца ўжытыя ў рамане Вольгі Іпатавай антрапонімы, якія з'яўляюцца носьбітамі каштоўнай інфармацыі аб матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў XIII–XIV стагоддзяў. У працы прааналізавана ўзаемадзеянне ў беларускім антрапаніміконе гэтага гістарычнага перыяду язычніцкага і хрысціянскага кампанентаў. Разгледжана характэрная для міфалагічнай свядомасці крэатыўная функцыя наймення. Імёны персанажаў былі прааналізаваны з пункту гледжання ступені іх сэнсавай актыўнасці.

Адметнасцю мастацкага асэнсавання даўніны ў творах В. Іпатавай з’яўляецца ўзнаўленне не столькі самой гісторыі, колькі «чалавека ў віхурах яе, у паўсядзённых сутыкненнях з праблемамі свайго часу» [8, 98]. Творы пісьменніцы характарызуюцца як дэталёвай перадачай гістарычных рэалій, так і мастацкім спасціжэннем светаўспрымання людзей пэўнай эпохі. Ажыўляючы далёкія постаці XIV стагоддзя, часу княжання Альгерда, пісьменніца ўмела выкарыстоўвае вобразна-выяўленчыя магчымасці антрапанімічнай лексікі, якая з’яўляецца носьбітам каштоўнай нацыянальна-гістарычнай інфармацыі аб матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў.

Раман В. Іпатавай цікавы і адметны спалучэннем свету рэальных падзей і постацяў беларускай гісторыі са светам падзей і персанажаў, народжаных уяўленнем

аўтаркі. Таму ўсе зафіксаваныя ў творы антрапонімы мы можам падзяліць на дзве групы. Па-першае, гэта імёны рэальных гістарычных асобаў, па-другое, гэта празванні персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніцы.

В. Іпатава апавядае чытачу пра слаўнае мінулае роднага краю. Таму на старонках твора не раз прыгадваюцца імёны рэальных гістарычных дзеячаў. Гэта балта-славянскія князі ***Гердзень, Міндоўг, Войшалк, Трайдзень***, ***Віцень***, ***Гедзімін***, ***Альгерд, Любарт, Кейстут, Манівід, Нарымунт, Яўнут*** і інш.**,** княжычы ***Аляксандр, Ягайла*** і інш.**,** княгіні ***Еўна, Вольга, Марыя, Юліяна,*** маскоўскія князі ***Сімяон Горды, Іван Каліта,*** татара-мангольскія ханы ***Джанібек, Кіпчакабей, Мурут-Чынгізід, Кіцібей-Бекер, Дзмітр-Салтан, Бардзібек, Кутлук-Цімур, Кутлубай,*** ханша ***Тайдула***, палкаводцы (маршал ***Генрых фон Процкі***, ваявода ***Гаштольд***), рэлігійныя дзеячы (мітрапаліт ***Аляксей***, вярхоўны язычніцкі жрэц ***Галігін***), пісьменнікі далёкага мінулага (***Ульрых фон Ліхтэнштэйн,*** аўтар кнігі «Служэнне Даме»).

У XIV стагоддзі ў Вялікім Княстве Літоўскім умацоўвае свае пазіцыі хрысціянская рэлігія, узаемадзейнічаючы з язычніцкімі культамі. Таму многія рэальныя гістарычныя асобы – балта-славянскія князі і члены іх сем'яў – побач са старымі, язычніцкімі, мелі і хрысціянскія імёны (***Войдат-Канстанцін, Ягайла-Уладзіслаў-Якаў, Альгерд-Аляксандр,*** у манахі пастрыжаны пад іменем ***Аляксей)***.

У рамане В. Іпатавай выкарыстаны прыём актуалізацыі ўнутранай формы імені рэальнай гістарычнай асобы. Гаваркім онімам з'яўляецца празванне князя ***Ягайлы***: "*Юльяна назвала першынца мясцовым імем – **Ягайла**. Даўнім было яно тут, і жрацы тлумачылі яго то як «жывы, палкі», то, найчасцей, як «усясветна слаўны». Казалі, што ідзе гэтае імя ад продкаў-арыяў, чые храмы-свяцілішчы захаваліся дасюль па ўсім Княстве"* [2, 18]. ***Дэзідэратыўнае (пажадальнае***) імя накрэсліла будучы лёс хітрага, разумнага валадара. Менавіта ***Ягайлу*** перадае Альгерд дзіду як сімвал сілы, велічы і магутнасці князя. Праз палітычныя кампрамісы, пагадненні з татара-манголамі і нават злачынствы (забойствы і паланенне дзядзькоў і братоў) амбітны малодшы сын Альгерда становіцца князем літоўскім і каралём польскім, заснавальнікам сусветна вядомай дынастыі ***Ягелонаў***.

У аўтарскім каментары раскрываецца ўнутраная форма мянушкі маскоўскага князя ***Сімяона Гордага***: "*Прымусілі турбавацца князя Сімяона Іванавіча, нягледзячы на тое, што быў ён зласцівы і ўладны, за што і празвалі яго **Гордым**"* [2, 10]. Маскоўскі князь ***Іван*** увайшоў у гісторыю пад характарыстычным празваннем ***Каліта***. Значэнне апелятыва, які з'яўляецца ўтваральнай базай мянушкі князя, наступным чынам акрэслена ў слоўніку У. І. Даля: '*сума, сумка, киса, мешок, зепь, подвесной карман, торба*' [1, 78]. Кантэкст твора падказвае, што характарыстычнае найменне сквапнага валадара, гатовага дзеля ўзбагачэння на здраду і злачынствы, матывуецца пераносным значэннем утваральнай асновы: "*Прыйшлося вярнуцца з-пад Мажайска, дзе ваяваў з родзічам – маскоўскім **Іванам**, якога маскавіты нездарма празвалі **Калітой**, – той зацята спрабаваў сабраць усе рускія землі пад руку Масквы"* [2, 180].

Імёны палітычных дзеячаў, пісьменнікаў, мысліцеляў, як адзначае В. Шур, выкарыстоўваюцца як ***сродак сацыяльнай тыпізацыі***. «Яны дазваляюць надаць падзеям і фактам, што адлюстроўваюцца ў творы, рысы праўдападобнасці, мастацкай пераканальнасці» [7, 25].

Што да імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніцы, то яны адлюстроўваюць мадэлі іменавання, якія існавалі ў тагачаснай беларускай дзяржаве. У. Ніканаў пісаў: «Асабовыя імёны існуюць у грамадстве і для грамадства; яно і дыктуе няўмольны выбар іх, якім бы індывідуальным ён ні з'яўляўся» [4, 158]. Інфарматыўнае па сваёй прыродзе ўласнае імя выступае пасведчаннем нацыянальнасці, статусу ў соцыуме, веравызнання героя. Найперш адзначым, што імёны ў старажытным грамадстве

былі сацыяльна інфарматыўнымі. Так, персанажы, якія з'яўляюцца прадстаўнікамі вышэйшых саслоўяў (княскімі дружыннікамі, баярамі), носяць двухасноўныя імёны-кампазіты: ***Ірвідуб, Рацібор.*** У такіх імёнах адлюстравана найстаражытнейшая традыцыя ***імяслаўя*** – праслаўлення чалавека праз пасрэдніцтва спецыяльна створаных імёнаў. Частка баяр і княскай дружыны, якая прыняла хрысціянства, мае каляндарныя імёны, напр.: ***Віт*** (лац. ***правадыр***). Відавочна, што такія онімы таксама носяць дэзідэратыўны (пажадальны) характар, выражаючы зычэнне набыць акрэсленыя ў імені якасці**.** Праваслаўныя святары носяць хрысціянскія імёны ***Васіль, Вавіла.***

Славянскія паводле паходжання імёны прадстаўнікоў ніжэйшых саслоўяў уяўляюць сабой празванні-мянушкі, што ўтвараюцца на базе апелятыўнай лексікі: назваў птушак ***(Гіль, Верабей),*** раслін (***Бяроза, Раска***), жывёл (***Леў, Заяц, Алень***), насякомых (***Камар***). Такія імёны могуць акрэсліваць фізічныя якасці індывіда (***Ляўшун –*** ляўша), рысы яго характару (***Драмак***), а таксама ўказваць на нечаканасць з'яўлення дзіцяці ў сям'і (***Нячай***). Частка прадстаўнікоў ніжэйшых саслоўяў носіць размоўна-бытавыя формы каляндарных імёнаў: ***Супрун, Янка, Аўлас, Алекса*** і інш.

У рамане адлюстраваныя тыя часы айчыннай гісторыі, калі ў светапоглядзе чалавека сумяшчаліся элементы паганскай культуры продкаў з догматамі хрысціянскай веры, якая прынесла на нашы землі свой іменаслоў. Таму многія персанажы твора прыгадваюцца пад двума імёнамі: язычніцкім і хрысціянскім. Так, магутны каваль пры нараджэнні атрымаў «празрыстае» гаваркое ўнутрысямейнае празванне-мянушку ***Таўкач***: "*Раней жа мяне клікалі* ***Таўкачом****, бо надта тоўкся я ў матчыным жываце"* [2, 190]. Пры хрышчэнні персанаж атрымлівае новае імя – ***Вольжыч***. Дачка каваля Лозка прыгадвае: "*Тата мой у гонар вялікай княгіні* ***Вольгі*** *быў хрышчаны"* [2, 10]. Язычніцтва, нягледзячы на тое, што хрысціянства становіцца прэвалюючай рэлігіяй у Вялікім Княстве Літоўскім, мела трывалыя карані ў побыце, штодзённым жыцці і ў светаўспрыманні нашых продкаў. Так, нашчадак язычніцкага жраца называе пры знаёмстве з князем два імені: спярша язычніцкае ***Алень***, а потым хрысціянскае ***Аляксей***. Але светаўспрыманне гэтага чалавека найперш паганскае: пасля бітвы ён, як і яго продак-жрэц, які пакланяўся ***Ворану,*** звязанаму са светам памерлых, дапамае забітым перайсці ў «той свет»: "*Я ж цяперака пасля бітвы хаджу і вочы мёртвым закрываю. Усім – сваім і чужым. Каб яны на той свет ішлі і нічога з гэтага свету з сабой забраць не хацелі. Іначай – бяда будзе. Калі столькі забітых у вачах сваіх нешта з гэтага свету вынесуць – што астатнім застанецца?"* [2, 100]. Далей на старонках рамана называецца толькі язычніцкае імя персанажа – ***Алень***.

Скарбнік князя Альгерда, як і многія слугі княскага двара, мае хрысціянскае імя (***Цімафей***), але ў час выпрабавання (пасля знікнення Альгердавай дзіды слугу маглі пакараць смерцю) герой прыгадвае сваё паганскае празванне ***Сосень*** і малітвы за выратаванне ўзносіць язычніцкім боствам: "*Доўга піў моцную медавуху* ***Сосень****, у хрысціянстве* ***Цімафей****, а пасля бухнуўся на калені перад божышчам Вялеса і падзякаваў за шчаслівае выратаванне ад страшнага гневу валадара"* [2, 180].

Вялікае Княства Літоўскае здаўна наладжвала гандлёвыя і ваенныя кантакты з іншымі народамі. Таму на тэрыторыі балта-славянскай дзяржавы жылі іншаземцы, што адлюстравана ў рамане В. Іпатавай. Паказчыкам нацыянальнай прыналежнасці персанажаў-іншаземцаў з'яўляюцца іх імёны: нямецкія (***Ота, Готфрыд***), цюркскія (***Сегедэй***).

У творы па-мастацку адлюстравана архаічная мадэль свету, згодна якой іменаванне цесна звязана з глыбіннай сутнасцю чалавека. Нашы продкі лічылі, што імя аказвае актыўнае ўздзеянне на індывіда, фарміруе яго, прадвызначае лёс. У творы адлюстравана глыбокая вера нашых продкаў у ***крэатыўную*** функцыю называння, імкненне старажытнага чалавека спасцігнуць глыбокі сэнс, закладзены ў імені.

Гаваркое імя адной з галоўных гераінь цыкла раманаў пра валадароў Вялікага Княства Літоўскага – жрыцы-язычніцы ***Жывены*** – з'яўляецца адным са сродкаў выражэння ідэі твора. Сэнс оніма суадносіцца са значэннем слова ***<u>жывіць</u>*** '*ажыўляць, бадзёрыць; падтрымліваць, быць апорай для чаго-н.*' [6, 201]. Перажыўшы цяжкія іспыты лёсу, ***Жывена*** прысвячае свае лекарскія здольнасці і талент празорлівіцы для палёгкі становішча іншых і ўмацавання іх духу. Сваім нашчадкам жрыца перадае запавет Любові да бліжняга, да прыроды, да роднай зямлі. Сіла такой Любові дае ***жыццё*** ўсяму навакольнаму і дапамагае перамагчы зло, гора і смерць:

– Якая ў ***Жывены*** *сіла!*

– Гэта не сіла, а любоў. ***Жывена*** *любіць усё – траву і вецер, усход і кожнага чалавека, які прыйшоў на зямлю.*

– Нават злодзея? Гіля? Забойцу?

– Яна кажа, што ў чалавеку закладзена ўсё тое, што ёсць ва ўсім свеце. І трэба ўмець выклікаць у кожным не цёмнае, а светлае. Тады цемра адступае. І зло будзе пераможана. Зло бывае такое магутнае, што яго можна адхіліць такой жа магутнай чысцінёй [2, 113].

Вуснамі ***Жывены*** В. Іпатава сцвярджае думку аб адухоўленасці навакольнага свету, ***жывога***, захопленага дзіўнымі істотамі і багамі. Немалаважную ролю ў раскрыцці ідэі адраджэння спрадвечнай здольнасці нашых продкаў бачыць жывую душу навакольнага свету адыгрывае гаваркое імя гераіні.

Дахрысціянскія імёны часта ўтвараліся на базе найменняў раслін і жывёл. Ян Станкевіч адзначаў ***дэзідэратыўны (пажадальны)*** характар такіх імёнаў: «Даючы такія й падобныя празваньні, бацькі ймёнамі выказвалі свае зычэньні дзецяняці, зычылі, каб сын быў дужы, як мядзьведзь, тур, вол; хітры, як ліс; адважны, як арол, сакол; цьвярды, як дуб; каб дачка была любовая, як зязюля; харошая, як ластаўка, краска, кветка» [5, 96]. На старонках рамана В. Іпатавай «Альгердава дзіда» многа паганскіх імёнаў, утвораных на базе найменняў жывёл і раслін. Носьбіты такіх празванняў чымсьці роднасныя тым істотам, назвы якіх сталі асновай язычніцкіх імёнаў-мянушак. Так, адна з галоўных гераінь твора носіць імя ***Лозка***. Аўтарка не раз падкрэслівае, што дзяўчына тонкая, гнуткая, як галінка дрэва: "*Альгерд не зважаў на <u>танклявую, яшчэ нязграбную постаць</u>; Яна стаяла, <u>стрункая</u>, нібы выразаная з мяккай ліпы юная Мокаш; <u>Тонкая постаць падлетка</u> яшчэ не надта выструнілася, нібыта яна толькі выпаўзала з шэрага кокана мятлушкі, крылцы якой, гатовыя заззяць вабна-пераліўным бляскам, пакуль яшчэ не абсохлыя, скручаныя ў патлатае ахвосце; Княжыч мог час ад часу браць у рукі запаведную дзіду, дакранаючыся да вострага ліста арэшыны, нібыта адчуваць* ***Лозку*** *– яе <u>гнуткую постаць</u>, імклівыя рухі, светлыя вочы"* [2, 109]. На кашулі ***Лозкі***, праўнучкі жрыцы ***Жывены***, своеасаблівы арнамент са знакамі-абярогамі, сярод якіх – выява «*святога жыццядайнага дрэва*». Пра гэтае дрэва, якое ў беларускай міфапаэтычнай мадэлі свету з'яўляецца сімвалам <u>вечнага жыцця</u>, прыгадваецца ў рамане «Залатая жрыца Ашвінаў»: "*І зноў у Жывеніным сне варушыў незлічоным лісцем свяшчэнны* ***Дуб****, з дупла выглядала празрыста-светлая, у вяночку з белых рамонкаў* ***Ляля****, а за ёю тоўпіліся русалкі, і тонкія галасы напаўнялі прастору музыкай"* [2, 109]. «*Малая, кволая галінка*» магутнага дрэва, каранямі якога была язычніцкая жрыца, ***Лозка*** выстаяла ў цяжкіх жыццёвых выпрабаваннях. Трапіўшы ў палон, яна захавала і перадала сваім нашчадкам любоў да радзімы, куды вяртаецца ўнук ***Лозкі – Кужаль***. Ад продкаў Кужаль атрымлівае ў спадчыну чароўнае ўменне бачыць прыгажосць і незвычайнасць роднай зямлі, якая «*спявае рознымі галасамі, гаворыць з людзьмі, трэба толькі ўмець яе слухаць*» [2, 110].

З пункту гледжання літаратурна-мастацкай анамастыкі многія з імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй аўтаркі, з'яўляюцца гаваркімі онімамі. Паводле

ступені «празрыстасці», сэнсавай актыўнасці імёны герояў рамана можна аднесці да ***ўскоснагаваркіх паэтонімаў***. Антрапонімы гэтага тыпу маюць «зацемненую» ўнутраную форму, для высвятлення якой патрэбны кантэкст. Сэнс ускоснагаваркіх празванняў раскрываецца праз глыбокае спасціжэнне мастацкіх характараў, створаных пісьменнікам. Э. Б. Магазанік адзначаў: «Такія імёны – не шыльда, якая загадзя тлумачыць чытачу тое, з кім ён мае справу, а акампанемент, які гучыць толькі для чулага вуха. Спасцігнуўшы падтэкст такога празвання, расшыфраваўшы тайныя знакі аўтарскай характарыстыкі героя, мы ўзбагацім сваё ўспрыманне мастацкага твора» [3, 30].

Тонкае ўзаемадзеянне строга рэалістычнага адлюстравання фактаў і постацяў далекага мінулага з рамантычным і міфалагічным асэнсаваннем гісторыі дасягаецца за кошт умелага раскрыцця пісьменніцай культурна-гістарычнага зместу антрапонімаў, якія з'яўляюцца адным з найважнейшых сродкаў выражэння светапогляду чалавека далёкага XIV стагоддзя.

Літаратура

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – Т. 2. – 1979. – 779 с.

2. Іпатава, В. Альгердава дзіда / В. Іпатава. – Мінск : Беллітфонд, 2002. – 608 с.

3. Магазаник, Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 148 с.

4. Никонов, В. А. Личное имя – социальный знак / В. А. Никонов // Советская этнография. – 1967. – № 5. – С. 157–168.

5. Станкевіч, Я. Хрышчоныя ймёны вялікалітоўскія (беларускія) / Я. Станкевіч // Спадчына. – 1992. – № 6. – С. 96–101.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 тысяч слоў / І. М. Бунчук [і інш.]; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

7. Шур, В. Онімы ў творах Якуба Коласа: Паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. Шур // Роднае слова. – 2006. – №. 6. – С. 23–26.

8. Шынкарэнка, В. Нястомных пошукаў дарога: Праблемы паэтыкі сучаснай беларускай гістарычнай прозы / В. Шынкарэнка. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 298 с.

S. F. But-Gusaim
Brest State University named after A. S. Pushkin
e-mail: svfbg@tut.by

Anthroponimicon of the novel "Algirdas' Spear" by Olga Ipatova

Key words: literary onomastics, onim, anthroponym, poetonym (poetic name), indirectly speaking poetonym.

The article views the anthroponyms, used in Olga Ipatova's novel, which contain important information about material and spiritual culture of the Belarusians in the XIII-XIV centuries. The author of the article analyzes interaction of the pagan and the Christian components in the Belarusian anthroponimicon of that period. The creative function of giving names, which is a characteristic feature of mythological way of thinking, is given special attention. The names of the characters are described from the point of view of their semantic activity.

Л. М. Вардомацкий
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: vard_L@tut.by

УДК 811.161.3’373.2-115

Народные названия растений Беларуси в записях Э. Ожешко

Ключевые слова: народные говоры, названия растений, номинативные эквиваленты, логики наименований, сопоставительный анализ.

В статье раскрываются особенности народных названий лекарственных растений, записанных известной польской писательницей, Э. Ожешко, в западных районах современной территории Беларуси. Приводятся номинативные эквиваленты этих растений в белорусском, русском и польском языках. В результате проведенного анализа делается вывод о возможных логических основаниях возникновения народных названий и отражении в них особенностей белорусского языка.

На протяжении тысячелетий люди накапливали знания об окружающем растительном мире, познавали возможности их использования в быту, давали им названия, в основе которых лежали, как правило, замеченные людьми особенности этих растений, их внешние либо внутренние свойства. Изучая сегодня эти названия, мы как бы прокручиваем в обратном порядке историю формирования и развития мировоззрения и миропонимания людей. С другой стороны, изучение таких названий в сопоставительном плане дает сегодняшнему исследователю более глубокое понимание истоков и причин общности и специфичности исторических лингвистических и этнографических процессов, сформировавших современные языки. Именно по этой причине язык является основным и универсальным средством познания среды, в которой в разные эпохи обитал человек, и самого человека.

В одном из своих произведений «Ludzie i kwiaty nad Niemnem» [1] известная польская писательница, Э. Ожешко, описывая нравы и быт белорусского крестьянства в середине XIX века, отмечает удивительную, на ее взгляд, вещь: большинство людей, с которыми она встречалась в своих экспедициях, не умевшие ни писать, ни читать, очень хорошо знали огромное количество названий различных растений, произрастающих в их краях (северо-запад современной Беларуси – *Л. В.).* Они могли подробно и с увлечением рассказывать о свойствах этих растений, когда и как их можно применять в лечебных целях. «Сидя за столом, усыпанном принесенными цветами, – пишет Э. Ожешко, – Марыся Карасёва с удовольствием пьет чай и четко рассказывает, где и как используется то или иное растение» [4, 691]. *(Здесь и далее в тексте перевод с польского наш – Л. В.).* В 1887 году в письме к приятелю Яну Карловичу, главному редактору журнала «Висла», Э. Ожешко вспоминает: "Я занималась очень живо и с большим интересом миром растений, их классификацией, преследуя цель познания взаимоотношения людей с окружающей их природой. Моя мечта – подготовить в следующем году для какого-нибудь этнографического сборника словник лекарственных растений местной флоры, имея ввиду две задачи: ботаническую и народоведческую, или отношение людей к растительному миру…» [2].

Интерес Э. Ожешко к этнографии и народному языку на территории современной Беларуси – характерная особенность середины XIX века. Это время активного интереса к жизни простого народа в связи с активизацией формирования народного самосознания, выливавшегося несколько раз в трагические события народных восстаний. Польские и белорусские этнографы, а среди них выделялись, в первую очередь, И. Лелевел,

А. Киркор, Я. Чечот, Я. Карлович, Б. Грабовский, видели свою цель в изучении особенностей народных говоров, поскольку именно в этом – в языке – видели они основные признаки, характеризующие население той или иной территории как самостоятельный этно. Этнографические исследования территории Беларуси включали собрание народных преданий, легенд, пословиц и поговорок, песен, описания народного быта и уклада жизни. В ряду исследователей народной культуры и языка далеко не последнее место занимает и собирательская деятельность Э. Ожешко. С огромным интересом и старанием она собирала и записывала народные названия растений, в первую очередь, лекарственных трав. Записи Э. Ожешко перерастают в своеобразный словарь, включающий около 300 различных народных названий местных растений.

Сегодня эти записи чрезвычайно интересны языковеду – исследователю истории языка. Во-первых, они демонстрируют историю формирования важной и распространенной группы лексики, во-вторых – показывают особенности словообразования и формообразования изучаемых лексем, и в-третьих, изучаемая в сопоставительном плане на фоне других языков, эта группа лексики дает возможность судить о наличии-отсутствии общей логики наименований н внутренней формы номинаций.

Некоторые исследователи словника Э. Ожешко указывают на определенную лингвистическую ограниченность приводимых номинаций, упрекая составительницу в том, что она приводит только одно значение слова, игнорируя другие значения [1, 221]. Но цель Э. Ожешко иная. Ей (и нам сегодня с ее помощью) важно и интересно увидеть в названии растения (травы, цветка) человека, который так его назвал, закладывая в это название свой жизненный опыт и опыт своих предков.

Обратимся к некоторым примерам из записей Э. Ожешко, дополнив их с целью сопоставительного наблюдения соответствующими номинативными эквивалентами из белорусского, русского и польского языков.

Широкому кругу читателей, как и специалистам, достаточно нелегко ориентироваться в записях Э. Ожешко, поскольку они отражают диалектные формы, бытовавшие на сравнительно небольшой территории и часто неизвестные на других территориях. И подбор соответствующих номинативных эквивалентов в других языках далеко не всегда очевиден. Иногда возможны ситуации, когда лексически одно и то же название в разных диалектах на самом деле относится к разным растениям. Поэтому для объективизации результатов наблюдений исходим из общих латинских форм названий, тщательно и профессионально подобранных собирательницей для каждого названия и сверенных нами с данными «Определителя растений Белоруссии» [3].

Kluczyki (букв. ‘ключики’) – Primula officinalis. Совр. бел. першацвет, русск. *первоцвет лекарственный*, болг. *примула*. польск. *Pierwiosnka (kluczyki).*

Swiokla – Lithospermum arvense. Совр. белор. *верабейнік (палявая ніца*), русск. *воробейник*, польск. nawrót polny. Ср. в совр. русск. *свёкла*, которое к данному виду отношения не имеет

Konski malaczaj – Hieracium – Совр. белор *ястрабок*, русск. *ястребинка*, сербск. *јастреб*. польск. *jastrzębiec.*

Turecki piarec (букв. ‘турецкий перец’) – Carex vesicaria. Совр. белор. *асака,* ру *осока*, болг. *острица*, польск. *turzyca pęcherzowata* (букв. ‘*осока мочевого пузыря*’, что, вероятно, связано с лечебными свойствами растения).

Sardesznik (бук. ‘сердечник’) – Polygola vulgaris. Судя по названию, это растение применяется при сердечных заболеваниях. Однако в качестве польского эквивалента собирательница приводит номинацию *krzyžownica pospolita*. Однако русск. соответствие польскому *krzyžownica – лягушка*, что, в свою очередь, не соответствует латинскому термину. Совр. русск. соответствие *истод* (в говорах *лисохвост)*, совр. белор. *крапінец* (в говорах – *лісіны хвост, лісахвост*), в болг. *обикновена лисича*.

Żywotaparuszeniac (букв ‘порушитель живота’). Другое название **psia miata** (букв. ‘собачья мята’) – Veronica chamaedris. Совр. белор. *крынічнік* (*вераніка*), русск. *вероника*, болг. *вероника*, польск. *przetacznik łąkowy*.

Swirepka – Raphanus raphanisticum. В совр. белор. *свірэпіца*, чаще известная как *рэпа звычайная.* Однако форму *свірэпка* и до сегодняшнего дня можно встретить даже в центральных и восточных регионах Беларуси. В совр. русск. *сурепица* (*репа обыкновенная),* в болг. *обикновена ряпа,* в польск. *rzepica pospolita*.

Paruszenik (или **pfruszeniec**?)-**macicznik** (букв. ‘расслабитель утробный’) – Comarum palustre. В совр. белор. *шабельник* (в говорах – *валасы лугавыя, сямігарэлка*). Русск. *сабельник болотный*, болг. *блатна сабя*, польск. *siedmipalecznik blotny* (букв. ‘семилишайник болотный’).

Sonczyki – Geum rivale. Совр. белор. *панікніца* (в говорах – *лялечны кулон*), в русск. *гравилат* (*кукольный кулон*), в польск. *kuklik zwisly*.

Żywotnik – Helianthemun vulgare. В совр. белор. *сонцацвет*, русск. *солнцецвет*. Сравним также с латинским Helianthem – ‘подсолнух’. Э. Ожешко считает, что польским эквивалентом этого названия является *posłonek pospolity,* что соответствует белор. *ежа звычайная*, русск. *обычная еда*, болг. *общо хранене*. Это же и в английском – *common meal*. Однако в современном польском языке есть и слово *żywotnik*, что соответствует русскому *туя*.

Rycytnik – Sedum acre. Совр. белор. *расходнік*, русск. *очиток едкий*, болг. *тлъстига*, совр. польск. *rozchodnik.*

Bobek – Menyanthes trifoliate. Совр. белор. *бабок,* русск. *вахта* (*трифоль*), польск. *bobrek trójlistny*.

Sabacze mylo (букв. ‘собачье мыло’) – Herniaria glabra. При растирании листьев этого растения выделяется пена, похожая на мыло, отсюда, указывает собирательница, и название. Совр. белор. *гладун*, русск. *грыжник* (в названии зафиксировано лечебное свойство растения), польск. *połoniczek gładki*.

Dziarozka – Stellaria graminea. Совр. белор. *дзераза* (в говорах *зоркаўка*), русск. *плаун* (в говорах *звездчатка*), польск. *widłak* (или *gwiazdownica*). Э. Ожешко считает, что два последних польских названия обозначают похожие, но разные растения.

Kamieła bieła (**kaszka** у шляхты) – Galium boreale. Совр. белор. *маруна* или *повіліца*, русск. *подмаренник*, польск. *przytulja północna*. Сравним в современных народных говорах широко известна *кашка* – ‘*клевер*’.

Uražnik (или **zahartuszka**) – Orchis latifolia. Совр. белор. *ятрышнік*, русск. *ятрышник широколистный*. польск. *storczyk szerokolistny*. Название растения связывают с тем, что оно обладает сильной таинственной силой, способной *urazic* (поразить) человека, его корень выглядит необычно и похож на пять согнутых пальцев человеческой ладони.

Ajer – Iris pseudacorus. Совр. белор. *касач* (расположение его цветов похоже на косы). Однако практически на всей территории Беларуси встречается и сегодня название *аер*. Русск. *ирис* (закрепилась латинская форма), но в говорах, как отмечается и в словаре, В. Даля, чаще встречается другое название – *татарник*. В польск. *kosacjec żółty*, потому что цветет желтыми цветами. Народное название *ajer* могло закрепиться ввиду наличия в корневище эфирных масел, которые и сегодня используются в фармакологии и парфюмерии.

Koniki (у шляхты, у крестьян **Hramotnik**) – Trifolium alpestre. Совр. белор. *канюшына*, русск. *клевер*, польск. *koniczyna lesna*. «*Koniki* – одно из наиболее употребляемых крестьянами растений при болях в желудке и в груди», – замечает, Э. Ожешко.

Достаточно обширную группу народных белорусских названий растений составляют названия, образованных с использованием исходного слова *заяц*.

Zajczyki – Gnafalium divicum. Совр. белор. *сушаніца*, русск. *сушеница*, польск. *szarota, kochanki dwudomowe* (букв. ‘любовники двудомные’).

Zajaczy son – Pulsatilla pratensis. Совр. белор. *сон*, русск. *прострел*, польск. *sasanka zwisła*.

Zajaczy ajer – Iris sibirika. Совр. белор. *вясёлка* (*касач*), русск. *ирис, радуга сибирская*, польск. *Kosacjec sybirski*.

Zajaczy asot – Carlina vulgaris. Совр. белор. *урочнік*, русск. *колючник* (вероятно, по форме листьев, которые имеют колюче-зубчатую форму), польск. *dziewięcsil pospolity*.

Zajaczy mak bielyj – Anemone sylwestris. Совр. белор. *ветрагонка*, русск. *ветреница*, польск. *zawilec lesny* (‘лесной анемон’), болг. *съсънка* (‘букв. кошмар’).

Zajacze uszko – Polygonatum anceps. Совр. белор. *купена*, русск. *купена*, польск. *kokoryczka właściwa* (‘хохлатка’), болг. *Соломон печат* (Соломонова печать).

Приведенные здесь примеры из записей Э. Ожешко в сопоставлении с современными формами и вариантами названий этих растений дают нам возможность размышлять не только о собственно названиях растений, но и говорить об особенностях языка информантов собирательницы. И здесь обращает на себя внимание интересный факт: записанные польской писательницей близким ей латинским письмом слова и словосочетания совершенно специфичные, не свойственные польскому языку как по форме, так и по отраженным в них фонетическим особенностям. Например, *piarec* (в польск. *pieprz*), *zajczyki* (в польск. *zajączki*), *kluczyki* (в польск. *klucze*), *mylo* (в польск. *mydło*), *son* (в польск. *sen*), *bielyj* (в польск. *biały*), *zahartuszka*, *hramotnik* (здесь *h* указывает на наличие [г]-фрикативного, в польском – [g]).

В настоящее время не существуют словари, в которых бы последовательно и полно приведены были общепринятые эквиваленты к существующим, а тем более записанным в прошлом, диалектным названиям растений. Отсутствие таких справочников может приводить к недоразумениям в межъязыковых контактах. Например, Э. Ожешко приводит название одного из лечебных растений, широко известное на исследуемой ею территории, – *Konski malaczaj*. Приводится и его латинское название – Hieracium, и польский ботанический эквивалент – *jastrzębiec*. Однако ни один из переводных словарей не дает нам варианта названия этого растения в других славянских языках, в том числе и в русском и белорусском. Электронные версии переводных словарей подают в большинстве случаев лишь латинский вариант. И только через «Определитель растений», да и то в отдельных случаях, сегодня уже можно установить, о каких растениях идет речь в словнике Э. Ожешко. Да и то при условии правильности приведения латинской формы. Это существенный пробел в современном сопоставительном славянском языкознании. Его восполнение поможет значительно расширить наши знания о истории формирования народных номинаций растений, имевших непосредственное влияние на жизнь человека.

Литература

1. Burzyńska, A. B. Zioło – trawa – łąka. Kilka uwag w świetle faktów z języka i kultury / A. B. Burzyńska, J. Kamieniecki // Świat roślin w języku i kulturze / Pod red. A. Dąbrowskiej i, I. Kamińskiej-Szmaj. – Wrocław, 2001. – 281 s.

2. Kielak, Anna Maria. O kresowym zielniku Elizy Orzeszkowej / Anna Maria Kielak [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // pawet. net / library / history / city_district / data_people / dzieiachy_mastactwau / azhieshka / O_kresowym_zielniku_Elizy_Orzeszkow ej. html. – Дата доступа: 12.01.2020.

3. Определитель растений Белоруссии / Под общ. ред. чл. -корр АН СССР Б. К. Шишкина, акад. АН БССР М. Н. Томина и докт. биолог. н. М. Н. Гончарика. – Минск, 1967. – 872 с.

4. Orzeszkowa, E. Ludzie i kwiaty nad Niemnem / E. Orzeszkowa // Wisla. T. II. – 1888. – S. 75–703.

L. M. Vardomatsckiy
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vard_L@tut.by

Folk names of Plants of Belarus in the Records of E. Ozhesko

Key words: folk dialects, plant names, nominative equivalents, logic of names, comparative analysis.

The article reveals the peculiarities of the popular names of medicinal plants recorded by the famous Polish writer E. Ozeszko in the western regions of the modern territory of Belarus. The nominative equivalents of these plants in the Belarusian, Russian and Polish languages are given. As a result of the analysis, a conclusion is drawn about the possible logical grounds for the emergence of popular names and the reflection in them the features of the Belarusian language.

А. Ю. Гилевская
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
e-mail: a_gilewska@rambler.ru

УДК 321.161.1-1:811.161.1(470+571)

Родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной

Ключевые слова: родной язык, родной край, цитата, номен, культурная память.

В статье рассматриваются особенности обращения к родному слову и родному русскому языку современного поэта Ирины Аргутиной, живущей в г. Челябинске. В её творчестве родное слово служит в первую очередь маркером культурного кода, обращением к общей с читателем памяти, всегда тесно связанной с родным краем.

Ирина Марковна Аргутина (род. 1963) – российский поэт, член Союза писателей России, член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель», автор восьми поэтических книг. Живёт в г. Челябинске [4].

В творчестве Ирины Аргутиной родной язык – в тесной связи с родным краем и культурной памятью – занимает одно из ведущих мест. Несмотря на то, что непосредственно образ родной речи и / или русского языка встречается только в двух стихотворениях автора, мотивы слова как такового и слова, тесно связанного и порою даже вдохновлённого родными местами, очень часто возникает в её поэзии.

Рассмотрим два стихотворения, в которых непосредственно встречаются апелляции к русской речи. Небольшое безымянное стихотворение завершается фразой «*Ты всё ещё слегка говоришь по-русски?*». Стихотворение сложно для понимания, многогранно и аллегорично, но, так или иначе, сохранение способности к речи, к говорению по-русски однозначно является в нём для лирического героя маркером сохранения себя:

Не то беда,
что вылупился отсюда,
а то, что к благу не привести и силой.
Позаносило
русла больных сосудов
песком и илом.

Скрипит стекло песка.
Проползи по руслу.
Ты всё ещё слегка говоришь по-русски? [1].

Это стихотворение – как будто своеобразная проверка в общении лирического героя и того, к кому он обращается: ты всё ещё со мной после пережитого? Насколько тебя изменило то, что произошло? Мы до сих пор друг друга понимаем?

Второе прямое обращение к образу родной речи наблюдаем в стихотворении «Поле», однако в данном случае эта апелляция гораздо менее акцентна:

Понимаешь родную речь?
Это Поле. Здесь хорошо.
Не тебе его пересечь.
Ну куда ты, дурак, пошёл?! [1].

На первый взгляд кажется, что вопросительная фраза «Понимаешь родную речь?» в этом случае полностью синонимична фразе «Ты меня слышишь?», однако при ближайшем рассмотрении наблюдается, как нам представляется, оказывается, что в этих словах заключена уже знакомая нам концепция осознания понимания речи как маркера существования, присутствия в определённом духовном пространстве. Причём это присутствие в известной степени обманчиво: характерный для русской культуры концепт поля, некоей связи с архетипичным для русской же культуры образом дурака, действующего вопреки, позволяет предположить, что апелляция таким образом к разуму, наоборот, ставит вопрошающего в позицию непонимающего важных для осмысления культуры концептов – непонимания того, что стоит **за** речью.

Кроме того, сам концепт слова в стихах Ирины Аргутиной часто связывается с творческим актом: слово становится выразителем эмоций и переживаний, слово маркирует создателя текста как поэта, слово является главным инструментом авторской рефлексии. Именно подобным образом эта рефлексия реализуется в одном из стихотворений поэтесссы, фрагмент которого приводится далее:

Ищешь прозрачное слово – а что находишь?
И все равно произносишь. А чувство меры
не в состоянии строгой своей печатью
остановить теченье часов и речи [2, 14].

И именно это погружение в сферу творчества, этот метатекст о создании текста, «слово о слове» формирует, с нашей точки зрения, и некий дополнительный уровень восприятия в поэзии Аргутиной.

В оппозиции к слову находится **безмолвие**; в стихотворениях Ирины Аргутиной немота, невозможность говорить, отсутствие слова – это маркер наиболее тяжёлого состояния духа лирического героя (героини), некоего максимального отрыва его от собственной личности, потери последней надежды, за которую ещё цеплялось «я» в попытках удержаться, – ср., например::

… но когда не находится слов,
начинается тихая паника
бессловесно угрюмых миров,
что безмолвием порождены [1].

Для индивидуально-авторской манеры поэтессы характерны также обращения к знаковым для русской культуры – и литературы в первую очередь – фигурам. Так, например, в одном из рассматриваемых стихотворениях дважды (в повторе) упоминается имя А. С. Пушкина – фигуры, как отмечает сама Ирина Аргутина, знаковой для неё (как для автора) и при этом, разумеется, ключевой для русской культуры: «*Ветер, ветер, ты могуч. / Пушкин, Пушкин, ты везуч*» [2, 125]. Для ещё одного из стихотворений в качестве эпиграфа взяты известные пушкинские строки: «*На свете счастья нет,*

но есть покой и воля. А. С. Пушкин» [2, 128]). Аргутина прибегает к интертекстуальному осмыслению русского слова, погружаясь в сферу узнаваемого и всеобщего, однако сохраняя при этом характерную для её поэзии парадоксальную оппозицию: крайней интимности лирики и некого отстранения, выдержанной дистанции между собой и читателем.

Интертекстуальность – категория, характерная для поэтессы не менее, чем метатекст; при этом реализуется она не только на уровне обращения к значимым номенам, но и в прямой цитации:

и не пугает трюм,
и много ли последствий:
бессонница, Гомер,
тугие паруса [2, 178].

Интертекстуальные связи очень важны для поэтики Ирины Аргутиной. Основываясь в первую очередь на них, постоянно апеллируя к культурной памяти читателя поэтесса, создаёт своеобразный культурный код – код, адресованный «своим». Этот мотив явственно прослеживается, в частности, в пьесе в стихах И. Аргутиной «Помни о жизни!», где герои сходятся именно благодаря этому культурному коду, общей памяти.

Как уже упоминалось выше, родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной тесно переплетаются с родным словом. При этом важную роль в творчестве поэтессы играет и **топос**: многие стихотворения прямо или косвенно связаны с Челябинском – городом, в котором Ирина Аргутина прожила всю жизнь. Одно из самых «насыщенных» топонимами её стихотворений – «Возвращение к цикадам», которое постоянно включается в разные сборники произведений И. Аргутиной, что позволяет сделать вывод о его особой значимости для всего творческого дискурса поэтессы – ср., например:

Дым отечества там, где север.
Рыжий запах смолы и серы,
он плывёт на восток и юг
от геенны металлургии [2, 81].

Несмотря на очевидную локализованнность текста, очевидную его связь с определённым топосом, в стихах И. Аргутиной чувствуется какая-то «всехность», узнаваемость описываемого географического объекта не только жителями Челябинска. Предельно мифологизированный и эстетизированный город в её творчестве становится абстракцией российской провинции, а конкретная топонимика сводится служит в первую очередь средством передачи знакомых каждому чувств, выражаемых через слова привязанности к родному месту, непредугаданности, казалось бы, изученного пространства, чуткости к изменению хорошо знакомого мира.

Рецензент первых сборников Ирины Аргутиной О. Старостина отмечает: «И я, никогда не бывавшая на Урале – горном, металлургическом, индустриальном, осеннем или весеннем, – узнаю в этих улицах, дощатых домиках и «фасадах парадных» свою малую родину, открываю, так сказать, Челябинск в собственной душе» [5]. Это ощущение Челябинска в собственной душе в творчестве Ирины Аргутиной, как нам представляется, может быть расширено до России в душе: поэтесса часто обращается к образу России как таковой, России в контексте её истории и культуры.

Таким образом, обращение к родному слову и русскому языку в поэзии Ирины Аргутиной служит в первую очередь маркером культурного кода, обращением к общей с читателем памяти. Эта связь обусловливается общим с читателями знанием культурно-исторических канонов, апелляцией к значимым номенам, узнаванием интертекстуальных вкраплений (прежде всего – прямых цитат), а также непосредственным включением в поэтические произведения образов большой и малой родины. Слово для поэтессы – это порождающий творческий акт, который, благодаря преемственности поэзии, позволяет приобщиться к богатству русской культуры.

Литература

1. Аргутина, И. М. Время Поить Пески / И. Аргутина // Журнал Самиздат. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://samlib.ru/p/petrushkin_a_a/argutina.shtml. – Дата доступа : 25.02.2020
2. Аргутина, И. М. Избранное. Стихотворения, поэмы, пьеса в стихах / И. Аргутина // Челябинск : Книга, 2009.
3. Аргутина, И. Птица из урочища Челяби : (опыт автобиографии) / И. Аргутина // 45-я параллель : поэт. альм. – [Б. м., 2012. – Вып. 22 (226)]. – [Электронный ресурс]– Режим доступа : http://45parallel.net/irina_argutina/, свободный. – Загл. с экрана. – Дата доступа : 25.02.2020
4. Ирина Аргутина // Энциклопедия «Уральская поэтическая школа» / [авт. проекта и гл. ред. изд. В. О. Кальпиди]. – Челябинск : Изд. группа «Десять тысяч слов», 2013. – С. 48–51.
5. Старостина, О. Три лика уральской музы: поэт в черно-белом времени / О. Старостина // Лит. Россия. – 2005. – 19 авг. (№ 33–34).

A. Gilewskaia
South Ural State University
e-mail: a_gilewska@rambler.ru

Native Language and Native Land in the Irina Argutina's Poetry

Keywords: native language, native land, citation, nomen, cultural memory.

The article discusses the features of the appeal to the native word and Russian language of the modern poet Irina Argutina, who lives in the city of Chelyabinsk. In her work, the native word serves primarily as a marker of the cultural code, an appeal to the memory common with the reader, always closely connected with the native land.

Л. Я. Глазман
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: lubov_glazman@bk.ru

УДК 821.161.3.09

Выкарыстанне народнай мовы як мастацкі прыём у беларускай літаратуры XIX стагоддзя

Ключавыя словы: беларуская літаратура, XIX стагоддзе, народная мова, пародыя, сатыра.

У артыкуле даследуецца феномен наўмыснага ўключэння ў беларускамоўныя мастацкія тэксты XIX стагоддзя іншамоўных словаў і выразаў. Сцвярджаецца, што беларускамоўныя аўтары (Я. Чачот, В. Дунін-Марцінкевіч, А. Гурыновіч, Ф. Тапчэўскі, А. Рыпінскі, А. Абуховіч, інш.) выкарыстоўвалі польскую, рускую, французскую, лацінскую мовы ў змяшэнні з беларускай дзеля дасягнення пэўнага мастацкага эфекту. Раскрываюцца перадумовы і спецыфіка выкарыстання народнай мовы ў беларускай літаратуры пазначанага перыяду.

Праблемы, звязаныя з роднай мовай, спецыфікай яе бытавання, выкарыстання і – як ні дзіўна, але абсалютна дакладна – існавання чырвонай ніткай праходзяць праз увесь беларускі літаратурны працэс. Можна беспамылкова адзначыць, што моўнае пытанне, якое зарадзілася і адразу паўстала рубам адначасова з узнікненнем новай беларускай літаратуры, узмацняючыся ва ўласна беларускамоўных тэкстах аўтараў XIX, а потым і XX стагоддзя, працягвае заставацца адной з асноўных тэм у сучаснай літаратуры.

Пра гэта сведчыць не толькі праблематыка і ідэйная накіраванасць твораў маладых аўтараў (Альгерда Бахарэвіча, Андрэя Адамовіча, Вальжыны Морт, Віктара Марціновіча, інш.), але і разнастайныя варыяцыі выкарыстання мастацкіх моўных сродкаў для ілюстрацыі свядомасці беларусаў. Радыкальнай праявай такой рэпрэзентацыі нацыянальнага можна назваць напісанне мастацкіх тэкстаў на беларуска-рускай "трасянцы" (Каміла Цень, Анка Упала, Дуня Марцінкевіч).

Першыя ж праявы выкарыстання моўных сродкаў для пазначэння праблемы бытавання беларускай мовы і ўвогуле беларускай нацыі ўзніклі разам з пачаткам узняцця аўтарамі адпаведных праблем яшчэ ў XIX стагоддзі. Спавадавала іх з'яўленне вялікая колькасць фактараў. Перадусім падзелы Рэчы Паспалітай, палітыка чужых для былога ВКЛ царскіх уладаў, накіраваная на асіміляцыю і змяншэнне ўплывовасці беларускай шляхты, якое садзейнічала паступоваму збліжэнню польскамоўнага шляхецкага і беларускамоўнага сялянскага саслоўяў. Рабілі сваю справу вымушаныя антыўрадавыя акцыі, што выліваліся ў сярэдзіне XIX ст. у паўстанцкі (а пазней народніцкі, рэвалюцыйны) рух. Можна таксама "вярнуцца" ў пачатак стагоддзя і назваць уплыў французскай мовы і рамантызаванага вобразу Напалеона на дваранскае асяроддзе, адлюстраваны надзвычай яскрава ў рускай нацыянальнай літаратуры; у беларускай, тым не менш, таксама адчуваюцца яго водгаласы (хоць напалеонаўскія войны на беларускую літаратуру ў значна большай ступені паўплывалі не ў моўным або культурным сэнсе, а ў ідэйным, паколькі звязваліся з надзеямі на вызваленне з-пад улады Расійскай імперыі і на адраджэнне Рэчы Паспалітай).

У сувязі з вышэй пазначаным, бачыцца лагічным і актуальным звярнуцца да тых твораў беларускай літаратуры XIX стагоддзя, што былі напісаны па-беларуску з выкарыстаннем моў, якія ўплывалі на развіццё нацыі і ідэнтыфікацыю беларусаў у дадзены перыяд. Мы не разглядаем тыя ўзоры прыгожага пісьменства, у якіх спалучэнне польскай і беларускай або беларускай і рускай моў з'яўляецца натуральным аўтарскім спосабам выказвання думак, ненаўмысным уплывам іншай мовы ў час, калі беларускія моўныя нормы толькі пачыналі фарміравацца. Аднак вельмі распаўсюджанай з'явай гэтага перыяду становіцца свядомае ўжыванне чужой мовы як мастацкі прыём дзеля ілюстрацыі пэўнай пісьменніцкай думкі.

Моўнае размежаванне, якое спрыяла з'яўленню рознага тыпу беларускамоўных тэкстаў з ужываннем польскіх украпванняў рознага маштабу, бярэ свой пачатак ад сацыяльнага расслаення ў беларускім грамадстве XIX стагоддзя на паноў і мужыкоў. Палітычная сітуацыя ў краіне складвалася такім чынам, што валоданне польскай мовай станавілася адным з галоўных паказчыкаў элітарнасці, прывілеяванага паходжання і адукаванасці, у процівагу беларускамоўнаму сялянскаму насельніцтву. З першых дзесяцігоддзяў даследуемага перыяду і да пачатку рэвалюцыйных гадоў XX стагоддзя самыя розныя аўтары звярталі ўвагу на гэтае моўна-саслоўнае размежаванне, пачынаючы з паэтаў філамацкага руху (Я. Чачота), макаранічнай паэзіі сярэдзіны стагоддзя А. Рыпінскага, твораў Ф. Тапчэўскага і заканчваючы ўплывовымі класікамі беларускай літаратуры: В. Дуніным-Марцінкевічам, А. Гурыновічам.

Традыцыйны для філаматаў вітальны верш-прысвячэнне, прызначаны для зачытвання падчас сяброўскай сустрэчы, ператвараецца пад пяром аднаго з першых беларускамоўных паэтаў Віленскага студэнцкага асяроддзя Я. Чачота ў камічную драматызаваную паэму, заснаваную на парадыйных мастацкіх сродках. "Яжовыя імяніны" (1819) напісаны з нагоды імянінаў старшыні таварыства Юзафа Яжоўскага. Аднак Я. Чачот у ім не столькі віншуе сябра, сколькі праводзіць уласную нацыянальную пазіцыю. Робіць ён гэта ў час, калі дзеці паўстанцаў пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі дбаюць пра адраджэнне Польшчы, не вылучаючы літвінскія землі як тэрыторыю з адрознай нацыянальнай і моўнай супольнасцю. Адметнымі з'яўляюцца

і моўная, і кампазіцыйная будова твора. Выбар беларускай мовы (хоць і з дастатковай колькасцю паланізмаў) абумоўлены нацыянальнай праблематыкай паэмы. З першых радкоў даведваемся, што галоўны герой, пан Яжоўскі, украінец, які пагарджае беларусамі, іх жыццёвымі рэаліямі, беднатой. Тым не менш, словы з вуснаў самога Яжоўскага гучаць па-польску: "…сказаў: "Як бжыдка мешкаюць ліцвіне!" [4]. Далейшае дзеянне разгортваецца як прэзентацыя жыцця ў беларускай вёсцы, дзе "вельмі хароша! Хаты злепкі з гною" [4]. Фармальна пабудаваны як сустрэча сялянамі пана, твор кампазіцыйна ўключае два хоры (дзяўчат і хлопцаў). Гэты бурлескны прыём ствараецца, між іншым, і за кошт моўных сродкаў. Сялянская гутарка ў Чачота таксама захоўвае паланізмы, але ў значна меншай колькасці, чым у іншых апавядальнікаў, прытым большайсць паланізмаў фанетычна набліжаны да беларускай мовы. Калі ў рэпліцы Яжоўскага чытаем: "бжыдка" [4], то хор спявае: "брыдка" [4]. Акрамя таго, у вуснах хора гучаць свядома ўжытыя аўтарам фанетычна апрацаваныя запазычанні: "кцэ", "карыстаць", "грэчны" [4]. Чачот рэгулюе ўжыванне польскай мовы ў залежнасці ад таго, пра каго ідзе гаворка. Калі сяляне распавядаюць пра сябе, мова амаль пазбаўленая паланізмаў. Затое ў дачыненні да панскага саслоўя чытаем: "Аб вашэці гутарылі: // У ксенжках заслепен вшытка, // Да панаў се не пшымілі"; "А цо? Як жэ сен здае пану Язэпові? // Чы адмовіш пахвалы нашэму спевові? // Хоця ж мы не шукаем жаднэй стонд пахвалы" [4]. Відавочна, у дадзеным кантэксце польска-беларуская мяшанка гучыць як здзек і аданчасова паказвае, як няпроста героям сябе пераадолець, ужываючы ненатуральную для іх мову.

Парадыйна-бурлескным бачыцца вобраз жонкі "справніка", "ктора лежанц пад ценём выцеклэй бярозы // чытала, ушыстка крычанц: "Козы мае, козы. // Дапнісе, муй каханы, поверні, Дапнісе…" [4]. Наўмыснае скажэнне імя антычнага героя дадае камізму ў сітуацыі неадпаведнасці паміж жаданнем жанчыны, што, як астатнія сяляне, пасвіць коз, уяўляць з сябе грэчаскую гераіню, прадстаўніцу эліты. Дзясяцкі ж заўважае, што, нягледзячы на простае паходжанне і нізкі сацыяльны статус, у такіх, як ён, затое "не для прапорцы ест на карку гловы" [4].

Падобны жартоўны тон дазваляе аўтару не толькі пакпіць з уяўнай "польскасці" і далікатнасці беларусаў, але і давесці думку: "Што мы па-рускі пеем, а нашы панове // Па-польскі ўсё гавораць; кепска нашай мове!" [4]. Сляпое перайманне чужой мовы, грамадскай сістэмы, мадэлі паводзінаў выглядае недарэчна і шкодзіць грамадству.

Пасля выкрыцця тайных таварыстваў, рэакцыі царскіх уладаў на паўстанне 1831 г. грамадскі і культурна-літаратурны рух некаторы час развіваўся ў вельмі неспрыяльных умовах. Жорсткая цэнзуза запавольвала распаўсюджанне твораў, з'явіўся значны пласт ананімнай літаратуры. Сярод яскравых прыкладаў такой "праблематычнай" літаратуры – верш І. Легатовіча "Скажы, вяльможны пане" (1838), пасля выдання якога альманах, дзе яго надрукавалі, быў канфіскаваны ўладамі, а яго рэдактары прыцягнуты да адказнасці. Верш уяўляе сабой антыпрыгонніцкую гутарку (распаўсюджаны ў беларускай літаратуры гэтага перыяду жанр, роднасны польскім гавэндам). Гутарка пабудаваная ў форме дыялога паміж мужыком, што задае па-беларуску правакацыйныя пытанні, і панам, які адказвае па-польску: "А тобе, хлопе, цо до тэго?" [4]. Сатырычны эфект ствараецца за кошт таго, што, у той час, як мужык здольны зразумець і перадражніць словы пана, адказаць яму павучаннем, пан не можа нават патлумачыць уласных дзеянняў.

Другі прыклад двухмоўнай літаратуры міжнаўстанцкіх дзесяцігоддзяў – макаранічныя вершы "Плач пакінутага каханай" і "За пенкнай паненкай", прыпісваемые творчасці А. Рыпінскага, – добра ілюструе парадыйную сітуацыю, калі мясцовая шляхта, што мела вялікія культурныя і сацыяльныя прэтэнзіі, у рэальнасці станавілася ўвасабленнем засцянковасці і правінцыйнасці, ідучы ўслед за моднымі тэндэнцыямі, якія неадпавядалі яе сапраўднаму статусу. У вершах Рыпінскага высмей-

ваецца ненатуральнасць перабольшана рамантызаваных пачуццяў пана, што перадаецца праз наўмыснае спрашчэнне рыфмы, недарэчнасць ужытых – змешаных з дзвюх моў – словаў. Напрыклад, у пана, калі ён не бачыць сваёй каханай паненкі, “бардзо болі глова – уцякае сіла” [2, 70].

Цікава, што пазней, праз паўстагоддзя, традыцыя беларуска-польскага двухмоўя як прыёму камізму або сатыры працягваецца паэтам Ф. Тапчэўскім у вершы “Ён і яна” (1890). Увогуле, для верша характэрна спалучэнне мастацкіх традыцый, у тым ліку, паэмы “Тарас на Парнасе”. Галоўны герой – малады селянін, што заснуў падчас пільнавання панскіх пчол і стаў выпадковым сведкам пэўных стасункаў паміж панскім сынам і паненкай. Ідучы ўслед за К. Вераніцыным не толькі ў кампазіцыйным, але і ў стылістычным плане, Ф. Тапчэўскі ўкладвае ў вусны свайго героя зніжаную лексіку, варварызмы: “Паніч наш валіць…”, “паставіў пруцця дыбаром”, “ярзане”, “ногці калупаць пачне”, “закалоціцца ўвесь”, “скалазубіць” [2, 324–325]. Такім чынам надаецца камічны эфект паводзінам паніча. Там не менш, апагеем камізму становіцца польскамоўная гутарка паміж закаханымі. Пры гэтым наратар-селянін у Тапчэўскага ў стане цалкам перадаць гутарку, а значыць, неадукаваны, занядбаны халоп разумее панскую гаворку. Але Тапэчўскі падае размову па-польску, вядома, не толькі дзеля таго, каб чытач падзівіўся розуму і кемлівасці селяніна, а таксама каб узмацніць эфект неадпаведнасці грубых, прымітыўных дзеянняў паноў (“Як кончылі, не тыя сталі, // Другую гутарку знайшлі” [2, 325]) і іх уяўнай, паказной далікатнасці, якую яны дэманструюць сваім моўным выбарам, нібыта расфарбоўваючы сябе звонку.

Дарэчы, прыведзены верш не адзінкавы прыклад двухмоўя ў творчасці Тапчэўскага. У па-мадэрнісцку экспрэсіўным вершы “Вечарынка” (188(?)), насычаным музыкай, танцамі нібы звар’яцелых ад карчомнага тлуму і мітусні паноў, музыкаў, апісанне дзеяння надзвычай шчодра здобрана гукападражальнымі дзеясловамі: “мах”, “стук”, “топ”, “фурт”, “верць”, “брык”, “цап”, “тыц”, “хваць”, “круцель”, “шлёп” (“шлёп! Абое разам селі…”), “шавырк” (“абайме за стан паненку дый шавырк каля сябе”) [2, 320]. Вядома, што абранне моўных сродкаў абумоўлена таксама вобразам наратара, які, хоць і з’яўляецца імпліцытным у вершы, усё-ткі праяўляе сябе ў пэўных момантах факалізацыі. Так, веер апавядальнік апісвае як “індычы хвост” [2, 320], што паказвае на чалавека простага, знаёмага больш з сельскай гаспадаркай, чым з прадметамі панскіх мод. Такім жа чынам ідзе і аспісанне мазуркі і кадрылі – танцаў, невядомых селяніну. Атрымліваецца, што чытач (а паэт, вядома, разлічваў на дасведчанага чытача) бачыць гэтыя модныя панскія звычаі больш абстрагавана, як чужыя. Відавочна, Тапчэўскі хацеў, каб панства больш крытычна паглядзела на сябе, нібы звонку. І тут зноў аўтар выкарыстоўвае чужую мову. Ізноў напрыканцы верша, для максімізацыі камічнага эфекту. На гэты раз гучыць горача любімая шляхтай з часоў Напалеона французская мова. Для паказу саслоўнай далікатнасці на балю яе ўжыванне, канешне, неабходна. Калі толькі не ўлічваць, што гэта не баль, а карчомная вечарынка, а выступаюць не вядомыя музыкі, а звычайныя жыды. І тут варта заўважыць, што наратар-селянін зноў цалкам перадае французскую гаворку. Гэта можы сведчыць пра некаторую яго ўмоўнасць, а значыць, і кантрастнае ўжыванне абразліва недалікатных дзеясловаў для пазнакі ўсяго дзеяння не тлумачыцца нізкім статусам апавядальніка, а з’яўляецца аўтарскім пунктам гледжання ў тэксце. У дадзеным вершы народная мова таксама выступае сродкам узмацнення камічнай сітуацыі неадпаведнасці шляхты таму ўражанню, якое яна старанна стварае.

Французскія ўстаўкі ў беларускамоўныя творы рабіў яшчэ на пачатку стагоддзя Я. Баршчэўскі. У вершы “Бунт хлопаў” (1812) прыгонныя мужыкі, якія пасля праходу французскіх салдатаў, прынамсі, на нейкі час адчулі сябе гаспадарамі разрабаваных маёнтаў, разам з французамі крычаць: “Галён!” [2, 42] (у пер.: “ідзем”). Гэта хоць і

даволі нязначны, але сродак сатыры аўтара, накіраваны, між іншым, на саміх сялянаў. Што ўсё роўна не задаволіла царскую цэнзуру, якая ўбачыла выключна рэвалюцыйныя матывы і жорстка карала за захоўванне тэкста (напрыклад, забірала ў рэкруты, як тое сталася з маладым хлопцам Паўлюком Багрымам).

Калі вярнуцца да аўтараў канца XIX стагоддзя, варта ўзгадаць Ф. Багушэвіча. Нягледзячы на тое, што паэт, відавочна, быў ворагам моўных гульняў (паколькі ў яго вершах народную мову знаходзім вельмі рэдка, выкарыстаную пераважна для фармальных сацыяльных пазнак героя), у яго паэзіі сустракаюцца эпізадычна польскія або лацінскія ўстаўкі ды ў вершы "Хто гэта?" (1886) – некалькі нямецкіх словаў, каб чытач здагадаўся, што размова ідзе пра германскага караля. Апрача гэтага, у вершы "У судзе" (1889–1890) Багушэвіч скажае беларускія словы з мэтай паказаць неадукаванасць персанажа. Затое ў эпісталярыях аўтара народная мова падаецца рэгулярна і акуратна, у двукоссях. Багушэвіч перадае чужую гаворку падкрэслена дакладна, са смакам, нібы здзекуючыся з суразмоўцы (лісты № 16, 22, 25 [1, 213, 221, 222], інш.), або ўжывае рускую мову ў дачыненні да канцылярызмаў, таксама ў двукоссях (напрыклад, ліст № 15 [1, 215]). Можна сцвярджаць, што для яго моўнае пытанне было вельмі прынцыповым, у выніку чаго крытыкаваў многіх сучаснікаў.

Адным з аб'ектаў крытыкі Ф. Багушэвіча стала мова А. Абуховіча. Пра гэта даведваемся ў адной з частак "Мемуараў" (1894) Абуховіча, якая называецца "Літаратурнае апраўданне". У ім пісьменнік даводзіць слушнасць ужывання правінцыялізмаў, сваё права "класці ў літаратуру свой прыродны дыялект беларускай мовы, даючы найлепшае з яго" [2, 346]. Крытыку Багушэвіча аўтар называе "пурытанізмам" [2, 346]. Сам Абуховіч піша па-беларуску, раз-пораз устаўляючы лацінскія і французскія выразы для стылёвага ўзбагачэння. Такія ўстаўкі – прыкмета яго адукаванасці, натуральны складнік індывідуальна-аўтарскага стылю, а таксама сварджэнне на законнае права ганарыцца старажытным, слаўным родам і ўплывовымі продкамі: "Пазываючыся ў подпісы дзядоў сваіх, грудзі мае парушае пачуццё нечага вялікага, сільнага" [2, 342], паказваючы, што сапраўднай шляхетнасці няма чаго сароміцца.

Сустракаем у адной з частак "Мемуараў" і рускую мову, якая становіцца прыкметай фармалізму і "дзяжурнага" стаўлення да пацыента кіеўскага медыка. Тут чужая гаворка сведчыць пра афіцыйны тон чалавека, які не збіраецца ісці на кантакт. Пры гэтым мова ўсіх іншых герояў з гэтай жа часткі ("Успаміны Кіева") перадаецца цалкам па-беларуску, нават прамая мова расейскага памешчыка Пушчыка, "эксдзекабрыста" [2, 339]. У дадзеным кантэксце можам смела расцэньваць моўны выбар як пазнаку павагі Абуховіча да персанажа.

У крыху іншым кантэксце руская мова ўжываецца ў А. Гурыновіча. У вершы "Што ты спіш, мужычок…" (?) яе выкарыстанне – побач з польскай – мае ўласна палітычны сэнс. І ў рускім, і ў польскім варыянце выраз гучыць як лаянка: "Сукін сын" ці "psia mać" – // Абое рабое…" [2, 328]. Аўтар пад канец стагоддзя выказвае тую нацыянальную ідэю адметнасці, самавітасці беларусаў як народа, спакутаванага ад свайго геапалітычнага становішча, што доўгі час выспявала ў народзе.

Адметны варыянт іншамоўных уставак назіраем у "Пінскай шляхце" (1866) В. Дуніна-Марцінкевіча. Судовы прыстаў Кручкоў – прадстаўнік царскай улады, а таму, вядома, вядзе пасяджэнне суда па-расейску, па-руску зачытвае ўсе "загады". Аднак яго мова – адзін з найважнейшых сродкаў стварэння сатыры, да таго ж з глыбокім ідэйным падтэкстам, бо сведчыць пра мясцовае паходжанне героя, які свядома спекулюе ўладай, кідаецца выдуманымі загадамі і наўмысна ініцыюе сутычкі недалёкіх суседзяў-шляхцюкоў. Шматлікія моўныя пераходы Кручкова ("Ну дык добра! Следство кончано, цяпер будзе суд, а наўперад: по указу всемилостивейшей государыни…" [3, 414], "Не, не магу! Знаеш, по всемилостивейшему указу нашего государя 1884 года 75 дня какой вели-

кий адказ за поблажку сторонам в уголовном преступлении? Не толькі пасаду магу страціць, но и личность подвергнется опасности" [3, 416] і г. д.) яскрава гавораць пра яго асобу прыстасаванца-беларуса, такога ж мясцовага шляхціца як тыя, каго ён абдзірае. Ён тут не проста прадстаўнік царскай улады накшталт расейцаў Рыкава і маёра Плута з паэмы "Пан Тадэвуш" А. Міцкевіча, якую, дарэчы, Дунін-Марцікнкевіч перакаладаў на беларускую мову. Кручкоў – "свой", але паслугач чужой улады, у дадатак, несумленнай і беспрынцыпнай. "Трасянка" героя становіцца яго ідэнтыфікацыйнай прыкметай, бо, акрамя іншага, выяўляе ў ім двудушнага чалавека.

Такім чынам, пытанне роднай мовы, заўсёды асабліва істотнае ў беларускай культурна-літаратурнай прасторы, з'яўляецца пазнакай не толькі ўласна моўных праблем беларусаў, але і атаясамліваецца з праблемамі існавання нацыі. Так склалася ў XIX стагоддзі і афармілася канчаткова ў "Прадмове" Багушэвіча да яго першага зборніка вершаў: "Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі" [1, 34]. У такіх умовах ужыванне няроднай мовы ў беларускамоўных тэкстах выкарыстоўваецца пісьменнікамі перадусім для кантраста, на якім актуалізуюцца праблемы нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў. Акрамя таго, як бачым, увядзенне чужамоўных рэплік дапамагае аўтарам стварыць розныя адценні сатыры, пародыі і камізму. Найчасцей такім чынам выяўляюцца недасканаласць і недарэчнасць прывілеяванага саслоўя, зацiснутага ў чужародныя рамкі моды і іншакультурных каштоўнасцяў. А улічваючы, што ў той час менавіта шляхта фарміравала перадавы грамадскі слой, інтэлігенцыю, то становяцца зразумелымі трывожныя тэксты пісьменнікаў. Большасць з іх сведчыць пра пэўную неадпаведнасць рэальнага стану шляхты і іх прэтэнзій тым ролям, якія яна павінна выконваць з пункту гледжання цвярозага розуму.

Крыніцы

1. Багушэвіч, Ф. Выбраныя творы / Ф. Багушэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 445 с.
2. Беларуская літаратура XIX стагоддзя : Хрэстаматыя : Вучэб. дапаможнік для студэнтаў філал. спец. ВНУ / склад. і аўт. камент. А. А. Лойка, В. П. Рагойша. – Мінск : Вышэйшая школа, 1988. – 487 с.
3. Дунін-Марцінкевіч, В. Выбраныя творы / В. Дунін-Марцінкевіч. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 620 с.
4. Чачот, Я. Выбраныя творы [электронны варыянт] / Я. Чачот, Мінск: Вышэйшая школа, 1996. – Рэжым доступа: http://bk.knihi.com/cacot /. – Дата доступа: 15.12.2018.

L. Glazman
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: lubov_glazman@bk.ru

The Use of a Non-native Language as an Art Reception in Belarusian Literature of 19th Century

Key words: Belarusian literature, 19th century, non-native language, parody, satire.

The article explores the phenomenon of intentional inclusion of foreign words and expressions in Belarusian-language literary texts of the 19th century. It states that Belarusian-speaking authors (E. Chachot, V. Dunin-Martsinkevich, A. Gurinovich, F. Tapchevsky, A. Rypinski, A. Abukhovich, etc.) used Polish, Russian, French, Latin languages in mixing with Belarusian one in order to achieve a certain art effect. The article reveals the prerequisites and specifics of the use of a non-native language in Belarusian literature of the period.

А. С. Дзядова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: honey.dedova@bk.ru

УДК 811.161.3’373.611:81: 908(476)

“Беларускае слова ад спеву, бо спявае ў ім даўніна”: лінгвакраіназнаўчы змест лексічнай адзінкі *талака*

Ключавыя словы: безэквівалентны, лексічная адзінка, лінгвакраіназнаўчы, талака, этнакультурны.

Артыкул прысвечаны разгляду лінгвакраіназнаўчага зместу лексічнай адзінкі талака. Аналізуецца нацыянальна маркіраваная інфармацыя, якая рэпрэзентавана ў семантыцы дадзенага наймення.

У апошні час у беларускім мовазнаўстве актывізаваўся лінгвакраіназнаўчы падыход да вывучэння лексічных адзінак з этнакультурным кампанентам значэння. Даследаванне нацыянальна маркіраваных слоў у лінгвакраіназнаўчым аспекце мае на мэце выяўленне асаблівасцей іх семантыкі, інфарматыўнага зместу, сэнсавых адценняў і канатацый на ўзроўні, максімальна набліжаным да ўспрыняцця носьбітамі пэўнай мовы і культуры.

У склад нацыянальна маркіраваных лексічных адзінак беларускай мовы, якія семантызуюць гісторыка-культурныя рэаліі нашага народа, уваходзіць найперш безэквівалентная лексіка. Безэквівалентныя словы, акрэсліваючы, як правіла, паўсядзённую сферу жыцця чалавека, звязаны сваім значэннем з яго працоўнай і гаспадарчай дзейнасцю, традыцыйнымі звычаямі і абрадамі, асаблівасцямі светапогляду ў мінулым. Безэквівалентная (найперш у рускамоўным дачыненні) лексіка беларускай мовы, надзвычай шырока прадстаўленая побытавымі назвамі, якія вызначаюцца самабытнасцю і непаўторнасцю, валодае дастаткова разгорнутай сістэмай намінацый і характарызуецца шырокім ахопам краіназнаўчых рэалій, уласцівых для матэрыяльнага побыту беларусаў. З гэтага вынікае, што безэквівалентныя словы з побытавым значэннем з’яўляюцца тымі лексічнымі кампанентамі мовы, якія найбольш выразна рэпрэзентуюць асаблівасці ўспрымання свету беларусамі. Напрыклад: бел. *бабка* – рус. *блюдо, приготовленное из запеченной тертой картошки*; бел. *бярозавік* – рус. *напиток из березового сока*; бел. *Вербніца* – рус. *Вербное воскресенье*; бел. *гладыш* – рус. *глиняный кувшин без ручки*; бел. *дратаванка* – рус. *кнут, свитый из трех веревочек, гибкий как проволока* ; бел. *нажынкі* – рус. *первое количество зерна нажатого хлеба*; *талака* – рус. *коллективная помощь, работа сообща* і інш. Лінгвакраіназнаўчы патэнцыял апошняй прыведзенай у якасці прыкладу лексічнай адзінкі якраз і выступае прадметам нашага даследавання.

Паводле “Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы”, назоўнік *талака* ўжываецца з наступнымі значэннямі: 1) ‘калектыўная дапамога пры выкананні сельскагаспадарчых работ’; 2) *перан.*‘бязладны натоўп людзей’ [6, 651]. У. Даль у свой час тлумачыў значэнне слова *толока́* як ‘расчищенное место для молотьбы, ток’, а таксама як ‘потрава скотом на корню и вытолочение трав, полей, хлеба’. Дарэчы будзе прыгадаць, што ва ўкраінскай мове талакой называлі раней пашу – месца, прызначанае для выпасу жывёлы.

Слова *талака* мае праславянскае паходжанне. Наяўнасць поўнагалоснага спалучэння *-ала- (-оло-)* сведчыць пра выкарыстанне назоўніка яшчэ ў мове ўсходніх славян часоў глыбокай старажытнасці. На думку М. Фасмера, словы *толока* и *толочь* паходзяць ад аднаго кораня [7, 73]. У сучаснай беларускай мове ўжываецца дзеяслоў *талачыць* ‘выконваць якую-небудзь работу талакою’. Як у мінулыя стагоддзі, так і сёння

лексічная адзінка *талака* даволі шырока бытуе ў побытавай сферы беларусаў. Выкарыстоўваецца яна таксама ў паўднёва-ўсходніх рэгіёнах Расіі і на Украіне.

На Беларусі з даўніх часоў талака лічылася сярод аднавяскоўцаў адной з формаў узаемадапамогі. Талакой (г.зн. гуртам, сумесна) сяляне выконвалі тыя віды земляробчай і сельскагаспадарчай працы, якія ў адзіночку ці толькі сваёй сям'ёй было надзвычай складана або зусім не пад сілу выканаць. Звычайна талакой рабілі тэрміновую або самую цяжкую і адказную працу – нарыхтоўвалі сена, жалі жыта, вывозілі на конях з поля снапы, церабілі лён або каноплі, капалі бульбу, ставілі зруб новай хаты. Так, сумесная сялянская праца была надзвычай пашырана на Палессі. Палешукі працавалі разам не толькі пры ўборцы ўраджаю, але і пры будаўніцтве мастоў, млыноў, гацяў. Сумесна вывозілі бярвенне з лесу ці гной на поле, капалі сажалкі і калодзежы, а калі трэба было, дапамагалі суседзям у будаўніцтве хаты пасля пажару, а таксама ўдовам і сіротам, жанчынам, мужы якіх былі забраны ў войска.

Даследчыкі-этнографы вылучаюць розныя віды талакі, якая была распаўсюджана сярод беларускіх сялян у другой палове XIX – пачатку XX ст.: сенакосную, жніўную, будаўнічую і інш. Звычайна на талаку ў залежнасці ад тых ці іншых жыццёвых абставін або акалічнасцей запрашаў гаспадар – чалавек, які меў пэўную патрэбу ў калектыўнай дапамозе. Як правіла, сяляне-беларусы заўсёды адгукаліся на такія просьбы, працавалі дружна, весела, згуртавана і амаль ніколі не бралі плату.

З цягам часу выкананне той ці іншай штогадовай гаспадарчай працы – пасадзіць ці выкапаць бульбу, змалаціць збожжа, зарэзаць парсючка і інш. – станавілася традыцыйным заняткам. Супольная праца згуртоўвала людзей, рабіла іх больш адказнымі, дружнымі і ўважлівымі адзін да аднаго. Паводле народных звычаяў, крайне не пажадана было адмаўляцца ад талакі, пасля заканчэння якой гаспадар, як правіла, запрашаў усіх у хату за стол, на якім стаялі розныя пачастункі, гарэлка і закуска. Талочнае застолле праходзіла весела, з жартамі і песнямі. Пасля частавання звычайнай справай на Беларусі ў мінулыя часы (а ў асобных мясцінах і сёння) былі народныя гулянні з танцамі і песнямі, якія выконвалі абрадавую функцыю. Талочныя песні, з'яўляючыся часткай вуснай народнай творчасці беларусаў, змяшчаюць у сабе цікавую лінгвакраіназнаўчую інфармацыю пра беларускі народ, яго побыт, абрады, звычаі і ўвогуле традыцыйную народную культуру.

Між тым, як заўважае вядомы этнограф і фальклярыст пачатку XX ст. А. К. Сержпутоўскі, сустракаліся выпадкі, калі "ў сялянскім побыце талака, як і ўсялякая іншая дапамога, абыходзіцца без частавання. Нярэдка мірам выконваюцца вялікія работы толькі за славесную ўдзячнасць" [5, 210]. Такой жа думкі прытрымліваецца і сучасная даследчыца Н. М. Карбалевіч: "Сустракаюцца звесткі і аб адсутнасці частавання ўдзельнікаў талакі, што натуральна з улікам таго, што талаку склікалі часцей за ўсё незаможныя сяляне, і ўдзельнічаць у ёй магла вялікая колькасць людзей" [4, 15].

Паводле звестак з беларускай міфалогіі, у часы глыбокай старажытнасці на нашых землях Талакой звалі апякунку жніва і ўрадлівасці. У нашых продкаў яна была ў вялікай пашане. У працэсе або пасля збору ўраджаю ў розных мясцінах ладзілася свята ў гонар Талакі. Згодна з літаратурна-мастацкім выданнем "Міфы Бацькаўшчыны" (1994 г.), "святкаванне ў гонар Талакі бывае вельмі ўрачыстае, радаснае... На дажынкі, ... калі дажынаюць апошні загон, ... звязаўшы агульны сноп і зрабіўшы талаковы вянок, талачэйкі кідаюць жэрабя, каму быць Талакою. Выбраўшы Талаку, карагод упрыгожвае яе рознымі кветкамі, дае ў рукі дажынкавы сноп, а на галаву яе надзявае талаковы вянок з доўгім белым пакрывалам накшталт шаля. Пасля гэтага карагод акружае Талаку і... танцуе, прыпяваючы... Пастаўшы за ёю папарна... ідуць у дом гаспадара... Гаспадар падносіць хлеб-соль Талацэ, кланяецца ёй у пояс. Талака... аддае ўзамен... дажынкавы

сноп... Гаспадар і гаспадыня бяруць Талаку пад рукі і саджаюць яе на кут... Пасля заканчэння вячэры карагод з Талакою падыходзіць да гаспадароў і дзякуе за пачастунак пацалункамі. Затым Талака здымае з галавы вянок і аддае яго гаспадару, пакрывала ж застаецца ў яе на памяць. Карагод талачэек абавязаны адвесці Талаку да самага яе дома" [2].

Як сведчыць легенда пра Талачын, назва гэтага невялікага горада, які з'яўляецца сёння райцэнтрам на Віцебшчыне, таксама паходзіць ад слова *талака.*Так, у канцы легенды сказана: "Перасталі тады людзі старых людзей у глухі лес паміраць вадзіць, а наладзілі вялікае гулянне. Ехаў адзін падарожны тым краем і запытаўся: "Чаго гэта ў вас такая калатнеча?" –"Ад талакі калатнеча", – адказвалі яму радасныя людзі. Нічога той не зразумеў добра, а паехаў хутчэй далей, часта сам сабе паўтараючы: "Ад талакі калатнеча... Ад талакі калатнеча...". Паўтараў, пакуль не пераблытаў і не атрымалася: "У талачы калатнеча...". Таму людзі і назвалі тое вясёлае паселішча Талачын, такую далі назву, якая вяла свой пачатак ад талакі" [3].

Заўважым, што безэквівалентная лексічная адзінка *талака* ўтрымлівае ў сабе выразны лінгвакраіназнаўчы кампанент значэння і дастаткова шырока выкарыстоўваецца ў мове мастацкай літаратуры XX–XXI стст. Напрыклад: *Перавязлі хату жабракоўцы талакою за вядро гарэлкі, спачуваючы свайму аднавяскоўцу* (М. Гарэцкі); *Адсюль, відаць, і тая ўсхваляванасць,і ўрачыстасць, з якою людзі ладзілі калёсы, зубілі сярпы, збіраліся на далёкія сенажаці ці сыхозіліся на талаку* (Я. Сіпакоў); *Тады ён падумаў, што, можа, і не варта псаваць старому настрой, бо ў Брычыкавых будзе заўтра талака, будзе вясёлая работа* (М. Стральцоў) і інш. [8, 276–277].

Варта прыгадаць таксама вершы з аднайменнымі назвамі "Талака", аўтарамі якіх з'яўляюцца вядомыя майстры беларускай паэзіі А. Вярцінскі, Р. Барадулін, Л. Пранчак і інш. Па словах А. Вярцінскага, нашы землякі-беларусы *"дом будавалі талакой../ Дом будаваць – такая праца, / што лепей аднаму не брацца, / адзін не справішся з якой".*

Гэтая добрая, бескарыслівая традыцыя – працаваць талакой (якой, дарэчы, няма ў іншых суседніх краінах, з якімі мяжуе Беларусь) – захавалася ў беларусаў-вяскоўцаў і зараз. Праўда, яна больш вядомая нашаму сучасніку пад назвамі *дажынкі* ці *дакопкі*. У адным са сваіх вершаў наш зямляк, паэт Г. Бураўкін гаворыць пра тое, што сёння, на вялікі жаль, многія звычаі і абрады продкаў неапраўдана забываюцца і страчваюцца, у тым ліку і традыцыя працаваць талакой, якая спрыяе ўмацаванню найлепшых маральных якасцей чалавека – сяброўства, узаемадапамогі, згоды. Аднак гэта недапушчальна, бо такія народныя традыцыі якраз і вызначаюць асаблівасці менталітэту беларусаў: *"І ўжо зусім ніякавата / Не знацца з ісцінай такой: / "Пажар тушыць і ставіць хату / Найлепш суседскай талакой..".* Працуючы талакой, чалавек ніколі не будзе адчуваць сябе сіратліва, у адзіноце, што і пацвярджаюць наступныя радкі з верша беларускага паэта з Даўгаўпілса С. Валодзькі: *"За жыццё б нямала зведаў / Адзінокасці пакут, / Каб не зваў сусед суседа / Да сябе на талаку".*

Слова *талака* вельмі любіў, называючы яго даўнім, цёплым, наскім, народны паэт Беларусі Р. Барадулін. У яго зборніку "Сама пайду дарогаю, голас пашлю дуброваю: Песні матчыны з Вушаччыны" змешчана народная песня "Талака", якая пачынаецца наступнымі словамі: *"Талачу, талачу – не талочыцца. / Не даюць гарэлкі, мне не хочацца. / Талака, талака – талакі не ўняць. / Не дадуць гарэлкі, не буду пяяць"* [1, 32]. Што ж, цікава жылі нашы продкі…

Сёння лексічная адзінка *талака*, выступаючы як анамастычнае найменне, нярэдка ўжываецца ў якасці назваў музычных гуртоў, тэатральных калектываў, арганізацый і суполак. Так, ансамбль танца, музыкі і песні "Талака", створаны пры Віцебскай абласной філармоніі пад кіраўніцтвам заслужанага дзеяча мастацтваў Рэспублікі Беларусь Мікалая Падаляка, больш за 25 гадоў знаёміць сваіх слухачоў і гледачоў з найлепшымі ўзорамі музычнай, песеннай і танцавальнай спадчыны беларусаў.

Назву “Талака” ўжо больш за тры дзесяцігоддзі носіць гомельская моладзевая краязнаўчая грамадская арганізацыя, асноўнымі кірункамі дзейнасці якой з’яўляюцца этнаграфічны і краязнаўчы. Апрача таго, прыхільнікі і сябры “Талакі”, імкнучыся да папулярызацыі традыцыйнай народнай культуры беларусаў, праводзяць шматлікія фальклорныя экспедыцыі, ладзяць разнастайныя культурна-асветніцкія мерапрыемствы і майстар-класы.

Пад назвай “Талака” арганізоўвае сваю дзейнасць тэатральная студыя навучэнцаў Уздзенскай раённай гімназіі (Мінская вобласць). Назву “Талака” носіць рэстаран беларускай нацыянальнай кухні ў Мінску, а таксама інтэрнэт-праект Talaka.by. Сельскі сацыяльна-дзелавы цэнтр вёскі Залессе, што знаходзіцца ў Смаргонскім раёне Гродзенскай вобласці, вядомы пад назвай “Залеская талака”.

Такім чынам, лексічная адзінка *талака* змяшчае ў сабе своеасаблівы “этнакультурны падтэкст” – тое нацыянальна адметнае і ўнікальнае, што дастаткова глыбока і поўна адлюстроўвае традыцыйную культуру нашага народа, а таксама яго такія этнічныя адзнакі, як працавітасць і таварыскасць, дабрыню і гасціннасць. Думаецца, менавіта таму наяўнасць гэтай лексічнай адзінкі ў слоўнікавым складзе беларускай мовы невыпадковая. Да таго ж, найменне *талака*, семантызуючы нацыянальную рэчаіснасць, з’яўляецца дастаткова частотным у сучаснай беларускай лінгвакультуры. Сказанае вышэй дае падставы для ўключэння матэрыялаў, якія змяшчаюць у сабе этнічна маркіраваную інфармацыю, што рэпрэзентуецца праз лексему *талака*, у лексікаграфічнае выданне “Рэспубліка Беларусь: лінгвакраіназнаўчы слоўнік”, укладанне якога ажыццяўляецца выкладчыкамі кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П. М. Машэрава.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Песьні Матчыны з Вушаччыны / Р. Барадулін. – Мінск : ГА БТ “Кніга”, 2004. – 352 с.
2. Васілевіч, А. У. Міфы бацькаўшчыны / А.У. Васілевіч – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – 109 с.
3. Віцебшчына : Назвы населеных пунктаў паводле легендаў і паданняў / склад. А. М. Ненадавец. – Мінск : Беларусь, 2000. – 478 с.
4. Карбалевіч, Н. М. Талака як мадэль традыцыйнага грамадскага дзеяння беларускіх сялян (другая палова XIX – XX пачатак ст.) / Н. М. Карбалевіч // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – Мінск : БДУ, 2014. – № 1. – С. 14-17.
5. Сержпутовский, А.К. Сябрына: Очерки Белоруссии / А.К. Сержпутовский // Живая старина. СПб. – 1907 – Вып. 3-4. Сержпутовский, А. К. Очерки Белоруссии. / А. К. Сержпутовский. – СПб., 1907. – С. 210–213.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / М. Фасмер, пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс,1987. – Т. 4. – С.73.
8. Шкраба, І. Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Р. Шкраба. – Мінск : “Бел. Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі”, 2008. – 320 с.

E. S. Dedova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: honey.dedova@bk.ru

“The Belarusian word from singing because it sings old times”: the linguistic-content of the lexical unit

Key words: non-equivalent, lexical unit, linguistic, talaka, ethnocultural.

The article is devoted to the consideration of the linguistic and cultural content of the lexical unit of talaka. Nationally labeled information is represented, which is represented in the semantics of the name.

А. В. Дудка
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
e-mail: anastasiya_vladimirovna@mail.ua

УДК 821.161.1-31.09+929

Пейзаж как средство психологической характеристики персонажа в романе А. Иванова «Географ глобус пропил»

Ключевые слова: пейзаж, психологическая характеристика, контраст, параллелизм, «лишний человек».

В статье анализируется функция пейзажа в романе А. Иванова «Географ глобус пропил». Особое внимание уделяется роли пейзажа в раскрытии душевного состояния и мировоззрения главного героя произведения.

Пейзаж занимает заметное место среди литературных приемов отражения действительности и раскрытия характера героя. Если в прошлом пейзаж присутствовал в произведении лишь для того, чтобы информировать читателей о времени и месте событий, то сегодня он может быть как одним из главных сюжетообразующих факторов, так и выражением эстетического идеала писателя.

В. Хализев выделяет такие формы присутствия природы в литературном произведении: *«Это и мифологические воплощения ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения... и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи (фр. pays – страна, местность) – описания широких природных пространств»* [3, 225].

Размышляя о функциях пейзажа в произведении, Б. Галанов отмечает: *«В общем движении повествования пейзажу отводится разнообразная роль: обозначить время и место действия, создать определенное настроение, помочь проявиться каким-то существенным чертам в душевной жизни человека и в окружающей его действительности. Наконец в пейзаже и через пейзаж художник выражает свое чувство родины, свою к ней любовь»* [1, 185].

В своих произведениях А. Иванов с большой любовью описывает природу родного пермского края. Живописные пейзажи предстают перед читателями во всем своем могущественном величии. Бурные горные реки выступают в роли живых существ, наделенных своими особыми характерами. Опасные скалы становятся испытанием, проверяющим героев на выносливость.

Роман «Географ глобус пропил» изобилует картинами природы. Повествование построено на контрасте: серая однообразная провинциальная жизнь разворачивается на фоне сказочной и таинственной красоты пермских пейзажей. Сравним описание обычного дня из жизни персонажей (*«Было воскресенье – день, когда водопроводчики отключают воду. По этой причине Надя раздражённо громыхала на кухне тарелками, отмывая их из-под чайника. В комнате на письменном столе громоздились сцепленные проводами магнитофоны. Будкин, напялив наушники, что-то переписывал с одной кассеты на другую. <…> На полу играла Тата: укладывала Пуджика в коляску»* [2, 25]) и описание природы (*«Темнота словно бы поднималась из глубины земли, из глубины реки, как подпочвенная вода. Уже затлели искры бакенов на черной равнине Камы, а небо все еще оставалось светлым, и от этого всем было видно, как же оно высоко – так долго приходится добираться до него тьме. Но тьма все таки добралась и погасила небо, оставив лишь огни звезд – так во время прилива над водой остаются верхушки камней»* [2, 271]). Мы видим, что картины природы в произведении созданы настолько

масштабно, что на их фоне проблемы героев кажутся несущественными. Хаос окружающей действительности никак не может повлиять на природу – ее величие остается неизменным на протяжении веков. И лишь природа способна сохранить в себе историю. Проплывая по реке Урем, школьники видят в природе нечто большее: *«Отцы глядят по сторонам, точно рассчитывают увидеть то, что пропало. Но, конечно, ничего нет. Только голый косогор с трухлявыми бревнами, черный ельник, глухое урочище, старая пристань на берегу пустынной реки, посреди безлюдных таежных путин. <…> То, что раньше нам казалось здесь страшной глухоманью, дремучей дикостью, угрюмой угрозой, на самом деле было печалью, невысказанной болью, неразделенной любовью»* [2, 386].

Виктор Служкин всегда находился в дисгармонии с социумом. Он столкнулся с непониманием, потому что чувствовал себя «лишним человеком». Но он всегда находился в гармонии с природой. Он ощущал единение с природой с самого детства: *«Здесь у меня прошло детство. Это для вас – тех, кто приехал жить в новостройки, – "Речники" пустой звук, затон вроде заводского склада, а домишки эти – бараки. Для нас же всем этим мир начинался, а продолжался он – Камой… И поэтому Кама, затон – для меня словно бы символ чего-то… Живем мы посреди континента, а здесь вдруг ощущаешь себя на самом краю земли, словно на каком-нибудь мысе Доброй Надежды…»* [2, 239].

Но не все герои способны видеть красоту природы. Надя, Будкин, Ветка, Кира – они не понимают ее, не чувствуют. Другое дело – Географ. Только человек, трепетно относящийся ко всему живому, может изучать биологию, сделать ее своей профессией. Он утверждает, что *«в природе всюду разлито чувство»* [2, 240]. Ему кажется, что она способна научить гораздо большему, чем человек. Природа становится советчиком Служкина, его верным товарищем. Часто, она помогает Географу понять самого себя: *«Дождь постукивает меня в голову, словно укоряет: дурак, что ли? Дурак. Раз напился, так, конечно, дурак»* [2, 333].

Богатство внутреннего мира Географа раскрывается через его восприятие природы. Автор использует прием параллелизма: природа будто перенимает и повторяет состояние героя. Например, когда, на третий день похода, утром, Служкин ощущает похмелье, погода вторит его болезненному самочувствию: *«Я просыпаюсь в таком состоянии, словно всю ночь провисел в петле. Еще не открыв глаза, я вслушиваюсь в себя и ставлю диагноз: жестокое похмелье. О господи, как же мне плохо… Все еще спят. Я вываливаюсь из палатки на улицу. Холодно, как в могиле. Моросит. Стена Семичеловечьей покрыта морщинами, словно скала дрожала от стужи, когда застыла. Над затопленным лесом холодная полумгла. Где вчерашнее небо, битком набитое звездами? Сейчас оно белыми комьями свалено над головой»* [2, 332–333]. Кроме того, природа становится средством выражения психологического состояния героя: *«Похмелье, плохая погода – они не только в моем теле, не только в природе. Они в душе моей. Это у души трясутся руки и подгибаются ноги. Это у нее мутно в голове и ее тошнит. Это в ней идет дождь и холод лижет кости»* [2, 333].

Через пейзажные описания раскрываются и мировоззренческие позиции героя. Например, гуляя с Машей по затону, Служкин говорит: *«И вот с детства у меня к рекам такое отношение, какое, наверное, раньше бывало к иконам. В природе, мне кажется, всюду разлито чувство, но только в реках содержится мысль…»* [2, 240].

Мы находим в произведении описание двух рек. Автор наделяет их человеческими характерами. Бурному, неуправляемому течению Поныша противопоставлена величественная гладь Ледяной: *«Поныш был диким, свирепым, первобытным. Он был словно только что создан природой и брошен на землю, не готовую его принять. Он бурлил, бился в скалы, топил леса, пер напрямик, выворачивал деревья. А Ледяная совершенно иная. Глубокая, спокойная и ровная вода мерно и мощно идет в крепких берегах.*

Ложе реки емкое, и половодье не переливается за края, смешивая твердь и хляби. Здесь все кажется движущимся по прочному, надежному, многократно себя оправдавшему порядку. На Поныше весна была катастрофой. На Ледяной весна – величественный, издревле ведущийся ритуал» [2, 361]. Одним из мотивов произведения является суть реки. У каждой из этих рек свое предназначение, своя история. Их дуэт иллюстрирует человеческую жизнь: нужно преодолеть все препятствия, подготовленные водами дикого Поныша, чтобы войти в умиротворенное течение благородной Ледяной. Впоследствии Служкин замечает, что во время сплавления по этим рекам он с «отцами», будто прошел путь становления человечества.

Ледяная больше привлекает Географа, потому что характер реки сходен с характером героя. Ее природа располагает к созиданию, приносит вдохновение: *«Даже снег здесь лежит картинно – накрахмаленными скатертями полян, дворцовой лепниной еловых лап, яркой чеканкой и тонкой гравировкой куржака на рубчатых, грубых, бугристых стенах утесов. На Поныше все было как попало, а здесь – как положено»* [2, 361]. Именно Ледяной Служкин посвящает свои стихи:

«Ветхий храм на угоре ветреном…
Рваный шрам на валунной пристани…
И погост небо предрассветное
Палых звезд осыпает искрами.
В города уезжать не хочется.
Навсегда распрощаться – просто ли?
Нам с тобой дарят одиночество
Ледяной голубые росстани» [2, 241].

Стихотворение пронизано мотивом одиночества. В природе Географ находит понимание, которого ему так не хватает в человеческом обществе. Именно природа – единственное, что осталось с героем в финале романа: *«Прямо перед ним уходила вдаль светлая и лучезарная пустыня одиночества»* [2, 444].

Масштабные, величественные пейзажи противопоставлены в романе ограниченности окружающей действительности. И лишь человек широкой души способен оценить их: *«В траве повсюду, как горошины, разбросаны бледные подснежники. <…> Я набираю целый пучок полупрозрачных, нежных, еще помнящих морозный морок колокольчиков. Сердце мое словно оголяется от их застенчивой, неброской красоты»* [26, 386]. К тому же, Географ чувствует свое родство с природой. Он замечает, что является «малым подобием» самой земли, ведь старается сохранить в себе чистоту, которую веками хранит в себе природа. В конце романа, вспоминая весь пройденный путь, Географ наконец формулирует для себя смысл похода: *«Мы проплыли по этим рекам – от Семичеловечьей до Рассохи – как сквозь судьбу этой земли, от древних капищ до концлагерей. <…> И я чувствую, что я не просто плоть от плоти этой земли. Я – малое, но точное ее подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души»* [2, 422].

Таким образом, можно сделать вывод, что пейзаж в романе А. Иванова выполняет психологическую функцию. С помощью описаний природы автор передает душевное состояние героя, помогает читателю постичь его внутренний мир, а также демонстрирует исключительность Служкина в ряду остальных персонажей произведения. Однако природа живет, чувствует, переживает точно так же, как и главный герой, то есть выступает персонифицированно, личностно, а не просто как природно-ландшафтный фон или среда действия. Это позволяет нам причислить ее к числу самостоятельных персонажей, а иногда даже увидеть в ней лирического соавтора романа.

Литература

1. Галанов, Б. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь / Б. Галанов. – М. : Советский писатель, 1974. – 343 с.

2. Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 448 с.

3. Хализев, В. Е. Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2004. – 405 с.

A. V. Dudka
Lugansk National University named after Taras Shevchenko
e-mail: anastasiya_vladimirovna@mail.ua

Landscape as a means of psychological characterization of the character in the A. Ivanov's novel "A Geographer Who Drank a Globe Away"

Keywords: landscape, psychological characteristic, contrast, parallelism, "superfluous man".

The article analyzes the function of the landscape in the A. Ivanov's novel "A Geographer Who Drank a Globe Away". Particular attention is paid to the role of the landscape in revealing the state of mind and worldview the main character of the novel.

А. М. Дулаў, Ю. У. Дулава
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: dulov_78@mail.ru; jul_dulova@mail.ru

УДК 811.161.3'373:535:821.161.3-3

Люксонімы ў аповесці Уладзіміра Караткевіча "Дзікае паляванне караля Стаха"

Ключавыя словы: светлавая лексіка, люксонім, мастацкая задума, партрэтная характарыстыка, пейзаж.

Вызначана роля люксонімаў у раскрыцці мастацкай задумы ў аповесці Ул. Караткевіча "Дзікае паляванне караля Стаха". Здзейснены колькасны аналіз светлавой лексікі ў разрэзе часцін мовы, а таксама высветлена значэнне люксонімаў у стварэнні вобразаў герояў, апісаннях прыроды і інтэр'ераў.

У 2020 г. адзначаецца 90-годдзе з дня нараджэння Уладзіміра Караткевіча (1930–1984) – класіка беларускай літаратуры, стваральніка высокаякаснай гістарычнай прозы. "Гэта проза вызначаецца рамантычнай акрыленасцю і жыццёвай дакладнасцю, мастацкай культурай і патрыятычным пафасам, надзвычайнай пазнавальнасцю і гуманістычным зместам" [2, 3]. Творы пісьменніка адкрываюць чытачу сапраўдную беларускую мінуўшчыну – велічную, гераічную і ў той жа час трагічную, абуджаюць нацыянальную самасвядомасць. Аднак Ул. Караткевіч быў не проста пісьменнікам-гісторыкам, бо ў сваіх кнігах заўсёды шукаў тыя масткі, што лучаць дзень сённяшні з днём мінулым. У гэтых адносінах не з'яўляецца выключэннем гістарычна-дэтэктыўная аповесць "Дзікае паляванне караля Стаха", якая пастаноўкай "вечных" пытанняў набліжаецца да твораў сацыяльна-філасофскіх.

"Мастацтва ўспрымаецца не адным толькі розумам, але пачуццямі, асацыяцыямі, рэфлексамі, цэлым комплексам вельмі складаных адчуванняў, іншы раз падсвядомых.

Тым яно для чалавека і каштоўна, што выклікае ў ім высокую хвалю духоўнага жыцця, дзе ёсць усё – ад непасрэднай логікі да ценю ўспамінаў"– пісаў рускі савецкі паэт і пісьменнік І.Л. Сяльвінскі [4, 110]. Такога ўздзеяння на чытача кожны аўтар дасягае пры дапамозе моўных сродкаў. Словы, якія найбольш адпавядаюць творчай задуме пісьменніка, могуць з'яўляцца ў час працы над творам з падсвядомасці спантанна, інтуітыўна, або падбіраюцца адмыслова.

Аповесць "Дзікае паляванне караля Стаха" багатая на светлавую лексіку. Пад светлавой лексікай у лінгвістыцы разумеюць словы, якія маюць значэнне наяўнасці або адсутнасці святла. Для абазначэння адпаведных лексічных адзінак прыняты тэрмін "люксонім" (ад лац. lux – святло, грэч. onyma – імя). На жаль, у айчыннай лінгвістыцы няма даследаванняў, прысвечаных дадзенаму аспекту мовы твораў Ул. Караткевіча і "Дзікага палявання караля Стаха" ў прыватнасці. Ды і прац аб ролі светлавой лексікі ў творах беларускіх пісьменнікаў увогуле няшмат. Адной з важнейшых з'яўляецца манаграфія вядучага адмыслоўца ў дадзенай праблеме Ю.М. Бабіча "Колеравая і светлавая эстэтыка ў мове твораў Якуба Коласа" (2002) [1]. Акрэсленая вышэй акалічнасць падкрэслівае актуальнасць абранай намі тэмы.

Мэта працы – вызначыць ролю люксонімаў у раскрыцці мастацкай задумы ў аповесці Ул. Караткевіча "Дзікае паляванне караля Стаха".

Агульная колькасць люксонімаў у тэксце твора – 267 (падлічана намі – *аўт.*). Пры гэтым прыкладна аднолькавы лік уласнасветлавой лексікі і словаў, якія абазначаюць адсутнасць святла. Нязначна пераважае лексіка апошняй групы – 50,2%. Гэта, на нашу думку, сведчыць пра імкненне Ул. Караткевіча стварыць у аповесці атмасферу змрочную, таямнічую, у нечым нават жахлівую. Уласнасветлавая лексіка складае 49,8% ад агульнай колькасці люксонімаў. Звычайна гаворка ідзе пра невялікі няпэўны агеньчык, святло якога супрацьпастаўляецца навакольнай цемры. Акрамя гэтага, наяўнасць значнай колькасці ўласнасветлавых словаў выяўляе, верагодна, аптымістычнае светаўспрыманне аўтара.

Звычайна ў творах мастацкай літаратуры абсалютную большасць люксонімаў складаюць прыметнікі. "Дзікае палявання караля Стаха" ў гэтым сэнсе можа лічыцца выключэннем, бо паводле прыналежнасці да розных часцін мовы па частотнасці ўжывання люксонімы-прыметнікі (34,1%) толькі крыху пераважаюць над назоўнікамі (33,7%).

Значная колькасць светлавых назоўнікаў выкарыстана ў апісаннях памяшкання і пейзажу (дамінуе лексіка, якая абазначае адсутнасць святла) і ў партрэтнай характарыстыцы (галоўным чынам уласнасветлавая лексіка). Напрыклад: 1) "Мы сядзелі некаторы час моўчкі; камін дагараў, і ***цемра*** пасялілася па кутах вялізнай залы…" [3, 348]; 2) "І зноў зялёны ***змрок*** алеі" [3, 345]. 3) "Найбольш вартымі ўвагі на гэтым жоўчным, прыгожым твары былі вялікія чорныя вочы з вадкім ***бляскам***, але такія безжыццёвыя, што рабілася ніякавата" [3, 371]. 4) "І ўсе яны ў месячным ***сяйве*** былі на адзін твар: як быццам сама гэта зямля адначасова нарадзіла іх" [3, 482].

Наяўнасць у творы значнай колькасці люксонімаў-назоўнікаў абумоўлена тым, што асноўнай граматычный катэгорыяй гэтай часціны мовы з'яўляецца прадметнасць, а менавіта яна "дае магчымасць чытачу ўявіць любую з'яву, працэс, якасць, прымету, нават дзеянне, пра якія ідзе гаворка ў творы, у выглядзе асобнай субстанцыі – наглядна, зрокава, адчувальна" [5, 99].

У падлік люксонімаў-назоўнікаў не ўключаны антрапонім *Свеціловіч*, які з'яўляецца адным са сродкаў характарыстыкі персанажа і сустракаецца ў "Дзікім паляванні караля Стаха" 77 разоў, бо ён не належыць да светлавой лексікі. Аднак этымалагічная сувязь з люксонімам "святло" тут відавочная: 1) "Я ўсміхнуўся яму, і ён, як быццам толькі і чакаў гэтага, падышоў да мяне вялікімі і плаўнымі крокамі, працягнуў мне руку: – Прабачце, я без цырымоній. Андрэй *Свеціловіч*" [3, 380]. 2) "І прыпомніліся мне словы *Свеціловіча*: "Прыпаўзу да яе ног і памру" [3, 389]. 3) "Вы

павінны мне прабачыць, я чула вашу размову са *Свеціловічам*, чыстай, добрай душой…” [3, 409]. 4) “Магчыма, гэта ён страляў у мяне, забіў *Свеціловіча* і выдраў аркуш з часопіса” [3, 454].

Прозвішча “Свеціловіч” не проста называе персанажа, а характарызуе яго унутраную сутнасць, маральныя якасці. Яно служыць дапаможным сродкам стварэння запамінальнага, жывога вобраза героя-ідэаліста, шляхціца-нарадавольца, рэвалюцыянера-рамантыка, які шчыра ўпэўнены, што гвалтоўным шляхам можна стварыць справядлівае грамадства. Герой узнімаецца на барацьбу з “дзікім паляваннем”, аднак ідэалізм прыводзіць яго да гібелі. Магчыма, гэтым аўтар хацеў паказаць нежыццёвасць ідэй Свеціловіча.

Як было адзначана вышэй, люксонімы-прыметнікі складаюць 34,1% ад агульнай колькасці. Яны шырока выкарыстаны ў пейзажнай і партрэтнай характарыстыках. Большая іх частка – словы, якія абазначаюць адсутнасць святла: 1) “І ноч гэтая была ***цёмная***, як сажа, я не бачыў нават сваіх пальцаў і толькі па паштурхванню вазка здагадаўся, што мы яшчэ едзем” [3, 327]. 2) “Я не паспеў далёка адысці ***змрочнай*** алеяй, як пабачыў белую постаць, якая палахліва рухалася мне насустрач” [3, 425]. 3) “***Цьмяныя*** цені коннікаў беглі ад дарогі наўскос да дрыгвяністай лагчыны” [3, 402]. 4) “А дваццаць першы скакаў наперадзе, не матляючыся ў сядле, вочы яго закрываў нізка насунуты капялюх з пяром, твар быў ***змрочны*** і бледны, вусны падціснуты” [3, 402–403].

Ужыванне ў аповесці люксонімаў-прыметнікаў звязанае з іх агульнымі ўласцівасцямі, якія “даюць магчымасць выражаць разнастайныя па сваёй эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўцы прыметы і якасныя рысы прадметаў і з’яў” [5, 114]. Характэрна тое, што значная частка выкарыстаных у “Дзікім паляванні караля Стаха” светлавых прыметнікаў утворана шляхам ад’ектывацыі. Многія прыметнікі выступаюць у ролі мастацкіх азначэнняў-эпітэтаў.

23,9% ад агульнай колькасці люксонімаў складаюць у творы дзеясловы. Яна надаюць апавяданню экспрэсію, дынамізм, узмацняюць зрокавасць. Люксонімы гэтай часціны мовы прадстаўлены найбольш разнастайна, у першую чаргу ў апісаннях пейзажу. Пераважная іх большасць адносіцца да ўласнасветлавой лексікі: 1) “Мокрыя сэрцападобныя лісты, яшчэ зусім зялёныя, цьмяна ***блішчалі***, з іх падалі празрыстыя кроплі, і куст плакаў” [3, 414]. 2) “Развяваліся па ветры грывы, твань ляцела з-пад капытаў, і зорка ***гарэла*** над галовамі коней” [3, 496]. 3) “Праменні вялізнага чырвонага месяца ***асвятлялі*** часам, прабіваючы хмары, зямлю, наўскос падалі паміж чорнымі стаўбурамі дрэў” [3, 467]. 4) “Развяваюцца грывы, балотныя агні ***зяюць*** пад нагамі коней” [3, 361]. 5) “Месяц слаба ***свяціў*** на верас” [3, 360]. 6) “Месяц плыў над балотамі, ***мільгацелі*** там нейкія блакітныя іскры…” [3, 483].

Нязначная колькасць люксонімаў належыць да такіх часцін мовы, як прыслоўе (6,4%), дзеепрыметнік (1,5%), дзеепрыслоўе (0,4%): 1) “На сцежцы было зусім ***цёмна*** ад дрэў, і таму, калі яны амаль бязгучна прамчалі паўз мяне, я не змог разгледзець іх” [3, 404]. 2) “Я падышоў да дома Дубатоўка толькі ў прысмерку, калі вокны яго былі яскрава ***асветлены***” [3, 390]. 3) “Недзе далёка-далёка бліснуў агеньчык і, сарамліва ***паміргаўшы***, згас [3, 441]”.

Люксонімы шырока скарыстаны Ул. Караткевічам для партрэтнай характарыстыкі дзеючых асоб, перадачы іх эмацыйнага стану, а таксама ў апісаннях прыроды і памяшканняў.

Выкарыстанне люксонімаў у партрэтнай характарыстыцы – для апісання знешняга выгляду персанажа, яго твару, фігуры, адзення, манеры паводзіць сябе – дапамагае падкрэсліць адметныя рысы герояў, выявіць аўтарскае стаўленне да іх. Вось, напрыклад, агульная характарыстыка шляхты, якая даецца галоўным героем – Беларэцкім: 1) “Палілі печкі, выкладзеныя галандскай кафляй, пашчапанымі ўламкамі бясцэннай беларуская мэблі сямнаццатага стагоддзя, сядзелі, як павукі, у сваіх халодных пакоях,

гледзячы ў бязмежную навакольную ***цемру*** праз акно, па шыбах якога сцякалі наўскос флатыліі кропель “ [3, 324]. 2) “Я бачыў замасленыя твары, якія галантна ўсміхаліся, бачыў вусны, якія цягнуліся да рукі гаспадыні. Калі яны нахіляліся, ***святло*** падала зверху і насы здаваліся надзіва доўгімі, а раты праваленымі” [3, 369]. Прыведзеныя мікракантэксты з’яўляюцца яскравымі прыкладамі выяўлення праз люксонімы крытычнага стаўлення героя, а пэўна і аўтара да шляхты. Асабліва цікавым з’яўляецца мікракантэкст 1. Назоўнік “цемра” тут, на наш погляд, сімвалізуе духоўнае выраджэнне шляхціцаў.

У апісанні твару Вароны пісьменнік падкрэслівае “вялікія чорныя вочы з вадкім ***бляскам***, але такія бязжыццёвыя, што рабілася ніякава” [3, 371]. І чытач з насцярогай ставіцца да гэтага героя.

Выключную ролю адыгрываюць люксонімы ў стварэнні станоўчага вобразу Свеціловіча: 1) “Ён усміхнуўся шырокай белазубай усмешкаю, такой ***яснай*** і добрай, што твар адразу зрабіўся гожым” [3, 380]. 2) “Я ўсміхнуўся ад раптоўнага замілавання да гэтага хлапчука з адвертым і ***ясным*** тварам…” [3, 381]. 3) “А Свеціловіч усё вагаўся. Пасля ўзняў свае ***светлыя*** вочы” [3, 436]. 4) “І сапраўды, нейкая прага жыцця і імкненне да самаахвяравання былі ў гэтым прыгожым твары, у тонкіх, продкі-паэты сказалі б “лілейных” руках, у стройнай прыгожай шыі, цвёрдых карых вачах з доўгімі вейкамі, але з металічным ***бляскам*** у глыбіні” [3, 438–439]. Заўважаецца супярэчлівасць між мікракантэкстамі 3 і 4. Магчыма Ул. Караткевіч памыліўся, гаворачы пра колер вачэй героя. Аднак нам падаецца больш дарэчным іншае тлумачэнне: калі персанаж бываў ахоплены высокімі пачуццямі, у яго вачах паяўляўся бляск, праз што яны пэўным чынам святлелі.

У партрэтнай характарыстыцы Надзеі Яноўскай аўтар звяртае ўвагу чытача на адзенне гераіні. Гэтае апісанне нельга ўявіць без светлавой лексікі, бо адразу ж губляецца яго зрокавасць: 1) “Яна была ў сярэдневяковай жаночай вопратцы: сукня, на якую пайшло пяцьдзясят локцяў залацістага варшанскага атласу, паверх яе другая, белая з блакітнымі, ***адліваючымі срэбрам,*** разводамі і шматлікімі разрэзамі на рукавах і падоле” [3, 384]. 2) “Стан яе, тонкі і гнуткі, трошкі хістаўся пад маёй рукою, веяў яе вэлюм, ***жарам успыхвала*** сукня, калі мы траплялі ў ***водбліск*** каміннага полымя, рабілася блакітнай, калі мы траплялі ў ***цемру***” [3, 388]. 3) “Блакітная Жанчына плыла. Вось яна ў сваім дзівосным блакітным уборы, які ***зіхацеў пераліўчатымі хвалямі*** пад ***туманным святлом*** месяца, выплыла на сярэдзіну пакоя, выцягнула рукі, мацаючы імі паветра” [3, 498]. У мікракантэксце 1, 2 мы бачым рэалізацыю светлавога значэння апісальным шляхам. Канцэнтрацыяй люксонімаў у мікракантэксце 3 Ул. Караткевіч, на нашу думку, імкнецца выклікаць у чытача адчуванне трывожнасці.

Значная частка люксонімаў ужыта пісьменнікам пры апісанні “дзікага палявання” і тых мужыкоў, якія яго перамаглі і знішчылі: 1) “… мала ў каго не разрывалася сэрца, калі бачыў ён на балотах ***змрочныя*** цені коннікаў” [3, 361]. 2) “З боку пушчы па пустках рухалася нейкая ***цёмная*** маса, давалі вялікая і рухавая” [3, 402]. 3) “***Цьмяныя*** цені коннікаў беглі ад дарогі наўскос да дрыгвяністай лагчыны” [3, 402]. 4) “І ўсе яны ў месячным ***сяйве*** былі на адзін твар: як быццам сама гэта зямля адначасова нарадзіла іх” [3, 482]. 5) “Мужыкі ў вывернутых кажухах і з віламі ў руках стаялі вакол дома, залітыя чырвоным трывожным ***святлом***” [3, 497]. У мікракантэкстах 1–3 словы, што абазначаюць адсутнасць святла, выкарыстаны непасрэдна для характарыстыкі “дзікага палявання”. Уласнасветлавая лексіка ў мікракантэкстах 4, 5 дапамагае стварыць адпаведную карціну. Цікава, што вобразы ні ў першым, ні ў другім выпадку не канкрэтызуюцца. Аўтар стварае пэўныя абстрактныя катэгорыі, якія сімвалізуюць дабро і ліха.

Люксонімы, якія маюць значэнне адсутнасці святла, ужыты пры апісанні твара “караля Стаха”: 1) “А дваццаць першы скакаў наперадзе, не матляючыся ў сядле, вочы яго закрываў нізка насунуты капялюх з пяром, твар быў ***змрочны*** і бледны, вусны

падціснуты” [3, 402–403]. 2) “І твар караля. Ён быў зусім спакойны, ***безжыццёва-змрочны***, сухі і зусім-зусім шэры, як туман” [3, 363]. Асаблівую цікавасць выклікае мікракантэкст 2. Ён уяўляе сабой адзіны ў творы індывідуальна-аўтарскі светлавы кампазіт, складанае слова, адна з асноў якога належыць да несветлавой лексікі. Гэты кампазіт мае ўзмоцненую адмоўную эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку.

Побач з партрэтнай характарыстыкай важнае месца ў аповесці займае паказ адчуванняў, перажыванняў, пачуццяў персанажаў. Зрабіць падобныя апісанні вобразнымі, дынамічнымі, экспрэсіўнымі аўтару дапамагаюць люксонімы: 1) “Я паглядзеў на яе і пабачыў вочы, якія ***блішчэл***і ад нявыплаканых слёз” [3, 388]. 2) “Вочы яе, ***прамяністыя*** і ціхія, ***заблішчэлі*** раптам” [3, 409]. 3) “І тут вочы яе ***заіскрыліся*** такім абурэннем, такім невыказным дакорам, што я адчуў сябе апошнім мярзотнікам…” [3, 338]. 4) “Вочы ***заіскрыліся***, ніжняя губка трошкі выдалася наперад” [3, 376]. 5) “Вось узняла галаву, пабачыла мяне, і якім мілым, цёплым агнём ***заззялі прамяністыя*** вочы” [3, 456]. 6) “… вочы ***спалахнулі*** нядобрым полымем: – Заўтра нарэшце прывяду мужыкоў” [3, 473]. 7) “Нябога была б, можа, і нядрэнная сабою, каб не гэты ўстойлівы ***цёмны*** жах” [3, 351]. 8) “Твар Дубатоўка, ***змрочны*** і суровы, выплыў аднекуль, бы з туману” [3, 399]. З прыведзеных прыкладаў бачна, што эмацыянальны стан герояў праяўляецца, галоўным чынам, праз апісанне вачэй (мікракантэксты 1–6). У мікракантэкстах 1–2 і 3–4 прадстаўлены выпадкі, калі адны і тыя ж люксонімы-дзеясловы выражаюць супрацьлеглыя пачуцці галоўнай гераіні: смутак і весялосць, абурэнне і захапленне.

Незначная колькасць люксонімаў ужыта ў творы пры апісанні жывёлаў (6 выпадкаў): 1) “Тут ваўкі… ваўкі з ***палаючымі*** вачыма” [3, 340]. 2) “І ўпаў пан Раман, і адчуў жах смяротны, бо звер, ***палаючымі*** вачыма глядзеў у твар яго…” [3, 358]. 3) “І ***гарэлі*** вочы коней, і людзей, і гепардаў” [3, 361]. 4) “Гэта былі сапраўдныя палескія дрыкганты… Усе ў палосах і плямах, як рысі або леапарды, з белымі ноздрамі і вачыма, якія ***адлівалі*** ў глыбіні чырвоным ***агнём***” [3, 485]. 5) “Коні ляцелі ў ноч, і слабы месяц ***асвятляў*** іхнія доўгія грывы…” [3, 360]. 6) “… і балотныя агні ***гараць*** на лбах коней” [3, 367]. Характэрна, што тут выкарыстоўваецца толькі ўласнасветлавая лексіка. Мікракантэксты 1-4 апісваюць вочы жывёл.

Пэўнае ідэйна-мастацкае значэнне мае пейзаж. Ён выконвае ролю апісання месца дзеяння, абстаноўкі ў якой адбываюцца падзеі, можа выяўляць думкі, настроі, пачуцці, паражыванні аўтара або герояў (адпавядаць ім ці знаходзіцца ў кантрасце з імі). Пейзажныя апісанні арганічна ўваходзяць у вобразную сістэму “Дзікага палявання караля Стаха”, з’яўляюцца важным сродкам мастацкай выразнасці.

Значная колькасць люксонімаў выкарыстана Ул. Караткевічам у пейзажнай характарыстыцы: 1) “Была ўжо глыбокая ноч, месяца не было відаць за хмарамі, але нейкае няпэўнае, хварабліва-шэрае ***святло*** залівала пусткі” [3, 401]. 2) “Недзе ***бліснула*** нясмелая асенняя маланка” [3, 327]. 3) “Усё гэта рабілася ў поўным маўчанні, і мёртвая халодная зорка ***гарэла*** над іхнімі галовамі” [3, 467]. 4) “Поўны месяц ***заліваў*** тарфяныя балаты, пусткі, парк Балотных Ялін блакітным ***срэбрам*** і далёка-далёка ***блішчэў*** у акенцы нейкай самотнай хаты” [3, 481]. 5) “Тры вялізныя хвоі ўжо вымалёўваліся над чэзлымі хмызамі, а над імі была такая ***цемра***, такое ***змрочнае*** неба…” [3, 447]. 6) “Ноч. Зоры. Першабытны ***змрок*** лясоў” [3, 326]. 7) “Зарослая травою алея, паабапал якой стаяў ***змрочны***, як лес, парк, давяла мяне да агароджы” [3, 390]. 8) “… над раўнінаю цягнуўся ***прысмерак***…” [3, 327]. З прыведзеных прыкладаў выяўляецца асноўная тэндэнцыя: пісьменнік стварае з дапамогай светлавой лексікі змрочную атмасферу мясцовасці каля Балотных Ялін. Гэта выклікае адпаведныя пачуцці ў чытача. Найбольш цікавымі нам уяўляюцца спалучэнні назоўніка “ноч” з усласнасветлавымі прыметнікамі: 1) “А ўначы паехалі яны на паляванне, бо ночы стаялі ***светлыя***...” [3,

358]. 2) “І ноч была ***светлаватая***” [3, 362]. 3) “Ноч была трохі ***святлейшая***, ніж заўжды” [3, 467].

У тэксце даволі шмат люксонімаў, ужытых пры апісанні сцэн, якія адбываюцца ўнутры пэўнай пабудовы. Безумоўная перавага застаецца за назоўнікамі, што, на наш погляд, дазваляе пісьменніку стварыць больш зрокавыя і наглядныя карціны: 1) “Малы Чалавек хлопнуў сябе па лбе і знік у ***цемры***, куды не даставала ***святло*** далёкай свечкі” [3, 479]. 2) “***Успышка азарыла*** пакой” [3, 398]. 3) “… свечка за павароткай калідора, якая ***гарэла*** ўсю ноч, хоць ***цьмяна***, але ***асвятляла*** калідор, ды і ў акно ліўся няпэўны шэры ***водбліск***” [3, 478]. 4) “Магло б здацца, што тут ніхто не жыве, каб не ***палалі*** ў вялізным каміне дровы і не залівалі няпэўным, мігатлівым ***святлом*** усю гэтую карціну” [3, 332]. 5) “Зноў ***цемра*** агарнула куты залы, у якой яшчэ, здавалася, жылі гукі музыкі і смех” [3, 388]. 6) “Вялізныя ***змрочныя*** залы з траскучым паркетам, ***змрок*** па кутах, вечная пройма, пах пылу і мышэй…” [3, 335]. Канцэнтрацыяй светлавых лексем у мікракантэкстах 1, 2, 3, 4, 6 дасягаецца ўзмоцненае ўздзеянне на пачуцці чытача.

Такім чынам, светлавая лексіка адыграла значную ролю ў раскрыцці мастацкай задумы аўтара. Менавіта люксонімы спрыяюць у творы стварэнню атмасферы трывожнасці і таямнічасці, а таксама вобразаў герояў. Асаблівасць мовы аповесці – амаль аднолькавая колькасць уласнасветлавой лексікі і люксонімаў, якія абазначаюць адсутнасць святла, што відавочна, падкрэслівае барацьбу святла і цемры / дабра і ліха. Яшчэ адна характэрная рыса – нязначная перавага люксонімаў-прыметнікаў над назоўнікамі.

Люксонімы шырока прыменены Ул. Караткевічам у партрэтных характарыстыках і пры перадачы эмацыйнага стану персанажаў (пераважна праз апісанне вачэй), у апісаннях прыроды і інтэр’ераў. Звяртае на сябе ўвагу ўжыванне ў якасці сродку характарыстыкі персанажа яго прозвішча *Свеціловіч*, якое не належыць да светлавой лексікі, але этымалагічна звязана з люксонімам “святло”.

Літаратура

1. Бабіч, Ю. М. Колеравая і светлавая эстэтыка ў мове твораў Якуба Коласа : манаграфія / Ю. М. Бабіч. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2002. – 127 с.
2. Верабей, А. Жывая повязь часоў : Нарыс творчасці Ул. Караткевіча / А. Верабей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 119 с.
3. Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 25 т. Т. 4 : Аповесці ; Легенда. Канец 1940–х – 1958 / У. С. Караткевіч ; [падрыхт. тэкстаў і камент. А. Вераб`я і П. Жаўняровіча] ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2013. – 861 с.
4. Сельвинский, И. Студия стиха / И. Сельвинский. – М. : Советский писатель, 1962. – 345 с.
5. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы : вучэб. дапам. / М. Я. Цікоцкі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 294 с.

A. Dulau, Yu. Dulava
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: dulov_78@mail.ru; jul_dulova@mail.ru

Luxonyms in Uladzimir Karatkevich’s novel “King Stakh’s Wild Hunt”

Key words: luxonym, creative idea, portrait characteristic, landscape.

The role of luxonyms in disclosure of creative idea in Uladzimir Karatkevich’s novel “King Stakh’s Wild Hunt” is determined. The quantitative analysis of luxonyms is conducted, and their importance in the creation of images of characters, description of nature and interior is identified.

С. А. Ильин
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
e-mail: ilinserg25@mail.ru

УДК 821.161.1-Чехов+82.09

«Бесстрашная грусть»: А. М. Амфитеатров о А. П. Чехове

Ключевые слова: личность, творчество, проза, драматургия, журналистика.

В статье С. А. Ильина «Бесстрашная грусть»: А. М. Амфитеатров о А. П. Чехове впервые анализируется восприятие личности и творчества А. П. Чехова известным писателем к. XIX − н. XX в. А. В. Амфитеатровым. Его мемуары, не вошедшие в 10-томное собрание сочинений, имеют большую литературно-эстетическую ценность и впервые вводятся в научный оборот.

В десятитомном собрании сочинении Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) его воспоминания представлены весьма скупо. Однако именно мемуары Амфитеатрова − писателя, драматурга, журналиста, певца − представляют наибольший интерес. Этот пробел восполнен двухтомником, сделавшим доступным наиболее ценную часть его литературного наследия (Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата: В 2 т. − М.: Новое литературное обозрение, 2004). В сборнике подобно рассказано о встречах с Л. Н. Толстым, П. И. Чайковским, А. С. Сувориным, Вл. С. Соловьевым, В. М. Дорошевичем, Н. С. Гумилевым и многими другими. Особый интерес представляют ряд очерков посвященных Чехову.

Проблематика мемуаров Амфитеатрова необычайно широка. Это не камерные дневниковые тексты, а широкая панорама культурной, и в частности литературной, жизни конца XIX − начала XX веков, в которую он вписывает Чехова. Амфитеатров познакомился с Антошей Чехонте в редакции юмористического журнала в 1882 году, был с ним в дружеских отношениях, постоянно переписывался, поэтому накопил много ценных наблюдений над поразившей его личностью Чехова и особенностям его творческого труда. Личность Чехова, по Амфитеатрову, − неразгаданный феномен, ей свойственны одиночество, особенная внутренняя работа, сложность познания души, уникальная наблюдательность, чуждость мистике, метафизике, славе и величию. С одной стороны, Чехов − «писатель роковой и страшный», с другой − «человек глубоко интимный» [1, 430].

Россия Чехова − «грустная, покаянная, самопроверяющая, самобичующая», страна разносторонней скорби и немногих, скромных и робких радостей. Чехов, «гениальный художник», создал столько русских типов, что «если бы собрать и поселить вместе все действующие лица Чехова, то возник бы целый уездный город. И был бы он − настоящий русский город», потому что Чехов − «великий Пан русской природы, русского бытового уклада», человек, сотканный из русской стихии [1, 424]. Его громадный талант и тончайший ум совмещались с «великою душою, беспредельною сердечностью без фраз и громких слов, с твердым и ясным характером, красота которого раскрыта не для многих. Скромность мудрого наблюдателя-молчальника создавала ему «среди близоруких людей репутацию человека замкнутого, скрытного, гордого, даже сухого», но только не для Амфитеатрова, для которого Чехов − «самая святая из святынь русской литературы, непосредственно примыкающая к Пушкину и Лермонтову, любимая, как Салтыков, стоящая рядом с Достоевским и Толстым» и для его поколения во многом «выразительнейшая и нужнейшая», чем оба последние [1, 466–467].

Такое понимание Чехова было доступно далеко не всем. Например, А. Д. Курепин − журналист, фельетонист, редактор журнала «Будильник» (1882–1891), которому Амфитеатров посвятил роман «Отравленная совесть» (1910), обожавший дарование Чехова и благословивший его в печать, − «так и умер в убеждении, что Чехов − огромный талант, но плохая голова, да еще скрытная, черствая натура. А между тем были уже написаны и «Скучная история», и «Дуэль», и «Степь»…» [1, 426]. Василий Иванович Немирович-Данченко, по мнению Амфитеатрова, «самый тонкий русский юморист и едва ли не самый блестящий русский рассказчик и разговорщик», после вечера, проведенного с Чеховым, заметил: «А и скучный же ваш Чехов!» [1, 461–462]. Манеру Антона Павловича среди общества уйти в себя, «заключиться в наблюдательное внимание», незнакомые люди принимали за суровость, угрюмость, нелюдимость, даже за недоброжелательство и обижались [1, 462]. Знакомая Чехова по Ялте, неглупая, развитая, причастная к литературе, после двух обедов с Антоном Павловичем заключила: «Ум и дарование совсем не одно и то же… Вот, например, Чехов. Талант, а глуп» [1, 462–463]. Это, конечно, частные случаи, но замкнутость Чехова, его самоуглубленность, особенная внутренняя работа породили «общий предрассудок, будто он был человек безразличный в политическом и социальном отношении − «без образа мыслей». Это Чехов-то!» − восклицает Амфитеатров [1, 463].

Хроническое состояние задумчивости, «зрения, обращенного внутрь себя», порой вырывалось вслух словами, неожиданными для собеседника. Так, в 1892 году, на Малой Дмитровке, во время рассказа Амфитеатрова о поездке в Италию, вдруг «меланхолический басок прогудел мягко и решительно: «Надо ехать в Австралию». Затем Антон Павлович спохватился, даже слегка покраснел и возвратился к первоначальной теме разговора [1, 427]. По воспоминаниям артиста Московского художественного театра А. А. Вишневского, приводимых Амфитеатровым, во время рыбной ловли в подольском имении Чехов неожиданно засмеялся и резко высказался об игре одного из актеров в «Дикой утке» Г. Ибсена, и это через три месяца после представления. Наблюдения Амфитеатрова представляют большую ценность: ведь этим свойством внутренней сосредоточенности, которое прорывается неожиданными репликами, Чехов наделил многих своих персонажей, например, Астрова («А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища − страшное дело!»), Чебутыкина («Тарара… бумбия… сижу на тумбе я…») и других.

Успех и неуспех в понимании Чехова также не соответствовали общепринятым представлениям. По мнению Амфитеатрова, казалось бы, Чехову грех жаловаться на неудачи в литературной карьере: московский «Будильник», петербургские «Осколки», созданная для этих изданий сотня миниатюр сложилась затем в прославившие его «Пестрые рассказы», признание публики и критики, нововременский период, «с почти влюбленным благоговением» к Чехову А. С. Суворина, «Русская мысль», «Северный вестник», период художественного театра, европейская слава, обеспеченное положение – счастливчик, в сорочке родился! Однако «этот счастливец томился глубоким и искренним самонедовольством, полным недоверия к существу своего успеха, и − быть может, больше того – тяжелых сомнений в самой нужности своего творчества» [1, 428]. Только в поездке на Сахалин Чехов видел «важное общественное дело, значение которого не может подлежать спору [там же].

Конечно, по свидетельству Амфитеатрова, провал «Чайки» в Александринском театре «страшно потряс писателя и несомненно отнял у его жизни несколько месяцев, если не лет». Но и почетом Чехов совсем не дорожил, не был воителем, вождем. «Пессимистический потомок Экклезиаста», «русский Экклезиаст», Чехов принимал свой успех «как-то грустно, скептически, не без печальной насмешки втайне и над самим собою, и над честь воздающими…» До конца дней Чехова мучило сомнение, выдержит ли он неожиданное величие, которое упало на его плечи [1, 428–429]. Его мозги нельзя

было ни утешить, ни опьянить, он постиг человеческую пошлость настолько глубоко, что стал «писателем роковым и страшным». Скорбь отравила чеховскую мысль, хотя она умела и улыбаться сквозь слезы [1, 428–430].

После смерти Чехова хлынул поток воспоминаний о писателе, причем в ряде публикаций его облик искажался. Так, прозаик, журналист и мемуарист Николай Михайлович Ежов (1862 или 1864−1941 или 1942) настолько негативно охарактеризовал личность и творчество Чехова, что Амфитеатров вынужден был выступить с опровержением. По утверждению Ежова, «быстрая литературная карьера А. П. Чехова совершенно изменила его самого и его отношения к окружающим. Удача вскружила ему голову… Он на всех глядел покровительственно, в словах был небрежен и не замечал, если от этого страдало чье-нибудь самолюбие… сделался нетерпим к чужому мнению… его душе были доступны вполне низменные страсти» [2, 505–507]. Ежов также писал, что «чеховский талант небольшой и чисто подражательный» [2, 514], «пьесы его не имеют особых достоинств и не заслуживают того успеха, какой им был оказан…» [2, 511], «книга «Остров Сахалин» есть образчик, как не надо писать подобные книги» [2, 508] и т. п. Мемуарный очерк Ежова вызвал ряд протестующих откликов, в том числе и самого Амфитеатрова (в газете «Одесские новости» 23 августа 1909 г.).

Прежде всего, Амфитеатров напоминает читателям, что Ежов, упрекающий Чехова в надменности по отношению к товарищам писательской молодости, всецело обязан своей литературной карьерой Чехову, который считал его «талантливым человеком, нуждающимся лишь в материальном обеспечении, чтобы развернуть свои беллетристические способности [1, 434]. Именно Чехов рекомендовал А. С. Суворину Ежова «на доходное место московского фельетониста «Нового времени», которого г. Ежову без Чехова не видать бы, как своих собственных ушей [1, 435]. Чеховская рекомендация принесла Ежову, «бывшему товарищу по небольшим изданиям», материальное благополучие: он вёл московский фельетон в «Новом времени» с 1896 по 1917 гг. и, живя безбедно, перестал нуждаться в грошовом и полуслучайном заработке в «Будильнике» и «Осколках». Однако Чехов ошибся: «Сделавшись журналистом, г. Ежов беллетристику забросил и застрял на фельетоне корреспондентского типа» [там же].

Утверждения Ежова, что удача вскружила голову Чехову и он стал суховат, стал глядеть свысока на знакомства, что прежние товарищи по небольшим изданиям казались ему мелюзгою, Амфитеатров называет «нехорошей, да и неумной неправдой» [1, 436]. «…Если что и изумляло в Чехове, − вспоминает Амфитеатров, − так это его твердая верность старому, от студенчества пошедшему товариществу, дружбам и симпатиям, заключенным в начале литературной карьеры [1, 436–437]. П. А. Сергеенко, В. А. Гиляровский, В. М. Дорошевич, В. А. Тихонов, В. В. Билибин, И. Л. Щеглов, Н. А. Хлопов, А. С. Лазарев, (А. Грузинский), наконец, сам Амфитеатров и многие другие сверстники Чехова по первым начинаниям «не имели никакого основания жаловаться на невнимание, забвение или нелюбезность Антона Павловича в дни самой шумной славы его [1, 437].

Чехову была свойственна манера острых критических замечаний не только в случае с Билибиным, подробно рассмотренным Амфитеатровым [см.: 1, 437–440)]. Так, сотоварищ Чехова по малой прессе П. А. Сергеенко признавался в одном из писем к Антону Павловичу: «Вследствие каких-то причин наши отношения принимают какой-то колючий и нехороший характер, оставляющий во мне осадок чего-то дурного. Между тем я питаю к тебе теплое чувство как к человеку и обожаю тебя как писателя. И мне всегда бывает больно и обидно, что я самое главное и хорошее между нами как-то загораживаю всяким хламом и оставляю в итоге вовсе не то, что составляет душу моих отношений к тебе. Думается, что это является отчасти вследствие чувствительного самолюбия, которому ты иногда наносишь уколы» [3]. Однако ни Щеглову, ни Тихонову, ни Сергеенко и в голову не приходило искать в замечаниях Чехова «злые чувства». Напро-

тив, поскольку замечания эти были верны, метки и приносили много пользы, то вызывали только чувство благодарности.

Чехов не только метко критиковал произведения своих товарищей, но и умел держать удары, подчас чувствительные и несправедливые, что никогда не приводило к бурному выяснению отношений. Амфитеатров вспоминает, что когда вышла в свет чеховская «Дуэль», повесть ему «ужасно не понравилась, показалась циническою, беспринципною». Словом, Амфитеатров ее не понял и тем не менее сгоряча напечатал в бакинской газете «Каспий» рецензию, в которой «Дуэль» «разнесена была вдребезги» [1, 441]. В частности, Амфитеатров писал: «Дуэль» − «самое слабое и неудачное из произведений автора», «если бы она не была подписана именем известности, на нее не стоило бы обращать внимания. Жидкость <**…**> сюжета производит особенно комическое впечатление, когда автор желает придать своим людишкам значение социальных типов: карлики влезают на ходули и притворяются великанами! <…> Г. Чехов гораздо лучше сделает, если заключится в сфере своей прежней специальности беллетриста-миниатюриста <…> Г. Чехову не удалось сказать ровно ничего, − двести пятьдесят страниц его «Дуэли» созданы по старым, истёртым, как взятый из библиотеки роман, шаблонам; факты мелки, вялы и незначительны; мысль героев и рассуждения − плод не жизненного наблюдения, а меланхолической кабинетной работы» [4]. Чехов, «генеральствующий по ежовской теории», должен был бы взъесться на рецензента, но чеховская реакция на «каспийскую» брань была умиротворяющей: «Послушайте же, это он на что-то другое сердит был… не в духе писал…». Также нелицеприятные статьи Амфитеатрова о появлении «Вишнёвого сада» на петербургской сцене в 1904 году вызвали не раздражение, а благодарственное письмо Чехова из Ялты, полное трогательной теплоты [1, 441].

По Ежову, Чехов «постепенно отодвинул от себя все авторитеты, стал в роль критика даже к большим писателям», в частности, оспаривал взгляды Л. Н. Толстого. В этом для Амфитеатрова нет ничего заслуживающего осуждения, ведь «Толстой как философ и религиозный учитель, конечно, не значил для него, врача, естествоиспытателя, логика по Миллю и Бэну, ровно ничего» [1, 442]. Хотя Чехов и уважал в Толстом художника, безапелляционное признание авторитетов было для него дико: «… В нём, истинном позитивисте, литературном наследнике Базарова, блистательнейшем представителе и учителе материалистического анализа, не было даже следа способности к идолопоклонству и покорству пред авторитетом» [1, 442–443].

Чехову было свойственно «единство материалистического мировоззрения». По свидетельству Амфитеатрова, из всех писателей, учёных, «ярких и знаменитых светочей интеллигенции» не было ума менее мистического, менее нуждавшегося в религии, чем ум Антона Павловича. Перефразируя известное высказывание, мемуарист отмечает, что Бог и религия − это гипотезы, в которых Чехов никогда не имел надобности. Антон Павлович, «один из величайших аналитиков всемирной литературы, решительно не признавал никаких метафизических априрностей. Сталкиваясь с ними в реальной жизни или в сюжете серьезного рассказа, он не умел относиться к ним иначе как к нервной болезни, которой необходимы самый тщательный диагноз и пользование («Чёрный монах», «Палата № 6», «Перекати-поле», «Перевоз») [1, 444]. Никакой мистики, сверхчувственного и сверхъестественного Чехов не признавал и держал себя с такими людьми как в лечебнице для тихо помешанных, которых «наблюдают и описывают, но с которыми не полемизируют» [там же]. Чехов, «меланхолический и мягкий, но последовательный и неуклонный потомок Базарова», совершенно не воспринимал поиски религии, наполнившие жизнь интеллигенции 90-х годов, отсюда и его неприятие «обращённого и опрощенного Толстого» [1, 445].

Психолог-атомист, Чехов в жизни многим казался грубым в своих откровенно-материальных взглядах на женщину. «Многим – Аркадиям Николаевичам Кирсановым, –

уточняет Амфитеатров, − любителям «говорить красиво»… Сам Чехов по этой части иногда произносил слова весьма резкие и совершенно лишённые «условных лжей» [1, 463]. Однако кому были адресованы эти беспощадные слова? Амфитеатров указывает на различные «женские чуда декаданса, качающиеся между мистицизмом и чувственностью… Этот мирок полубезумных, полушельм наслушался от него немало горьких правд, острых словечек и эпиграмм в прозе». Но серьезно, глубоко и умилённо благословляет Чехов великую и святую, возвышенно-телесную женскую любовь, будь то целомудренная Верочка, беспутная «Ведьма», тоскующие «Бабы», обездоленные старые девы, брошенная Сара, униженные проститутки, певички, беременная помещица, красавица-армянка на постоялом дворе [1, 464]. Кто хочет понять ясный и естественный взгляд Чехова на женщину, тот, по совету Амфитеатрова, должен перечитать «Отцов и детей» И. С. Тургенева. «Там, в намеке тургеневского проникновения, зарыты корни и исходные точки прекрасной женской галереи, которую завещал нам великий художник Чехов [1, 465]. Ни «эротоманом», ни «сладострастником» Чехов не был, и Амфитеатров свидетельствует, что за 22 года их знакомства он не слыхал, чтобы Антон Павлович «говорил нехорошие слова или вел фривольный разговор на цинические темы» [там же].

Красной нитью через мемуары Амфитеатрова проходит мысль о целостности личности и творческого пути Чехова, о невозможности «раздробить поразительную цельность личности Чехова искусственным делением его биографии на три периода, будто бы резко различные между собою: Антоша Чехонте, суворинский Чехов, Чехов либеральных дружб и Московского художественного театра. Неправда это. Не было трёх Чеховых. Было он один, всегда всё тот же, цельный, прямой, ясный, с первых резвых рассказов в «Будильнике» и «Осколках» до стука лопахинского топора в «Вишнёвом саде»…» [1, 467]. Амфитеатров готов отстаивать «с полным собранием его сочинений в руках» непрерывную логичность, стройную последовательность, глубокую внутреннюю связь жизни и творчества Чехова. Антон Павлович не был «пассивной куклой», которой играли А. С. Суворин, В. А. Гольцев, Художественный театр и т. д. [там же].

Амфитеатров опровергает многие крайности, свойственные характеристике отношений Чехова и Суворина. Ни умалять, ни преувеличивать значение Суворина в жизни Чехова нет необходимости, это ошибка, «беспристрастный, объективный исследователь это отвергнет. Сквозь какую призму ни глядеть на роль Суворина в жизни Чехова – она прекрасна» [1, 468]. Суворин разглядел в Чехове надежду русской литературы, создал все условия (и материальные, и моральные), чтобы дарование Чехова развивалось спокойно и независимо, уберег молодого писателя от «компромиссов подчинения», неизбежных для художественного таланта в 80–90-е годы, «дал ему вырасти внепартийным и независимым» [1, 469; 470]. Трогательно-влюблённое отношение Суворина к Чехову не может быть оспорено: он буквально «благоговел» перед Антоном Павловичем, не выносил, чтобы о Чехове говорили дурно, ревниво относился к критическим отзывам о Чехове, страдал, когда не нравилась какая-нибудь чеховская вещь [1, 471].

В своих мемуарах Амфитеатров воссоздал образ Чехова−наблюдателя-объективиста, который шёл через факт к закону жизни. Полный непроизвольной, почти механической наблюдательности, со зрением, обострённым до «силы микроскопа», к сорока годам Чехов имел «взгляд вещего пророка, с памятью нескольких столетий, с печальным опытом позади, без радости в думах о будущем» [1, 425; 426]. Поэтому он «человек скептицизма истинно трагического» [1, 425], а основная черта его творчества – «бесстрашная грусть» [1, 482]. «Одинокий, одинокий, одинокий в жизни» [1. 425], Чехов, как тип мыслителя-интеллигента, «тесно примыкает к Базарову. Как бытописатель – к Салтыкову. Как психолог и художник – к Мопассану, закончив и увенчав этим западным поворотом гоголевский период нашей литературы» [1, 483].

Литература

1. Амфитеатров, А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейнтблата : В 2 т. / А. В. Амфитеатров. − М. : Новое литературное обозрение, 2004. − Т. 1. – 584 с.; т. 2. – 608 с.
2. Ежов, Н. М. Антон Павлович Чехов: (Опыт характеристики) / Н. М. Ежов // Исторический вестник. − 1909. − № 8. − С. 499−519.
3. Письмо П. А. Сергеенко к А. П. Чехову от 3 декабря 1898г. // ОР РГБ. − Ф. 331. − К. 58. − Ед. хр. 486. − Л. 5−5 об.
4. Каспий. − 1892. − 19 января. Подпись : Ал. А-и (А. В. Амфитеатров).

S. A. Il`in
Lugansk Taras Shevchenko Nashional University
e-mail: ilinserg25@mail.ru

«Fearless sadness»: A. V. Amfiteatrov about A. P. Chekhov

Key words: person, creative activity, prose, drama, journalism.

The author of the article «Fearless sadness»: A. V. Amfiteatrov about A. P. Chekhov S. A. Iliin analyzes reception of A. P. Chekhov's personal qualities and works by A. V. Amfiteatrov, the famous writer of the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. His memoirs, which were not included into the 10-volumed collection of his works, have big literary and esthetic value and first were introduced in the scientific activity.

Д. О. Котомцев
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
e-mail: dima_kot_94@mail.ru

УДК 821.161.1.0

Литература модернизма: истоки и развитие

Ключевые слова: модернизм, романтизм, барокко, Средневековье, художественное направление.

В статье прослеживаются истоки модернизма как художественного направления. Основные эстетические и поэтические направления и эпохи, оказавшие влияние на формирование модернисткой литературы, – это Средневековье, барокко и романтизм. Также охарактеризовано художественное своеобразие литературы модернизма.

Н. Гумилёв однажды заметил, что «всякое направление испытывает влюблённость к тем или иным творцам или эпохам» [5, 42]. Как классицизм обращает свой взгляд на Античность, так и модернизм охватывает в своей эстетической основе различные эпохи и направления. Однако было бы не совсем корректно считать, что модернизм опирается только на романтизм (Ю. Борев, Д. Затонский). Полагаем, что корни модернизма как художественного направления намного глубже.

Первый эстетический «предшественник» модернизма – **Средневековье**. Именно в средневековой культуре возникает уверенность, что главный творец искусства (как и всего остального в мире) – Бог. От этого убеждения, только в обратную сторону, отталкивались романтики, создавая свою концепцию авторства: автор – это организующее

начало произведения, высшая созидающая сущность текста. Именно находя авторскую позицию, мы можем адекватно воспринять художественный мир.

Поэтике средневековой литературы, отмечает Ю. Борев, присущи облечение повествования в аллегорию и особое внимание к риторическим приёмам в создании текста, а также насыщенность цитатами из отцов Церкви. Для писателей становится важна работа над языком (великая литература – прежде всего феномен языка, наставлял В. Набоков); а активная цитация словно предвещает интертекстуальную насыщенность, характерную для прозы модернистов.

Также именно в Средневековье мир и общество стали восприниматься как явления *сверхчувственного* порядка (в отличие от Небесного Царства). Отсюда то, что Б. Ярхо называл *чудесностью, сверхъестественностью* в средневековой литературе и искусстве (сакральный символизм). Эти черты особенно важны для модернистов – намеренное усложнение реальности с помощью необъяснимого, доходящего до гротеска, но вполне нормального для художественного мира в романах В. Вулф («Орландо»), К. Вагинова (все романы), В. Набокова («Дар», «Приглашение на казнь» и поздние романы), Д. Джойса («Поминки по Финнегану», «Улисс»). Куртуазная литература Средних веков стала основой для романтизма XIX века: культ любви Прекрасной Дамы, рыцарский долг, подвиги, необычные люди в необычных обстоятельствах, героизм в борьбе, страдания – в любви. Потом всё это органично впитало в себя барокко.

Эстетический фундамент **барокко** – философский скептицизм М. Монтеня (к слову, это любимый автор В. Вулф и М. Пруста). Именно в барокко впервые было отмечено Т. Тассо, что главный предмет поэзии – человек и всё человеческое, что наложило отпечаток на весь дальнейший художественный процесс [3, 438]. *Художественное мышление* творцов барокко *усложнено, вычурно*, произведения литературы *утончённо чувственны*. Барочной эстетике присущ дуализм; то, что только намечалось в Средневековье, получило в барокко художественное развитие: мир разделился на реальный мир и мир идеальный. В. Балашов отмечал, что когда нарушается баланс между реальным и идеальным, возникает маньеризм – жизненно-реальное заменяется условной формой [Цит. по: 3, с. 440]. Отсюда – романтическое двоемирие, которое достигло полного расцвета именно в эпоху модернизма.

Стилистика барокко (мы понимаем стилистику в гумилёвском смысле: как «впечатление, производимое словом») внутренне близка модернистам (особенно Д. Джойсу, М. Прусту, В. Набокову): живописность, пластичность, пышность, дисгармоничность, иррациональность, метафоричность. Барокко ориентировано на человека, однако барочная литература социально пессимистична, полна сомнений, скепсиса в возможностях человека; для творцов барокко характерно ощущение тщетности бытия и обречённости борьбы человека со злом. Мир неустойчив, всё переменчиво.

Жизнь – только тень минутная; фигляр,
Свой краткий час шумящий на помосте,
Чтобы навек затихнуть; это – сказка
В устах глупца, где много звонких фраз,
Но смысла нет.
(У. Шекспир, «Макбет»).

Вся эта тематика и художественная тональность предвещает XX век и литературу модернизма.

Романтизм – ключевой исток модернизма. Ф. Шлегель заметил, что искусство не подражает действительности, пересоздаёт её. Восприятие красоты в искусстве *преображает* человека. Причём искусство бесцельно; Б. Констан писал: «Искусство достигает цели, не ставя её» [Цит. по: 3, с. 50]. Герой романтизма – трагически одинокий индивидуалист; в центре произведения – человеческая личность, наделённая страстным и

ярким характером – Рене Ф. Шатобриана, Ансельм и Бальтазар Э. Гофмана, герои Новалиса, Томас Моор Ф. Шиллера и др. Продолжателями галереи таких героев стали персонажи модернистов: Орландо, Годунов-Чердынцев, Марсель, Йозеф Кнехт и Гарри Галлер, Неизвестный Поэт и многие другие.

Герой романтизма находится, по выражению А. Пушкина, в *английском сплине,* потому что герои ощущают разлад мечты и обыденности – это порождает двоемирие, тягу к фантастичности, гротеску. Человек индивидуально-неповторим. Таким же и должно быть произведение искусства; отсюда – культ экзотики, метафоричность, ассоциативность, многозначность; литература тяготеет к синтезу или взаимодействию жанров и видов; искусство в античных традициях синкретично – оно совмещает в себе философию и религию. Многие модернисты переняли эту традицию: В. Иванов, В. Брюсов, Д. Джойс, В. Набоков – все они были не только писателями, но и учёными, философами; это не могло не отразиться и на их художественном творчестве, тяготении к концептуальности.

Мир романтизма, как и мир модернистов, – это преимущественно собственный духовный мир героя, в котором заложены особенности эпохи: апология чувства, отказ следовать правилам в поэтике, увеличение роли субъективно-личного начала в творческом процессе, рост индивидуализма, появление исторического компонента в художественном мышлении [3, 470-471]. Эти особенности можно множить и дальше, однако очевидно, что все они закономерно перешли и в литературу модернизма, перешагнув через реализм. Е. Водолазкин в интервью отметил, что когда меняется художественная система, то новая обращается больше не к предыдущей, а предшествующей прошлой. В случае модернизма мы видим, что его художественный взгляд был обращён сразу к нескольким системам, которые гармонично связаны между собой.

Очень суммарно обозначенные выше черты различных литературных эпох не исчерпывают и не вмещают в себя всего их художественного многообразия, но уже этот обзор показывает, как сильно повлияли Средневековье, барокко и романтизм на становление модернизма. Остальные направления и эпохи, разумеется, не остались за пределами художественного фокуса модернисткой литературы, однако со многими из них модернизм почти не соприкасался и не перекрещивался, – такие как сентиментализм, классицизм, эпоха Просвещения, натурализм.

Критический реализм, например, доминанта XIX века, чужд модернизму. Х. Ортега-и-Гассет так писал об изображении жизни писателями-реалистами: «Кто скрашивает её доброй улыбкой, кто изливает жалобы и так переполнен дурными предчувствиями, что сердце сжимается; но пессимизм играет с нами злую шутку» [7, 65]. Романы французских натуралистов – сплошная жалоба о судьбе обездоленных; Ч. Диккенс и У. Теккерей «проливают слёзы над нищим духом» [там же]. Русские романисты «изображают только лохмотья, голод и всяческие низости» (что, конечно, спорно) [там же]. Художники словно предчувствуют «сумерки истории», поэтому пытаются как можно точнее зафиксировать свою эпоху в романах. Добавим, что в XX веке множество писателей идёт ещё дальше: на примере разлагающихся семейных династий демонстрируют упадок общества (Т. Манн, У. Фолкнер); заглядывают в самые тёмные уголки бытия человека, обнажая его слабость и беспомощность перед обществом (Ф. Кафка, С. Беккет); показывают, как меняется мир, обезображенный ужасами войны, и вместе с ним – человек, неспособный забыть эти ужасы (Э. Ремарк, Э. Хемингуэй, Ф. Фицджеральд); демонстрируют нам девальвацию культуры прошлого, которая неспособна победить обнищание искусства современности (К. Вагинов, Г. Гессе); или же описывают изменения в обществе, которое вдруг попало в круговорот истории (эмигрантские и советские писатели). Литература становится летописью печали и справочником по социологии.

И на фоне подобной тематики выделяются те, кто отказывается фиксировать страдания и боль, скрупулёзно изучая изменения в обществе и культуре. Их искусство замечательно тем, что на широком историческом полотне современности оно пытается решить проблемы этой современности, найти выход из безрадостного существования культуры и человека. Это – В. Вулф, М. Пруст, Д. Джойс, В. Набоков, К. Вагинов, Б. Пастернак, М. Цветаева и др. Яркие дарования объединяет то, что их литература полна жизненных сил, она красива и сложна – и тем не менее, стремится постигнуть жизнь. Легко изображать боль и страдания, когда все окружены ими, но превратить их в материал, из которого в итоге прольётся счастливый свет, любовь и утверждение жизни – это оказалось не каждому по силам. Их можно было бы назвать сторонниками искусства ради искусства, бездуховными, безыдейными писателями (как, например, часто величают В. Набокова), однако позднее оказывается, что ценности этих писателей на долгой дистанции побеждают ценности тех, кто сосредоточился на блужданиии во тьме общественных потрясений и человеческого подсознания, а не на поисках выхода из этой тьмы.

Первая половина XX века действительно стала эпицентром «тьмы» в истории и культуры Европы. Первая мировая война, Октябрьская революция, распад нескольких империй – это только краткий перечень общественных потрясений, наложивших свой отпечаток на художественную культуру. Искусство пережило этап раздробленности. Многие философы и культурологи назвали это время «кризисом искусства». «Много кризисов, – писал Н. Бердяев, – искусство пережило за свою историю… Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах» [2, 162]. Так понимал кризис реалистического искусства русский философ. Однако на деле кризис оказался скорее не потрясением или упадком, а пересмотром принципов и суждений, силы разума и натурализма, которые сформулировал XIX век. Из этого «пересмотра» родился условный период культуры, который называют «**модернизмом**». Но одновременно с модернизмом возникло и **авангардное искусство**.

В. Руднев считает, что «главное различие между модернизмом и авангардом заключается в том, что, хотя оба направления стремятся создать нечто принципиально новое, модернизм рождает это новое исключительно в сфере художественной формы, в сфере художественного синтаксиса и семантики, не затрагивая сферу прагматики. Авангард затрагивает все три области, делая особенный упор на последнюю» [8, с. 673]. Таким образом, для авангарда важно поведение человека, скандал, эпатаж, а модернизму это всё не нужно. В сфере прагматики модернист ведёт себя как обычный художник или учёный: он пишет свои замечательные картины, романы или симфонии и обычно не стремится утвердить себя перед миром активными способами, присущими авангардистам.

«*Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности*!» – гласит манифест футуристов. И это манифест в том числе и авангардного искусства, то есть «передового отряда», без оглядки на прошлое, с новым языком, новыми формами, новой любовью и т.д. Но испытание временем футуризм не прошёл: язык В. Хлебникова и А. Кручёных, лесенка В. Маяковского и т.д. – немногое прижилось.

А **модернизм не таков**. Он тесно связан с наукой и философией, он уходит в традиции и на их основе создаёт новое. Недаром многие модернисты были учёными и философами – достаточно вспомнить В. Брюсова, Андрея Белого, В. Иванова, А. Бергсона. А его **творцы** – это немного **далёкие от реальности люди, глубоко-замкнутые характеры, болезненные, но невероятно цельные внутри**: это и В. Вулф, покончившая с собой, ощущая приближение Второй мировой войны, и Д. Джойс, вместивший в обычный дублинский день весь поток жизни, и М. Пруст, полжизни проведший в четырёх стенах, и О. Мандельштам, который совмещал в себе болезненное чувство собственного достоинства и неукоренённость в жизни.

В этих модернистах нет никакого «*духовного примитива*», увиденного, например, М. Лифшицем, который, видимо, не разграничивал понятия «модернизм» и «авангард». Для него они были частями единого культурного кризиса в искусстве, который породил фашизм, возвеличил консервные банки, отказался от реального мира, встал на путь силы и варварского разрушения. Но по сути модернизм всего лишь предложил принципиально иной взгляд на мир и на человека, выдвинув на первое место изображение чувств, едва уловимых мыслей, движения сознания, диалектики души. Пользуясь словами Н. Бердяева, модернисты пытались «*добраться до скелета вещей*», до твёрдых форм, скрытых за размягчёнными покровами.

Об этом писала ещё В. Вулф в эссе «Современная художественная проза». Да, живут и творят западные классики, которых упоминает и М. Лифшиц: А. Беннет, Д. Голсуорси, Г. Уэллс. Но для них детально обрисовать купе, причёску, зафиксировать бессмысленный разговор куда важнее, чем вникнуть в душу персонажа – читая их романы, мы сталкиваемся со шквалом информации и деталей, но на последней странице понимаем, что ничего не знаем о героях: как они чувствуют и любят, как мыслят и оценивают мир. «Новое» в модернизме – это взгляд на мир глазами самих героев, оттенки их мыслей чувств, обрывки сознания. Но «новое» как раз в кавычках, потому что оно не принципиально новаторское, не примитивное или впечатляющее своей необычностью и запутанностью, как новый язык В. Хлебникова. Это «новое» возрождает старое и опирается на него. Последний монолог Анны Карениной – это ли не черновик потока сознания? Или рассказ А. Чехова «Гусев», в котором нам даются обрывки разговоров и мыслей больных солдат, потом один из них умирает, его уносят, некоторое время разговор продолжается, затем умирает сам Гусев, и его, как «морковь или редьку», выбрасывают за борт. «Акцент падает на такие неожиданные места, – говорит В. Вулф, – что порой кажется, что его вообще нет, а потом, когда глаза привыкают к сумерками и различают очертания предметов в пространстве, мы начинаем понимать, насколько совершенен рассказ, как точно и верно в соответствии со своим видением Чехов выбрал одно, другое, третье, собрал их в единое целое, чтобы создать нечто новое» [4, с. 501].

Далее М. Лифшиц говорит: «Духовная жизнь умерла, червь сознания раздавлен. Но это пустая иллюзия. Попытки больного духа выйти из собственной кожи бессмысленны, безнадёжны. Вращение рефлексии вокруг себя рождает только “скучную бесконечность”, неутолимую жажду другого» [6, с. 109]. А вместе с тем В. Вулф, а за ней М. Пруст говорят, что духовная жизнь вовсе не умерла, нет никаких иллюзий, есть только реальность. А что такое реальность? В. Вулф отвечает: «Нечто очень рассеянное, непредсказуемое – сегодня находишь в придорожной пыли, завтра на улице с обрывком газеты, иногда это солнечный нарцисс… Порой гнездится в таких далеких образах, что и не различишь их природу. Но всё, отмеченное этой реальностью, фиксируется и остаётся. Единственное, что остается после того, когда прожита жизнь и ушли наша любовь и ненависть» [4, с. 503].

М. Лифшиц пишет, что модернизм – «это философия, выражающая господство силы и факта над ясной мыслью и поэтическим созерцанием мира» [6, с. 110]. После слов В. Вулф с такой трактовкой трудно согласиться, потому что в модернизме мысль как раз предельно ясна, в ней главенствует поэтическое созерцание мира, а сознание в обрывочности своих элементов невероятно целостно и служит для выражения чувств.

Позже М. Лифшиц добавляет, что искусство модернизма заключается в массовом гипнозе, подъёме «*тёмного энтузиазма*», а не разумного мышления и светлого чувства правды. Но стоит нам обратиться к М. Прусту, как мы то и дело сталкиваемся со светлой правдой, яркими красками жизни, следуя по тропе с Марселем в поисках утраченного времени. А гипнозом можно назвать только его тяжеловесный стиль, который отводит многих читателей с первой же страницы, но никак не внушением, призывающим к бурной деятельности, к власти с помощью насилия и «тёмного энтузиазма».

А утверждение М. Лифшица о том, что личность художника отступила на задний план перед его созданием и тем возвысилась над собственным уровнем, свойственно более поздним «-измам», которых породил авангард. М. Лифшиц пишет, что «в новейшем искусстве <…> то, что делает художник, всё более сводится к чистому знаку, знамению его личности» [6, с. 112], но с этим можно поспорить, вспомнив тех же В. Вулф и Д. Джойса, у которых повествователь не всезнающий творец, как у О. Бальзака; фигура нарратора словно исчезает, сменяясь совокупностью точек зрения различных персонажей. Их сознание обрывочно, но при этом целостно; оно передаёт всю гамму их чувств, мыслей, ощущений, не забывая и об окружающем мире – но реальные объекты, как и сам автор, не возводятся в абсолют, а всего лишь остаются частью мироздания внутри произведения искусства.

Для модернистов важна реальность, но своя, особенная реальность, замкнутый мир, несущий на себе отпечаток действительности, мир культуры, искусства, памяти и прошлого, в котором всё созидается, насыщается жизнью, но никак не разрушается и не приводит к глобальным изменениям в общественном сознании. Реальность модернизма – это *преображенный творчеством мир*, отмеченный печатью художественности. Реальная действительность часто жестока к человеку; надежда Ф. Достоевского на то, что люди, вынужденные страдать из-за несовершенства мира, будут стоически относиться к действительности, видеть прекрасное и внутренне – психологически, чувственно и рационально – не деформироваться, не оправдалась. Отсюда – катастрофичность мироощущения модернистов, трагическая интонация в творчестве В. Вулф, К. Вагинова и др., чувствующих «гибельное несовершенство мира». Однако любая трагедия может быть преодолена с помощью непреходящих человеческих ценностей – памяти, любви и искусства. Пользуясь словами И. Анненского, в модернизме «отрицательная, болезненная сила муки уравновешивается в поэзии силою красоты, в которой заключена возможность счастья» [1, с. 25]. Это доказал М. Пруст, а за ним – В. Набоков, чьё творчество стало венцом и эпилогом «высокого модернизма».

Литература

1. Анненский, И. Книги отражений / И. Анненский. – М. : Наука, 1979. – 689 с.
2. Бердяев, Н. Кризис искусства / Н. Бердяев // Эстетика и теория искусства XX века. Хрестоматия ; отв. ред. Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 162–183.
3. Борев, Ю.Б. Эстетика: учебник / Ю.Б. Борев. – М. : Высш. шк., 2002. – 511 с.
4. Вулф, В. Избранное / В. Вулф. – М. : Худ. лит., 1989. – 558 с.
5. Гумилёв, Н.С. Письма о русской поэзии / Н.С. Гумилёв. – М. : Современник, 1990. – 385 с.
6. Лифшиц, М.А. Почему я не модернист? / М.А. Лифшиц. – М. : Искусство – XXI век, 2009. – 606 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
8. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 864 с.

D. O. Kotomtsev
Luhansk Taras Shevchenko national University
e-mail: dima_kot_94@mail.ru

Modernist literature: origins and development

Keywords: modernism, romanticism, Baroque, middle Ages, art direction.

The origins of modernism can be traced in the article as an art direction. The main aesthetic and poetic trends and epochs that influenced the formation of modernist literature are the middle Ages, Baroque and romanticism. The article also describes the artistic originality of modernist literature.

К. И. Малышева
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: kseniya-malysheva@list.ru

УДК 821.161.1’42

Специфика проявления интертекстуальности в романе Э. Елинек «Пианистка»

Ключевые слова: текст, интертекст, цитата, музыка, стихотворение, цикл песен, контекст.

Статья посвящена изучению интертекстуальных единиц музыкального и поэтического жанра в тексте художественного произведения. В романе Э. Елинек «Пианистка» основные интертекстуальные составляющие связаны с творчеством австрийских и немецких композиторов и имеют вид цитации из песенных циклов.

Проблема изучения интертекста, интертекстуальности, способов и средств их выражения не случайно стала одной из самых актуальных в современной лингвистике конца XX – начала XXI века. В первую очередь интерес к этой проблеме связан с анализом текстов современных писателей и поэтов, произведения которых являют собой целую систему, выстроенную на основе «модернизации прототекстов, принадлежащих перу выдающихся людей XIX–XX вв. – философов, классиков литературы, общественных деятелей» [2, 77].

Термин *интертекст* появился во французской лингвистике, но генетически связан с русской филологической традицией. Юлия Кристева, автор термина, сформулировала свою концепцию интертекстуальности в 1967 году на основе переосмысления работы М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Французская исследовательница отмечает, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой находится в постоянном «диалоге». Ю. Кристева, опираясь на понятия диалога и полифонии, разработанные М. М. Бахтиным, указывает на свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами и определяет эту способность как **интертекстуальность**.

В настоящее время под интертекстуальностью понимается важнейшая текстовая категория, которая является объектом внимания литературоведов и лингвистов: «литературоведа интересуют в первую очередь источники литературных прототекстов, а исследователя по лингвистике текста – способы включения интекстов в художественное произведение» [1, 38]. Современные исследователи по-разному называют это явление: ***интертекстуальность***, ***метатекстовость***, ***межтекстовая соотнесённость***, ***коммуникативный фрагмент***. Как бы при этом ни различались терминологические определения, значение и понимание данной категории разными учёными в целом схожи.

Роман «Пианистка» (“Die Klavierspielerin”) австрийской писательницы Эльфриды Елинек, работающей в русле такого литературного направления, как постмодернизм, является ярким примером многообразных интертекстуальных вкраплений, в первую очередь базирующихся на музыкальном наследии австрийских и немецких композиторов, а также отсылающих нас как к классическим литературным произведениям авторов XVIII–XIX-го веков, так и к современной зарубежной прозе.

Способы введения интертекста разнообразны и тесно связаны с индивидуальной личностью автора. Следует упомянуть, что роман «Пианистка» в значительной степени биографичен: с момента заболевания отца воспитание Эльфриды полностью перешло в

руки матери, которая планировала для дочери музыкальную карьеру. В школе Эльфрида брала уроки игры на фортепиано, флейте, гитаре, скрипке и альте; в возрасте 13 лет Елинек была принята в Венскую консерваторию, где изучала игру на органе, фортепиано, блокфлейте, а также музыкальную композицию, при этом одновременно она заканчивала публично-правовую гимназию.

В качестве лейтмотива романа выступает цикл песен Франца Шуберта «Winterreise» («Зимнее путешествие»), написанный на стихи немецкого поэта эпохи романтизма Вильгельма Мюллера. Рассмотрим отрывок романа, в котором присутствуют: 1) строчка из народной песни, 2) цитата из хвалебной оды Австрии („Loblied auf Österreich") из произведения австрийского писателя Франца Грильпарцера «Величие и падение короля Оттокара», 3) фрагмент из цикла песен:

*"**Abendstille schon überall, nur am Bach die Nachtigall.** Alle spielen auf der Veranda Karten. Schmetterlinge umflattern halb bewußtlos die Petroleumlampe. SIE wird von keinem hellen Kreis angezogen.<…> Aus einem vielschichtigen Paket wickelt sie sorgfältig eine Rasierklinge heraus. Die trägt sie immer bei sich, wohin sie sich auch wendet. **Die Klinge lacht wie der Bräutigam der Braut entgegen.** SIE prüft vorsichtig die Schneide, sie ist rasierklingenscharf. Dann drückt sie die Klinge mehrere Male tief in den Handrücken hinein, aber wieder nicht so tief, dass Sehnen verletzt wurden. <…> Die ganze Zeit rieselt und rinnt hellrotes Blut aus den Wunden heraus und verschmutzt alles auf seinem Lauf. Es rieselt warm und lautlos und nicht unangenehm. Es ist so stark flüssig. Es rinnt ohne Pause. Es färbt alles rot ein. Vier Schlitze, aus denen es pausenlos herausquillt. Auf dem Fußboden und auch schon auf dem Bettzeug vereinigen sich die vier kleinen Bächlein zum reißenden Strom. **Folge nach nur meinen Tränen, nimmt dich bald das Bächlein auf.** Eine kleine Lache bildet sich. Und es rinnt immer weiter. Es rinnt und rinnt und rinnt und rinnt"* [7, 45]. – [***Повсюду уже царит тишина, и лишь у ручья заливается соловей.** Все собрались на веранде и играют в карты. Ошалелые мотыльки вьются вокруг керосиновой лампы. ЕЁ не тянет к свету. <…> Она тщательно разворачивает многослойный пакет и достаёт бритву. Она всегда и повсюду носит её с собой. ОНА осторожно проверяет лезвие, острое, как и положено лезвию бритвы. Потом она несколько раз с силой проводит бритвой по тыльной стороне ладони, однако не слишком сильно, чтобы не перерезать жилы. <…> Алая кровь непрерывно течёт из ран и пачкает всё на своем пути. Кровь струится тёплой и тихой струйкой, это даже приятно. Она такая жидкая, эта кровь. Она течёт непрерывно. Она всё вокруг окрашивает в красный цвет. Она течет из четырёх надрезов, не останавливаясь. На полу и на постели четыре маленьких ручейка сливаются в стремительный поток. **Следуй за слезой моей, до ручья дойдешь скорей.** Натекает маленькая лужа крови. А кровь всё течёт и течёт. Она течёт и течёт, течёт и течёт* (Здесь и в дальнейшем, помимо особо оговоренных случаев, перевод *А. В. Белобратова*. – К. М.)] [3, 70–71].

Фрагмент народной песни не подвергся преобразованиям, и его претекст выглядит следующим образом: *"**Abendstille überall,/Nur am Bach die Nachtigall** / Singt ihre Weise / Klagend und leise / Durch das Tal"* – [*Стоит вечерняя тишь, лишь жалобная и тихая песнь соловья у ручья слышна во всей долине*].

Включение фрагмента торжественной оды в текст романа послужило основой образного сравнения с элементами олицетворения: слова «бритва» и «жених» подчёркивают жестокость поступка по отношению к собственной жизни, на который героиня романа идёт осознанно. Наблюдается несоответствие между чудовищной жизненной ситуацией, описанной в романе, и торжественными словами прекрасной оды Австрии:

"*Er ist ein guter Herr, es ist ein gutes Land, / Wohl wert, dass sich ein Fürst sein unterwinde! / Schaut rings umher, wohin der Blick sich wendet, / Wo habt ihr dessengleichen schon gesehen?/**Lacht's wie dem Brautigam die Braut entgegen!"*** [3] – [*Он добрый господин, это хорошая страна, / Наверное, стоило князю стать его подчиненным! / По-*

смотрите вокруг, куда обращен взгляд, / Вы где-нибудь такое видели? ***Смейтесь, как жених, завидев свою невесту!***].

Завершает отрывок цитата из песни "Wasserflut" («Поток») Ф. Шуберта на стихи В. Мюллера:*"Schnee, du weißt von meinem Sehnen, / Sag', wohin doch geht dein Lauf? /* ***Folge nach nur meinen Tränen, / Nimmt dich bald das Bächlein auf"*** [4] – [*Ты, снег, ты знаешь о моих страстных желаниях, / Скажи, куда поток понесёт тебя? /* ***Смешавшись с моими слезами, / Поток вскоре унесёт тебя далеко***] [6].

Данная цитата включена в текст произведения в неизмененном виде, однако автор словно сталкивает разные стили, что придает «Пианистке» мрачное звучание. Слово «поток» дважды присутствует в данной цитате и более того, маркируется как название песни Шуберта, символизируя «стремительный поток» крови героини. При этом текст самой песни оказывается встроенным в контекст произведения и между стихотворением и романом устанавливается гибкая интертекстуальная связь, придающая песне измененный смысл.

Лексема "Bach" («ручей») не раз звучит в романе для описания музыки Иоганна Себастьяна Баха: *"Ernst rauscht der Bach","Der Bach rieselt in den schnellen Satz hinein…", "Der Bach ist zur Ruhe gekommen". «Строго и сдержанно журчит полноводный ручей музыки Баха» –* «*Баховский ручей перетекает в быструю фазу…», «Ручей музыки Баха затих. Его течение прекратилось»* (перевод А. В. Белобратова) [3, 100–101]. Автор художественно обыгрывает фонетическое созвучие лексемы Bach (ручей) и фамилии великого немецкого композитора, тем самым создавая в тексте глубинную ассоциативную цепочку между музыкой Баха и полноводным чистым журчащим ручьем. Более того, Э. Елинек далее усиливает эту ассоциацию, противопоставляя лексемы "Bach" (ручей) и "Bächlein" (ручеек), которые функционируют в романе как контекстуальные антонимы: *"Erika höhnt über* ***das Bächlein*** *des Schülers", das stockend, gestaut von kleinen Stein-und Erdwällen, durch sein verdecktes Bett rumpelt. Erika erklärt nun* ***Bachs Werk*** *genauer:* ***es ist ein Zyklopenbau, was die Passionen, und ein Fuchsbau, was das Wohltemperierte*** *und die anderen kontrapunktischen Sachen fürs Tasteninstrumenten betrifft. Erika erhebt , mit voller Absicht zur Demütigung des Schülers, Bachs Werk in Sternenhöhe; sie behauptet, daß* ***Bach die Kathedralen der Gotik*** *musikalisch dort, wo jeweils erklinge, wieder neu aufbaue.<…>und sie lügt, die Faustische Sehnsucht nach Gott habe das Straßburger Münster genauso wie den Eingagngschor zur Matthäuspassion hervorzurufen.* ***Ein Münster sei es nicht gerade gewesen, was er da gespielt habe****"* [7, 102] – [*Эрика высмеивает жиденький ручеёк музыки, исполняемой учеником, ручеёк, который катится по грязному ложу, наталкиваясь на небольшие каменные и земляные запруды. Эрика теперь толкует сочинение Баха более точно: это – циклопическое сооружение в том, что касается «Страстей», и это лисья нора, когда речь заходит о «Хорошо темперированном клавире» и о других, основанных на контрапункте сочинениях для клавишных инструментов. Эрика превозносит сочинения Баха до небес, чтобы унизить ученика; она утверждает, что Бах с музыкальной точки зрения возводит готические соборы там, где звучат его сочинения. <…> и она придумывает на ходу, что стремление Фауста к Богу вызвало к жизни как страсбургский собор, так и хор в начале «Страстей по Матфею». То, что ученик сейчас исполнил, собором уж никак не назовёшь*] [3, 163]. Как видим, музыка Баха, осмысливаемая метафорически как полноводный ручей, противопоставлена «жиденькому ручейку» музыки ученика. Ручеек вполне может быть маленьким, но чистым и приятным, однако в данном контексте он «катится по грязному ложу», поэтому смысл противопоставления ручей – ручеек не вызывает сомнения у читателя. Из данного отрывка мы видим, как автор стремится возвысить музыку Баха, сравнивая её с готическим собором, при этом реально повышая кругозор читателя упоминанием гениальных произведений Баха (духовная оратория «Страсти по Матфею»,

48 прелюдий и фуг «Хорошо отрепетированного клавира»), Страсбургского собора, где звучала его музыка, известнейшего литературного героя Фауста.

Автор романа не единожды обращается к циклу песен «Зимний путь». В цикле стихотворений В. Мюллера, положенных в основу цикла Шуберта, можно выделить три основных темы: *странник и странствие*, *холод*, *одиночество*. Те же темы являются лейтмотивами в романе «Пианистка». Рассмотрим подробнее следующий отрывок романа, в котором заявлена тема необычного путешествия: *"Ihr verlangertes Auge ist das Fernglas.* ***Sie vermeidet die Stege, wo die andren Wandrer gehn.*** *Sie sucht die Punkte,* ***wo die andren Wandrer*** *sich vergnügen – immer zu zweit. Sie hat ja* ***doch nichts begangen, das die Menschen scheuen*** *sollte. Sie späht unter Zuhilfenahme des Sehgeräts nach Paaren aus, vor denen andere Menschen zurückscheuen würden"* [7, 140] – [*Бинокль является продолжением ее глаз.* ***Она избегает дорожек, по которым обычно ходят другие гуляющие.*** *Она ищет места,* ***где другие гуляющие развлекаются*** *— всегда на пару.* ***Она ведь не совершила ничего такого, чтобы бояться людей****. С помощью бинокля она выслеживает парочки, от которых бы другие люди отшатнулись*] [3, 226].

В данном эпизоде, в котором героиня словно странствует по парку, избегая обычных дорожек для прогуливающихся, и тайком наблюдает за уединившейся парой, есть аллюзия на стихотворение В. Мюллера «Der Wegweiser» («Путевой столб»), которое также включено в песенный цикл композитора и имеет жизненный философский смысл: ***"Was vermeid' ich denn die Wege. / Wo die ander'n Wan'rer geh'n. / Suche mir*** *versteckte* ***Stege****, / Durch verschneite Felsenhöh'n? /* ***Habe ja doch nichts begangen, / Daß ich Menschen sollte scheun,*** */ Welch ein törichtes Verlangen / Treibt mich in die Wüstenei'n?"* [4] – [*Люди идут вдоль широких дорог. / Путевые столбы указывают на деревни и города. /****Не совершив никакого преступленья, / Почему я избегаю легких путей? Почему сторонюсь всех людей****? / Почему иду через горы и снег?* ***Иду без отдыха*** *и усталости в одиночестве, / Пустынная тропа передо мной. / Единственный указатель направляет в страну, / Из которой никто не возвращался*] [4]. Диссонанс между стихотворением и отрывком из романа Э. Елинек возникает на глубинном смысловом уровне. Героине романа неинтересны просто гуляющие, ей интересно наблюдать, как развлекаются «парочки, от которых бы другие люди отшатнулись».

В стихотворении Мюллера рассуждения носят философский смысл. Пути, о которых он говорит, это не дорожки в парке, а пути жизни. И идет он без отдыха, в одиночестве в страну, из которой никто не возвращался. В романе – пошлое подглядывание, в стихотворении – вечные вопросы о жизни, смерти, одиночестве. Кроме того, сам стиль отрывка романа усиливает диссонанс, поскольку наряду с нейтральной лексикой в нем присутствуют устаревшие грамматические формы *gehn, scheun*, архаизм *Stege* (мостки, мостик) по сравнению с размеренным ритмом, преобладанием простых предложений в стихотворении Мюллера.

В этом же отрывке романа выявляется аллюзия на стихотворение немецкого романиста Людвига Рельштаба, включённого ещё в один цикл песен Ф. Шуберта «Лебединая песня» ("Schwanengesang"). Сравним прототекст и текст романа: "***Leise flehen meine Lieder /*** *Durch die Nacht zu dir; / In den stillen Hain hernieder, / Liebchen, komm zu mir!*" [5] – [***Песнь моя летит с мольбою /*** *Тихо в час ночной / В рощу лёгкою стопою / Ты приди, друг мой. – перевод А. В. Белобратова]*; "*Die Frau* ***fleht aus der Feme leise Lieder****. Sie richtet sich jetzt auch wieder her*" [7, 146]. – [*Женщина издалека продолжает свою жалобную песню. Она теперь тоже приводит себя в порядок*] [8, 234]. Продолжая подглядывать за парой из своего укрытия, героиня романа видит, как женщина приводит себя в порядок и слышит её «*жалобную песнь*», обращённую к партнеру: *Не оставляй меня одну*. Мы снова наблюдаем объединение несовместимых контекстов: чистота мольбы лирической героини песни Ф. Шуберта и интимные отношения двух человеческих особей в парке в романе.

Тема одиночества и холода имеет продолжение в признании о своих чувствах ученика В. Клеммера к своей учительнице-пианистке: “*Sie empfiehlt sich gern auf französisch. Sie macht vorher nie einen warnenden Gruß, nicht einmal ein Winken. Auf einmal ist sie weg, verklungen, verschwunden. Klemmer pflegt sich an solchen Tagen, an denen sie sich ihm absichtlich entzieht, lange* ***auf dem Plattenspieler die “Winterreise”*** *aufzulegen und leise mitzustimmen. Am nächsten Tag berichtet er seiner Lehrerin, daß* ***nur Schuberts traurigster Liedzyklus jene Stimmung besänftigen konnte****, in der ich mich gestern allein Ihretwegen wieder befunden habe, Erika.* ***Etwas schwang in meinem Inneren mit Schubert mit, der damals, als er die “Einsamkeit schrieb, zufällig genauso geschwungen haben muß wie ich gestern. Wir litten sozusagen im gleichen Rhythmus, Schubert und meine Wenigkeit****. Ich bin zwar klein und gering im Vergleich zu Schubert. Doch an Abenden wie gestern fällt ein Vergleich zwischen mir und Schubert für mich günstiger aus als sonst. Üblicherweise bin ich leider oberflächlich verlangt, Sie sehen, ich gebe es ehrlich zu, Erika*” [7, 169] – [*Она любит уходить по-английски. Она никогда не попрощается, даже не махнет рукой. Раз – и её нет, исчезла, растворилась. В такие дни, когда она намеренно ускользает от него, Клеммер обычно ставит пластинку с Шубертом на проигрыватель, слушает «Зимний путь» и тихонько подпевает. На следующий день он рассказывает своей учительнице, что один только цикл самых печальных песен Шуберта может скрасить то настроение, в которое она, Эрика, снова привела его вчера.*

– В моей душе что-то звучало в унисон с Шубертом, в душе которого тогда, когда он писал «Одиночество», случайным образом рождались те же созвучия, что и во мне вчера. Мы страдали, так сказать, в одном и том же ритме, Шуберт и ваш покорный слуга. Конечно, я мал и ничтожен по сравнению с Шубертом. Но в такие вечера сравнение с Шубертом для меня не столь уж невозможно. Обычно я, к сожалению, более поверхностен. Видите, Эрика, я в этом открыто признаюсь] [8, 269].

Герой романа, Вальтер Клеммер, говорит о том, как больно ему, когда госпожа учительница по окончании концерта уходит по-английски, не дав ученику даже попрощаться с ней, а затем он слушает «Зимний путь» Шуберта, его самые печальные песни, которые могут скрасить его настроение. Он отмечает схожесть и созвучие двух настроений – Шуберта, который в тот период писал «Одиночество» и его, Клеммера, который страдает от холодного и безразличного отношения со стороны учительницы. В этом эпизоде просматриваются черты интермедиальной стилистической фигуры (от лат. intermedius – находящийся посреди), поскольку в них осуществляется перевод с языка живописи, музыки, скульптуры на язык прозы и поэзии, и словесный ряд воспроизводит хранящийся в памяти визуальный или фонематический образ. Песня «Одиночество» Шуберта придаёт тексту не только фоновую окраску, но и с точностью выражает чувства и настроение главного героя.

Музыкальность текстов – одна из самых ярких особенностей творчества Э. Елинек. В романе «Пианистка» музыке отводится одна из главных ролей, что особенно значимо для сюжета, композиции произведения и особенно его смысла. При этом музыкальность вводится в художественное произведение не только за счет включения в него песен. Музыка также присутствует на разных уровнях текста в виде музыкальной, музыкально-исполнительской лексики, используемой в метафорах, аллитерациях, образующей выраженные смысловые ряды. Происходит «подзвучивание» событий и эпизодов романа упоминаниями в них названий характерных музыкальных произведений и композиторов, словами из лексико-семантических групп, таких как «музыка», «музыкальное произведение», «концерт». Посредством создаваемого таким образом мелодического фона текст приобретает музыкальную форму, образуя своего рода ритмическую фигуру интертекста, позволяющую говорить о музыкальной парадигматической интертекстуальности произведения.

Таким образом, специфика проявления интертекстуальности в романе Э. Елинек «Пианистка» состоит, в первую очередь, в самом характере интертекстуальных включений, которые главным образом представляют собой музыкальное австрийское и немецкое наследие: народные песни, музыка Баха, хвалебная ода Австрии, цикл песен Ф. Шуберта на стихи В. Мюллера и некоторые другие. Интертекстуальные включения могут представлять собой прямое цитирование отдельных строк или небольших фрагментов текстов; упоминание фамилий композиторов и поэтов с оценкой их творчества. Но самым распространенным приемом интертекстуальности в романе являются аллюзии, т. е. неявная, часто ассоциативная отсылка к тому или иному произведению.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
2. Гашева, Л. П. Интертекст как полифункциональная единица текста / Л. П. Гашева // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сборник докладов международной научной конференции. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. – С. 76–81.
3. Елинек, Э. Пианистка : роман / Э. Елинек. – СПб. : «Симпозиум», 2004. – 448 с.
4. Перевод песни Wasserflut (Dietrich Fischer-Dieskau) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://de.lyrsense.com/dietrich_fischerdieskau/wasserflut_dfd. – Дата доступа : 15.01.2020.
5. Grillparzer, F. Loblied auf Österreich [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.franzgrillparzer.at/Dramen6.htm. – Дата доступа : 15.01.2020.
6. Schubert. Franz: Текст песни Ständchen + перевод на Русский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://lyricstranslate.com › ständchen-серенада.html. – Дата доступа : 14.01.2020.
7. Jelinek, E. Klavierspielerin / E. Jelinek. – Reinbek bei : Hamburg : Rowohlt, 1986. – 285 p.
8. Müller, W. Winterreise / W. Müller, F. Schubert. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// www.gopera.com/winterreise/songs/cycle.mv. – Дата доступа : 15.01.2020.

K. I. Malysheva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: kseniya-malysheva@list.ru

Musical and poetic intertexts in the novel by E. Jelinek “The Pianist”

Key words: text, intertext, intertext, quote, music, poem, cycle of songs, context.

The article is devoted to the study of intertextual units of the musical and poetic genre in the text of a work of art. In the novel “The Pianist” by E. Jelinek, the main intertextual components are connected with the works of Austrian and German composers and have the form of quotations from song cycles.

А. Б. Молодцов
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
e-mail: homosapien34@mail.ru

УДК 821.161.1-31.09+929Пастернак

Юрий Живаго – трагический герой или жертва трагедии?

Ключевые слова: трагедия, время, герой, истина, выбор.

Статья посвящена проблеме главного героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Установление степени его вызова времени позволило обосновать возможность нового прочтения романа с точки зрения не эпического повествования, но трагического действа.

Развитие трагического действия, за исключением чисто формального канона, по преимуществу есть борьба личности за ее самобытность и, самое главное, независимость, свободу. Трагедию можно представить без различных ее так называемых «компонентов» или их набора, но невозможно без личности. Творчество Б. Пастернака, в особенности его роман «Доктор Живаго», – это неукоснительное утверждение самобытности и индивидуальности, о чем косвенно свидетельствует и особое положение этого романа в русской литературе. Не имея каких-либо прямых аналогов в плане формы, «Доктор Живаго» до сих пор остается уникальным и не до конца изученным явлением. Особый интерес представляет изучение главного героя романа, которого традиционно рассматривают почти как alter ego Б. Пастернака. Однако вопрос о Юрии Живаго как о самостоятельном герое является предпосылкой для рассмотрения всего романа через призму трагического начала как формообразующего, поскольку «Доктор Живаго» обладает своеобразной, более драматической и завершенной, нежели чисто эпической, композицией. Поэтому ответить на него представляется первоочередным действием, а также целью данной статьи.

Итак, трагический выбор в «Докторе Живаго» связан с истинностью и ложностью своей личности. Этот выбор обусловливает центральную проблематику романа, систему образов, движение сюжета, связанного с историей. Но характерной особенностью романа Б. Пастернака является отсутствие единственного, обусловленного композицией катарсиса, «преображения» героя. Юрий Живаго не награжден им. Его жизнь в 20-е годы лишена патетической правоты, а также того вызова действительности, которым характеризуется трагический герой, несмотря на то, что весь он остался свободным и истинным до конца. Трагизм его жизни в 20-е годы связан с двойственностью: на первый взгляд, Живаго – духовно нищающий отщепенец, не согласный с наступившим режимом. Но, странное дело, он и не является противником этой новой действительности, не хочет ее разрушить. Совершенно в духе трагического конфликт между Живаго и Россией 20-х годов разрешается в рамках преступления космических или общественных законов. Только если у Ф. Достоевского этот конфликт символично выражен в преступлении как таковом, то в «Докторе Живаго» конфликт, вслед за основным выбором, смещен в сторону вообще трагического дерзновения быть собой, независимым и поэтому – сознательно неправым перед эмпирической реальностью, но правым перед «метафизической». Именно поэтому Живаго в конце жизни нарочито не герой в привычном смысле этого слова, но *именно поэтому* он невообразимо более велик, нежели его окружение и даже ставшее неправым время (ибо поначалу бесконечно творческой стихией была революция, но, явившись как совершенная новизна, впоследствии была заглушена, искажена, опошлена), которое, в лучших трагических традициях, более неправо, нежели «преступающий» ложные законы времени трагический герой, верный не «ложности» реальности, а «истинности» более реальной реальности. В аттической трагедии классическим образцом подобного конфликта является «Антигона» Софокла, преступившая частные, временные законы полиса во имя более широкого нравственного закона – и поплатившаяся за это жизнью.

В романе «Доктор Живаго» жизнь России 20-х годов – заведомо ложная, искусственная и плоская – сводит на нет, стирает выбивающегося из нее, принципиально углубленного Живаго, противопоставившего этой полой экспансивности развития – интенсивность своего духовного мира (притом, что связь с Россией была важна и для него, и для «новых» людей). Его судьба, во-первых, связана с общим образом правоты неправого героя, задуманного Ф. Достоевским (как он пишет в предисловии к роману «Братья Карамазовы»), а во-вторых, с судьбой уже по-настоящему родственного Живаго образа – Гамлета У. Шекспира, пьеса о Принце Датском которого была переведена Б. Пастернаком в конце 30-х гг.

Не только образ Гамлета, но и собственно сама трагедия У. Шекспира является как бы прообразом трагического конфликта в романе Б. Пастернака. Воспринимать историю

Живаго необходимо как единое целое, поэтому особое значение имеет стихотворение «Гамлет», с одной стороны, открывающее книгу стихотворений Юрия Андреевича (то есть явно задающее вектор его духовной жизни и обуславливающее его положение в обществе), но, с другой стороны, написанное далеко не в первоначальные годы его жизни, а именно в этот двусмысленный, трагический период 20-х годов. Точного указания нет, но в тексте романа читаем: «Постоянно, день и ночь шумящая за стеною улица так же тесно связана с современною душою, как начавшаяся увертюра с полным темноты и тайны, еще спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом. Беспрестанно и без умолку шевелящийся и рокочущий за дверьми и окнами город есть необозримо огромное вступление к жизни каждого из нас. Как раз в таких чертах хотел бы я написать о городе», – пишет Живаго в конце жизни [1, 630]. Но сразу же после этого голос автора замечает: «В сохранившейся стихотворной тетради Живаго не встретилось таких стихотворений. Может быть, стихотворение “Гамлет” относилось к этому разряду?» [1, 630]. Как изысканно Б. Пастернак скрывает ключи для прочтения своего романа – на самом виду, но ничего не объясняя, даже поправляя своего протагониста (ведь, действительно, ничего прямолинейно о городе и личности, то есть жизни и личности, Живаго не написано, если не считать весь роман «Доктор Живаго» произведением такого рода).

Итак, это основополагающее стихотворение написано в роковое, решающее время для Юрия Андреевича как личности – 20-е годы, время, по обстановке не просто напоминающее положение дел Датского королевства, но буквально его воспроизводящее. Вследствие этого и само стихотворение названо подобающе. Трагедия У. Шекспира, в отличие от многих иных трагедий, в том числе его, не заканчивается катарсическим торжеством метафизической справедливости. Напротив, одна из наиболее мрачных, она волнующа и страшна большей частью не тем, что Гамлет погиб, но тем, что он погиб «безумцем», в торжестве лжи и коварства, погиб, не сумев ничего изменить, и фактически в финале «Гамлета» мы видим если не торжество лжи, то, по крайней мере», по определению Б. Пастернака, «сознание безрезультатности наилучших намерений и достижений, и наилучших ручательств, и вытекающее из этого стремление избегать наивности и идти по правильной дороге, с тем, чтобы если уже чему-нибудь пропадать, то чтоб погибало безошибочное, чтобы оно гибло не по вине твоей ошибки» [2, 133], нечто в духе «Мифа о Сизифе» А. Камю с его упорной, но безрезультатной борьбой. В конце «Гамлета» остается лишь надежда, что Горацио, видев все своими глазами, восстановит справедливость в будущем, перевернув правых и виновных вверх ногами, ибо лживым и коварным был не только Король, но то одобрение его поступков, та покорность при слепоте или безразличии, с которыми жили придворные под властью преступника (можно проводить явные и неявные параллели со сталинским режимом). С данной точки зрения, «безумие» Гамлета не разыграно: в трактовке Б. Пастернака, отраженной в его переводе, Принц Датский не выдает себя за безумного, но только *кажется* таковым всем окружающим, ибо он прямо говорит им в лицо правду, которую они, привыкшие ко лжи и бесчувственные к ней, не могут распознать и осуждают как «безумие». Гамлет понимает: идя против лжи Короля, он идет против всего мира, потому что весь мир подстраивается под ложь.

Что же происходит в романе «Доктор Живаго»? Юрий Андреевич, живущий уже со второй женщиной при наличии жены, где-то пропадающий, ничем не интересующийся, «забросивший медицину, превратившийся в неряху, переставший встречаться со знакомыми и ставший бедствовать» [1, 613], во время «нэпа, самого двусмысленного и фальшивого из советских периодов» [1, 600], говорил друзьям, видя их позу, но не желая ссориться: «Это болезнь новейшего времени. Я думаю, ее причины нравственного порядка. От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь, распинаться перед тем, чего не любишь, радо-

ваться тому, что приносит тебе несчастие» [1, 622]. Вслед за У. Шекспиром, для которого проблема истинного и ложного тоже была ведущей, Живаго усматривает судьбу Гамлета в своей судьбе и пишет:

Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти [1, 668].

Живаго знал, чем все закончится (еще в самом начале романа звучит фраза «Живаго хоронят»), и его смерть от «отсутствия воздуха» (блоковский опыт) – это мнимый трагический итог, с одной стороны, его судьбы, а с другой – противостояния навалившейся лживой эпохе, итог, уже изведанный Гамлетом. В двух произведениях совпадают даже возможности оправдания «проигравшего» героя: если в «Гамлете» ее олицетворяет «друг Горацио», который якобы расскажет правду, завещанную Гамлетом, то в «Докторе Живаго» это оправдание заключено в книге стихов Юрия Андреевича. Разница в том, что для Шекспира правда все равно вскроется самой природой, непосредственным наблюдением над жизнью, а для Б. Пастернака правду о ней покажет искусство. Живаго записывает: «Летняя, ослепляемая солнцем Москва, накаляясь асфальтами дворов, разбрасывая зайчики оконницами верхних помещений и дыша цветением туч и бульваров, вертится вокруг меня и кружит мне голову и хочет, чтобы я во славу ей кружил голову другим. Для этой цели она воспитала меня и отдала мне в руки искусство» [1, 629–630]. А в самом конце прозаической части романа Гордону и Дудорову, держащим книгу стихов Живаго, «казалось, будто эта свобода души пришла <…> Счастливое, умиленное спокойствие <…> проникало их и охватывало неслышною музыкой счастья, разлившейся далеко кругом. И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение» [1, 667]. «И Москва, внизу и вдали, родной город автора и половины того, что с ним случилось, Москва казалась героиней длинной повести, к концу которой они подошли, с тетрадью в руках в этот вечер» [1, 667].

И здесь «преображение», случившееся много позже смерти протагониста (изначально, впрочем, в нем не нуждавшемся, поскольку он был верен правде), постигает не человека – но общество, то неправое, косное общество, которое и убило страдавшего за правду героя. В этой закономерности заключено взаимодействие образа Живаго с еще одним образом-прототипом – с Христом, который «отказался без противоборства, / Как от вещей, полученных взаймы, / От всемогущества и чудотворства, / И был теперь, как смертные, как мы». Трактовка образа Христа у Б. Пастернака не религиозная, включающая примирительный трагизм христианства, не ведающий «преображения»: добровольный мученик Христос обретает свою силу заново, в еще более значительной мере заслуженную своей жизнью и верностью правде и любви к другому, нежели фактом своей божественной природы. По сути, само понятие «преображения» связано с открытием в человеке, в Иисусе Христе, его второй, «божественной» сущности *наравне* с земной. Таким образом, поскольку именно Живаго страдал за правду (не только в 20-е, но всей своей жизнью, нераздельной от эпохи), он обретает право силой искусства судить время, победить его конечность (смерть, в образе которой для Б. Пастернака представлялась история) и «преобразить» его:

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетья поплывут из темноты («Гефсиманский сад» [1, 700]).

Стихотворение «Гефсиманский сад», напротив, является завершающим в цикле, однако тоже определяющим вектор и значимость образа Живаго: именно в нем заключено то «преображение» и катарсис, которого лишена история Гамлета, а также Живаго в 20-е годы, и которую читатель узнает не иначе, как восприняв их судьбу в слиянии со временем и трагическим выбором быть верным правде в условиях окостеневшей, эмпирически реальной действительности, только притворяющейся настоящей. Гефсиманский сад – по сути, место и условие для трагического выбора, поскольку условия выбора Христа и его душевное состояние поразительно сходны как с судьбой Гамлета, так и Живаго. Механизм заключается в принятии лицом к лицу, по сути, смерти, кажущейся безысходности данного, вещного мира, чья вещность нарочито подчеркивается как в «Гамлете» («Весь мир – тюрьма» [3, 166]), так и в «Докторе Живаго» («Все переносное стало буквальным» [1, 667], особенно в двусмысленные 20-е годы). В Гефсиманском саду Христос стоял перед бездной обычным человеком, ощущая близость «чаши», которую ему начертал Он:

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья [1, 699].

Предельная плоскость жизни, ее буквальность и грубость завершаются апофеозом, с точки зрения Б. Пастернака, лжи – смерти (одно из первоначальных названий романа – «Смерти не будет»).

Трагическая концепция «Доктора Живаго» заключается в том, что человек совершает трагический выбор между истиной и ложью в роковой час общей пагубности мироздания и, теряя свою эмпирическую оболочку, ценой своей жизни, растворяясь в углубленном «Я», которое соприкасается не с реально данными людьми, с их заблуждениями и слепыми ошибками, а с их настоящей человеческой сутью, – обретает «демоническую» способность силой искусства, шире – творчеством, победить основного врага трагедии, стоящего за всеми противоречиями и тиранами данного мира – время. Его жизнь становится образцовой, символической, что Б. Пастернак выразил в притчевости и сказочности своего романа. Это подтверждает небезосновательность метафорического жанрового определения «Доктора Живаго» Н. Лейдерманом – «Евангелие от Бориса Пастернака».

Литература

1. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго: [роман] / Б. Л. Пастернак. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 704 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

2. С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. – М. : Советский писатель, 1990. – 288 с.

3. Шекспир, У. Трагедии. Сонеты / Вступ. статья А. Аникста. – М. : Издательство «Художественная литература», 1968. – 790 с.

A. B. Molodtsov
Lugansk Taras Shevchenko National University
e-mail: homosapien34@mail.ru

Jury Zhivago – a tragic hero or a victim of the tragedy?

Key words: tragedy, time, hero, verity, choice.

An article is devoted to the problem of the main hero of the novel "Doctor Zhivago" by B. Pasternak. Ascertainment of the level of his time challenge let us to justify the possibility of the new perusal of the novel from the point of view not of epic narrative but tragic action.

Е. Ю. Муратова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: mouratova@tut.by

УДК 821.161.1’37

Окказиональная поэтическая лексика как реализация ретроспективных и перспективных потенций языка

Ключевые слова: поэзия, поэтический текст, окказиональная лексика, творчество Е. Евтушенко.

В статье исследуется окказиональная лексика как реализация потенций языка, рассматриваются окказионализмы в творчестве Е. Евтушенко, их художественная роль в поэтических текстах.

XX-й и начало XXI-го века характеризует общая тенденция к словотворчеству (разговорный стиль, художественная проза, интернет-коммуникация и др.). «В любом языке заложен внутренний стимул к спонтанному развитию. Основой его является наличие внутренних противоречий в самой природе языка как определенным образом организованной субстанции, обладающей коммуникативными функциями» [3, 88].

Общие тенденции, присущие естественному языку, наиболее ярко проявляются в поэзии. Поэты – создатели особого вербального мира с особым характером языкового самовыражения, поэтому индивидуальное словообразование особо значимо, весомо и активно именно в поэтическом языке. Это доказывает творчество многих поэтов XX-го века – например, В. Маяковского, М. Цветаевой, О. Мандельштама А. Белого, В. Хлебникова, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др.

Г. О. Винокур утверждал, что наиболее естественно языковое новаторство проявляется в области грамматической формы слова. «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность. Слониха (при слон) – это слово реальное и историческое. Но рядом с ним, как его тень, возникает потенциальное слово китиха, как женский род к кит, и именно в употреблении такого потенциального слова... и заключён акт новаторства в области формы слова. Этого рода новаторство, которое и в самом деле может быть названо естественным, потому что нередко имитирует реальную историю языка, создает, следовательно, факты языка хотя и небывалые, новые, но тем не менее в о з м о ж н ы е, а нередко и реально отыскиваемые в каких-нибудь особых областях языкового употребления: например, в древних документах, в диалектах, в детском языке и т. д. То, что живёт в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей речи, но дано как намёк в системе языка, прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное» [1, 327–328].

Активное словотворчество отличает поэзию Евгения Евтушенко. В его стихах наиболее интенсивно открытие языковых потенций наблюдается при использовании существительного, прилагательного, глагола и наречия. Приведём некоторые примеры.

Существительные: 1. *Сумеет вечной быть влюбленность, / лишь бы осталась* ***неразлюбленность****; 2. Я – из перемолотых, / и не перестарок я –* ***перемолодок****;. 3….сквозь обман на обмане, /* ***безлюбье и безобниманье****.*

Прилагательные: *1. … это как истязанье **скользкоглазой** толпой. 2. Кто же утешит нас, / **реквиемный** ой класс?. 3. Да, изменило время их черты – / красавиц той, **когдатошней** России.*

Глаголы: *1. Ещё немного дай **поцарую** / внутри даруемого царства губ. 2. Тебя, любимая, я **драгоценю**. 3. А если в рай попадём, / нас **эксплуатнут** и там.*

Наречия: *1. Но, грешивший, словно спец, **донжуанно**. 2. …Чей аркан свистел так **накидчиво**. 3. …шёл **напроломно** Ломоносов.*

Рассмотрим художественную роль окказиональной лексики на примере нескольких строк из стихотворения Е. Евтушенко «Памятники не эмигрируют»:

……..

Но напрасно громили мы
монументальный быт.
Мраморными и гранитными
нам не по нраву быть.

*В центре застыв **прибульваренно**,*
Высоцкий – он сам не свой,
слепленный под Гагарина,
оперный, неживой.

*Сколько мы **набестолковили.***
Даже Булата, как встарь,
*чуточку **подмаяковили**.*
Разве горлан он, главарь?
…….
Сможем и без покровительства,
бремя бессмертья неся,
*как-нибудь **разгранититься***
*или **размраморниться.***

*Не **бронзоветь** нам ссутулено,*
и с пьедестала во сне
Беллочка Ахмадулина
весело спрыгнет ко мне.

В данных строках выявляется 6 окказионализмов: *прибульваренно, набестолковили, подмаяковили, разгранититься, размраморниться, бронзоветь.*

Важное значение для понимания позиции поэта имеет сочетание *монументальный быт:* по всему Советскому Союзу, во всех городах и поселках стояли памятники Ленину и другим вождям. Е. Евтушенко против такого монументального быта для поэтов, от лица которых он утверждает, что *мраморными и гранитными нам не по нраву быть.*

Именно через окказиональную лексику поэт кратко, ёмко и образно выражает свое возмущение той посмертной, каменно-мраморной славой от власти, которая при жизни травила и преследовала поэтов-шестидесятников, а теперь ставит им неуклюжие памятники.

Гордый, независимый, свободный в советской несвободе Владимир Высоцкий сейчас стоит *прибульваренно,* т. е. мимо него спешат прохожие, а он смотрит на них *оперный и неживой.*

Булат Окуджава… Вспомним его неповторимый голос, интонацию, его незабываемые лирические строки:

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.
Часовые любви на Смоленском стоят.
Часовые любви у Никитских не спят…

В раннем детстве верил я,
что от всех болезней
капель Датского короля
не найти полезней.

Пока Земля ещё вертится,
пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
чего у него нет…
Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не надо опасаться.

Булата Окуджаву *подмаяковили.* У нашего поколения существует классический образ В. Маяковского – это главарь, горлан, идейный борец. Он сам о себе писал: *«Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс!»*, а о своих стихах: *«Мой стих трудом громаду лет прорвёт и явится весомо, грубо, зримо…»*. Подобных стихов, такого ритма и рифмы, такого поэтического голоса у Б. Окуджавы никогда не было, и чтобы показать, что изменили в образе Окуджавы, Евтушенко достаточно было использовать созданную им лексему, передающую все оттенки смысла, – *подмаяковили.*

Гранит, мрамор, бронза – лексемы, называющие материалы, из которых делают памятники, становятся для поэта основами для создания окказиональных глаголов *разгранититься, размраморниться, бронзоветь* со значением «разбить, освободиться, вырваться на свободу» из тяжести камня, в том числе и после смерти: *Сможем и без покровительства, бремя бессмертья неся…*

Стихотворение заканчивается глубокой внутренней антитезой – не мёртвые памятники, а живая *Беллочка Ахмадулина весело спрыгнет ко мне.*

«Количество потенциальных слов, созданных в соответствии с языковыми законами, в творчестве любого поэта значительно превышает количество окказиональных. Окказионализмы маркированы автором уже тем, что это специально созданные им слова, необходимые для того, чтобы точно обозначить некое явление, одновременно выразив к нему отношение. Окказионализмы, как правило, не становятся достоянием языка; они остаются словами контекстуальными, потому что характеризуют нестандартность именно данной ситуации, выражая одновременно авторское к ней отношение. Любой окказионализм является источником новых смыслов, т. к. выражает такие содержания, для которых в естественном языке «не нашлось слов» … В языке заложено много способов передачи одного и того же смысла, но часто случается так, что их всё же бывает недостаточно, чтобы выразить то пограничное, то только постигаемое, то «вырывающееся» из подсознания, что открывается внутреннему взору поэта» [2, 116].

Таким образом, внутренние противоречия в самой природе любого языка как определённым образом организованной субстанции являются основой его постоянного обновления и развития. Наиболее ярко и последовательно потенциальные возможности языка как показатель его динамики реализуются в поэзии, что доказывает словотворчество многих поэтов XX-го века.

Литература

1. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г.О.Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 447 с.
2. Муратова, Е. Ю. Смыслы слова в системе поэтического языка XX века / Е. Ю. Муратова. – Минск: БГУ, 2008 – 207 с.
3. Туманян, Э. Г. О природе языковых изменений / Э. Г. Туманян // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 86–97.

E. Yu. Muratova
Vitebsk State University named after P. M. Masherova
e-mail: mouratova@tut.by

Occasional poetic vocabulary as an implementation retrospective and perspective language potencies

Key words: poetry, poetic text, occasional vocabulary, creativity of E. Evtushenko.

The article explores occasional vocabulary as the realization of the potentials of the language, considers occasionalisms in the work of E. Yevtushenko, their artistic role in poetic texts.

В. В. Нестерук
Филиал Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе
e-mail: viky@ua.fm

УДК 821.161.1

О некоторых особенностях языка современной русской прозы

Ключевые слова: современная литература, сленг, заимствование, стилистическая разнородность, просторечие.

В статье рассматриваются новейшие языковые тенденции на примере четырех рассказов современных русских писателей. Отмечаются изменения на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях.

Язык – это динамично развивающаяся система, и одна из задач лингвистической науки – фиксирование и анализ происходящих в нём изменений, прогнозирование перспектив, сравнение языковой картины мира в разные исторические моменты. Связь языка и сознания также представляет определённый научный интерес, ведь новые жизненные реалии требуют наименования, что, в свою очередь, влияет и на дальнейшее осмысление и переосмысление мира. Все эти сложные процессы находят отражение в языковой деятельности человека, и художественная литература – один из способов их фиксирования.

Современные писатели имеют множество возможностей для самореализации, которые предоставляют сеть Интернет, множество издательств, а также «толстые» журналы. Несмотря на значительное количество авторов, каждый из которых создаёт произведения в соответствии с собственными убеждениями, языковыми особенностями и чувством стиля, анализ текстов позволяет выявить ряд общих черт, отражающих новейшие изменения в языке. Материалом для нашего исследования послужили четыре рассказа, опубликованные в журнале «Новый мир» в январе 2020 г. и размещённые на сайте издания.

Основные изменения коснулись лексического строя текстов. Так, одна из тенденций – использование лексики более молодого поколения читателей, что проявляется в час-

тотном употреблении элементов молодежного сленга в текстах произведений: *«Отойди, замутим селфик», «Вот посылка... Я вообще могла её могла не найти. Выкинуть. Всучить другому. Это ясно-понятно?»* [1]; *«Дядя Валь, чего за фигня?»* [4]. Если раньше писатели стремились к высоким образцам литературного искусства, а целью произведений во многом было воспитание вкуса, манер, то современная литература совершенно не стремится воспитывать, окончательно принимая на себя функцию развлечения.

Интересно, что слово «селфик» – это производное от английского «selfy», начавшее в авторской интерпретации изменяться по образцу русских слов и приобретшее суффикс, которого в оригинале не было. А выражение «ясно-понятно» было заимствовано из интернет-языка и традиционно стало использоваться для завершения разговора, когда одному из собеседников больше нечего сказать; выражение в этом же значении было перенесено автором в «живой» разговор.

Вообще количество иноязычных заимствований в языке (а соответственно и в литературе) продолжает увеличиваться. Некоторые учёные считают, что эта тенденция не грозит русскому языку никакими серьёзными последствиями, однако современная языковая реальность не позволяет нам разделять эти оптимистические прогнозы (подтверждением тому могут выступать, в частности, рекламные ролики одного из мобильных операторов России, где использованы английские заимствования, которых вовсе не понимают представители старшего поколения: *«стримь», «шерь», «сторь»*). На страницах современных произведений заимствования занимают положение, почти равнозначное исконно русским словам, и их восприятие зависит, видимо, от собственного словаря читателя: *«трек-код», «траттория», «интернет-провайдер»* [1], *«ватсап», «вип-персона»* [4] и пр.

Реалистическая проза молодых авторов изобилует номинациями предметов и явлений из современной реальности – соответственно в тексте появляются и наименования этих предметов и явлений, что несколько затрудняет их понимание читателем более старшего возраста – ср., например: *«Баканов изучил информацию по доставке и FAQ... »* [1]. Впрочем, следует признать, что и для представителей возраста от 35 лет некоторые специальные слова не всегда ясны: *«Наконец, возможность вернуть и приемлемая цена доставки – правда, с подмигивающим астериском»* [Там же]. Или ещё пример: *«Судя по могучим стопкам брендов и базарной навязчивости предложений, его заманил азиатский агрегатор»* [Там же]. Допустим, что такое FAQ, знают все активные пользователи сети Интернет, значение же слов «астериск» или «агрегатор», скорее всего, придётся уточнять в словаре.

Произведения многих современных авторов «грешат» изобилием речевых штампов, что позволяет отнести написанные тексты скорее к массовой литературе, нежели к интеллектуальной: *«Баканов стопорил жернова систем»* [1], *«Но всё-таки не будем рисковать терпением читателя, которого и так ежедневно угрожает раздавить суконная волокита»* [Там же]; *«Его бычья шея была обернута толстой золотой цепью с таким же толстым крестом, на котором Иисус, поджав коленки, выражал страдание»* [4], *«Она была для него моральным авторитетом»* [Там же]. Злоупотребление клишированными моделями значительно обедняет язык произведений и снижает их художественную ценность. Такие тексты вряд ли когда-либо пополнят список классики русской литературы.

Следует отметить ещё одну, на наш взгляд, неутешительную тенденцию – к снижению художественности языка литературы. Это можно объяснить, вероятно, популярностью интернет-общения в разных его видах, особенностями размещения сообщений на ресурсах, которые требуют быстрого информирования о фактах, не предоставляя возможности обдумывания произносимого, требуя мгновенной рефлексии. В результате событийная сторона любого явления становится гораздо важнее её интеллектуальной оценки, а экспрессивный диапазон ограничивается устоявшимся набором

эмоций, заложенных в картинках, которые выражают разные оттенки чувств. Такая фактичность изложения переносится и в мир художественного произведения: *«К вечеру Петру стало легче, прошла лихорадка, температура упала, и радость начинающегося выздоровления потянула его встать наконец с постели. Он неловко, опасаясь за рану, с которой ещё не сняли швы, поднялся и затопал по пустой палате. Ему показалось, что вокруг странно, неестественно тихо – только жужжала в углу назойливая, сбесившаяся от наркоза дезинфицирующих растворов муха»* [3]. А если писатель всё же включает в текст те или иные средства выразительности, то они нередко воспринимаются как чужеродный элемент, в речи не чувствуется естественности, и читается такой текст с трудом: *«Отец его был пасечником, а мать – воспитателем детского сада. Увы, светлые предки для нас совершенно недоступны, как и те периоды, когда семья была целиком укомплектована: детство и юношество героя. Прекрасные родители как бы заслоняют своим сиянием крючкотвора. Лишь известно, что лучшие качества, унаследованные от них, испускались Бакановым самым причудливым образом»* [1]. Манера письма в данном случае напоминает скорее логические задачи, нежели естественную речь, чем многие современные тексты невыгодно отличаются от произведений классической литературы.

Произведения, сюжет которых разворачивается в современном мире, чаще всего написаны языком, наполненным просторечиями, жаргонной лексикой, которые в обыденной жизни воспринимаются как норма, но на страницах художественных произведений оказываются не вполне органичными. Слова типа *«аварийка»*, *«освободился»* (из мест заключения), *«колотило»* (подразумевается волнение от нервного возбуждения), *«валят»* (в значении «возлагают вину»), *«бухло»* [4] встречаются не только в речи персонажей, что являлось бы частью характеристики последнего, но и в тексте повсеместно. В. Шапошников вообще полпгает, что «грубость – характерное свойство современной литературы» [6], с чем сложно не согласиться.

Демократизация языка литературы, вседозволенность в обращении с языковым материалом, примат индивидуально-авторского права на использование любых речевых форм иногда несёт опасность небрежного, неточного как употребления отдельных слов, так и их сочетания. Как замечают О. Фомина и О. Потанина, «современные тенденции вызывают огромное опасение, поскольку правильная речь стала большой редкостью, ошибки стали нормой и принимаются как данность» [5, 193]. Это, в частности, такое явление, как ***силлепс***, когда в одном ряду оказываются неоднородные элементы – учреждения и люди: *«И по этой части требовал взаимности от гардеробных, буфетов, кинотеатров, врачей, парикмахерских, ведомств и окружающих»* [1]. Или явная смысловая неточность, присутствующая в следующем фрагменте: *«Сериков после жены отправился к бывшему криминальному авторитету, которого он когда-то ловил... В офисе, который находился в бывшем авиационном ангаре, Серикова встретила девушка-кореянка с тонкими ногами на высокой шпильке»* [4]. В первом предложении наблюдаем сомнительное сочетание «после жены», подразумевающее, что после визита к жене произошли определённые события; помимо этого, и явно избыточно употребление местоимения «он». Во втором предложении выражение «тонкие ноги на высокой шпильке» сложно воспринять иначе, чем явная речевая ошибка.

Синтаксис произведений современной литературы также претерпевает множественные изменения: «Структурных отклонений речи настолько много, что это перестает играть роль средства выразительности и становится приметой – наполняющим ингредиентом изложения и стиля» [6]. К числу таких структурных отклонений можно отнести, например, злоупотребление инверсией: *«Настало время навестить и тебя, и твое услышать тоже незримое присутствие»* [2], *«Строчил исчерпывающие отзывы там, где пустота считалась нормой, и тьма была над бездной, и ни один здравомыслящий творец не задумался бы оставить след свой»* [1]. Другая синтаксическая особенность – увеличе-

ние объема предложения за счёт множества однородных членов предложения (в частности – второстепенных) и пр.: *«И как день был – летний вечер, каких не помнил, и как сквозь зелёно-желтые осколки проступала улица, и люди, и дома; и как на несколько хрупких минут особенно ложился свет сиреневый, красный и розовый, и как дрожал, будто марево, и как мягким становился воздух; и как оживали барельефы на фронтонах, и кованые балконные оградки переплетались, будто ежевичные кусты, и возвращали меркнувший свет – легко и неясно, как древние медные зеркала; как красные занавески светились таинственно в окнах четвертого этажа, и как горели и согревали навесные фонари над переулком, как блестели глянцево-белым рельсы на Яузских воротах; как спали опавшие листья там, в темноте больничного сада за чугунным забором, и как нельзя рассказать про это – и как всё-таки можно»* [2]. Или ещё пример: *«По утрам за окном кричали петухи, мычало стадо, месившее копытами дорогу, гудели моторы леспромхозовских грузовиков, чистыми присвистами заливались птицы – а к вечеру больница погружалась в тишину, и только слышно было, как тяжёлыми вздохами пучит тайгу, со всех сторон окружавшую неприметную точку на карте, и как стучат колеса поездов, которые идут по Транссибу – то с запада на восток, то с востока на запад»* [3]. Примечательно, что такие громоздкие конструкции нередко «соседствуют» с отрывками, в которых авторы прибегают к так называемому «телеграфному» стилю, ставшему привычной литературной нормой в начале 2000-х гг., когда писатели стремились уместить свои мысли в как можно меньшее количество слов, использовать парцелляцию, неполные предложения: *«Наверно, можно писать неграмотно. Почти тоже можно. Наверно, можно писать плохо. Один член союза писателей не согласился бы, но можно писать без сюжета. Философский вопрос, но если мы живём без сюжета, то почему б и не писать?»* [2]. Или так: *«Сериков остановился на обочине и включил аварийку. Закрыл глаза. Он как будто существовал отдельно от всего мира»* [4]. Отказ от традиционной синтаксической структуры предложений как попытка выглядеть оригинальным нередко не приносит ожидаемого эффекта, и восприятие текста, перенасыщенного однородными конструкциями или, наоборот, краткими неполными фразами, становится очередным препятствием для читателя.

Изменения затронули и ещё один уровень языка – стилистический; стилистическую разнородность также следует считать одной из явных тенденций языка современной прозы. Касается это, прежде всего, текста «от автора», т. е. традиционно наиболее нейтральной составляющей прозаического художественного произведения. Стилистически окрашенными традиционно были реплики персонажей, что являлось одним из наиболее распространённых способов создания образа литературного героя. Данный принцип, конечно, в определённой степени и сохраняется до сих пор, что мы наблюдаем, например, в речевых проявлениях второстепенных персонажей из очереди в почтовом отделении: *«Встал колом, ненормальный»* [1], *«Чувак, я надеюсь, твоя посылка того стоит»* [Там же], *«Какой-то неадекватный»* [Там же].

Однако в современных текстах нередко стиль меняется в зависимости от того, о чём идёт речь, и некоторые речевые особенности, присущие персонажу, вводятся в текст «от автора», в результате чего по мере повествования меняется манера изложения. Сравним, к примеру, стилистически нейтрально описание сцены на почте, когда главный герой рассказа осматривает испорченное почтовое отправление: *«В задумчивости он локтем опирался на засаленный прилавок. Чёрный пластиковый мешок посылки, обклеенный кодами и реквизитами, был аккуратно разрезан; заново же его заклеили прозрачным скотчем»* [1]. А далее автор описывает продолжение этой ситуации уже с позиции студента Баканова, хотя рассказчик при этом не меняется: *«Смотрел на рот Розы Твердыщевой (именно так было накалякано детским почерком на бейдже сотрудницы), а точнее взирал, как прёт сквозь злачные усы темпераментной бабы хлебная крошка»* [Там же]. Пример, подобный рассмотренному, встречаем и в другом про-

изведении: *«Он сидел за массивным столом и перекладывал стопки бумаги с одного конца в другой»* [4], а дальше: *«Он засмеялся, запрокинув голову и обнажив свою пасть, в которой за клыками чернели пустоты»* [Там же]. Нейтральная лексика первого фрагмента во втором из них меняется на слова с ярко выраженными негативными коннотациями, выражающими внутреннее состояние персонажа.

Ещё одной из черт современной литературы является стремление к натурализму, к «неприкрытой» правде жизни во всех её проявлениях, включая физические аспекты. Эта черту нельзя назвать абсолютно новым качеством художественных текстов, её можно заметить уже в произведениях 1990-х гг., но с тех пор она не только не утратила актуальности, но и существенно усилилась: *«Возле той <ветлы> переспал летом, после выпускного, с одноклассницей, которой уже давно нет, она в могиле, остались от неё, наверное, только кости да волосы»* [4]; *«Язык высовывался от усердия меж распухших губ. Заключение травматолога с описью ссадин и ушибов маячило перед носом правоохранителя»* [1]. Такое внимание к физиологии, животному началу человеческой природы также часто диктуется современной модой на подробности, порой весьма жестокие, в средствах массовой информации и интернет-ресурсах, без чего многие новостные сообщения не смогут привлечь внимание достаточного количества зрителей и читателей.

Подводя итоги, заметим, что современные писатели оказались в сложной ситуации выбора: писать «правильным» литературным языком, но тогда рассчитывать лишь на ограниченную численно читательскую аудиторию более старшего поколения, либо говорить на одном языке с молодёжью, учитывая вербальные особенности её общения. Выбор всегда остаётся за автором: быть образцом, которому хотели бы подражать, или просто зеркалом, отражающим изменения, чаще всего свидетельствующие о деградации языка.

Литература

1. Газизов, Р. Отправление / Р. Газизов // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: //www. nm1925. ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7365/Default. aspx. – Дата доступа : 29. 01. 2020.

2. Комиссаров, В. Incantata / В. Комиссаров // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: //www. nm1925. ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7367/Default. aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.

3. Покровская, О. Заветная вода / О. Покровская // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: //www. nm1925. ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7361/Default. aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.

4. Тяжев, М. Поджигатель / М. Тяжев // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: //www. nm1925. ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7363/Default. aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.

5. Фомина, О. А. Языковые «недуги» и эколингвистика / О. А. Фомина, О. Ю. Потанина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 193–196.

6. Шапошников, В. Тенденции современной литературы в языковом аспекте / В. Шапошников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https: //rospisatel. ru/konferenzija/shaposhnikov. htm. – Дата доступа : 31. 01. 2020.

V. V. Nesteruk
Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch
e-mail: viky@ua.fm

About Some Language Peculiarities of the Modern Russian Prose

Keywords: modern literature, slang, borrowing, stylistic diversity, simplicity.

The article examines the latest language trends using four stories of contemporary Russian writers as an example. Changes are noted at the lexical, syntactic and stylistic levels.

Ф. В. Овчинников
Луганский национальный университет имени Т. Шевченко
e-mail: feudor@ua.fm

УДК 821.161.1-311.2.09:929Шолохов

Народная философия жизни и политическая борьба в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»

Ключевые слова: казачество, революция, гражданская война, народная философия, общечеловеческие нравственные ценности.

В статье анализируются проблемы, связанные с темой «народ – революция» – главной в романе-эпопее М. Шолохова. Антитеза народной философии жизни и жестокой политической борьбы определяется как идейная основа романа «Тихий Дон».

Среди признанных классиков русской литературы XX в., творчество Михаила Шолохова занимает важнейшее место в многом благодаря гениальному таланту писателя, его умению с документальной правдивостью показать тему человеческих отношений в трагические для страны периоды исторических потрясений, мастерски воплощенную писателем в романе «Тихий Дон». Творческое наследие М. А. Шолохова было предметом исследования известных филологов В. В. Гуры, В. В. Петелина, Н. И. Глушкова, К. И. Приймы, П. В. Палиевского (советский период шолоховедения), Е. А. Костина, Н. В. Корниенко, Г. Н. Воронцовой, А. А. Дырдина, Т. О. Осиповой, Ю. А. Дворяшина и др.

Новизна подходов к теме состоит в том, что данный вопрос еще не был представлен в шолоховедении в таком аспекте. В процессе реализации темы будут привлечены различные методы литературоведческого характера. Также предпринята попытка рассмотрения роли второстепенных персонажей в целостном идейно-художественном восприятии романа "Тихий Дон". Кроме того, анализ своеобразия второстепенных персонажей позволяет определить новые (малоизученные) аспекты жанровой специфики прозы М. Шолохова в контексте русской литературы XX века.

В произведениях Михаила Шолохова, повествующих о событиях первой мировой войны, революции, становлении советской власти на Дону (или Вешенском восстании), присутствуют традиции русской реалистической прозы – хроники войны и мира в их органическом единстве, принцип историзма, осмысление судьбы человека в мирное и военное время.

В образе главного героя Григория Мелехова, его трагическом жизненном пути автор воплотил главную тему романа – судьбу народа в нелегкий период исторических и социальных изменений – первая мировая война, лихолетье революции, гражданской войны, периоды безвластия и колебания казаков между белыми и красными. Повествование в романе ведется о разных этапах жизни главных героев, но события войны и периода "безвластия", борьбы за власть накладываются историческим фоном, вносят свои жизненные коррективы.

По словам Алексея Толстого, имевшего при всей самобытности, много общего в художественной стилистике романтического реализма начала XX века с М. Шолоховым, в «Тихом Доне» Шолохов развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа: «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности – произведение общерусское, национальное, народное [6]. Не понаслышке зная жизнь донских казаков, их быт и традиции, а также являясь непосредственным участником борьбы на Дону в начале 20-х годов, М. Шолохов показал не только жизнь отдельно взятого осо-

бого социума – казачества, но познакомил читателя с широкой панорамой жизни всего народа в это трагическое для всей России время. Изображая жизнь народа, писатель продемонстрировал непревзойденное мастерство в художественной поэтике слова, гениально отражая картины быта казачества во всех его проявлениях, в быту, семейных отношениях, каждодневной работе, в исторических событиях того времени.

Шолохов сам говорил, что в своем романе он запечатлел «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции» [6, 103]. Несмотря на относительную вымышленность персонажей, с фактографической точностью М. Шолохов передает колорит изображаемой эпохи, особенности жизни казачества, параллельно сочетая их с глубочайшими философскими обобщениями. Жизнь и вся хронология трагических событий донского казачества, показана автором через обычные, на первый взгляд, взаимоотношения в казачьей семье. В первой книге Шолохов показывает неспешную жизнь казачьего общества, особенности их быта, традиций, стараясь сохранить в первую очередь объективность в изображении казачества.

По мнению А. А. Дырдина, «Книги М. А. Шолохова – правдиво запечатленный материал русской действительности XX века, свидетельствующий о гигантских разрывах в национальной истории и о великом подвиге народа, преодолевшего несчётные беды, сохранившего вопреки всему свои духовные и культурные устои» [2, 43].

Рассказывая читателям историю семьи Мелеховых в начале романа, Шолохов знакомит также читателей и с хуторскими соседями – семьей их родственника Аникея (Аникушки), семьями Астаховых, Кошевых, Коршуновых, братьями Шамилями, Хрисанфой Токиным (Христоней). Это также казаки Бодовсковы, Томилины, Борщевы, Кашулины, Богадыревы, Майданниковы, Меркуловы, Максаевы... Все эти многочисленные земляки, товарищи и сослуживцы, несмотря на свое эпизодическое участие в сюжете романа, будут сопровождать главного героя на протяжении всего повествования. Можно сказать, что М. Шолохов, раскрывая те или иные индивидуальные человеческие качества персонажей тем самым способствует достижению общего бытийно-бытового (философского) начала. Именно это качество соотносится с эпическими принципами, где ключевую роль играют описания различных мест, предметов, характеристики персонажей, различные пространственно-временные характеристики на фоне исторических событий общенародного масштаба.

В развитии сюжета все события, связанные с Григорием тесным образом, отражаются и на остальных шолоховских героях, они также стоят перед выбором в периоды социальных и исторических потрясений. К числу персонажей, не имеющих своей "сюжетной линии", но приближенных к Григорию на протяжении всего повествования можно отнести казаков Прохора Зыкова, Аникея, Христоню, Ивана Томилина и других однополчан. Их портреты созданы Шолоховым с глубоким психологизмом, ярко и выразительно. "Лепить характеры – не значит делать слепки с людей, существовавших в действительности, – рассказывал Виктору Гуре автор Михаил Шолохов. – Все образы в моих романах собирательные, но есть в них и черты людей, с которыми я жил, общался, разговаривал или просто наблюдал за ними со стороны" [1].

На лагерных сборах, куда Григорий едет вместе с казаками-хуторянами М. Шолохов дает краткие, но выразительные портреты второочередников: "До хутора Сетракова – места лагерного сбора – шестьдесят верст. Петро Мелехов и Астахов Степан ехали на одной бричке. С ними еще трое казаков-хуторян: Федот Бодовсков – молодой калмыковатый и рябой казак, второочередник лейб-гвардии Атаманского полка Хрисанф Токин, по прозвищу Христоня, и батареец Томилин Иван, направлявшийся в Персиановку. В бричку после первой же кормежки запрягли двухвершкового Христониного коня и Степанового вороного... Правил здоровенный и дурковатый, как большинство атаман-

цев, Христоня. Колесом согнув спину, сидел он впереди, заслонял в будку свет, пугал лошадей гулким октавистым басом" [7, т. 1, 46].

В попытке найти причину уникальности романа "Тихий Дон" И. П. Щеблыкин приходит к выводу, что его своеобразие содержится в самом типе художественного повествования, предметом которого является жизнь народа во всей ее многогранности. "Неоспоримое новаторство Шолохова надо видеть в том, что он сумел представить жизнь народа в своем собственном *имманентном*, если так можно сказать, проявлении. И в этом все дело!" [8, 29]. В подтверждение этой мысли можно сказать, что многие персонажи, как главные, так и второстепенные – Христоня, Пантелей Прокофьевич, Дарья, Аксинья, Степан Астахов, наконец, Григорий Мелехов в большинстве своем самодостаточные в сюжетной динамике, но и не зависимые от авторской трактовки сюжета. Шолохов показывает литературных героев не "созерцательно", а находясь как бы внутри их жизни. Даже герои второго плана, имеющие одни только прозвища, как например, старик с хутора Татарского Сморчок – "мелкий беззубый старичонка" и Семак – подхорунжий, участник вешенского восстания, промышлявший, по сути, мелким грабежом – в результате работают на целостное, правдивое изображение народной жизни. "Шолохов запечатлел наивысшую точку подъема народных сил, подъема, который сразу же перешел в критическую фазу исторического испытания. Такое сложное, предельно противоречивое состояние народа нельзя было адекватно отразить в публицистических, а также философских или в исторических сочинениях. Об этой фазе вообще нельзя было рассказывать от чьего-то лица. Здесь нужна была та система, тот тип художественного повествования, которое с полным основанием можно именовать *имплицитным*, когда субъекты повествования выступают сами по себе, в своих собственных, объективно запечатленных качествах. Этот тип художественного повествования и реализовал в «Тихом Доне» М. А. Шолохов"[8. 33].

Конкретная историческая связь с главной мыслью романа – *противопоставление народного понимания жизни и тех идей, которые навязываются народу извне, как сторонниками революции, так и её противниками* – проходит через образы центральных героев, а также через систему героев второго плана и даже эпизодических. Примерами могут служить ситуации, обусловленные высказываниями персонажей, их размышлениями о происходящих событиях, а также некоторыми символическими картинами в романе, одна из которых связана с гибелью сотоварища Григория – Валета, безжалостно убитого своими "братьями-казаками" и похороненного "врагами" по-христиански. Особым смыслом наполнен эпизод появления часовенки с пророческой надписью: «... Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежеоструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом ее в темноте теплился скорбный лик божьей матери, внизу на карнизе навеса мохнатилась черная вязь славянского письма

В годину смуты и разврата // Не осудите, братья, брата» [7, т. 2, 383].

Не случайно этот эпизод находится в идейно-смысловом и композиционном центре романа. В тяжелые периоды трагических испытаний, страшного братоубийства, «метельной коловерти небывалых революционных событий» (В. Литвинов), когда разрушается все, что на протяжении стольких лет казалось незыблемым, перед героями «Тихого Дона» возникают напоминания о нравственности и человеческой морали, основанные на гармоничных отношениях с природой, на традициях правды Жизни.

В антитезе народной философии Жизни и политической борьбы принципиальное значение имеет реалистическая символика, которой насыщен роман. Например, «стежка трупов», которую обнаружили казаки на лесной прогалине. «Они лежали внакат, плечом к плечу, в различных позах, зачастую непристойных и страшных < ... > Большинство из них были молодые, судя по виду – в возрасте от 20 до 25 лет... » [7, т. 2, 34].

Реакция казаков на эту жуткую картину опять же не политическая (хотя все убитые – офицеры), а человеческая. Особенно их потрясла гибель совсем юных. « – Этот... этот в смертный час кого кликал? Матерю? – заикаясь, клацая зубами, спросил Иван Алексеевич и, круто повернувшись, пошел как слепой < ... > И зарезали, это как?» [7, т. 2, 35].

Не менее символичен эпизод с убитой красавицей, которую находят Григорий и Прохор. Реакция Прохора также далека от политической оценки. Ему безразлично, кто совершил это преступление, – белые или красные. «Смуглое молодое лицо было красиво и после смерти. Под страдальчески изогнутыми черными бровями тускло мерцали полузакрытые глаза… – Какую красоту загубили, сукины сыны! – вполголоса сказал Прохор. С минуту он молчал, потом с ожесточением сплюнул: – Я бы таких... таких умников к стенке становил! Поедем отсюда, ради бога! Я на нее глядеть не могу. У меня сердце переворачивается!» [7, т. 4, 81].

Лейтмотивом в романе проходит *мысль о народе* – выразителе героического и прекрасного, связывая сюжетные линии «Тихого Дона» единством эстетического и художественного отношения самого автора. Поэтому даже самый незначительный эпизод несет в себе глубокий и символичный смысл. На протяжении всего повествования мы видим, как герои эпопеи, кровно связанные с народным бытием, народным характером пытаются найти тот единственно правильный путь не только в мирное время, но и период войн и потрясений. «Нравственное здоровье, сердечная доброта к ближнему, честь смолоду – все, что по капле копила душа, что взяла от вековой народной нравственности, все под колеса войны! Нет для гуманизма испытания более сурового, чем испытание войной», – утверждает В. М. Литвинов [4, 92].

Несмотря на множество трагических событий в жизни главных и второстепенных персонажей, в «Тихом Доне» мирная жизнь, стремление казаков вернуться в родные станицы противостоит войне и борьбе политических идей. После многочисленных и кровопролитных боев Григорию хотелось «ходить по мягкой пахотной борозде плугатарем, посвистывать на быков, слушать журавлиный голубой трубный клич, ласково снимать со щек наносное серебро паутины и неотрывно пить винный запах осенней, поднятой плугом земли». Он хочет сеять зерно, убирать пшеницу, работать в поле на благо своих близких... «А взамен этого – разрубленные лезвиями дорог хлеба. По дорогам толпы раздетых, трупно-черных от пыли пленных. Идет сотня, копытит дороги, железными подковами мнет хлеба. В хуторах любители обыскивают семьи ушедших с красными казаков, дерут плетьми жен и матерей отступников... » [7, т. 3, 97].

Суровые испытания в период войны приходится пережить Григорию, но никакие нравственные потрясения не способны пошатнуть его силу духа. Страдают от «удушающей несвободы» военщины сослуживцы Григория – Валет, Егорка Жарков, Прохор Зыков... страшный эпизод с горничной Франей демонстрирует до какого предела может дойти бесчеловечный порядок армейской жизни, когда систематическое унижение их собственного человеческого достоинства способно вызвать в казаках пренебрежение к достоинству других. И только Григорий, с его духовной стойкостью, благородством не участвует в измывательстве над Франей, отстаивает свою честь в стычке с вахмистром. Несмотря на мятежность души Григория Мелехова на войне, твердость характера, свободолюбие, человечность остаются главенствующими чертами его личности. Изображая весь трагизм и лихолетье войны, Михаил Шолохов показывает нам «бытование людское – страшное, нелогичное, и, тем не менее, бытование» [4, 95], соотносит ее с общей картиной народной жизни. Поэтому лейтмотивная идея – «Тихого Дона» – поиски не политической, а *общечеловеческой правды*. Казаки-второочередники, перед отправкой на фронт, слушают напутствия старого казака-участника турецкой войны: «Помните одно – хочешь живым быть, из смертного боя целым выйтить – надо челове-

чью правду блюсть» [7, т. 1, 287]. *Роман-эпопея наполнен ожиданием общечеловеческой правды, основанной на социальной справедливости и нравственной гармонии*.

На примере трагической судьбы главного героя, испепеленной войной, М. Шолохов демонстрирует, что поиски правды не могут привести к однозначному выбору ни одного из враждующих лагерей. «Нерасчленяемая целостность внутреннего бытия абсолютного числа шолоховских персонажей объясняется их неразрывной спаянностью со всей толщей народной психологии и народного видения мира...», – утверждает Е. А. Костин [3, 23].

Пытаясь найти ту самую непреложную казачью правду, переходя то к белым, то к красным, Григорий Мелехов в разговоре с представителями новой власти – Кошевым и Котляровым открыто выражает свою нейтральную позицию: «– Мне, если направдок гутарить, ни те, ни эти не по совести...» [7, т. 3, 161]. «Не по совести...», т. е. не отвечает сути типично человеческих взаимоотношений. Это откровение Григория находит подтверждение в размышлениях В. Литвинова, давшего объяснение мятежным поискам верного пути главного героя. «... не может быть многих и разных правд, – есть одна единственная для всех и всего: правда народа…» [4, 130].

Показателен в этом плане эпизод столкновения Григория с начштаба Андреяновым во время допроса пленного красноармейца. «Андреянов побледнел, схватился за кобуру нагана. Тогда Григорий неторопливо встал и предостерегающе поднял руку. – Ого! Ну, теперь хватит! Погутарили – и хватит. Обое вы горячие, как погляжу... Ну, не сошлись, и не надо, об чем толковать? Он правильно делает, что не выдает своих. Ей-богу, это здорово! Я и не ждал! – Нет, позвольте!.. – горячился Андреянов, тщетно пытаясь расстегнуть кобуру. – Не позволю! – с веселым оживлением сказал Григорий, вплотную подходя к столу, заслоняя собой пленного. – Пустое дело – убить пленного. Как вас совесть не зазревает намеряться на него, на такого? Человек безоружный, взятый в неволю, вон на нем и одежи-то не оставили, а вы намахиваетесь...» [7, т. 4, 144 – 145]. Пленный и Григорий вербально не общаются, но понимают друг друга на уровне глубинной нравственности, а не сиюминутной политики. Не случайно, когда конвой уводил красноармейца, «тот повернулся лицом к Григорию, молча поклонился ему, пошел к двери. Григорию показалось, будто у пленного под рыжеватыми усами в чуть приметной благодарной усмешке шевельнулись губы...» [7, т. 4, 145].

Женщины, представленные в романе, независимо от их возраста и бытовых взаимоотношений, несут в этот мир идеалы *народной философии жизни* (даже не задумываясь в этом): люди должны всегда оставаться людьми, их задача – растить детей, трудиться на земле, любить, радоваться хорошему урожаю и прекрасной погоде, хранить веру свою. Когда Ильинична узнает, что Григорий порубил красных матросов, она судит сына по канонам народной христианской морали. « – Ты бога-то... бога, сынок, не забывай! Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже, небось, детки поостались... Ну как же так можно? В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зараз так и живешь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, гляди-кось, сердце как волчиное исделалось... Послухай матерю, Гришенька! Ты ить тоже не заговоренный, и на твою шею шашка лихого человека найдется...» [7, т. 3, 331 – 332]. Символично, что все женщины, находящиеся в центре романа, кроме Дуняшки, уходят из жизни: Ильинична и Наталья умирают, погибает Аксинья, кончает самоубийством Дарья (не только из-за болезни, а потому что пошла против народной этики – убила), даже дочь Григория Полюшка прожила всего несколько лет. А Дуняшка, выйдя замуж за Михаила Кошевого, похоронила себя заживо, хотя пока не поняла этого до конца.

Народное восприятие жизни, воплощенное М. Шолоховым в образе Григория Мелехова, во взаимосвязи с многочисленными персонажами романа, по существу, является художественной философией «Тихого Дона», демонстрирующей отношения

между личностью и народом, народной философией жизни и злободневной политикой... Учитывая опыт писателей – предшественников 20-х годов... Шолохов ставил перед собой задачу показать «очарование человека» в драматизме его *противоречий*, связанных с жизненным самоопределением. Его герои действуют без пафоса и каких бы то ни было насаждаемых читателям идей, они живые люди со всеми присущими человеку достоинствами и недостатками. Поэтому персонажи второго плана, как и главный герой, стоят не только перед социально-политическим выбором, но и общечеловеческой дилеммой. Автор гармонично вплетает в сюжет все многообразие характеров "эпизодического окружения" Григория, но социальная проблематика описываемых событий не перекрывает их человеческие характеры.

Автор "Тихого Дона" как подлинный мастер большой эпической формы умело соотносит главные, второстепенные, эпизодические образы представителей народа, чтобы показать читателю приоритет народной философии Жизни, которая далеко не всегда гармонизирует с политическими идеями.

Литература

1. Гура, В. В. Как создавался "Тихий Дон": Творческая история романа М. Шолохова. / В. В. Гура. – М. : Советский писатель, 1989. – 464 с. – 119.

2. Дырдин, А. А. Михаил Шолохов и духовно-культурные традиции русского народа / А. А. Дырдин // Мир Шолохова. – 2016 – № 1 – С. 41 – 53.

3. Костин, Е. А. Гуманизм Шолохова/ Е. А. Костин // Творчество М. А. Шолохова. Шолоховские чтения. – Ростов на Дону : Издательство Ростовского ун-та, 1990. С. 20 – 28.

4. Литвинов, В. М. Михаил Шолохов. / В. М. Литвинов – М. : Художественная литература, 1980. – 352 с.

5. Толстой, А. Н. Критики о творчестве М. А. Шолохова и романе «Тихий Дон» [электронный ресурс] / А. Н. Толстой // Издательство «ЛИЦЕЙ». – Режим доступа : https:// licey.net/free/11-kratkie_soderzhaniya_literaturnyh_proizvedenii/48-_tihii_don__ma_ sholohova _kratkoe_soderzhanie_osobennosti_romana_sochineniya/stages/2484-kritiki_o_tvorchestve_ma_ sholohova_i_romane__tihii_don_.html. – Дата доступа : 15. 01. 2020.

6. Шолохов, М. А. Тихий Дон: (Роман в четырех книгах). Кн. 1 и 2 / М. А. Шолохов. – М. : Гос. изд-во худож. лит.,1960. – 740 с.

7. Шолохов, М. А. Собр. соч.: в 8 т. – М. : Правда, 1980. – Т. 2. – С. 383.

8. Щеблыкин, И. П. Тип художественного повествования в "Тихом Доне" М. А. Шолохова // Литературоведение. – Rhema. М. : МПГУ, 2009. – С. 28 – 33.

F. V. Ovchinnikov
Lugansk National University named after T. Shevchenko
e-mail: feudor@ua.fm

Folk Philosophy of Life and Political Struggle in the novel by M. A. Sholokhov "Quiet Don"

Keywords: Cossacks, revolution, civil war, popular philosophy, universal moral values.

The article analyzes the problems associated with the theme "people - revolution" – the main one in the epic novel by M. Sholokhov. The antithesis of the popular philosophy of life and fierce political struggle is defined as the ideological basis of the novel "Quiet Don".

И. М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 808.2-3-085.3

Информативность прецедентных имен собственных в пьесах Людмилы Николаевны Разумовской

Ключевые слова: прецедентные имена, ономастическая метафора, ономастическое сравнение, ономастическая метонимия, драма.

В статье рассматриваются особенности функционирования прецедентных имен собственных в драматических произведениях Л. Н. Разумовской, их разновидности, а также способы трактовки, обеспечивающие раскрытие информативной составляющей данных номинаций в художественном контексте.

Одним из важнейших условий функционирования языка является признание того, что противоречие внутри данной системы есть постоянный стимул его внутреннего развития. Это противоречие находит свое выражение, в частности, в окказиональном функционировании языковых единиц, к числу которых мы и относим так называемые прецедентные имена собственные, или имена-реминисценции (намёки, аллюзии, переклички). Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с хорошо знакомым текстом, или с прецедентной ситуацией. К прецедентным именам следует отнести широко известные номинации, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств [см. об этом подробнее: 1]. Интерес лингвистов к прецедентным онимам обусловлен повышенным вниманием к вопросам взаимодействия языков и культур, процессу межкультурной и межъязыковой коммуникации. Общение языковых личностей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам, будет эффективно лишь в условиях преодоления как языкового, так и культурного барьеров. В основе идей прецедентности лежит концепция Ю. Н. Караулова. Согласно ей, прецедентные имена фиксируют определенные аспекты национальной картины мира, связанные с процессами номинации [2, 74]. Наиболее подробное освещение явление прецедентности получило в трудах Д. Б. Гудкова [1], опирающегося на более ранние работы в этой области, а также теорию интертекстуальности французской исследовательницы литературы и языка Ю. Кристевой [3].

Под прецедентным именем Д. Б. Гудковым понимается индивидуальное имя, связанное: а) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; б) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная [1, 106]. Реминисценция, аллюзия, намёк, перекличка основаны на перенесении каких-то черт лица или объекта, названного именем-оригиналом, на иной объект номинации, по отношению к которому также намеренно используется имя образа-«первоисточника». Опознавание читателем (зрителем) имён-реминисценций является факультативным, поскольку зависит от ряда таких факторов, как, например, уровень читательской эрудированности (субъективизм восприятия, степень известности онима); соотнесённость и согласованность данного типа имён собственных (далее ИС) с художественным текстом (ХТ); необходимость возникновения широкой, либо, напротив, неполной ассоциации ИС с созданным образом.

Современные русские драматурги активно используют в своём творчестве имена-аллюзии, по-видимому, считая их одним из действенных средств создания и обрисовки

персонажа. Эти поэтонимы в концентрированном виде содержат информацию о художественном объекте. Учитывая эрудицию и довольно большой багаж знаний современного читателя (зрителя), авторы апеллируют ко всему разнообразию возникающих в сознании адресата аналогий, связанных с узнаванием номинации образа литературного произведения, либо реального исторического лица. Граница между двумя этими группами весьма прозрачная и достаточно условная, поскольку один и тот же носитель имени может быть как образом ХТ, так и объектом (лицом) исторической действительности.

Предметом исследования данной статьи стали пьесы Л. Н. Разумовской «Домой!..», «Дорогая Елена Сергеевна», «Счастье». В качестве объекта исследования выступают прецедентные ИС, используемые художником слова. Имена-реминисценции, на наш взгляд, условно можно разделить на четыре группы: 1) узуальные онимы, принадлежащие различным «возможным мирам» анализируемых ХТ; 2) ономастические метафоры; 3) ономастические сравнения и 4) ономастические метонимии. Все прецедентные имена – внесюжетные (упоминаемые) номинации: **Иуда**, **Каин, Авель, Ален Делон, Дездемона, батька Махно, Павлик Морозов, матрос Железняк, Мария Египетская, король Артур, Сергий Радонежский, Дездемона, Ромео** (из драмы «Домой!..»), **Горчаков, Пущин, Достоевский, Федор Михайлович**, **Наполеон**, **Цицерон**, **Шагал, Яго, Ромео, Антигона, Раскольников, Иуда** (в пьесе «Дорогая Елена Сергеевна»), **Пушкин, Гоген, Сальвадор Дали** («Счастье») и прочие являются символами, обладающими значительным культурно-историческим потенциалом.

Для раскрытия семантической нагрузки поэтонимов первой группы необходимо возникновение в читательском сознании достаточно широких (относительно полных) ассоциаций, связанных с узнаванием имён-реминисценций. ИС в таком случае могут раскрывать внутреннюю сущность персонажа, его личностные свойства и качества. Так, в пьесе «Дорогая Елена Сергеевна» один из выпускников Володя, оправдывая свой эксперимент, активно апеллирует к историческим личностям: «ВИТЯ. *Не обижайтесь, Елена Сергеевна, но у* ***Пушкина*** *по математике была единица. А все равно – гений! ВОЛОДЯ. Да уж. В его время это как-то различали. Либо ты –* ***Горчаков****, и служи царю и отечеству, укрепляя государственную мощь, либо ты –* ***Пущин****, и служи отечеству, ее разрушая»* [5, 6]. Александр Михайлович **Горчаков** известен как глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II. Это последний канцлер Российской империи, государственный деятель, дипломат, светлейший князь. Ему противопоставлен другой реальный исторический деятель, Иван **Пущин** – декабрист и близкий друг Александра Пушкина, который участвовал в восстании на Сенатской площади и был сослан на каторгу в Сибирь. Или же, оправдывая свою искаженную теорию, герой этой пьесы произносит: «*ВОЛОДЯ. Разумеется. Мораль – категория человеческая, а потому – относительная. <…> Когда речь идет, например, о* ***Петре Первом****, никому и в голову не придет говорить о морали. ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА.* ***Петр Первый****,* ***Наполеон****... Сильная личность, которой все дозволено. Как это все старо! ВОЛОДЯ. И столь же истинно* [5, 21]. **Пётр Первый** и **Наполеон** вошли в историю как великие государственные деятели, однако во имя достижения своих целей и решения определенных государственных задач, во время проведения реформ, нередко им приходилось идти на нарушение этических норм и принципов, жестокость и злодеяния.

К именам-реминисценциям относятся также ономастические метафоры (термин И. Э. Ратниковой [7]) и ономастические сравнения. Цель таких онимов указать лишь на какую-то одну яркую особенность обозначаемого объекта номинации. Для раскрытия семантической нагрузки поэтонимов этого типа достаточно возникновения узких (сравнительно неполных) ассоциаций, связанных с узнаванием ИС. Такие имена-аллюзии фигурируют в качестве внесюжетных ссылок на соответствующие образы как средство усиления их стилистической выразительности. Основной денотат реального

исторического имени вызывает более или менее постоянный круг общеизвестных ассоциаций. Ономастические метафоры, функционирующие в ХТ современной русской драматургии, как правило, антропонимического типа. Термином сравнения в них является естественный антропоним реального или библейского лица, исторического или литературного персонажа. Поэтонимы этой группы способны не только сообщать новую информацию, но и давать экспрессивно-стилистическую оценку герою ХТ. В драме «Домой!..» Л. Н. Разумовская весьма часто обращается к подобному типу номинаций. Так, одну из главных героинь Жанну, жизнь которой полна лишений и трудностей, один из персонажей Венька-монах называет **Марией Египетской**, или **Блудницей Вавилонской**: «*ВЕНЬКА* (вдруг). ***Мария Египетская*** *после покаяния в блудной жизни сорок лет в пустыне жила. Одна. ЖАННА* (смеясь). *Вот видишь. Чтоб очиститься от грязи, сколько надо? Ну а я не* ***Мария Египетская****. Мне уже не отмыться*» [4, 12]. Действительно, в погоне за быстрой благополучной жизнью Жанна становится на путь проституции. Однако, потеряв любимого человека и сделав аборт, Жанна во всем раскаивается, она хочет все изменить. Но герой пьесы упрекает ее: «*ВЕНЬКА. Нельзя так креститься. Ты в Бога не веруешь. ЖАННА. Верую… ВЕНЬКА. Опять врешь! ЖАННА. Верую! Почему ты мне не веришь! Я верую! <…> ВЕНЬКА. Верую! Во что ты веруешь? Дрянь!* ***Блудница Вавилонская****! <…> Как ты должна после этого жить, понимаешь? Ты как святая должна! Как* ***Мария Египетская****! А ты!.. Ты даже работать не хочешь! Чтоб чисто! Чтоб без греха! <…> ЖАННА. А Христос, Веничка, блудницу-то пожалел…*» [4, 15]. Прецедентный антропоним вызывает ассоциативную связь с христианской святой преподобной **Марией Египетской**, которая считается покровительницей кающихся женщин. Мария родилась в Египте и в возрасте двенадцати лет покинула родителей, уйдя в Александрию, где стала блудницей. Более семнадцати лет предавалась она этому занятию. Из текста пьесы узнаем, что Жанну изнасиловал отчим, и она тоже убегает из дома. Встретив Майка, они попадают в Ленинград, где, по воспоминаниям Жанны, *«вместо моря здесь дамба и что люди здесь злы и жестоки, а дома – зловонны, как трупы и полны крыс… <…> здесь нам встретится Рваный, который в первый же день в уплату за ночлег переспит со мной…*» [4, 13]. **Мария Египетская** – это грешница, которая благодаря раскаянию и покаянию, живя в посте, молитвах, стала великой праведницей, чего не происходит с Жанной.

Другой персонаж пьесы Рваный, стараясь понравиться Жанне, иронично заявляет: «*Эх, отчего я не* ***Ален Делон****, а, Майк?»* Известно, что французский актер театра и кино, а также режиссер, продюсер и сценарист, **Ален Делон** являлся секс-символом и эталоном мужской красоты в 60–80-х годах прошлого века. Имя-перекличка употребляется в значении «красавиц-мужчина». Ономастическими метафорами являются такие номинации, как **матрос Железняк** (в значении «красный комиссар») и **батька Махно** (в тексте пьесы противопоставляется ему как революционер-анархист). Хуля, заставляя монаха выпить, обращаясь к Веньке, произносит: «*Рваный, хули он тут комиссарит?.. Может, ты вообще подлюка… красный?! У, гнида!.. Чует мое сердце, Рваный, что он комиссар.* (Орет.) *Покажи свою тельняшку,* ***матрос Железняк****! Покажи* ***батьке Махно*** *свою тельняшку!..»* [4, 5]. Происходит отождествление героев произведения с носителями этих имен, реальными историческими лицами (ср. матрос Анатолий **Железняк** – балтийский матрос, участник революции 1917 года в России, и **батька Махно** – революционер-анархист, который во время гражданской войны командовал крестьянской повстанческой армией). Танька Рыжая называет Близнеца **Иудой** в значении «предатель» за то, что его окрестил Вениамин, но он это скрыл и ничего не рассказал другим детям. «*ТАНЬКА****.*** *Ну и гад же ты, Близнец! <…> Ты почему нам ничего не сказал? Мы, значит, помирай, как черви навозные, а он, видите ли, один останется вечно процветать, <…> Эх ты,* ***Иуда****! БЛИЗНЕЦ. Почему я* ***Иуда****? Я ж не знал…»* [4, 6–7].

Антропоним-аллюзия ***Дездемона*** вызывает в сознании читателя (зрителя) образ шекспировской ***Дездемоны,*** который признан идеалом самопожертвования и героизма. Для современного человека подобный персонаж приобретает некие карикатурные черты, что отчетливо звучит в словах отрицательного героя пьесы «Домой!..» Хули: «*Хуля слоняется по чердаку в поисках веревки. Ну, молись,* ***Дездемона****. Пришел твой последний час. ВЕНЬКА****. Я и молюсь…»*** [4, 14]. Увидев жвачку у двух братьев-беспризорников Фомы и Близнеца, Рваный, негодуя, восклицает: «*... Вы кто? <…> Может, вы сыновья* ***короля Артура****? Или наследные прынцы арабского шейха? А? Отвечать, когда вас спрашивает старший товарищ!»* [4, 6–7]. Рваный иронично употребляет ономастическую метафору «*сыновья* ***короля Артура***» в значении «богатые наследники, которые всё могут себе позволить приобрести», поскольку по преданиям, правитель государства Логрес, **король Артур**, действительно, был самым богатым и знаменитым из кельтских героев, центральным персонажем британского эпоса и рыцарских романов.

Своего одноклассника Витю из драмы «Дорогая Елена Сергеевна» за юношескую влюбленность в учительницу Володя называет **Ромео** по имени главного героя трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», которое уже стало нарицательным по отношению ко всякому влюблённому юноше, а также считается символом несчастной любви. Приведем пример из пьесы: «*ВИТЯ. Елена Сергеевна, извините. Я вам починю... <...> Я вас люблю, Елена Сергеевна... Вы моя любимая учительница... с детства. У вас такие чудные глаза... как два озера... в них можно ловить... рыбу... ВОЛОДЯ (хохочет). Браво! Наш Витюша –* ***Ромео****!»* [5, 23] За излишнее красноречие своего друга Пашу Володя иронично называет **Цицероном** по имени видного политического деятеля, мастера публичных выступлений, известного древнеримского оратора, Марка Туллия **Цицерона** («*ВОЛОДЯ. Браво! Браво!* ***Цицерон*** *ты наш! Слушайте, слушайте, Елена Сергеевна!»* [1, с. 25]). Саму Елену Сергеевну в пьесе ребята именуют **Антигоной** («*ВОЛОДЯ. Он прав. У нашей дорогой Елены Сергеевны комплекс* ***Антигоны.*** *<…> Это когда идеалистическое восприятие действительности возведено в принцип. Когда всякое насилие над их личностью или над их идеалами вызывает героическое сопротивление. <…> Я уже знаю, как сломить* ***Антигону****. (Пауза. Все с любопытством смотрят на Володю.) Насилием. <…> Только не над самой* ***Антигоной****, что бессмысленно, а на глазах* ***Антигоны*** *и над ее ближним*» [5, 14]). Подобно героине древнегреческой мифологии **Антигоне** из трагедий Софокла, отстаивающей старые родовые обычаи, утверждающей приоритет общечеловеческих ценностей, исполнения долга и мужества, учитель математики Елена Сергеевна является образцом самоотверженности и смелости. Она не соглашается совершить безнравственный поступок, содействовать старшеклассникам в подмене экзаменационных работ и отдать им ключ от сейфа, считая: «*… Важно, чтобы при любых обстоятельствах вы оставались честными людьми. Чтобы те идеалы, которые мы прививали вам с детства, несмотря ни на что, были живы в ваших сердцах...*» [5, 8]. Елена Сергеевна верит в то, что «*если огромному миру зла скажет "нет" хотя бы один человек, один, – зло отступится, и восторжествует добро и справедливость*» [5, 17].

Ономастическое сравнение как тип ономастической номинации реализуется при сохранении исходной референциальной связи онима, т.е. при неизменности ядерной семантики собственного имени. Ономастическое сравнение является ярким изобразительным средством, в основе которого лежит эмоциональная субъективная оценка явления автором. Назначение так называемых ономастических сравнений – выражать логическую и эмоциональную оценку объекта. Главный герой произведения «Дорогая Елена Сергеевна» Володя сам себя сравнивает с шекспировским персонажем **Яго** («Отелло»): «*ВОЛОДЯ. ... Но вы действуете бесхитростно и прямолинейно. Я же проявляю гибкость ума и разнообразие приемов. (Улыбаясь.) Я большой интриган, Елена Сергеевна. Я сумею вас победить коварством, как* ***Яго***» [5, 22]. **Яго** – один

из шекспировских излюбленных типов «злодеев», мелкий злобный интриган, однако придуманной его изворотливым умом козни хватает для того, чтобы погубить великодушного Отелло и Дездемону. Высокие поступки настолько раздражают **Яго**, что у него появляется инстинктивное желание – сломать и уничтожить. Используя подобное сравнение, драматург Л. Н. Разумовская дает исчерпывающую характеристику старшекласснику Володе, который является инициатором и вдохновителем реализованного им эксперимента над людьми, их чувствами и взаимоотношениями.

Ономастическая метонимия (здесь имеет место перенос значения по смежности) – это один из активных приемов семантической деривации. Так, ИС известного художника **Шагала** («Дорогая Елена Сергеевна») употребляется в значении нарицательного «альбом картин Шагала»: *«ВОЛОДЯ (заглядывает на кухню, весело). … Я там сижу, все альбомы пересмотрел. У вас потрясающий **Шагал**. Это вы на черном рынке купили?»* [5, 20]. Вектор ассоциаций антропонима **Достоевский** (фамилия известного русского писателя) смещается в сторону нарицательной номинации «творчество, произведения Достоевского»: *«ПАША. Витя, помолчи! Ребята, дайте сказать! <…> Я с восьмого класса занимаюсь **Достоевским**. <…> ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА. Вы занимаетесь **Достоевским**? В ваши годы? Я ничего об этом не знала. ВОЛОДЯ. Ну как же! Это у нас достоевскоед растет. Доморощенный*!» [5, 6–7]. В пьесе «Счастье» муж Толик мечтательно обещает жене: *«Мы увидим с тобой розовый мир **Гогена**. И в раскаленные зноем полдни нам будут мерещиться композиции в духе **Сальвадора Дали***!..» [6, 8] Поль Гоген известный французский художник-импрессионист, который испытывал тягу к экзотическим местам и хотел слиться с природой. Он уехал на Таити, где и написал свои лучшие полотна. Изображая всю красоту тропической природы, естественных, неиспорченных цивилизацией людей, художник стремился воплотить утопическую мечту о земном рае, о жизни человека в гармонии с природой, поэтому в большинстве его картин присутствует целая палитра розовых оттенков. Данная ономастическая метонимия в ХТ используется в значении «тропическая природа», «экзотические картины». Картины **Сальвадора Дали** являются одним из ярчайших образцов воплощения сюрреализма, той самой свободы духа, граничащей с безумием. Неопределенность, хаотичность форм, соединение реальности со сновидениями, сочетание невозможного с возможным – вот что такое дух композиций **Сальвадора Дали**. Драматург Л. Н. Разумовская использует метонимический перенос в семантическом осмыслении «необычайно чудовищные и одновременно необъяснимо привлекательные, эмоциональные картины природы».

Таким образом, употребление в ХТ ономастических единиц, называемых нами именами-реминисценциями (аллюзиями, намёками, перекличками), вне прямой референции позволяет современным писателям сообщить новую информацию, выразить логическую и эмоциональную оценку объекта, эффективно воздействовать на адресата (читателя, зрителя) за счёт экспрессивно-стилистической окрашенности ономастических номинаций. Анализ сфер-источников позволил выявить ряд закономерностей для русских прецедентных имен в пьесах Л. Н. Разумовской. Самыми популярными источниками являются «религия», «мифология», «литература», «кинематограф» и «политика». Наиболее частотны ономастические метафоры и ономастические сравнения. Прецедентные номинации в ономастической системе языка занимают промежуточное положение в лексическом пространстве между собственными и нарицательными именами. Прецедентные имена – это мощный инструмент передачи «культурной памяти» народа от одного поколения к другому. Способность воссоздавать лингвокультурные образы, заложенные в таких поэтонимах, определяет возможность преодоления языкового и культурного барьеров.

Литература

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков.– М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

3. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

4. Разумовская, Л. Домой!.. // Книги. Поэзия. Драматургия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://libking.ru. – Дата доступа : 30.12.2019.

5. Разумовская, Л. Дорогая Елена Сергеевна // Библиотека пьес Александра Чупина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krispen.ru/s.php. – Дата доступа : 04.01.2020.

6. Разумовская, Л. Счастье // Библиотека пьес Александра Чупина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krispen.ru/s.php. – Дата доступа : 04.01.2020.

7. Ратникова, И. Э. Имя собственное : от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Мн. : БГУ, 2003. – 214 с.

https://libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/215292-2-lyudmila-razumovskaya-domoy.html - book

I. M. Petrachkova
Gomel State Medical University
e-mail: innamihail@mail.ru

Informativity of Precedent Proper Names in the Plays by Lyudmila Nikolaevna Razumovskaya

Key words: precedent names, onomastic metaphor, onomastic comparison, onomastic metonymy, drama.

The article discusses the features of the functioning of precedent proper names in the drama by L. N. Razumovskaya, their varieties, as well as methods of interpretation, providing the disclosure of the informative component of these nominations in context of plays.

Г. В. Писарук, Ю. А. Кушникова
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
e-mail: p.i.sarukgv@yandex.ru

УДК 811.161.1

Анализ роли вариативных знаков препинания в тексте И. Ильина «Подарок»

Ключевые слова: текстовая пунктуация, вариативный знак препинания, функции знаков препинания, содержательно-смысловые аспекты текста, текстообразующая роль знаков препинания.

В статье рассмотрены случаи возможной расстановки вариативных знаков препинания в тексте известного русского философа, писателя и публициста Ивана Ильина «Подарок» из книги «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий». Исследуется смысловая функция знаков препинания на уровне предложения и текста в местах возможных вариантов пунктограмм

Знаки препинания
служат нотами при чтении.
А. П. Чехов

В современных лингвистических исследованиях пунктуация рассматривается как особая система средств, организующих текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов.

Теория текстовой пунктуации – необходимый инструмент для правильной интерпретации текста, то есть составляющая герменевтики как науки о понимании текста, трактуемой как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении». Это утверждает известный французский философ, ведущий теоретик феноменологической герменевтики Поль Рикёр (2, 18). Такая работа предполагает творческое участие читателя (исследователя) над актуальным содержанием знака, языковую рефлексию, развивающую способность познания и осознания множественных, многозначных смыслов.

Нас заинтересовал текст под названием «Подарок», написанный Иваном Александровичем Ильиным – русским философом, писателем, публицистом (1883–1954). Текст «Подарок» входит в главу «Об искусстве жизни» его большой книги «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий». Автор пишет о том, что любовь не выражается словами, она проявляется в том, что и как люди дарят друг другу; а поскольку подарок имеет хрупкую душу, которую легко развеять своим лёгким отношением к нему или к тому, кому дарится подарок, то дарить подарок, утверждает автор, – это искусство.

И. Ильин создал текст в публицистическом стиле в жанре философского эссе – рассуждения в эмоционально-образной форме. Текст состоит из предложений, разных по цели высказывания, по интонациии по структуре: есть простые осложнённые предложения, сложносочинённые и сложноподчинённые с разными типами придаточных, вопросно-ответные формы высказываний – все это требует соответствующего пунктуационного оформления. Со времени написания И. Ильиным «Книги раздумий» прошли десятилетия. Сегодня, в связи с быстрым развитием пунктуации как раздела языкознания и с появлением в последнее время серьёзных научных работ, в которых авторы от анализа пунктуационного оформления отдельно взятого предложения переходят к анализу пунктуации текста, на расстановку знаков препинания вписьменномвысказывании, написанном и пунктуационно оформленном давно, можно посмотреть по-иному – с точки зрения пунктуации текста.

Как известно, носители родного языка могут владеть двумя уровнями пунктуации – формальным, когда знак препинания ставится по одному из трех принципов русской пунктуации – структурному, смысловому или интонационному, и творческим, когда человек ставит знак препинания, руководствуясь не правилами, а желанием более чётко и более ёмко выразить мысль на родном языке. Нам показалось интересным исследовать случаи возможной расстановки вариативных знаков препинания в тексте И. Ильина с целью выяснения, какую роль играют знаки препинания в местах возможных вариантов пунктограмм: какую смысловую функцию они выполняют и какова сфера их влияния – предложение или текст.

Представим текст И. Ильина «Подарок» с пунктуацией автора и с заключёнными в скобки и пронумерованными возможными вариативными (альтернативными, факультативными) знаками препинания. Термин «вариативные знаки препинания» будем использовать как термин, обобщающий знаки препинания факультативные и альтернативные. Под факультативными знаками будем понимать знаки необязательные, но возможные в данном контексте; под альтернативными – знаки, взаимозаменяющие один другой в зависимости от того, какой смысл они акцентируют в предложении или тексте

с точки зрения автора или читателя. Предложения в тексте пронумерованы нами для удобства в работе.

1 *Как легко ее развеять,* ***(1–)*** *хрупкую душу подарка!* **2** *Какой безжизненной, какой пустой покажется нам тогда подаренная вещь!* **3** *Как неосторожно, как «беспонятливо» вел себя дарящий!* **4** *Как неуютно становится получающему подарок!* **5** *Дарить – это искусство;* ***(2,)*** *и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке.*

6 *Чего хочет дарящий?* **7** *Он стучится в дверь,* ***(3:)*** *можно ли войти.* ***(4?)*** **8** *Он стучится в дверь любви. (***5,***)* **9** *Потому что хочет сказать что-то о любви.* ***10*** *Возможно, спросить, можно ли ему любить.* **11** *Возможно, сообщить, что он уже любит; (***6_***)* *или что он будет любить вечно.* **12** *Может быть, он хочет просить о любви;* ***(7_)*** *или ответить любовью на любовь.* **13** *Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка;* ***(8_)*** *и его поступок покажется неестественным и плоским.* **14** *Почему?* **15** *Потому что духовный аромат жизни не выносит холодного неискреннего сердца.*

16 *А получающий подарок, (***9–***) каково ему?* **17** *Ему ведь нельзя отказаться от подарка,* ***(10–)*** *это было бы оскорблением.* **18** *Однако иногда все же приходится это делать: бывают ложные подарки, которыми хотят подкупить или скомпрометировать; бывают высокомерные подарки, которые выступают символом завоевания и власти; бывают подарки оскорбительные, унижающие, вызывающие («ты — мой* ***(11!)****)»).* **19** *Кто принимает эти дары, приносимые с недобрыми намерениями, тот лицемерит с самим собою, тот наносит урон собственному достоинству и участвует в фальшивом замысле злого дарителя.* **20** *Иногда дарят, чтобы показать, что любви конец или чтобы не любили: последняя обида исчезнувшей любви, которую только и можно принять как обиду, не как подарок.*

21 *Не безразлично и то, кто, что и кому дарит.* **22** *Если хочешь подарить «наверняка», то твой подарок должен верно выразить твою любовь.* **23** *Что ты любишь в любимом?* **24** *Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье?* **25** *Каким ты любишь его более всего –* ***(12:)*** *когда он молится, музицирует, читает* ***(13;)*** *или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?..* **26** *Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов?* ***(14:)*** **27** *Спросить его? (***15,***)* **28** *Помочь ему? (***16,***)* **29** *Отучить от чего-то? (***17,***)* **30** *Утешить? (***18,***)* **31** *Ободрить? (***19,***)* **32** *Связать? (***20,***)* **33** *Освободить?*

34 *Твой подарок должен сам говорить за тебя.* **35** *Он должен принять в себя твою тайну и незаметно раскрыть ее.*

36 *И что бы это ни было, пусть это станет символом живой любви!*

37 *Поэтому подарки делают к Рождеству,* ***(21–)*** *в день, когда в мир пришла живая Любовь.*

В тексте И. Ильина «Подарок», состоящем из 37 предложений, есть, на наш взгляд, 21 случай возможной расстановки вариативных знаков препинания.

В пр. **1** текста, в случае 1, вместо обычной формальной запятой возможен альтернативный знак препинания – тире, поскольку в предложении есть приложение, а приложение, как известно, несёт предикативность: *её … – хрупкую душу подарка*, и тире в данном случае эту предикативность акцентирует. Учитывая, что далее в тексте именно эта мысль – хрупкость души подарка – получает развертывание, тире кажется более уместным, нежели запятая, поскольку в этом случае функция тире не замыкается внутри предложения, а распространяется на весь текст.

В случае 2 (пр. **5** *Дарить — это искусство;* ***(2 ,)*** *и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке*.) на стыке предикативных частей сложносочинённого предложения с соединительным союзом и у автора стоит точка с запятой, хотя формально здесь может быть и запятая, поскольку внутри предикативных частей нет собственных знаков препинания. Но точка с запятой – более сильный знак препинания, чем запятая.

Функция точки с запятой – сделать сказанное в предикативных частях более независимым: *Дарить – это искусство* – эта фраза по смыслу автосемантична, самостоятельна сама по себе, она представляет тезис всего текста, который затем доказывается в четырёх сложных синтаксических целых (далее – ССЦ), и поэтому точка с запятой (авторский знак) здесь более оправданна, чем альтернативный знак препинания тире.

В случае 3 в сложноподчинённом предложении **7** *Он стучится в дверь, можно ли войти*. у автора стоит запятая на границе главной части и придаточной изъяснительной. Эта запятая формально возможна. Точка оформляет конец предложения (это случай 4), и поэтому предложение является повествовательным, в нём отсутствует всякая эмоциональность. Однако, на наш взгляд, поскольку эта фраза находится в начале ССЦ под условным названием «Дарящий», то значительно усилят текст (не только предложение!) альтернативные в данном случае знаки препинания – двоеточие внутри предложения и вопросительный знак в конце. Так можно выделить вопрос, который задаёт дарящий. Ср.: Чего хочет дарящий? Он стучится в дверь: можно ли войти? Функция двоеточия и вопросительного знака в этом предложении – акцентировать внимание читающего текст, с какой целью стучится дарящий подарок в дверь, за которой – мир другого человека.

В случае 5 автор использует формальный разрыв сложноподчиненного предложения с придаточной причины: **8** *Он стучится в дверь любви.* ***(5,)*** **9** *Потому что хочет сказать что-то о любви.* Автор ставит точку, делая главную часть сложноподчинённого предложения самостоятельной, чтобы акцентировать, в какую дверь стучится дарящий: **8** *Он стучится в дверь любви*. Постановка запятой переносила бы внимание читающего на придаточную часть – почему стучится дарящий в дверь любви? Ср.: Он стучится в дверь любви, потому что хочет сказать что-то о любви. Между тем автор оформляет причину в качестве самостоятельного предложения: **9** *Потому что хочет сказать что-то о любви.* И это самостоятельное предложение является главным с точки зрения смысла в подтеме текста, которую мы условно назвали «Дарящий».

Затем в тексте следуют возможные цели человека, дарящего подарок, то есть стучащегося в дверь любви:**10** *Возможно, спросить, можно ли ему любить.* **11** *Возможно, сообщить, что он уже любит;* ***(6_)*** *или что он будет любить вечно.* **12** *Может быть, он хочет просить о любви;****(7_)*** *или ответить любовью на любовь.* Рассмотрим случаи 6 и 7. Пять возможных целей оформляются разными типами предложений, что позволяет создать рассуждение, и оформлены пунктуационно по-разному.

Первое предложение начинает рассуждение, состоящее из нескольких суждений, и в нем (в отличие от случая 3, о котором было сказано выше) запятая на стыке главной части и придаточной изъяснительной соответствует правилу и оправданна: **10** *Возможно, спросить, можно ли ему любить*. Эту запятую мы не относим к вариативным пунктограммам в исследуемом тексте.

Следующие мысли (рассуждения) автора о целях дарящего подарок объединены попарно в сложные предложения с объединяющими их вводными словами, что формально позволяет не ставить знак препинания между предикативными частями, соединёнными одиночным сочинительным разделительным союзом или. Отсутствие знака препинания, что соответствует существующему в теории пунктуации правилу – не ставить запятую при однородном подчинении придаточных главному, объединило бы цели и уравняло бы их (Ср.: **11** Возможно, сообщить, что он уже любит или что он будет любить вечно. **12** Может быть, он хочет просить о любви или ответить любовью на любовь.), а рассечение придаточных точкой с запятой делает сказанное более независимым и более конкретно «прорисовывает» частное грамматическое значение взаимоисключения предикативных частей: **11** *Возможно, сообщить, что он уже любит; 6) или что он будет любить вечно.* **12** *Может быть, он хочет просить о любви; 7) или ответить любовью на любовь.*

То же наблюдаем в случае 8, где в роли общего члена выступает придаточная часть условия, а в главной части есть сочинительный соединительный союз и: **13** *Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка;* ***(8_)*** *и его поступок покажется неестественным и плоским*. Частным грамматическим значением предикативных частей в этом предложении является не взаимоисключение, а присоединение.

Таким образом, случаи 6, 7 и8 – это случаи факультативной постановки знаков препинания, их функция не выходит за рамки предложения.

Вторая подтема текста, которую условно можно назвать «Получающий подарок», начинается предложением **16** *А получающий подарок, (9–)* ***каково ему?*** По структуре это вопросительное сложное бессоюзное предложение, первая часть которого представляет собой неполное двусоставное с опущенным сказуемым: *А получающий подарок … (как себя чувствует? что ощущает?)*, а вторая часть – односоставное безличное:… ***каково ему?*** Между двумя предикативными частями сложного бессоюзного предложения – отношения следствия, что позволяет поставить тире как альтернативный знак, эти отношения проявляющий. Тире в данном случае более экспрессивный и свободный знак препинания, чем обычная запятая, поскольку само по себе вне текста это предложение не имеет смысла, но оно является продолжением мысли автора о том, что у дарящего могут быть разные цели, зависящие *от духовного аромата жизни,* и у получающего подарок могут быть разные реакции на подарок. Предикативная часть *каково ему?* и аккумулирует в себе эту мысль, которую можно подчеркнуть тире.

В случае 10 в пр. **17** *Ему ведь нельзя отказаться от подарка,* **(10–)** *это было бы оскорблением*.) у автора стоит запятая, хотя здесь должно стоять тире в соответствии с пунктуационным правилом: «Тире ставится, … если вторая часть предложения представляет собой присоединительное предложение и перед ним можно вставить слово *это*, которое может быть в самом предложении» [2, 150]. В данном случае функция тире как альтернативного знака препинания не выходит за границы предложения.

В случае 11 там, где у автора нет знака препинания, мы сталкиваемся с возможностью использовать восклицательный знак, который проявляет эмоции пишущего. В пр. **18** речь идёт о подарках ложных, затем – о высокомерных, наконец, об оскорбительных, унижающих и вызывающих: **18** *Однако иногда все же приходится это делать: бывают ложные подарки, которыми хотят подкупить или скомпрометировать; бывают высокомерные подарки, которые выступают символом завоевания и власти; бывают подарки оскорбительные, унижающие, вызывающие («ты – мой* ***(11!)*** *)»).* В данном случае восклицательный знак уместен в конце вставного предложения, взятого автором в скобки, являющегося наглядной иллюстрацией вызова дарящего адресату подарка. В этом коротком предложении именная часть составного глагольного сказуемого выражена притяжательным местоимением (ты – мой!). Восклицательный знак подчеркнет оскорбление, унижение и вызов, о которых идёт речь в этом же предложении. Это факультативный знак препинания, роль которого не выходит за рамки предложения.

Третья подтема текста с условным названием «Кто, что и кому дарит» содержит одиннадцать предложений, которые содержат в себе три ряда вопросов, пунктуационно оформленных автором по-разному: **23** *Что ты любишь в любимом?* **24** *Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье?* **25** *Каким ты любишь его более всего –* ***(12:)*** *когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?..* **26** *Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов?* ***(13:)*** **27** *Спросить его?* ***(14,)*** **28** *Помочь ему?* ***(15,)*** **29** *Отучить от чего-то?* ***(16,)*** **30** *Утешить?* ***(17,)*** **31** *Ободрить?* ***(18,)*** **32** *Связать?* ***(19,)*** **33** *Освободить?*

Пр. **24** продолжает вопрос **23** *Что ты любишь в любимом?* **24** *Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье?* Пр. **24** – это вопросительное

неполное предложение, содержащее ряд – шесть – однородных дополнений, разделённых запятыми.

Далее следует вопрос **25** *Каким ты любишь его более всего –* ***(12:)*** *когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?..*В этом случае автор обходится одним предложением, оно сложноподчинённое, и автор ставит тире перед второй частью СПП, формально содержащей несколько предикативных частей с рядами однородных сказуемых: **25** *Каким ты любишь его более всего –* ***(12:)*** *когда он молится, музицирует, читает* ***(13;)*** *или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?..*Между тем при таком оформлении вопроса (в одном предложении, в отличие от пр. 23 и 24) в соответствии с пунктуационным правилом перед подчинительным союзом или союзным словом, когда в предшествующей главной части предложения содержится особое предупреждение о следующем разъяснении, может ставиться двоеточие [3, с. 137]. В этом месте может быть длительная пауза, можно вставить слова «*а именно»:* Ср.: Каким ты любишь его больше всего (а именно) ***(12:)*** когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?.. В данном случае альтернативный знак препинания двоеточие, на наш взгляд, соответствует пунктуационному правилу и более соответствует контексту.

В пр. **25** случай 13 – это отсутствие в авторском варианте точки с запятой между придаточными, соединёнными сочинительным разделительным союзом или, но относящимися к одному главному, тогда как в пр.**11–13** (случаи 6–8) автор использовал точку с запятой, и мы попытались обосновать постановку этого факультативного знака препинания. В этом случае точка с запятой тоже была бы уместна, потому что ряды однородных сказуемых не случайны: *молится, музицирует, читает* – это духовные виды деятельности человека, *болтает, играет в шахматы* – занятия на досуге, и логично было бы по типу подчёркивания независимости рядов однородных членов в пр.**11–13** и здесь обозначить эти смысловые позиции.

Третий ряд вопросов автор рассекает вопросительными знаками, тем самым актуализирую каждый вопрос, делая его самостоятельным:**26** *Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов? (14:)***27** *Спросить его?* ***(15,)*** **28** *Помочь ему?* ***(16,)*** **29** *Отучить от чего-то?* ***(17,)*** **30** *Утешить?* ***(87,)*** **31** *Ободрить?* ***(19,)*** **32** *Связать?* ***(20,)*** **33** *Освободить?* Безусловно, альтернативные знаки препинания двоеточие и запятые, формально возможные здесь (случаи 14–20), снизили бы эмоциональный накал контекста. Авторские знаки подчеркивают каждое слово, выделяют каждую цель дарящего по-своему, к каждой привлекая внимание, тем самым раскрывая главный тезис, заявленный в начале текста, что дарить подарок – это искусство.

В случае 21 в завершающем текст предложении **37** *Поэтому подарки делают к Рождеству,* ***(21–)*** *в день, когда в мир пришла живая Любовь.* автор ставит обычную запятую, хотя здесь, на наш взгляд, может быть альтернативный знак препинания тире, поскольку вторая часть предложения несёт сильную предикацию, поясняя, как автор представляет себе Рождество: Рождество – это *день, когда в мир пришла живая Любовь.*

Выводы. Как известно, особенностью пунктуации русского языка является то, что одни и те же знаки препинания могут быть использованы для разных целей**,** в то же время для одной и той же цели могут использоваться разные знаки препинания. Н. Л. Шубина утверждает, что знаки препинания в русском языке на уровне текста «дополняют информацию, усиливают восприятие, удерживают внимание и познавательный интерес, а также воздействуют на читателя» [3, 8].

Мы рассмотрели в тексте И. Ильина «Подарок» 21 случай возможной расстановки вариативных знаков препинания. Выяснили, что в их числе – 3 факультативных случая, когда знак препинания может быть, а может и не быть – в зависимости от цели автора или восприятия читателя. Остальные 18 случаев – это альтернативные знаки препина-

ния, когда знак обязательно ставится. но какой знак ставится, зависит от того, что хочет акцентировать автор или читатель.

В исследуемом тексте только в 8 случаях функция вариативных знаков препинания заключена внутри предложения, не влияя на содержательно-смысловой аспект всего текста. В остальных случаях (13 из 21) функция вариативных знаков препинания выходит за границы предложения и влияет на углубление смысла всего текста – выделяет отдельные смысловые позиции или усиливает их.

Литература

1. Гусак, Ю. Н. Функциональная специфика пунктуации в дихотомическом пространстве языка и речи: базовые подходы и принципы // Ю. Н. Гусак [Электронный ресурс]:https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-spetsifika-punktuatsii-v-dihotomicheskom-prostranstve-yazyka-i-rechi-bazovye-podhody-i-printsipy/viewer. Дата доступа : 24 декабря 2019 г.
2. Рикёр, Поль. Герменевтика. Этика. Политика / Поль Рикёр. – М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Acdemia», 1995. – 160 с.
3. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. – Изд. 3-е, испр.. – М. :ЧеРо, 1999. – 400 с.
4. Шубина, Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учебник / Н. Л. Шубина. – М. : Академия, 2006. – 256 с.

G. V. Pisaruk, Y. A. Kushnikova
Brest State University named after A.S. Pushkin
e-mail:p.i.sarukgv@yandex.ru

Analysis of the role of variable punctuation in the text of I. Ilyin “Gift”

Key words: text punctuation, variable punctuation mark, punctuation mark function, semantic aspects of the text, text-forming role of punctuation marks.

The article discusses possible cases of variable punctuation in the text of the famous Russian philosopher, writer and publicist Ivan Ilyin “Gift” from the book “I Look Into Life. Book of Thoughts". The semantic function of punctuation marks is studied at the level of sentences and text.

Е. А. Поправко
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: popravkokatya@gmail.com

УДК 821.111-312.9:811.111’367.622.12

Роль собственных имён в создании фантастического мира в романе Нила Геймана «Никогде»

Ключевые слова: фэнтези, собственные имена, реальный мир, ирреальный мир, фантастический мир.

В статье исследуются функции собственных имён в романе Нила Геймана «Никогде». Анализируются имена жителей Верхнего Лондона (реальный мир) и Нижнего Лондона (ирреальный мир). Отмечается необычность собственных имён, таких как Дверь, Темпл и Арка, Серпентина, Старина Бейли, Ислингтон. Многие имена связаны с названиями районов Лондона, парками, метро, архитектурой.

В последнее время появилась тенденция создания литературных произведений, происходящих в параллельной реальности. Автор играет роль создателя и формирует особый мир со своей историей, культурой и народами, говорящими на различных, часто выдуманных языках. Подобное художественное творчество проявляется в относительно новых литературных жанрах – фантастике и фэнтези.

Фантастика (от др.-греч. – искусство воображения, фантазия) – жанр в художественной литературе, изобразительном искусстве, кино, характеризующийся использованием фантастического допущения, т.е. «элемента необычного», который и нарушает границы реальности [1].

Наиболее известными жанрами современной фантастики считаются научная фантастика, фэнтези, ужасы, магический реализм.

Фэнтези (англ. fantasy – «фантазия») – жанр современного искусства, один и видов фантастики. Основой фэнтези является использование в современном виде мифологических и сказочных мотивов [1].

В отличие от научной фантастики, фэнтези не стремится объяснить мир, в котором происходит действие произведения, с научной точки зрения. Сам этот мир существует гипотетически, его местоположение может быть относительно, например, параллельный мир или другая планета, а его физические законы могут отличаться от земных. В таком мире позволено существовать богам, магии, мифическим существам (драконам, великанам, феям и др.). Чудеса в фэнтези являются нормой для описываемого мира и действуют так же, как и законы природы в реальном мире [2].

Первые значительные произведения современного фэнтези написаны Джоном Р. Р. Толкиным («Хоббит», «Властелин Колец»), Клайвом С. Льюисом («Хроники Нарнии»), которые оказали значительное влияние на формирование современного вида фэнтези.

Многие западные критики подразделяют фэнтези на две основные категории: «высокое» (high) и «низкое» (low). Эти названия относительны, и касаются не качества произведений, а количества фантастической составляющей в описываемом мире.

«Высоким» считают фэнтези, если происходящее проявляется в полностью вымышленном мире, который сильно отличается от привычного нам. Часто такие миры населены мифическими существами и волшебниками. В то же время «реальный» мир может существовать в качестве параллельного или вообще не упоминаться. Например, это мы наблюдаем в романе «Властелин колец» Толкина.

«Низким» называют фэнтези, в модусе которого фантастические события происходят в нашем, реальном мире или очень похожем на него. В мире «низкого» фэнтези люди не верят в магию, а необычные события считают невозможным чудом.

Один из видов «низкого» фэнтези – городское (англ. Urban fantasy). Это литературный жанр, основанный на использовании городской мифологии. События протекают в настоящем мире в соединении с элементами фэнтези. Примером служит роман Нила Геймана «Никогде» [1].

Актуальность исследования романа Н. Геймана состоит в том, что специфика описания фантастического мира в художественной прозе представляет собой малоизученный предмет. Создание фантастического мира предполагает использование языковых средств всех уровней языка (фонетического, лексического, синтаксического), исследование которых позволит раскрыть художественные возможности ранее не исследованных произведений Нила Геймана.

В статье рассматриваются особенности использования онимов в романе «Никогде» и выявляется их роль в создании фантастического мира.

В данном произведении именования персонажей играют важную художественную роль в создании фантастического мира, и, кроме того, являются сюжетообразующими элементами.

Материалом исследования являются имена собственные, функционирующие в романе Нила Геймана «Никогде».

В работе использованы основные общенаучные методы анализа, описания и интерпретации.

Действие романа происходит в современном Лондоне или в Верхнем Лондоне, как это упоминается в романе, под которым существует параллельный мир – Нижний Лондон. Главными героями произведения являются Ричард Мэхью, обычный житель Лондона, девушка по имени Дверь, которую спасает Ричард и таким образом «выпадает» из Верхнего мира и становится частью Нижнего. Дверь является представительницей богатой и влиятельной семьи, которая известна умением открывать без ключа любые двери и замки. Именно из-за этого и были убиты все члены её семьи, а сама Дверь становится объектом преследования двух наёмных убийц, мистера Крупа и мистера Вандермара, которым поручено её убить. Ричард помогает девушке на время скрыться от преследователей, после чего она связывается с маркизом Карабасом, обладающим обширными связями в Нижнем Лондоне. В Нижнем Лондоне телохранителем Двери является Охотница.

Специфика онимов в романе состоит в том, что в качестве собственных имён используются нарицательные существительные. Например:

«– Это прозвище? – спросил он.

– Что?

– Дверь.

– Нет. Меня так и зовут – Дверь.

– Дверь?

– Да, как то, что ты открываешь, чтобы куда-нибудь войти.

– А… – Чтобы сказать хоть что-нибудь, Ричард брякнул: – Что за имя такое – Дверь?

Она подняла на него свои странного цвета глаза и ответила:

– Мое имя, – и вернулась к Джейн Остен» [3].

Девушка по имени Дверь, способная открывать любые двери.

«– Старина Бейли, – сказал маркиз, – а ты держишься молодцом!»

Когда Дверь и Маркиз попадают на Плавучий рынок, чтобы нанять телохранителя для девушки, они встречают Бейли, старого знакомого Маркиза Карабаса.

Название центрального уголовного суда в Лондоне, Old Bailey, становится именем собственным – Старина Бейли.

«– Пусть это будет последняя дверь, которую мне удастся открыть, – взмолилась она, обращаясь к Темплу и Арке. – Пусть она ведет куда угодно, куда-нибудь, где безопасно… – и в отчаянии добавила: – К кому-нибудь» [3].

Когда Дверь пытается спастись от преследователей, она обращается к Темплу и Арке, чтобы те ей помогли.

Имена нарицательные используются в качестве имён божеств (Темпл и Арка). В Лондоне существуют станции метро «Темпл» и «Мраморная арка».

«Она схватила Ричарда за плечо и в ужасе указала на символ на стене – змейку в окружении звезд. Дверь охнула и затравленно огляделась, словно мышка, ненароком попавшая в комнату, полную кошек. – Серпентина! – воскликнула она. – Это герб Серпентины. Ричард, бежим! Надо убраться отсюда, пока она нас не заметила…

– Успокойся, – бросила Охотница Двери.

– Но это же Серпентина, одна из семи сестер, – прошептала Дверь».

Когда жизни Двери угрожала опасность, она помогла ей спрятаться у своей знакомой, Серпентины.

Serpentine – озеро в Гайд-парке, получившее название из-за своей узкой, извилистой формы (serpent – змея).

Seven Sisters (букв. «семь сестер») – станция метро и место в Лондоне, получившее название от семи древних вязов, посаженных по кругу.

Кузнец по имени Хэммерсмит сделал копию ключа, полученного у монахов. Хэммерсмит – район в западной части Лондона.

Ономастическое пространство в романе разнообразно по тематике и функционированию. Нил Гейман постоянно пользуется приёмами языковой игры, основанной на этимологии онимов, на звуковых «перекличках» анализируемых лексем.

Например: *«А в хмельную голову Ричарда вдруг пришла странная мысль: интересно, существует ли на самом деле цирк на Оксфорд-сиркус, настоящий цирк, с клоунами и прекрасными акробатками, с дикими зверями…»* [3].

Действие романа начинается с того, что накануне своего переезда в Лондон Ричард сидел возле паба и разглядывал подаренный ему зонт, на котором была нарисована карта лондонского метро.

Здесь мы наблюдаем дословное понимание названия станции метро – Оксфорд-сиркус (от *circus* – круг) и этимологически связанного с этим значения *circus* – цирк, которое художественно обыгрывается автором.

«– И где же рынок будет на этот раз? – спросил он.

Она повернулась к нему, отбросила волосы с лица и ответила:

– В Найтсбридже.»

«Они подошли к мосту. Анестезия отдала Ричарду самодельную лампу.

– Возьми, – сказала она.

– Спасибо, – ответил Ричард и спросил у женщины в коже: – Чего именно надо бояться? Рыцарей?

– Нет, ночи» [3].

После того, как Ричард попадает в Нижний Лондон, он хочет вернуться обратно в свой мир, а в этом ему может помочь только Дверь, которую можно встретить только на Плавучем рынке. Добраться до рынка ему помогает Анестезия, крыситка, т.е. разговаривающая с крысами.

В данном контексте мы наблюдаем игру слов, основанную на созвучии названия района Лондона Найтсбридж (Knightsbridge) и «Ночной мост» (Nightsbridge). Слово knight (рыцарь) сходно по звучанию с night (ночь). По сюжету, во время того, как Ричард и Анестезия проходят по мосту, который «тонет» во мраке, Анестезия исчезает. Девушка исчезает в ночи, мост забирает свою «дань».

«– Кстати, а что ты ищешь? – спросил Ричард, заметно повеселев.

Глубоко вздохнув, Дверь немного помолчала, а потом серьезно ответила:

– Долго рассказывать. Пока что нам нужен ангел по имени Ислингтон» [3].

Дверь попадает к себе домой и находит дневник своего отца. Её дом иронично назван Домом без Дверей, в этом тоже заключается игра слов, т. к. в её доме действительно не было дверей, но также дома не было никого из членов семьи Дверь.

В дневнике отец говорит: *«– Послушай меня, дочка, – говорил отец. – Иди к Ислингтону… Ислингтону можно верить… Ты должна ему верить…»*, т. е. Дверь должна добраться до ангела по имени Ислингтона, который и должен ей помочь узнать, кто нанял Крупа и Вандемара, чтобы убить её семью.

Станция метро «Энджел» (ангел) получила название от таверны, стоявшей на дороге из Лондона в Шотландию. Сейчас это имя носит не только станция метро, но и

часть района Ислингтон, которую так и называют «Энджел, Ислингтон» (отсюда и возникает Ангел Ислингтон).

«Судя по всему, телохранители уделяли огромное внимание моде. Однако у каждого было свое представление о том, как должен выглядеть телохранитель. В настоящий момент Райслип выступал против Франта Без Имени» [3].

При описании состязания, на котором выбирали телохранителя, упоминается название «Райслип». Райслип становится человеком, хотя на самом деле это район в западной части Лондона.

«– Предшествующие работодатели?

– Олимпия, Пастушья Королева, крауч-эндцы. Кроме того, я некоторое время следил за порядком на Майской ярмарке» [3].

Один из претендентов на роль телохранителя, Варни, упоминает названия «Олимпия», «Шеперд», «Крауч-энд» и «Майская Ярмарка». Олимпия – выставочный центр в Лондоне. Существует также станция метро «Кенсингтон (Олимпия)». Крауч-энд – район Лондона, а также станция лондонского метро. Майская Ярмарка (Мэйфэр) – ежегодная ярмарка, длившаяся две недели. Проводилась изначально на Шепердс-маркет (с 1686 по 1764). Сейчас Мэйфэр – район в центре Лондона, а Шепердс-маркет (shepherd – пастух) – площадь в этом районе.

«Ричард начал догадываться, что «Эрлс-корт» вряд ли означает ту станцию метро, на которой он сто раз сидел на лавочке в ожидании поезда, читая газету или просто о чем-нибудь думая».

«Старик был чудовищных размеров – не человек, а гора. Один глаз у него закрывала черная повязка, как у пирата, и от этого старик казался беспомощным, как одноглазый сокол. В его рыжей с проседью бороде застряли остатки пищи, а из-под халата, отороченного мехом, выглядывала пижама.

Это, должно быть, и есть граф, догадался Ричард.»

«Эрлс-Корт, сообразил Ричард. Как это я раньше не догадался! И он задумался, есть ли барон на «Бэронс-корт» и ворон на «Рейвенскорт»…»

Чтобы узнать, как добраться до Ислингтона, герои попадают к Графу, а точнее на «Эрлс-корт».

Название станции метро и района Эрлс-корт превращается в «Двор Графа». Бэронс-Корт (букв. «Двор барона») – станция метро и район в Лондоне. Рейвенскорт-парк (букв. «Двор ворона») – станция лондонского метро.

«Ричард встал и помог подняться Двери.

– К черным монахам?

Дверь кивнула.

Ричард бывал на мосту Блэкфрайрз и, конечно, не раз проезжал станцию с тем же названием, но он уже научился не делать поспешных выводов.

– Это люди?

– Да» [3].

Герои отправляются к Чёрным Монахам, чтобы достать ключ от двери к Ислингтону.

Район Блэкфрайрз (Blackfriars – букв. «черные братья» (по цвету плаща доминиканских монахов)

«– Чтобы выйти на улицу, нужно пройти через дом? – удивленно спросил Ричард.

– Нет, – ответила Ламия. – Улица внутри дома.»

«– Куда теперь? – спросил он.

– Вниз, – ответила Ламия.

И они стали спускаться вниз по Даун-стрит» [3].

Финальный отрезок пути лежал через лабиринт, находящийся на Даун-стрит. Даун-стрит. Игра слов: Даун-стрит (Down Street) буквально «улица, ведущая вниз».

Таким образом, собственные имена в романе Н. Геймана «Никогде» играют важную художественную и сюжетообразующую роль в создании фантастического мира, описываемого в романе. Автор использует нарицательные имена в качестве собственных, раскрывает этимологические связи между ними, тем самым выявляя специфику именуемых объектов и открывая заложенные в них имплицитные смыслы.

Литература

1. The Encyclopedia of Fantasy / J. Clute, J. Grant. – New York : St. Martin's Press, 1999. – 1079 с.
2. Жанр фэнтези как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. – Электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-fentezi-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledo vaniya/viewer. – Дата доступа : 21.12.2019.
3. Никогде : роман / Нил Гейман ; пер. с англ. Н. Конча, М. Мельниченко. – М. : АСТ, 2015. – 416 с. – (Мастера магического реализма).

E. A. Popravko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: popravkokatya@gmail.com

The role of proper names in the creation of the fantasy world in the novel by Neil Gaiman “Neverwhere”

Key words: fantasy, proper names, real world, unreal world, fantasy world.

The article is devoted to the functions of proper names in the novel by Neil Gaiman "Neverwhere". There are analyzed the names of residents of London Above (the real world) and London Below (the unreal world. There is noted the originality of such proper names as Door, Temple and Arch, Serpentine, Old Bailey, Islington. Many names are connected with London boroughs, parks, metro stations, and architecture.

Е. И. Сердюкова
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
e-mail: serdkate@gmail.com

УДК 821.161.3.09

Интертекстуальность в поэзии Андрея Скоринкина

Ключевые слова: *интертекстуальность, межтекстовые взаимодействия, интертекстуальные компоненты, русскоязычная поэзия Беларуси, Андрей Скоринкин*.

В статье предпринята попытка исследования лирического наследия Андрея Скоринкина – представителя такого художественно-эстетического феномена как русскоязычная литература Беларуси. Лирика обозначенного автора рассматривается с позиций концепции интертекстуальности. Это позволило установить комплекс межтекстовых взаимодействий между поэзией А. Скоринкина и основными прецедентными источниками (наследием античности, всемирной литературой, а также иными видами искусства (живописью, архитектурой и т. д.)).

В современном литературоведении концепция интертекстуальности является одной самых популярных по числу проводимых исследований с опорой на понятийный аппарат теории межтекстовых взаимодействий. В настоящей статье под интертекстуальностью мы пониманием кросс-текстовые взаимодействия, объединяющие тексты, созданные русскоязычными авторами Беларуси с конгломератом прецедентных феноменов мировой культуры.

Литературный процесс современной Беларуси отмечен наличием высокохудожественного феномена под общей номинацией «русскоязычная литература Беларуси». В качестве объекта нашего исследования выступают поэтические произведения А. Скоринкина. Предметом исследования являются интертекстуальные компоненты и их функции в пространстве поэзии белорусского автора, пишущего на русском языке.

Стихотворение «Рим» А. Скоринкина призывает читателя вспомнить историю падения Древнего Рима, занимавшего значительное место на геополитической карте мира. Поэт дает этой Великой державе такие определения, как «властитель мира строгий», «царь неоспоримый» [2, 24], и заключает печальным итогом:

Твоей судьбы высокого урока
Мы так и не усвоили вовек [2, 24].

Обращение поэта к прецедентным историям Античности и рассмотрение мира современного сквозь этот опыт позволяет сделать вывод о том, что мы руководствуемся на практике мудростью наших предков. Если принимать во внимание цикличность истории, повторяемость ситуаций и их героев, то в настоящее время можно было бы избежать множества катаклизмов и конфликтов в разных сферах жизнедеятельности человека.

К образам древнейших городов – Риму и Вавилону – А. Скоринкин обращается на протяжении всего своего творческого пути («Рим», «Побег из Вавилона», «Крушение империи» и др.), давая возможность оглянуться на то, что прожито, и не совершать повторных ошибок. Лишь помня прошлое и постоянно актуализируя его в памяти нации, мы можем построить счастливое настоящее. Подобная идея реализуется и в знаменательном обращении современного русскоязычного автора Беларуси к хрестоматийному «памятнику» античной литературы – оде Горация.

Андрею Скоринкину удалось не только продолжить традицию «горацианства» первой половины XIX века, сформированную М. Ломоносовым, Г. Державиным и А. Пушкиным, но и произвести приращение смысловой составляющей первоисточника древнеримского поэта. Следует указать, что художественная парадигма белорусской литературы также имеет межтекстовые отношения с одой Горация «К Мельпомене». Так, М. Богданович переводил на белорусский язык произведения Горация.

«Монумент» А. Скоринкина своим эпиграфом указывает на первоисточник из поэтического наследия Горация. Знаменитая ода древнеримского поэта неоднократно становилась прецедентным текстом для М. Ломоносова, Г. Державина, А. Пушкина, И. Бродского и других писателей мирового значения. Горация по праву называют основоположником темы поэта и поэзии в лирических текстах. Безусловно, каждый из прикоснувшихся к оде Горация художников слова по-разному воспользовался первоисточником. Так, М. Ломоносов перевел текст максимально близко к оригиналу, а лирические произведения Г. Державина («Памятник») и А. Пушкина («Я памятник воздвиг себе нерукотворный…») созданы по мотивам известного древнеримского первоисточника. Писатели наполнили свои поэтические тексты проблемами, волновавшими их в период создания, сохранив при этом центральную тему оды «К Мельпомене» Горация – значение поэта и поэзии. В этом отношении конгломерат межтекстовых взаимодействий от древнеримского первоисточника до стихотворения современного русскоязычного поэта Беларуси не является исключением. Андрей Скоринкин также рассуждает о непреходящем предназначении поэзии:

Я *создал монумент себе чудесный,*
Его не сокрушат ни время, ни вандал.
Он твёрже мрамора, он крепче, чем металл,
Он выше всякой башни поднебесной! [2, 202–203]

Читая стихотворение, ощущаешь сопричастность поэта своему времени, реальности XXI века:

Слух обо мне пройдёт по всей вселенной –
Через журналы, книги, интернет [2, 203].

К указанному прецедентному источнику (ода «К Мельпомене») обращается Андрей Скоринкин и в стихотворении «Вечерние стихи»:

Я монумент себе воздвиг
Ещё в былом тысячелетье…
Пускай и взрослые, и дети
Ныряют в глубь прозрачных книг
И вспоминают о поэте [2, 219].

В этих строках тематическая составляющая остается неизменной: о предназначении поэта и значимости его поэзии. Однако если проанализировать данное стихотворение как художественное целое, то станет очевидным тот факт, что авторская апелляция к культуре античности прослеживается на протяжении всего поэтического повествования, что позволяет обозначить весь путь становления лирического героя в качестве поэта и расценить стихотворение «Вечерние стихи» как акт подведения итогов его жизненного и творческого пути. Таким образом, в лирическом произведении А. Скоринкина наблюдается такая же модель построения хронотопа: художественное время подвергается сжатию, а пространство, наоборот, расширяется: «*Мир для меня – сплошная зона, / Один громадный Вавилон*» [2, 218]. Автор погружает читателя в топографические координаты лирического героя, который предстает в образе современного поэта, человека прогрессивного и рефлексирующего. Так, представляя Вавилон как отдельный мир, лирический герой вспоминает о своем детстве:

Я помню первый свой острог…
Когда я был ещё ребёнок,
Меня родители в "Зубрёнок"
Ссылали, присуждая срок… [2, 218]

Подготовленный читатель (скорее всего, человек, знакомый с реалиями современной Беларуси) и без сноски автора понимает о каком «Зубренке» идет речь.

И несколькими строфами ниже автор заключает:

О Нарочь! Милая, тебя
Я ни на что не променяю!
Я долго шёл к земному раю,
И вот теперь, на склоне дня,
Себя спасённым ощущаю [2, 219].

Указание этих топографических пунктов наглядным образом демонстрирует планетарные масштабы художественного пространства в стихотворении «Вечерние стихи».

Также следует отметить, что лирический герой А. Скоринкина чувствует себя в безопасности именно на родной земле. Он безболезненно путешествует по закоулкам своей памяти, он способен связать свое нынешнее положение в мире с античными временами, но, повторимся, зоной его внутреннего комфорта выступают родные места, к которым герой *«как пёс к родимому порогу / влачится, высунув язык»* [2, 219].

«Ода к Эрато» – воспевание муз – одна из ключевых тенденций при обращении к античному наследию. Известно, что Эрато, согласно древнегреческой мифологии, является музой любовной поэзии, способной вдохновить поэтов на создание новых шедев-

ров лирического характера. А. Скоринкин в своем произведении «Ода к Эрато» высказывает слова благодарности музе за ниспослание на лирического героя одухотворения любовью, за подаренную музой возможность *«чувствами пылать», «звездами смотреть» и испытывать «вновь в душе волненье»*. Усиление значимости подобного благословения для поэта подчеркивается упоминанием богини любви и красоты Киприды, которая готова *«бедного пиита сыном величать»* [2, 135]. Помимо перечисленных маркеров античной мифологии А. Скоринкину удается погрузить читателя в мир устаревшей лексики (*длани*, *стан*, *цевница*, *криница*, *твердь* и др.). Тем самым поэт еще раз указывает на значительный временной разрыв, существующий между культурами исследуемых литератур. И разрыв этот выступает своеобразной платформой для встречи культуры античного наследия с культурой русскоязычных поэтов Беларуси второй половины XX – начала XXI вв., с реальностью этого увлекательного переходного периода в жизни общества в целом и искусствоведческой его составляющей в том числе.

Уникальным является стихотворение «Мифологический роман». В нем поэт в значительной степени продемонстрировал знания греческой и римской мифологии. Выбирая центральной темой для своего произведения любовь как одну из граней человеческой жизни, А. Скоринкин с легкостью вводит в канву лирического текста имена собственные античных богов в качестве действующих лиц описываемой истории:

Когда души коснётся луч Венеры –
Душа воскреснет, выйдет из пещеры!..
<…>
Завалится под вечер добрый Вакх,
А вслед за ним прелестная Харита [2, 143–144].

Роль средства передвижения выполняет известное мифологическое животное – крылатый конь Пегас, а местом обитания пиита и прелестной богини изящества и красоты Хариты выступает знаковая в античной мифологии гора Парнас.

Сближение античного мира с миром человеческих страстей происходит в стихотворении А. Скоринкина с долей иронии, что в целом характерно для всего творческого наследия писателя. Однако если проникнуться глубинным смысловым содержанием лирического произведения, то становится очевидным, что апелляция к античным реалиям, их связь с современностью делают очевидным факт повторяемости всего происходящего в истории человечества: *«но вечером всё снова повторится! / И так до бесконечности…»* [2, 144].

Воспевание любви, наслаждение прекрасным, желание создавать произведения искусства – эти настроения отмечаются и в лирике классицизма, где поэты отошли от мрачного изображения жизни, отдав предпочтение легкомыслию и жажде насладиться происходящим в эту минуту моментом, не забывая при этом творить.

Также в лирике А. Скоринкина реализуется архитекстуальный диалог (соотношение текста с его жанром). Например, в отношении интертекстуального компонента паратекстуального типа (посвящения) он организуется по модели «Заглавие – Текст», которая включает в себя и еще один компонент межтекстового взаимодействия (заглавие) как маркер жанровой идентификации непосредственно самого стихотворения. При проведении интертекстуального анализа поэтических текстов с указанными особенностями устанавливаются факты модификации жанра. Типологические черты канонического жанра, указанного в заглавии, как правило, трансформируются [подробнее см. 1].

Проиллюстрируем эту тенденцию в творчестве А. Скоринкина, обнаруживая в нем следующие заголовочные комплексы: «Элегия», «Романс», «Философский романс», «Космический романс», «Жестокий романс», «Триолет», «Нагорный сонет», «Осенний сонет», «Звездный сонет», «Эпиграмма», «Эпиграмма на критика», «Эпитафия», «Молитва», «Молитва женщины», «Молитва Эсмеральды», «Молитва солдата»,

«Молитва над пустой чернильницей», «Ода к Эрато», «Ода к попечителю», «Баллада о мышонке» и др. Как следует из представленного списка, заголовочные формы стихотворений имеют отношение к указанию жанровой идентификации, но следование автора жанровому канону не наблюдается. Таким образом, отмечается тенденция, что стихотворения утрачивают жанровую отчетливость, и жанр становится категорией литературной памяти.

После заголовка возможно использование *подзаголовка*, выполняющего одновременно две функции: формообразующую и смыслообразующую. Так, А. Скоринкин в своем стихотворении «Роковое письмо» применяет следующий подзаголовок – «по мотивам Пушкина», сознательно указывая реципиенту на интертекстуальную природу своего произведения, и выделяет сопутствующий компонент межтекстового взаимодействия – мотив – посредством которого его текст взаимосвязан с «Евгением Онегиным» А. Пушкина.

Подобные конструкции характерны для поэтического пространства А. Скоринкина – «Путешествие Апостола» (По мотивам Нестора), «Тимур» (Восточная повесть). Подзаголовок способен выполнять несколько функций. Он либо отсылает к конкретному представителю из русской литературы, либо устанавливает жанровую принадлежность текста, которая реализуется на базе интертекстуальных отношений архитекстуального типа «Текст – Жанр текста». Таким образом, заголовок и подзаголовок как компоненты паратекстуального типа задают установку на интертекстуальное восприятие лирических произведений.

Рассмотрим использование эпиграфа в русскоязычной поэзии Беларуси как «чужого» слова, которое трансформируется в авторском тексте и становится «своим». В трудах по теории литературы (В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и др.) эпиграф определяется сходным образом с точки зрения источников и способов выражения авторского отношения, взаимодействия с художественной структурой произведения. В настоящее время выделяют несколько уровней изучения эпиграфа: как «чужого слова» в художественном тексте (М. М. Бахтин), паратекстового компонента (Ж. Женетт), прецедентного текста (Ю. Н. Караулов). Отметим, что все вышеуказанные аспекты исследования эпиграфа связаны с теорией интертекстуальности.

Включение эпиграфа в поэтическое пространство может преследовать следующую цель – лирик делает его отправной точкой для утверждения собственного мнения. Слова М. Лермонтова «*Настанет год. России черный год, / Когда царей корона упадет…*» [2, 30] являются эпиграфом к стихотворению А. Скоринкина «Предсказание» и направляют читателя к постижению авторского замысла.

Таким образом, произведения русскоязычного писателя Беларуси отличаются сознательным обращением к наследию античной культуры, достоянию русской литературы и других видов искусства. Андрей Скоринкин создает интертекстуально насыщенные лирические тексты. Этот факт позволяет органично вписывать русскоязычную литературу Беларуси в мировой литературный процесс, а также проводить осознанную национально-культурную идентификацию писателей, относящихся к обозначенному художественно-эстетическому феномену.

Литература

1. Сердюкова, Е. И. Архитекстуальный диалог в современной русскоязычной поэзии Беларуси / Е. И. Сердюкова // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сб. науч. трудов. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – Т. 20. – С. 166–170.

2. Скоринкин, А. Черный аист : сб. поэзии / А. Скоринкин. – Минск : Изд-во «Белорусский Дом печати», 2009. – 448 с.

E. I. Serdyukova
Mogilev State University named after A. A. Kuleshov
e-mail: serdkate@gmail.com

Intertextuality in the poetry of Andrei Skorinkin

Key words: intertextuality, intertextual interactions, intertextual components, Russian-language poetry of Belarus, Andrey Skorinkin.

The article attempts to study the lyrical heritage of Andrei Skorinkin, a representative of such an artistic and aesthetic phenomenon as Russian-language literature of Belarus. The lyrics of the mentioned author are considered from the standpoint of intertextuality concept, that made it possible to establish a complex of intertextual interactions between A. Skorinkin's poetry and basic precedent sources (the legacy of antiquity, world literature, as well as other types of art (painting, architecture, etc.)).

Т. П. Слесарава
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail slestp@yandex.ru

УДК 811.161.3'37+821.161.3.09-1

"Мне больш даспадобы Ваш выраз, які стаў крылатым…"
(устойлівыя спалучэнні ў паэзіі А. Вярцінскага)

Ключавыя словы: фразеалагічныя адзінкі, афарызмы, паэтычны тэкст, трансфармацыя ўстойлівых адзінак.

Значнае месца ў выразнасці мастацкіх твораў займаюць адзінкі, якія ўяўляюць сабой народныя, устойлівыя ў маўленні, трапныя выразы.

Вывучэнне майстэрства мастака слова немагчыма без аналізу моўных сродкаў стварэння тэксту. У артыкуле разглядаюцца з пункту гледжання структуры і паходжання фразеалагічныя адзінкі і афарызмы ў вершах А. Вярцінскага.

Рознага роду ўстойлівыя спалучэнні заўсёды прыцягвалі ўвагу людзей. Мудрасць думкі і сцісласць яе выразу збліжаюць прыказкі і афарызмы, якія займаюць значнае месца ў выразнасці мастацкіх твораў. Вывучэнне майстэрства мастака слова немагчыма без аналізу моўных сродкаў стварэння тэксту.

Разгледзім ужыванне фразеалагічных адзінак, прыказак і афарызмаў у паэзіі беларускага паэта, драматурга, публіцыста, крытыка і перакладчыка Анатоля Вярцінскага. Матэрыял для аналізу намі быў выбраны з вершаў, якія ўвайшлі ў зборнік «Хлопчык глядзіць...» (1992) [2].

Крытыкі адзначалі, что Анатоль Вярцінскі адметны сваёй творчай манерай, спосабам паэтычнага выказвання думак і адчуванняў. Гэта паэт, які ўмее сфармуляваць думку ў форме афарызму [1].

Самая шматлікая група ўстойлівых адзінак, што сустрэліся нам у тэкстах вершаў, – гэта непасрэдна прыказкі і прымаўкі:

Як на раду напісана,
Так таму і быць [2, 261].

З вачэй далоў –
І з сэрца вон [2, 261].

Смяецца статак з яго ўвесь.
“Можа, цялё наша воўка з’есць” [2, 235].

Гора – не бяда, бяда – не гора:
Пабыла – сплыла, нібы вада [2, 25].

У бога дзён не рэшата [2, 157].

Ваўкоў баяцца – у лес не хадзіць [2, 217].

Хто ў лес, а хто па дровы [2, 218].

Лес сякуць – трэскі ляцяць [2, 218].

У гэтай групе ўстойлівых адзінак сустрэліся не толькі беларускія мудрыя выслоўі. Умела ўводзіць у тэксты сваіх вершаў Вярцінскі лацінскія, французскія крылатыя фразы:

Шлях да зорак – шлях скрозь ружы
І скрозь церні [2, 210].

Аўтар выкарыстоўвае выслоўе, якое прыпісваецца Луцыю Анэю Сенеке – старажытнарымскаму філосафу, паэту і дзяржаўнаму дзеячу, выхавальніку Нярона, *ad astra per aspera* – літаральна «да зорак праз церні». Сэнс просты: праз цяжкасці да вялікай мэты.

Усе яны тут.
«І ты тут, Брут?» [2, 240].

Гісторыя паходжання лацінскай фразы *Et tu, Brute?* звязана са здрадлівым забойствам Гая Юлія Цэзара. Паводле легенды, гэта апошнія словы найвялікшага старажытнарымскага ваеначальніка, звернутыя да яго забойцы – Марка Юнія Брута, якому Цэзар даў адукацыю і землі, часткова падзяліў з ім уладу. Ужываецца выраз ў дачыненні да здрадніка.

На вайне бывае рознае.
На вайне як на вайне [2, 35].

Дадзены выраз з'яўляецца абсалютна дакладным перакладам французскай прыказкі *À la guerre comme à la guerre*. На полі бітвы перастаюць працаваць эмоцыі і маральныя прынцыпы. Ёсць дзеянні па загадзе, якія не абмяркоўваюцца.

Эдзіт Піяф хоча любві.
Любоў, як здань, знікае.
Ці таму, што сэ ля ві,
Ці, можа, любоў такая [2, 56].

Французскае паходжанне фразы *c’est la vie* – такое жыццё – ужо не адчуваецца, паколькі яна захоўвае сваё замежнае вымаўленне і ўжываецца ў розных жыццёвых сітуацыях.

У асобную групу, праўда, не вельмі шматлікую, мы вылучылі фразы, якія адсылаюць нас да мастацкіх твораў.

«*Мы ў адказе за тых, каго прыручылі*», – гэтыя выдатныя словы Экзюперы з «Маленькага прынца» у адным з вершаў Вярцінскага сталі пачаткам фразы:

І мы за тое ў адказе,
Як нашы дні праходзяць [2, 158].

А ў другім вершы мы выяўляем прамую цытату з рамана «Яўгеній Анегін» вялікага А. С. Пушкіна:

Мы абуджаліся трывожна:
«Наяве ўсё было ці ў сне?»
Глядзелі сумнымі вачыма
ў неасветлены куток,
І ўспамінаўся нам радок:
«А шчасце так было магчыма» [2, 187].

На працягу стагоддзяў Біблія з'яўляецца не толькі самай цытаванай кнігай у свеце, але і крыніцай фразеалагічных адзінак, бо са старонак Бібліі ў розныя мовы ўвайшлі як асобныя словы, так і выразы. Анатоль Вярцінскі ў сваіх творах выкарыстоўвае напрацаваны тысячагоддзямі духоўны вопыт біблейскіх прытчаў і міфаў. Нягледзячы на тое, што ў вершах адбываецца своеасаблівая дэфармацыя біблейскіх фразеалагічных зваротаў і крылатых выразаў, іх тэкст лёгка згадваецца:

Навошта бяссрэбранікам серабро?
Яны серабро не трызняць.
Не прадаюць тым болей сяброў
За срэбранікаў трыццаць [2, 27].

Паводле Евангелля, 30 срэбранікаў – гэта тая сума, за якую Юда Іскарыёт прадаў свайго настаўніка Ісуса Хрыста.

Калі да Ісуса, які пасціўся на працягу 40 дзён, з'явіўся д'ябал-спакуснік з прапановай ператварыць камяні ў хлябы і даказаць тым самым, што ён сын Божы, Ісус адказаў яму так: «*Не хлебам адзіным будзе жыць чалавек*, але ўсякім словам, якое зыходзіць з вуснаў Божых». Гэта напамін людзям, што для поўнага шчасця чалавеку мала матэрыяльнага дабрабыту, яму неабходна духоўная ежа і маральнае задавальненне:

Жыве чалавек не хлебам адным,
Жыве чалавек і паклонам зямным [2, 289].

У Евангеллі ад Матфея (7:15) сказана: «Беражыцеся ілжэпрарокаў, якія прыходзяць да вас у авечай шкуры, а ўсярэдзіне сутнасць ваўкі драпежныя». Ісус Хрыстос, выкарыстоўваючы гэты трапны вобраз, перасцерагаў цяперашняе і будучыя пакаленні ад людзей, якія хаваюць злыя намеры пад маскай дабрачыннасці:

Ай ды воўча! Ай ды ён!
Ды ён жа двойчы хамелеон!
Там, дзе авечкі, – у шкуры авечай.
Там, дзе чалавекі, – у чалавечай [2, 22].

У біблейскай традыцыі ўдар па шчацэ – гэта метафарычны вобраз цяжкай абразы чалавека. Хрыстос не выпадкова сказаў пра ўдар менавіта па правай шчацэ. Калі такі ўдар наносіў не ляўшун, то ён мог гэта зрабіць толькі тыльным бокам далоні. Менавіта такая аплявуха расцэньвалася старажытнымі ізраільцянамі як самы моцны спосаб нанясення ганьбы чалавеку. Вядомая евангельская цытата «*хто ўдарыць цябе ў правую шчаку тваю, павярні да яго і іншую*», трактуемая як адмова хрысціян ісці на канфлікт, паўстае ў тэксце верша ў некалькі трансфармаваным выглядзе:

Вы зразумейце правільна,
Я не за тое,не,
Каб падстаўлялася правая,
Калі хто па левай б'е
Я не супроць гнева.
Ды я за тое, каб нас
не білі ні справа, ні злева,

ні ў профіль, ні ў анфас.
Каб гордасці нашай і годнасці
ніхто не наносіў абраз,
каб не было неабходнасці
рашаць: ці біць у адказ? [2, 43].

Цікавую, на наш погляд, групу ўяўляюць ператвораныя фразеалагічныя адзінкі. Звычайна адбываецца або абнаўленне лексіка-граматычнага складу фразеалагізма ў выніку замены асобных яго кампанентаў іншымі словамі, або пашыраецца структурны склад выраза:

...у пароды кацінай
мы вучыліся паляваць,
шумець — у ветра,
у кракадзіла —
фальшывыя слёзы праліваць [2, 39].

З мілым рай і ў будане,
Толькі дзе ён – мілы? [2, 57].

Прыходзіць час, прыходзяць дні.
Час ставіць кропкі ўсе над «І» [2, 73].

Ды пачаў галаву
я без вершаў вешаць [2, 65].

Магамет не пайшоў да гары.
Пайшла гара да Магамета [2, 168].

Вы чулі, як у Хатыні
Звоняць каміны?
Кроў у жылах стыне ,
як слухаеш тыя званы [2, 244].

«*Не дораг абед, а дораг прывет*».
Кармілі нас сытна, да атвалу.
Была сурвэтка, быў куверт,
А вось прывета і не хапала [2, 279].

Хвала вам і слава,
Майстры дрэсуры! –
Вы не знімаеце тры скуры,
Вы левай — цукрам, правай — хлыстом,
і вось ужо звер віляе хвастом…
...робіце вы сваёй методай
Асла з ільва і муху з слана [2, 240-241].

Не дачакаўшыся адказу,
Пытанне знікла з цягам часу,
Быллём, як кажуць, парасло [2, 283].

У прыведзеных урыўках чытач адразу знаходзіць знаёмыя ўстойлівыя спалучэнні, сярод якіх сустракаюцца і запазычаныя, як *ліць кракадзілавыя слёзы* (выраз паходзіць са старажытнага павер'я, што кракадзілы нібыта плачуць падчас паядання здабычы. Сэнс фразеалагізма – «прытворна шкадаваць»), *з мілым рай і ў будане* (радок з вельмі папулярнага ў свой час верша «Руская песня»), *вешаць галаву* **(***Калька з франц.* (baisser la tete) або ням. (den Kopf hängen lassen). Сэнс – «даходзіць да моцнага адчаю, маркоціцца, адчуваць душэўнае хваляванне»), *расставіць ўсе кропкі над «І»* (агульны для ўсходнеславянскіх моў. Сэнс – «няма нічога нявысветленага, усё даведзена да лагічнага канца»).

Адна з асноўных версій паходжання выраза *калі гара не ідзе да Магамета, то Магамет пойдзе да гары,* вядома, звязана з прыпавесцю з Карана, па якой прарок Магамет, жадаючы паказаць вернікам сваю магутнасць, загадаў, каб гара наблізілася да яго. Не дачакаўшыся рэакцыі гары, Магамет заявіў: «Што ж, калі гара не ідзе да Магамета, то Магамет сам пойдзе да гары». Гэта значыць, хай такім чынам, але вынік будзе дасягнуты.

Пра пачуццё жаху, моцнага спалоху кажуць, што *кроў стыне ў жылах,* а калі хто, жадаючы адпомсціць, гатовы выкарыстоўваць самыя жорсткія спосабы ўздзеяння або пакарання, то *зняць тры шкуры.*

Звычайна аўтарам выслоўя *рабіць з мухі слана* лічаць старажытнагрэчаскага пісьменніка Лукіяна, аднак яно ім упершыню выкарыстана ў сатыры «Пахвала мусе» як гатовы народны выраз, які звычайна ўжываецца ў сэнсе «занадта перабольшыць што-небудзь, надаць чаму-небудзь нязначнаму вялікае значэнне».

Выраз *быллём парасло (зарасло)* узнік з прыказкі *Калісьці было, ды быллём зарасло.* Ужываецца, калі трэба сказаць аб тым, што было раней.

Асобна можна вылучыць групу афарызмаў, якія належаць пяру самога аўтара:

Гэта няпроста
Абрастанне адрозніць ад роста [2, 89].

Крывінка задаволіць аднаго,
Другому падавай кровапраліцце [2, 176].

Хочаш жыць у святле і цяпле –
Сам здабывай агонь для сябе [2, 175].

Пакуль кахаецца – кахай!
А там што будзе – і будзе няхай [2, 186].

Жыццё даецца, каб жыццё тварыць! [2, 284].

Такім чынам, мы яшчэ раз пераканаліся ў тым, што ўстойлівыя спалучэнні валодаюць патэнцыяльнымі выразнымі якасцямі, што дазваляе пісьменнікам творча апрацоўваць іх розныя бакі. А свядомае абыгрыванне прыказак і прымавак, наўмыснае адхіленне ад іх нарматыўнага ўжывання, змяненне (звужэнне або пашырэнне) кампанентнага складу выяўляе індывідуальна-аўтарскі падыход, робячы мастацкі твор яшчэ больш жывым, яркім і экспрэсіўным.

Літаратура

1. Анатоль Вярцінскі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia. org/wiki. – Дата доступу: 20.01.2020.

2. Вярцінскі, А. Хлопчык глядзіць…: Выбр. вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 318 с.

T. P. Slesareva
Vitebsk state University named after P. M. Masherov
e-mail: slestp@yandex.ru

Stable combinations in the poetry of A. Vertinsky

Key words: phraseological units, aphorisms, poetic text, transformation of stable units.

A significant place in the expressiveness of artistic works is occupied by units that represent folk, stable in speaking, accurate expressions. It is impossible to study the skill of a word artist without analyzing the language means of creating a text. The article considers phraseological units and aphorisms in A. Vertinsky's poems from the point of view of structure and origin.

Е. В. Турковская
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: e.turkovskaya@mail.ru

УДК 821.112.2-343-98”195…”

Мифологические сюжеты и образы в произведениях немецких писателей второй половины XX века

Ключевые слова: послевоенная немецкая литература XX века, мифология, миф в литературном процессе, мифологические образы и сюжеты.

В статье выявлена роль мифологических мотивов в генезисе литературных сюжетов, раскрыты мифологические темы, образы, персонажи в произведениях немецких писателей второй половины XX века раскрыто значение, особенности и характерные черты мифа в послевоенной литературе Германии.

В первые послевоенные годы, когда для Германии наступил «нулевой пункт», возникает потребность провести критическую проверку гуманистической традиции и классического наследия, потому что многое не выдержало испытания фашизмом. Важно оказывается еще и определить ценности, на которые можно опереться в будущем. На этом фоне органичным оказывается частое обращение писателей к сюжетам античной мифологии. Основная установка этого направления состоит в стремлении постичь не столько конкретно-историческую современность, сколько глубинные основы бытия, миф же по самой своей сути содержит в себе эти основы; так же, как и миф, экзистенциализм претендует на универсальность. Используя миф, традиционную уже систему персонажей, писатель стремится приблизиться к лучшему пониманию современности через более глубокое постижение вечных ценностей, констант бытия, заложенных в мифе.

Это прослеживается в интерпретации мифологических сюжетов у Ганса Эриха Носсака. Особое место в ряду произведений Носсака занимает роман «Некийя». В образе рассказчика в «Некийе» слились два мифологических персонажа – Одиссей и Орест. Основными мифологическими сюжетами, параллели с которыми можно найти в «Некийе», являются мифы о странствиях Одиссея, а точнее о его спуске в подземное царство, и миф о мести Ореста за убийство Агамемнона [1].

Можно усматривать общее сходство функций героя «Некийи» и Одиссея: как Одиссей должен был спасать своих спутников, так и герой Носсака превращается

в «мессию», возвращающего к жизни «глиняных истуканов», в которых превратились остальные люди. В «Некийе» герой оказывается в ситуации поиска своего истинного назначения, своей экзистенциальной сущности, в ситуации поиска всего. После какой-то непонятной, но чудовищной катастрофы герой претерпевает перерождение. В царстве мертвых Одиссей из «Некийи» получает откровение, весть, которую он потом несет людям в обычный мир. Про мифологических персонажей Носсака нельзя даже сказать, что они не стареют – они лишены возраста. Мифы Ганса Носсака живут в своём собственном времени, они относится к мифам о героях культуры, антропогоническим, предопределение и судьба, мессия.

Темой романа «Урок немецкого» Зигфрида Ленца является нравственные качества человека, тема гуманизма, от которого зависит все благополучие нации. Ленц создает героев для более тонкой и более интеллектуально насыщенной ситуации. Место антигероя занимает художник. Этот образ как воплощение неповторимой индивидуальности, как воплощение той свободы, которой невозможно достичь в обществе, становится центральным в творчестве, в мировоззрении и мироощущении зрелого Ленца [2].

Сила духа художника, сила его творчества, сила его индивидуальности испытывается в романах в противостоянии злу, безликости, насилию. Воплощением таковых в «Уроке немецкого» становится полицейский Оле Йепсен.

Любое соприкосновение художника и полицейского обнаруживает их несовместимость, их разнонаправленность. Противостояние этих образов символично вдвойне. Во-первых, это символ социально-нравственный, возникающий из противостояния духа, который олицетворяет собой художник Нансен, и власти, поверенным которой становится полицейский Оле Йепсен, воплощающий в себе бездумную исполнительность и рабскую покорность приказу, циркуляру. Это противостояние делает роман одним из лучших образцов; антитоталитарного, антифашистского романа. Во-вторых, это универсальный символ, символ извечной борьбы добра и зла.

В этих образах всё одушевлённо и конкретно. Автор прибегает к мифу, как к художественному приему, чтобы показать через эти образы свободу, противостояние злу, борьбу добра со злом. Эти персонажи описываются при помощи солярных и лунарных мифов. Только Луну и Солнце в данном произведении заменяют на добро и зло, на художника и полицейского, и этот миф выполняет компенсаторную функцию.

Книга Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» – типичный пример постмодернистского течения, так как в произведение присутствует много символов и цитат. Главный герой – Оскар – мальчик, появившийся на свет в годы зарождения фашизма. В день своего трехлетия он решает перестать расти, выражая тем самым протест против окружающего его общества. От его лица и ведется повествование. Автор показывает этот безумный глазами мальчика, который оказался как будто вне временных рамок [3].

Мальчик сам выбирает время, когда ему расти, а когда нет. Если он падает и перестаёт расти в начале развития фашистского движения, а начинает развиваться вновь только с окончанием войны, можно предположить, что герой – символ времени. То есть Германия с приходом фашистов как бы затормозила в своём развитии. Если говорить точнее, даже начала развиваться в неправильном направлении. Всё вернулось на круги своя только после падения фашизма. Функция грассовского героя – обнажать и обнаруживать правду, избавлять реальность от покровов этикета, церемониального искусственного неравенства, от сложной знаковой системы общества.

Мать обещает Оскару купить к трехлетию детский барабан. И только это примиряет нашего героя с тяготами человеческого существования. Барабаня, Оскар (одновременно главный герой и рассказчик) выражает своё отношение к жизни. А суть этого отношения была в её абсолютном неприятии. Барабан, по нашему мнению, выражается как мифологический символ протеста. Означает изначальный звук и любой звук вооб-

ще; ритм вселенной, а также речь, божественную истину и откровение, традицию. Герой влияет на реальность, провоцирует и разоблачает её посредством собственного «барабанного» искусства, он обладает способностью превращать то, что казалось ранее бессмысленным, в явление, наделённое ценностным значением.

Благодаря этим образам автор объясняет действительность в наглядно-образной форме. Каждый образ и герой здесь обозначает какое-то явление, понятие и играет роль наглядного примера жизни в Германии. Образы в этом произведении выполняют телеологическую, сакральную и аксиологическую функции, и поэтому относятся к тотемическим мифам, а также к мифам о героях культуры.

Роман «Собачьи годы» – одно из центральных произведений в творчестве крупнейшего немецкого писателя нашего XX века Гюнтера Грасса. В романе история пса Принца тесно переплетается с судьбой германского народа в годы фашизма. Пес «творит историю»: от имени «немецкого населения немецкого города Данцига» его дарят Гитлеру. «Собачий» мотив звучит в сопровождении трагически гротескных аккордов бессмысленной гибели немцев в последние дни войны. Выясняется, что фюрер завещал своим верноподданным собаку. Гитлер и его пес как бы меняются местами, и получается, что немцы проливают кровь и гибнут ради пса. Вот откуда название романа: годы нацистской диктатуры предстают как «собачьи годы», жизнь немцев – как собачья жизнь [4].

Образ скульптора Эдди Амзеля позволяет читателю войти в сумрачный мир германского гения-художника, постигнуть его трагедию. Герой Эдди Амзель – Фауст XX века, человек, живущий в мире образов, обладающий сверхчувственными и игровыми способностями. У Грасса концепция «вечного образа» связана с конкретной исторической ситуацией – фашистской Германией и являет собой очередную версию фаустовской истории во всём своеобразии авторских идейных, этических, эстетических принципов. Грасс показывает причудливую жизнь героя-художника, над которым силы небесные и демонические властвовали ещё с рождения, выражались в таинственных связях человеческой души с высшими принципами. Грассовская интерпретация фаустианства связана с попыткой писателя переосмыслить состояние человека XX века в страшном и абсурдном мире. Фаустовская душа персонажа включает в себя единство добра и зла, апологию самоценного Я, размышления о силе и сверхчеловеке.

В романе «Собачьи годы» автор использует мифы и мифологические образы для того, чтобы объяснить действительность в наглядно-образной форме. Автор использует пса, как символ жизни и гибели немцев в последние годы войны. Миф в этом произведении имеет сакральную, аксиологическую, телеологическую, праксеологическую и нравственно-воспитательную функции, а также относятся к тотемическим мифам, к мифу о рождении Фауста в герое Грасса, а также предопределение и судьба, как у Фауста. Роман также можно отнести к солярным и лунарным мифам. Только Луну и Солнце в данном произведении заменяют на добро и зло в душе главного персонажа.

Автор повести «Царь Эдип», Франц Фюман, использует миф для изображения реальности, т.е. процессов, происходивших в умах и обществе Германии периода второй мировой войны [4].

Мифологическая основа произведения «Царь Эдип» отражает противоречие отцовского (старого, отживающего своё) и материнского (нового, прогрессивного) миров, их противостояние, пронизывающее сам древнегреческий миф о царе Эдипе. Фюман переносит конфликт во время второй мировой войны. Повесть «Царь Эдип» сочетает в себе, условно говоря, два мифа: миф фашистский, созданный идеологами нацистов (идеологический, ложный миф), и древнегреческий миф о царе Эдипе (за основу Ф. Фюман берёт софокловского Эдипа). Соответственно этому, выделяются и два ведущих мотива повести. Первый имеет своей сутью манипулирование общественным сознанием со стороны национал-социалистской доктрины; второй, мифологический

мотив, вводится автором в целях углубления смысла произведения и придания ему универсального характера. Если Ф. Фюман и поднимает вновь тему мифа о царе Эдипе, «оживляя» образ путём придания ему современных черт, то он выбирает не отвлечённую и потерявшую актуальность в наши дни тему. Фашистская идеология принесла много душевных мук людям, вернувшимся с этой войны, ещё долго она осложняла их вхождение в мирную жизнь.

Миф в данной повести обладает следующими чертами: объяснение действительности в наглядно-образной форме и эмоциональная насыщенность. С помощью мифа Фюман выражает некоторые дополнительные идеи, такие как придания универсального характера произведению. Миф в произведение «Царь Эдип» имеет аксиологическую, телеологическую, коммуникативную и познавательную функции. Автор объединяет два героя в одном. Эти персонажи описываются при помощи солярных и лунарных мифов, только вместо луны и солнца выступает противоречие двух миров: старого и нового. Персонажи относятся к мифам о королях и святых, так как за основу Фюман взял древнегреческого софокловского царя Эдипа.

В романе «Прометей. Битва титанов» Франц Фюман отражает своеобразие своего авторского восприятия мифа о Прометее. На страницах романа Ф. Фюман предпринимает попытку осмысления процессов действительности – сущности и перспектив общественного развития. Роман «Прометей. Битва титанов» демонстрирует, насколько мифологическая традиция и координаты её переработки в качестве «модели» имеют отношение к настоящему [4].

В образе Прометея изначально заложена противоестественность миру титанов, он является антиподом, «другим». Этим характеризуется особый способ изображения своеобразия его сущности. Поведение Прометея в связи с использованием им его уникальной способности предвидения открывает нам глаза на исключительность этого образа, суть которого - пассивность, медлительность в ситуациях, требующих немедленного самостоятельного решения или действия. Имеет место очевидная «дегероизация» традиционного образа Прометея. «Мыслящий прежде», «предвидящий» становится мыслящим не вовремя, без осознания «после», «задним умом». Прометей отражает периодически переживаемый жизненный опыт Ф. Фюмана: необходимость принятия решения и смена различных, часто полярных позиций. Проблематика изменения, превращения прочно вошла в изложение данного мифологического материала. Поведение Прометея представляет собой пронзительный, подготовленный длительными размышлениями, отзвук жизни писателя. Интерпретация мифа о Прометее Ф. Фюмана призвана передать читателю мысль о том, что, отходя от истоков, – в данном случае это мать Земля, т.е. сама природа – человек лишается и большей части своих нравственных ценностей.

В этом мифе всё конкретно и персонифицировано благодаря образу Прометея. С помощью образа Прометея автор показывает часть своей жизни. Образ Прометея описывается при помощи мифа о героях культуры, мифе о предопределение и судьбе, трансформация автора в образ Прометея и обладает функциями: сакральная, аксиологическая, праксеологическая, объяснительная, познавательная.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что мифы играют огромную роль в литературе: они в своеобразной форме устанавливали связь между прошлым, настоящим и будущем человечества; являлись каналом, по которым одно поколение передавало другому накопленный опыт, знания, ценности, культурные блага, знания; авторы передавали свои чувства и эмоции, стремились не столько создавать произведения искусства, сколько высказаться как свидетели. В немецкую литературу вошло новое поколение писателей. До тридцати лет они успели пережить мобилизацию в вермахт, фронт, ранение, некоторые из них побывали в плену. Они видели капитуляцию, им удалось дезертировать, чтобы не погибнуть весной сорок пятого. Многие стали писателям ради того,

чтобы рассказать об искалеченных судьбах своего поколения. Новую литературу Германии создавали в первую очередь те, кто пережил трагедию вместе со своим народом. Они не говорили открыто о проблеме в произведение, они давали шанс читателю самому понять и проникнуться в эту проблему через мифологическое повествование.

Литература

1. Nossack, H. E. Nekyia. Bericht eines Überlebenden / H. E. Nossack. – Berlin : Suhrkampf Verlag Berlin, 2016. – 153 S.
2. Lenz, S. Deutschstunde / S. Lenz – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2009. – 592 S.
3. Grass, G. Blechtrommel / G. Grass – Ditzingen : Verlag Reclam, Philipp, 2012. – 91 S.
4. Grass, G. Hundejare / G. Grass – Göttingen : Verlag Steidl , 2013. – 780 S.
5. Фюман, Ф. Избранное / Ф. Фюманн – М. : Радуга, 1989. – 544 с.

E. V. Turkovskaya
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: e.turkovskaya@mail.ru

Mythological subjects and images in the works of German writers of the second half of the 20th century

Key words: post-war German literature of the 20th century, mythology, myth in the literary process, mythological images and plots.

The article reveals the role of mythological motifs in the genesis of literary plots, reveals mythological themes, images, characters in the works of German writers of the second half of the 20th century, reveals the meaning, features and characteristics of myth in post-war literature in Germany.

Л. В. Черниенко
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
e-mail: chernienko_75@mail.ru

УДК 821.161.1.09:028.02

О некоторых формах взаимосвязи между автором и читателями в русской литературе рубежа тысячелетий

Ключевые слова: коммуникация, эссеизм, исповедальность, хэппининг, монопьеса.

В статье рассматриваются наиболее продуктивные формы взаимосвязи между автором художественного текста с читателем в русской литературе конца XX – начала XXI в., в частности, усиление исповедального начала, активизация эссеистичности, роль монопьес в диалоге современного писателя с читателем (зрителем).

Положение литературы в жизни современного человека серьёзно изменилось в сравнении даже с 70-м – 80-м годами прошлого столетия. Литературоцентризм остался в прошлом. Конечно, А. Слаповский в своём определении места писателя на рубеже тысячелетий излишне резок: «Статус писателя в современном мире – ниже плинтуса» [13, 170]. Однако не обратить внимание на суждение человека, не одно десятилетие работающего в российской прозе и драматургии, невозможно. Такая ситуация – одно из следствий общего процесса разрушения коммуникации и обесценивания слова в обще-

стве современных людей. Как с отчаянием говорит героиня пьесы О. Кучкиной «Суси», «слова обесценились… словам больше никто не верит…» [7, 62].

Тем не менее, по мнению В. Гусева, «в меняющемся мире культуры неизменным остаётся одно: писатель пишет для читателя. К этому его побуждают разные цели – научить, просветить или развлечь и, в конце концов, получить гонорар. **Взаимосвязь между автором и читателем вечна** (выделено мной – Л. Ч.), однако формы её меняются в периоды исторических переходов, переломов, сдвигов» [4, 168].

Конечно, утрата подлинной диалогичности в обществе и культуре серьёзно воздействует на систему литературных родов и жанров. Кроме того, на современного человека (потенциального читателя) часто негативно влияют СМИ, особенно телевидение, о котором один из патриархов русской литературы Д. Гранин незадолго до смерти отзывался весьма нелицеприятно: «Иногда кажется, что наше телевидение – это заговор, заговор превратить народ в зомбированную массу, у которой никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы» [9, 13].

Но настоящий художник слова всегда стремится найти пути выхода к своему читателю. «**Сегодня писатель обречён на поиск новых форм диалога с читателем** (выделено мной – Л. Ч.), если он надеется быть услышанным среди грохота аудиовизуальных средств массовой информации, если он хочет, чтобы его книгу выделяли среди ярких обложек детективных и любовных романов, заполонивших прилавки магазинов» [4, 175]. Эта «обречённость» напрямую связана с гипертрофией авторского самовыражения, которая обретает различные формы в соответствии с родом, жанром произведения и авторским замыслом.

На рубеже тысячелетий есть все основания говорить о **процессе интимизации взаимоотношений автора и читателей.** Совсем не случайно в этот период значительно активизировался эссеизм, о котором можно сказать как об особой ассоциативной форме отражения жизни, что в первую очередь, естественно, отражается в прозе. О. Павлов утверждает: «Современная проза – это **не рассказ о современности,** а **разговор** (выделено мной – Л. Ч.) с современниками… проза девяностых философствует о жизни… «автобиографический герой» путешествует во времени, подобно инопланетному пришельцу» [11, 7].

Традиционно считается, что эссе как особая жанровая форма вошло в обиход в «Опытах» М. Монтена (1580 г.). Ф. Бэкон первым употребил термин *essays* (конец XVI – начало XVII вв.).

Но «засилье» эссеизма – конец XX – начало XXI вв.: *романы-эссе, повести-эссе, эссеистические рассказы, эссеистические миниатюры*, которые, кстати, заявили о себе в русской литературе ещё на рубеже 60-х – 70-х годов прошлого века. Особенно привлекли внимание «Мгновения» Ю. Бондарева, считавшегося к тому времени «классическим романистом». Название сборника во многом символично, ибо задача автора – остановить мгновенье жизни и обратить внимание читателя-единомышленника на неповторимость и значимость мига. Но эссеизм проявляется не только в миниатюрах, но и в крупных эпических формах. Например, Н. Лейдерман, характеризуя роман Г. Вадимова «Генерал и его армия», пишет: «Сюжет здесь движется не по логике саморазвития эпического события, а по ассоциативным связям и сцеплениям в сознании персонажа…» [8, 29].

Стремление к максимальному психологическому контакту с читателем стимулирует усиление исповедального начала в современной литературе, которое значительно активизировалось ещё и за счёт феминизации современной литературы, так как исповедальность традиционно относят к проявлению женственности. Это подтверждает в первую очередь женская поэзия. Исповедальны стихопесни В. Долиной с её известным признанием «Когда б мы жили без затей…»

Медитативно исповедален цикл И. Кабыш «Письма ученику» из двенадцати стихотворений с «Объяснительной запиской» и «P. S.» [6, 160–175]. Одна из форм исповеди – стихи-молитвы Л. Миллер. У Марины же Бородицкой находим прямое обращение к усталому современнику: *Улыбнись, улыбнись, брат!* / *Трудный был у тебя день,* / *даже просто поднять взгляд – вижу, вижу, тебя лень* [1, 130]. И её же шутливо-вызывающее: *На семьдесят пятом году* / *Мальчишку себе заведу:* / *Чертёнка из крови и плоти –* / *Куда той соплюшке у Гёте!* [1, 147].

Особый интерес представляет творчество Веры Павловой, у которой от читателей нет никаких секретов:

После долгой разлуки
после дальней дороги
вошёл в меня и уснул
и я уснула и стали
плотью единой оба
значение слова спать [12, 219; отсутствие знаков препинания – авторское].

Её сборник «Избранный» (2018 г.), посвященный памяти мужа, умершего в 2014 году от тяжёлой онкологии, – классический образец максимально интимизированного произведения, так как оно включает в себя пронзительно эмоциональные стихи, отражающие страдание женщины, которая стремится спасти любимого, но не может остановить его медленное угасание. Кстати, в «Избранном» совершенно очевидна **характерная для исповедальной поэзии замена образа лирического героя (героини) на образ реального автора** (можно определить этот процесс как *маяковско-есенинскую традицию*).

Формы исповедальности в прозе **различны** (от классической исповеди – как перед Богом – до имитации, игры в исповедь), а их эмоциональная окрашенность и функции в тексте достаточно чётко отражают личность автора и его позицию по отношению к проблематике и персонажам. Причём специфика индивидуального авторского метода **принципиальной** роли не играет и проявляется только в стиле, а стиль чаще всего «беседный». Разрушение диалога в жизни гипертрофирует его роль в литературе. В форме откровенной беседы с читателями построены и гротескно-иронический роман Ю. Полякова «Козлёнок в молоке» (1996 г.), и «история болезни» (авторское определение жанра) Е. Луканкиной «Когда мы стали животными» (2009 г.), где автор, непосредственно обращаясь к читателю, восклицает: «*Добро пожаловать в одноразовую жизнь! Одноразовые эмоции, одноразовые встречи, одноразовый секс, ... одноразовый текст, одноразовую память!..*» [10, 30]. Беседует с современным читателем сразу с двух позиций (XV и начала XXI веков) Е. Водолазкин в своем «неисторическом романе» (авторское определение) «Лавр» (2017 г.).

Биографизм, автобиографизм, исповедальность – явления взаимосвязанные и весьма активно представленные в современном литературном процессе. Они в корне меняют многие традиционные свойства художественного текста: взаимодействие сюжета и фабулы в прозе и драме, структуру лирического героя в поэзии, принципы и приёмы психологического анализа (исповедальность создаёт иллюзию своеобразной документальности: эмоциональной, биографической, очевидческой).

Сложнее всего процесс интимизации взаимоотношений автора и читателя проходит **в драматургии**, так как для неё характерна иллюзия авторского отсутствия. Один из продуктивных приемов – **расширение зоны ремарки**. Абсолютно права в своих выводах И. Зайцева: «Первое, что обращает на себя внимание при анализе ремарочной сферы пьес последних десятилетий, – тот факт, что во многих произведениях ремарки несколько «потеснили» речевую сферу персонажей в пространственном отношении: ремарок стало больше и они представляют более развёрнутые отрезки текста, чем, например, традиционные обстановочные ремарки» [5, 227]. Нередко ремарка становится самостоятельным тестом новеллистического или очеркового типа (иногда синтезируют

в себе признаки обоих жанров). Один из показательных примеров – начальная ремарка в пьесе А. Югова «Другое небо» (2006 г.):

«1995 год.

Когда смеркается – небо сумасшедшее. Весь город как под синей лампой. Как будто у всех болят уши. Все лечатся. Всеобщая процедура. Неужели не замечали? А бывает… Точно бывает. Так… Окраина города. Одиннадцатый микрорайон. Выдумки не хватило, не придумалось ни у кого назвать как-то по-другому. Так и оставили – одиннадцатый. Как в чертежах-планах перспективной постройки города было.

Дом пятиэтажный, панельный посреди деревни стоит. Все думали, что ещё дома рядом вырастут, а они взяли да и не выросли. Так этот и стоит. До остановки, чтобы в город поехать, минут тридцать пешком. Идиотизм.

Раньше автобусы пускали в этот район. Потом не стали автобусы ходить – невыгодно стало. Сейчас – все, кому в город на работу надо, – по утрам всей дружной толпой идут. Молча. Обратно поодиночке – работа по-разному у всех заканчивается. Бывает, кажется, что вернулось из города меньше, чем ушло.

У дома горка построенная, деревянная, к ней табличка прибита – «Детям от депутата 11-го микрорайона…», а он кого, неясно – горку кто-то однажды поджег. Табличка подгорела. Её сразу неправильно построили, – у неё очень крутой спуск – никто с неё, кажется, и не катался. Теперь стоит, покосившаяся, погорелая. Дурацкая горка-подарок» [14, 31].

Хэппининг – непосредственный контакт со зрителем. И если раньше инициатива хэппининга принадлежала режиссёрам (во второй половине XX века к этой форме нередко прибегал Ю. Любимов), то на рубеже тысячелетий сами драматурги нередко ратуют за различные формы хэппининга. Так, Д. Быков и И. Лукьянова в рекомендациях для господ актеров, предваряющих пьесу «Сцены конца века. *Времяпрепровождение в двух частях*» **настаивают** на участие зрителей в её постановке: «Если зрители начнут вмешиваться в действие и импровизировать – это счастье» [2, 61].

Конечно, самая интересная, на наш взгляд, форма диалога автора с читателем (зрителем) – **монопьеса**. Это межродовое и межжанровое образование, включающее в себя признаки драмы, эпоса и лирики, синтезирующее черты трагикомедии, мелодрамы, фарса, психологической и социальной драмы, всё активнее входит в современное искусство, хотя первые попытки создания монопьес относится еще к середине прошлого века. На рубеже тысячелетий появилось около двух десятков монопьес, замеченных театрами и театральными критиками: «Фирс будет жить» (1996 г.) и «Прощай, настройщик!» (2007 г.) В. Леванова, «Одуванчик» (1999 г.) Ю. Эдлиса, «Комплекс Тимура» (2000 г.) А. Розанова, «Инопланетянин» (2003 г.) Е. Унгарда, «Сотовый» (2003 г.) О. Кучкиной, «Нелегал» (2005 г.) В. Тетерина, «Табу, актер!» (2005 г.) С. Носова, «Партнер» (2006 г.) В. Жеребцова. К этому списку можно добавить ещё целый ряд названий.

Особое внимание в процессе анализа монопьес литературоведы и театральные критики обращают на творчество Е. Гришковца, которого часто называют «человек-театр» (он – автор, режиссер, исполнитель единственной роли в своих пьесах). «Как я съел собаку», «Дредноуты» и в первую очередь – «ОдноврЕмЕнно» – это уже классика монопьес, где **диалогический монолог** вовлекает зрителя (читателя) в систему мышления и чувствования автора-персонажа: «Чтоб вы меня вот так увидели, и сразу почувствовали и при этом ещё получилось бы какое-то впечатление, и ещё бы понравилось или не понравилось, и ещё… всё то, что я рассказал, и даже ещё больше… как-то бы передалось, как-то бы прозвучало…» [3, 233].

Принципиально важна полипроблемность монопьес и широкий охват разнообразных явлений современной жизни. Монопьесы исследуют современника «изнутри»– на уровне не только мировоззрения, но и мироощущения, подсознания, одновременно отражая суть нашей эпохи через душу человека в ней живущего.

Пути и формы сближения современного писателя с потенциальным читателем (для драматургов ещё и со зрителем) весьма разнообразны зачастую спорны. Например, немало дискуссий вызывает активизация телесности в современной литературе (во всех её родах). Сближает ли гипертрофия телесности автора с читателем или, напротив, устанавливает некую границу между ними? Эссеизм также не каждому читателю понятен и близок, равно как исповедальность. Неоднозначно оцениваются литературоведами авторские жанры. Какова их роль в процессе взаимодействия автора и современных читателей? Ведь не секрет, что у части читателей вызывают раздражение такие жанровые определения, как «истории их мусорного ящика» или «бабьи хроники».

К этим и другим проблемам интересующей нас темы обращались и обращаются известные исследователи: Н. Лейдерман, М. Липовецкий, Г. Нефагина, А. Немзер, Н. Иванова, В. Гусев, М. Абашева, С. Чупринин, М. Черняк. Однако уровень филологической изученности темы пока остаётся недостаточным: вопросов больше, чем ответов, и перспективы исследования значительны.

Литература

1. Бородицкая, М. Я. Оказывается, можно / М. Я. Бородицкая. – М. : Время, 2005.–160 с.
2. Быков, Д. Сцены конца века. *Времяпрепровождение в двух частях* / Д. Быков, И. Лукьянова // Современная драматургия. – 1999. – № 4. – С. 61–75.
3. Гришковец, Е. Зима. Все пьесы / Е. Гришковец. – М. : Эксмо, 2008. – 320 с.
4. Гусев, В. А. Литература в ситуации переходности / В. А. Гусев. – Днепропетровск : Изд-во ДНУ, 2007. – 276 с.
5. Зайцева, И. П. Поэтика современного драматургического дискурса. Монография / И. П. Зайцева. – М. : Прометей, 2002. – 252 с.
6. Кабыш, И. А. Невеста без места / И. А. Кабыш. – М.: Время, 2008. – 480с.
7. Кучкина, О. Суси, или Триумф. *Гротеск в трех де*йствиях / О. Кучкина // Современная драматургия. – 2004. – № 3. – С. 38-62.
8. Лейдерман, Н. Русский реализм на исходе XX века / Н. Лейдерман // Современная русская литература: проблема изучения и преподавания : Материалы Всероссийской научно-практической конференции 26–27 февраля 2003 г. Часть I / Отв. ред. М. П. Абашева. – Пермь : Пермский госуд. ун-т, 2003. – С. 24–33.
9. Лесина, О. Даниил Гранин : ушедшая эпоха / О. Лесина // Мир новостей. – 2017. – № 28. – С. 13.
10. Луканкина, Е. Л. Когда мы стали животными. История болезни / Е. Л. Луканкина. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2009. – 168 с.
11. Павлов, О. Остановленное время / О. Павлов // Русский мир. – 2002. – № 7. – С. 7.
12. Павлова, В. Из восьми книг : Избранные стихи 1983–2008 годов / В. Павлова. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. –286 с.
13. Слаповский, А. «Правда жизни и правда искусства – не одно и то же». Беседу ведёт Светлана Новикова / А. Слаповский // Современная драматургия. – 2004. – № 3. –С. 38–62.
14. Югов, А. Другое небо. *Воспоминания в двух действиях* / А. Югов // Современная драматургия. – 2006. – № 4. – С. 31–41.

L. V. Chernienko
Lugansk National University named after Taras Shevchenko
e-mail: chernienko_75@mail.ru

On Some Forms of the Interconnection Between the Author and the Reader in Russian Literature of the Turn of the Millennium

Key words: communication, essayism, confession, happening, monoplay.

In the article there are regarded the most productive forms of the interconnection of the author of artistic text with the reader in Russian literature of late XX early XXI centuries, in particular, the amplification of confession origin, the increasing of essayism, the role of monoplays in the dialogue of modern writer with reader (viewer).

Л. И. Шевцова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: milash8@mail.ru

УДК 821.161.1-1:82-14”20”-055.2

Лирика русских женщин XIX века: осознание себя поэтом

Ключевые слова: русские женщины-поэты, литературный салон, творческое самосознание, проблема отверженности, поэтическое ремесло.

Статья посвящена становлению творческого самосознания русских женщин-поэтов XIX в. Тема осознания себя поэтом, того, как поэтическое творчество накладывает отпечаток на женскую судьбу, рассматривается на примере стихотворений Е. Ростопчиной, К. Павловой, О. Чюминой. Автор приходит к выводу, что эта тема в их творчестве подготовила появление в русской поэзии таких имен, как А. Ахматова и М. Цветаева.

Понятие авторства в русском искусстве вообще и в литературе в частности утвердилось после реформаторской деятельности Петра I. Первые женские поэтические имена дошли до нас из того же XVIII века. Кроме Е. А. Княжниной, жены драматурга Я. Б. Княжнина, дочери А. П. Сумарокова, в XVIII веке писали стихи и жены поэтов Г. Р. Державина и М. И. Хераскова. Большинство женских стихов, вошедших в песенники того времени, остались без подписей авторов. На протяжение и XVIII, и XIX вв. в России литературное творчество большинством считалось не женским занятием, равно как и занятие науками. Даже В. Г. Белинский утверждал: «Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью» [1, 226].

Однако в литературе конца 1810-х – середины 1830-х гг. уже насчитывалось около тридцати женских имен со своим, особым репертуаром. Женщины-авторы выступили как не только как поэты, но и как прозаики, создававшие произведения для детского чтения, исторические романы, повести и пьесы на русском языке. Среди них были также переводчики, литературные критики и публицисты.

В начале XIX в. А. П. Бунина и А. А. Волкова, сумев отбросить предубеждения, уже стремились печатать свои стихи. Именно они первыми в России издают книги своих стихов и вступают в существовавшие тогда литературные объединения. Вскоре возникают литературные салоны, которые часто держат стихотворцы-женщины. Помимо салонов княгини Зинаиды Волконской, графини Евдокии Ростопчиной, поэтессы Каролины Павловой в 20 – 30-х гг. славились салоны переводчицы А. П. Елагиной, поэтессы Е. А. Тимашевой, а также салоны С. Д. Пономаревой, А. О. Смирновой, Е. А. Карамзиной. Возникла даже мода на салонную женскую поэзию, к которой многие не относились серьезно.

Тем не менее, и Е. Ростопчина, и К. Павлова уже претендуют в поэзии на роль, равную роли поэтов-мужчин. Женщин-поэтов ценят и принимают в свое литературное братство известнейшие поэты – А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Барантынский, Н. М. Языков. Но тот же Баратынский, терзаемый горькими мыслями о назначении поэта в обществе, писал в 1826 г., остерегая «поэтов прекрасного пола» от поэтических стремлений:

Не трогайте парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам не много в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли им оставить в забытьи

Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летейские струи –
На пальчиках чернила остаются. [2, 55]

Ему в 1837 г. вторит Надежда Теплова в стихотворении «Совет»:

Брось лиру, брось, и больше не играй,
И вдохновенные, прекрасные напевы
Ты в глубине души заботливо скрывай:
Поэзия – опасный дар для девы. [3, 85].

Но «лирика женского сердца» уже занимает особое место в поэзии XIX в., и женщины-поэты вносят ощутимый вклад в литературный процесс своего времени. Их список достаточно внушителен, несмотря на то, что многие из них сегодня забыты: А. Бунина, А. Волкова, З. Волконская, Е. Ростопчина, А. Готовцова, Е. Тимашева, К. Павлова, А. Глинка, Е. Вельтман, Н. Теплова, Ю. Жадовская, Н. Хвощинская, А. Барыкова, В. Фигнер, О. Чюмина, М. Лохвицкая, П. Соловьева, Г. Галина, Т. Щепкина-Куперник.

В творчестве женщин-поэтов легко различить определенные периоды. Стихи А. Буниной и А. Волковой по жанровым признакам, по лексике в значительной степени принадлежат еще XVIII веку, традициям сентиментальной поэзии. Затем можно выделить пушкинский период, носивший в творчестве З. Волконской, Е. Ростопчиной, А. Готовцовой, Н. Тепловой, К. Павловой преимущественно романтический характер. Некрасовская гражданственная нота отчетливо слышна в стихотворениях Ю. Жадовской, А. Барыковой, В. Фигнер. Последние из авторов были тесно связаны с народническим движением, стихи их порой открыто публицистичны. Влияние модернизма ощущается в поэзии М. Лохвицкой, П. Соловьевой, З. Гиппиус.

Мы не будем касаться всех тем и проблем, нашедших свое отражение в лирике женщин рассматриваемого периода, но остановим свое внимание на том, о чем так пронзительно писал Е. Баратынский в приведенном выше стихотворении-предостережении. А именно, речь пойдет о теме осознания себя поэтом, о том, как поэтическое творчество накладывает отпечаток на женскую судьбу. Это тема поэта-женщины и ее поэзии.

Тема поэтического самосознания появляется впервые у Е. Ростопчиной в стихотворении «Как должны писать женщины» (1840). В нем она намеренно разводит женскую и мужскую поэзию, заявляя, что «женские стихи особенной усладой мне привлекательны» [3, 65]. Далее Ростопчина выражает свое мнение о том, какими должны быть женские стихи. Эти стихи должны быть полны таинственности, недоговоренности и целомудрия: «чтоб лучших снов своих певица робкая вполне не выдавала», «чтоб имя призрака… стыдливая, таила и скрывала», «чтоб только изредка … умела намекать о чувствах слишком нежных», «чтоб внутренний порыв был скован выраженьем, чтобы приличие боролось с увлеченьем и слово каждое чтоб мудрость стерегла». Как видим, женщина-поэт в известной степени подчиняется условностям светской морали.

Однако Каролина Павлова, ее современница, в том же 1840 году пишет стихотворение «Нет, не им твой дар священный…», где мы находим явную антитезу «свет – душа женщины-поэта». Определяется новая грань в развитии экзистенциального самоопределения женщины-поэта. Отстояв свое право писать стихи, женщины столкнулись с проблемой отверженности, инакости именно потому, что они поэты, как ощущали эту инакость поэты-мужчины, что, например, нашло выражение в ряде стихотворений А. С. Пушкина («Поэт и толпа», «Поэту», «Поэт»). И Павлова пишет:

Нет, не им твой дар священный!
Нет, не им твой чистый стих!
Нет, ты с песнью вдохновенной
Не пойдешь на рынок их!

. . . . . .

Безглагольна перед светом,
Будешь петь в тиши ночей!
Гость ненужный в мире этом,
Неизвестный соловей. [3, 98].

Е. Ростопчина развивает эту тему в стихотворении 1841 г. «Нашим будущим поэтам», явно отсылая к трагической судьбе Пушкина и Лермонтова:

Смотри: – существенный, торгующий наш век,
Столь положительный, насмешливый, холодный,
Поэзии, певцам и песням их изрек,
Зевая, приговор вражды неблагородной.
Он без внимания к рассказам и мечтам,
Он не сочувствует высоким вдохновеньям, –
Но зависть знает он… и мстит своим гоненьем
Венчанным лавром головам!.. [3, 54].

В другом стихотворении «Моим двум приятельницам» (1848) она развенчивает миф о том, что ее слава женщины-поэта безмятежна:

Вы думали, - своею славой
Гордится женщина-поэт, –
И горькой, гибельной отравы
В ее блестящей чаше нет?
Вы думали, что стих мой страстный
Легко, шутя, достался мне, –
И что не куплен он в борьбе…
Борьбе мучительной, ужасной? [3, 69].

Эта тема становится одной из ключевых в лирике женщин-поэтов последующих поколений. Так, у О. Чюминой мы находим интересное стихотворение-аллегорию «У болота» (1888), в основе которого – диалог лягушек и птиц некоего болота. Этот диалог раскрывает обывательскую, бездуховную, потребительскую сущность каждого обитателя. Они слетелись к умершей птичке и обсуждают факт ее гибели. Мертвая птичка является символом убитой свободы творческого проявления, стремления к свету и солнцу.

В поэзии Каролины Павловой зрелых лет утверждается образ лирической героини – женщины-поэта, отстаивающей свое право жить просто, не в роскоши, светской суете и признании. Она полемизирует с Е. Ростопчиной («Мы современницы, графиня…»), упрекая ее за праздность роскошной светской жизни, за ориентацию на западную моду: «Красавица и жорж-зандистка, Вам петь не для Москвы-реки…» Ее лирическая героиня, женщина-поэт иная:

Не требую эмансипаций
И самовольного житья;

Люблю Москвы я мир и стужу,
В тиши свершаю скромный труд,
И отдаю я просто мужу
Свои стихи на строгий суд.

Именно Каролина Павлова, перенесшая всевозможные тяготы жизни, умершая на чужбине, оказалась духовно стойкой и верной поэтическому творчеству, которое она назвала «светлым лучом», «напастью», «богатством», «святым ремеслом» в стихотворении 1854 г. «Ты, уцелевший в сердце нищем…». Последнее определение – «святое ремесло» стало определяющим и новым этапом в развитии творческого самосознания

женщин-поэтов последующих поколений, оно открыло иную перспективу их лирической поэзии. Отныне поэзия стала ремеслом не только мужским, но и женским.

Самые известные женщины-поэты первой половины XX века А. Ахматова и М. Цветаева мыслили себя уже только поэтами. Причисляя себя к мировой плеяде поэтов, А. Ахматова писала:

Наше священное ремесло
существует тысячи лет…[4, 166]

М. Цветаева – в «Стихах к Пушкину»: «Прадеду – товарка: в той же мастерской!..» – осознавала себя очередным поколением поэтов, род которых идет от Пушкина. А самая ее известная строчка на эту тему – «Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!» («Знаю, умру на заре! На которой из двух…) [5, 152; 415].

А. хматова теме поэтического ремесла посвящает стихотворный цикл «Тайны ремесла», М. Цветаева целую книгу стихов называет «Ремесло». Не быть поэтом для них уже невозможно, вне своего ремесла они себя не мыслят. Более того, язык их лирической поэзии открыл внутренний мир женщины, мир, который мужчине-поэту постичь сложно. Понимая свою значимость, свое место не только в русской поэзии, Ахматова писала (правда, иронично назвав стихотворение «Эпиграммой»):

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить…
Но, Боже, как их замолчать заставить! [4, 164].

Литература

1. Белинский, В. Г. Полн. СОБР. соч.: В 13 т. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829 – 1835 / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 574 с.

Источники

2. Баратынский, Е. А. Очарованье красоты: Стихотворения. Поэмы / Е.А. Баратынский. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 320 с.

3. Русские поэтессы XIX века / Сост. Н. В. Банников. – М. : Советская Россия, 1979. – 256 с.

4. Ахматова, А. Я – голос ваш / А. Ахматова. – М. : Кн. палата, 1989. – 383 с.

5. Цветаева, М. И. Стихотворения и поэмы/ М. И. Цветаева / Вступ. ст. Е. Б. Коркиной. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 800 с.

L. I. Shevtsova
Vitebsk State University named after P. M. Masherova
e-mail: milash8@mail.ru

Lyrics of Russian women of the 19th century: self-awareness as a poet

Keywords: Russian women poets, literary salon, creative self-awareness, the problem of rejection, poetic craft.

The article is devoted to the formation of creative self-consciousness of Russian women poets of the XIX century. The topic of self-awareness as a poet, of how poetic creativity leaves its mark on women's fate, is examined on the example of poems by E. Rostopchina, K. Pavlova, O. Chyumina. The author concludes that this theme in their work prepared the appearance of such names as A. Akhmatova and M. Tsvetaeva in Russian poetry.

Л. М. Яременко, М. С. Казанджиєва
Сумський державний університет, Україна
e-mail: ludmila_yaremenko@ukr.net; m. kazandzhyieva@drl.sumdu.edu.ua

УДК 811.161.2'373.45:82-1Кузьменко

Мова урбанізованого міста в поезії Андрія Кузьменка (Кузьми Скрябіна)

Ключові слова: міська розмовна мова, соціальний діалект, ідіостиль, жаргонні сленгові одиниці, локус міста.

Стаття присвячена проблемі відображення мови урбанізованого міста в поезії А. Кузьменка (Кузьми Скрябіна). Основною метою розвідки є аналіз особливостей вербалізації феномену сучасного міського життя, а також лексико-фразеологічних засобів створення образу міста Лева в межах індивідуального авторського стилю.

У лінгвістиці двох останніх десятиліть не зникав різноплановий інтерес до живого розмовного мовлення як осердя національної мови, що дає людині духовну опору, відчуття життєвої перспективи в соціумі, формує прагматику поведінки, реалізує інтеріоризаційні потенції мовця. Розмовна мова – це канал інформативного зв'язку, де на лексико-фразеологічному тлі актуалізуються морально-етичні, звичаєві норми української громади, в тому числі й міської.

Неформальна комунікація, особливо в соціально-культурній сфері, передбачає значну експресивність, необмеженість вербальної поведінки, її варіативність, відкритість до інновацій. Це, без сумніву, поширюється і на співану поезію, концертну діяльність артистів, пісні українських гуртів, що несуть певну естетичну насолоду своїй цільовій аудиторії, впливають на її мовні смаки як ознаку українства.

Виконавці пісень, автори текстів повинні дотримуватися чинних мовних і мовленнєвих норм, нормативної граматики – *«тип граматики, в якій містяться вказівки на найбільш придатні для використання граматичні конструкції»*[6, 471]. Отже, метою нашого дослідження є не пошук лексичних анормативів (за Мартос С. А., Андрющенко А., 2019) у піснях українського виконавця, а аналіз окремих особливостей проявів мови урбанізованого міста в поезії Андрія Кузьменка – співака, автора пісень, лідера популярної музичної групи «Скрябін». Об'єкт дослідження – поетичні тексти А. Кузьменка, предмет дослідження – індивідуальні мовні засоби вербалізації міста. Матеріалом стала збірка його поезій, що вийшла друком 2016 року у пам'ять про поета [5].

Урбаністичний простір у художніх текстах вивчався й вивчається зараз саме з літературознавчих позицій. У цій площині плідно працювали літературознавці М. Анциферов, Ю. Лотман, В. Топоров, студіюють сучасні вітчизняні дослідники В. Агеєва, С. Андрусів, Н. Анісімова, Т. Возняк, В. Доній, О. Севрук, Л. Ставицька, О. Харлан та ін. Проте поетичний доробок Кузьми Скрябіна ще не став об'єктом ґрунтовного лінгвістичного аналізу.

Принагідно зазначаємо, що в центрі нашого дослідження – аналіз саме *ідіостилю* (*індивідуального стилю автора*) (Мацько Л. І., 2007) як системи виражальних засобів окремої мовної особистості – А. Кузьменка-поета в інтер'єрі міста.

Відправною точкою пропонованої розвідки є літературознавча засада, згідно з якою «… *Поезія проявляє свою мистецьку автономію, витворюючи «другу реальність», пов'язану з довколишнім світом багатьма асоціативними каналами»* [2, 541]. Мистецька автономія Кузьми Скрябіна-поета виразна, неповторна, презентує не тільки його індивідуальність, а й західний регіон України, звідки він походить – Андрій Кузьменко народився 17 серпня 1968 року в місті Самбір Львівської області.

У межах обраної теми ми можемо говорити про так званий «соціальний діалект» або «соціолект», що знайшов віддзеркалення в поетичних текстах автора. *Соціальний діалект* (за Масенко Л. – *соціяльний діялект*) вживається в різних побутових сферах саме *міської комунікації,* поряд із нормативною українською мовою, але в межах певної групи соціуму з окресленою системою суспільних цінностей та ситуації спілкування. Отже, соціолект (або синонімічні: *жаргон, сленг*) – мовне знаряддя інтерпретації дійсності, провідною ознакою якого є експресія [3]. Експресія (лат. *expressio* – вираження, від *exprimo* – чітко вимовляю, зображую) – виразність, *підкреслене* виявлення почуттів, переживань [3, 239]. Тут розмовно-побутовий стиль сучасної української літературної мови, означений вище, сполучається з експресивним стилем, що несе певний колорит, – від нейтрального до іронічного, зневажливого.

Ідіостиль А. Кузьменка вирізняється потужною емоційною домінантою, що породжує багатий асоціативний ряд, який легко підтримується молодіжною аудиторією. Слушним, на нашу думку, є твердження проф. Л. Масенко, яка, посилаючись на данського мовознавця О. Есперсена, наголошує: *«Метафорична експресивна лексика студентського жаргону … здається надмірно розбудованою. Це зближує її з поетичною мовою,* – й додає, – *реалізується креативна функція мови, лише в поетичній мові вона має індивідуальний характер, а в жаргоні – колективний»* [3].

В аналізованих поетичних текстах А. Кузьменка спостерігається жаргонізована міська розмовна мова різного тематичного спрямування, де переважають молодіжні жаргонно-сленгові одиниці. Наприклад: *Виставляєш нас ніби свої в дошку* (віддані, до останньої сорочки), */ Завалили тест на вшивість мозку* (зрадливість переконань) («Вам з неба не видно»); *Руляєш* (*жарг.* бігати, від *руль*) *по своїх подружках, / Мені зняти стружку* (*жарг.* провести виховну бесіду) («Відстань»); *Під тиском кіловат міксує* (*стил.* зосереджує, вибудовує) *мої рухи DJ* («Дивні люди»); *Нема кого здурити – всі вже мудрі на відмазу* (відмовка) («Коралі»); *Замість на пари* (форма організації навчального процесу) *ходили ми по барах, / Там пили пиво і шпори* (*студ. сленг.* відповіді на екзаменаційні питання) *писали…. Коли ми станемо старими пеньками (знев.* літні люди*)/ І під під'їздами чесати язиками* (пліткувати) («Діти»); *Нехай німаки* (*зневажл.* німець) *доганяють* (*сленг.* намагатися зрозуміти)*, що я струйовий* (*сленг.* модний, сучасний) («Модна країна»); *А як я маю досить / Тих дурних муравлів*... (психологічні комплекси, забобони); *Я виходжу на балкон. / Якісь бики* (*зневажл.* кремезні чоловіки) *мішають / Для будови бетон.; Всі лазять* (тинятися без діла) *десь / І носять собі всяку фігню* (щось не варте уваги) («Наприклад»); *Я маю відмазу* (*зниж.* поважна причина) *шоб не вмерти відразу…; Поїду на шару* (задарма)*, трамваї задаром…* («Неділя, понеділок»); *Наші хлопаки давно не люблять сало, / Наші хлопаки* (*жарг.* хлопці) *не носять шаровари..* («Наші») *…То просто ді-джей в'їхав* (зрозумів) *в твої тексти* («Побєда»); *Ти знову купиш / Струйові німецькі шузи* (модні туфлі) («Сам собі Україна»); *Когось він* (час) *опустив* (зневажити*), когось підняв* (піднести в очах громадськості)*, / А є на кого взагалі забив* (не звертати уваги) («Час»); *Нічо нас не колише* (*сленг.* не турбує)*, ми заробляєм бабки* (гроші)*; Мені він на фіг* (не вартий нічого) *треба, а люди хай говорять* («Хлопці-олігархи»); … *Бабки, бабки, бабки пожирають людей* («Інфляція. Дурдом»); *Писала цитати чувіх-феміністок* (*сленг.* дівчата, що виступають за рівні права з представниками чоловічої статі) («Шмата»); *Хоч ти по-українськи абсолютно не гребеш* (не розумієш) («I LOVE YOU, BARSELONA»); *Поїду на Мальдіви бухнути з друганами* (*жарг.* друзі) («Хлопці-олігархи»); *У офісі перерва, ти голодний, як пес, / В очах моргає напис: «Я похавав би* (*жарг.* поїсти) *десь»* («Дівчина з кафешки») тощо [5].

Креативними в поетичній мові А. Кузьменка стають деякі галицькі діалектизми, що є дещо екзотичними й привертають увагу, доповнюють міський соціолект. Наведе-

мо деякі приклади: «вар'ят» – *Шукай собі місце, де вар'ятів нема. / Втікай, бо скоро буде війна!* («Годинник»); «шмата» – *Всі твої листи – то є макулатура / І ти мені не дівчина, а просто шмата…* («Шмата»); «мешти» – *Я люблю свою бейбе, / Її червоні колготки. / Я люблю свою бейбе, / Її помаду солодку. / Я люблю свою бейбе, / Її лаковані мешти.* («Червоні колготки»). Ці діалектизми «провокують» молодих шанувальників його творчості заглядати у словник, щоб *бути в тренді,* підтримувати мовну моду.

Так, зокрема, *вар'ят* від wariat – слово галицького діалекту української мови, що означає «*ненормальний, несамовитий, божевільний*»; часто вживане у Львові та на Галичині. В білоруській мові *вар'ят* є літературним. Розмовне *шмата* (жін. роду) є те саме, що і *шматина – …стирали їх відтак швидко намоченою шматою* (ганчірка, відріз тканини)*, котра служила замість губки* (І. Франко) [7]. Діалектне західноукраїнське *мешти* – легкі черевики (*татарські туфлі*).

У системі індивідуальних виражальних засобів є і прикметники, що утворюють нові конотації (додаткові значення, стилістичні відтінки), оскільки передають не лише ознаку предмета або рису людини, а й атмосферу і темп насиченого життя міста: *Бездумний манекен. / Танцюють мої нерви в ритмі диско. / Бездумна голова повторює слов / Пусті, як фарбований дим. /* – І далі вісім разів – *Дивні люди, дивні люди… / Під дивним світлом дуже дивні. / Дивні люди, дивні люди… / Під дивним світлом дуже дивні.* В цій площині є слушним твердження В. Донія: «*У місті відбувається своєрідна концентрація часу, простору, енергії, людей»* [1].

Міська жаргонізована розмовна мова відтворена в поетичних текстах Кузьми Скрябіна також цілими фразами, що були тоді на часі, презентували певне явище культурного життя та відкривали для означеної соціальної групи нові асоціативні канали. Наприклад: *Бездумна голова повторює слова / Пусті, як фарбований дим. / Дас із нот сіній туман, дас із груп отаван і т. д.* («Дивні люди»). Читаємо й розуміємо: Не треба нам шлягери російського виконавця В. Добриніна, зокрема «Синій туман» (1989 р.), а треба хіти французького дивко-дуета Ottawan, що був популярним на початку 1980-х рр. зі шлягером «Hands Up! (Give Me Your Heart)». *Дорогі наші ями, я їх не помічаю, / На «гольфі» за сто марок не їду, а літаю. / О майне лібен штрасе, як я за вами скучив!* («Модна країна»). Читаємо й інтерпретуємо: якщо ти за кермом швидкісної машини «гольф» німецького автоконцерну Volkswagen, хоча і дуже старої, то ями під час їзди на вітчизняних дорогах ти не відчуваєш, але з ностальгією згадуєш автостради в Німеччині.

Автор свідомо вживає росіянізми (1990 – 2000-их рр.), щоб піднести ступінь інтенсивності вираження змісту суспільного явища (зокрема, продажної любові), надати останньому іронічної, дещо зневажливої оцінки. Наприклад, *Вчора бачив я дуже добрий фільм / Про сєксових дєвок і твердих ментів. /Була купа крові, сексу і грошей, / Я не міг заснути, хтів дивитись ще.* («Фільм (скоро буде)»), або *Блєском і помадами сидять намазані, / Тимчасові подруги серйозних мужчин, / Пальці з манікюрами, а дури дурами, / Їх життя – машина, фітнес-клуб, магазин* («Гламур»); *По притонах затаскана, / Боїшся світла, як вампір…. Ти наїлася сємочок і ржеш, / Ніби можеш жити ще раз* («Дівчина Кончіта»). Витворюючи реалії життя, А. Кузьменко-поет додає додатково брутальності зосередженням (насиченням) понять в одній фразі – *Чувіха, я прошу – будь чемна, / Бо буду бити / Руками, ногами, своєю головою / Локтями, ремнями, залізною трубою … Я вирву всі твої патли / До м'яса вкушу за руку / Як велика скажена собака…* («Мумітроль»); досягає гостро негативної експресії: *«Ми всі тут, як матрьошки, платтячка в горошки, / Халяву «абажаєм», бо жерти шо не маєм, / А на бігбордах наглі морди / Б'ються в груди дорогих піджаків»* («Вазелін») [5].

Підкреслене російське «акання» у вірші «Хлопці-олігархи» набуває додаткового негативного забарвлення – *Я куплю чорний «лексус», новий в целофані / Шоб їздила падруга з падругами в баню / Я куплю другий «лексус» і тоже в целофані / Шоб за*

дівками в баню їздити охрані. У другій частині змінюється ракурс (рекет): *Тепер в нас нова тєма – ми хлопці-екстремали / Ми всі діла рішаєм, лиш тільки ше одне є / Попробувати хочем – ну як то бути геєм.* Показово, що в цьому вірші, як і попередньому «Мумітроль», немає пунктуаційних знаків у кінці рядків. Це, на нашу думку, можна також вважати елементом зневажливого тону.

Негативної експресії додають часто використовувані займенники-росіянізми як виражальний засіб. Можна припустити: автору важливо, що слова цієї частини мови лише вказують на особу, предмет або ознаку, але не називають їх, тобто *«… утворюють особливу систему слів-субститутів (слів-замінників»* [8, 173], тим самим розширюють асоціативне поле читача, долучають останнього до співавторства. Наприклад: *Я сам не знаю чо', і то ніхто не знає того, / Маю досвід, маю досвід…* і далі – *Гроші в касу запихаю, з-за кишень нічо не вкрали.* («Коралі»); *Всьо, шо зара' почуєш, запиши на листок/ і не забудь вже. / Але то ше не всьо… Десь всередині я чую, / шо можу так само, як він* («Медор (пес)»); *Записали нам касету / Всі підряд пісні пра ето, / І нема, нема, нема дурних, / Давно вже тут нема таких* («Нема дурних»); *Ціла Європа знає, шо то є Україна / Така струйова супермодна країна. / А може, всьо піде ше на краще, / Бо, може, не піде ше на гірше…* («Модна країна») [5].

Отже, попередньо підсумовуючи, варто зазначити, що соціолект, представлений в авторських творах А. Кузьменка, інтерпретує окремі риси суспільного життя, *витворюючи* (дивись вище) дещо брутальну мовну стилістику міста.

Але мова міста в цій поетичній збірці А. Кузьменка багатопланова, з ліричною емоційною домінантою, *інтимізованими* картинками-ракурсами. Не випадково збірка відкривається віршем «Бути маленьким» – спогад з дитинства, «*давно минулий рай дитинства»* (за Н. Анісімовою): *«Сяду на вікно і подивлюся вниз, / Покличу своїх голубів і так, як колись, / Напишу і відправлю з ними довгого листа / До всіх і ні до кого, і розкажу в ньому вам».* І завершується інтимно рядками – *«Ніби близько, але так далеко. / Я дуже хотів би знову бути маленьким…»* [5, 3].

Цілком слушною є думка дослідниці урбанізованої прози С. Панчук, що *«…важливими стають не тільки суспільні рухи, а й унікальні історії окремих родин, … варто пам'ятати, що багато сучасних письменників – городяни в першому-другому поколінні. Тому особистий і родинний досвід також упливають на творчість»* [4, 173]. Окреме місце серед творів займає вірш з лаконічною назвою з трьох літер «Мам». Без сленгового нашарування, нейтрально, але з потужною емоційною домінантою 43-річний поет шукає ті єдині слова для мами – *«Я завжди мріяв написати пісню про маму, / Але різні поети всі слова вже сказали. / І я не хотів повторити когось із них.* І знову рефреном звучать слова з першого вірша – *Я біля своєї мами буду завжди маленьким, …Тому я їй і написав ці слова як міг».* І далі як передбачення: *«Хай буде біля тебе завжди ангел-хранитель / І я десь тут поряд буду також бродити, / Шоб не міряти наше життя в телефонних дзвінках»* [5, 166–167].

Однією з інтимізованих картинок-ракурсів є вірш, присвячений рідному місту Львову, *вуйку ґонуровому,* що з роками не старіє, а стає *колєгою,* однодумцем. Місто, де *по-галицьки говорять,* є рідною домівкою, малою батьківщиною. Львів А. Кузьменка є втіленням гармонійних відносин поета й урбанізованого простору, не обмеженого в часі – *Ми знову зустрілись, веди мене на каву, / Як 20 років тому, де костел на Привокзальній. / Сімка вниз, на Прогулянку повертає, / Дзеленькає сердито, бо все часу немає …* І далі прогулянка-спогад містом для утаємничених – *Я тішуся, шо з вами ходжу цими вулицями,* – тому доречні розмовні, *вуличні* назви улюблених пам'ятних місць: *Дівка-Левандівка, ратуша – крута чувіха, Сихів, стара Пекарська, Личаків, Стрийський парк,* – тому й утворюють локус [1] мистецької й духовної столиці не тільки Західної України, а й України в цілому, – *То є Львів, моє місто, не з простого*

міста, / Ліплений роками – друзями й ворогами. / То є Львів, старенький, мудрий, сивий дядько, / Кожному залишить кавалочок на згадку [5, 183 – 184].

Проведений аналіз ідіостилю А. Кузьменка (Кузьми Скрябіна) показує його неповторність, підкреслену експресивність у зображенні явищ сучасної поету дійсності. У поетичних текстах відбився міський соціальний діалект галицької молоді 1990–2000-их рр., шанувальників його творчості. У той же час відзначаємо у творах ліричну емоційну домінанту в інтер'єрі міста Лева, що є втіленням гармонії поета й урбанізованого простору. Поет – патріот своєї малої батьківщини, наголошує: *Ми – діти покоління з панельних будинків…* і завершує свою думку у вірші «Місто» – *Стереотипи з ніг валять – повзем. / В моєму місті є правда одна, / З домів панельних видно теж море з вікна.*

Тема дослідження є перспективною, оскільки мистецький талант Кузьми Скрябіна виявився також і в прозових творах, зокрема «Я, «Побєда» і Берлін». Спрозаїзовані елементи (конотації) мови урбанізованого міста можуть стати об'єктом нового дослідження.

Література

1. Доній, В. С. «Місто як текст»: соціокультурний та літературознавчий аспекти аналізу / В. С. Доній [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http: //litzbirnyk.com. ua/wp-content/uploads/2013/10/2. 4. 6. pdf. – Дата доступу : 11. 01. 2020.
2. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. – К. : ВЦ «Академія», 2007. – 752
3. Масенко, Л. Усні форми побутування мови. Явище вульгаризації мовлення / Л. Масенко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http : www.ji.lviv.ua/ n35texts/masenko-usni formy.htm. – Дата доступу : 11. 01. 2020.
4. Панчук, С. Паперові міста : сучасна українська урбанізована проза / С. Панчук // Дніпро. – 2016. – № 1. – С. 172 – 174.
5. Скрябін, Кузьма. Поезія / Кузьма Скрябін. – Харків : Фоліо, 2016. – 217 с.
6. Словник іншомовних слів / За ред. О. С. Мельничука. – К. : Головна редакція УРЕ, 1977. – 776 с.
7. Словник української мови : [в 11 т.] / АН Української РСР, Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні ; редкол. : І. К. Білодід (голова) [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1980. – Т. 11 : Х – Ь / ред. тому С. І. Головащук. – 1980. – 699 с.
8. Українська мова : Енциклопедія [Електронний ресурс]. – К. : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2000. – 752 с. –

L. M. Yaremenko, **M. S. Kazandzhyieva**
Sumy State University
e-mail: ludmila_yaremenko@ukr.net; m.kazandzhyieva@drl.sumdu.edu.ua

The language of the urbanized city in the poetry of Andriy Kuzmenko (Kuzma Scryabin)

Key words: urban spoken language, social dialect, iduostyle (individual author's style), slang, city locus.

The article is devoted to the problem of reflecting the language of an urbanized city in the poetry of A. Kuzmenko (Kuzma Scriabin). The main purpose of intelligence is to analyze the features of verbalization of the phenomenon of modern urban life, lexical and phraseological means of creating the image of the Lviv city within individual author's style.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азевич Ирина Петровна – соискатель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Алексеевич Евгений Викторович – преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Алхасов Яшар Камиль оглу – кандидат педагогических наук (доктор философии по педагогике), доцент кафедры практического русского языка и методики его преподавания, заведующий отделом практики и развития карьеры выпускников Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Бабаева Лала – докторант отдела лексикографии Института языкознания им. Низами Национальной академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Балло Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Береснева Анастасия Николаевна – магистрант кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Бобылева Лиана Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Боровко Ванда Юлиановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Булыня Анна Сергеевна – преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).

Вардомацкий Леонид Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Васильева Кристина Александровна – магистрант кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Воробьёва Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Гилевская Анастасия Юрьевна – магистрант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Российская Федерация).

Глазман Любовь Яковлевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Громенко Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация).

Грушова Людмила Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Гуль Мария Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).

Гусейнова Руслана Низамиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии СП ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».

Дедова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дзюбко Галина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин ФГК ВОУ ВПО «Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) имени генерала армии В. Ф. Маргелова» Министерства обороны Российской Федерации (г. Рязань, Российская Федерация).

Дорофеенко Марина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дружина Наталья Леонидовна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дубровина Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистических дисциплин Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Минск, Республика Беларусь).

Дудка Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дулова Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Зейналова Лалендер Хафиз гызы – докторант кафедры современного азербайджанского языка Бакинского славянского университета, директор средней общеобразовательной школы № 178 г. Баку (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Ильин Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и мировой литературы ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Имамгулиева Гюльдарья Фарман гызы – докторант кафедры методики преподавания английского языка Азербайджанского университета языков (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Казанджиева Марина Симеоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (г. Сумы, Украина).

Кажекина Людмила Викторовна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Климкович Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского как иностранного Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика).

Ковалёва Анна Владимировна – преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Королёва Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Российская Федерация).

Королькова Анжелика Викторовна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Российская Федерация).

Котомцев Дмитрий Олегович – студент 3-го курса филологического факультета специальности «Русский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого» (г. Тула, Российская Федерация).

Кураш Ирина Яковлевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Кушникова Юлия Александровна – студентка 4-го курса филологического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).

Лысенко Ксения Михайловна – студентка 5-го курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Российская Федерация).

Малышева Ксения Игоревна – аспирант кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Мамедов Насирага Шахмурад оглу – доктор филологических наук (доктор наук по филологии), профессор кафедры современного русского языка Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Маркевич Татьяна Александровна – выпускница филологического факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Маршевская Валентина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь).

Молодцов Алексей Борисович – ассистент кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и общего языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Нестерук Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Республика Крым).

Никитенко Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; докторант Белорусского государственного университета (г. Витебск, г. Минск; Республика Беларусь).

Овчинников Фёдор Валерьевич – преподаватель / ассистент кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Осипова Ольга Петровна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Остапчук Радмила Георгиевна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Петрачкова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Гомельского государственного медицинского университета (г. Гомель, Республика Беларусь).

Печенькова Анастасия Александровна – преподаватель кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Писарук Галина Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).

Подтынная Алла Аркадьевна – директор ГУ «Луганский учебно-воспитательный комплекс средняя специализированная школа I ступени-гимназия № 60 имени 200-летия г. Луганска», учитель-филолог высшей категории (г. Луганск).

Поправко Екатерина Александровна – преподаватель-стажёр кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Рудая Ксения Алексеевна – аспирант кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Российская Федерация).

Сердюкова Екатерина Ивановна – старший преподаватель кафедры литературы и межкультурных коммуникаций Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова (г. Могилёв, Республика Беларусь).

Синкевич Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь)

Слесарева Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Смирнова Виктория Николаевна – преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Витебск, г. Минск; Республика Беларусь).

Степаненко Снежана Михайловна – преподаватель-стажёр кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Степанова Надежда Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация).

Титаренко Елена Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».

Турковская Елена Веславовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Филипович Екатерина Леонидовна – университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Черниенко Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Черныш Елизавета Александровна – преподаватель-стажёр кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Шакурова Алеся Михайловна – преподаватель-стажёр кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Шевцова Людмила Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Шкатуло Наталья Михайловна – преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Шульгина Надежда Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация).

Яковлев Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Яковлева-Юрчак Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Яременко Людмила Николаевна – старший преподаватель кафедры языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (г. Сумы, Украина).

Научное издание

ГРАНИ ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сборник научных статей

Технический редактор *Г. В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Л. Р. Жигунова*

Подписано в печать 24.04.2020. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,66. Уч.-изд. л. 27,11. Тираж 15 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.